НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья и составление
В. А. Шошина

Подготовка текста и примечания
А. С. Морщихиной

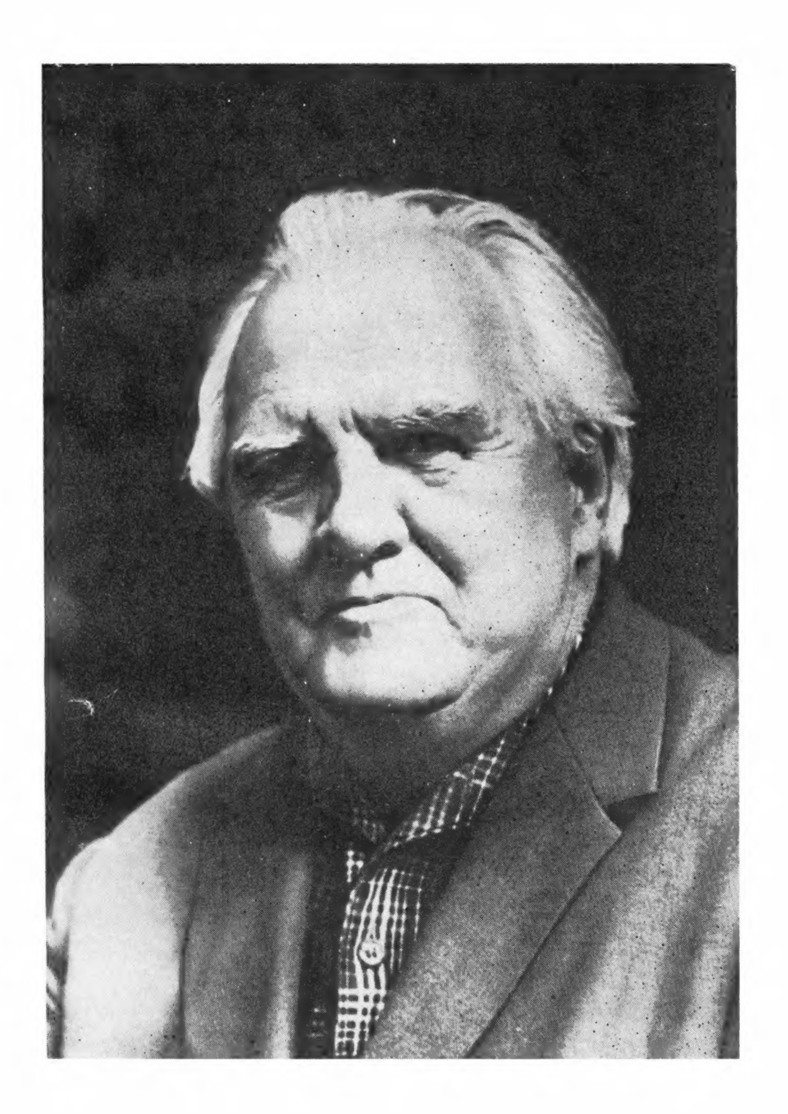
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1981

С6 2
Т 46

Настоящее издание — один из наиболее полных сводов поэтического наследия выдающегося деятеля советской литературы Н. С. Тихонова (1896—1979), лауреата Ленинской и Государственных премий, автора ярких поэтических сборников: «Орда», «Брага», «Тень друга», поэм «Сами», «Киров с нами» и др. Тематический диапазон поэзии Тихонова необычайно широк: гражданская и Великая Отечественная войны, мирное социалистическое строительство, национально-освободительное движение народов зарубежного Востока, борьба за мир. Идея пролетарского интернационализма и дружбы народов объединяет также переводы поэта (преимущественно с языков народов СССР).

В настоящем издании наряду с произведениями неоднократно публиковавшимися представлены малоизвестные стихи раннего и позднего периодов творчества Тихонова.

Т $\frac{70402-142}{083(02)-81}$ 436—81 4702010200

ПОЭТ РОМАНТИЧЕСКОГО ПОДВИГА

Николай Тихонов! Более полувека это имя звучало — и звучит ныне! — как боевой пароль романтики и героизма, как призыв к действенности, к творчеству, к борьбе за счастье человечества, за мир.

Велик вклад Тихонова в сокровищницу русской, советской и мировой литературы. Он зримо и ярко воспел героев революции. Стал одним из основоположников метода социалистического реализма. На собственном примере убедительно доказал плодотворность общественной деятельности для писателя. Творческой, общественной и переводческой работой содействовал объединению братских советских литератур.

Придя в литературу как поэт Октябрьской революции, поэт романтического подвига, Тихонов уже в ранних стихах прославляет величие мужества и героизма. Его захватывает желание воочию увидеть процесс социального переустройства мира. Он стремится запечатлеть черты борцов за свободу, подлинных героев нашего времени. «Я не умею равнодушно жить!» — мог бы каждый из них сказать словами автора.

Что же вдохновляет его? Чем пылает солнце его мировоззрения? Это — романтика, рожденная революцией. Это — энергия человеческого духа, высвобожденная Октябрем. Великое время дало настоящих героев — коммунистов. Романтика Тихонова выросла из жизненной почвы его народа и страны. Молодой автор уверенно вошел в число лучших поэтов России и на протяжении более полувека оставался одним из правофланговых — исключительный пример активного долголетия!

Теофиль Готье говорил когда-то, что поэт, в сущности, должен читать единственную книгу — словарь. Если бы Тихонову, любознательности которого хватало всегда на тысячи книг, предложили вы-

брать единственную, он предпочел бы, вероятно, атлас. Неутомимый путешественник, которого К. Федин назвал «советским Пржевальским», он побывал во многих краях и странах. Ленинские идеи дружбы и братства народов нашли в нем не только своего певца, но и ревностного пропагандиста, практического деятеля, о чем свидетельствуют литературные награды, которых он был удостоен (премии имени Тараса Шевченко, Джавахарлала Неру, Шота Руставели, Коста Хетагурова и другие).

Прав был Саади, сказав, что упрямое домоседство ушло недалеко от глупости. Истинный поэт не может замыкаться в четырех стенах кабинета. Поэт подвига, созидания, молодости, умудренный жизнью, он проходит перед нами «поседелый, как сказанье, и, как песня, молодой» («Цинандали»). Зоркий наблюдатель, он олицетворяет собой подвижнический образ поэта-гражданина, поэта-трибуна, поэта-землепроходца.

Более полувека Николай Тихонов, как один из основоположников социалистического реализма, разрабатывал наиболее значительные и актуальные темы современности, показывая пример выполнения гражданского долга. В начале 20-х годов он становится одним из крупнейших поэтов революции, поднимает в поэме «Сами» тему интернационализма и дружбы народов. Развертывается художественное познание бывших окраин страны — и снова Тихонов впереди как автор стихов о Туркмении и Грузии. Одним из первых начинает он работу по ознакомлению всесоюзного читателя с поэтическими сокровищами национальных республик, переводит грузинских поэтов. В книге «Тень друга» прозорливо предупреждает об опасности надвигающейся мировой войны. Война грянула — и снова он в первых рядах как автор поэмы «Киров с нами». Кончается война — именно Тихонов открывает новую страницу в освоении зарубежной темы...

Высокая страсть — ревнивое и нетерпеливое желание поделиться увиденным, услышанным, прочувствованным, продуманным — постоянно вела поэта от одного замысла к другому. «За стихами должна стоять большая жизнь мысли. Великие события, великие характеры...» [1] — говорил Тихонов перед открытием Первого съезда советских писателей. Следование этому девизу сделало Тихонова одним из крупнейших преемников основоположника советской литературы М. Горького. Недаром именно Тихонов был выдвинут на пост председателя правления Союза писателей СССР в трудные годы Великой Отечественной войны.

Поразительна творческая активность Тихонова — поразительна и широта его творческого кругозора. Революция и строительство со-

---

[1] «Звезда», 1934, № 6, с. 129.

циализма. Великая Отечественная война и национально-освободительное движение народов зарубежного Востока. Новостройки родного Ленинграда и борьба за мир. «Последуем за ним, — приглашает Ираклий Абашидзе, — к Ладоге и Финляндии, в Среднюю Азию и Кахетию... И снова дороги: Европа, Азия, Африка. Стихи, очерки, рассказы...» [1]

И еще — статьи. И еще — переводы. Киносценарии, рецензии, доклады, лекции, обзоры, мемуары. Разносторонность Тихонова не может не поражать. Поэт, новеллист, переводчик, Николай Семенович выступал постоянно и как деятельный редактор целого ряда изданий. Автор сурово-романтической книги стихов «Брага» и председатель Советского комитета защиты мира, героический летописец Великой Отечественной и певец Индии — все это один человек, многогранный, творчески неисчерпаемый.

Одна из особенностей творческого облика Тихонова заключается в том, что он является и поэтом и прозаиком. Первую свою литературную премию Тихонов получил не за стихи, а за рассказ «Сила» на конкурсе в Петрограде в 1921 году. Члены литературной группы «Серапионовы братья», в которую он вступил тогда же, некоторое время даже не подозревали, что их новый друг не только прозаик, но прежде всего и поэт. Первая поэма Тихонова «Сами» была опубликована в 1920 году, а первая повесть — «Старатели» — еще за два года до этого.

С тех пор едва ли не каждое выступление Тихонова как прозаика становилось значительным вкладом в советскую литературу. Таковы романтическая повесть «Вамбери», книга очерков «Кочевники», проза о Грузии и Осетии («Клятва в тумане» и «Симон-большевик»), блокадные «Ленинградские рассказы», — недаром в семитомном Собрании сочинений писателя проза занимает пять томов. Ленинскую премию он получил за книгу прозы «Шесть колонн». Тициан Табидзе считал, что Тихонов равноценен и как поэт, и как прозаик. [2]

И все-таки в общественном сознании Николай Тихонов еще с начала 20-х годов остался прежде всего поэтом! Достаточно сказать, что в 1925 году М. Горький назвал его первым и значительнейшим поэтом революции. [3] На фоне успехов в прозе его поэтические достижения выглядят еще более убедительно. И сколько их, этих замеча-

---

[1] И. Абашидзе, Поэзия братства. — «Литературная газета», 1966, 5 декабря.

[2] Т. Табидзе. Братство гениев народных. — «Правда», 1934, 31 августа.

[3] Письмо М. Горького Н. Тихонову от 25 января 1925 г. — Архив М. Горького. Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

тельных стихотворных книг — «Брага», «Поиски героя», «Стихи о Кахетии», «Тень друга», «Стихи о Югославии»...

В них живет самый дух эпохи — первых десятилетий строительства социализма, движения народов к новым социальным горизонтам. Поэт молодости, Тихонов словно был создан для того, чтобы запечатлеть весну человечества, молодость его коммунистической эры. Неустанный интерес ко всему новому, необычному всегда вел его по жизни и сообщал ему ту силу постоянного душевного обновления, которую он сам не мог не чувствовать в себе, уверенно предрекая: «...старости не будет» («Крутили мельниц диких жернова...»).

Великий Октябрь возродил веру в величие человека, прекрасного своими земными, но возвышенными свершениями. Молодой поэт увидел людей во всем блеске их нравственной силы. И он воспевал подлинных героев нашего времени, борющихся за свободу, преобразующих мир. Его влекли значительные события, большие характеры, которые он воспринимал в романтическом свете. Особенности его творческого метода хорошо характеризуют слова В. В. Воровского: «Поэт-романтик не просто воспринимает в художественных образах окружающий его мир, а воспринимает его в преувеличенных линиях, в сгущенных красках, в потенцированных формах. И воспроизводит он эти эстетические образы и эмоции не так, как воспринял их, а в свою очередь фантастически преувеличенно».[1]

Преданность идеалу, жизнеутверждающий пафос, мечта о великих свершениях, устремленность в будущее, вера в него, активное стремление к его приближению, содействие прогрессу человечества — все это черты романтических поэтов и их персонажей, и все это черты поэзии Тихонова. Для нее характерны масштабность героев, исключительность ситуаций, гиперболизация образов, символическая интерпретация реальности, патетическая речь, образные формулы неуспокоенности, взволнованности, энергии.

I

Николай Семенович Тихонов родился 3 декабря 1896 года в Петербурге в семье ремесленника. Он был свидетелем расстрела народной демонстрации на Дворцовой площади в день «Кровавого воскресенья». Суровы были эти впечатления ребенка: «На странно притихшей улице валялись всюду шапки, кепки, платки, калоши, перчатки, какие-то пакеты, палки... В переулках стояли шум и гам.

---

[1] В. В. Воровский, Максим Горький. — Соч., т. 2, М., 1931, с. 192—193.

Кричали от испуга, от негодования, от ярости».[1] То было 9 января 1905 года. То было уроком политграмоты для всей России — и также для восьмилетнего мальчика, который запомнил его на всю жизнь.

«Его воспитание не отличалось сентиментальностью» — эти слова Тихонова об одном из героев его повести «От моря до моря» можно отнести и к нему самому. Взрослые, обремененные будничными заботами, стремились направить энергию подростка в практическое русло. Но в такой обстановке скорее всего должен был вырасти целеустремленный труженик — впоследствии жизненная закалка пригодилась.

Как известно, у слов есть душа, но нелегко высечь из слов ее огонь. Талант необходим, но вместо того, чтобы осветить мрак, он может сам погаснуть, как оплывающая свеча. Что даст яркость пламени? Опять-таки глубина жизненных корней. Они необходимы не только прозаику, но и поэту. Сосредоточенность лишь на собственном еще не окрепшем творчестве может привести к замкнутости духовного пространства, в тесноте которого и погаснет пламя.

Драматическая действительность предреволюционной эпохи бурлила не только вокруг, но и в детском сознании будущего писателя. Она закладывала те нравственные основы, без которых не может быть духовно значительной личности. А цепкая память фиксировала те подробности бытия, умение схватывать которые и составляет, по Тургеневу, необходимую принадлежность таланта.

В Петербурге в период тихоновского детства развертывалось рабочее движение, именно здесь молодой Владимир Ульянов организовал Союз борьбы за освобождение рабочего класса. С осени 1906-го до начала 1907 года В. И. Ленин часто работал над своими произведениями в квартире преподавателя юнкерского училища, сочувствовавшего большевикам К. Ф. Неслуховского, будущего тестя поэта.

Юный Николай Тихонов не принимал участия в подпольной работе, не разносил листовки, как это делал, например, один из его будущих друзей поэт Владимир Ричиотти. Но его навсегда увлекли свободолюбивые идеи романтической литературы с ее цельными характерами, воспеванием мужества, честности, бескорыстия, человеколюбия. Здесь надо назвать романы Фенимора Купера и вспомнить мнение о нем Горького, отмечавшего воспитательное значение этих романов в становлении молодых русских революционеров.

Мальчик ходил в городскую школу на Почтамтской улице, потом в Торговую школу на Фонтанке. Но главным в его жизни были книги. Он родился в «литературном» доме: здесь бывали Пушкин и Шевченко, позднее жил Герцен. Да и квартира Гоголя была на соседней улице.

---

[1] Н. С. Тихонов, На всю жизнь... — Собр. соч. в 7-ми тт., т. 4, М., 1975, с. 360.

В домашней скуке даже блеск кастрюль казался праздничным. Но большой мир настоящей жизни, ничем не ограниченные горизонты сумела открыть книга. Великий город учил также патриотизму, чувству национальной гордости, вере в народ. С детства Николай Тихонов впитывал эту веру в будущее, сияющую со страниц Пушкина, Гоголя, Герцена, Льва Толстого.

«Тихонов, Сельвинский, Пастернак», — мы привычно повторяем эту известную строку Э. Багрицкого, но достаточно ли осознаем тот факт, что Тихонов не просто назван среди современных романтиков, но поставлен на первое место? Что творческие импульсы, исходившие от Тихонова, были излучениями романтической звезды первой величины? В предыстории Тихонова — имена Шиллера, Байрона, Гейне, Шелли, Гюго и, конечно, Пушкина, Лермонтова. Только в контексте мирового романтизма может быть достаточно глубоко понята тихоновская «поэтическая система мироздания» (выражение И. Бехера).

Неудержимая тяга к подлинному, истинному, светлому чувствуется уже в ранних стихах Тихонова. Его манят «песенки простые, Чистые, как воздух на заре» («Полюбить бы песенки простые...»). Он мечтает «ввести в разубранные залы Убогой улицы детей», чтобы были «рады солнечным потехам Их глаз святые васильки» («Пролетарий говорит»).

Патриотический порыв романтика побудил юношу Тихонова уйти добровольцем на фронт первой мировой войны. Но кровавая империалистическая бойня не могла открыть светлой перспективы. Мрачный колорит пронизывает стихи походной тетради «Жизнь под звездами» (1916—1917): «Словно хлора облако взлохмаченно, Повисает на кустах туман», «тяжко ехать лесом тем, пропитанным Йодистым дыханием тоски».

Под Каунасом и Ригой, под Молодечно и Даугавпилсом не встанут из могил погодки молодого гусара. Только тени их летят в черном окне воспоминаний, «как страницы, свиваемые костром». Но этот костер памяти неугасим. И навсегда поучительна история поколения, которое искало выхода из тесных окопов первой мировой войны.

Разрушая, империалистическая бойня «созидала» в Европе такой духовный климат, в котором формировалось поколение, выросшее для того, чтобы узреть всех богов мертвыми, всякую веру в человека поколебленной. Человек «потерянного поколения» стал в центре послевоенной мировой литературы, в творчестве Ромена Роллана и Бернарда Шоу, Дос Пассоса и Ремарка, Олдингтона и Муссинака. Однако не все писатели военного поколения пошли дорогой отчаяния (Анри Барбюс, Ярослав Гашек, Мате Залка). Для Тихонова «жизнь

под звездами» закончилась ярким рассветом — краснознаменным рассветом революции.

«Меня сделала поэтом Октябрьская революция», [1] — подчеркивал он. Вместе с тысячами ровесников встал Тихонов под ее знамя, на котором были слова о мире и труде. Семьсот гусарских сабель было поднято за него, когда полк выбирал солдатский комитет.

Вчерашний гусар становится бойцом Красной Армии. В революционном Петрограде он создает в 1918 году ряд стихотворений, часть которых составила книгу «Перекресток утопий». Он не приемлет «черные троны», предрекает гибель старому миру. Но отрицание — лишь один из основных мотивов стихов. Над падающей фигурой Банкира встает монументальный образ символического Рабочего. Его глазами поэт видит счастливое будущее России:

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ.
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенет.

(«О России»)

Уже в этих юношеских, в ту пору не опубликованных стихах, явствен вселенский пафос, который станет характерным для творчества Тихонова вообще. События русской истории он ощущает тесно связанными с судьбами всей Европы:

В изверившейся, немощной Европе
Мы первые строители-вожди.

(«Перекресток утопий»)

Более того. «Перекресток утопий» вынесен на просторы мировой истории. В стихотворении «Экспресс в будущее» автор изображает символический поезд, движение которого объединяет народы всей земли.

В ранних стихах отчетливо запечатлеваются характерные особенности поэтики Тихонова: лаконизм повествования, рельефность образов, афористичность мысли. Некоторые строки, будучи сгустками конкретных переживаний, приобретали обобщенный, расширительный смысл, многомерность, объемность:

Но умереть мне будет мало,
Как будет мало только жить.

(«Другу»)

---

[1] Н. Тихонов, Автобиография. — Избр. произв. в 2-х тт., т. 1, М.—Л., 1951, с. 10.

2

Изданные в 1922 году первые книги Тихонова «Орда» и «Брага» принесли ему широкую известность. Его приветствуют В. Брюсов, М. Горький, А. Луначарский. Отмечая «смелую самостоятельность» молодого таланта,[1] критики видят в нем «одного из крупнейших поэтов послереволюционной России».[2]

Основным вкладом Тихонова в современную литературу явились включенные в «Брагу» баллады. К этому жанру в его романтическом изводе побудил обратиться драматизм реальных исторических условий. Но поэт не просто взял балладу на вооружение — он обновил ее. Жанр романтической баллады связан с мрачной фантастикой, мистикой, демонологией (Жуковский, Лермонтов, Ив. Козлов). Типичные балладные образы появляются и у Тихонова — мертвые встают, ворон кричит, «как человек».

Но у Тихонова — и в этом его отличие от прежних авторов романтических баллад — драматизм не покорства судьбе, а ее преодоления. Да, человеку противостоят могучие силы, но воля и мужество одерживают над ними победу. Новаторским был и общий тон произведений: традиционному мрачному колориту баллады была противопоставлена жизнеутверждающая энергия:

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

(«Перекоп»)

В «Балладе о синем пакете» препятствия на пути героя возникают одно за другим, одно сложнее другого. Но сила воли героя неподвластна им. Она неподвластна даже смерти («Песня об отпускном солдате»). В «Балладе о гвоздях» главное, что подчеркивается автором, — верность воинскому долгу вопреки любым препятствиям и опасностям.

По-новому используется у Тихонова и свойственная балладе фантастичность. Сюжет движет всегда событие реальное — оно лишь стоит на грани невероятного, потому и кажется фантастическим. Фантастика же используется автором для выражения все той же мысли о непререкаемости воинского долга («Песня об отпускном солдате»).

---

[1] «Бюллетень книги», 1923, № 3, с. 58 (редакционный обзор новых книг).

[2] Георгий Березко, Н. Тихонов. 12 баллад. — «Печать и революция», 1925, № 7, с. 267.

И что еще существенно: в исключительном автор выражает типичное. Такова природа героизма у Тихонова.

Структура баллады у Тихонова стала лаконичней — «как телеграмма». Отсюда волевой ритм, фабульная стремительность, отрывочность, фрагментарность — как в обрисовке сюжета, так и в конкретных образах. Лаконизм раннего Тихонова, по любопытному наблюдению С. Наровчатова,[1] сродни лаконизму первых пролетарских декретов, которые в кратких формулах вмещали содержание поистине необъятное.

«Телеграфный» стиль обусловливает и предпочтительное употребление мужской рифмы — она увеличивает энергию стиха. Тропы, свойственные тихоновской лирике, здесь не нужны — они замедлили бы скорость ритма повествования. Четкостью и смысловой ясностью отличается и построение баллады — она предельно лаконична, отрывистые предложения передают императивность суждений. Сюжет компактен и строг: ни метафорической декоративности, ни лирической медитативности, все — как в приказе.

Поэт, экономя слово, увеличивает одновременно его емкость и меткость. «Путая ноги, сбегался народ» — с таким предельным лаконизмом и своеобразием передано волнение сбегающихся к упавшему самолету («Баллада о синем пакете»). «Но люди в Кремле никогда не спят» — баллада кристаллизует эпические ситуации в афоризмы. Командир не отпускает солдата к умирающей жене — не может отпустить перед решающим боем, однако он сам взволнован трагедией своего подчиненного. Автор (в «Песне об отпускном солдате») передает это так:

> Батальонный встал и сухой рукой
> Согнул пополам камыш.

Вот и все, но как много сказано этим жестом (сочувствие, замешательство, решимость). «И табак от крови прилип К рукам усталых солдат» — так передано напряжение боя.

Воспринимая лучшие литературные традиции прошлых времен, поэт опирается на почву действительности. В отличие от героев прежнего романтического искусства, его герои, обладая громадным духовным потенциалом, не являются личностями только исключительными. Напротив, выделяясь из окружающей среды, они одновременно слиты с массами, выражают их мечты и чаяния, борясь за них и вместе с ними. Традиционный для романтиков разлад с миром сменяется здесь стремлением к единению с ним. Не случайно персонажей Тихо-

---

[1] Сергей Наровчатов, «Праздничный, веселый, бесноватый». — «Новый мир», 1976, № 12, с. 250.

нова не разъедает рефлексия, они активны, действенны. Эту их черту сразу же отметил М. Горький,[1] подчеркнувший новаторский характер молодого поэта в обрисовке образа современника.

О чем бы ни писал поэт, его интересует формирование и проявление воли сильной личности, которая осознает необходимость своего непосредственного участия в народной борьбе. Следование долгу для героев — внутренняя потребность, духовная необходимость. Но как явственно выражается в них сам автор! Персонажи баллад — воплощение целеустремленности, дисциплинированности, преданности долгу. И все эти черты — черты самого Тихонова. Не только в лирике, но и в эпических жанрах поэт выражает себя, свое понимание жизни, свое отношение к людям и оценку человеческих качеств.

Современников не могло не поразить сходство героев баллад и их автора. Передать подвиги солдат революции молодому поэту удалось потому, что он сам шел их трудной дорогой — через окопы и разочарования первой мировой войны к правде большевистской партии.

Баллады справедливо принесли Тихонову репутацию ищущего новатора. Идейная направленность его баллад включалась в общее русло современной литературы. Ее герои не утратили в себе человеческое, но долгу они подчинили все. Революционный аскетизм нес в себе, однако, не отрицание романтики, а, наоборот, был обращен лицом к той реальной действительности, чей революционно-романтический порыв и составлял ее содержание («Разгром» А. Фадеева, «Гадюка» А. Толстого и другие).

Поэзия революционного подъема, воспевающая героев народной борьбы, высоту их духа, изображающая людей такими, какими они становятся, когда у них хватает решимости быть настоящими людьми, поэзия «Орды» и «Браги» была встречена современниками восторженно. «Такие вещи, как «Перекоп», «Баллада о гвоздях», «Баллада о синем пакете», может быть, лучшее, что есть у нас о суровых днях революционных войн»,[2] — резюмировал один из критиков тех лет.

3

Лирика — и поэма об индийском мальчике, баллады о русской революции — и стихи о Западной Европе... Нет ли поверхностности в этой широте, нет ли стремления отдать дань актуальным темам, не

---

[1] М. Горький, Письмо редактору бельгийского журнала «Зеленый круг». — «Жизнь искусства», 1923, 5 июня.

[2] Георгий Березко, Н. Тихонов. 12 баллад. — «Печать и революция», 1925, № 7, с. 268.

ощутив, однако, их в достаточной мере своими личными темами, не говорить о которых просто нельзя?

Вспомним Дом Искусств в Петрограде, где жил Тихонов в начале 20-х годов. Вечерами просторная комната в этом общежитии литераторов становилась дискуссионным клубом, где собирались молодые авторы, размышляющие о путях послеоктябрьской литературы, и писатели с именем, опытом и авторитетом — Ольга Форш, Александр Грин, Мариэтта Шагинян. Дом Искусств был не только писательским общежитием, но и центром литературной жизни. М. Горький именно здесь принимал Герберта Уэллса. Здесь Маяковский читал после поездки в Америку еще не напечатанную поэму «150 000 000». Здесь работали творческие студии, читались лекции, происходили встречи писателей с молодежью.

Жизнь в Доме Искусств била ключом, и, несомненно, такая творческая атмосфера не могла не оказать влияния на его обитателей. Это следует иметь в виду, говоря и о становлении творческой индивидуальности Тихонова. Еще свежи были в памяти раздумья Александра Блока о сущности поэзии: «...в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он «свое» и «не свое»; поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой». [1]

Блок писал о Древнем Риме, а думал о русской революции. Его выводы основывались на логике реальной жизни, к ним своими собственными путями не могли не прийти и другие его современники. Когда еще так тесно и непосредственно связана личность с общественными событиями, как не в дни революции? Драматизм и ответственность судеб в эпоху революционной ломки повышали ответственность художника необычайно круто.

Своему лирическому герою автор «Браги» придавал черты человека дела. Но за его поступками стояли глубокие переживания, их невозможно было скрыть, они выплескивались в стихах интеллектуальной насыщенности. И еще — поэтического дыхания, емкого и потому — сквозь все смысловые и речевые сложности — естественного. Такого дыхания хватает и на длинные периоды, которые не кажутся длинными опять-таки в силу естественности голоса и глубины чувства:

Ты написала на холодной льдине —
Не помню я, и лед и небеса
Не помнят тоже, что ты написала, —

---

[1] А. Блок, Катилина. — Собр. соч. в 8-ми тт., т. 6, М.—Л., 1962, с. 83.

Теперь та льдина в море, далеко
Плывет и дышит глубоко и тихо,
Как этот вечер в золотых осколках
Плывет в груди...

(«Лодка»)

Баллады порой заслоняют раннюю тихоновскую лирику, но ключ к ним — в ней. Автор двух книг занял место в ряду первых поэтов страны, потому что интуитивно угадал запросы читателей, точнее сказать — благодаря складу своего таланта оказался в состоянии ответить на них. Любовную лирику в ту пору вселенских катаклизмов презирали, отрицали и тем самым отдавали на откуп последышам декадентской поэзии, эпигонским виршеплетам, а то и просто ремесленникам и халтурщикам, спекулировавшим на тоске читателей по лирике простых и естественных личных чувств. Образовавшийся вакуум не мог оставаться незаполненным. И историческое значение лирики Есенина и Тихонова первой половины 20-х годов заключается в том, что они повернули людей «лицом к стиху».

Революция, провозгласив социальное освобождение, принесла и духовное освобождение личности. Но если свергнуто вселенское рабство миллионных масс, то как же не бросить в очищающий костер и любовное подчинение? Вот почему постоянен в тихоновской лирике мотив борьбы характеров, которые не ждут преклонения, но и не хотят зависимости. Уходя из мира стяжательства и собственничества, герой оставляет там и эгоистические притязания. Он не кинется с ножом или винтовкой на соперника, к которому ушла его возлюбленная. Он страдает, но не обвиняет ее, так как признает и ее право на свободу чувства и выбора.

Эта свобода не имеет ничего общего с беспринципностью, распущенностью. В том-то и заключается нравственное величие такой свободы, что она дает простор всему человечному в человеке. Любовь свободна, но свобода требует ответственности чувств. Вот почему так высоко ценят герои Тихонова искренность, преданность, верность. Это высокий нравственный уровень взаимоотношений, отход от которого выводит человека за грань человеческого. Но как же дорого то, что достается лишь путем нравственного подвига! Настоящая любовь, непокупаемая и неподкупная, дороже всего на свете и всюду на свете — она: «и на глине, и на алмазе Рука твое имя всегда найдет» («Еще в небе предутреннем и горбатом...»).

Противостоя моральному упрощенчеству, духовному нигилизму, лирика Тихонова содействовала складыванию новых общественных отношений, выработке новых норм морали. Устремленная в будущее,

лирика «Браги» в 20-е годы (да и позднее!) сыграла большую роль в борьбе за человеческое в человеке.

А. Селивановский назвал первые книги Тихонова «единственным явлением в мировой поэзии»,[1] имея в виду жизнеутверждающий характер стихов одного из представителей того поколения, которое на Западе, вернувшись с мировой бойни, оказалось «потерянным». Но ранние книги Тихонова исключительны и с других точек зрения. При всей их тематической широте в них нет пестроты и разбросанности. Тихонова упрекали за то, что в некоторых его ранних стихах было отражено представление о революции как о процессе стихийном, что, впрочем, было свойственно многим писателям в ту пору (Вс. Иванов, А. Малышкин, Б. Лавренев). Важнее другое: отвергая путь лозунговой публицистичности, схематического упрощенчества, молодой автор четко определял основное направление своих творческих устремлений. Революция для него — не тема, а мировоззрение. И весь его «строчечный фронт» объединен общей идеей, общим «направлением удара».

В первых книгах Тихонова были отражены впечатления от мировой и гражданской войн. Но вскоре в права вступает уже послевоенная реальность, обозначая новый конфликт — между высокими идеалами и мелочным бытом. Для самого поэта быт мало что значил, он не признавал его власти — ни материальной, ни нравственной. Однако социальные контрасты периода нэпа бросались в глаза. Именно в те годы в стихах Тихонова начинают варьироваться образные формулы романтической неуспокоенности: «Я не верю законам покоя». Стремясь «свежесть занозить», поэт приветствует «чудный эликсир неизвестности», его влечет «темный жар предчувствий», он ратует «за ветер, против духоты». Тихонов не отступает перед «птичьими потрохами» нэпа, готов «перетряхнуть зимовье». В его поэзии активизируются, становятся постоянными романтические образы ветра, песен, свежести: «под свежим мирным знаменем»; «за свежесть — наш стакан».

Красота человека — в свободе, характеризуемой богатством духовного начала. Молодой поэт принимает эту заповедь романтического искусства. Романтическим является также декларируемое им превосходство духовного богатства над материальным. Разрушая старое общество, революция разрушает и присущий ему «принцип»

---

[1] А. Селивановский, В литературных боях, М., 1963, с. 469.

эгоизма, корысти, стяжательства, — его смело одолевает устремленное в будущее гуманистическое чувство всечеловеческого братства. Поэт бичует мещанство и обывательщину, которые в годы нэпа способны были, казалось, взять реванш.

В стихотворениях «Гулливер играет в карты», «Ночь в гостях», «Над стадионом Ленина...», «Между прочим» и других отражены раздумья поэта о социальных коллизиях периода нэпа и проблеме мещанства. Стихи того времени, сгруппированные в циклы («Городской архипелаг», «Иронические стихи»), составили четвертую книгу поэта «Зверинская, 2» (адрес автора), издание которой не состоялось. Но стихи, предназначавшиеся для нее, и теперь интересны своеобразием идейно-эстетических поисков автора.

Смятенность чувств перед стихией разгулявшегося было мещанства характерна для ряда поэтов начала 20-х годов (С. Есенин, Н. Асеев, Э. Багрицкий, В. Кириллов и другие). Общий вывод Тихонова в циклах 20-х годов, однако, оптимистичен: он верит в созидательную силу революции, обращается к изображению коллективного труда на благо народа. Интересно образное воплощение темы: в стихотворении «Гладиатор», например, олицетворением мещанства явился образ вепря. «Нет сомнения, — писал Н. Коварский, — в этих драматических ситуациях, связанных с образом поэта — героя лирических стихотворений, — очевидны элементы литературной условности, стилизации, несколько наивного романтизма».[1]

Период после выхода «Браги» был временем напряженных творческих исканий. После 1922 года, когда были написаны в основном все баллады, Тихонов в значительной мере обновляет свою манеру письма. «Афганская баллада» (1923) отличается от других баллад, написанных чуть ранее, своей ритмической свободой, сменой стихотворных размеров, прозаизацией поэтической речи. Автор отказывается от единообразия ритма, в большей мере подчиняя его логическим ударениям, изменяет лексику и стиль в пределах одного стихотворения, меняет ракурсы повествования.

Стихи Тихонова стали темой специальной дискуссии на страницах ленинградской «Красной газеты». Обвинение поэта в формалистичности творческих поисков получило решительный отпор со стороны И. Оксенова, В. Саянова, В. Друзина. Отмечалась подчиненная роль художественных приемов исканиям идейным. Борьба за совершенствование формы была для Тихонова борьбой за наиболее убедительную реализацию крупных творческих замыслов.

«Брага» была издана на деньги, полученные от продажи фронтового седла. Начались мирные будни. Но «не может сердце жить

---

[1] Н. Коварский, Николай Тихонов, Л., 1935, с. 20.

покоем» (А. Блок). Тихонов и в мирной квартире чувствовал себя, по выражению Н. Асеева, как бы поставленным на временное жилье солдатом.

Поэта влекут республики Кавказа и Средней Азии, где строительство социализма приобретало своеобразные формы. Начинается новый этап в биографии Тихонова — творческое освоение инонациональной действительности. В 1923 году он едет в Новороссийск, пишет первые стихи о Кавказе — цикл «Юг». Маршрут лета 1924 года — Военно-Грузинская дорога, Тбилиси и его окрестности, Армения, снова Новороссийск. В августе 1926 года Тихонов странствует по горам и кишлакам Узбекистана и Туркмении, в пустыне и горах Копетдага, бродит пешком и через Красноводск отправляется в Баку. Много было всяких приключений в этом путешествии.

Странствия середины 20-х годов быстро дали свои результаты. Только 1924 год принес Тихонову помимо поэмы «Лицом к лицу» поэмы «Красные на Араксе» и «Дорога» — концентрированные сгустки напряженных раздумий о судьбах революции, о строительстве новой жизни в республиках Востока.

В поэме «Красные на Араксе» Азия прошлого принимает разные обличья: «...Легкий клинка визг, Крашеный звон купцов, Крылатая мышь задела карниз...» Однако все это — образы прошлого, в котором даже звезды обречены на «косоглазие». У старой Азии только один путь — путь колониального порабощения. Но «перед азийской глубью племен, объятых ленью», Страна Советов возникает как вдохновляющий пример, как побуждение к действию.

Не менее колоритна и поэма «Дорога». Это своего рода стихотворный дневник путешествия автора по Военно-Грузинской дороге, который отражает и современный процесс строительства социализма, и события гражданской войны, который соединяет эпическое развитие темы с лирическим ощущением увиденного и пережитого.

Так, энергично начавшись, не менее энергично продолжилась первооткрывательская роль поэзии Тихонова. Вместе с Маяковским и Демьяном Бедным он образно запечатлел великую революцию. Вместе с Блоком и Есениным утвердил правомочность и даже необходимость лирики в революционную эпоху. А затем стал во главе русских советских поэтов-ориенталистов, постоянно радуя многочисленную аудиторию живописанием своих впечатлений при возвращениях в Ленинград из дальних поездок.

Тихонову было что рассказать. Когда в 1930 году писательская бригада отправилась в Туркмению, ее участники соревновались: кто больше всех поведает интересных случаев, но только из собственной жизни. Ехали семь дней. По количеству рассказанных историй Николай Семенович оставил всех позади.

Романтические традиции «Браги» остались основополагающими для Тихонова. Но поэт не стоит на месте, его творческие поиски напряженны и постоянны. Дальнейшее осмысление революции находим в поэме «Лицом к лицу» (1924). Героика революционной борьбы связывается с динамизмом мирного строительства, проблемы которого начинают глубоко волновать автора. Произведение четкой идейной позиции, поэма «Лицом к лицу» противостояла упадочным настроениям некоторых поэтов в годы нэпа.

В поэме продолжена тема Ленина, начатая Тихоновым в поэме «Сами». Поэма Маяковского о Ленине еще не была написана. «Лицом к лицу» — первый эпический отклик на смерть вождя. Автор утверждает необоримость революционных ленинских идей. Эта тема развертывается и в поэме «Выра», созданной к 10-летию Октября (1927).

Книга стихов «Поиски героя» (1927) явила Тихонова поэтом открыто тенденциозного, гражданственного звучания. Художественные образы получают здесь злободневное политическое наполнение. В стихотворении «Атлантический вал предо мной не кипел. . .» налицо прямое противопоставление двух политических систем, двух миров. «И нет человека, растущего весело, А есть человек — рычаг и болт»; «Он скорость родил, а раздавлен горой, Горой стоячей усталости» — эти тихоновские строки можно поставить эпиграфом ко всей последующей обличительной публицистике советских авторов, вскрывавшей человеконенавистническую сущность капиталистического уклада.

«Черной ночи Америки» противостоит образ увлеченной трудом, уверенно идущей в будущее социалистической Родины. Критический пафос «Поисков героя» в стихах о загранице дополняется позитивным изображением советской действительности. Темы труда, трудовой деятельности человека, поисков в ней себя, самоутверждение личности и социального смысла жизни были поставлены в центр книги уже ее названием — названием одноименного стихотворения, в котором автор сосредоточил свои размышления о подлинном герое современности, герое трудовой романтики.

В цикле стихотворений 1928—1930 годов, названном «Люди работ», Тихонов воспевает рядовых свершителей трудового подвига — агронома, журналиста, рабочего, летчика. Стихи эти не были свободны от излишней усложненности формы, но критика приветствовала стремление поэта передать трудовой пафос советской действительности. Героика революции продолжается здесь в героике строительства — так развиваются в обстановке мирных будней романтические традиции «Браги».

В 30-е годы в результате поездок Тихонова на Кавказ и в Среднюю Азию советская литература обогащается книгой очерков «Ко-

чевники» (1930), повестью «Клятва в тумане» (1932), рассказами и очерками о Грузии, Осетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии. В цикле стихов «Юрга» (1930) Тихонов передает революционный пафос социальных преобразований в Средней Азии, рисует образы современных героев («Ворота Гаудана», «Фининспектор в Бухаре» и другие).

Тихонов смело входит в мир инонационального фольклора. Уже в «Юрге» автор опирается на традиции восточных литератур («Старый ковер»). Свое знакомство с ними он углубляет, переводя образцы грузинской, чеченской, дагестанской народной поэзии. Среди его несомненных переводческих заслуг — перевод из грузинского «Амираниани». Примечательна «Песня горцев времен борьбы с феодалами» с ее энергичным рефреном: «Мы родились той ночью, когда щенилась волчица».

Цикл «Юрга» был отмечен успешным проникновением в инонациональную стихию. Однако для Тихонова характерно не столько изображение устоявшегося быта, сколько отражение новых форм социальной жизни. В «Стихах о Кахетии» (1935) изображается жизнь уже в новой социалистической Грузии. Земля трудолюбивых крестьян, чистых сердцем виноделов и пастухов, песенников и охотников, Грузия запечатлевалась во всем разнообразии народного быта. Противоречие между бытом и героикой, стоявшее в центре внимания литературы 30-х годов, находит разрешение в «Стихах о Кахетии» в сфере народной жизни.

Рецензируя «Стихи о Кахетии», критики напоминали о том, что грузинская тема издавна разрабатывалась русскими поэтами, прежде всего Пушкиным и Лермонтовым. Тихонов воссоздал пушкинско-лермонтовское ощущение Кавказа героического. Но у него нет былого противоречия между вольным романтическим Кавказом и тусклой реальной действительностью крепостной России. С обыденностью повседневного быта сочетается приподнятость сегодняшнего социального творчества. Романтика и реализм соединяются органически.

В ходе работы над грузинским материалом автор, по его словам, как бы сам стал грузинским поэтом. В самом деле, «Стихи о Кахетии» демонстрируют умелое усвоение поэтических традиций того народа, о котором пишет русский автор. Тихонов почерпнул из грузинской поэзии свойственную ей «громадную искренность», под ее влиянием освободился от своей приверженности к излишне усложненному стиху. Обретя простоту, тихоновский романтизм укрепил свою монументальность, что также обусловлено связью с грузинской традицией. Образ странника, становящегося лирическим героем цикла, в основе своей органичен для Тихонова, но в данном контексте характерные его черты подсказаны также грузинской традицией.

Опыт работы над «Стихами о Кахетии» впоследствии был использован при создании книги стихов «Грузинская весна» (1948).

Интернационалистские принципы русских классиков, революционных демократов (Пушкин, Лермонтов, Чернышевский, Добролюбов, Герцен) нашли в Тихонове горячего приверженца. И вполне закономерно, что, становясь певцом интернационализма, он не отдал дани нигилистическому отрицанию регионально-национальных традиций, что было, к сожалению, характерно для целого ряда его современников.

5

Приветствуя участников Дней советской литературы в Грузии, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе подчеркнул, что «постоянное увеличение роли и значимости взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур является одной из наиболее характерных черт современного литературного процесса».[1] У истоков этого действительно характерного для нашего времени явления Тихонов стоит как один из творцов единства многонациональной советской литературы.

«Я люблю свою советскую Родину, — писал Тихонов, — за то, что она дала мне чувство необъятной семьи, гигантского родного дома: куда бы я ни поехал, в юрте казаха, во льдах Арктики, в городах севера и юга, в домике грузинского крестьянина, в сакле таджика-горца, в молдавском винограднике или в латышском лесу, в литовской деревне, в Ереване и Владивостоке, в Москве и Киеве, не говоря о Ленинграде, — всюду я дома. . .»[2]

Так оно и было! В любую нашу республику идущий с добром и открытым сердцем Николай Семенович входил как друг, как свой человек. И что еще необычайно характерно для него — щедрая дружеская отдача, творческая отзывчивость на гостеприимство. Для популяризации творчества народов СССР он сделал чрезвычайно много — как прозаик и очеркист, как критик и литературовед, как поэт и переводчик.

Октябрьская революция расковала творческую энергию многонациональных масс. Но как могли бы встретиться узбекская литература и грузинский читатель, грузинская поэзия и обширная аудито-

---

[1] Э. А. Шеварднадзе, Интернационализм — знамя многонациональной советской литературы. — «Дни советской литературы в Грузии» (специальный выпуск), Тбилиси, 1978, 27 октября — 2 ноября.

[2] Н. Тихонов, Автобиография. — Избр. произв. в 2-х тт., т. 1, с. 10.

рия России без помощи квалифицированных переводчиков? Переводческому делу, особенно после создания в 1934 году Союза советских писателей, было придано государственное значение. Авторитетные силы направлялись на тот или иной «горячий участок». Так, при подготовке к юбилею Тараса Шевченко обнаружилось, что его творчество представлено всесоюзному читателю недостаточно полно. Работа над новыми переводами произведений Шевченко, в которой принял участие и Тихонов, стала большим литературно-общественным событием.

Еще в 1926 году в статье «Весло и лопата» Тихонов рекомендовал молодым авторам работать над переводами. Очень скоро он сам показывает пример переводческой деятельности. Известно, как увлекала его поэзия кавказских народов. Особенно пленил его Батырай. Он просил прислать ему в Ленинград рукопись стихов дагестанского поэта, чьи стихи он публикует в журнале «Звезда», хлопочет об издании стихов Батырая отдельной книгой. На переводческой палитре Тихонова появляются эмоциональные краски Махмуда из Кахаб-Росо, язвительная усмешка Гамзата Цадасы...

После Первого съезда советских писателей (1934), на котором Тихонов выступил с докладом о современной поэзии, он два месяца провел в Грузии, перевел две с половиной тысячи строк грузинских поэтов. Так начала складываться грузинская антология Тихонова.

Верность передовым народным традициям — таково несомненное достоинство авторов, включенных в нее. Перед нами — энциклопедия мысли, мужания социального сознания грузинского народа. «Букинист», «Старое пальто» Валериана Гаприндашвили — этим стихотворениям, живописующим прежний быт, сопутствуют энергичные ритмы Раждена Гветадзе («Сестры Мерквиладзе»). Стихотворения «Последний день Кецховели» Александра Гомиашвили, «Воспоминание» Николо Мицишвили изображают уже новую Грузию, Грузию революционного подъема. В стихотворении Сандро Шаншиашвили «Единственный сын» воссоздан образ В. И. Ленина.

Обширно в тихоновской антологии представлены годы социалистического строительства в Грузии: «Рапорт партии» Сандро Эули, стихи Галактиона Табидзе из книги «Эпоха», «Хорта» Алио Мирцхулава. Новаторски смело входят в грузинскую поэзию социально обобщенные формулировки. «Пот не просыхал на наших лицах, Этот жемчуг завтрашнего дня!» — полемически восклицает Георгий Леонидзе («Стих мой — это дело моей жизни»).

В «Посвящении сванской комсомолке» Симон Чиковани нарисовал образ молодой грузинки, которая хочет стать санитаркой, помогать бойцам, защищающим наши границы. Написанное в предвоенное время, это стихотворение стало пророческим: многие грузинки ушли

на фронт. В грузинской поэзии тема войны стала темой боевого братства народов. Собственно, провозвестником дружбы в грузинской поэзии — и в тихоновской антологии — был еще Тициан Табидзе. Он пропагандировал уже воплощенные в реальной жизни идеи ленинского интернационализма («Дагестанская весна», «Сбылась мечта поэтов. . .», «Автодор пустыни», «Поездка на Алагез», «Здравица»).

Тихоновские переводы грузинских поэтов — золотые страницы русской поэзии. Но это лишь часть его переводческого наследия. Он познакомил русского читателя с лучшими достижениями литератур Азербайджана и Армении, Туркмении и Узбекистана, Кабардино-Балкарии и Дагестана, Литвы, Украины, Таджикистана, Осетии. Он перевел стихи Шандора Петёфи, и это явилось весомым вкладом в дело укрепления дружбы между народами СССР и Венгрии.

Важно подчеркнуть, что работа над переводами для Тихонова органически входит в комплекс его творческих устремлений вообще, которым всегда было присуще проникновение в инонациональную стихию. Показательна в этом отношении уже ранняя поэма Тихонова «Сами». Далекая Индия была для него страной за семью печатями, и тем не менее он сумел найти путь к ее художественному постижению. Автор передавал в поэме колорит народной жизни, особенности мировосприятия героя, образность и мифологичность его мышления. Реальная действительность братских республик давала ему несравненно бóльшие возможности в раздвижении инонациональных горизонтов — поэт-интернационалист не замедлил этим воспользоваться.

6

Когда задумываешься над природой творчества Тихонова, видишь богатые преимущества писателя, способного работать и в поэзии и в прозе. Прозаик, как правило, не часто бывает поэтом, но и далеко не каждый поэт способен проявлять себя в прозе. Его творческая энергия уходит в образ, проза же требует и расширенного воспроизведения быта. Но и в прозе Тихонов не теряет своих достоинств поэта, наделенного исключительной силой художественной изобразительности. Более того, именно в прозе его дар, не стесненный условностью стиховой формы, как бы вырывается на оперативный простор.

Проза как бы помогала поэзии: избегая отложений «академического жирка» на стихе, Тихонов уходил на время в прозу, возвращался к поэзии вновь обновленным. С горячностью говоря о поэзии, Николай Семенович всегда обращал внимание на богатые возможности прозаических жанров. Широко известные очерки Тихонова военных лет, собранные в книге «Ленинградский год», передают героизм

ленинградцев на высокой волне образного пафоса. Ветер с Ладоги летит как «ветер новых вестей». Электрическая лампочка, которая зажглась после блокадной зимы, становится символом победы света над мраком.

Осколок снаряда отбил и унес в Неву лапу у сфинкса, — но тот все так же, прищурив глаза, смотрит в невский простор, и только шрам от раскаленного удара остался на его лице... На памятнике на площади Жертв Революции другой фашистский осколок перечеркнул надпись «Они пали, не жалея жизни, за род человеческий», но живы преемники борьбы и славы павших, полные решимости окончательно освободить народы от любого угнетения... Город, необычайно насыщенный культурно-исторической символикой, блокадный Ленинград как бы сам подсказал Тихонову соответствующий образный строй, но нужен был романтический взгляд Тихонова, чтобы символически осмыслить известное многим.

Романтический взгляд... Писатель стремится подметить черты романтики в самых бытовых положениях, показать, как способны развиваться ростки героизма, заложенные в душе едва ли не каждого человека. Писатель как бы расширяет пределы того, что видно непосредственно, расширяет рамки времени и пространства. Потому и в бытовом контексте для него обычны явления исключительные. Подобное отношение к жизни не может не сказаться на общей идейно-эстетической позиции: она четка, в ней нет неопределенности. Художник любит яркие, сильные, психологически ясные характеры.

Не будь глаз солнечным, как мог бы он увидеть солнце? Истоки поэтики — в структуре личности поэта. Тихонов и сам был сродни древним скальдам, ушедшим в былину рунопевцам. Чувствуя романтическую необычность его натуры, о нем самом слагали легенды. Даже совсем недавно в одной из юбилейных статей было сказано, что Николай Семенович воевал революционным матросом на Балтике, чего в действительности не было...

Алый парус романтики влек Тихонова по безбрежному океану истории литературы. Пытливый интерес к проблемам художественного творчества с юных лет стал его всеобъемлющей страстью. «А с какой жадностью, любознательностью читал он вслух стихи самых разных поэтов всех времен! — вспоминал Николай Браун. — И *как* читал! Не читал, а *открывал* заново многое даже в том, что казалось уже известным. Это было какое-то своеобразное *изучение* поэзии, *проникновение* в нее». [1]

Действительно, стремясь постичь сущность творчества, Тихонов

---

[1] Николай Браун, Наши встречи. — В сб. «Творчество Николая Тихонова», Л., 1973, с. 401.

становится настоящим исследователем-аналитиком. Ему открыта литературная летопись всех времен и народов, он пишет о Руставели и Мицкевиче, о Навои и Низами, об Аветике Исаакяне и Коста Хетагурове. Разделенные сотней лет и тысячей километров Мирза Фатали Ахундов и Фаиз Ахмад Фаиз встречаются благодаря ему как братья.

Об одном только Пушкине Тихонов пишет многократно, по разным поводам, вновь и вновь возвращаясь к его творчеству, подходя к нему с разных сторон. То он говорит о «разумной краткости» великого поэта, когда все очень скупо, точно и держится не на метафорической живописности, а на огромном внутреннем напряжении. То он рассуждает о пушкинских традициях в советской поэзии, привлекая к разговору массу стихов, — тут Берггольц и Ахматова, Есенин и Пастернак, Асеев и Корнилов, Багрицкий и Заболоцкий, Луговской и Антокольский, Саянов и, конечно, Маяковский.

Интерес к Пушкину не был интересом академическим — в нем нашел конкретное выражение интерес Тихонова к классическому наследию, ставший характерной чертой его творческого облика. Уже в «Браге» определилась пушкинская традиция «всемирной отзывчивости». Профессор Н. Яковлев вспоминал, как при знакомстве с автором «Браги» у них завязался разговор о Пушкине. Литературовед был приятно удивлен, что его молодой собеседник оказался не только поклонником Пушкина, но и знатоком специальной литературы о нем. [1] Вульгарные социологи вслед за футуристами призывали сбросить Пушкина с парохода современности, а Тихонов видел в нем великого национального поэта. Вскоре по приглашению Тихонова профессор читал у него в квартире на Зверинской улице доклад «Пушкин и Кольридж».

Ощущение преемственности в использовании традиций русской классики крепло с годами. Так, несомненно воздействие на Тихонова творчества Лермонтова, в котором он еще подростком чувствовал наследника декабристов, борца и протестанта.

В 20-е годы в поэзии Тихонова появляется созвучный лермонтовскому образ паруса как символ романтической устремленности в будущее. В письме Тихонову в 1925 году М. Горький сопоставляет его с Лермонтовым. Позднее, анализируя поэму «Киров с нами», А. Толстой отмечал сходство автора «с его великим учителем Лермонтовым». [2]

Пушкин и Лермонтов — самые близкие Тихонову из его поэтических учителей. Но в его творческую биографию входят также имена А. Блока, К. Батюшкова, Е. Баратынского, на глубинную связь

---

[1] Николай Яковлев, В 1923 г. — В сб. «Творчество Николая Тихонова», с. 394.

[2] А. Толстой, Николай Тихонов. — «Правда», 1942, 21 апреля.

с которыми указывают уже эпиграфы к тихоновским книгам «Орда», «Брага», «Тень друга». Своими балладами Тихонов перекинул мост преемственности почти через весь XIX век. Одно из его стихотворений посвящено Некрасову. Тихоновский восторг перед природой Кавказа воскрешает в памяти пылкий образ А. Бестужева-Марлинского, стихи о Тбилиси заставляют вспомнить Я. Полонского.

Поэзия Тихонова — преемница не только собственно поэтических русских традиций. Множеством ассоциативных нитей она связана и с классической отечественной прозой, и вообще с историей русской общественной мысли. Гротескные образы «Поисков героя» восходят к петербургским фантасмагориям Гоголя. Кавказские струны Тихонова благодарно отозвались на апофеоз гор в «Казаках» Льва Толстого.

Уже своими первыми книгами поэзия Тихонова входит в контекст и мировой литературы, прежде всего англо-американской. Еще в юности поэту был созвучен Уитмен с его вселенским размахом и гуманистическим приятием мира. Ему близок как мастер балладного жанра Роберт Бёрнс — своим пониманием балладного стиля и опорой на разговорный язык. Немецкий исследователь находит сходство «Баллады о синем пакете» с шиллеровской «Порукой». [1]

В литературной практике большое значение имеет не только наследование традиций, но и полемика с ними. Еще в поэме «Сами» начался принципиальный спор Тихонова с Р. Киплингом, талантливым бардом британского колониализма. Отзвуки этого спора находим в целом ряде стихотворений — «Интервенция на севере», «Англия», «Афганская баллада», «Индия в Москве», «Лоуренс». Советский поэт не принимал киплинговского противопоставления Запада и Востока, вскрывая социальные пружины исторического развития, показывая единство мира как содружества равноправных наций.

Вспоминая одну из своих первых фронтовых бессонных ночей 1939 года, Тихонов говорил, что он думал тогда о сложности нашего времени и о строгой ответственности перед ним. О том, что каждый поэт должен быть прежде всего гражданином и солдатом. Но он не должен забывать при этом о всем богатстве культуры человечества, должен чувствовать себя наследником ее. Эта идейно-эстетическая программа была воплощена в жизни и деятельности самого Тихонова. Талант дал ему лишь исходную точку опоры. На ней возникла интереснейшая фигура русской и мировой литературы.

В 30-е годы Тихонов занимает достойное место среди прогрес-

---

[1] Ingrid Schäfer, Zu diesem Buch. — В кн.: N. Tichonow, Wie Diamanten fallen die Sterne, Berlin, 1976, S. 115.

сивных писателей мира, борцов против фашизма (Р. Роллан, И. Бехер, Г. Манн, П. Неруда).

В повести «Вечный транзит» тихоновский персонаж писатель Нарастаев работал по шестнадцать часов в сутки, предпочитая хорошо написанную страницу обществу даже немногих друзей. Одержимость, особенно в искусстве, заслуживает уважения, но не было ли отшельничество Нарастаева признаком узости таланта? «Расстояние между ревнивым искусством и повседневной жизнью увеличивалось так быстро, как вода между пристанью и отходящим пароходом. Он не пугался этого». А этого-то и надо было бояться — жизнь мстит за уход от нее.

Общительность Тихонова, эта его «верховная страсть», по выражению П. Антокольского, не в пример Нарастаеву, в широкий круг его друзей вводила литераторов и нелитераторов разных городов и стран. Общественно-организаторскую жилку Тихонова еще в середине 20-х годов угадал М. Горький. В феврале 1925 года он рекомендовал А. Воронскому привлечь Тихонова к литературно-общественной работе. Затем включил его в редколлегию журнала «Литературная учеба», в редколлегию «Библиотеки поэта», поручил выступить с докладом о поэзии на Первом съезде советских писателей.

Во второй половине 20-х годов Тихонов становится членом редакционной коллегии журнала «Звезда», где заведует отделом поэзии. Редакция в ту пору ютилась в двух комнатах, была своеобразным писательским клубом. Отвергавшему канцелярщину Тихонову по нраву была непринужденность обстановки. Посетителей он принимает не в мягком кресле, а сидя на подоконнике. Однако клубная обстановка не отвлекает Тихонова от исполнения редакторских обязанностей. Поступающие в журнал стихи он берет домой, внимательно читает, на каждую рукопись пишет отзыв.

Впрочем, Николай Семенович стал работать с молодыми авторами еще в начале 20-х годов, когда он вел семинар по поэзии. Студенты часто ходили к нему домой; приходили на минуту, оставались на вечер: превосходный рассказчик, Николай Семенович был увлекательнейшим собеседником. В разговор вступала его жена Мария Константиновна Неслуховская, чья эрудиция и память также были неисчерпаемы.

На редкость гостеприимную квартиру Неслуховских посещали многие интересные люди того времени. Бывал там и Маяковский, который считал Тихонова талантливейшим из ленинградских лириков. Говорили о книгах, читали стихи, спорили до утра, не замечая времени. Это был подлинный дом поэта.

По словам И. Бехера, «новое искусство всегда рождается вме-

сте с новым человеком».[1] Запечатлевший героя революционной эпохи, Тихонов и сам был этим новым человеком, увлеченным поэзией и главное — самой жизнью, требовавшей воплощения в слове. Он неустанно напоминает молодым поэтам об ответственности перед великим и тревожным временем, ориентируя их на решение больших задач: «Молодой поэт в такую сложную эпоху, как наша, не может оперировать бедным комнатным словарем, живя в маленьком мирке переживаний. Поэт должен представлять себе широчайшие масштабы нашей борьбы, бороться за выработку своего мировоззрения».[2]

Тихонов не поучал — он делился опытом, подчеркивая значение упорства в труде, специфику творческого процесса: «Тема, как бы велика она ни была, существуя рядом с вами только предметом наблюдаемым, никогда не будет успешно изображена в стихах. Нужно жить ею, нужно чувствовать ее необходимость, ее развитие в себе. Всякое холодное собирание справок о ней и такое же холодное изложение ее в стихах обнаружит себя».[3] Очень уместное предостережение! В 20-е и 30-е годы иные из молодых авторов активно забывали (или вообще не знали) законы стиха, пытаясь заменить вдохновение документализмом, очерковостью, фактографией (лефовцы, конструктивисты). В противовес «модным» теориям Тихонов выдвигал требование эмоциональной отдачи всего себя творчеству.

Наибольшую активность и общественный резонанс выступления Тихонова по вопросам литературы получили в преддверии Первого съезда писателей («Школа равнодушных» и другие). Поэт вошел в Оргбюро по подготовке съезда и, углубляясь в задачи воспитания молодых авторов, вновь и вновь соединял вопросы творческого роста с задачами социалистического строительства.

Для нескольких поколений советских поэтов Тихонов остается «непобежденным учителем». В этом отношении ему трудно найти аналог даже в мировой литературе — ведь речь идет не о главенстве в какой-либо литературной школе, а об обаянии нравственного авторитета. «Тихонов прост, доброжелателен» — таким он запомнился Н. Капиевой еще в начале 30-х годов.[4] Восхождение по лестнице славы никоим образом не сказывалось на его образе жизни и поведении. Ощущение несоизмеримости отдельной личности с эпохой питало ставшую легендарной тихоновскую скромность. «Слыхал стороною, — с удовлетворением писал ему П. Павленко, — что ты здорово

---

[1] И. Бехер, В защиту поэзии, М., 1959, с. 87.

[2] Н. Тихонов, Трудный рост. — «Литературная учеба», 1933, № 2, с. 75.

[3] Там же, с. 74.

[4] Н. В. Капиева, Рука друга. — В сб. «Творчество Николая Тихонова», с. 289.

постранствовал, побродил, и понял с большой нежностью, что ты один остался юношей... никакие заседания и почести тебя не испортили».[1]

Человечность и отзывчивость поэта особенно наглядно проявлялись в заботе Тихонова о развитии литературы, в его помощи писателям. Ольга Форш едет в Грузию — Тихонов направляет туда письма с просьбой помочь ей материалами. Петр Павленко выпускает первую книгу прозы — Тихонов немедленно откликается дружеским письмом к нему. Тихонов открывает для советской литературы талант Александра Прокофьева, который уже через несколько лет становится в первые ее ряды. Именно Тихонов дает путевку в жизнь Михаилу Дудину. Ему признательны поэты и писатели многих народов — Ольга Берггольц и Езетхан Уруймагова, Александр Лебеденко и Назир Хубиев, Владимир Ричиотти и Наталья Суханова.

Подлинность и масштабность таланта привлекали к поэту все новые и новые сердца. Вот свидетельство одного из современников: «Стихи Н. С. Тихонова покорили меня сразу своей набатной мощью и искренностью.

Потрясло впервые услышанное авторское выступление.

Другие — «читали» стихи. Тихонов был вулканом, извергавшим живые неостывшие глубины поэтической мысли...

Темперамент ли автора, колдовская ли сила чуть хрипловатого голоса, яростная ли убежденность в своей правоте или сплав всего этого, — но строки-образы жили осязаемо, мощно, ярко!..

Эта пламенность души, космический сгусток энергии, мужества, мудрости и таланта отличали Тихонова всегда».[2]

7

В советской литературной критике постоянно отмечался присущий Тихонову исторический оптимизм как органическая черта его мировоззрения. Не будучи поверхностным, он вырастал из фактов действительности, сочетаясь с интуицией. Чувство истории обусловило тихоновский дар предвидения. Свидетельством тому — книга стихов «Тень друга» (1936).

В 1935 году Тихонов выступил в Париже на Международном конгрессе в защиту культуры. Он побывал в Польше, Австрии, Франции, Бельгии, Англии, Германии. Всюду чувствовалось предгрозовое напряжение. Польша поразила бедностью народа: «И такая росла

---

[1] П. Павленко, Из писем к другу. — «Знамя», 1968, № 4, с. 138.

[2] Наталия Дилакторская, Ураган бодрости. — В сб. «Творчество Николая Тихонова», с. 411.

нищета за окном, что ничем не закроешь». В Париже автор был свидетелем фашиствующей демонстрации: «С черепами на флагах трехцветных Де-ля-Рока прошли молодцы». Австрия еще находилась под впечатлением подавления буржуазией движения рабочих-шуцбундовцев: «Упало солнце у канала От страха за людей». Всему миру угрожал захвативший Германию фашизм: «Как будто весь воздух иссвистан плетьми».

Это было исторически точным ощущением поэта-интернационалиста, который предупреждал о надвигающейся опасности. Но синие ряды молодчиков Де-ля-Рока оттесняет рабочая демонстрация, и поэт запечатлевает картину народного сопротивления фашизму: «В этот день Париж такой я видел, Что можно лишь на меди вырезать». В Вене живы устремления шуцбундовцев, ибо «Прожектора вражьего падал топор, Но вырубить смог он немногих». Даже в Германии поэт встретил друзей, приветствующих страну социализма, борющихся с фашистским варварством:

Человек почувствовал, как сила
Медленно по жилам поднялась,
Как усталость мутную гасила
Мужества вскипающая страсть.

(*«Безработный»*)

Тревога перед надвигающейся опасностью была вполне обоснована. «Тень винтовок», лежавшая крестом на «пикейных и нежных» спинах детей, играющих в парижском саду, вырастала в образ трагического обобщения. И все же общий колорит книги не мрачен: «...в повести, дымящейся Всей черной правдой», автор сумел показать нравственные и политические ресурсы народов Европы.

Важно отметить, что выводы поэта были основаны на детальных конкретных наблюдениях и впечатлениях. В 1936 году в том же журнале «Знамя», где публиковались стихи Тихонова из книги «Тень друга», были напечатаны заметки Вс. Вишневского о его поездке по странам Западной Европы. Любопытны фактические и смысловые параллели, которые возникают между очерками и стихами. «Город огромный, прокопченный, — пишет Вишневский о Париже. — В будни одиночество здесь чувствуется человеком подавляюще. Труд утомительный. После 5 часов дня все затихает — и бывает необычайно пусто... Реакция на истощение». [1]

В стихах Тихонова вечерний Париж запечатлен следующим образом:

---

[1] Вс. Вишневский, В Европе. — Собр. соч. в 5-ти тт., т. 5, М., 1960, с. 522.

И полночь режет по́ сердцу
Тупым стеклом тоски,
И с улицы доносятся
Больших машин гудки.

Стоит стена глухая...

(«Ночной Париж»)

Очеркист продолжает: «И есть другой, «веселый» Париж, который «делается» для туристов, для буржуа или черни. Этот Париж производит ужасное впечатление...» [1] Его нельзя воспевать, но и поэт не может не сказать о нем. Вот безысходное существование «девушек для танцев»:

И крутится всё туже
Столб розовых пелен,
И женщин рот потухший
Почти испепелен...

(«Ночной Париж»)

Поразительно совпадение не только общего ощущения, но и частных наблюдений. «Идет растерзанная косматая старуха лет восьмидесяти... Она бранится, плюет на все и на всех, расстилает на площади тряпье и ложится спать под молчаливыми статуями...» [2] Видимо, типично это явление, подмеченное Вишневским, — бездомный ночлег безработных. Не случайно и Тихонов изображает ту же ситуацию, но с другим действующим лицом: «у ночи на виду» спит парень близ пыльного монпарнасского виадука. Старуха — «растерзанная», у парня галстук — «потрепанный». Ее на площади огибает «поток машин», его ушей «грохот не касается». Это не простое совпадение: таков нерадостный быт бездомных. Старуха несет к месту ночлега «грязные тряпки, газеты»; парень спит под виадуком, «газету подостлав».

Настоящий Париж — рабочий, демократический, революционный, исторически перспективный — не менее типичен и впечатляющ. «А вот при мне, с Бастилии начав, Шагнул народ», — вспоминает Тихонов. «Сборными пунктами были назначены: площадь Нации, площадь Бастилии и площадь Республики», — подтверждает Вишневский. Речь идет о двух демонстрациях, но они проходили под одними лозунгами и были равно типичны для трудового Парижа. На улицы вышли буквально все: «Идут семьями, — свидетельствует очеркист. — ...Лю-

---

[1] Вс. Вишневский, В Европе. — Собр. соч. в 5-ти тт., т. 5, М., 1960, с. 539.
[2] Там же, с. 522.

ди идут и идут, вольно, массами, неся детей...»[1] Идею преемственности поколений поэт образно закрепляет в более широкой амплитуде родства: «Шли деды и вели своих внучат». И это не гипербола — на участие и ветеранов в народной демонстрации указывает неоднократно и Вишневский: «Подходят старики — участники Коммуны... Седые старики Коммуны глядят на народ... Старики кричат: „Да здравствует Коммуна!"»[2]

Как и «Ночной Париж», стихотворение Тихонова «14 июля 1935 года» состоит из четырех частей, точнее сказать, это маленький цикл из четырех стихотворений, самостоятельных, но связанных друг с другом тематически. Первое стихотворение — «Канун праздника». Париж молчит: «Ждут веселья — нет веселья». Тем внушительнее зрелище народного шествия, внезапно заполнившего проспекты и площади великого города:

Литейщики, пилоты, слесаря
Сливали свой товарищеский говор,
И песни их, точнее хрусталя,
Сменяла буря стали лозунговой.

Все было именно так! Снова предоставим слово Вс. Вишневскому: «Поет молодежь... В несколько минут все наполняется звуками... Поют на крышах, на чердаках. Улицы бурлят... Идут все профессии... Шахтеры, металлисты... Идут старые фронтовики... Идут инженеры... Рабочие хоры и оркестры... Все в грохоте, колеблется воздух...» Вишневского в бурном парижском хоре особенно поразила «Карманьола»: «Красавица работница запела на могиле аристократа „Карманьолу"».[3] Это же увидел и поэт: «Шли женщины с сестрою „Карманьолой"».

Книгу «Тень друга» дополнили написанные Тихоновым интермедии к трагедии Сервантеса «Нумансия». Изображающая эпизод борьбы Древнего Рима с Испанией, пьеса эта звучала не только как отклик на войну испанских республиканцев с мятежниками, но и как предупреждение о новых, еще более драматических провокациях фашизма. Сознавая всю глубину опасности, автор интермедий пророчески предупреждает поджигателей войны:

И, вызвав газ, вы сами газ глотнете,
И бомбовоз услышите в полете
Над собственною крышей, трепеща...

---

[1] Там же, с. 548.
[2] Там же, с. 542—543.
[3] Там же, с. 543.

Гражданственный пафос поэзии Тихонова нашел выражение и в его стихах конца 30-х годов, посвященных теме революции и преемственности революционных традиций («Комсомольская ода», «Воспоминание красноармейца XI армии», «Когда весь город празднично одет...» и другие). «Причины оптимизма советской поэзии, — разъяснил автор истоки своего жизнеутверждения, — лежат в глубоком изменении человеческой психологии и окружающего человека мира. Советская поэзия имеет еще существенное отличие. У нее главный герой — строитель нового, социалистического общества — положительный герой, как бы мал или как бы велик он ни был...»[1]

«Мир молодой, как небо на заре» — эта строка Тихонова (в стихотворении «Раннее утро») выражает основной тон его творчества. Но вот что важно отметить. Даже во второй половине 30-х годов, когда в поэзии давало себя знать поверхностное бодрячество, муза Тихонова, при всей ее жизнерадостности, оставалась сдержанно-суровой. Что может быть драматичнее раннего тихоновского стихотворения «Хотел я ветер ранить колуном...», если в него вглядеться пристально? Поэт восхищен весенней юностью девушки, но видит и то, что ее свежесть сродни свежести рощ, которые желтеют и облетают так быстро...

Этот «есенинский» мотив бренности всего земного возникает и в тихоновском цикле «Чудесная тревога» (1940). Но позиция Тихонова иная: недаром он сказал еще в «Перекрестке утопий»: «Мир строится по новому масштабу». Речь шла, конечно, не только о новой социальной системе, а также и о новой индивидуальной психологии. И Тихонов стал поэтом мужества и оптимизма молодой Советской страны. Но, правильно называя его так, не следует упускать из виду психологическую сложность этого оптимизма, неотделимого от философской глубины понимания жизни.

Лирические циклы Тихонова 1938—1940 годов, исполненные восторга перед красотой мира, были как бы глотком свежести, зарядом бодрости накануне великой войны. Они полны нежности — словно перед разлукой. Или поэт, остро чувствующий время, и в самом деле провидел скорую разлуку миллионов солдат с родными и близкими?

8

Лучшие черты творческой индивидуальности Тихонова наиболее активно и полно проявились в годы Великой Отечественной войны. Воин и гражданин, он был неутомимым тружеником, работал на

[1] Н. Тихонов, Оптимистическая поэзия. — «Литературная газета», 1934, 4 августа.

победу многостаночно — очерки, рассказы, статьи, листовки, стихи, поэмы. Поэт возглавил группу писателей при Политуправлении Ленинградского фронта.

Самым выдающимся стихотворным произведением Тихонова военных лет стала поэма «Киров с нами» (1941). Это было первое крупное произведение советской поэзии военного времени. «Правда» напечатала поэму Тихонова 1 декабря, накануне нашего наступления под Москвой, как призыв ко всем бойцам учиться мужеству и стойкости ленинградцев.

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина, —

все просто и точно. Не сон, а именно «подобие сна», ибо тишина в блокированном городе — непрочное затишье. Эпитет «железный» так верно отразил суровость и непреклонность ленинградцев, что стал нарицательным. По свидетельству современника, он возник в предрассветный момент, когда Тихонов шел с работы из Смольного домой.

Романтический образ Кирова, проходящего по ночному городу, при всей своей условности, несомненно, соответствовал героическому настрою того тревожного времени. «Киров, — вспоминает автор, — вставал в зимних ночах как живой. У одного командира ночного патруля, проверявшего при свете фонаря мои документы, раз ночью я увидел черты, напоминающие черты Мироныча...»[1] Романтический отсвет самой действительности органично сочетался с вещным, даже бытовым. Сохранилась фотография, запечатлевшая тяжелый танк «КВ» выходящим из ворот Кировского завода: в глубине заводского двора стоит Киров на постаменте и взмахом руки как бы напутствует танк...

Сергей Миронович в поэме Тихонова проходит по городу для того, чтобы убедиться в непреклонности ленинградцев. Он видит молодого моряка — часового с крейсера «Киров», чье лицо напоминает ему давних его соратников. Он видит девушку-дружинницу МПВО, которая с опасностью для жизни спасает заваленных при бомбежке. Он видит пожилого рабочего, слышит его клятву верности:

Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять как стальные,
Потом мы успеем устать.

---

[1] Н. Тихонов, В дни ленинградской осады. — В сб. «Своим оружием», М., 1961, с. 52.

Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет
На невском святом берегу.
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.

Мироощущением этих людей и проникнута поэма. В ее цветовой гамме нет прежней многокрасочности поэта: город погружен в темноту блокадной ночи. Но ее ритм упруг — в нем молчаливое упорство осажденных, строевой шаг, движение маршевых батальонов. «Полчища варваров, — писал А. Толстой, — должны отпрянуть, как ночные тени, при звуке железных шагов Кирова по ленинградским гранитам, — звук его шагов — это биение сердца Ленинграда». [1]

Верность времени определила жизненность произведения. А. Фадеев так вспоминает встречу Тихонова с рабочими Кировского завода: «Слушатели заполнили все проходы, пришлось запереть наружную дверь, но в течение всего вечера в нее ломились снаружи, хотя как раз в это время начался артиллерийский обстрел завода... Все слушали поэму точно окаменев. В лицах слушателей было что-то суровое и трогательное... По окончании чтения автору устроили овацию, его вызывали несчетное число раз». [2]

Мироощущение героев поэмы определяет и ее место в истории русской литературы. Ее называли балладой, но она не повторяет ранние тихоновские баллады, в которых бралась какая-либо одна конкретная ситуация, а среда вокруг героя почти отсутствовала. Здесь же за тем, что изображено непосредственно, видится еще более широкое — безбрежное поле борьбы, страданий, побед. Как и в жизни, в поэме в единый сплав слились лозунговая плакатность и вдумчивый анализ происходящего, конкретная сиюминутность и ощущение преемственности движения истории.

Единение поэта с народом, преданность народу его героев — все это роднит «Кирова с нами» с традициями русской классики. Поэму сравнивали с «Певцом во стане русских воинов» Жуковского. В ту пору Тихонов особенно отчетливо видел преемственность в движении истории. М. Рыльский вспоминал, как Николай Семенович читал друзьям стихи Батюшкова о войне 1812 года и события героической борьбы русского народа в прошлом укрепляли его веру в будущую

---

[1] А. Толстой, Николай Тихонов. — «Правда», 1942, 21 апреля.
[2] А. Фадеев, Ленинград в дни блокады, М., 1944, с. 88—90.

победу. В «Кирове с нами» используется и стилистика классических традиций. Насыщая образы эмоциональной энергией («вспышки, как всплески ножа», «каменно сжаты уста»), автор искусно архаизирует слог, применяя старинные слова («полон», «супостат», «полночные»). Инверсия, вообще присущая манере письма Тихонова, еще более подчеркивает ее связь с высоким стилем поэзии XIX века. Примечательно, что ленинградские артисты нередко читали перед блокадной аудиторией поэму Тихонова вслед за пушкинским «Медным всадником».

Ставшая классическим произведением советской литературы, поэма «Киров с нами» была написана в краткий срок по заказу газеты «Правда» (автору предлагалось написать лишь статью о Кирове, но он задание «перевыполнил»). Подобная оперативность сказывалась и в других работах поэта. Показательна история создания «Слова о 28 гвардейцах» (1942). Николай Семенович приехал в Москву после тяжелой блокадной зимы. Там он выслушал рассказ журналистов о дубосековской эпопее и просьбу откликнуться на нее, а через неделю страна читала его произведение.

«Слово о 28 гвардейцах» имеет ряд сходных черт с другими поэмами тех лет, в основе которых лежит также реальный подвиг. Но поэма звучит по-тихоновски самим строем и ритмом стиха. По-тихоновски сделан и экскурс в историю — автор приходит к выводу, что подвиг панфиловцев не имеет прецедентов в прошлом.

На отпор врагу поднялся весь многонациональный советский народ. И в годы борьбы с германским империализмом особенно громко звучал голос певца дружбы народов. В поэме «Слово о 28 гвардейцах» Тихонов одним из первых рассказал о подвиге русского бойца Ивана Натарова, казаха Кужебергенова и их товарищей. Поэт подчеркивает, что среди двадцати восьми были представители различных национальностей Советской страны, а подвиг их свершен на богатой героическими традициями русской земле.

Творческая отзывчивость определялась строем души поэта. Ленинградская блокада подчеркнула это категорично и неоспоримо. Ленинград стал городом героев, но и они изумлялись стойкости и бесстрашию Тихонова. Это было не просто презрение к опасности, это было невероятное напряжение сил, мобилизация души. Друзьям Николая Семеновича бросалась в глаза его уверенность в победе и еще — его человечность, внимание к людям. В голодные и холодные вечера 1942 года в квартире Тихоновых собирались молодые литераторы, беседы прерывались бомбежками и обстрелами, но не иссякал оптимизм этих бесед! К. Симонов, М. Дудин, Г. Суворов и другие поэты военного времени видели в Тихонове вдохновляющий пример нравственного подвижничества.

Письма из Ленинграда на Большую землю и на другие фронты

шли медленно, доходили не всегда. Слово Тихонова заменяло вести из родного города. Да и все советские люди «болели» Ленинградом, ждали вестей о его жизни. И нескончаем был поток писем летописцу великого города. Поэму «Киров с нами» читали в окопах под Ленинградом. Белорусские партизаны напечатанную в «Известиях» статью Тихонова выпустили в тылу врага отдельной брошюрой... Лучшие стихи его, включенные впоследствии в книгу «Огненный год», и поэма «Киров с нами» были удостоены в 1942 году Государственной премии СССР.

В 1944 году в связи с назначением на пост председателя правления Союза писателей СССР Тихонов переехал в Москву. Но он остается сыном родного города, пишет о нем, и новые стихи о Ленинграде звучат еще более молодо, чем в молодые годы поэта:

Шагает в золотом узоре,
В узоре солнечных оград —
О Ленинград! Какие зори,
Какое счастье — Ленинград!

(«Один тиран, не будем имя...»)

9

В 30-е годы Тихонов получил известность как поэт Востока. То не было лишь субъективной склонностью — то было веление времени. В конце 40-х годов, когда внимание человечества было сосредоточено на странах Восточной Европы, освобожденных советскими войсками и строящих новую жизнь, Тихонов неожиданно стал поэтом славянства. Неожиданно ли? Если иметь в виду внутреннюю логику развития творческих интересов поэта, то это представится закономерным.

В «Стихах о Югославии» (1947) Тихонов передает свободолюбивый дух народа, исторические события его борьбы. Адриатика славится необычайной голубизной. Однако в упоении советского поэта морем, солнцем, яркими красками мы видим не просто радость природы, а великую радость победы. В книге бьется лирическая раскованность, необычная для сдержанного поэта. Он воспевает тот голос, «что может и звезды с собою в дорогу увлечь», он славит «страстей паруса». «Стихи о Югославии» — может быть, самая лирическая из путевых книг Тихонова. Нигде больше не встретим у него таких вдохновенных строф о море. Адриатика появляется как долгожданная возлюбленная («облик моря долгожданный давно над строками навис»). Это — почти личная лирика, но она масштабна: поэт признается в любви песенной стране, которая стих поет, «как песню». Он говорит, что это немного грустное признание, потому что за пле-

чами уже не только крылья. Но тем ярче юное чувство, пришедшее не в юности.

Вдохновенная книга, она и создавалась вдохновенно. Будучи в Ленинграде, поэт услышал с улицы сербскую песню. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице с шестого этажа и пригласил к себе певцов — югославских студентов. Один из гостей дружески упрекнул поэта, что тот пока не написал о Югославии, хотя и побывал там. Ответом было прочтение книги стихов о Югославии! Радость слушателей была огромна. Правда, уроженец Шумадии посетовал, что об этом партизанском крае нет ни одной строфы. Тогда автор дополнил книгу стихотворением «Шумадийские леса».

Югославский поэт Р. Зогович назвал Тихонова вестником с поля победы. Действительно, Тихонов был таким вестником. В этом отношении он оказался первым не только среди советских поэтов, но и среди литераторов всего мира. В освобожденную Югославию приезжали маститые авторы из разных стран, но никто не создал стихотворной книги о ней. Вот почему тихоновские «Стихи о Югославии» стали исключительным явлением, тем более что и в самой Югославии не было написано ничего подобного. Это был чрезвычайно показательный пример успешного проникновения в инонациональную действительность!

«Стихи о Югославии» и «Болгарские записи» продолжили в новых условиях благородные традиции передовой русской литературы XIX века, приветствовавшей освобождение славянства. И. Тургенев, В. Гаршин, К. Станюкович — имя Тихонова становится и в этот славный ряд певцов братства и независимости.

Юношей мечтавший о поприще археолога и историка, писавший о древнем Вавилоне и будущей России, Тихонов оказывается свидетелем грандиозных перемен в жизни народов. В книге стихов о Пакистане и Афганистане «Два потока» (1951) осмысливается облик послевоенного зарубежного Востока. Автор увлечен познанием новых краев, развертывает живописные картины городов и деревень. Основной пафос книге придают стихи о движении народов Азии к новой жизни.

Критикуя поверхностные зарисовки некоторых писателей-туристов, С. Чиковани справедливо замечал, что для создания стихотворного цикла о загранице недостаточно поездки, нужна духовная подготовка, и отмечал, что у Тихонова такая подготовка была.[1] По воспоминаниям А. Софронова, в Лахоре в 1949 году Тихонов, идя впервые по улицам этого города, указывал своим спутникам дорогу

[1] С. Чиковани, Песня дружбы. — «Литературная газета», 1949, 2 апреля.

и рассказывал, что́ именно они увидят за углом — ведь он путешествовал по Лахору еще в детстве с книгой и картой. [1]

«Двумя потоками» открывается тема борьбы за мир, становящаяся для Тихонова основной. Вынужденные дать отпор поджигателям новой войны, народы организуют Движение сторонников мира. Одним из активных деятелей этого движения становится солдат четырех войн Тихонов. В 1950 году его избирают председателем Советского комитета защиты мира. Общественная деятельность по-прежнему плодотворно дополняется собственно творческой. В 1951 году появляется стихотворный цикл «На Втором Всемирном конгрессе мира». Реальные факты в нем интерпретируются автором в образах символического звучания: девочка, поставленная на стол президиума конгресса среди цветов, воспринимается им как образ будущего планеты, которое просит защитить его. Тема борьбы за мир в дальнейшем получает развитие в целом ряде произведений Тихонова, например в поэме «Мыс Дондра» (1959).

Во второй половине 50-х годов характерной чертой современной советской литературы явилось углубленное исследование истории страны, реалистический анализ событий первых десятилетий советской власти. Были опубликованы такие значительные произведения, как «Середина века» В. Луговского, «За далью — даль» А. Твардовского, «Работа и любовь» Я. Смелякова. Тихонов выступил с поэмой «Серго в горах» (1957), посвященной революционной борьбе на Северном Кавказе.

Поэма начинается драматической картиной отступления красных войск в горах. Прошлое сгорело, «как угрюмый лес». Северный Кавказ охвачен революционной борьбой, но войска Серго Орджоникидзе вынуждены отойти в горы. В теснинах всадники словно духи, их пробивает дрожь даже под бурками, вся тропа обледенела, факел гаснет, и «В тьме кромешной Не видать ушей коня» — точно тропа уводит в ад, а позади белые отряды, горящие хутора, пожары на нефтепромыслах...

Двенадцать глав поэмы держат читателя в постоянном напряжении, величественная природа Кавказа захватывает его. Первый весенний дождь, дальний стук дятла, обвал — как салют весне, русская песня — как голос трав и листьев, изнемогших от счастья возрождения к жизни. И люди под стать природе. Мы видим мужество и приветливость горцев (недаром жену хевсурского вождя зовут Мзиа, что по-грузински означает «солнце»), решимость революционеров, борющихся за общее дело. Четко очерчены образы новых людей

---

[1] А. Софронов, Впереди — Ташкент! — «Литературная газета», 1958, 8 февраля.

Кавказа — дагестанца Аскера, ингуша Юсупа. Их жизнь и борьба осмысливаются в философском плане:

Исчезает незаметно
Тот, кто жил собой одним,
А народа жизнь бессмертна...

В 50-е годы творчество Тихонова широко выходит на мировую арену.[1] Достоинства его таланта, значительность его гражданской деятельности получают признание и у литературоведов буржуазных стран — США, Франции, ФРГ, Швейцарии и др. Особенно широко творчество Тихонова изучается в странах, строящих социализм.[2]

Отвечая на вопрос корреспондента, Тихонов обрисовал широчайший круг близких ему литераторов-современников: «За многие годы общения я дружил в ГДР с Анной Зегерс, Альфредом Куреллой, Вилли Бределем, Иоганнесом Бехером; в Польше — с Ярославом Ивашкевичем, Владиславом Броневским, Леоном Кручковским, Ежи Путраментом, Юлианом Тувимом, Мечиславом Яструном, Антони Слонимским; в Венгрии — с Петером Верешем, Анталом Гидашем, Бела Иллешем, Эмилем Мадарасом и другими. Я знал в Болгарии Елисавету Багряну, Орлина Василева, Дору Габе, Младена Исаева, Ламара, Христо Радевского, Людмила Стоянова, Марию Грубешлиеву, Ангела Тодорова».[3] К этому перечню можно добавить писателей Чехословакии и Румынии, Монголии и Индии, арабского мира, западноевропейских стран.

Кругозор поэта постоянно расширялся, и это не могло не отражаться на его творчестве. Книга воспоминаний-новелл «Двойная радуга» (1964) и книга прозы «Шесть колонн» (1970) развертывают картины жизни народов Индии и Индонезии, Сирии и Бирмы, Грузии и Армении, Туркмении и Узбекистана. В 1970 году выходит книга

---

[1] К 1976 году (год 80-летия поэта) 162 книги Тихонова издавались 395 раз на русском языке и на языках народов СССР: азербайджанском, белорусском, грузинском, молдавском, казахском, узбекском, эстонском, хакасском, якутском, а также на иностранных: английском, французском, немецком, польском, испанском, чешском, хинди, бенгали, греческом, румынском, сербскохорватском и других — всего на пятидесяти одном языке, помимо русского.

[2] См., например: J. Iwaszkiewicz, Opowiadania górskiej krainy. — «Życe Warszawy», 1955, № 229; J. Šanda, Statečný a pravdivý. — «Literárni noviny» (Praha), 1956, № 50, I pros.; Б. Димитрова, Младост, която не старее. — «Литературен фронт», 1956, № 49, 5—6 дек.; T. Yane, Poezia vieţii noi. — «Veac nou» (Bucureşti), 1956, № 48, 30 noiem.; Beszélgetes Tyihonovval a magyar és a szovjet irodalomról. — «Szabad Nép», 1958, № 39.

[3] См.: «Человек широкого шага (Из литературного наследия Николая Тихонова)». — «Литературная газета», 1980, 16 января.

стихов «Времена и дороги», вобравшая в себя раздумья поэта о современности. Москва, Ленинград, Варшава, Грузия, Армения, Болгария, Индия, Шри-Ланка, Ташкент, Неман — нескончаемо обилие перекликающихся в книге стран, республик, городов, гор, рек, поистине весь мир открыт мысленному взору поэта.

«Времена и дороги» интересны как книга предварительных итогов полувекового пути. Автор продолжает здесь свои основные темы — Востока и защиты мира, Родины и Ленинграда. Вышедшая в год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, книга эта явилась также крупным вкладом в художественную Лениниану, тем более примечательным, что принадлежит она перу художника, одним из первых запечатлевшего образ вождя вскоре после революции.

В стихотворении «Малая Гребецкая, 9/5» говорится о малоизвестной странице биографии В. И. Ленина — его работе на квартире К. Ф. Неслуховского. Внешняя обыденность происходящего не приглушает его исторического значения — в тиши скромной петербургской квартиры вождь готовил великую революцию. В стихотворении «Июль девятнадцатый, год двадцатый...» поэт вспоминает о последнем приезде Ильича в город на Неве. Ленин появляется на Дворцовой площади в окружении разноязычных делегатов II конгресса Коммунистического интернационала, приехавших осваивать опыт советских собратьев.

Осмысление ленинской темы в книге «Времена и дороги» наиболее последовательно и разносторонне дается в русле именно интернациональных ассоциаций. Стихотворение, повествующее о поездке Ленина в Финляндию на паровозе, тайно от полиции и юнкеров, построено в виде рассказа машиниста Ялава Гуго. Оно звучит как свидетельство участника, взволнованное, достоверное и непритязательное. Развивая мотив поэмы «Сами» в стихотворении «Индийский гость», Тихонов рассказывает о путешествии Рафика Ахмада из Индии в революционную Россию, к Ленину. Он шел через снега перевалов, каменную глушь, смертельный мрак басмаческих берлог...

Герберт Уэллс, встретившийся с Лениным, спасовал перед мечтой большевика: «...мозг фантаста отказался верить простому реализму бытия» («Герберт Уэллс в России»). Но народ верно понял свой путь и своих руководителей. «Будто сам подставил ему броневое плечо народ» — так образно осмысляет поэт выступление вождя с броневика в Петрограде («Броневик»). Ленинскую тему символически завершают стихи о комнате вождя в Смольном, в окно которой посетители из многих стран мира смотрят, пораженные, «точно темные судьбы вселенной вдруг столпились за этим стеклом» («В Смольном комната есть небольшая...»).

Велики подвиги героев писателя. Но пример величия духа он

показывает и сам — в своем творчестве и в своей жизни. Перешагнув восьмидесятилетний рубеж, он продолжал выполнять ответственные обязанности председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям, председателя Советского комитета защиты мира, депутата Верховного Совета СССР, секретаря Союза писателей.

Мариэтта Шагинян как-то сказала, что поколению первых лет революции нельзя стареть, нельзя чувствовать себя уходящим. Накануне своего 80-летия Николай Семенович два часа простоял на помосте для гостей во время митинга-концерта и даже не оглянулся, когда кто-то принес ему стул, только крепче сжал поручни помоста.

Было это в Баку, и после этой поездки поэт не только выступил с навеянным ею новым циклом стихов, но и развернул в цикле новую тему. «Азербайджанская тетрадь» (1977) в образном плане воплотила давнюю привязанность Тихонова к этой республике. Цикл насыщен картинами утра, весны, пробуждения. Много писали о Нефтяных Камнях — Тихонов открывает этот необычный городок нефтяников заново, рассказывая о его рождении, связанном с походом семи кораблей к Черным скалам.

Критики постоянно подчеркивали новизну каждой крупной книги Тихонова, его удивительную способность к самообновлению. Неизменным оставалось одно — его, употребляя выражение Есенина, «походка», молодая, уверенная, энергичная. Старости в самом деле не было у этого человека. Могучий ум сохранял не только ясность, но и творческую интенсивность.

Последние годы были, однако, особенно драматичны. Ушла из жизни Мария Константиновна — жена, товарищ, близкий друг. На ее столе всегда лежали свежие цветы... Поэт не поддавался ни горю, ни болезни сердца, которая его, никогда не обращавшегося к врачам, настигла накануне 80-летия. Он продолжал работу над книгой рассказов-воспоминаний, подобной книге «Двойная радуга». Уже были написаны очерки о Д. Гулиа, А. Прокофьеве, О. Форш, И. Эренбурге, В. Василевской, А. Корнейчуке. Тихонов предполагал закончить так называемую «Кавказскую книгу», в которую должны были войти уже написанная повесть «Кавалькада» и отдельные рассказы. Когда врачи запретили работать, наиболее интересные эпизоды из своей жизни Николай Семенович стал записывать на магнитофонную ленту. Так была создана «Звуковая книга», с которой автор выступил по Всесоюзному радио.

В январе 1979 года Тихонов был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР десятого созыва по Свердловскому избирательному округу Марийской АССР. На вопрос журналиста, не мешает ли огромная общественная работа творчеству, писатель ответил: «Наоборот, помогает... Постоянное общение с людьми не-

обходимо для каждого литератора. А потом, если взять депутатскую работу, то она, может быть, как никакая другая, дает богатейшую возможность знать нужды и запросы народа, его настроение, служит пищей для серьезных выводов и размышлений. Все это потом так или иначе отражается в творчестве. А сознавать себя нужным людям — что может быть выше и радостнее для парламентария страны подлинной демократии?»[1]

Последнее, что написал Тихонов, было воззвание депутата к избирателям. Поэт выполнял свои депутатские обязанности до рокового дня. А ведь он был не только депутатом, но и заместителем Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Последний раз по телевизору его видели за столом Президиума Верховного Совета.

До последнего дня жизнь была заполнена до предела. Но мог ли он, лирик прежде всего, оставить сердце без глотка лирики? Сердце, казалось, ждало повода, чтобы разгореться молодыми стихами — «с голубыми вспышками в строке» («Дикарями сделанные вещи. . .»). И жизнь в этом была благосклонной к поэту.

Еще не пришло время говорить об этом спокойно — да и придет ли когда? У меня в руках — последняя тетрадь Николая Семеновича. Мы жили своей обычной жизнью — торопились на работу, воспитывали детей, смотрели телевизор. А в заснеженном Переделкине отбивало ритм вдохновенной лирики сердце поэта.

Он сам воспринимал происшедшее как «чудо из чудес». Они нахлынули вновь, «Несчетные строки восторга, Рожденные песней ночной!» («Городок писателей»). Поэт вновь «стиховой насыщался отрадой», вновь «пламень восторга не гас». Разгоряченные болезнью виски холодил «ветер счастья». Новую радость сердца «звезды указали». Судьба, опаленная «сомненьем и болью», «вдруг нашла в себе силу и свет» («Этот год, что был горестно горек. . .»). Словно сомкнулись круги времен, и жезлом вдохновения снова взмахнул автор «Браги». Не эти ли «Песни каждого дня» предвидел П. Антокольский, пророчески предрекая: «Две книги — «Брага» и «Орда» — с начала пишутся как будто» («Портрет поэта»)?

«Песни каждого дня». Мы узнаем в них прежнего Тихонова: за величием духа — улыбчивая отчаянность озорного мальчишки. Входя в мир его искусства, читатель чувствует себя здесь так, словно всегда был знаком с поэтом. Вновь появляется постоянный у Тихонова образ путешественника — на этот раз Фритьофа Нансена, чьи слова звучат как завет самого автора: «Если жизнь лишить мечты, Чем она для нас была бы!» («Путешествие на „Фраме“»).

---

[1] Николай Тихонов, «Служить народу!» — «Литературная газета», 1979, 31 января.

* * *

Николай Тихонов прожил большую и в творческой своей сущности счастливую жизнь. Он рано получил признание, которое оказалось единодушным и прочным. Работоспособность Тихонова — поразительна. Он сам приучил нас представлять его всегда здоровым и даже как бы бессмертным. «Ему устать нельзя!» — эту строку поэта мы всегда относили к нему самому. А он просто выполнял заповедь своих ранних героев: «Приказу верен солдат». Приказ творить он выполнял буквально до последнего часа. Мы думали, что он — стальной. Дух — да. Но не сердце...

Масштабность поэзии Тихонова обусловлена эпохой. Но разве просто оказаться на уровне ее требований? Можно сказать, что в лице Тихонова Великий Октябрь обрел певца не только талантливого, но и достойного его. Творчество Тихонова привлекает утверждением в жизни героического начала. Оно дает вдохновляющий пример гармоничного решения вопросов национального и интернационального в искусстве как диалектически связанных и неразрывных категорий. Оно учит дышать романтикой больших исторических событий. Оно учит поэтической свежести.

Велик пример Тихонова как поэта-гражданина, поэта-солдата, который дал советской литературе впечатляющие образы героев революции, сам работал под стать им самоотверженно в годы Великой Отечественной войны. Вместе с выдающимися деятелями различных народов Тихонов вписал свое имя в летопись мировой истории как имя поэта, не только воодушевленного жаждой служения человечеству, но и служащего ему делом и словом.

В истории советской литературы громадна роль Тихонова как крупнейшего поэта-романтика, который воспел подвиги солдат революции и строителей социализма, продолжил в наше время традиции прогрессивного романтического искусства прошлых времен, дав пример конкретного творческого воплощения возвышенных идей революционной самоотверженности, бескорыстия, гуманизма.

Владислав Шошин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Автобиография)

Мне кажется, что сейчас, оглядываясь на время моего детства, на юношеские годы, я пишу словно на другой планете. То, что раньше называли чудесным, несбыточным, сегодня есть обыкновенная жизнь века.

Человек нашей Советской страны научился строить атомные электростанции, сложнейшие счетные машины, работать с полимерами, сказочными заменителями обычных материалов, с лазерами, перелетать на огромные расстояния за минимальное количество времени, освоил мертвые пространства Арктики и Антарктики, победил безводные пустыни, открыл неизмеримые богатства недр — нефть, газ, руды, подземные моря, смело вторгся в бескрайние просторы космоса, посылая стаи спутников и ведя межпланетные корабли, управляя с Земли луноходом и фотографируя Марс и Венеру.

Это богатство знаний рождает многообразие мира и многообразие человека. Максим Горький в свое время писал «о той единой социалистической культуре, которая, не стирая индивидуальных черт лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру», и говорил о новом герое жизни. Он хотел, чтобы литература отобразила этого героя, «чудесного, небывалого даже в сказке, героя, который хочет перестроить мир».

Сейчас герой этот налицо — это советский человек, и созданная им социалистическая культура показывает, чего она достигла в своем развитии.

Страна уже отметила пятидесятилетие образования Советского Союза. С того дня, когда взметнулось победное знамя Великой Октябрьской революции, прошло свыше пятидесяти лет...

А я родился еще в то время, когда вместо Советского Союза была Российская империя, которая на взгляд новых поколений ка-

жется страшной, небывалой, темной легендой прошлого. Я родился 3 декабря (по новому стилю) 1896 года в Петербурге, в семье ремесленника. Дом, где я родился, стоит и сейчас на углу улицы Герцена и улицы Дзержинского. В этом доме когда-то жил Герцен.

Среда, в которой я провел раннее детство и юность, не могла способствовать развитию любви к искусству или литературе. Все были заняты скромной работой ремесленников. Заработка едва хватало на содержание семьи; жили в тесных, маленьких, темных квартирах, с керосиновым освещением, с трудом, по грошам, собирая средства, чтобы дать детям хоть среднее образование.

Семи лет я сам выучился читать и писать. Сначала ходил в городскую школу на Почтамтской улице, потом поступил в Торговую школу на Фонтанке. Главными моими друзьями были книги. Они рассказывали мне о чудесах мира, о всех странах, обо всем, что есть на земле хорошего. Я смеялся и плакал над книгой от радости и от сочувствия людям, страдающим от несправедливости, от неравенства, от угнетения.

Я любил географию и историю. Эта страсть осталась у меня на всю жизнь. Я сам начал писать книги, где действие переносилось из страны в страну. В этих сочинениях я освобождал малайцев из-под ига голландцев, индусов — от англичан, китайцев — от чужеземцев.

И когда, много лет спустя, я стоял на берегу Индийского океана и смотрел на полуголых, темнокожих, веселых ребят бедного рыбачьего поселка на Цейлоне, смотрел, как они играют в свой родной океан, волоча по песку спрутов, огромных скатов, медуз и маленьких акул, мне казалось, что я вижу сбывшийся сон моего детства, когда мое разгоряченное книгами приключений воображение рисовало мне далекие пейзажи полуденных стран и я мечтал увидеть воочию эти страны. И я их увидел.

Теперь, оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что есть какая-то фантастическая закономерность развития моего характера в условиях бурной эпохи войн и революций. Уже маленьким школьником видел я Кровавое воскресенье 1905 года, а с восемнадцати лет узнал, что такое мировая война.

С годами география превратилась для меня в эпическую поэму о борьбе народов за независимость, а история осветила меня немеркнущим светом Октябрьской революции.

В свое время, окончив Торговую школу, я хотел учиться дальше, стать историком или археологом, но не имел никакой возможности для этого. Пришлось поступить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье.

Общение с моряками, их рассказы о путешествиях, о разных

странах, куда они плавали, производили на меня большое впечатление. Во время ночных дежурств я много беседовал с людьми, близко принимавшими к сердцу трагедию русского военно-морского флота, говорившими о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о броненосце «Потемкин» и лейтенанте Шмидте, о прошлом и будущем флота. Некоторые мои собеседники были людьми передовых взглядов, и их смелые суждения о судьбе России сильно мне запомнились. Конечно, далеко не со всеми я мог говорить так откровенно и находить взаимное понимание.

Всю свою юность я писал для себя книги приключений, о борьбе за свободу, сам переплетал их и иллюстрировал. Первое стихотворение написано мною четырнадцати лет — «На смерть Льва Толстого».

Потом грянула первая мировая война. Восемнадцати лет я начал военную службу гусаром. Мне пришлось сражаться с немцами под Ригой. В походах и боях я изъездил всю Прибалтику, был контужен под Хинценбергом, участвовал в большой кавалерийской атаке под Роденпойсом.

Я возил в переметных сумах стихи, которые позже объединил под общим названием — «Жизнь под звездами». Это были стихи походной тетради, разрозненные страницы лирического дневника.

Жизнь в окопах, в казармах, на дорогах под звездами мало походила на литературный университет. Мрачные пейзажи войны, смерть боевых друзей рождали большую внутреннюю тревогу.

Тревога переходила в протест, нарастающий по мере того, как вокруг расширялась пустыня, отчаяние было написано на всех лицах, и зарево пожаров стало обычным маяком, освещавшим только пути поражений. На аренах мировой бойни люди моего поколения провели свою молодость.

В эти дни я писал стихи без всякой надежды их печатать. Они были нужны мне, как разговор с самим собой вслух. Это были поиски средств передачи терзавших меня сомнений.

Меня демобилизовали весной 1918 года. Осенью этого же года я вступил добровольцем в Красную Армию, принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом.

Кончилась гражданская война. Я снял шинель красноармейца и твердо решил заняться литературной деятельностью. Под впечатлением первых лет революции я написал целую книгу стихов, которая осталась в рукописи, хотя некоторые стихотворения, входившие в нее, читались на митингах и литературных вечерах. Книга называлась «Перекресток утопий». Она посвящалась борьбе с контрреволюцией, победе пролетариата. Многие стихи этой книги были декларативны, наивны, слабы. Я начал тогда и несколько поэм, но бросил работу

над ними, увидев свое неуменье создавать произведения большой формы.

Но я продолжал упорно работать над стихом, писал много и быстро. Ко времени, когда я смог отобрать стихи для своей первой книги, мое увлечение Востоком, давний юношеский интерес к событиям в той же Индии не уменьшился, а возрос, стал ближе и реальнее, что позволило мне в девятнадцатом году написать маленькую поэму про индусского мальчика «Сами», напечатанную через год в журнале «Красная новь».

Я окунулся с головой в литературную жизнь того времени. Вышли мои первые книги стихов «Орда» и «Брага». Но у меня были разные колебания и сомнения относительно выбора только литературного пути.

В письме А. М. Горькому я написал между прочим, что не могу быть только литератором. Горький в своем ответе написал мне: «...опечалили слова: «уйти только в литературу я бы не мог». Хотел бы, чтоб Вы ошиблись в этом и ушли только в литературу, ибо всякое дело требует от человека всецелого погружения в любовь к нему, делу».

И много позже Алексей Максимович в своих отзывах о моих стихах и прозе высказывался чрезвычайно лестно для меня, временами был строг, но по-дружески.

В первых своих книгах «Орда» и «Брага» мне хотелось рассказать о тех сложных ощущениях, которые жили во мне в те годы. Молодой человек вступил в революцию, которая разметала весь старый уклад жизни, низвергла все силы, мешавшие победе Октября, и начала сотворение нового мира, какого еще не знало человечество.

В пестром хаосе стихов для меня было самым главным ощущение этого нового мира и его хозяина — победившего пролетариата. Баллады о гражданской войне открывали выход из тупика стихов «Жизнь под звездами».

Потом наступил путь сложных исканий. Теперь, когда оглядываешься на те далекие годы, становится и грустно и смешно: сколько было неправильного, лишнего, ошибочного в поэтических опытах, которые не дали и не могли дать никакого творческого развития стиху, перегруженному совершенно неестественно звуковой сложностью.

Черты этой ненужной сложности долго пришлось мне изгонять из стихов, пока через «Поиски героя» и «Юргу» я не вступил на путь, который вывел меня из словесных джунглей.

Одновременно со стихами я много занимался прозой. Написал для юношества такие произведения, как «Вамбери» — рассказ об ученом-путешественнике, повесть «От моря до моря», где картины революции и гражданской войны имели положенную в основу произведе-

ния реальную биографию, «Друг народа» — рассказ про великого деятеля китайской революции Сунь Ятсена, друга Советского Союза, и «Симон-большевик» — про героя гражданской войны на Северном Кавказе, в Осетии, Георгия Цаголова.

В книге рассказов «Военные кони» я рассказал о том, как революция начиналась и на старом фронте империалистической войны, о людях своего гусарского полка, а также о боевых конях.

Мною была написана книга «Война», где рассказывалось о том, как возникли в первую мировую войну такие новые боевые истребительные средства, как газ и огнемет. Это была задуманная мной часть дилогии, но вторую часть, которая должна была изображать картины новой войны между фашизмом и Советским Союзом, я не успел написать, так как скоро вторая мировая война обрушила орды Гитлера и на Советский Союз.

Мое увлечение Востоком привело меня сначала в Грузию, Армению, на Северный Кавказ, а потом вскорости и в республики Средней Азии. В 1926 году я написал книгу рассказов «Рискованный человек».

Жизненная сила Октябрьской революции проявила себя во всем творческом напряжении. Я увидел воочию наш Восток и его борьбу с темным прошлым, его стремление сломать мрачные формы окостеневшего быта и зажить другой, светлой, свободной жизнью. Дружба народов родилась в трудовом единении передовых сил, при помощи великого русского народа, помогшего сбросить вековое ярмо невежества и насилия.

Особенно это почувствовалось, когда с бригадой писателей — в нее входили Павленко, Леонов, Всеволод Иванов, Владимир Луговской, Санников и я — была обследована Туркменская республика. Весной 1930 года эта бригада изучала социалистическое переустройство Туркмении. С большим увлечением я знакомился с бытом туркмен, белуджей, джемшидов и в своей книге «Кочевники» попытался раскрыть новые явления в нем, показать стремление этих народов жить по-новому, по советским законам.

Начиная с 1923 года я много времени отдал изучению наших кавказских и закавказских республик. Почти ежегодно я проникал в самые отдаленные районы гор, пробирался по тропам пешком, иногда верхом в высокогорные селения и аулы и с годами накопил огромный материал, который и до сих пор еще не весь использован.

Я проходил ледяные и снежные перевалы, пересекал первобытные леса, всходил на вершины, спал на горных лугах и в лесных дебрях, жил с горцами их простой и суровой жизнью.

Надо сказать, что еще в дни Первого съезда писателей в Москве впервые был устроен вечер грузинской поэзии и стихи наших

грузинских друзей-поэтов читали Борис Пастернак и я. Наши переводы многих поэтов Советской Грузии вышли в одном сборнике в Тбилиси. Я переводил и армянских поэтов, а на Первом съезде писателей с полным убеждением говорил в своем докладе о необходимости переводов со всех языков братских республик, о том, что нам нужно в первую голову убрать эту стенку молчания между поэтами разных национальностей Союза. И я оказался прав. Сегодня переводы достойно занимают принадлежащее им по праву место в дружеском общении поэтов и писателей всех братских республик.

Еще мудрый Тарас Шевченко отметил в свое время, что на просторах Российской империи — от молдаванина до финна — все молчит. Но пришел день Великого Октября, и расковалось это холодное молчание. Ныне все некогда безмолвное пространство ожило, получило голос. Теперь нет такого даже самого маленького племени, у которого не было бы своего певца, стихотворца или прозаика, рассказывающего о том, что произошло в эти десятилетия великих перемен.

Со времени Первого съезда писателей все шире начало развертываться общение народов и их дружба, которая однажды превратилась в боевую страду, поднявшую все народы на защиту своей единой отчизны. События катились, как лавина. Как-то летом 1939 года, перейдя Главный Кавказский хребет, я вышел к Сухуми, сел в самолет и прилетел в Тбилиси, чтобы переводить поэму моего друга, известного грузинского поэта Георгия Леонидзе.

Мы жили выше Тбилиси, в Цхнети. В один августовский вечер мы говорили о будущей войне, не зная, что она уже на пороге. Спустившись в Тбилиси из своего уединения, мы неожиданно узнали, что уже неделю идет вторая мировая война. Гитлер напал на Польшу, Франция и Англия объявили войну Германии, фашизму.

Надо сказать, что незадолго до этого, в 1935 году, в Париже был созван Конгресс в защиту культуры. На нем выступали многие известные писатели Запада. Была и большая делегация советских писателей. В Европе уже было тревожно. Фашисты бряцали оружием. В Вене еще зияли бреши в домах после шуцбундовского восстания.

Пересекая Европу, я жадно всматривался в ее мрачное, грустное лицо. Я объехал весь фронт первой мировой войны — от Вердена до моря, до Остенде, и давнее прошлое как-то жутко оживало вокруг. В Париже говорили тревожные речи, но шли состязания военных оркестров европейских стран и под веселые вальсы танцевали беспечные европейцы, а вся земля дышала порохом и гарью будущих разрушений. Я был так захвачен этим предчувствием, что написал книгу стихов «Тень друга», которую критики разругали за то, что я так пессимистично смотрю на будущее Европы. А на следующий за Конгрессом год началось фашистское восстание в республиканской

Испании, и вскоре японцы предприняли поход в дружественную нам Монголию. Растерянная, обреченная Европа стояла перед моими глазами.

Не прошло и месяца после вторжения фашистов в Польшу, как отчетливо выяснилось, что белофинское правительство идет на все провокации, чтобы создать угрозу Ленинграду. 30 ноября 1939 года, чтобы пресечь провокации финских реакционеров, войска Советской Армии вынуждены были перейти финскую границу. Я прошел с армией от местечка Липпола до Выборга и стал участником тяжелых боев на так называемой линии Маннергейма, сооружавшейся свыше пятнадцати лет.

Суровая зима с небывалыми морозами, штурм мощных укреплений, дотов-миллионеров, штурм Выборга, смерть друзей в упорных боях — все это нашло отражение в цикле стихов как воспоминание тех жестоких дней. Я назвал его «Палатка под Выборгом» и посвятил своему сердечному другу поэту-фронтовику Виссариону Саянову.

После этого прошел всего год с небольшим, я вернулся из армии, написал книгу рассказов для школьников о войне с белофиннами. В этой книге я не допускал никакой патоки о легком геройстве, я рассказал правдиво и доступно школьнику о людях на войне, о смешном и страшном, о роли техники, о бойцах Красной Армии, о том, за что они воевали. Но не успела эта книга лечь на книжные прилавки, как события начали приближаться к новому огненному рубежу.

В июне сорок первого года я уезжал из Риги после съезда латышских писателей, и кто-то из провожавших на вокзале сказал мне: «Вы уезжаете накануне больших событий». Я не обратил внимания на эту фразу, думая, что она относится к литературной жизни, но, приехав в Ленинград, уже через несколько дней слушал речь В. М. Молотова о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз.

Началась великая эпопея Ленинградской обороны. Я, родившийся в этом городе на Неве, с детства знал его и его разнообразную жизнь. Красота его, воспетая русскими поэтами и писателями, не могла не действовать на мое воображение. Знал я его широкие проспекты и площади, и заводские окраины, и жизнь бедных и бесправных людей, знал и всенародную победу, когда под знаменем Ленина город стал колыбелью Великой Октябрьской революции. Теперь он становился городом-фронтом, чтобы стать городом-героем.

Сначала были жестокие бои на подступах к Ленинграду, потом наступающие вражеские орды подошли к предместьям и начали штурм Ленинграда. Нельзя было узнать знакомые с детства парки вокруг города. Нельзя было узнать и самого города, затемненного,

укрепленного со всех сторон и освещаемого заревами взрывов и пожаров.

Горели леса и деревни, старые дворцовые городки. Рукопашный бой гремел в старинных парках, местах отдыха ленинградцев. Кольцо огня и дыма окутало город. Бомбы падали на его здания. Горели школы, больницы, театры, музеи. Враг был беспощаден. Снаряды рвались в квартирах, в палатах госпиталей, в цехах заводов.

Девятьсот дней битвы за Ленинград — это книга, которую еще не читало человечество. Я, с детства увлекавшийся военной историей, изучавший все войны мира, сражения и осады, мог засвидетельствовать, что не было примера в истории, подобного Ленинграду и его защитникам.

Я был начальником группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта и работал вместе со многими фронтовыми писателями, которые делили со всеми ленинградцами тяготы осады и всевозможные лишения, связанные с полным или почти полным окружением города.

Мне пригодились в моей работе мои теоретические знания и мой военный опыт трех войн, участником которых я был. Очень пригодились и разные литературные жанры. Стихи и проза, очерк и рассказ, листовки, статьи, обращения — все было взято на вооружение. Мои переживания тогда были трудно передаваемы. Люди, населявшие и защищавшие Ленинград, превратились в одну семью, в один небывалый коллектив. Их воля была непреклонна. Мы чувствовали ежедневную, постоянную, могучую помощь Партии, Правительства, Родины. В самые тяжелые минуты ленинградцы находили выход из положения. Казалось, что город Ленина сам по себе излучает силу, накопленную поколениями революционеров, поколениями железных большевиков. Все стали воинами города-фронта. Любой ленинградец показывал пример того, каким стал человек нашего времени, воспитанный партией, человек социалистического общества. По предложению «Правды», в несколько дней я написал поэму «Киров с нами», которая была напечатана 1 декабря в Москве.

Мне было хорошо от сознания, что мои земляки прочитают ее как произведение скромное, но честное, как поэму о том, что происходит у нас в душе, о том, что мы не хотим громких слов, о том, что нам трудно и что мы гордимся тем, что вся страна, весь мир следят за нашей борьбой...

За время осады, за девятьсот дней ленинградской битвы, я написал кроме поэмы «Киров с нами» «Ленинградские рассказы», книгу стихов «Огненный год» и свыше тысячи очерков, обращений, заметок, статей и дневниковых записей.

После войны, когда свет нашей победы озарил весь мир и упали

оковы с народов, закабаленных фашизмом, мне случилось посетить славянские страны, и после этих поездок появились стихи и очерки о братских народах — «Болгарские записи» и стихи о Югославии.

Восемь лет я не был в долинах Грузии, в ее изумительных горах. С особым чувством объезжал я братскую страну и от всей души радовался новой, социалистической Грузии, расцветавшей на глазах. Тогда я написал книгу стихов «Грузинская весна».

Я продолжал переводить многих поэтов разных национальностей. Далеко не все переводы удачны, но среди них есть и такие, которые близко передают сущность оригинала и особенности поэта.

Переводил я грузинских, армянских, узбекских, литовских, осетинских, балкарских, дагестанских поэтов. Переводил Шандора Петёфи и других венгерских поэтов, народные баллады и песни Венгрии.

Не прошло и нескольких лет после разгрома фашистской гитлеровской Германии, как агрессивные круги Запада начали подготовку новой войны, и в апреле 1949 года был создан империалистическими державами агрессивный блок НАТО. Ветер «холодной войны» проносился над Европой.

В апреле 1949 года одновременно в Париже и в Праге собрался Первый всемирный конгресс сторонников мира. На этом Конгрессе, где встретились представители различных кругов общественности семидесяти двух стран, было положено начало всемирному движению за мир, которое впоследствии справедливо было названо движением всемирно-исторического значения.

В августе того же года в Москве был образован Советский комитет защиты мира. Этот комитет в течение свыше двадцати лет достойно сотрудничал и сотрудничает со Всемирным Советом Мира, укрепляя и развивая дружеские связи с зарубежными борцами за мир, принимая участие во всех конгрессах, конференциях и акциях, направленных на защиту мира во всем мире.

Все эти десятилетия, участвуя как его председатель в работе Советского комитета защиты мира, как член Всемирного Совета Мира, я присутствовал на собраниях и конференциях в разных странах.

Зимой 1949 года по приглашению прогрессивных деятелей — писателей Пакистана — в Лахор на конгресс была направлена делегация советских писателей. В нее вошел и я. Мы совершили большое путешествие от границ Советского Союза через Гиндукуш и Сефидкух, через Хайберский проход в Лахор и дальше по стране, в Карачи, к берегам Аравийского моря.

После возвращения из этого путешествия я написал «Рассказы о Пакистане», рассказы об Афганистане («Рассказы горной страны») и цикл стихотворений об этих двух странах под названием «Два потока».

На Втором всемирном конгрессе мира в Варшаве в ноябре 1950 года я, как и все присутствующие, был под большим впечатлением от этого исторического события и после конгресса написал цикл стихов.

В марте 1951 года сессия Верховного Совета СССР, рассмотрев мой доклад как председателя Советского комитета защиты мира, обсудила и приняла Закон о защите мира.

Странствуя с миссией доброй воли, участвуя в борьбе за мир, встречаясь с многочисленными друзьями мира и прогресса самых различных народов, я посещал страны Европы, но большей частью я бывал на Востоке. Пять раз я был в Индии, два раза в Китае, я видел страны Ближнего Востока — Ливан, Сирию, был в Бирме, Таиланде, Индонезии, на Цейлоне и в других дальних краях. Так как я давно изучал жизнь народов Востока и общался со многими представителями как культурных классов, так и простого населения, то мне захотелось рассказать широкому читателю обо всем, что я видел и пережил.

Так возникла повесть «Белое чудо» и книга рассказов и маленьких повестей «Шесть колонн». За книгу «Шесть колонн» в 1970 году мне была присуждена Ленинская премия. События, о которых идет речь в книге, взяты из подлинной жизни. Характеры действующих лиц часто имеют прообразами людей, существовавших на самом деле.

О Востоке мною написаны путевые очерки, стихотворения и статьи на темы борьбы за мир.

В шестидесятых годах я написал книгу рассказов-воспоминаний о писателях-современниках. Я писал о старейших, известных писателях, моих друзьях и товарищах. Они уже ушли из наших рядов. И мне захотелось рассказать о таких больших людях, как А. Серафимович, А. Фадеев, П. Павленко, Вс. Вишневский, Джамбул, Самед Вургун, Сулейман Стальский, В. Саянов.

Но мне хотелось рассказать и о молодых поэтах, путь которых был оборван их смертью на фронтах Великой Отечественной войны, — об Алексее Лебедеве, о Георгии Суворове, и о тех почти или совсем неизвестных широкому читателю авторах книг, по разным причинам оставшихся незаконченными.

Я назвал эту книгу «Двойная радуга», потому что она напоминала призрачный мост, соединявший друзей-литераторов уже в воспоминании.

Мне пришлось в своей долгой жизни литератора быть и сценаристом, и некоторые из моих сценариев увидели воплощение в фильмах, но это не были победы советского кино. Из таких фильмов могу назвать «Заговор мертвых» — о наступлении Юденича на Петроград, «Покорители вершин» — первый советский игровой фильм об альпи-

нистах, «Друзья» — фильм, имевший заслуженный успех, так как в нем ярко была выражена тема дружбы народов Северного Кавказа и становления советской власти на просторах долин и гор Кавказа. Этот фильм демонстрировался даже за рубежом, и участвовали в нем такие известные артисты, как Бабочкин, Черкасов, Бирман, Каюков и другие. Режиссером был Л. Арнштам.

Писал я и для школьников, и для юношества. Их было много — изданий Детгиза. Я уже говорил о них в этой автобиографии. Но хочу сказать о том, что успех в последние годы имели мои «Удивительные маленькие истории», где сначала по радио, а потом на страницах журнала «Наука и жизнь» я рассказал о животных и птицах, о случаях, которые я лично наблюдал и для которых пока не было научного объяснения. Эти истории привлекли внимание как маленького, так и взрослого читателя. Они явились как бы дополнением ко всему написанному мной для читателей всех возрастов, как я сказал — от десяти до ста лет.

Неоднократно мне приходилось выступать в своей общественной и литературной жизни с докладами и лекциями, отчетами и воспоминаниями, на юбилейных торжествах многих классических и современных писателей.

Мною написано множество газетных критических статей, рецензий и заметок, так как я считал, что писатель должен владеть всеми жанрами и обязательно, особенно в молодые свои годы, участвовать в советской прессе, в газетах и «тонких» журналах. Это участие в газетах дает ему новый опыт и обогащает его возможности.

Но я никогда не собирал свои выступления в отдельную книгу. Только совсем недавно, в 1972 году, я отобрал из огромного количества подобного рода материала книгу, в которой отражена почти сорокалетняя деятельность, творческая и общественная, куда вошли и доклады, и статьи, и очерки, характерные для времени от Первого до Пятого съезда писателей СССР, мои выступления о поэтах различных времен, заметки о некоторых писателях-современниках и очерки на разные темы.

У меня длинный, сложный и не совсем обычный путь писателя, поэта. Я вышел из жизни темного мещанства, из огня первой мировой войны. И снова я могу повторить, что меня сделала поэтом Октябрьская революция.

Мне выпало большое счастье быть свидетелем и участником великих исторических событий, с оружием в руках защищать нашу социалистическую родину, видеть ее бессмертную победу, видеть, как переустраивается жизнь на новых началах, как ширится лагерь свободы и демократии, как встают народы Азии, Европы, Америки, Аф-

рики на путь борьбы за независимость и свободу, на путь будущего коммунизма.

Образование в нашей стране новой исторической общности — советского народа позволило необычайно расширить возможности творческого размаха каждого мастера литературы и искусства, всех без исключения народов. В сознании советского человека, и тем более причастного к созданию духовных ценностей культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме, наряду с ответственностью перед народом и Партией имеется глубокое ощущение дружбы народов и интернациональное, распространяющееся на весь мир понимание процессов, происходящих во всей вселенной.

Поиски новых изобразительных средств для передачи в художественных образах природы поступков советского человека, склада его характера, передового, сознательного, обогащенного всеми знаниями современной науки, — одна из задач нашей литературы и нашего искусства.

Социалистический уклад позволяет русскому писателю, обмениваясь высокими духовными ценностями с писателями любого народа нашей многонациональной родины, обогащать собственное творчество, расширять свой кругозор и вместе с тем чувствовать общность мировоззрения при разнообразии изобразительных средств своих друзей и своих собственных.

Человек — наш современник, живущий в социалистическом обществе, не имеет ничего общего с человеком времен царизма. Это передовой человек, величайший труженик, в дни войны — величайший воин, и горе тому, кто осмелится нарушить разбойничьим нападением его мирный труд.

Я люблю свою Советскую родину за то, что она дала мне чувство необъятной семьи, гигантского родного дома: куда бы я ни поехал, в городах севера и юга, в краях востока и запада, как и в столице нашей родины — славной Москве, не говоря о родном Ленинграде, — всюду я дома и всюду мои великолепные земляки, друзья и товарищи — люди великой Советской державы.

Окружающий писателя мир, требуя от него постоянного творческого беспокойства, дает ему новую энергию и способствует его долголетию.

Как правило, советские поэты сохраняют силу писать и после шестидесяти лет. Такого профессионального энергического состояния поэты дореволюционные просто не знали. Советский литератор является и в глубокой старости активным участником дальнейшего развития советской литературы. Он участвует в общественной и литературной жизни не замечая возраста. С 1946 года я являюсь депу-

татом Верховного Совета СССР. Мне присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Одну из своих последних поэтических книг я озаглавил: «Времена и дороги». Конечно, эта книга полна стихотворений-воспоминаний, но это воспоминания о героических людях и героических временах, о дружбе и борьбе народов. Над всем в этой книге стоят темы: Ленин, Революция, Ленинград.

Писатель, проживший много лет, обязан работать до конца! Мне надо написать еще несколько книг, задуманных давно. Я буду рад, если судьба даст мне еще годы, чтобы я мог их закончить.

Еще должен сказать, что я счастлив. Я родился в великой стране, несущей счастливое будущее всему человечеству, в великое время. Я все видел своими глазами. И всем сердцем я боролся в своих произведениях за нового, свободного человека, за советскую власть, за счастье народов, за мир на всей земле.

И я хочу пожелать молодым поэтам и писателям способствовать в меру своих сил и возможностей раскрытию всех духовных богатств человека, преображаемого силой великой социалистической революции.

Николай Тихонов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗ РАННИХ СТИХОВ

1913—1920

1. ПОСТИЖЕНИЕ

Ты создашь в тени лабораторий
На горах рассыпанных костей
Всё, что знали ветреное море,
Свет лесов и таинства путей.

Хаос будет знаньями размечен,
В звездной бездне и в земной пыли
Ты постигнешь, богочеловечен,
Ложь небес и истину земли!

1916

2. ИНДИЯ

Страна йога, раджи и факира,
Земля Танжора, Вишну, Ганга, Вед,
Где сочеталися четыре разных мира
И сказочных времен неизгладимый след
Почил в струях гигантских водных нитей —
О Брамапутра, Годавери, Инд, —
От гор чудес и ледяных открытий
До южных нив, где дремлет тамаринд.

Как я хочу ночей сапфирных негу
В себя вдохнуть средь палевых красот,
Где водопада мощному разбегу
Внимает озеро зелено-сонных вод,
Где лотоса колонки нежно-алы
Меж лилий белооблачных плывут,

Где в сумраке лесов рокочущие залы
Широко-шумной прелестью живут.

Хочу, чтобы моя нога ступала
На мраморе священных старых плит,
Чтоб предо мною солнце превращало
Вершину башни в белый монолит.
Хочу я видеть медной Кали взоры,
И синий Ганг под желтою луной,
И Тадж-Магала хрупкие узоры,
Что глаз слепят жемчужной белизной.

Хочу я знать и джунглей трепет дикий,
И диких троп таинственный чертеж,
И треск ветвей, и жуть ночного крика,
И тяжкий хрип, и радостную дрожь...
Я к вам приду, колодцы между пагод,
Слоны святынь печальных Гатских гор,
Я к вам приду хотя бы только на год —
В страну, где спят и слава и позор.

К камням забытым темных подземелий,
К стенам, поросшим пальмой и травой,
И к алтарям нерадостных веселий,
И к мертвой жизни, некогда живой.
Вас, мертвые дворцы — немые исполины,
Увидит мой восторга полный взор,
Я к вам приду, надгробные руины,
К вам, Беджапур, Бенарес и Эллор!

1913 (?)

3

Тусклый день посеребрил отавы...
Небо стало чище и бледней,
Люди косят и цветы и травы,
Море косит пастбища камней.

Не мечтай, не думай и не числи,
Мир стал глубже, тверже и полней.
Сколько смерть скосила моих мыслей,
Сколько жизнь скосила моих дней...

1914

4. СМЕРТЬ АВИАТОРА-ГЕРОЯ НЕСТЕРОВА

Не будем оскорблять слезами
Его священный прах,
Помчался он парить под небесами
На доблестных крылах.
Он презрел смерть... Подоблачным титаном
Путь проложил за голубую даль
И налетел губящим ураганом,
И сталь ударилась о сталь.
Порвалась жизнь с широким взмахом
Победоносных крыл,
Пускай он пал мгновенно прахом,
Он пал, но победил.
Земле он отдал всё земное,
Но дух остался там,
За этой гранью голубою,
Парить по сторонам.
И, может быть, в часы сраженья
Из дальних неба стран
Взлетит врагам на пораженье
Его аэроплан.

1914

5. ПЕРВЫЕ КОЧЕВНИКИ

По тощей степи тянутся возы,
Стада, и люди, и кибитки,
Над ними тучи яростной грозы
Несут судьбы развернутые свитки.

Но кто их может верно прочитать?
Никто из них не знал, что от Памира
Им суждено в веках пересекать
Все горы и моря и все дороги мира!

Между 1913 и 1920

6. АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ

Улыбка дерева, героя латы,
Тревоги тьмы равно понятны мне,
И мускулы борца движеньем сжаты,
И взор острей, чем стрелы в вышине.

Я жду того, кто выйдет мне навстречу —
Лев, великан во мраке иль в огне,
Но на удар ударом я отвечу, —
Певец ответит песней обо мне.

И море золотом кудрей осыпет
Скользящее лицо материка,
И в час прощанья в небе будет выбит
Высокий серп, рассекший облака.

Земля прекрасна в пурпуре покоя,
Прекрасна в бурях, грезя наяву,
И все живут — не умерли герои,
Нет прошлого, я в будущем живу.

Когда в путях, в безгранном потонувших,
Устану я — на смену кончить труд
Бессмертных сонмы, временно уснувших,
Я позову — они придут!

1917

7. РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Забытое знакомое пятно,
Прозрачный призрак мотыльковый,
Но бабочка порхает через сон,
И птицей на уста садится слово.

Расширились летящие крыла,
Повисшие над бездной голубою,
И вот уже не птица — а скала
С начертанной неведомой резьбою.

Но камень — камень только первый миг,
В нем проросли колонны вечных зданий...
О мысль моя, ты — только первый лик
Даруемых душе обетований.

3 декабря 1916

8. РЕВОЛЮЦИЯ

Под музыку шарманки,
Под пляску косарей,
Улыбку маркитантки
И пурпуры царей,
Под свист толпы народной,
Где стон и пулемет,
Дорогою свободной
Вперед она идет.

...Ее я знаю имя,
Молчат теперь о ней
И колоннады в Риме,
И сфинксы, и Пирей.
Ей люб огонь заката
И красный, алый цвет...
Я ждал ее когда-то,
И жду... Сомнений нет!

1915

9. КУПЕЛЬНАЯ ОДА

Паровозы, сбежавшие с ума,
Разбитые в тупиках,
Тюрьма,
Как сломанная рука,
Грозящая в небо,
Юбки женщин, порванные
На знамена
И бинты,
Города, деревни,
Мосты,
Сурово кричащие слово древних,
Вечно новое слово:
«Хлеба!»

Разбитые короны,
Идущие на слом,
Война, ставшая ремеслом,
Убивающим законы, —
Это ты,
Солнце всех небосклонов —
Революция!

Когда какой-нибудь
Веракруц и я,
Рим
И село Горбатое
Имеют одну судьбу,
Одним
Кулаком сжаты,
Тогда встает один,
Другой, третий —
Женщины, старики, дети.
И поэт впереди,
Хотя мало мяса в поэте,
Но и он, я верю, годится
Как удобрение
Полей времен.

И в обломках крушенья,
Где слиты сон,
Грязь, колеса, кровь,
Мозг машин и голов,
Лохмотья парчи
И боль кричит:
«Смерть возьми!»
Лежит он —
Новый мир —
В пеленках
Грядущего.
Сильного, розового ребенка —
Единого, сущего,
Силой своего ремесла,
Лирной и трубной,
Неподкупный
Поэт, славь!

1917

10. 27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Ошибся враг, бесстыдством ловкий, —
Преображенным этим днем
Не вспыхнут темные винтовки
Братоубийственным огнем.

Всё то, о чем мы лишь мечтали,
Чем жили долгие года,
Вдруг станет близким, как вначале,
И победившим навсегда.

Запомни ныне день и год
И вырежь даты в славной тверди, —
Мы купим радости свобод
Хотя бы собственною смертью,

Чтоб через долгие века
Запечатлелось неуклонно:
В тот день народная рука
Разбила царскую корону

О камни темной мостовой,
О стены тюрем и подвалов,
Как бьет прибой береговой
Скорлупы раковин о скалы...

1917

11. ИЗ ПЕСЕН СВОБОДЫ

Ты, кровью святой обагренный,
Наш молот борьбы и труда!
Народы, несите короны,
Мы их разобьем навсегда.
Пускай не алмазы сверкают
На важных пустых головах,
Пускай разольется по краю
Свет истин, сражающих мрак.

Кто раз поклонился тирану —
Тот будет надолго рабом,

Свободы великие страны
Велики свободным трудом.
Над нами безумцы сидели,
А ими владело ничто,
Мы слишком их долго терпели
И слишком платились за то.

Что было, сгорело в боренье,
Но яд не сгорает в крови.
Народы, в грядущих движеньях
Следите ошибки свои...
А те, что ценились богато,
Все знаки позорных наград
Сегодня в минуты расплаты
Народу пускай возвратят.

Мы вышли из дебрей тумана
И новой дорогой идем,
Быть может, до волн океана
Мы знамя свобод донесем.
Быть может, в окоп из окопа
Пройдет огневая волна
И черные троны Европы
Падут, как видения сна.

И, сбросив одежды печали,
Воскликнут в восставшей стране:
«Как долго мы, мертвые, спали,
Как страшно мы жили во сне!»
Закроются жгучие раны,
Растворятся двери гробов,
Не будет на тронах — тиранов,
Не будет у тронов — рабов.

И красное знамя покроет
Наш молот сердец огневых,
Ковавший бессмертным героям
Оружье сражений святых.
И в бури печей раскаленных
Послушно ложится руда...
Народы! Несите короны,
Мы их разобьем навсегда!

1917

12. ПЕРЕКРЕСТОК УТОПИЙ

Мир строится по новому масштабу.
В крови, в пыли, под пушки и набат
Возводим мы, отталкивая слабых,
Утопий град — заветных мыслей град.

Мы не должны, не можем и не смеем
Оставить труд, заплакать и устать:
Мы призваны великим чародеем
Печальный век грядущим обновлять.

Забыли петь, плясать и веселиться, —
О нас потом и спляшут и споют,
О нас потом научатся молиться,
Благословят в крови начатый труд.

Забыть нельзя — враги стеною сжали,
Ты, пахарь, встань с оружием к полям,
Рабочий, встань сильнее всякой стали,
Все, кто за нас, — к зовущим знаменам.

И впереди мы видим град утопий,
Позор и смерть мы видим позади,
В изверившейся, немощной Европе
Мы — первые строители-вожди.

Мы — первые апостолы дерзанья,
И с нами всё: начало и конец.
Не бросим недостроенного зданья
И не дадим сгореть ему в огне.

Здесь перекресток — веруйте, поймите,
Решенье нам одним принадлежит,
И гений бурь начертит на граните —
Свобода или рабство победит.

Утопия — светило мирозданья,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь, —
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

20 ноября 1918

13. О РОССИИ

Не плачьте о мертвой России —
Живая Россия встает, —
Ее не увидят слепые,
И жалкий ее не поймет.

О ней горевали иначе,
Была ли та горесть чиста?
Она возродится не в плаче,
Не в сладостной ласке кнута.

Не к морю пойдет за варягом,
Не к княжьей броне припадет, —
По нивам, лесам и оврагам
Весенняя сила пройдет.

Не будет пропита в кружале,
Как прежде, святая душа
Под песни, что цепи слагали
На белых камнях Иртыша.

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ,
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенет.

Умрет горевая Россия
Под камнем, седым горюном,
Где каркали вороны злые
О хищников пире ночном.

Мы радости снова добудем,
Как пчелы — меды по весне,
Поверим и солнцу, и людям,
И песням, рожденным в огне.

1918

14. «ПРОЛЕТАРИЙ ГОВОРИТ»

(Из поэмы)

...Дать человеку человечность,
Мечте — захват безумных крыл,
Вести из временного в вечность
И к небу, к небу — из могил.

Открыть все рынки и подвалы,
Все двери настежь: ешь и пей!
Ввести в разубранные залы
Убогой улицы детей.

Смотреть, смеяся тихим смехом,
Как полны счастья, как легки,
Как рады солнечным потехам
Их глаз святые васильки.

Нет моего. Всё ваше, ваше,
Кто вин изысканных знаток?
Другой их пил из вашей чаши,
Другого нежил пряный сок.

Зачем, дитя, ты в жалком черном?
Бери сверкание парчи,
Смотри, как ловко и узорно
В цветах здесь вытканы лучи.

О мать, ты потеряла сына,
Не плачь, здесь все твои сыны,
Они почтут твои седины
Своими песнями весны.

Старик, ты хмур — боишься ночи?
Зачем молчанье и тоска?
Я сам имею глаз пророчий,
Я сам старее старика.

Ты хмур, что пали эти храмы?
Ты зол — дворцы в руках чужих?
Кто был согбен — тот ходит прямо,
Нет больше нищих и слепых.

Все чуда разом совершились,
Как все расплавились венцы,
За всех страдали, и молились,
И гибли деды и отцы...

Кто духом был отважней прочих,
Знал лишь могильные огни,
Всегда безжалостные ночи
И злом отравленные дни.

И саван мутного рассвета
С лица земного я сорвал,
И скорбь погасла, как комета,
И ужас пал и задрожал.

И властный голос окрыленно
На все края сказал: твори,
И дети подняли короны
В пыли смеющейся зари.

Усталых спины разогнулись,
Вздохнула солнцем красота,
И мне за это улыбнулись
Детей хрустальные уста!

19 сентября 1918

15. БАНКИР

Он для себя построил небоскребы,
Дворцы, музеи, театры, алтари,
К нему пришли священники и снобы,
Ученые, артисты и цари.

И он поставил пушки против пушек,
Купил умы, дома и корабли,
Судьбу одних предательски разрушил,
Судьбу других победно окрылил.

Его собакам, слугам — преклоненье,
Его цилиндр поэтами воспет,
Он, снисходя, приходит слушать пенье
Певцов и див, которым равных нет.

У ног его несметный полк рабочих,
И силу рук, и силу их умов
Он взял себе, свободу дня и ночи,
Приставив к ним своих надежных псов.

От юношей — желанья и расцветы,
От стариков — надежду отдохнуть,
Он отнял всё. Пылало зноем лето,
В тисках труда пылала кровью грудь!

Вихрь ледяной носился по кварталам,
Стучал озноб, синели кулаки,
Нужда, как тень, за их спиной стояла,
И голод бил в холодные виски.

А он, как бог, всеведущ и незнаем,
Незримо всюду: в небе, в рудниках,
В своем дворце, для всех недосягаем,
Он блеск и тьма, надежда, счастье, страх.

Форты и рынки, пастбища и троны
В его руках — и власти нет конца,
И смотрит он надменно, благосклонно,
С презрительной усмешкой хитреца.

Но близок день, но близок час возмездья —
Сгорит дворец, и рухнет небоскреб, —
Рабочих звезд великие созвездья
Осветят гроб, банкира страшный гроб.

На всех путях преграды вихрь поставит —
И в городах, и в небе, и в воде,
К какой тогда неведомой отраве
Он прибежит в последней череде?

И доллары покатятся, как кости,
И отзвенят в окаменевшем рту,
И смерть, как тюк, его костяк подбросит
И, засмеявшись, кинет в пустоту.

1918

16. ПЕТЕРБУРГ

Гебе я посвящаю этот стих,
Который похвалить ты не обязан,
Тебе, прекрасному, как тот жених,
Что не любил еще ни разу.

А всё ведут века невест:
Свободу, бурю радостей лукавых.
Тебя не выкурил из трубки Геркулес
Затяжкой крепкой пороха и славы.

Тебя не выдавил его ботфорт
Из чрева гнило-синего болотца,
Куда заброшен старенький топор,
Каким ты ставил первые воротца.

Где кости моряка, который рот
Забыл закрыть при громовом ударе,
Когда его услышал галиот
Салютный бас из пасти Хирвисари?

Ты сотворен тяжелою рукой,
И мыслью ты мозолистой украшен, —
Вот почему ты величав и страшен,
И я люблю, что ты такой.

О, усмехнись же и ответь мне: нет!
Я знаю, сероглазый демон,
Пускай не каждый житель твой — поэт,
Но каждый камень твой — поэма!

Между 1915 и 1918

17. МЕМУАРЫ

(ПАРИЖСКАЯ КОММУНА)

...И он спросил: «Но чьим судом я осужден?»
— «Судом народа», — я ему ответил.
Одним врагом в Париже стало меньше,
И это был епископ Дарбуа.

А я вернулся снова в Комитет
Старательно перебелять приказы,
И много жило храбрости и крови
В чернилах незаметного писца.

Вне времени я пребывал в те дни,
На стуле спал, не помню, где обедал,
И только мельком видел занавески
В заветных окнах в улице Маньян.

Всё меньше становилось коммунаров —
Тот изнемог, тот струсил, тот погиб,
И скоро вокруг нас остались только
Отрезанные пламенем пожаров
Последние бойцы и мертвецы...

Домбровский пал. И черный узел дыма
Парижа горло стягивал всё туже,
Вдруг бледный человек у двери крикнул:
«Вы знаете, что Делеклюз убит!..»

И многие смутились... Тут перо
В моей руке сломалось, вздрогнув,
И на бумаге красные чернила,
Как кровь, разбрызгались, и я вскочил,
Схватил ружье и выбежал на площадь.

Париж Коммуны великан пожара
На огненном щите до неба поднял,
На баррикадах возле Шато д'О
Меня схватили пьяные версальцы.

А в это время в улице Маньян
Сражался мальчик, милый, темноглазый,
Одной рукой откидывая кудри,
Мешавшие, лукавые, стрелять.

Любить умели розовые губы,
Мгновенно их поцеловала смерть,
Тот мальчик умер на глазах Брюнеля,
И солнце закатилось для меня.

И врезались мне в память час и место.
Занозы острые и посейчас, —
Ведь мальчик тот была моя невеста,
Переодетая морским стрелком...

1920

18

Полюбить бы песенки простые,
Чистые, как воздух на заре,
В них не нужно путать запятые,
О словах справляться в словаре.

В них дыханье трав и перелесков
Так же нежно, как лазурь,
И в глаза не бьют прибоя блески,
В уши — заклинанья бурь.

В их покое что-то есть о чуде,
Всё, что можно сердцем пожелать,
В них не нужно размышлять, что будет,
Ни о чем не нужно вспоминать...

Между 1913 и 1920

19

Крутили мельниц диких жернова,
Мостили гать, гоняли гурт овечий,
Кусала ноги ржавая трава,
Ломала вьюга мертвой хваткой плечи.

Мы кольца растеряли, не даря,
И песни раскидали по безлюдью.
Над молодостью — медная заря,
Над старостью... — но старости не будет.

1919

20

Ты мне обещана, но кем — не знаю,
Но кем-то добрым и большим,
Когда я что-нибудь обещаю —
Обещаю именем твоим.

И если б был я хранитель стада,
Моряк, купец или земледел,
Я б отдал всё за трепет сада,
Где теплый лист на тихой воде,

Где ты читаешь, поешь иль плачешь,
О нет, не плачешь — то плачу я,
Где всё знакомо и всё иначе
И даже слезы — как блеск ручья.

Сейчас я скитающийся невольник,
Я вижу вокруг лишь сады чужих,
Но мне не завидно, мне не больно,
Иду уверенно мимо них.

И я забываю свои скитанья,
Чтоб память только тебе отдать,
Я помню только: ты — обещанье,
А тот, кто помнит, — умеет ждать!

1919

21. ЭКСПРЕСС В БУДУЩЕЕ

В час, когда месяц повешенный
Бледнее, чем в полдень свеча,
Экспресс проносится бешеный,
Громыхая, свистя, грохоча...

И когда над мостами в пролеты
Проведет он живую черту,
Прыгни сразу — и огненный кто-то
Вдруг подхватит тебя на лету.

И никто на путях незаказанных
Не прервет его окриком: стой!
Будет всё тебе в мире рассказано,
Если дух свой сольешь с быстротой.

Через степь неживую, колючую
Просвистит по ребру пирамид,
Перережет всю Африку жгучую,
В Гималаях змеей прозвенит.

Обжигая глазами сигнальными,
Прижимая всю Землю к груди,
Он разбудит столицы печальные,
Продышав им огни впереди.

И когда из-за сумрака мглистого
Очертанья стуманятся в ряд,
Заревет он раскатно, неистово,
Пролетев Вифлеем — Петроград.

Его след на полях чернозема
И в плантациях чая пролег,
В лабиринтах Европы, как дома,
На дорогах волшебный свисток.

Шоколадные люди Цейлона,
Позабытый огнем эскимос...
Провожают сверканье вагонов,
Вихревые расплески колес.

Чудо рвется из глотки со свистом,
Всем понятны сигналы его,
И мудрее его машинистов
Не найти на земле никого.

Август 1920

22

Мне было ничего не жалко,
Я всё узнал, чрез всё прошел,
Но в полночь дерзкая гадалка
Мне карты бросила на стол.

Зеленый луч глаза мне залил,
Я понял: это будет здесь, —
Упали карты и сказали:
Дорога, женщина и песнь.

Я днями шел, а ночью снилась
Страна, которой в жизни нет,
Ты в ней моей дорогой билась,
Как песнь, звучала мне во сне.

Не помню — на Неве, на Ниле, —
Молниеносностью огня
Два долгих солнца ослепили
Дорогу, песню и меня.

Между 1913 и 1920

23

Девятый вал угадывать нетрудно,
Когда валы проходят чередой,
Но не в стенах испытанного судна
Меня настиг неснившийся прибой.

Подобную кочующей медузе,
Он вынес душу к камням золотым,
Чтобы прозрачный драгоценный узел,
Не замечая, растоптала ты.

Между 1913 и 1920

ЖИЗНЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

Из походной тетради
1916—1917

24. ДРУГУ

Ночь без луны кругом светила,
Пожаром в тишине грозя,
Ты помнишь всё, что с нами было,
Чего забыть уже нельзя:

Наш тесный круг, наш смех открытый,
Немую сладость первых пуль,
И длинный, скучный мост Бабита,
И в душном августе Тируль.

Как шел ночами, колыхаясь,
Наш полк в лиловых светах сна,
И звонко стукались, встречаясь,
Со стременами стремена.

Одних в горящем поле спешил,
Другим замедлил клич: пора!
Но многие сердца утешил
Блеск боевого серебра.

Былое заключено в книги,
Где вечности багровый дым,
Быть может, мы у новой Риги
Опять оружье обнажим.

Еще насмешка не устала
Безумью времени служить,
Но умереть мне будет мало,
Как будет мало только жить.

1916 или 1917

25. РАНЕНЫЙ

Дрожащий не от боли — от испуга —
И раненую ногу волоча,
Снимал он под сочувственную ругань
Свою рубаху с потного плеча.

Угрюмый фельдшер равнодушно слушал,
Как бинт шуршал, и губы кверху гнул.
И он пошел, и уносили уши
Мелькнувшей смерти колокольный гул.

И там, где рана, колыхалось пламя,
И ребра зверь неустающий грыз,
И гулкими зелеными руками
Казались ветки, падавшие вниз.

Всё закружилось в нестерпимом свете,
И не понять: то ветер или стон,
Деревья, как танцующие плети,
Смеются, бьют его со всех сторон.

...Двуколка прыгала в ночной прохладе,
Шумя, бежала черная страна.
И он в поту неудержимо падал
На камни дна, не достигая дна.

1916 или 1917

26. В ОПЕРЕ В РИГЕ

Надрываясь от страсти нездешней
Посреди облинялых куртин,
В этом бархатном мире безгрешном
Меч картонный вертел Валентин.

И я знал: Валентин отстрадает
Под хлопки очарованных дам,
А меня под дождем ожидает
Мглистый путь по разбитым полям.

О, как вспомню улыбки и пенье,
Когда в скользком дыханье болот
Я пройду по ходам сообщенья,
Чтоб послушать, как строг пулемет.

1916 или 1917

27. ДОЗОР НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Идут засаленные карты
По необычному столу —
Обломкам старой черной парты,
Летает ругань в полумглу.

Сосредоточенные лица
И крики яростных врагов,
Им вторят моря небылицы
И сосны рыжих берегов.

И под луной, такой печальной,
Оглушена, потрясена
В пустынных комнатах купальной
Гусарским громом тишина.

Прошедших дней немые беды
Хранят свой величавый вид,
И завтра день — не день победы,
Мне тоже сердце говорит.

О смерти думать бесполезно,
Раз смерть стоит над головой.
Я бросил юность в век железный,
В арены бойни мировой.

1917

28

Котелок меня пó боку хлопал,
Гул стрельбы однозвучнее стал,
И вдали он качался, как ропот,
А вблизи он висел по кустам.

В рыжих травах гадюки головка
Промелькнула, как быстрый укол,
Я рукой загорелой винтовку
На вечернее небо навел.

И толчок чуть заметной отдачи
Проводил мою пулю в полет.
Там метался в обстреле горячем
Окружаемый смертью пилот.

И, салютом тяжелым оплакан,
Серый «таубе» в гулком аду
Опрокинулся навзничь, как факел,
Зарываясь в огонь на ходу.

И мне кажется, в это мгновенье
Остановлен был бег бытия,
Только жили в глухих повтореньях
Гул и небо, болото и я.

1916 или 1917

29. РИГА

Мы шли к тебе в часы рассвета,
И перед нами шел туман,
Да в облаках далеко где-то
Гудел враждебный моноплан.

В тумане город будто гнулся,
Как будто падал в пустоту,
Недаром конь мой вдруг споткнулся
В то утро на твоем мосту.

Он чувствовал чутьем звериным,
Что мы идем в последний раз,
Что этот час, нарочно длинный, —
Прощанья с целым краем час.

Уже тесняся перед нами,
Держа пути во все концы,
Большими темными рядами
Вдаль уходили беглецы.

Сегодня по своим аллеям
Услышишь ты свинцовый шаг.
Не будет тонким чародеем
Бессильный и всесильный враг.

Да, он бессилен снять с покровов
Твоей истории века,
Но цепью крепкою и новой
Тебя скует его рука.

Он подошел и бросил сталью,
Был виден ясный недолет.
На север в сумрачные дали
Мы в новый тронулись поход.

10—11 сентября 1917
Вольмар

30. АТАКА ПОД РОДЕНПОЙСОМ

Последний длинный луч заката
Я помню до сих пор.
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвием маня.
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час — как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере — одна!

1916 или 1917

31

Базара пустынные камни,
Дома, где отчаянье спит,
На окнах дубовые ставни
Глядят в безысходность ракит.

Всё вымерло в улицах малых,
Как будто их мрак откупил,
Как будто чума пировала
И пеплом засыпала пир.

Товарищ ругался беззлобно,
Свистел я, чтоб ночь превозмочь,
Но были мы вкованы оба
В совсем неподвижную ночь.

И вдруг эскадронов в разбеге
Донесся чеканенный гул,
И мертвый солдат на телеге
Тяжелой рукой шевельнул.

1916 или 1917

32

Почему душа не под копытами,
Не разбита ночью на куски?
Тяжко ехать лесом тем, пропитанным
Йодистым дыханием тоски.

Словно хлора облако взлохмаченно,
Повисает на кустах туман,
В нем плывут, тенями лишь означены,
Может — копны, может быть — дома.

Конь идет знакомым ровным шагом,
Службу он несет не кое-как...
А по всем лесам, холмам, оврагам
Спят костры, пронзая желтым мрак.

Едем мы сквозь черной ночи сердце,
Сквозь огней волнующую медь,
И не можем до конца согреться
Или до конца окаменеть.

1916 или 1917

33. СМЕРТЬ ДРУГА

Я свежий труп ищу в траве,
Я свежий труп ищу,
Он пал с осколком в голове,
Я — странно! — не грущу

Лишь потому, что и меня,
Чтоб знать, где зарывать,
Вот так же будут в травах дня
Товарищи искать.

Земля одна и смерть одна,
Но почему я стал?
Мне голова его видна
И темных губ овал.

«Убит!» — сказали про него.
Я труп его искал,
Нашел, поцеловал его
И молча закопал.

8 сентября 1917
Вольмар

34. ЗАМОК ВОЛЬМАРСГОФ

Мы вошли с оружьем на закате,
Видим — птицы: ястреб и сова
Смотрят в сад, где на широком скате
Желтая, бессильная трава.

Вдаль ушли пустынные дорожки
До ворот, что буря сорвала,
Вдоль забора одичало кошка
Промелькнет — и снова глушь и мгла.

Не войдет в покой уединенный
Прошлых лет хозяин иль слуга.
На стене, как ветхие знамена,
Ряд ковров. Лосиные рога.

Умерли баронские мечтанья,
Сброшены с высокого крыльца.
Как проклятье, душно это зданье,
Ряд столетий ждущее конца.

1916 или 1917

35. В ЛИФЛЯНДИИ

Как тарелка, небо чисто вымыто,
Черные леса обнажены,
В мире нет безжалостнее климата,
Безнадежней климата войны.

Не искать теперь уж песен зяблика
Над старинной, тихою рекой,
Даже смерть похожа здесь на яблоко,
Что упало мягко и легко.

И сейчас улыбки кровью дышат тут,
Горя много — как не горевать,
Может быть, так нужно: жить неслышно
И еще неслышней умирать.

1916 или 1917

36

Стрельба за нами — будто рубят
Лес в красных шарфах мужики.
Уйдем, уйдем, иль нас погубят
Трясины, насыпи, пески.

И солнце в бегстве — точно пики,
Лучи ломаются о лес,
И отступленья шум великий
Восходит прямо до небес.

И в алом, вставшем выше леса
Обмане тучи заревой
Лиловый всадник встал и свесил
Копье с трофейной головой.

Он дразнит этим сном зеленым,
Он черным усом мне грозит,
И жмется лошадь по уклону
И настороженно храпит.

И всё мне кажется, что сплю я,
Мне снится битвы темный зов,
Как вечер пышного июля
Томит волной предгрозовой.

1916 или 1917

37

Земля и небо страшно разны,
Лежу на дряхлом блиндаже,
Вот в стройность мыслей безобразно
Ворвались строфы Беранже.

Мне книга не прикажет грезить —
Я слишком густо загорел,
Я слишком мысли ожелезил,
Я слишком в этом преуспел.

И, может быть, уже возмездье
На полдороге, как заря.
Шрапнели черные созвездья
Ударят в спину дикаря.

1916 или 1917

38

Трубачами вымерших атак
Трубят ветры грозные сигналы,
И в полях, я чую через мрак,
Лошадей убитых закачало.

Вновь дорога — рыжая петля,
И звезда — как глаз противогаза.
Распласталась чуждая земля,
Расстелилась пестрой, как проказа.

Я забыл, зачем железный зов
Жалобно визжал в многообразье.
Вязы придорожных берегов
Плачут грязью.

1916 или 1917

39

Я забыт в этом мире покоем,
Многооким хромым стариком;
Никогда не молюсь перед боем,
Не прошу ни о чем, ни о ком.

И когда загорится граната
Над кудрями зелеными рощ,
Принимаю страданье, как брата,
Что от голода долгого тощ.

Только я ожидаю восхода
Необычного солнца, когда
На кровавые нивы и воды
Лягут мирные тени труда.

1916 или 1917

ОРДА

1919—1921

...Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил...

Баратынский

40

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, —
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

41

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,

Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

1921

42

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы,
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирали в красном дыму.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями
И лесами — четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат, —
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

1921

43

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

Ноябрь 1921

44. ДЕЗЕРТИР

С. Колбасьеву

Часовой усталый уснул,
Проснулся, видит: в траве
В крови весь караул
Лежит голова к голове.

У каждого семья и дом,
Становись под пули, солдат,
А ветер зовет: уйдем,
А леса за рекой стоят.

И ушел солдат, но в полку
Тысяча ушей и глаз,
На бумаге печать в уголку,
Над печатью — штамп и приказ.

И сказал женщине суд:
«Твой муж — трус и беглец,
И твоих коров уведут,
И зарежут твоих овец».

А солдату снилась жена,
И солдат был сну не рад,
Но подумал: она одна,
И вспомнил, что он — солдат.

И пришел домой, как есть,
И сказал: «Отдайте коров

И овец иль овечью шерсть,
Я знаю всё и готов».

Хлеб, два куска
Сахарного леденца,
А вечером сверх пайка
Шесть золотников свинца.

6 ноября 1921

45

Посмотри на ненужные доски —
Это кони разбили станки.
Слышишь свист, удаленный и плоский?
Это в море ушли миноноски
Из заваленной льдами реки.

Что же, я не моряк и не конник,
Спать без просыпа? Книгу читать?
Сыпать зерна на подоконник?
А! я вовсе не птичий поклонник,
Да и книга нужна мне не та...

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди, простым.

Вот и верю я палубе шаткой,
И гусарским, упругим коням,
И случайной походной палатке,
И любви расточительно-краткой,
Той, которую выдумал сам.

Между 1917 и 1920

46

Хотел я ветер ранить колуном,
Но промахнулся и разбил полено,
Оно лежало, теплое, у ног,
Как спящий, наигравшийся ребенок.

Молчали стены, трубы не дымили,
У ног лежало дерево и стыло.

И я увидел, как оно росло,
Зеленое, кудрявое, как мальчик,
И слаще молока дожди поили
Его бесчисленные губы. Пальцы
Играли с ветром, с птицами. Земля
Пушистее ковра под ним лежала.

Не я его убил, не я пришел
Над ним ругаться, ослепить и бросить
Кусками белыми в холодный ящик.
Сегодня я огнем его омою,
Чтоб руки греть над трупом и смеяться
С высокой девушкой, что — больно думать —
Зеленой тоже свежестью полна.

1919

47. ЗАСУХА

В душном пепле падал на страну
Лунного осколок изумруда,
Шел и ширился подземный гул,
И никто до света не уснул.

Он пришел — я не спросил откуда,
Я уж знал — и руку протянул.

На ладонь своей рукой лохматой,
Точкою на вязь ладонных строк,
Положил сухой, продолговатый,
Невысокий черный уголек.

«Здесь, — сказал он, — всё — земля и небо,
Дети, пашни, птицы и стада,
Край мой — уголь, мертвая вода
И молчанье, где я только не был,
На, возьми, запомни навсегда!»

Подо мной с ума сходили кони.
Знал я холод, красный след погони,
Голос пули, шелесты петли...

Но сейчас, сейчас я только понял,
Что вот этот холмик на ладони
Тяжелей всех тяжестей земли.

1921

48

М. Неслуховской

Где ты, конь мой, сабля золотая,
Косы полонянки молодой?
Дым орды за Волгою растаял,
За волной седой.

Несыть-брагу — удалую силу —
Всю ковшами вычерпал до дна.
Не твоя ль рука остановила
Бешеных любимцев табуна?

На, веди мою слепую душу,
Песнями и сказками морочь!
Я любил над степью звезды слушать,
Опоясывать огнями ночь.

Не для деревенских частоколов,
Тихо-пламенных монастырей
Стал, как ты, я по-иному молод,
Крови жарче и копья острей.

Проклянет меня орда и взвоет, —
Пусть, ведь ты, как небо, весела.
Бог тебе когда-нибудь откроет,
Почему такою ты была.

1920 или 1921

49

Когда уйду — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнятся пятна, —
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

Ноябрь 1921

50

Мою душу кузнец закалил не вчера,
Студил ее долго на льду.
«Дай руку, — сказала мне ночью гора, —
С тобой куда хочешь пойду!»

И солнечных дней золотые шесты
Остались в распутьях моих,
И кланялись в ноги, просили мосты,
Молили пройти через них.

И рощи кричали: «Любимый, мы ждем,
Верны твоему топору!»
Овраги и горы горячим дождем
Мне тайную грели нору.

И был я беспутен, и был я хмелен,
Еще кровожадней, чем рысь,
И каменным солнцем до ног опален, —
Но песнями губы зажглись.

1920

Мать.

Когда уйду совсем — седая ~~тоже~~ мать,
Я знаю, не поверит и [illegible] тоже будет —
~~И снег волос не тали не острижены~~,
Хотя ей трудно будет понимать
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу
И на щеках заволокнятся из [illegible] —
Ведь тот, кто не придет уж обратно —
Играл у ног когда-то на полу.

Глаза качнут, ~~она~~ как старые враги
Безжалостными острыми стрелками,
~~Что~~ Лицо вздрагнет, неверные шаги
Как будто отяжелело тело…

(Иными подтеками стало тело)
что)

Д. 1924.

51

Полюбила меня не любовью, —
Как березу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но ни песней, ни бранью, ни ладом
Не ужились мы долго вдвоем, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?»
— «Видно, хуже», — ответил якут,
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

1920

52. СВИФТ

Всему здесь низкая цена:
Помои, взмыленную воду
Льют на голову из окна
Нечаянному пешеходу.
Из длинных щелей — кислый пар,
У двери — с глиною носилки,
Насколько крепки черепа,
С утра уж пробуют бутылки.

Любовь, целуй в подбитый глаз
Матроса, нищего, воровку!
Не всем в парламенте атлас,
Не всем в Ньюгете есть веревка.

Но и в карет сановный бег
Иной раз камень свистнет кстати, —
На страже резкий человек
В зеленом чучельном халате.

Он знает, дерзостный старик,
Какой нас ветер сдунуть сможет.
Тебя, Филипп, гнилой мясник,
Вас, королева Анна, — тоже.
Молчи, слепая голытьба!
Пусть говорят одни памфлеты:
Они лишь зерна, а борьба,
Как урожай, не раньше лета.

И лорд, в батист упрятав нос,
За сто гиней просить союза
Идет во весь расшитый рост
К тому, кто в ссоре даже с музой.
«День добрый, друг, я в вашей воле. . .»
— «Спасибо, герцог, я польщен.
Сегодня ваш обед без соли —
Так вот вам соль: ступайте вон!

Прошу, я с вами незнаком».
О, сколько счастья — вслед гинеям
Швырнуть дырявым башмаком
И засмеяться, не бледнея!
Пусть злоба хлопает дверьми,
Отсюда — есть терпенью мера —
Впервые лилипутский мир
Услышит голос Гулливера.

Ведь здесь, уставшая молчать,
В обложке из тисненой кожи
Лежит высокая тетрадь,
Всех лордов Лондона дороже.

1920

53

«Человек, который смеется»

В. Гюго

Ночными солнцами владея,
На спящей маленькой земле,
Моя любовь — слепая Дея,
Смотри, как нежен Гуинплен!

Ему и волк колена лижет,
И чертит ласточка кольцо,
А он всё трепетней, всё ниже
К тебе склоняется лицом.

Скажи — он принесет парламент
В ладонях вытянутых рук,
Войдет в хохочущее пламя,
Подставит шею топору.

О, если б знала ты, бледнея,
Зовя с собой в старинный плен,
Что ты убьешь, слепая Дея,
Того, кто звался Гуинплен.

1919 или 1920

54

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающихся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами всё поймут,
Спросят нас, но губы не ответят
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью всё откуплено сполна».

1921

БРАГА

1921—1922

...И вечный бой! Покой нам только снится.

А. Блок

55

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство!

1921 или 1922

56. ВСАДНИКИ

Под ремень ремень, и стремена
Звякнули о сумы-переметы,
Пальцы на поводьях, как узлы,
Желты, не велики, не малы:
Погрызи, дружок, железо — на!

Город спит, устал, до сна охоч!
Просверкали над домами,
Над седыми ребрами дворца,
В ночь, в поля без края, без лица —
В черную лихую зыбь и ночь.

Ни подков, ни стойла, ни овса,
Ледяная, длинная Двина.
«Эй, латыш, лови их на прицел,
Сторонись, покуда жив и цел!»
Гривы бьют о дюны, о леса.

Крик застыл у часовых во рту,
Раскололся пограничный столб,
А за киркой море и луна —
Корабли шершавей полотна,
Молниями шпоры на лету.

И рука над гривою тверда,
И над картой пролетает глаз,
Отмечает знаками черед:
Веткой — рощу, паутиной — брод,
Кровью — села, пеплом — города.

Весь избит копытом материк,
Если б жив был опытный астролог,
Он бы перечел сейчас коней,
Масть узнал — цвет глаз, копыт, ремней, —
Над горами льдин прозрачный крик.

В паутине веток кровь хрустит,
Лондон под передними ногами,
Дувра меловая голова,
Франции прогорклая трава, —
И в аркан сливаются пути.

Простонал над рельсами экспресс,
Под копытом шпалы пополам,
Дальше некуда — отсюда весть.
«Здесь», — сказал один, и третий: «Здесь!
Здесь! — каких еще искать нам мест?»

Утром встали спавшие беспечно.
На камнях, дорогах, на стенах
Кто-то выбил, выжег, положил
Всюду звезды, и повсюду жил
Алый блеск тех звезд пятиконечных!

1922

57. РЫБАКИ

Напряглись вконец рыбачьи души,
И взлетел песок им до колена,
В брызгах, точно через соль и порох,
Волочат из океана город,
Сети тащат лестницы и стены.

На паркетах ло́снятся машины,
Люди шумны в тканях духовитых,
Кто видал затейнее корыто?
Только старший усмехнулся длинно:
«Рыбаку нужны волна да небо,
Отдадим-ка лишнее обратно».

Ухнул город в переплеск двукратный.

Гнал им в сети вечеровый ветер
Тучу теплой краснобокой рыбы,
Посыпали рыбье сердце солью —
На камнях пекли ее нескоро, —
И уснули зубы на рассвете.
А в полях всю ночь рыбачьи дети
Из камней сколачивали город.

Лег поселок перед их законом,
Как ладья под тучею бродячей, —
Город встал и порохом каленым
Пропечатал борозды рыбачьи.

Я рожден в береговой стоянке,
Когда парус выкрасили кровью,
Рыбу вбили в жестяные банки,
Мертвым дали волны в изголовье.

Только в сердце и сумел сберечь я,
Как гудели сети в этот вечер,
Темные, как мудрость человечья.

1922

58. ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ

От дождя пробегает по камню дрожь,
Патруль прикладом стучит на крик,
Только ветер да ночь ты сегодня вплетешь
В свои ржавые кудри, старик.

Искушать любовь, заклинать цветы
Тяжелая сила его несет, —
За улицей улица — темны и пусты,
За углом, за сугробом — вход.

Лохматится вся седая спина,
Стучится и входит глупец —
В доме не спят, в доме — тишина,
Но весь он — бетон и свинец.

Хозяин рад и ведет жену,
Холодом звездным горят волоса,
Сквозь гостя она глядит в тишину
И просит подняться в сад.

Лилии льются, медь блестит,
Соловей стеклянный поет в кустах,
И шепотом ветхим старик ворожит,
Но в шепоте пыль и страх.

Но дождем пробегает по телу дрожь,
И в жилах ветер стучит.
«Здесь бетон и свинец, старину не тревожь», —
Хозяйка смеясь говорит.

А хозяин встал, и ударил пса,
И взглянул глазами врага.
Да, забыли они, как блестит роса
На волнистых, на долгих лугах.

Патруль прикладом стучит на крик,
Капли летят брызг дождевых,
Нагибаясь, псу говорит старик:
«Их двое, и мир для них».

И снова, сгибаясь, хохочет он:
«Я слышу, слышу конец!»
Сквозь душу и ночь прорастает бетон,
Над кровью шумит свинец!

1921 или 1922

59. СЕВЕРНАЯ ИДИЛЛИЯ

Не простые чайки по волне залетели —
Забежали невиданные шнявы,
Как полночному солнцу иволги пели,
Слушал камень лютый да травы.

Расселись гости, закачали стаканы,
С зеленой водою пекут прибаутки,
Кроют блины ледяной сметаной,
Крепкие крутят самокрутки.

Чудят про свой город: гора — не город,
Все народы толкутся в нем год целый,
Моржей тяжелей мужи-поморы,
В смоленом кулаке держат дело.

«А у нас валуны, как пестрые хаты,
Заходи-ка, чужак, в леса спозаранья,
Что отметин на елях понаставил сохатый,
Что скрипу чудного от крыла от фазанья».

Хохочет кожаный шкипер, румяный, манит:
«Ну, заморского зелья, ну, раз единый».
Стеклянная кровь ходуном в нем нынче мурманит,
В собачьем глазу его тают льдины.

Руку жмет, гудят кости, что гусли,
Лает ласково в дым и ветер.
«Лондон, Лондон — Русь моя, Русь ли?
В ушкуйницу мать — ушкуйники дети».

Расплылся помор, лапу тычет вправо,
Колючебородый с тюленьей развалкой старик:
«А вон там, пес ты божий, — глянь через камень и травы,
Москва-мать, ходу десять недель напрямик».

1922

60. ГЕРМАНИЯ

Июлем синим набежало время,
В ветвях кочует слив отряд,
Домой вернувшийся солдат
Несет зарю в тяжелом шлеме,
Чтобы отдать садам.

Еще клеймо с короной на плече,
Еще бежит дыхание огня
Нечаянно через сады и сливы,
Еще молчать рукам нетерпеливым
И деревам склоняться у плетня.

Но уже кровью пьяны Лорелеи,
Хрипя на площадях о том,
Что узки временам плац-парки и аллеи,
Под черным колесом грузовика
Погибнет Лютера спокойный дом.

Пивной ручей — вторая кровь народа —
Жжет бороды, но души не бодрит,
Кричат в ушах стальные Лорелеи:
Германский хмель — безумец огородов —
Тягучей силою степей обвит.

А там, внизу, в осколках красных градин
Куется для последней боли зуб,
Там ждут давно, — и если молот Тора
Из зал высоких навсегда украден,
Тот молот Тора там, внизу.

1922

61. КРЫСА

Ревела сталь, подъемники гудели,
Дымились рельсы, вдавленные грузом,
И в масляной воде качались и шипели
На якорях железные медузы.

Таили верфи новую грозу,
Потел кузнец, выковывая громы,

Морщинолобый, со стеклом в глазу,
Исчерчивал таблицами альбомы.

Взлетали полотняные орлы,
Оплечья крыш царапая когтями,
И карты грудью резали столы
Под шулерскими влажными руками.

Скрипучей кровью тело налито,
Отравленной слюной ночного часа
С жемчужным горлом в бело-золотом
Пел человек о смерти светлых асов.

Сердец расплющенных теплый ворох
Жадно вдыхал розоватый дым,
А совы каменные на соборах
Темноту крестили крылом седым.

Золотому плевку, красному льду в бокале
Под бульварным каштаном продавали детей,
Из полночи в полночь тюрьмы стонали
О каторгах, о смерти, о миллионах плетей.

Узловали епископы в алтарном мраке
Новый Завет для храбрых бродяг,
В переплетах прекрасного цвета хаки,
Где рядом Христос и военный флаг.

А дряхлые храмы руки в небо тянули,
И висел в пустоте их черный костяк,
Никто не запомнил в предсмертном гуле,
Как это было, а было так:

Земле стало душно и камням тесно,
С облаков и стен позолота сползла,
Серая крыса с хвостом железным
Из самого черного вышла угла.

И вспыхнуло всё, и люди забыли,
Кто и когда их назвал людьми.
Каменные совы крылами глаза закрыли,
Никто не ушел, никто. . . Аминь!

1922

Из долгого, прямого парохода
Самаритян холодных приношенье
Стекает рисом, салом, молоком.
Язык морского, строгого народа,
Хрип слов чужих, их краткий ритм движенья
Нам, изгонявшим медленность, знаком.

Они иную гнули тетиву,
Безжалостней и волею отвесней,
Их улицы надменной чистоты,
Но и у них родятся и живут
Такие ж волны в гаванях и песнях
И женщины такие же, как ты.

Какие б нас ни уводили вновь
Глухие тропы за бедою черствой —
Настанет наш черед —
Мы им вернем их темную любовь,
Мы им вернем упорство за упорство,
За мудрость — мудрость, лед — за лед!

1922

63. ПЕРЕКОП

Ка́тятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз —
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан. . .»
. . .Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

МОСКВА
ПЕТЕРБУРГ
1922

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — всё равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор —
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву —
Мы ждали, что сон придет
Первый раз не в крови и не наяву —
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось: если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

1922

64. СВАТЫ

Полюбил без памяти Микадо
Желтым сердцем за́ морем жену,
Жгут, слепят, шумят ее наряды,
Все пути ведут в ее страну.

Звона звонче сундуки Алтая,
Реки полны рыбы и воды,
Хороша пушнина горностая,
Рыси — рыжи, лоси — молоды.

Усмехнулись сваты-самураи
Скулами темнее янтаря,
Видят: с ветром льдинами играет,
Только сосны клонятся подряд.

От печали и любви упорной
Брат Дракона горько занемог,
Начал рис ему казаться черным,
Солью он посыпал свой порог.

«Не впервой мне слышать эти речи,
Гей ты, мать, разлапая тайга,
Разметай мне косы по надплечью,
Освежи мне зубы-жемчуга.

Чуден муж мой будет: с пол-аршина,
Посажу, как белку, на ладонь,
Степь живет ведь песней комариной,
Из наперстка люди пьют огонь.

Желтоклювы, гости-поморяне,
Поплыву к вам на павлиний двор,
Крепкоплечи сосны на Саяне,
Любит их мой каменный топор.

Ночь длинна, свалите их до солнца,
Свадебные стройте корабли».
Усмехнулись гордые ниппонцы,
Свистнули, как змеи, и пошли.

Спит невеста — сны пургою вьются,
Лязг и звон крутятся через сны,
Бьются час, другой, и третий бьются —
Ни одной не повалить сосны.

Не по их рукам топор Саяний,
Лишь кора смолистая летит.
Спит невеста, скоро утро встанет,
Заполощет паруса в пути.

Соль хрустит, Дракона брат глотает
Черный рис, глотает узким ртом.
Не вернутся сваты-самураи,
Под дремучим спят они хребтом.

Они честно потеряли лица,
Сели в круг и вынули мечи,
Им теперь топор двуручный снится,
Рыжих глаз косматые лучи.

Эх, краса не для земли павлиньей,
Дышит грудь, и губы говорят,
Десять жаб распоротых и синих
Красной лапой тронула заря.

1922

65. МАХНО

Илье Груздеву

Не пастух собирает стадо,
Не к ранней трезвонят часто,
То сзывает раду-громаду
Сам батько Махно клыкастый.

Затрещали скворцами наганы,
Закрывают молодайки двери,
Сизым полымем за туманы
Залетают жар-птицы перья.

Не чижи в воробьиной луже —
Кувыркаются паровозы,

И гуляет батько, не тужит —
Точно в картах тузовый козырь.

Но всё глуше маузеры лают,
Всё тусклее полощутся сабли,
Уже кони землю зацепляют,
Пулеметы гребут, как грабли.

Не побить всех днепровских уток,
Не угнать за лиман все тучи,
Еще много кожаных курток
На московских плечах колючих.

Понатешился батько посевцем,
Дарит ветер он красным доломанам,
И уходит обратно к королевцам,
К синеусым молдавским банам.

Пьет и бьет за чаркою чарку,
Снова зубы, как сабли, точит,
И, как угли, дымятся жарко
Завидущие батькины очи.

1921

66

Потным штыком банку пробил,
Зажевали губы желтое сало,
Он себя и землю любил,
И ему показалось мало.

От моря до моря крестил дороги,
Желтое сало — как желтый сон,
А запаивал банку такой же двуногий,
Такой же не злой и рябой, как он.

Галдели бабы: зайди, пригожий!
Ворчали деды: погоди, погоди!
От моря до моря всё было то же,
Как ты ни пробуй, как ни ходи.

Язык по жестянке жадно бегал.
Не знает консервный заморский слуга,
Как можно любить эти комья снега,
Кривые цветы на колючих лугах.

А ударит буря или сабля положит, —
Покатится банка, за ней — голова.
Ну как рассказать, что всего дороже
Живая, впитавшая кровь трава.

1922

67

Еще в небе предутреннем и горбатом
Тучи горят в пустырях ночных.
Самой последней и злою платой
Я откупил силу рук твоих.

Люди легли, как к саням собаки,
В плотно захлестнутые гужи, —
Если ты любишь землю во мраке
Больше, чем звезды, — встань и скажи.

Песню наладим, как ладят шхуну,
Встретим сосну — улыбнись, пойму,
Песенным ветром на камни дуну —
И камни встанут по одному.

Отчего и на глине и на алмазе
Рука твое имя всегда найдет?
Ветка курчавая знает разве,
К солнцу какому она растет?

1922

68. ЧЕЛОВЕК С СЕВЕРА

Они верили в то, что радость — птица,
И радость била большим крылом,
Под ногами крутилась черной лисицей,
Вставала кустами, ложилась льдом.

Лед пылью слепящей, сухой и колкой
Этот снившийся путь не во сне, не во сне окружил —
Так плечо о плечо, — а навстречу сугробы и елки,
А навстречу сторожка у сосновой бежит межи.

Кто войдет в нее — сам приготовит ужин,
Разбуянит огонь и уж больше ночей не спит,
И кровь его смешана с ветром, с вьюжной тяжелой стужей,
Долгою, зимнею песней неудержимо стучит.

Ночная земля осыпана снегом и хмелем,
Мы отданы ей, мы земному верны мятежу —
В расплавленной солнцами Венесуэле
Пальмовым людям когда-нибудь всё расскажу:

О сердцах, о глазах, больших и тревожных,
О крае моем, где только зима, зима,
О воде, что, как радость земную, можно
Синими кусками набить в карман.

И люди поверят и будут рады,
Как сказкам, поверят ледяным глазам,
Но за все рудники, стада, поля, водопады
Твое имя простое — я не отдам.

1922

69. БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не всё ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Между 1919 и 1922

70

У меня была шашка — красавица станом,
В залатышской стране крещена,
Где гремели костры над балтийским
бурьяном, —
Я забыл, как звалась она.

Наговорное слово быль-небылицы
Из кряжистого высек куска,
Как почтовую, легкую птицу,
Я пустил его по рукам.

Дом бросил для мги бездорожной,
Осталась дома сестра,
Вернулся совою острожной —
Попросил воды из ведра.

Хрипел от злобы и крови,
В волосах замотался репей,
По согнутым пальцам, по дрогнувшей брови
Узнала, сказала: «Пей».

А дом дышал, как пес на чужого,
Я жил — не хранил, как живут пустыри,
Я шашку сломал, наговорное слово
Чужим по пути раздарил.

Идти ли мне влево, идти ли прямо —
Искать худого добра,
Но дом не согнется, не рухнет в яму,
Пока у огня — сестра.

1922

71. БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга.
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля,

Но не птица сердце коня — не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал,

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу — колесо к колесу,

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост,

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла,

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет,
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел — о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я всё уже знаю сам».

1922

72

Разве жить без русского простора
Небу с позолоченной резьбой?
Надо мной, как над студеным бором,
Птичий трепет — облаков прибой.

И лежит в руках моих суглинок —
Изначальный, необманный знак.
У колодцев, теплых стен овина
Просит счастья полевой батрак.

Выпашет он легшие на роздых
Из земной спокойной черноты
Жестяные, согнутые звезды,
Темные иконы и кресты.

Зыбь бежала, пала, онемела,
А душа взыграла о другом,
И гайтан на шее загорелой
Перехвачен песенным узлом.

Земляной, последней, неминучей
Послужу я силе круговой —
Где ж греметь и сталкиваться тучам,
Если не над нашей головой?

1922

73. ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?

Без тебя винтовкой меньше одной,
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

. . .Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван,
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан —
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, бежал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

1922

74

Я одержимый дикарь, я гол,
Скалой меловою блестит балкон.
К Тучкову мосту шхуну привел
Седой чудак Стивенсон.

И лет ему нынче двадцать пять,
Он новый придумал рассказ:
Ночь отменена и Земля опять
Ясна, как морской приказ.

Пуля дум-дум, стрела, динамит
Ловили душу мою в боях,
И смеялась она, а сегодня дрожит
Болью о кораблях.

Но я такой: не молод, не сед,
И шхуне, что в душу вросла,
Я не могу прочертить ответ
Соленым концом весла.

Пусть уходит в моря, в золото, в лак
Вонзать в китов острогу,
Я сердце свое, как боксер — кулак,
Для боя в степях берегу.

1922

75. МОСТ

Поволжскому сердцу ветер над мостом
Дул многоверстным гудком,
Синим плясал на костях помоста
Чехословацким штыком.

И виделось мосту — черному чуду:
Дикие голуби прячут в скиты
Богородиц лесные венки,
Вскипают под берегом руды,
Кипят и палят плоты.

Не рыбу-чехонь по отмели гонит
Остроперый орел-белохвост, —
На восток застучали толпы и кони
Через утренний, сизый мост.

А ночью он змеем в небо прянул,
О холод вод разбил чешую, —
Пытала земля в крови, в бурьяне
Ненасытную силу свою.

Над верблюжьим и лошадьим храпом
Мост тянул в прозрачной высоте
Черные обугленные лапы,
Перерубленные у локтей.

Вкруг деревни, как шальные крысы
Жались по береговой стене,
Но уж алым яблоком-анисом
Наливалось солнце в ильмене.

Хоронила кости по дорогам,
Спрашивала медная мордва
Мастырпаса — лугового бога,
Жирно ли подымется трава.

На дворе раскольничьего дома
Догорала старая солома,
Низким дымом поле не слепя,
И бежало слово исполкомов
Горицветом красным по степям.

Мастер молчаливый, четкий
Крикнул клич в поемные луга,
И связали умною решеткой
Черным чудом снова берега.

И когда отчетливый и грозный
Над водой простерся переход,

Снова версты в крике паровозном
Хлынули с заката на восход.

Над гуртом аульим, по каменьям,
В богородичном бору
Рельсовые закрутились звенья,
Соловьем заныли на ветру.

Породнились свистами с овчиной,
С хлябью баламутною реки,
Там, где сом, объевшись мертвечиной,
Белым брюхом бился о быки.

Над мостом же полотняный голубь
Ширь клевал у неба на краю,
Над мостом же часовой веселый
Пел про злую молодость свою.

1922

76

Хотели снять орла — веревок жалко.
Крыло железо-пуля не берет,
Виси себе, и — ходит ветер валкий.
Красноармейский взвод поет.

Большая лошадь бродит садом,
Язычница — поклоны солнцу бьет,
Скрипи, орел, раз это ветру надо,
Раз ржавое железо не цветет.

В бетон республиканского фонтана
И мяч стучит, и пятки шалуна,
И детский смех, но нам смеяться рано
И нет еще нужды запоминать.

1922(?)

77. ЛОДКА

Кустарник стаял. Поредели сосны,
На неожиданном краю земли
Лежала лодка в золотых осколках
Последнего, разбившегося солнца.
Ни голоса, ни следа, ни тропы —
Кривая лодка и блестевший лед.

Как будто небо по́д ноги легло.
Лед звал вперед, сиял и улыбался
Большими белыми глазами — лед!
Он легким был, он крепким был, как мы,
И мы пошли, и мы ушли б, но лодка —
Она лежала строго на боку,
Вечерние, погнувшиеся доски
Нам говорили: «Здесь конец земли».

За черным мысом вспыхнуло сиянье,
И золото в свинец перелилось.

Ты написала на холодной льдине —
Не помню я, и лед и небеса
Не помнят тоже, что ты написала, —
Теперь та льдина в море, далеко
Плывет и дышит глубоко и тихо,
Как этот вечер в золотых осколках
Плывет в груди...

1922

78. ИСЛАМ

Илль Алла.
Уста мои — правда и суд!
Вам — люди, вам — облака, вам — звери пустыни,
Отец его — дымчатогорбый верблюд,
Зеленокудрая мать его — пальма в Медине.

Я шел по следу его ноги,
Но уголь — сердце его, душа — блудница,
Он неверным служил, он чистил им сапоги,
Он сражался за них и от битвы не смел отклониться.

И я отошел, отошел я в ветер и путь —
Ему ли, Алла, ему ль опрокидывать тьму?
И верблюд изумрудный рассек мне копытами грудь,
И собака святая пролаяла: да, ему.

Элиф, лам, мим!
Слушай:
Зеленее леса ночь Аль-Кадра,
Кто в двери и в сердце мое постучал?
И встал я как муж, и как воин я встал, и как брат,
Губами на губы и сталью на сталь отвечал...

Близок срок...
Пальмы устали качать головой на восток,
Молятся травы, и львы не приходят к воде —
Не сто поцелуев, но истинно трижды сто
Я возьму у тебя при первой ночной звезде,

Чтобы в эту ночь Аль-Кадра
Моя жизнь вернулась ко мне.
И тому человеку сказал я: «Пора»,
Которого нет сильней...

Уста мои — правда, и уста мои — суд!
Завтра в путь отправляться мне,
Потому что погонщик я, и верблюд,
И земля, и небо над ней...

И завтра — меч.
Спи, мой цветок,
Сегодня мир — на земле и на воде.
Сегодня в ночь Аль-Кадра
Даже самый отверженный из людей
С пророками входит в рай...

1922

79. АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА

Леса кораблей, контор редуты,
Машин и монет блистанье,
А вся эта мельница на ходу
Зовется Великобритания.

Синебородые, глина предместий,
Вершин ледяной кочан,
Чалма и песок, а всё это вместе
Зовется Афганистан.

Но синебородых людей не слабее
Люди из Лондона и Бомбея.
Им спать не дает сознанье, что вот —
Рядом пасется вольный народ.

Им, толстым, тесно и душно,
Их гордость приказ отдает,
И сто бомбовозов воздушных
Тотчас же выходят в поход.

Сто ястребов вышли недаром
Из школы захватчиков старых —
Китченера и Родса —
Попробуй с ними бороться.

Задела колодец налетчиков бомба —
Сразу старик завертелся и обмер.
Зарылася в пашню — пашня дыбом,
Скалы заплавали, точно рыбы.

Британского летчика когти остры:
Жилищ обреченных полосы
В костры побросал он, заставив костры
Вопить человечьим голосом.

Горы Пагмана и воды Кабула
Зарылись в дыму, опьянели от гула.

Тогда бомбовозы стали свистать
Победу, кичася властью,
И не было рук достать их,
И не было слов проклясть их.

Земля чернела, точно пах
Убитых лошаков,
Но каждый ярд ее пропах
Угрозой глубоко.

Афганец, тяжкодум густой,
Не хочет покориться:
«Пусть в небе ястреб не простой,
Но ястреб всё же птица.

А если птица сеет гром —
Мы эту птицу подобьем».

Он глазом каменным следит
Кривых эскадр полет,
Качнулся, меткой пулей сбит,
Разбойничий пилот.

За ним другой, еще за тем
Перевернулись в высоте...

Очистив к ночи небосклон,
Угрюмый горец встретил сон:
Он доказал, что не слабее
Людей блестящего Бомбея.

А утром в небе выжег хвост,
Свистя, сто первый бомбовоз.

И горец, по ущелью мчась,
Сто первой пулей увлечен,
Винтовку вскинул на плечо...
Так эта битва началась.

1922—1923

80. АРМЕНИЯ

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным звоном времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Кляняся Араратом
И Аракацем тучным,
Она признала братом
Работы день насущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глубью
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбья
Красуется Армения.

1924

ПОИСКИ ГЕРОЯ

1923—1926

81—84. *СЕВЕР*

1

В КАРЕЛИИ

На дне корзины, выстеленной мохом,
Не так яснеет щучья чешуя,
Как озеро, серебряным горохом
Вскипающее рьяно по краям.

Иду за ним. Подъем оброс
Лесной глухой породой,
Поверх подъема лег погост —
Карелов мертвых отдых.

Выходит пастор — углублен и сух,
Выносят гроб, по вереску шурша,
Морщинятся высокие старухи,
Слезая с таратаек не спеша.

Ну разве так работника хоронят,
Под шамканье, под ветхие слова?
Зарытая в молитвенной попоне,
Старушечья мерцает голова.

Я ухожу. Мне не по нраву это,
Трущоба крика просит,
Я не хочу прослыть немым
Над озером, перед толпою сосен,
Вздымающих зеленые умы.

Сквозь черноту, черемухины скаты,
Замытые, слепые поколенья
Я вызываю старого собрата.
За мною глушь горланит: «Вейнемейнен!»

Игрок в слова! Твоя страна Суоми
Гранитным пауком оплетена,
Она без языка сегодня, Вейнемейнен,
Твоя, старик, страна.

Игрок в людей! Твоя страна Суоми
Угрюмою щетиной поросла.
Она с веревкою на шее, Вейнемейнен,
У ног хозяйского стола.

В Суоми нет игры. Паучье
Гнездовье стены замело,
Пой, Вейнемейнен, ты ведь знаешь лучше,
В чем яростное песен ремесло,

Как нужно песен узел завязать
И распустить, соединяя снова.
Я здесь затем, чтоб посмотреть в глаза
Трущобам, требующим слова.

Разведчик я. Лишь нагибаю ветки,
Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу, неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим.

А что подчас шагаю я неслышно,
Что знаки непонятны иногда
И что мою тропу находят лишней —
Так, Вейнемейнен, это не беда.

⟨1925⟩

2

ЛАДОГА

Заря утра обводит леса плечи,
Мы глушью сыты до краев,
Закат сыграл свои сигналы, вечер —
Всё та же глушь поверх голов.

Так день изо дня среди озера пашен
Лишь парус рыбачий маячит
Да конь полудикий стоит ошарашен,
Подброшен холмами, как мяч.

Да с ужасом видит болотный народ,
Как озеро входит в собранье болот,
И требует власти, и душит
Раздетый кустарник, и сосны кладет,
Запенясь от ярости тут же.

На крышах поселка курчавится дым,
Рыбак распахнул нам бревенчатый дом,
И дом, зачарованный скрипом воды,
Качался каждым бревном.

Качался сетей порыжелый навес,
Далеко лишь в озере где-то
Высокая сойма у самых небес
Стремилась, омытая светом.

Был к озеру сон полуночный причален,
Лишь сосен вздымались ряды,
Да, цепью бряцая, собака кричала,
Пугаясь пустынной воды.

1926

3

ФИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потертой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено, ноги крепки.
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя, гнется, странно темна,
Гнется и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка ее платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука черных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит.
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходят площадку, вновь обходят
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом.
Странствует песня, гнетет и гнетет,
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь желтые зубы нить ведет.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах всё один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну, ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И желтой пеной горит платок,
И синим огнем пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них, и сразу
В глазах косых — Алтай, снега,
Змеиные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит, —
Желтым огнем полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча темных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!

Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Черной чечеткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берет,
Угрюмо и жестко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

1926

4

БОЛОТНЫЙ ЛЕС

Лес переполнен духотой,
Храпят седые валуны,
Хрустят хвощи да плауны
Своей зеленой темнотой.

Но сладковато вьется жуть,
Когда шагнешь и, точно мыло,
Болото вспенишь, ноги в муть
Уходят, чавкая постыло.

И холод бьется под ногой,
А сверху над моим кочевьем
Висят мякиною рябой
От жара тусклые деревья.

Но я на слух, я наизусть
Учу на ощупь леса кручи,

Чтоб эту дичь и этот хруст
Одеть одеждою гремучей.

И я сегодня рад как раз
Пути по дебрям простодушным,
Где костяники красный глаз,
Окостеневший равнодушно,

Глядит в лесную кутерьму
На разноцветное господство,
Где я когда-нибудь пойму
Его скупое превосходство.

1926

85—94. *ИСТОРИИ*

1

ГУЛЛИВЕР ИГРАЕТ В КАРТЫ

В глазах Гулливера азарта нагар,
Коньяка и сигар лиловые путы, —
В ручонки зажав коллекции карт,
Сидят перед ним лилипуты.

Пока банкомет разевает зев,
Крапленой колодой сгибая тело,
Вершковые люди, манжеты надев,
Воруют из банка мелочь.

Зависть колет их поясницы,
Но счастьем Гулливер увенчан —
В кармане, прически помяв, толпится
Десяток выигранных женщин.

Что с ними делать, если у каждой
Тело — как пуха комок,
А в выигранном доме нет комнаты даже
Такой, чтобы вбросить сапог?

Тут счастье с колоды снимает кулак,
Оскал Гулливера, синея, худеет,
Лакеи в бокалы качают коньяк,
На лифтах лакеи вздымают индеек.

Досадой наполнив жилы круто,
Он — гордый — щелкает бранью гостей,
Но дом отбегает назад к лилипутам,
От женщин карман пустеет.

Тогда, осатанев от винного пыла,
Сдувая азарта лиловый нагар,
Встает, занося под небо затылок:
«Опять плутовать, мелюзга!»

И, плюнув на стол, где угрюмо толпятся
Дрянной, мелконогой земли шулера,
Шагнув через город, уходит шататься,
Чтоб завтра вернуться и вновь проиграть.

⟨1926⟩

2

НОЧЬ ПРЕЗИДЕНТА

Не грогом горячим, но жиденьким пивом,
Луны подкисающей пеной
Обрызган Таллин, покоит обрывы
Баронских домов неизменных.

Спят воры и вóроны — стражники тут же
Замки проверяют во мраке.
И в теплой постели, как в бархатной луже,
Спит цезарь Эстонии — Аккель.

Не звезды, а доллары льют небеса,
Картофеля преют громады на складе,
Покорней турнепса эстонцы, он сам
Богатые лысины ласково гладит.

Как тихи семейные ночи Эстонии,
Проснулся, и в спальне — покой огорода,

Но гулко у дома растут спросонья
Шаги неизвестной породы.

И к дому спешит небывалый народ,
Одетый не для парада,
И громко поет дверной переплет
Под теплыми лбами прикладов.

Не всё ли равно — в сиянье ль, во мраке ль —
Приветствовать край родной?
Так выйди ж к этой Эстонии, Аккель,
Раскланяйся с ней заодно.

На бочку — цилиндр, — но Аккель, икая,
Дверями расхлопался выше и выше,
И двери двоятся, и туфли спадают,
Как скаты старинной крыши.

В нетопленных стенах декабрьский режим
Не хуже республики колет, —
Но Аккель вбегает в чердачный зажим,
Как римлянин — в Капитолий.

Другая Эстония в утреннем мраке
Пришла — шершавая, — та,
Та самая, что загнала тебя, Аккель,
Под крышу, на старый верстак.

Пусть Таллин стучит в глухом промежутке
Сухою стрельбой одиночек.
Недаром гранаты, как черные утки,
Ныряют и рвутся на клочья.

Слабеет иль крепнет борьбы чехарда,
Но цезарь дрожит откровенно,
Порой ему кажется мирный чердак
Утесом Святой Елены.

Но вот тишина, точно жидкое пиво,
Шипит, пригорев на огне,
И Аккель — подмерзшая синяя слива —
Маячит в чердачном окне.

И видит: опять у камней на ладони,
Сжимая тюремный кулак,
Проходит, как лаком облитый, Лайдонер
Со сворой вспотевших собак.

И свора играет, и Аккель, рыдая,
Зовет ее стуком руки,
И доги, маститые морды вздымая,
Слюняво трясут языки.

⟨1926⟩

3

ТИШИНА

Раз перед ночью, часом осенним,
Стоял я на горном валу —
Как на ладони лежала Армения
От Гокчи до Камарлу.

С запада пыль, тут ни при чем
Природа: между амбаров
То молокане дерут кирпичом
Сотни своих самоваров.

Тут отношенье в тиши и глуши
Особое к чаю имелось,
Ибо вся крепость сектантской души
Без крепкого чая — не крепость.

А на востоке мычанье стоит,
Встали стада великие —
Езидов стада это, всякий езид
Дьявола чтит, как владыку.

Рядом шатер со звездою простерт,
Загса шатер основался —
Так втихомолку здесь дьявол живет
Через дорогу от Маркса.

С юга и с севера дымок пошел,
Горбится, словно кусты, —
Это идет из армянских сел
Горький дымок нищеты.

Лишь кое-где он, а вот и совсем
Нет ничего — одна
Желтая горбь, и во всей красе —
Теплая тишина.

Точно осыпалось небо вниз,
Скалы же газообразными
Стали — коричневый их карниз
Светится вдруг по-разному.

Не разобрать, где и когда
С небом земля встречается, —
То ли ручей, то ли звезда,
Переливаясь, качается.

Тихо... Ни ветер, ни зверь не шуршит,
Бродят вечерние кручи
Шагом янтарным; сверху вершин
Пылает пропасть летучая.

Дикою шалью лежит земля,
Днем далеко невзрачная —
Как прислонились вдали тополя,
Так и стоят прозрачными.

Камни плавают, точно огни,
По тишине вразвалку,
Но провожатый мой — армянин —
С треском роняет палку.

«Вот непроворная груда».
Спрашиваю: «Старина,
Тишь-то какая, откуда
Такая здесь тишина?»

Он наклоняется: «Камня горсть
Видишь? Это аула кость.
Татарские души дышали
Разбоем, дорогой,
При них ступать не решались
Сюда ни одной ногой.

Аул шумел погоней,
Пальба по ним, по нас, —
Уехали все — ты понял? —
Оттуда и тишина. . .»

. . .Так, принимая за водку ром,
Мы столковались. К чему спор?
С этим драконьим юмором
Вошел я в столицу гор.

В садах неизбежных, когда луной
Был город набело выкрашен,
Я виноградной дышал тишиной —
Не той, что указана выше.

Ну просто вино курчавится
В стаканах, а фрукты пестрые,
Сидела с нами красавица,
Кусала пушок абрикоса.

Глаза ее в синем клекоте
Были влажны, длинны, ласковы,
Ресницы, брови, ногти
Покрыты персидскою краской.

Я всё рассказал ей — она
Глазами играла с уменьем,
И тут наступила еще тишина —
По счету третья — в Армении.

1925

4—5

АМЕРИКА

I

Атлантический вал предо мной не кипел,
Не ступала по стритам Нью-Йорка нога,
Не была мне минута, как сон, дорога
У Форда в молчанием сжатой толпе.

Однако я вижу отсюда прямо
Летучий бег колыбели машин —
От легкой цепочки винтов и рамок
До теплого шороха первых шин.

По всем потолкам машины развесил
Хозяин, и путь их, как скука, желт, —
И нет человека, растущего весело,
И есть человек — рычаг и болт.

Щеки синеют, сердце свяло,
Прочти его стук багровый,
Годами тянется жвачка металла,
И вот человек изжеван.

Монеты тускнеют в кармане порой,
Но где ж человечья радость?
Он скорость родил, а раздавлен горой,
Горой стоячей усталости.

Сметет его в яму безжалостный шквал
Бессилья, нужды, обмана,
Чтоб жадный банкир на костях пировал,
Как спрут высасывал страны.

Нет, к этой Америке я не приду,
Другой я связан судьбой,
Мы смело идем от труда к труду,
Растет наших лет прибой.

Чтоб, жизнью сжигая великую муть,
Работой смывая плесень,
Могли мы громадной грудью вздохнуть,
Простор за простором взвесить.

II

Если руки стали суше корки,
Кто кричит о бунте?
В золотые челюсти Нью-Йорка
Камнем плюньте.

Сытым псам — броневикам Бродвея
Только ль ропот?

Может быть, их ребра подогреют
Рудокопы?

Или, может, так к лицу им
Небоскребов стены,
Стены вам фокстрот станцуют,
Джентльмены?

О, о стойку стойкий доллар
Разменяв на пули,
Пчел обратно, к черту голых,
За работу — в ульи...

От берега к берегу
В надокеанскую синь —
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки,
Точная ночь висит.

О, если б над нею
Из тысячи тел,
Как прерия взвеян,
Ропот взлетел,

Руками погони
Ломая межи,
В небо, в бетон и
В расплеснутый джин

О, если б спеть им
Слов наших сто,
О, если б — пусть ветер
Ответит на то.

Нечаянным заревом вызвездив высь,
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки,
Точная ночь висит.

Но час придет — пора ему,
Пора прийти рассвету —
Растопит солнце эту тьму,
Сломает прочность эту!

1923

8

ИЗБИЕНИЕ ТРУТНЕЙ

Растолкав рабочих пчел,
Трутень толстый латы чешет,
Он похвалу себе прочел
В глазах друзей, и он утешен.

Он входит в улей, словно князь,
Сбивает с места часовых,
За ним друзья идут, теснясь,
По коридорам кладовых.

Они, в медовые чаны
По шею голову вонзив,
Стоять и жрать обречены —
Желтее ржи, жирнее слив.

Раздувшись медом и шурша,
Пируя, как обжоры,
Вечерним воздухом дышать
Выходят на просторы.

И вот, соединенный хмуро,
Рой голосует: трутней прочь.
Варфоломеевское утро
Князей роскошных гонит в ночь.

И вертышом и вперекат
Бежит вельможный трутень,
И колют вышитый халат
Повсюду смерти прутья.

Бочонком на спину упав,
Вздыхает, брошен тяжело,
И шлема толстого колпак
Мешает выправить крыло.

Пощады просит князь князей,
Разбит и обнажен,
Он пахнет нежно, как шалфей, —
Навозом станет он.

В неповторимом вихре тел
Заверчены улья ходы,
Лишь очень ловкий улетел
В сребороволосые сады.

Он там блуждает, и живет,
И вспоминает меда чан,
Припоминает запах сот,
Крылом от холода звуча.

Высится улей — стозвонная клеть —
Родина, роскошь и радость тут,
Но стоит трутню подлететь —
Его насмешками клюют.

Тогда он закричит: «Добей!»
И упадет, плечом назад, —
И в травах робкий воробей
Его ударит между лат.

⟨1926⟩

ИНДИЙСКИЙ СОН

Мне снилось, что в город вхожу я чудной,
Который по запаху найден мной.

Козлом воняет рыжий базар,
Как птичий помет, суховат он.
Дымит и чадит предо мной Амритсар,
Индийской равнины глашатай.

Во сне поневоле замедлишь шаг;
Сквозь грязную, рваных теней, бирюзу
На площади Джалиэвала-Баг
Пятно за пятном, густея, ползут.

Помню, в расстрелянный день января
Подобные пятна густели не зря.
Индусам попался такой же косарь,
Косивший людей, не целясь,

Но здесь обернулся Девятый январь
Тринадцатым днем апреля.[1]

Во сне поневоле взметнешься назад.
Козлом нестерпимо воняет базар,
За прялкой мудрец, потупив глаза,
Не видит, что время стремится вперед
И давится злостью равнинный народ.

Певец усыпляет стихами базар,
Заливаясь о древности рас.
И стелется с крепости Гавинда Гар
Генеральский тигровый бас.

Дежурный британец хохочет так,
Что лошади роют песок на плацу,
А в трубке подпрыгивает табак,
Над золотом зубов танцуя.

Во сне поневоле сон — поводырь,
Насмешка его повсеместна,
Струится навстречу сверканье воды
И женщина касты известной.

Кусает косой непонятного цвета
И руки щекочет браслетами.

Она смуглолица и сквозь кисею
Глядит жестяными глазами,
Но вдруг через озеро я узнаю
Индусского мальчика Сами.

Пусть весь этот город пропахнет козлом,
Пусть женщина сонная злится.
Но юноша тот мне с детства знаком,
Нам нужно повеселиться.

Во сне поневоле нет преград —
Мы встретились. Вместе сели мы,

---

[1] 13 апреля 1920 г. английский генерал Дайер в Амритсаре расстрелял две тысячи индусов. Это было «9 января» Индии.

Но тонкие губы его говорят:
«Я только что из тюрьмы...

Давно я отвык питаться подачкой,
Тиграм ручным разглаживать ворс,
Впервые я был посажен за стачку
В Company Iron and Steelworks...»[1]

Он вырос и острой сиял прямотой,
Мне стало от радости тесно,
Но женщина встала, горя смуглотой,
Как женщина касты известной...

Мне снилось, что в город забрел я чудной,
Но мало ль чего не бывает со мной!

1926

8

САРАНЧА

Полками, одетыми как напоказ,
Она шевелилась умело,
Хлопала красными ядрами глаз,
Зубцами челюстей синела.

По степи костлявой, по скалам нагим,
Усы наточив до блеска,
Она верещала жратвенный гимн,
От жадности вся потрескивая.

Мотая рядами отвесных голов
И серыми бедрами ерзая,
Она принималась поля полоть,
Сады обкусывать розовые.

Давно ль псалмопевец воспеть это мог,
Присев под заплатанной скинией,
Но тут зашумел двукрылый пророк,
Покрытый дюралюминием.

---

[1] Компания сталелитейных и железоделательных заводов (англ.). — *Ред.*

Однажды, на древних армейцев сердит,
Бог армии смерть напророчил,
И долгую ночь небесный бандит
Рубил их поодиночке.

А тут — самолет, от хвастливости чист,
Лишь крылья свои обнаружил,
И все кувырнулись полки саранчи
Зеленым брюхом наружу.

И только селькоры подняли звон,
Шумели и пели про это;
Положен на музыку был фельетон
За неименьем газеты.

1926

9

ПОИСКИ ГЕРОЯ

Прекрасный город — хлипкие каналы,
Искусственные рощи,
В нем топчется сырых людей немало
И разных сказок тощих.

Здесь выловить героя
Хочу — хоть неглубокого,
Хотя бы непонятного покроя,
Хотя бы героя сбоку.

Но старая шпора лежит на столе,
Моя отзвеневшая шпора,
Сверкая в бумажном моем барахле,
Она подымается спорить.

«Какого черта идти искать?
Вспомни живых и мертвых,
Кого унесла боевая тоска,
С кем ночи и дни провел ты.

Выбери лучших и приукрась,
А если о людях тревоги
Не хочешь писать — пропала страсть —
Пиши о четвероногих,

Что в кровяной окрошке
Спасали тебя, как братья, —
О легкой кобыле Крошке,
О жеребце Мюрате.

Для освеженья словаря
Они пригодятся ловко».
— «Ты вздор говоришь, ты лукавишь зря,
Моя стальная плутовка!

То прошлого звоны, а нужен мне
Герой неподдельно новый, —
Лежи, дорогая, в коробке на дне,
Поверь мне на честное слово».

В город иду, где весенний вкус,
Бодрятся люди и кони,
Людей пропускал я, как горсти песку,
И встряхивал на ладонях.

Толпа безгеройна. Умелый глаз
Едва подхватить сможет,
Что не случайно, что напоказ, —
Уже давно далеко прохожие.

В гостях угощают, суетясь,
Вещей такое засилье,
Что спичке испорченной негде упасть,
Словесного мусора мили.

«Ну что ж, — говорю я, — садись, пей
Вина Армении, русскую
Горькую — здесь тебе
Героя нет на закуску».

...Снова уводят шаги меня,
Шаги тяжелее верблюда,
Тащу сквозь биенье весеннего дня
Журналов российских груду.

Скамейка садовая, зеленый сон,
Отдых, понятный сразу
Пешеходам усталым всех племен,
Всех времен и окрасок.

Деревья шумели наперебой,
Тасуя страницы; мешая
Деревьям шуметь, я спорил с собой —
Журналов листва шуршала.

Узнал я, когда уже день поник,
Стал тучами вечер обложен:
На свете есть много любых чернил,
Без счета цветных обложек.

Росли бумажные люди горой,
Ломились в меня, как в двери,
Каждый из них вопил: «Я герой!»
Как я им мог поверить?

Солнце закатывалось, свисая
Багряной далекой грушей,
Туча под ним, как туша кривая,
Чернела хребтом потухшим.

Ее свалив, ее прободав,
Как вихрь, забор опрокинув,
Ворвалась другая, летя впопыхах, —
Похожа лицом на лавину.

Светились плечи ее, голова,
Всё прибавлялось в весе,
Как будто молотобоец вставал,
Грозя кулаком поднебесью.

Героя была у него рука,
Когда у небес на опушке,
Когда он свинцовую, как быка,
Тучу разбил, как пушку.

Руку о фартук вытер свою,
Скрываясь, как берег в море, —
Здесь много геройства в воздушном бою,
Но больше еще аллегории.

Я ухожу, я кочую, как жук,
Севший на лист подорожника,
Но по дороге я захожу —
Я захожу к сапожнику.

Там, где по кожам летает нож,
Дратва скрипит слегка,
Сердце мое говорит: «Потревожь
Этого чудака!»

Пока он ворочает мой каблук,
Вопросов ловушку строю.
Сапожник смеется: «Товарищ-друг,
Сам я ходил в героях.

Только глаза, как шило, сберег,
Весь, как ни есть, в заплатах,
Сколько дорог — не вспомнишь дорог,
Прошитых ногами, что дратвой.

Я, брат, геройством по горло богат».
Он встал — живое сказанье,
Он встал — перемазанный ваксой Марат —
И гордо рубцы показал мне!

1925

10

САГА О ЖУРНАЛИСТЕ

Событья зовут его голосом властным:
Трудись на всеобщее благо!
И вот человек переполнен огнем,
Блокноты, что латы, трепещут на нем —
И здесь начинается сага.

Темнокостюмен, как редут,
Сосредоточен, как скелет,
Идет: ему коня ведут,
Но он берет мотоциклет —
И здесь начинается сага.

Газеты, как сына, его берегут,
Семья его — все города,
В родне глазомер и отвага,
Он входит на праздник и в стены труда —
И здесь начинается сага.

Он — искра, и ветер, и рыцарь машин,
Столетья кочующий друг,
Свободы охотничья фляга.
Он падает где-нибудь в черной глуши —
Сыпняк или пуля, он падает вдруг —
И здесь начинается сага.

1928

95—107. *ГОРОДСКОЙ АРХИПЕЛАГ*

1

ДОЖДЬ

Работал дождь. Он стены сек,
Как сосны с пылу дровосек,
Сквозь меховую тишину,
Сквозь простоту уснувших рек
На город гнал весну.

Свисал и падал он точней,
Чем шаг под барабан,
Ворча ночною воркотней,
Светясь на стеклах, в желобах
Прохладных капель беготней.

Он вымыл крыши, как полы,
И в каждой свежесть занозил.
Тут огляделся — мир дремал,
Был город сделан мастерски:
Утесы впаяны в дома.

Пространства поворот
Блестел бескрайнею дугой.
Земля, как с Ноя, как с начала,
Лежала спящей мастерской,
Турбиной, вдвинутой в молчанье.

1923

2

ПОВСЮДУ РАННЕЕ УТРО

Свет льется, плавится задаром
Повсюду, и, в себя придя,
Он мирным падает пожаром
На сеть косящую дождя.

Прохожий, как спокойный чан,
Что налакался пива вволю,
Плывет по улице, урча,
Инстинкта вверенный контролю.

Мечты рассол в кастрюлях сна!
Скользит с глубоким постоянством
Такого ж утра крутизна
Над всей землей доокеанской.

Но дождь немирный моросит,
Пока богатый тонко спит.

Но цепенеет серый двор.
Лоскутья лиц. Трубач играет.
Постыло лязгает затвор
И пулю в череп забивает.

Он может спать, богач, еще, —
Смерть валит сыновей трущоб.

Еще толпится казни дым
От Рущука до Трафальгара
И роет истина ходы
В слоях огня и перегара, —

Но льется утро просто так,
Покой идет из всех отдушин,
Пусть я мечтатель, я простак,
Но к битвам я неравнодушен.

1925

3

РАВНОВЕСИЕ

Воскресных прогулок цветная плотва
Исполнена лучшей отваги.
Как птицы, проходят, плывут острова:
Крестовский, Петровский, Елагин.

Когда отмелькают кульки и платки,
Останется тоненький парус,
Ныряющий в горле высокой реки,
Да небо — за ярусом ярус.

Залив обрастает кипучей травой,
У паруса — парусный нрав,
Он ветреной хочет своей головой
Рискнуть, мелководье прорвав.

Но там, где граниту велели упасть, —
У ржавой воды и травы, —
От скуки оскалив беззубую пасть,
Сидят каменистые львы.

Они рассуждают, глаза опустив,
На слове слепом гарцуя,
О том, что пора бы почистить залив,
Что белая ночь не к лицу им.

Но там, где ворох акаций пахучих,
В кумирне — от моста направо,
Сам Будда сидит позолоченной тучей
И нюхает жженые травы.

Пустынной Монголии желтый студент,
Покинув углы общежитья,
Идет через ночи белесый брезент
В покатое Будды жилище.

Он входит и смотрит на жирный живот,
На плеч колокольных уклоны,
И львом каменистым в нем сердце встает,
Как парус на травах зеленых.

Будда грозится всевластьем своим...
Сюда, в этот северо-западный сон,
Сквозь жгучие жатвы, по льдинам седым
Каким колдовством занесен?

С крылатой улыбкой на тихом лице
Идет монгол от дверей:
«Неплохо работает гамбургский цех
Литейщиков-слесарей».

1926

4

ПРИВАЛ ИНВАЛИДОВ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Просто ли ветер или крик,
Просто захлопнутый дверью,
Обрубок улицы — тупик
Обрубки человечьи мерит.

Стакан доступен всем живым
В спокойном плеске кабака,
Но где ваши руки и ноги, вы,
К черту плывущие окорока?

Не с дерева летит кора
И крупно падает на мох —
Но отвечает ветеран:
«То был большой переполох,
Была нечистая игра!

Долой купцов и канцлеров
И горлодеров меченых,
Что взвешивают панцири
И трупы искалеченных.

Посеяв руки круто
В железе нестерпимом,
Мы ноги перепутали
С землей и ржавым дымом,
Как полагается в бою,
Чтоб стать собраньем тупиков,

Ползучей мебелью.
А мир, как алчный дровосек,
Стал больно лаком до калек,
Как ставнем бьет поверх голов —

Склони-ка ухо у дверей,
Шум катит подновленным:
То шарканье танков подковы серей,
То лязг воздушный и водный,
То хриплый дребезг батарей,
Летящих по бетону...

И с ними вровень мчится спрос
На всех, кто слеп, и глух, и прост.

С улыбками и трубками
Опять войдут за братом брат
В ночное шулерство гранат,
Чтоб здесь воссесть обрубками,
Захлопнутыми, бледными, —
Как мы у пьяного ведра,
Плюя в твой череп медный,
Нечистая игра!»

1924

5

И мох и треск в гербах седых,
Но пышны первенцы слепые,
А ветер отпевает их
Зернохранилища пустые.

Еще в барьерах скакуны
И крейсера и танки в тучах
Верны им, и под вой зурны
Им пляшет негр и вою учит.

Но лжет жена, и стар лакей,
Но книги, погреба и латы,
И новый Цезарь налегке
Уже под выведенной датой.

Средь лома молний молньям всем
Они не верят и смеются,
Что чайки, рея в высоте,
Вдруг флотом смерти обернутся.

1920

6

ЛИСТОПАД

Нечаянный ветер забыт — пропал.
Когда в листопад наилучший
Однажды плясала деревьев толпа
Хорошие были там сучья,

С такою корой, с таким завитком,
Что им позавидует мистик,
А рядом плясали, за комом ком,
Оттенков неведомых листья.

Так разнобумажно среди дач
Кружились между акаций,
Как будто бы в долг без отдачи
Швырял банкир ассигнации.

Был спор за ветер и за луну
У них — и всё вертелось,
Но я завоевывал лишь одну —
Мне тоже плясать хотелось.

Времена ушли. Среди леса тишь,
Ветер иной — не звончатый,
Но ты со мной — ты сидишь,
И наши споры не кончены.

То весела, то печальна ты,
Я переменчив вечно,
Мы жизнь покупаем не на фунты
И не в пилюлях аптечных.

Кто, не борясь и не состязаясь,
Одну лишь робость усвоил,

Тот не игрок, а досадный заяц, —
Загнать его — дело пустое.

Когда же за нами в лесу густом
Пускают собак в погоню,
Мы тоже кусаться умеем — притом
Кусаться с оттенком иронии.

Так пусть непогодами быт омыт —
Сердца поставим отвесней.
А если деревья не пляшут — мы
Сегодня им спляшем песней.

1925

7

КОГДА РАЗВОДЯТ МОСТЫ

Фонарь взошел над балок перестуком,
Он две стены с собою уволок,
И между них легко, как поплавок,
Упала пропасть, полная разлуки.

Прохожий встал на сонной высоте,
И, памятников позы отвергая,
По-своему он грелся и кряхтел,
Полет стены уныло озирая.

Конторщика глаза, черней
Ночных дежурств, метали в реку перья,
Чернильницы граненой холодней,
Стекло реки в уме текло с похмелья.

В очах извозчика овес
Шумел, произрастая,
Волна чесалася о мост,
Как лошадь перед сном простая.

Свисток милицейского помнил немало:
Забор зубов и губ тепло.
Он сам служил ремесленным сигналом,
Разводка ж моста — тоже ремесло.

Он сторожил порядка хоровод —
Желтела женщина лисицей,
Чтобы над пеной валких вод
Своею пенностью гордиться.

И беспризорный, закрывая ухо
Воротника подобьем, осязал,
Что не река, а хлебная краюха —
Засохшая — царапает глаза.

Тогда и я взглянул издалека
На неба дымную овчину —
Там разводили облака
Вторую ночи половину.

Роптали граждане — и в жар,
В живую роспись горизонта
Я записал их, как товар, —
Товар, к несчастью, полусонный.

1926

8

ЗА ГОРОДОМ

Как по уставу — штык не вправе
Заполнить ротный интервал,
Как по уставу — фронтом вправо,
Погруппно город отступал.

Дома исчезли. Царство луж
И пустыри с лицом несвежим,
Изображая в красках глушь,
Вошли в сырое побережье.

Дороги к берегам пусты,
Деревья перешли в кусты.

Дымились лачуги, с судьбой не споря,
По огородам чах репей,
И, отлученные от моря,
Тупели груды кораблей.

Без ропота, ржавые палубы сжав,
Ветвистые мачты, —
Они опустились, пошли в сторожа
К лачугам, лугам бродячим.

У всех навигаций единый закон:
Грузиться и плыть напролом,
Но если ты сдал и на слом обречен,
Ты будешь дружить с пустырем.

Над пароходною трухой
Костер мальчишки разжигали,
Но дым кривлялся, как глухой,
Но дым у ветра был в опале.

Голубоглазые сычи
Кричали ветру: «Прочь! Не тронь!»
Но этот ветер их учил,
Как нужно выпрямлять огонь.

Старуха собирала хворост,
Ее спина трещала,
Ее дыханье раскололось
На длинное и малое.

А дальше волны, разлетевшись,
Синели, синих трав наевшись.

Я кинул глаз по сторонам —
Синела нищая страна:
Лачуги, пароходный хлам.

И вдруг взглянули пустыри
Глазами, полными зари.

Из нищенских ножон
Сверкнуло мне лицо победы:
«Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу...»

Пусть Петербург лежал грядой
Из каменных мощей,
Здесь будет вымысел другой
Переливаться в кровь вещей.

Ветхий край ключи утра
Положит сам в ладонь
Вот этим детям у костра,
Играющим в огонь.

Без крепостей, без крови водопадов,
Без крепостных — на свой покрой
В мохнатые зыбей ограды
Они поставят город свой —
Приморский остов Ленинграда!

Между 1923 и 1926

9

ЛЮБОВНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Может быть, ты возникла,
Как совесть, лично
Опровергла мою правоту.
Так моряк отмечает
На карте отличной
Глубину — по ошибке не ту.

Может быть, то любовная
Мгла ночей —
Садоводов неведомых зов,
Обязательно слива — без косточек,
Состязание чувств — без призов.

Может, это купанье, где издали
Только взмахи и пена, и вдруг
Узнаешь, если отмели выдали,
Белизну опьяняющих рук.

Может, август и душно,
Гости до дна
Иссушили беседу, и, кроме
Облаков над полями,
Только ты и верна
Всем прохладам,
Не понятым в доме.

Может быть, то легенда —
С ума сойти
Всем по списку подряд
И, опять
Безымённо вернувшись
На те же пути,
Отмелькавший рассказ повторять...

1928

10

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА «О ЖЕЛЕЗЕ»

...Кроме того, сообщаю вам,
Что дом железом пронизан,
По всем по кирпичным его рукавам
Железо живет, как вызов.

Не оттого ль, что в полной мере
Им дышат стены снизу до вершин, —
Мне снятся битвы, рельсы, подмастерья,
Грызущие, как семечки, гроши.

Железо то из самых бытовых
Металлов, чей состав тягчайший
Встречает примесь марганцев седых,
Мышьяк лукавый, серу, фосфор...
Дальше:

Вся почта, все идущие ко мне
(А я живу под самой крыши срезом) —
Они, взбираясь от стены к стене,
Они сопровождаются железом.

Железные перила, как болезнь,
Раскручивают черную кривую,
Теперь поймете, почему я здесь
О нежности сугубой не тоскую.

Железо ночью стынет на руке,
Моя кровать — она железный случай,
Не вспомните ль, проверено ль и кем
Влияние жилища на живущих?

Перед грозой пылинок трескотня
Бывает великански ощутима —
Поймите! Вздох железного плетня —
Он тоже не проходит мимо.

Он легкими, как воздух, поглощен,
Он в грудь стиха, как пуля в доску, врезан,
Не всемогущ, конечно, он еще,
Но яблоко беру — и в нем железо. . .

⟨1929⟩

11

СОБРАНИЕ ДРУЗЕЙ

Белуга, спящая в томате, вспомните,
Хоть вы давно уже без головы,
Каких бесед свидетельницей в комнате
Лежали вы меж дыма синевы.

Вы дрянь в соку, всякой дряни мимо
Друг говорит:
«Позвольте, я моряк.
Шел миноносец как-то возле Крыма,
А мины там стоят на якорях,
Мы в минном поле, карты нет, черт в стуле,
Идем, осадка: некуда деваться,
У всех, конечно, студнем ходят скулы,
Не знаешь, плакать или раздеваться.
Чин чином выбрались. Плясали, как медузы,
А все-таки ведь лучше нет красот
Воды, сплетенной в этакий вот узел —
Яссо!» —
Он показал руками узел вод.

Но друг второй:
«Нет, что же я, простите,
Оспорить должен: лишь мотор пошел,
Тебе кричит механик: «Слушай, Витя!»
Ну слушаешь — и очень хорошо.
Не должен летчик храбрость обнаружить,

А так от всех привычек по куску
«16-bis-гидро Савойя» — хоть в лужу
Садись — такой неслышный спуск.
Коли ты штопором пошел — заело,
Не развернуться — ну, понятно, крышка,
Без парашюта плохо наше дело,
А всё же небо — лучшая страстишка. . .»

Не летчик я и плавать не горазд,
Но, третий друг, меня хоть поддержи ты,
Что и земля — не кроличья нора
И далеко еще не пережиток.
Когда мороз дерет тебя со всех
Лопаток, вдруг стреляют сучья,
И пахнет лес, как закавказский мех,
С таким вином, какого нету лучше. .,

Тут сидели женщины. Шурша,
Курили и доканчивали груши,
И в разговор летела их душа,
Насторожив внимательные уши.
Казалось, доедая и куря,
Сказать хотели длинными глазами:
«Нам отдадите все свои моря,
И землю всю, и небо с потрохами».
Их белых рук открытые вершки
Шептали в тон, воспользовавшись мигом:
«Вы, боги, обжигаете горшки,
Займемся мы самих богов обжигом. . .»

⟨1929⟩

12

СТИХИ НА РАССВЕТЕ

Был черновик к заре окончен,
Лень трубку жечь, и пепел лег,
Примяли пальцы; то, что ночью
Мечтой играло, отошло.

Окно восстанием теней
Клубилось, мысль опережая,

За ним слепой метался снег,
Дрожаньем крыш сопровождаем.

Как бред, в стакане плыл лимон,
Он плыл, царапался и падал,
Несчастный комик поражен,
Как я, стеклянною оградой.

Он осложнял собой игру,
Он принимал углы стакана,
Как я, — за очерк женских рук,
За грань волны, за первозданный
Фонарь над пьяною поляной
Стихов, трезвевших лишь к утру.

Они сияли на столе,
Как гвозди, свернутые в кучу, —
Табак, поднявшись синей тучей,
Желал им счастья на земле.

В окне восстание теней
Исчезло раньше, чем историк
Его отметил в полусне, —
И солнце хлынуло, как море.

Дом превращался снова в лавку,
Где предлагают разговор,
Посуды дрожь, семейный шорох
И зайцев солнечных на шторах.

...С этих пор
Он шел без пенсии в отставку,
Ночных торжеств охрипший хор...
Лимон, застывший в чайной пене,
Желтел условно, что актер,
Упавший в обморок на сцене...

1928

13

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦЕВ

Пора проверить окрестности,
Кончая с неточными толками,
В любой населенной местности
Стихотворцы пасутся толпами.

Они одинаковы, как торцы,
У каждого есть, однако,
Клей, для особых услуг щипцы,
Ведро разведенного лака.

Ножницы рядом, под рукой, —
Таков арсенал победы;
Размеры и рифмы находят легко
Щипцами в карманах соседа.

Затем из газет имена вождей
Стригут и, спутав старательно
С метафорой жиденькой вместо дрожжей,
Разводят ряд прилагательных.

Встряхнув, остыть немного дают
И, клеем соединивши,
Ставят вариться похлебку свою,
От бедности не посоливши.

Красного лака пускают тут
Застыть на словесной массе.
Блестит лакированный пресный пруд,
И вот тебе — новый классик.

Похлебка в журнальный котел на приход
Записана, между прочим:
Читатель читает (читатель растет),
Читатель читать не хочет.

Товарищи! Вывод отсюда какой?
Ведь надо по чести взвесить —
Не стоит делать приемный покой
Из самой веселой профессии...

1924

108—113. *ИЗ ЦИКЛА „ЮГ“*

1

Смотри кругом, красавица,
По щебяным наростам,
Здесь, как шакал, шатается
Войны вчерашней остов.

Пугая племя черепах
И развлекаясь заодно,
Катает ветер черепа
Потерянных скакунов.

За жадным держидеревом
Ползет, вися на блиндажах.
Здесь юг тягался с севером
На выбранных ножах.

Темнейшее из лезвий
У старой балки нами
Твоей рукою трезвой
Подобрано на память.

С кем был он, нож, повергнутый
В подгорные луга,
Кому давал ответ крутой
Некупленный слуга?

Кружился ли он пьяный,
Прося остановиться,
Глядя в глаза сурьмяные
Упрямицы станицы?

Имел ли подругу проще?
Иль с ним плясала тогда
Красношелковыми рощами
Расшитая Кабарда?

...В ржавчину битва упала,
Иззубрив огонь и крик,
С лохматых стен перевала —
Весь мир снова юн и велик.

1923
Матхорский перевал

НОРД-ОСТ

М. К. Н.

Смятенные шли перед ним
Шорохи, соль, песок,
Он, синим холодом тесним,
Ударил Севером в висок.

Перехлестнул кору, уча
Деревья сопротивленью,
Упорных ломая, по кротким стуча,
Слепых обволакивал тенью.

Волну хребтов рукой густой
Подбросил, тешась, ближе —
Был ястреб, точно лист простой,
Сбит сбоку им и унижен.

Но птица, решеткой ноги сложив,
Скрипела, вниз скользя,
Глаза ее — острые ножи —
Шипели...

Кустарники рвались стаей,
Поля сдавались на милость,
Он шел, дышать не переставая,
Следя, чтобы всё клонилось —

Темнообразьями фелюг,
Трубами, по трубкам, забытым
В зубах, канавами на валу,
Бельем, плясавшим в корытах.

Шел широко и травил миры,
Подпрыгивая, зачеркивал
Головы, стекла, карьеры горы
И всё ж — недоумевал:

Затем, что опять деревья лица
Несли, от земли подняв
Козьи глаза, острей черепиц
Бежали по зеленям.

Мангалы дымили, вились усы,
Гречанки красили брови,
Ненужную рыбу жевали псы
От лени с волнами вровень...

1923

3—5

МОРЕ

I

Я гостем прошел перед тобой,
Ветрами земли качаем,
Дыханья твоего прибой
Вздымался, неисчерпаем.

Гремя своим ростом и голосом,
Выбрасываясь из тумана,
Ты гнев высылало на вал,
Он свинчивал в белые полосы
Бежавшие рыхло поляны
И вдребезги разбивал.

Когда не служат кровлей горы,
Постелью — степи, мосты —
Петля, беглец кончает спорить,
К тебе приходит он, чтоб ты
В размахах синего предела
Его обуло и одело.

Когда не спалóсь им, а песни истлели,
Ты солью кормило их и стыдом.
Ты отдало черной беде в Марселе
Людей, оставивших дом.
Сломавших винтовки о выступ
Твой разный размах зашвырнул
Туда, где выходит на выстрел
Пустынь длинный гул,
И свергнул легших не в песке —
На дно Босфорово плавать,

Вещать на мертвом языке
Про добровольческую славу.
Ты право, судилище, ты хохочи,
Законы пишут на воде,
Все побежденные ручьи
Всегда глотал водораздел.

Чалма ли правит или фуражка
На берегах тебе под стать,
Твоим рукам не будет тяжко
Надменной ночью клокотать.

II

Но, одеяло расстелив
С затасканным концом,
Я смею на старом отрыве земли
Лежать к тебе лицом.

Вот я в горло времени дую,
Сабель горят чеканы,
Трясут твою руку, руку седую,
Днепровских папах атаманы.
Летает пламень на курень,
От качки страны рушатся,
Как груши в сломанный плетень,
Под свистами свинца,
И сыну статному не лень
Переиграть игру отца.

Склони рога, о берегах
Забота новая строга,
Стучит московская нога
Теперь о берега.

Как в годы год, как в волны лот,
Как сталь между углей,
Гудел ямбический полет
На пушкинской земле.

Среди колодников, колод,
Усмешкой распечатанных,
Среди колодцев и полей,
Неравных и заплатанных,

Быть надоело одному, —
Он поднял кольца побережий,
Грозы и скуки на краю,
Пустил гулять отвагу,
Ударил в связанную тьму,
В Россию перезвоном свежим
Громадных песен — про твою
Про зеленеющую влагу.

III

Через дебри, года, оды,
Из домов, где камень затих,
Из лесов, где зеленая одурь, —
Я расстелил одеяло на отдых
У звучных честно ног твоих.

Дымом трубки я буду петь —
Дыши и вздымайся гуще —
Тебя, цветущее, как медь,
Как слово, в ночь бегущее.

Проникнись табака
Революционным дымом,
Он безбандеролен, как и рука,
Как ты — неукротим он.

Буря жиреет на якоре.
Чем пахнет твой горизонт?
Вчера еще маяк горел,
Сегодня слеп и он.

Чайка причаливает, ждет
На теплых плечах громад,
К седым чанам в садах идет,
Восходит виноград.

Лодка ступает на лотки,
Шипя по ракушек резьбе, —
Ворот ворчит повороту руки,
Ворот выносит корму на себе.

Колебля загар усов,
Мачты шатают тени,
Республика ищет парусов
Для тысячи направлений.

Покатый, короткий узел,
Упорство игры изучив,
Мыс возится с морем, он сузил
Размытые солью зрачки.

Светлеет вдруг, подняв из пены
Лицо свое береговое,
Без времени, без перемены,
Но берегись: оно — другое!

1923
Суджук-Кале

6

ПЕРЕХОД В НОЧЬ

Закат согнул свой желтый стан,
Снимая с веток птичью речь,
Чтоб в смуглоту упала та,
В прохладу смуглых плеч.

Он мачты застеклял в порту
И выдувал из волн огни —
Не ты ли властвовала тут
С ним вместе и над ним?

С любезностью всех негордых
У сада, у бревен сарая
Ты тени сгоняла на отдых,
Шагами тишь проверяя.

Постелена козам солома,
И куры в курятне отменной.
У нас ни постели, ни дома —
Ничего, кроме старой вселенной.

Ничего, кроме радости зрячей,
Так о ней одной говори.

Волна, бездомная рыбачка,
Волочит звезды-козыри.

Зеленые, желтые — пачками —
Всплывают, тонут, и опять
Ты можешь, платья не запачкав,
Их с камня подобрать.

Светляк, приплывшая звезда,
Дождь капель радуг рябей —
Они идут твоим сандальям,
Как эта ночь тебе.

Возьмем живущего дары:
Что, если все богатые
Нам в руки козыри сданы
Ночами, вихрями, закатами?

И мы обречены играть,
Тасуя жизнь без берегов,
А им заимствовать пора
От наших песен и шагов —

Еще играть, еще южней
Сияньем шеи, губ, как пеной
Волн, бесхитростных на дне
И наверху таких надменных.

1923
Новороссийск

114–116. *ВОСПОМИНАНИЯ*

1

ОСЕНЬ В ЛАТВИИ 1917 ГОДА

Костры — лугам, костры как дар
От пламени огней,
Душа дорог больших горда,
Когда любезны с ней.

Входила осень не простая
В каштанов шум и медь —
От синих кленов до куста,
Забывшего сгореть.

Мы с нею шли в огне ракит,
Цвели, как лист цветет, —
Был ветер теплый вдоль реки
Вдруг над водой простерт.

С каких имен, с каких умов
На память списан путь?
Тенистый Венден, брат холмов,
Просил нас отдохнуть.

Он — мельник — нам вино разлил,
Мы пили, я сказал:
«Мы пьем не за твои кули,
Не за твои глаза.

За тех, что звездами пройдут
От сердца до виска,
За красный клен, за юный дуб,
За свежесть — наш стакан».

За пылью пали звон и лай,
С листвой смешало дом,
Махала осень у седла
Погожим рукавом.

А там, где, выбежав из нор,
Сам ветер путь учил, —
Вечерний Венден строил ночь
И путал кирпичи.

1923

2

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

(1915—1917)

Быть у войны в плену,
Как знамя, взять кочевье, —
Двуглавый сон, людей согнув,
Зажег их, как деревья.

Казачьим гривам дал висеть
Над сбитыми овсами,
Повел кривую карусель
Слепых коней и всадников.

То молодость пела и шла на убой,
Гремела и падала с песней рябой
О маршевых братьях, о маршевых,
Иззубренных ветрами лицах,
Когда уют домашний
Стал пестрой небылицей.

Конь, усмехаясь на забаву,
Топтал простор зеленый,
Орудий огненное право
Передо мной ломило клены.

Колодцы, города, пути,
Как дым, летели кувырком,
Войну, как поле, перейти
Мне показалося легко.

То молодость, повод сжав,
Кружила вдосталь шашкой,
Но соль в немецких блиндажах
Была не слаще нашей.

Такая ж, как наша, колючка у волчьих
Убежищ кусала отряды,
Такой же сутулый и рваный рабочий
Упорно глядел и, вспотев,
Оттачивал смерть по наряду...

Свинцовый лак ногтей
Распластанного «таубе»
Плыл братом истребителя,
Вспорхнувшего над Бугом,
Как дикий воробей,
Но с русским глазом смуглым.

И рваных блесков острие
Гасили в ножнах часовые, —
Здесь молодость взяла свое,
Над этим сходством круглым
Задумавшись впервые.

По-новому с разгона
Запела в залпах высота,
За вас, расстрелянные клены, —
Смирись, расстрелянный устав! —
Вонзили в землю батальоны
Им опостылевшую сталь.

Империя не верила,
И падала империя,
Последней пеной меряя
Встающей силы берег.

Косились кони на копье,
Сверкавшее лукаво,
То молодость взяла свое,
Свергая сон двуглавый.

1924

3

ЛЬВУ ЛУНЦУ

Улица, май; по ночному закону
Луна сторожит по часам
Отсыревшую медь бородавок балконных,
Тупые, как жесть, небеса.

Катается, обратным светом
Заряжена во сне,

Какая-то постылая планета,
А друга рядом нет.

Он между западных людей
Гостит, друзей забросив,
Он выбрал город на воде,
Где чайки над тучей отбросов.

Кожа, нефть и ворвань
Над Эльбой запахи льют,
Надолго поселился он,
Найдя себе уют.

Заносит море в город тот
Бутылки, птиц убитых
И шелуху гнилых пород
От островов размытых.

Заносит море шум богатый,
Но друг от шума в стороне,
Тиха его комната, но сыровата.
И воздуха мало в ней.

Исчезни, луна! Чтобы ночь растаяла,
Чтоб в сердце вбежали годы,
Когда мы блуждали веселой стаей,
Не зная, где встретится отдых.

Не на случайный час,
Но, пущенный с уменьем,
Кружился в головах у нас
Волчок воображенья.

Когда нам говорили: «Вот,
Смотрите: вьется птица», —
Нам было ясно: время врет,
Лишь клюв и перья выдает
За целую синицу.

Мы сами строили синиц
В запальчивости нашей —
До сих пор живут они,
Крылами в драках машут.

Так это было, далекий друг,
Нам ли бояться в старость врасти,
Когда еще живы моря вокруг,
Моря нашей собственной молодости.

Теперь я спокоен, как якорь,
Что работал много годов,
Что пережил мир двояко:
И над и под водой.
А много воды и хмури
Излечивает от дури.

Вот я выдал себя с головой,
Но как переслать посланье,
Минуя многодорожье?
А! Я забыл, что город твой —
Город приморский тоже.

В черной бутылке письмо обретет
Верный приют — в воду
Бросаю почту простую.
Море тебя найдет,
Море не забастует.

Вот она кружится, бутыль,
Мне головой качая.
Все мы уйдем в водяную пыль,
На черта ли нам отчаянье?

Пусть к Южному полюсу шел Шекльтон,
А Северный взял Амундсен.
При чем расстоянья — союз заключен
На жизнь, на смерть, на сон!

1925

ЮРГА

1926—1930

> И — по коням... И странным аллюром,
> Той *юргой*, что мила скакунам,
> Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
> Саксаулам, солончакам...

117. ВОРОТА ГАУДАНА

Если б был азиатом я, шел из Мешхеда,
Из Келата на север бежал
От смертельных хозяев, от рабства, от бреда
Нищеты, от кнута, от ножа, —

Гауданским воротам, как лучшему дару,
Поклонился б. Как знамя в бою, —
Ведь они чайрикеру, рабу, чарводару
Говорят: «Здесь Советский Союз».

Гаудан — это петли дороги змеистой,
Перемытые нашей волной,
Гаудан — это окрик и выстрел
Над враждебных хребтов тишиной,
Гаудан — это первый сигнал коммуниста
Под ирано-индийской стеной.

Там врезаются люди простые, как пилы,
В те дела, что совсем не просты,
День и ночь закаляют себя старожилы,
Проверяют себя, как посты.

От подковы коня до квитанций Госторга
Смотрит всё боевым ремеслом,
Здесь глаза выражают вершину восторга
Только тенью улыбки — и всё.

Если б щели в горах повели разговоры,
Если б ночи умели писать,
Мы имели б рассказов невиданных ворох,
На котором сегодня молчанья печать.

Так заботой полны пограничные соты.
Мне однажды пришло на заре,
Что как братья пройдут в Гаудана ворота
Люди с дальних индийских морей.

1930

118. ЛЮДИ ШИРАМА

Ананасы и тигры, султаны в кирасе,
Ожерелья из трупов, дворцы миража, —
Это ты наплодила нам басен —
Кабинетная выдумка, дохлая ржа.

Нет в пустыне такого Востока,
И не стоишь ты, как ни ворчи,
Полотняных сапог Куперштока
И Гуссейнова желтой камчи.

Эти люди с колодца Ширама,
Из ревкома советских песков,
Обыденностью самой упрямой,
Самой хмурой и доблестной самой
Опаленные до висков.

Вручено им барханное логово,
Многодушье зверей и бродяг,
Неизбежность, безжалостность многого —
Всё, о чем скотоводы гудят.

И когда они так, молодцами,
Прилетят в Ак-Тере как гонцы —
Это значит, что снова с концами
Сведены бытовые концы.

Это значит — в песчаном корыте,
От шалашной норы до норы,

Чабаны-пастухи не в обиде
И чолуки-подпаски бодры.

Что сучи-водоливы довольны —
Значит, выхвачен отдыха клок,
Можно легкой камчою привольно
Пыль сбивать с полотняных сапог.

Пить чаи, развалясь осторожно,
Так, чтоб маузер лег не под бок,
Чтоб луна завертела безбожно
Самой длинной беседы клубок...

И — по коням... И странным аллюром,
Той юргой, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

Чтобы пафосом вечной заботы,
Через грязь, лихорадку, цингу,
Раскачать этих юрт переплеты,
Этих нищих, что мрут на бегу.

Позабыть о себе и за них побороться,
Дней кочевья принять без числа —
И в бессонную ночь на иссохшем колодце
Заметить вдруг, что молодость прошла.

1930

119. ВЕСНА В ДЕЙНАУ, ИЛИ НОЧНАЯ ПАХОТА ТРАКТОРАМИ «ВАЛЛИС»

Дыханье слышу «валлисов»-машин,
Как запертых драконов беспокойство,
Дурацкое, скажу, землеустройство
От древности досталось им в почин.

Поля величиной с кошму,
Канавы, стены, ямы, стены, ямы...
Но времени задания упрямы —
И «валлисы» прокатывают тьму.

Они жужжат, бормочут, невесомы,
Невидимы за переплетом рощ,
Чужою, нехозяйственной истомой
Их окружает дьявольская ночь

Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом.
Встает луна — ложится тень у двери,
Дверь отошла — машина входит в дом.

Распахнут двор. Он байский, крепколобый
(Вкушали плов, меняли скот, рабынь),
И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон, среди чарджуйских дынь.

В пустыне бай, а может, и подале,
И вместо всей халатной толчеи
Три выдвиженца спорят в гулком зале,
И Азия внимает молча им.

Джида цветет, бумаги всех оказий
Пропитаны тем запахом живым,
Животным, душным, стойким в каждой фразе,
И каждый жест в него упал, как в дым...

И в том дыму вся тракторная база
Свергает власть оскаленных пустынь.
Шипит земля, и, словно два алмаза,
Два фонаря глядят через кусты.

1930

120. ИСКАТЕЛИ ВОДЫ

Кую-Уста зовут того, кто может
Своим чутьем найти воды исток.
Сочти морщины на верблюжьей коже,
Пересчитай по зернышку песок —

Тогда поймешь того туркмена дело,
Когда, от напряженья постарев,
Он говорит: «Колодец ройте смело,
Я сквозь песок узнал воды напев».

Но он кустарь, он только приключенец,
Он шифровальщик скромненьких депеш,
В нем плана нет, он — как волны свеченье,
И в нем дикарь еще отменно свеж.

Его вода равна четверостишью,
Пустыне ж нужны эпосы воды, —
Он как бархан, он времени не слышит,
Он заметает времени следы.

Но есть вода Келифского Узбоя, —
Но чья вода? Победы иль Беды?
И там глядят в ее лицо рябое
Глаза иных искателей воды.

Они хотят вести ее далеко —
Через Мургаб, к Теджену, — оросить
Все те пески, похожие на локоть,
Который нужно всё же укусить.

Они правы, они от злости пьяны,
Они упрямы: до́лжно рисковать —
Невероятным водяным тараном
Пробить пески, пустыню расковать.

Им снятся сбросы, полчища рабочих
И хлопок — да, десятки тысяч га:
Их в руку сон — земля победы хочет,
Она зовет на общего врага.

Кую-Уста глядит на инженера
С большой усмешкой, скрытой кое-как.
Тот говорит: «Ты думаешь, химера?
А это, брат, вполне возможный факт!

Твои колодцы, что же, это крохи...
А мы Узбой наполним наконец...»
Они стоят сейчас, как две эпохи,
Но победит великих вод ловец!

1930

121. УЩЕЛЬЕ АЙ-ДЭРЭ

В. Луговскому

Ты проедешь Сумбар,
И в полуночный пар
Ты минуешь рудник Арпаклен
И пройдешь по хребту
Через всю высоту,
Сквозь луга и сквозь каменный плен,

Где, как мертвый пастух,
Громоздится уступ,
Словно овцы — кусты по горе,
Пусти шагом коня
В жар зеленого дня:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

Травы — брата родней,
В темножильях камней
Родников отчеканена дрожь.
Лучше рощ, гибче вод,
Драгоценней пород
Ты в Туркмении, верь, не найдешь.

Никого не предашь,
Ты останешься наш,
Но вдохни этот воздух, какой он!
Ты отрады такой
Не встречал под рукой,
Ты такого не ведал покоя.

На большие года
Будет память горда.
Будет сердце — как конь на заре,
А в томительный час
Повторишь ты не раз:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

1930

122. ПОДРАЖАНИЕ ТУРКМЕНСКОМУ

Мы с гор пришли сегодня днем,
Куда мы идем — не гадай.
Усмирись, расступись пред конем —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пришли мы к воде, и она шумит,
Прогони ее с глаз, измени ее вид,
Убери свою воду из-под копыт.
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Не то мы истоки твои убьем,
Мы высушим ложе твое огнем,
Ты покажешь все камни на дне своем, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Мы закроем ущелья, и ты умрешь,
И умрет с тобой воды твоей дрожь —
Тогда для коней будет путь хорош, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пожалей своих птиц на своих отмелях,
Людей, что питают тобой поля,
Всё равно мы пройдем тебя, сердца веселя, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

1930

123. СТАРЫЙ КОВЕР

Читай ковер: верблюжьих ног тростины,
Печальных юрт печати и набег,
Как будто видишь всадников пустыни
И шашки их в таинственной резьбе.

Прими ковер за песню, и тотчас же
Густая шерсть тягуче зазвенит,
И нить шелков струной скользнувшей ляжет,
Как бубенец, скользнувший вдоль ступни.

Но разгадай весь заговор узо́ра,
Расшитых рифм кочевничью кайму,
Игру метафор, быструю, как порох, —
Закон стиха совсем не чужд ему.

Но мастер скуп, он бережет сравненья,
Он явно болен страхом пустоты,
И этот стих без воздуха, без тени
Он залил жаром ярким и густым.

Он повторился в собственном размахе,
Ковру Теке он ямбы подарил,
В узоры Мерва бросил амфибрахий,
Кизыл-Аяк хореем населил.

Так он играл в своем пастушьем платье
Огнем и шерстью, битвой ремесла,
И зарево тех красочных объятий
Душа ковра пожаром донесла.

1930

124. АМУДАРЬЯ

(Завернувшиеся в плащи)

Мы плыли, плыли, плыли,
Мы пели песни басом
Сожженными устами.
Уж каюкчи шестами,
Саженными шестами
Устали опираться, —
Потея час за часом.
Мы груз кооперации
Везли до Ходжам-Баса.

Везли мы до Бешира груз:
Консервы, стекла, мыло,
Соль, рис, спички.
Заря нам жгла свой красный куст,
И нам луна светила.

К Беширу буря подошла
В полночной перекличке,

К спокойным нашим снам
И, презирая наши сны
И наш товар по сторонам,
Она, как шило из мешка,
Ударила по нас.

Палатка рухнула, свист
Пошел по нашим ящикам,
Как будто рылись там кроты,
Сойдя с ума от темноты.
О буря, буря, — сволочь ты!
Мы довезем стекло, и рис,
И соль, и рис заказчикам.

Мы завернулись все в плащи,
Давясь сырым песком;
Сложив из ящиков карниз
Стеклом наверх и мылом вниз,
Нырнули в пухлый шум.
Чего же ты смотрел, ревком
Пустынных Каракум?

Мы завернулись все в плащи,
И, подобрав плащей концы,
Давясь сырым песком,
Мы, как верблюды, полегли,
А наши курицы вели
(До плова было далеко)
Себя как храбрецы.

Мы завернулись все в плащи,
Плевали мы на бури,
А утром — только не ропщи, —
Мы утром курам, как картечь,
Отсекли головы до плеч
И пух пустили курий.

Так, завернувшись все в плащи,
Мы сдали груз в Бешире,
Консервы, стекла, мыло,
Соль, рис, спички,
Мы сдали груз в Бешире.

Мы плыли, плыли всё вперед
Сквозь перекаты всех пород,
Сквозь мели в желтом жире,
И мы смеялись: «Вот поход!»
Такой речонки поищи —
Единственная в мире.

1930

125. ПРОЩАНИЕ С ОМАЧОМ

Седой туркмен, сожженный солнцем юга,
Прощается с истертым омачом:
«Ты отойдешь ненужным гостем в угол.
Ты, одряхлев, остался ни при чем.

Тебя почтит ночного ветра скрежет,
Но шум молвы в другую песнь ушел —
Машинный плуг родную землю взрежет
От волн Аму до каракумских волн.

Не о тебе расскажут у колодца,
Ты жил, как раб, ленивой простотой.
В груди машин живое сердце бьется
Туркмении пустынно-золотой».

Сказал омач:
«Не оставляй средь гула
Меня лежать в твоих машин дыму.
Не дай мне гнить среди твоих аулов!
Я, как басмач, пустыню подыму,

Я стану волком, пламенем, бедою,
Как астрагал — меня охватит ложь.
Я не хочу! Я сыт своей судьбою,
И я прошу покорно: уничтожь.

Сожги мое истасканное тело,
Испепели и острием серпа
Развей меня, чтоб мной не завладела,
Как знаменем твоих врагов, толпа».

1930

126. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Обычной тенью входит день.
Одежда та же: тесен ворот —
Попробуй возьми его, переодень,
Скажи, что меняешь обычай и город.

Он будет выть, от страха седой,
Вопьется ногтями, от крика устав,
Он будет грозить нищетой и бедой,
Он выложит все счета.

Но, как пересохший табак, распыли
Привычки — сбеги с этажей,
Увидишь, как пляшут колени земли,
Какая улыбка у ней.

А может быть, ярость? А может —
Одно дуновенье ресниц далеко
Тебя заведет, чудесами изгложет,
Оставит навек чудаком?

Соглашайся немедля! Из дому
Задумано бегство. Ведь надо же знать,
Как люди живут и жуют по-другому,
Как падает заново слов крутизна.

Как бродят народы, пасясь на приволье.
Как золотом жира потеет базар,
Как дышит — ну, скажем, за Каспием, что ли, —
Менялы тучней черноглазый фазан.

Чтоб с надоевших, постылых подножий
Вся жизнь поднялась бы не степью с утра —
Горой, где бы каждый уступ непохож был
На тот, каким он казался вчера,

Чтоб в горле гуляло крупнейшею дрожью:
«Мы родственны снова. Дай руку, гора!»

1926

127. ФИНИНСПЕКТОР В БУХАРЕ

Не облако зноя,
Не дым из харчевни чудесной
Летит кишлаками, листвой вырезною,
Бахчами, канавами, лесом.

И облако это, красуясь подробно,
Зудит удилами и песни поет —
То сам фининспектор султаноподобный
Из лёссовой пыли вихри вьет.

На учете — ковры, пшеница, сад,
В квитанциях, словно луна,
Восходит, желтея, налога цена
Десятками лун подряд.

Он знает, который из толстых не рад
Топтанью его скакуна.

Он видит, как ложью цветет старшина
И сколько наплел и налгал он спьяна.
Он помнит, как нужно коня раскачать
Навстречу клинкам басмача.

На севере дождь заладил полет
И льет, облысев, отупев;
Тщедушный чиновник бумагой скребет,
Как мышь, за конторку присев.

Он ввек не узнает, что письменных троп
Кончается пулей в пустыне галоп,
Что можно баланс перекинуть иначе —
Высокою аркой ветвей карагачьих.

Что слать извещенья — пустая затея,
Когда по ущельям обвалы густеют,
Что дальний его туркестанский собрат
Теснинам и высям устроил парад.

Не тигр из тугая плескает клыком,
Куском полосатой ноги,
То сам фининспектор в галопе легко
Играет конем дорогим.

Джигит раздирает запекшийся рот,
Ведет к Самарканду дорог поворот.

Какое убранство! Небо какое!
Огонь, тополя, купола!
Он скачет туда, где лежит на покое
Тимур — Хромец Тамерлан.

Бросив джигиту камчу на лету,
Идет инспектор на ту высоту.

Гробница Тимура в нефритной красе,
И здесь говорит он, молчанье рассея:

«Лишь винт в колесе я,
Всегда на весу, —
Я честно служу своему колесу,
Катаюсь с ним вместе дугою,
Вот ты — это дело другое!»

Восходит могильный рев старика:
«Бока отлежал я. На что мне века!
Могила на что дорогая?
Мне — сыну Амир-Тарагая?

Я на землю ярой горой налег,
Я жал ее необычайно —
С Китая я выжал, как губку, налог
Ручными драконами, чаем.

Сколько земель у меня собралось
Дохода звонкого ради,
В одном лишь Багдаде убыток понес:
Людей не осталось в Багдаде.

Я взвесил приход и расход мировой,
И нету копейки со мною:
Я — гол, с лошадиною схож головой,
Вот ты — это дело иное...»

Не облако зноя,
Не ветер великий весною,

То мчится инспектор, трубку сосет,
Топчет ковер тишины,
Как будто луна с небывалых высот
Упала в доход казны.

1926

128. ШАКАЛ

1

Ходят пчелы на ручей
За водой студеной; пчелы
Под шатром карагачей
Словно новоселы.

Бабочки вьются,
Как желтые блюдца.

Ты ли, арча, недостойна парчи?
Что есть на свете тусклее арчи?

Муравьиный мускул мал,
Но лежит в труде долина,
Муравей бревно поймал
Всей ватагой муравьиной.

Это малое бревно
Я растер бы меж ладоней,
Но для них оно одно —
Знак работы неуклонной.

Как одеяло цветное,
Долина купается в зное.
Словно гончарня над глиной,
Так трудится в зное долина.

Я покидаю пчел водопой,
Падай, вода! Перепел, пой!

2

Где разветвляется хобот ущелья,
Камни обвалом порвало,
Где, точно клейма, наклеены щели,
Там увидал я шакала.

Там он стоял, размышляя ушами,
Один — без детей, без жены;
Были глаза его, как камышами,
Вздыбленной шерстью окружены.

Я-то ведь знаю, кто он такой,
Как он меняет лица,
Как он плутует и серой рукой
В наши дома стучится.

Это неверно, что лишь пустынь
Спутник он невеселый,
Нет, и любой городской пустырь
Воем шакальим полон.

8

Но ты по-особому вздыблен и горд,
Шакал азиатских гор.
Тебе оказали сугубую честь,
Ты помнишь той ночи размер?
Дубы, что упали в Ахча-Куйме,
Ты видел их двадцать шесть.[1]

И сердцем и глазом запомнили мы
Шакалов Ахча-Куймы.

И тех, что ножу предают за гроши,
Убийство для них — воспитанье души.

И тех, что до власти лакомы,
На страже весов мировых,
Горят имперскими знаками
Мундирные вывески их.

И тех и других запомнили мы,
Шакалов Ахча-Куймы.

Дразни этой вестью друзей и казни,
Беги за Герат, беги за Газни,
Кричи Индостану, как любим мы
Шакала Ахча-Куймы.

---

[1] Двадцать шесть бакинских комиссаров были убиты в пустыне, около перевала Ахча-Куйма.

Лишь бурей взыграется Азия,
Не встретимся здесь мы разве?

И драться мы будем в песках этих рыжих,
Пока ты не будешь разбит и унижен,

Тогда подойдешь смиренней, чем мышь,
К разбитой моей голове,
Спросишь: «Зачем ты здесь лежишь
В чужой, в неродной траве?»

«Зачем лежу в траве голубой?» —
До крови смеялся я над тобой.
Я покидаю пчел водопой —
Падай, вода! Перепел, пой!

1926

129. ПОЛУСТАНОК В ПУСТЫНЕ КАРАКУМ

Так вот ты какая...
Направо — жара, солончак, барханы,
Налево — бархан, солончак, жара,
Жара — окаянная дробь барабана —
По всем головам барабанит с утра.

Тут жизнь человечья особой породы —
У ней, как у соли, хрустят галуны,
Отсюда до бешенства — полперехода,
Отсюда до города — как до луны.

Кого обыграть между вихрями пыли?
Куда пойти в песчаной тюрьме?
Любить, но кого же? Поставить бутыли
И, пуля за пулей, по ним греметь.

Когда паровоз из сумрака чалого
Рванет полустанок, сорвет с якорей —
Прохлада седьмую минуту качает
Людей и дрова на дворе.

Здесь главная служба — сидеть, потеть,
Когда ж человек отпотеет впустую,

А. Магомаев, Г. Цадаса, Н. Тихонов, В. Луговской, П. Павленко

Он вытянет ноги в пыли, в желтоте —
Вселенная, я протестую!

Я всё согласен терпеть: петь
Охрипло стихом разбитым,
В бродяги зачислиться, голода плеть
Жевать и хвалить с аппетитом.
Но всё это, всё это взыщется
С тебя, мелкоребрая хищница.

Но вечная эта жаровня сквозная,
Но этот громоздкий песчаный ад,
В котором неслышно тела трещат, —
Куда он ведет — не знаю!

1926

130. ТИГРИНЫЙ ЧАЙ

(Ширчай)

Глаза вниманием одень,
Вдали от родины кочуя, —
Всемирной дружбы вызвав тень,
В харчевне Азии ночую.

Беседу правя невзначай
С поводырем верблюжьим,
Я буду пить зеленый чай,
Тигриный чай на ужин.

Костра густые хляби
Рождают смуглый дым,
В котле гуляют ряби
Взволнованной воды.

Возьми песчинки чая,
Достойно урони,
И, как пловцы, ныряя,
Уйдут на дно они.

Но, волнами гонимы,
Висят на борозде, —
И здесь необходимо
Раздумье о труде...

Хвала! Но что такое труд?
Поток, идущий широко,
Но здесь в котел проворно льют
Потоком тесным молоко;

В котле сметанный океан,
Как белый бык в оковах, —
Но поводырь верблюжий пьян
Мечтою о коровах.

Не бык — сияний решето
Влекомо вверх и вниз.
Он говорит: «Верблюды — что?
Коровы — это жизнь!»

Котел, как колокол, кипит,
Зеленый чай, тигриный чай
Сквозь дым и крышку говорит
Проворней горного ключа.

Молвит сосед: «О таксыр,
Ты знаешь, что такое власть?»
Он режет масло на куски,
Кускам в котел дает упасть.

«Ты по-иному мне скажи, —
Он молвит мне, — таксыр,
Власть — это самый верхний жир
В котлах любой страны!»

Мой смех обходит всех волчком,
И на котле, смеясь,
Покрышка падает ничком,
От зноя золотясь.

Багровой солью Бухары
Посыпан ярый чай,
В котле — косматые шатры
Вспухают, забренчав.

Из них тигриный чай ревет,
Он весь похож на белену,
Кому такой он нужен?

Мы точно варим здесь войну,
Сто дьяволов на ужин.

Но спутник темножилый,
Моей беседы князь,
Кричит: «Четыре силы
Кипят, соединясь!»

Хозяин трапезы живой,
Отвесив по каратам,
Кидает перец огневой
В его плаще богатом.

Перец, лопаясь, хохочет,
Клокочет чай готовый,
Котел задымленный, грохочущий
Встречают, как обнову.

И этот спелый, словно рожь,
Напиток клонит не ко сну —
И он на женщину похож,
На власть и на войну...

Мы пьем его, как жизнь, как дым,
Чтоб жажду закрепить,
И мы потом договорим,
Сначала надо пить...

1926

СТИХИ О КАХЕТИИ

1935

Маро Шаншиашвили

131. ГОМБОРЫ

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенесть,
Мне в этом крае всё знакомо,
Как будто я родился здесь.

И всё ж с гомборского разгона,
Когда в закате перевал,
Такой неистово зеленой
Тебя, Кахетия, не знал.

Как в плески, полные прохлады,
Я погружался в речь твою,
Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.

Но где найдется чувству мера,
Когда встает перед тобой
Волной вселенского размера
Лесов немеркнущий прибой?

И в этот миг, совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря,

Ты ищешь в прошлом с легкой дрожью:
Явись опять, зеленый зной, —
Год двадцать первый встал и ожил
Над мамиссонской крутизной.

О, сколько слез и сколько жалоб
На старом Грузии пути,
Ночь меньшевистская бежала,
К Батуму крылья обратив.

Рвать крылья эти, что клубили
Одну из самых черных вьюг,
Бригада в искрах снежной пыли
Проходит с севера на юг.

Тобою, Киров, как знамена,
Снега Осетии зажглись,
Когда, не спешась, эскадроны
Переходили в них на рысь.

Снега, снега — зима нагая,
И вот уже ни стать, ни лечь,
Рубить, в снегах изнемогая,
Ходы, что всаднику до плеч.

Переносить вьюки плечами,
Уметь согреться без огней,
Со льдов, увенчанных молчаньем,
На бурках скатывать коней.

Хватив зимы до обалденья,
В победоносный дуть кулак
И прямо врезаться в виденье,
Неповторимое никак.

И в этот миг, совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря, —

Они смотрели и стояли,
Снимали иней на усах,
Под ними прямо в небеса
Великой зеленью пылали
Чанчахи вольные леса.

1935

132. ДЖУГАНЬ

Через долину, прямо над Джуганью,
Стоял хребет, и я встречался с ним
Наедине, за той рассветной гранью,
Когда он весь казался молодым.

Как будто шел, не замедляя шага,
Ко мне товарищ в дальней стороне,
Зелеными рубцами Шалбуздага
О доблести рассказывая мне.

Как будто вторя грозному столетью,
Над кулуаров снегом голубым
По желобам летели легкой смертью
Дымки лавин дыханием одним.

И ледопадов синева нависла
И, как судья, судила черный бор,
А я стоял тяжелый, как завистник,
С той синевой вступая в разговор.

Тот разговор судьба определила,
Чтоб каждый знал всю правду о другом, —
Тут на балкон хозяйка выходила,
Навстречу дню распахивая дом.

Тогда с хребта слетал огнистый глянец,
Всё подменив деталью бытовой,
Как будто утро отдало румянец
Спокойствию хозяйки молодой.

1935

133. ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный, —
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал,

Потому что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому что поселиться
В этом крае я не мог,

Потому что я, прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы непохожий,
Непохожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

1935

134. ОХОТНИК

Уже открылись домики селенья,
Людей обыкновенных уголки;
Чирками голубого оперенья
Над черепицей плавали дымки.

Охотник шел, походом переполнен,
В плечах шумел лесных ночей настой,
У пояса, как пачки легких молний,
Кипели перья птицы непростой.

В нем горы и озера еще жили,
Иной он слепок мира осязал,
Из самых тонких жизни сухожилий
Дни мастерства лесного он связал.

Пускай умрет он также неизвестным,
Счастливым лесом встанут жизни дни,
О время, ты, наш соучастник честный,
Ревнителя охоты не казни.

Смиряй его, гони по кругу быта
И пламя крыл — фазаном назови,
Но дай ему продлить души избыток
За прибыли охотничьей зари.

1935

135. НОЧНОЙ ПРАЗДНИК В АЛЛА-ВЕРДЫ

За Гомборами скитаясь, миновал Телав вечерний,
Аллавердской ночью синей схвачен праздника
кольцом.
Чихиртмой, очажным дымом пахли жаркие харчевни,
Над стенаньями баранов с перепуганным лицом.

Люди чавкали и пели с кахетинскою истомой
И шумели по-хевсурски под навесами в кустах.
Мчались всадники с шестами, и горящая солома
Освещала все сучки нам на танцующих шестах.

И, скользя в крови бараньей, шел, на шкуры наступал я,
И волненье очень смутно стало шириться во мне,
Было поднято гуденьем и в гуденье уплывало
Мое тело, словно рыба, оглушенная во сне.

Больше не было покоя в дымах, пахнувших металлом,
Ни в навесах сумасшедших, ни в ударах черных ног, —
Это старый бурый бубен бесновался, клокотал он,
Бормотал, гудел, он бурю бурным волоком волок.

И упал я в этот бубен, что, владычествуя, выплыл,
Я забыл другие ночи, мысли дымные клубя,
И руками рвал я мясо, пил из рога, пел я хрипло,
Сел я рядом с тамадою, непохожий на себя.

Словно горец в шапке черной,
И в горах остался дом,
Но в такой трущобе горной,
Что найдешь его с трудом.

Проходил я через клочья
Пен речных, леса и лед,
Бурый бубен этой ночи
Мне всю память отобьет.

Чтоб забыл я все потоки,
Все пути в ночи и днем,
Чтоб смотрел я лишь на щеки,
Окрыленные огнем;

Чтоб свои свихнул я плечи
Среди каменных могил,
Чтобы, ночь очеловечив,
С ней, как с другом, говорил, —

В этой роще поредевшей,
Этот праздник не виня, —
О не пившей и не евшей,
Не смотревшей на меня.

Вдруг людей в одеждах серых породила темнота,
Скромность их почти пугала среди праздничной орды,
Даже голос был особый, даже поступь их не та,
Будто вышли рыболовы в край, где не было воды.

То слепые музыканты разом подняли смычки,
Заиграли и запели, разевая узко рот,
Точно вдруг из трав зеленых встали жесткие сверчки, —
Я читал на лицах знаки непонятных нам забот.

Тут слепые музыканты затянули тонкий стих,
Ночь стояла в этих людях, как высокая вода,
Но прошел, как зрячий, бубен сквозь мелодию слепых,
И увидел я: на шлеме след оставила звезда,

На линялом, нищем шлеме у слепого одного,
Что сидел совсем поодаль, пояс тихо теребя.
И на шлем я загляделся непонятно отчего,
Встал я рядом с тамадою, непохожий на себя.

Словно был я партизаном
В алазанской стороне
И теперь увидел заново
Этот край, знакомый мне.

Как, ломая хрупкий иней
И над пропастью скользя,
К аллавердской ночи синей
С гор спускаются друзья.

За хевсурскими быками
Кони пшавов на гребне,
С Алазани рыбаками
Гор охотники в родне.

Словно шел я убедиться,
Что измятый, старый шлем
Был воинственною птицей,
Приносившей счастье всем.

Что, храня теперь слепого
В алазанской стороне,
Он, как дружеское слово,
Сквозь года кивает мне.

Подходил рассвет, и роща отгремела и погасла,
Мир вставал седым и хмурым, бубен умер на заре,
Запах пота и полыни, в угли пролитого масла,
Птицы крик — и в роще сизый след поводьев на коре.

Обнажились вмиг вершины, словно их несли на блюде
И закрыли облаками от объевшихся гостей,
А под бурками вповалку непробудно спали люди,
Как орехи, волей вихря послетавшие с ветвей.

Ниже, в сторону Телава, спали лошади, упавши,
Спали угли, в синь свернувшись, спали арбы и шатры,
Спали буйволы, как будто были сделаны из замши,
Немудреные игрушки кахетинской детворы.

За Гомборами скитаясь, миновав Телав вечерний,
Я ночные Алла-Верды видел в пышности во всей,
Дождь накрапывал холодный, серебром и старой чернью
Отчеканенные, спали лица добрые друзей.

Я наткнулся на барана с посиневшими щеками,
Весь в репейнике предсмертном, грязным боком терся он
О забытую попону, о кусты, о ржавый камень,
И зари клинок тончайший был над шеей занесен.

1935

136

Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи
На Алазани белый ремешок,
И подо мной раскачивались тучи,
Сквозь эти тучи самолет прошел.

Следили горы за гуденья силой,
Как птицы за полетом стрекозы,
И предков кровь, что лица заострила,
На мир смотреть учила сверху вниз.

Стал самолет в лазурь полей снижаться,
Своим гуденьем сердце веселя,
Стояли горцы, бросив улыбаться,
Внизу цвела Кахетии земля.

Шло дело к ночи. В темноту баллады
Лишь стоит нам рассказ перенести,
Задышим мы пожаров долгим чадом,
Услышим пули по всему пути.

Увидим, как дымились Цинандали
И крепости взлетали в простоте,
Свидетелей ущелья поглощали,
Аулов сто пылало вслед за тем.

Но нет мюридов... Нет Орбелиани,
Нет Чавчавадзе... Только огоньки
Шли винными совхозами в тумане,
Хлопковыми полями у реки.

Победы большевистские утехи
Нам говорили: если поспешить,
То можем мы спуститься в Лагодехи,
У очагов сесть, бурки обсушить.

И, не шумя излишними страстями,
Хлебать хинкал, заправив чесноком,
Старинными делиться повестями,
Не вымещая злобы ни на ком.

И кахетинец будет черноусый
С лезгином пить до самого утра,
Для горных дев подарит гостю бусы,
Любимые кусочки серебра.

1935

137. СМЕРТЬ

Старик стоял в купели виноградной,
Ногами бил, держась за столб рукой,
Но в нем работник яростный и жадный
Благоговел пред ягодной рекой.

Гремел закат обычный, исполинский,
Качались травы, ветер мел шалаш,
Старик шагнул за край колоды низкой,
Вошел босой в шалашный ералаш.

Худые ноги насухо он вытер,
Смотрел туда, долины старожил,
Где в море листьев, палок, перекрытий
Сверкали лозы, падали ножи.

Всё выведено было черной тушью,
Какой-то кистью вечно молодой,
Он, горсть земли зажав, прилег и слушал,
Шуршал в руке кремнистый холодок,

И холодок шел по кремнистым жилам,
Лежал, к земле прижавшись, не дрожа,
Как будто бы передавая силу
Тем смуглым лозам, людям и ножам.

Журчал в купели теплый сок янтарный,
И солнце, сжато облачной грядой,
Столы снегов залив лиловым жаром,
Распаренным висело тамадой.

1935

138. ШОФЕР

Из духана небольшого на порог свинцовой ночи
Он выходит, разминаясь, у него веселый нрав.
Он шофер и кахетинец, кизикийски прост и прочен,
С ним лечу лихой дорогой от Сигнаха на Телав.

Лишь возов высоких тени, рощи в сумраке кромешном,
Лишь смерчей песчаных, пыльных неживые завитки,
Хруст, как будто чьи-то кости распадаются поспешно,—
То дробим мы позвоночник пересохшей в дым реки.

Сбоку реет рой неверный зыбких сел, садов, прохожих,
Как из аспидного ада, поездной гудит гудок,
Мы взлетаем над обрывом, — небольшую жизнь я
прожил,
Вот такой пустынной ночью, может быть, и выйдет срок.

Остановка на мгновенье перед домиком кремнистым.
Свет. Целуется шофер мой с юной женщиной в платке.
Вновь возы, смерчи и броды, рассекаемые свистом,
Будто гонит с нами рядом тень вселенной налегке.

Ничего не разобрать уж — даже тучи задымились.
Словно в бегство от поспешной той любви летим
во тьму,

Вдруг мелькнули кипарисы, как особенная милость,
Это значит — я доставлен прямо к дому моему.

И шофер мне простодушно говорит: «Теперь обратно,
Я к утру вернуться должен от Телава на Сигнах».
Вслед глядел я — предо мною снова ночь сверлили
пятна:
Это мчался гладиатор в славы собственной лучах.

1935

139—140. *БАШНИ СИГНАХА*

1

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Но я не пьян — я нем
Пред вашим сном сутулым.

Да, осень и вино,
Здесь безупречны вина,
А осенью родной
Сигнахец пьет их львино.

Зубами он берет
Стакан — и в горло разом,
Как будто воду льет
Или теряет разум.

Стакан, что пуст и прост,
Он ртом швыряет в воздух,
Стакан летит до звезд,
А стол весь в синих звездах.

Идет в полет стакан,
Звенит стакан обратно,
И молодец не пьян,
Но молодцу приятно.

И жизнь — вина густей,
И смерть полна лукавства,
Как призраки страстей
В ребячьем сне сигнахца.

1935

2

Я знаю: упрекнут
Меня за это строго,
Что кахетинцы пьют
Как будто слишком много.

Но где ж еще вино
Так связано судьбою
С крестьянством, заодно
С природой голубою?

Я с башенных высот
Старейшего Сигнаха
Гляжу: идет народ
Не пьяного размаха.

Где скат полей не крут,
Проворны хлопководы,
И техники бредут,
Что опекают воды.

И в малярийный хрип
Надалазанской чащи,
Где быт в болото влип,
Приносят хины ящик.

С добычей на боку
Охотники шагают,
И много табаку
Лежит на Цнури-Цхали.

Но виноградный блеск,
Всесильный и обильный,
Царит от горных мест
Вплоть до пустыни пыльной.

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Вы — каменных поэм
Разрозненные гулы.

Просите снова жизнь
Зубчатым басом глыбы,
Чтоб осени ножи
Несчетность лоз нашли бы.

1935

ТЕНЬ ДРУГА

1935—1936

Средь лома молний молньям всем
Они не верят и смеются,
Что чайки, рея в высоте,
Вдруг флотом смерти обернутся.

1920

141. ТЕНЬ ДРУГА

Я берег покидал туманный Альбиона...

К. Батюшков

Как бы изнемогая,
Закат перетушевывал
Все облака червонные,
Все берега лихие,
Тушил пожары вечера;
Волна же шла дешевая,
Безгривая стихия.

В ней рылись птицы с клекотом
Домашним и глумящимся,
Желтели искры радио,
На мокрый клюв их падая,
И ночь росла на западе,
Как в повести, дымящейся
Всей черной правдой, сдержанной
Лишь вымысла оградою.

Маяк мигал над зыбью нам —
Маяк души не радовал,
Мы плыли в медной рыхлости
Своим советским лагерем,
Но в тенях ночи запада
Тень друга я угадывал.

Быть может, он в Валенсии,
В Париже или в Праге он...

Кузнец ли он, рыбак ли он,
На баррикадах Вены ли
Он ранен и скрывается,
Ушел в страну чужую...
Он — тот, кто сложит песню нам
О беспощадном времени,
Расскажет о Европе
Всё,
Чего не расскажу я.

Я слышал ночью темною
Над корабельной лестницей,
Ведущей к нижней палубе,
Как бы удары кия —
Дыханье строф неведомых...
Шум приближенья песни той
Над робостью шел мелких волн,
Срезая гребешки им.

Тогда над зыбью медною
Явился мир приниженным,
Явленье слова дальнего
Молчанием приветствуя,
Так эта ставка очная
На миг казалась ближе мне,
Чем все воспоминания,
Чем старость или детство.

Очнулся вновь корабль,
Гудя своей громадою,
Вновь засверкало радио,
Искрясь над головою,
Напоминали птицы мне,
Что с мачты шумно прядали,
Своей тревогой вечною
Хозяйство стиховое.

О птицы полуночные!
Вас кличем просто чайками,

Вас кличем гальционами,
Летящими бесстрашно.
Мы роем стиховую
Волну
Крылом отчаянным
И с клекотом глумящимся,
И с клекотом домашним.

1935—1936

142—147. „*ВСЁ — КАК НАЧАЛО ПОВЕСТИ...*“

1

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ПОЛЬШЕ

Развалившийся старый редут,
У прохожих чугунные лица,
Точно парами нищих ведут
Сквозь побитую градом пшеницу.

Это сон или это пейзаж,
Или снова они побратались,
Дав мне польского поля мираж,
По которому тени шатались.

Никогда еще скуки такой
Я не ведал, как в то воскресенье,
Она шла, разливаясь рекой,
Под костелов унылое пенье.

То шляхетства ли дух отгорал
На лоскутных страстей одеяле,
То мятежные ль села карал
Воевода, и села стонали?

И тогда мне привиделся пан —
Был он вздорный, и пыльный, и гладкий,
Он шагал по полям, обуян
Непонятной ему лихорадкой.

Выбирал лошадей как во сне,
Нанимал он возницей кого-то,
И по желтой лошадьей десне
Проползала большая зевота.

Доплетясь по дороге глухой,
Ждал он поезда в диком буфете,
И какой-то цветочной трухой
На платформе встречал его ветер.

Пан в вагоне часов не считал,
Лишь в окно он косился порою,
И такая росла нищета
За окном, что ничем не закроешь.

А в Варшаве шумят тополя,
Электричеством вымыты спицы,
Позабыв про немые поля,
Как на тризне гуляет столица.

И встает неизвестный солдат
Из могилы, луной освещенной,
И, как маршал, последний парад
Принимает страны обреченной.

И, багровый, в сигарном дыму,
Пан приходит к любовнице ночью,
И понятно ему одному,
Что сказать ему панна не хочет:

Что ей скучно до боли, до зла,
Что довольно душой покривила
И что если бы только могла,
То его бы, как моль, раздавила.

1935

2

ВЕНА

С бензином красная колонка,
Машин немолчный вой,
В туфлях изношенных девчонка
Торчит, как часовой.

В рябой огонь неугомонный,
Рабой рекламы став,
Глядит из ниши там мадонна,
Заледенив уста.

Девчонка рядом с тем величьем
Стоит среди огней,
Есть что-то гордое, и птичье,
И конченное в ней.

И фары хлещут их, как плети,
Обеих, как сестер,
И нет несчастней их на свете,
Их повести простой.

Колонка красная — бензином
Полным она полна,
Девчонка с профилем орлиным
От голода пьяна.

Пусть фары жгут их, словно плети,
Гудки ревут года,
Им всё равно, кому ответить
И с кем уйти куда.

. . .Я не пишу отсель открыток,
Их нужно б — диких — сто,
Весь этот город полон пыток
И сдерживает стон.

Такой горластый — он немеет,
Такой пропащий — не сберечь,
Такой в ту ночь была Помпея,
Пред тем как утром пеплом лечь.

1935

3

СОРОК СЕМЬ

В феврале 1934 года сорок семь шуцбундовцев после боев в Вене совершили героический поход, пройдя с боями путь от Вены до Чехословакии.

1

Еще в ушах звенело, словно шлемы
Бил непрерывный, небывалый град,
И каждому казалось: онемел он,
Идет и мыслит просто наугад.

В них продолжали улицы толпиться,
Дробиться стекла, падать фонари,
Небесный свет на шлемы и на лица
Сочувственно кидали пустыри.

Смеялись дети где-то, ворковали;
Еще пылала память, как дома, —
В глазах темнели схватки между зарев,
Вдруг всё исчезло: высилась зима.

Она была грустна, широкоплеча,
Полз, как червяк, пред нею поезд, мал,
И говорила на таком наречье,
Которого никто не понимал.

Под белым солнцем плоским побратимы
Себя нашли перед полей чредой,
Как мысли ход, ничем не отвратимый,
Шел лыжный след, подернутый слюдой.

2

Ни домов, ни людей, ни авто,
Только воздух зеленый и синий,
Никогда б не подумал никто,
Что в Европе зима, как в пустыне.

Как в пустыне, и жажда встает,
А колодцы — запретная зона,
Каблуком раскалачивай лед
И соси его — сахар зеленый.

Под рукою и компаса нет,
Нет и карты какой завалящей,
Заходящему солнцу в ответ
Зажигай своей воли образчик.

А появится вражьих машин
На дороге служебная стая,
Бей чуть выше хеймверовских шин,
Не волнуйся, в атаку врастая.

Не последняя это зима,
Потерпи — и побудь человеком,
Ты увидишь: улыбка сама
Заиграет над мертвенным снегом.

3

Они идут — растаял город, —
Как будто век идут,
Как будто к векам липнет порох
И двигать веки — труд.

Какая воля ноги носит,
Дымится джунглей муть,
И кто врага с пути отбросит —
Выигрывает путь.

Всё джунгли тягостней и шире,
То злая широта,
Не много значат в этом мире
Покой и доброта.

Одну винтовку держат крепко,
Сжимают на ходу,
Одна есть в памяти зацепка,
Европой ли идут?

Иль больше нет земли подобной,
А всё, что в мире есть, —
Пустыня, шум лесов подробный,
Простор — смертельный весь.

Иль это сон, который снится
Им про самих себя,

И стоит крикнуть — сон затмится,
Виденья погребя.

Или действительно измена
Смела весь вольный свет
И никакой знакомой Вены
На свете больше нет?

И каждый знает, он отстанет —
И хлопнет черный кнут,
Он только трупом наземь грянет,
И труп штыком толкнут.

Лощина, мгла — канал за нею
Дорогу преградил,
Никто не смел сказать, бледнея:
«Товарищ, погоди!»

И сердце холодом дышало,
Как кровью — в той воде,
Упало солнце у канала
От страха за людей.

4

О братство стремящихся, наперекор
Ты шло без огней, без дороги —
Прожектора вражьего падал топор,
Но вырубить смог он немногих.

Трещали мундиры под коркою льда,
Как колокол, сердце гудело,
Как будто не мясо, как будто руда
Рабочие кости одела.

Плелись они, падали, шли, бормоча,
Но всю красоту человечью
На острых они выносили плечах,
О том и не ведали плечи.

И не было в мире зимы никакой,
И не было в мире пустыни,
Предутренний падал на лица покой,
Какого не знали доныне.

1935

4

ГОРЫ ЗА ИНСБРУКОМ

За какую заслугу мою
Или нормы тоски я превысил?
В это утро в унылом краю
Показали мне горные выси.

Показали не сразу, скупясь,
Закрывая лицо облаками,
Но окончилась сумрака власть,
Точно сумрак убрали руками.

Рыжий камень, огнем отпотев,
Побледнел, как бессонницы осыпь,
В превосходной росли простоте
Водопады, деревья, утесы.

За какую тревогу мою,
За какое честнейшее лихо,
Я у самых небес на краю
Вас увидел, шагающей тихо.

Всею одурью горной дыша,
Вы прошли по хрустящему щебню,
И никто вам не мог помешать
Улыбаться тепло иль враждебно.

Не клянитесь, что комнат размах
Задержал вас преградой чрезмерной,
Не могли вы явиться в горах,
Это точно, но это неверно.

В крутизне наступавшего дня,
Не к моей и не к вашей обиде,
В этих к небу скользящих камнях
Я хотел вас увидеть — увидел!

1935—1936

5

БЕЗРАБОТНЫЙ

На тропу, от пыли голубую,
Тень ложилась прямо перед ним,
Из одной страны его в другую
Выгоняли вечером глухим.

Он пошел, как привиденья слепок,
Через мост, но, перерезав путь,
Часовой в мундире цвета пепла
Приказал обратно повернуть.

Но едва готовы ноги были
По земле безрадостной ступать,
Часовой в мундире цвета пыли
Через мост погнал его опять.

И тогда он встал посередине,
Между двух равно враждебных царств...
Вечер шел, прохладу гор надвинув
На дневной кончающийся жар.

И в его золотолицей славе
Человеку стало всё равно —
Было ль то ущелье в Югославии,
Итальянским было ли оно.

Лес был тих, как будто сосны сердце
К небу поднимали в облака,
А в глаза взметала дружбы блеском
Все границы смывшая река.

И в таком наплыве простодушья
Подступал утесов теплый ряд,
Что еще внимательней послушай —
И они с тобой заговорят.

Человек почувствовал, как сила
Медленно по жилам поднялась,
Как усталость мутную гасила
Мужества вскипающая страсть.

Он стоял бойцом, который ранен,
Но и враг у ног его сражен,
Будто был закатом отчеканен
И один за всех изображен.

1935—1936

6

МОЛОДОЙ ПОДПОЛЬЩИК

Не тем последним снегом,
Что падал на плечо,
Не вымысла набегами
Я нынче увлечен, —

Но всей стиха живучестью
Хочу я в жизнь врасти,
Над стиховою участью
Задумался мой стих.

Среди ночей обугленных,
Углям ночей под стать,
Он фосфорными буквами
Пытался заблистать.

И вижу как в тумане я
В предутренней строке
Подпольщика Германии,
Идущим налегке.

Быть может, в то мгновение
Услышал он в саду
Простое птичье пение
В простых дерев ряду,

И вспомнил, как безжалостен
Тюремный потолок,
Как мысли об усталости
Он в пыль перетолок,

Подумал он по-дружески
Вне всякой тьмы забот,
Что лип тех старых кружево
Его переживет.

Но, жизнь на подвиг выменяв,
В метель и в зноя звон
Они свободы именем
Клянутся, как и он.

И надо только выстоять,
Спокойствие храня,
Когда за каждым выступом
Готова западня.

Во встрече той предутренней
Всю меру, стих, учти,
Всё жило силой внутренней,
Безо́бразной почти.

Изобрази движение
Тех влажных листьев лип
И тонкий отблеск пения,
Который к ним прилип.

Изобрази, как юноша
Прошел среди аллей,
Иную жизнь задумавший
И присягнувший ей.

Изобрази без горести
Рассвет, весну, дома,
Всё — как начало повести,
Где автор — жизнь сама.

1935—1936

148—162. ПАРИЖСКАЯ ТЕТРАДЬ

1

Л. М. К.

Плывет над площадью пустой
Июльских дней настой.
И бронзовый стоит на ней
Веселый маршал Ней.

Здесь город тих, слегка угрюм,
В шафранный плащ одет,
А я на маршала смотрю:
Знакомый силуэт.

Всплывает детства давний миг —
Ты над душой моей
Стоял в страницах рваных книг,
Веселый маршал Ней.

Смешны рисунки мне Раффе,
Смешны мне годы те.
Сто лет прошло... Сижу в кафе,
В парижской тесноте.

Когда б ты с камня слез, гроза,
Ко мне, отерши лоб,
То я б грозе порассказал
Хотя б про Перекоп.

Про день, что был не бирюзов,
Про наших армий вихрь,
Про тех, что вышли из низов, —
Про маршалов моих.

И ты бы — бронзовый, рябой —
Смотрел на грани крыш,
Где несмолкающей трубой
Вдали ревет Париж.

Где в летней дымчатой красе,
Наметившись едва,
Он грозен, он еще не все
Сказал свои слова.

1936

2

СТАТУЯ САМОФРАКИЙСКОЙ ПОБЕДЫ

Ни машин елисейских
Цветные ряды,
Ни холсты
На музейной тропе,
Ни дыханье камней
Драгоценных, седых,
В синем бархате
Рю де-ля-Пе —
Ничего не сказали
Хорошего мне.
Даже площадь
Конкордская вдруг
Потускнела,
Словно пустыня во сне,
Только пылью
Обвеянный круг.

Я увидел, как призрак,
Работы предел:
Море рваное,
Мокрые латы.
Неслышимый ветер гудел
Над летящей
Победой крылатой.
Серый мрамор,
По телу
Струясь полотном,
Словно латы,
К плечам тяжелея,
Напряженнейших крыльев
Окончив залом,
Бился жилкой
Легчайшей
На шее.

И как будто лицо
Затерялось
В ночи,
Без лица —
Только скорость нагая,
Эта легкая сила
Взлетела и мчит,
Все границы,
Пространства
Сжигая.

Над столицею старой,
В полярных горах,
В океанов
Тропическом пекле,
В черноте стратосферы
Увидишь — горят
Эти крылья,
Несущие
Век наш.

И во тьме
Европейской,
Где светел мятеж,
Ослепляя невидимым
Ликом,
Ты услышишь, как хлопают
Крылья всё те ж,
Черепа
Разбивая владыкам.

От тебя ухожу я
В шумящий Париж.
В этот день
Я куда ни ступаю,
Всё мне кажется —
Город
Бескрыл и бесстыж,
Лишь одна
Суматоха тупая.

1936

8

БЮТ-ШОМОН

Конечно, Мост Самоубийц —
В местах рабочих лег он,
Где столько безысходных лиц,
Забытых счастьем окон.

Внизу — озерная вода,
Тропинок желтых скаты,
Внизу холмов — вечерний дар —
Парижа дымный кратер.

Ныряй в пучину этих крыш,
В лиловых стен объятья,
Он был одним хорош, Париж, —
Всем предлагал нырять он.

И после выносил прибой
Одних на остров квелый,
Наполеоновской судьбой
Назвав беды глаголы.

Других кидал в холодный морг,
Гнал в нищету без срока,
Беря четвертых на измор
В Кайенне иль в Марокко.

Но образ некий вынес он
Сюда, на холм рабочий,
Тайком поставив на газон
Испуганною ночью.

Бывает — парк шумит, крылат,
Бывает — весь в молчанье,
Лежит под деревом Марат
В своей свинцовой ванне.

Пускай не может рук поднять
И жечь не может речью,
Как будто дремлет среди дня
Тень правды человечьей.

Он видит сон: в волнах косых
Идет он, волны роя,
Он стал корабль, кусок грозы,
Скользит стальной горою.

Вновь держит речь, неукротим,
Как прежде, голос звучен,
И осыпаются пред ним
Фонтанов водных кручи.

Их вызвал век не под шумок,
На мировом раскате —
Того, что лег на Бют-Шомон,
Того, что встал в Кронштадте.

1936

4—7

14 ИЮЛЯ 1935 ГОДА

I

КАНУН ПРАЗДНИКА

Ждут веселья — нет веселья,
Флаги лишь висели,
Да оркестров новосельем
Город путь усеял.

Гром их медный только дразнит,
Погремит и ляжет,
Где ночной народный праздник?
Мне никто не скажет.

Как-то стал Париж задумчив,
Этажи — что тучи,
Танцевать куда бы лучше,
Чем томиться, мучась,

И над Сеной мало света,
Звезды точно свечи,
В Сену мелкие монеты
Иностранцы мечут,

Чтоб купить немного счастья
У воды журчащей,
Чтоб тебя в стране молчащей
Вспоминать почаще.

А молчащею страною
Стал ты сам, совсем иною...
Первый раз за всё столетье
Говоришь: «Не буду петь я»,
Может быть, твой галльский петел
Крикнет на рассвете.

Может быть, народ Парижа
Смех плеснет на лица,
На бульваров глади рыжей
Днем повеселится?

Оттого ли по бульварам
Пусто танцев место?
Оттого ль как будто варом
Залиты оркестры?

II

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ

Бирнамский лес шагнул на Донзинан,
А если б вся земля тогда шагнула,
Каков бы был в трагедии изъян,
И зритель не опомнился б от гула.

А вот при мне, с Бастилии начав,
Шагнул народ — Парижа лес веселый,
Шли деды и вели своих внучат,
Шли женщины с сестрою «Карманьолой».

Литейщики, пилоты, слесаря
Сливали свой товарищеский говор,
И песни их, точнее хрусталя,
Сменяла буря стали лозунговой.

Стихом простым я слово проведу
Не потому, что сложным не владею,
А потому, что рядовым в ряду
Простое слово стало чародеем.

С ним потеплела хладная земля,
И в братстве снова найденной поруки
От стен Парижа и до стен Кремля
В тот день тянулись возгласы и руки.

О, знай Шекспир леса таких знамен,
Перечеркнувших распри феодалов,
Какой бы тут схватил пергамент он,
Чтоб закрепить движенье улиц алых!

В один котел здесь пали времена,
И кто громил Бастилий норы лисьи —
Воскрес и шел, подняв на рамена
Советский век, колпак фригийский выся.

Мой век меня вниманьем не обидел,
Я многое могу порассказать,
Но в этот день Париж такой я видел,
Что можно лишь на меди вырезать.

III

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Еще живы клоаки и биржи,
Еще голой мулатки сосок,
Как валюта, в полночном Париже
Окупает веселья кусок.

Еще в зареве жарких притонов,
В паутине деляг и святош
И на каторжных долгих понтонах
Распинают людей ни за грош.

Но на площади старой Бастилии
Тень рабочих колонн пролегла,
Целый век поколенья растили
Эту тень боевого крыла.

Чтоб крыло это власть не задело,
На изысканных улиц концы
С черепами на флагах трехцветных
Де-ля-Рока прошли молодцы.

Белой розы тряся лепесточки,
Вождь шагал, упоенно дыша,
И взлетали на воздух платочки,
И цилиндры качались, спеша.

И, приветствуя синие роты,
Проносился кликушеский альт,
И ломался каблук у красоток,
Истерически бивших в асфальт.

Чтоб крыло это власть не задело,
С пулеметом на черном плече
Гардмобилей тяжелое тело
Заслонило Париж богачей.

И над Сеной, к сраженью готовой,
Я увидел скрежещущий сон —
Лишь поставленных в козлы винтовок
Утомительно длинный разгон.

И под ними играли прилежно
Дети, роясь в песке золотом,
И на спинах пикейных и нежных
Тень винтовок лежала крестом.

Деды их полегли у Вердена,
Где простор для погоста хорош.
Ты отцов их дорогой надменной
На какие форты поведешь?

О Европа! Покажется, будто
В этот час на тебя клевещу —
Не Давидом, в сандальи обутым,
Ты стоишь, зажимая пращу, —

Голиафом, готовым для казни,
Кровожадного пыла жена,
Ну так падай с хрипением навзничь,
Справедливой пращой сражена!

IV

СНОВА ВЕЧЕР

Снова вечер. И над Сеной глохнет
Неба потеплевшего уют.
И блюда какой-то темной кухни
Мне на стол вечерний подают.

День сгорел. Но было в том сгоранье
Нечто, от чего я весь дрожу,
И в него уже воспоминаньем,
Как в картину, заново вхожу.

И в лицо мне пышут краски снова,
Рамой дня охваченный квадрат,
Дальше холст. Суровая основа.
Грубая материи кора.

За стеной, чужою и кирпичной,
Будничное светится окно.
Ем я мясо птицы заграничной,
Пью я корсиканское вино.

Но у дома ходит ветер легкий,
На стене, от мудрости седой,
Я прочту дантоновские строки,
Скрепленные красною звездой.

1936

8

ПЕРЕУЛОК КОТА-РЫБОЛОВА

Там подошла к стене почти стена,
И нет у них ни двери, ни окна.

И между них такой, что видно дно,
Бежит ручей — название одно.

Когда-то был он полон водных дел,
И умный кот на том ручье сидел.

И в поисках хозяину харчей
Кот лапу запускал свою в ручей,

Рассматривал, каков его улов,
На серый коготь рыбу наколов,

И если рыба шла как будто в брак,
То снова в воду лазал кот-батрак.

И говорили люди тех дворов:
«Вот это кот, прозваньем — рыболов».

И переулок отдали коту,
Как мастеру ловить начистоту.

Уединясь от громких злоб и зал,
Париж мне эту повесть рассказал.

Сейчас ручей такой, что видно дно,
Над ним дома — название одно.

И нет сентиментальности во мне,
Ни жалости к ручью или к стене.

Но так служивший человеку кот
Пускай героем в песню перейдет.

Из переулка, узкого, как дверь,
В страну родную я смотрю теперь.

Вам всем, собаки — сторожа границ,
Вам, лошади, что быстролетней птиц,

Олени тундр, глотатели снегов,
Верблюды закаспийских берегов —

Я не смеюсь и говорю не зря,
«Спасибо» вам от сердца говоря,

За дней труды, за скромность, простоту,
Уменье делать всё начистоту.

Хочу, чтоб вас, зверей моей земли,
За вашу помощь люди берегли

И чтили б так за лучшие дела,
К которым ваша доблесть привела,

Вот так, как этот город мировой
Чтит батрака с кошачьей головой!

1936

9—12

НОЧНОЙ ПАРИЖ

I

Ты возникал нежданно,
Как нищих шалаши,
Под зеленью каштанов,
Как окрики ажанов,
Как свисты рваных шин.

Как чалмы радж индийских,
Как миллион гостей,
Как бар, где дуют виски
Всю ночь, а вместе с тем —

Ты был и друг и недруг,
Ты презирал покой,
Твои раскрыты недра
Любых искусств киркой.

Но скольких же ты предал
И на смерть уложил,
Ты жил, как жизнью, бредом,
Но это тоже жизнь!

II

Часами в танце ходят,
Им платят за часы,
Зевают при народе
Скучающие псы.

Мне жалко племя псиное,
Скучающее тут,
И желтые и синие
Хвосты им нос метут.

И крутится всё туже
Столб розовых пелен,
И женщин рот потухший
Почти испепелен.

И в их глазах замученных
Коктейлей отсвет лег,
И болью обеззвученной
Им сводит жилы ног.

Бессонница ползучая
Им в уши ворожит,
Кружись столбом — до случая,
И это — тоже жизнь!

III

Парижа злые ночи,
Фигурные огни,
В какой бесценный почерк
Уложены они.

Какой уже заранее,
Не виданный в глаза,
Мне ночи отчеканили
Той улицы пейзаж,

Где в каменной обители
Спят люди разных каст,
Где, может быть, не спите вы,
Как я не сплю сейчас,

Где море истин трезвое,
Тихонько отступив,
Лишь издали приветствует
Иной волны прилив.

И полночь режет по́ сердцу
Тупым стеклом тоски,
И с улицы доносятся
Больших машин гудки.

Стоит стена глухая,
В огнях вокзал дрожит,
Всю ночь не потухая...
Что ж — это тоже жизнь!

IV

Где пыльный монпарнасский
Грохочет виадук,
Спит парень без опаски
У ночи на виду.

Лишь синий галстук мается,
Обтрепанный уже,
Но грохот не касается
Лежащего ушей.

Под самым виадуком,
Газету подостлав,
Усталостью застукан...
Скажи, что он не прав?

Пусть улицы двужильная
Гремит над ним гора,
Попробуй, докажи ему,
Что он сейчас не прав?

И грохот всей округи,
Попробуй, докажи —
Он спит, раскинув руки...
И это — тоже жизнь!

1935 или 1936

13—15

НА ВЕРДЕНСКИХ ХОЛМАХ

(Форт Дуомон)

I

На холмах проросла небольшая трава,
На отравленной газом земле,
Видно, знающий кто-то траве колдовал
И учил пробираться во мгле.

Двадцать лет она билась и вышла
на свет,
Захотелось взглянуть после мглы
На леса, на деревни, а их-то и нет —
Лишь кресты, словно гуси, белы.

Лишь осколки бризантной лежат головы,
Как тогда, их зубец раскален,
И под шорохи той недовольной травы
Мы спускаемся в форт Дуомон.

II

Тьма и плесень, ходы и ходы
Углубляются, стены сверля,
И тяжелые капли воды,
Точно плачет в обиде земля.

Полосатый бетона обвал
Порыжевшие скрепы когтят,
Точно свод на колени упал
И пощады просил, тарахтя.

Лазарет подземелий на дне,
Чтобы чувствовать люди могли,
Умирая, прижавшись к стене,
Что они уже в недрах земли.

Триста дней, триста зорь и ночей
В барабанный огонь погружен,
И не всё ли равно, был он чей —
Этот дьявольский форт Дуомон?

Тут пруссак ли о Рейне мечтал,
Иль бретонец — о зыби морей,
Иль писал на парижский почтамт
Парижанин девчонке своей,

Или, тайно листовку держа,
Бывший слесарь иль бывший портной
Тут мятежною дрожью дрожал
От предчувствия битвы иной, —

Все они были распяты здесь,
В перекрестках подземных ходов,
Шла громов небывалая смесь
Над броней Дуомона седой.

Под особо громовый разрыв
Им казалось, таящимся тут,

Что стихийные силы ведут
Поединок, о людях забыв.

Иногда приводил ураган
В подземелье чужие штыки,
И стрелялся в углу комендант,
И гудели углы, как быки.

Запах пороха, крови, мочи,
Вместо солнца — осколок свечи.
Похлебали же в этом хлеву
Безысходного сна наяву.

Здесь сегодня румяный юнец
Бойким голосом радостно врет
Про войну, про геройский венец,
Продает за гроши этот форт.

Но во мне только рев тех ночей,
Человечества темный полон.
И не всё ли равно, был он чей —
Этот дьявольский форт Дуомон?

III

Мы наверху. Холмы желтей, грубей.
Трава. Лесок отравленный и вялый,
И жалкий столб, и надпись на столбе:
«Деревня здесь такая-то стояла».

И мертвые, с оружием в руках,
В траншеях спали, полные печали,
И, точно рожь всходила впопыхах,
Штыки, блестя, из-под земли торчали,

Америки богач ограду им
Соорудил — врата убрал мечами.
Что пользы в том? Сквозь этой жертвы дым
Проходим мы в своем другом молчанье.

Нет, не хотел бы надпись я прочесть,
Чтобы в строках, украшенных аляпо,
Звучало бы: «Почтите мертвой честь —
Здесь Франция стояла! Скиньте шляпу!»

1935

163—168. *БЕЛЬГИЙСКИЕ ПЕЙЗАЖИ*

1

ДОРОГА ИЗ БРЮГГЕ В МЕНЕН

Как будто на сказочном круге,
Не знавшем вовек перемен,
Дорога из дряхлого Брюгге
В не менее ветхий Менен.

Как будто не ради соблазна,
Но сытости высшей верна,
Стоит, улыбаясь атласно,
Лесов голубая стена.

Здесь дым распыляется грубый,
Чтоб он не чернил высоту,
Здесь в белое крашены трубы,
Чтоб всю подчеркнуть чистоту.

И трубы, метели белее,
Растут по заводским холмам,
И райского блеска аллеи
К счастливым подводят домам.

Такая рассыпана щедрость
И так разлита благодать,
Такая луна без ущерба,
Что можно им сердце отдать.

Каналы и виллы не плохи...
Уж мнится в порыве простом,
Что мы не в железной эпохе,
А в веке совсем золотом.

Но тут подступает вплотную
Вся тяжесть ночей и трущоб
И руку кладет ледяную
На жаркое ваше плечо.

И вот уж не в света обновы,
А в сумрак, что злобой намок,

Свивает на валик свинцовый
Тоску меловую дорог.

И валик, рыдая, скрежещет,
И сердцу не встать из тисков,
Бедою клейменные клещи
Стучат у холодных висков.

Ни праздности душною силой,
Ни сытостью розовых стен —
Ты душу мою не купила,
Дорога из Брюгге в Менен.

Полночного края опора,
Ты мчишься, подобно ему,
Не только из города в город —
Из тьмы в еще большую тьму.

1935

2

ГОРА ДЕ-КА

На горе Де-Ка, на голой,
Я сидел и пиво пил
И от пива стал веселый;
И соседа я спросил:

«Нет на свете стран печальней
Европейских черных стран,
Кто ж весельем неслучайным
Наполняет мой стакан?

Кто варил такое пиво?
Где найти весельчака?»
Отвечал сосед учтиво:
«Тут же рядом, на Де-Ка».

И взобрался по тропе я,
Где траппистов монастырь
Стережет, во сне тупея,
Терпкий кладбища пустырь.

Человек пивного царства,
Что рождает пенный вал,
Опирался там на заступ,
Над могилой пребывал.

Босиком, зеленокожий,
Мыслей муть устав толочь,
Делать заступом он может
Два удара только в ночь.

Рыть могилу по уставу
Он годами обречен,
Свет скончавшейся державы
Плыл в глазах его свечой.

Кто ты, роющий могилу
Европейский человек?
Дипломат ли ты унылый,
Жадный золота ловец?

Знал ли книжные ты басни,
Боевые ль ордена
Скрыл тяжелый твой подрясник
Из верблюжьего сукна?

Я безумею от ночи,
Что в глазах твоих сквозит,
Где, как лист, весь мир источен,
С пивом заступ говорит.

Ты во мраке на обрыве,
Но и мраку есть предел,
Вот откуда горечь в пиве,
Горечь лет и горечь дел.

Тонкий вихрь опустошенья
По склерозным жилам дул,
Он лицо в изнеможенье,
Словно флюгер, повернул.

И сказал я через силу
В эту прозелень свинца:
«А не лучше ли могилу
Рыть уж сразу до конца?»

Ничего не отвечал он,
Дом без двери, без окна;
Как пивной ручей, стучала
В кровь высокая луна.

1935

3

РОЗЫ ФЛАНДРИИ

В равнине, на холмов откосе —
Ну где б ни привелось, —
Навстречу Фландрия выносит
Багряный шелест роз.

Как ни взгляни — повсюду розы,
Но истины ушли
Не в эту сладостную россыпь,
А в серый слой земли.

Под ним лежит необозримый
Солдатский Пантеон,
Но всё уносит синим дымом,
Так унесен и он.

И в это сумрачное лето
Я снова вижу их,
Чей крик, не получив ответа,
Под известью затих.

Был день, закат, что шел, трезвея,
По рвам, как по рабам,
Как по ступеням Колизея,
По брошенным домам.

И часовых всё глуше гнуло
Усталости кольцо,
Пока ипритом не пахнуло
В померкшее лицо.

Какие б розы ни свисали,
Хотя бы на пари, —
Но я кровавых тех красавиц
Не привезу в Париж.

Я не хочу, чтоб розы Фландрии
Стояли на окне,
Они пустыннее, чем ланды,
Чем Альпы при луне.

Они безжалостней, чем поле,
Где шли траншей круги,
Но их срывают поневоле,
Затем что нет других.

1935

4

ПАШЕНДЕЙЛЬ

Вы, девушки с красивой головой,
И домики, украшенные хмелем,
И вы, луга, богатые травой,
Вы помните бои под Пашендейлем?

В природе наступила нищета,
Сто тысяч лет тянулся дождь в болоте,
Гасил он тотчас искры на щитах,
Их вырезали пули на излете.

По пояс в грязь, по горло в грязь уйдя,
Ползли, ложась в гробы воды болотной,
И посреди природного дождя
Шли стрел дожди работы самолетной.

Алел в дыму фосгеном огнемет,
Под пахнувшим, как ад, противогазом.
Стон громом был, пылал иссохший рот,
Глаз становился лошадиным глазом.

И захлебнулись бивни батарей,
Увязли танки в глинах первозданных,

Как будто битва с каждым днем быстрей
Спускалась в жерла грязевых вулканов.

А в замке отдаленном генерал
Досадовал на медленность движенья,
Он тех во гневе трусами назвал,
Кто был дровами на огне сраженья.

Ему всё снились парки да шоссе,
На карте сёла просто улыбались,
И он писал во всей своей красе
Приказ «Вперед!» — историку на зависть.

Тогда солдат на генеральский гнев,
Штык погрузив в крутящуюся воду,
Ударил в грязь и крикнул, почернев:
«Ты, хлябь, смотри — вот здесь конец походу!..»

И замер фронт... А генерал берет
Автомобиль, примчался, как на приступ,
Увидел дождь, в безбрежной мгле болот
Увидел труп, осмелившийся всплыть тут.

И он заплакал, этот генерал,
Забормотал, а слезы с грязью тают:
«Сюда я гнал их, боже... Я не знал!» —
Что делать тут? Они всегда не знают.

Вы, девушки с красивой головой,
И домики, украшенные хмелем,
Вы — черепа под пышною травой, —
На свете много этих Пашендейлей!

1935

5

ЗЕЕБРЮГГЕ

Я вечером увидел Зеебрюгге,
В лиловой пене брандера плечо,
След батарей за дюнами на юге
Я, как легенду черную, прочел.

Пустыней мол и виадук сияли,
Дымилась моря старая доска,
И жирной нефти плавала в канале
Оранжево-зеленая тоска.

Простого дня тягучее качанье,
В нем чуть дрожал полузабытый миф,
Когда сюда ворвались англичане,
Ночную гавань боем ослепив.

Далекий бой — он ничего не весил
На горизонте нынешнего дня,
Как будто клочья дымовой завесы
На вечер весь окутали меня.

Я пил и ел, я думал, не проснется
Во мне война — сны день мой заглушат:
Мне снился блеск форштевня миноносца,
Которым крейсер к молу был прижат.

Мне снился брандер, тонущий кормою,
И на корме — тяжелый сверток тел,
И виадук воздушною тюрьмою,
Искрящейся решеткой просвистел.

Мне снился человек на парапете,
Над ним ракеты зыбились, пыля,
Он был один в их погребальном свете,
За ним фор-марс горящий корабля.

Мне снилась та, с квадратными глазами,
Что сны мои пронзительно вела,
Отвага та, которой нет названья,
И не понять, зачем она была.

Проснулся я. Стояла ночь глухая,
На потолке, снимая ночи гарь,
Легко сверкнув и снова потухая,
Как гелиограф, шифровал фонарь.

1935

6

У МОРЯ

(Остенде)

Ненастный день. Как лезвия
Небезопасных бритв,
Срезает отмели, звеня,
Разгневанный прилив.

Сырые серые пески
Морщинами косят, —
Багровой тушей толстяки
Над морем в ряд висят.

И каждый крутит колесо,
И на стальных цепях
Корзина черная, как сом,
Ползет к воде, скрипя.

И, неумелою рукой
В волну погружена,
Под свист колес наверх с тоской
Является она.

И в ней мелькают два угря...
В их жалком серебре
Весь день, прожитый снова зря,
Блеснул и отгорел.

И завтра снова, как сейчас,
Придут толпой висеть, —
Владыки, мне не жалко вас,
Мне жалко вашу сеть.

И я, печальный, как прибой,
Вхожу на праздник ваш,
И море путаю с судьбой,
И слышу черный марш.

Пусть то играют в казино,
Пусть то набобы в ряд,
В шелка, в душистое сукно
Одетые, скользят.

Пусть то играют на молу,
Пусть то набобы в ряд
Рабынь на водяном балу
Твоих боготворят.

Шершавый душит смех меня,
На узкой полосе,
У волн холодного огня
Вы здесь столпились все.

Чтоб праздник свой изображать...

Но дальше некуда бежать...
За вами — материк,
Где страшной глубине рожать
Последней боли крик.

Владыкам некуда бежать,
И силы двух глубин
Их каждый миг готовы сжать
И кончить в миг один.

1935

169—173. *АНГЛИЙСКИЕ НОЧИ*

1

В ЛА-МАНШЕ

Мы чинно ползем
По белесому скату,
Вот это Ла-Маншем
Зовут небогато.

Костистый чиновник —
Канадская ель —
Сосет безусловно
Не первый коктейль.

Сидит, проверяя
Потом паспорта,
Но вермута раем
Душа налита.

По службе ж до гроба
Ему не везет,
Сидит он сурово
И когти грызет.

Влюбленных наречье
На палубе рядом,
И чайки навстречу им
Диким парадом.

Влюбленные знают,
Терзаясь у борта,
Что ночь поджидает их
С кольтом потертым.

И в ярость одетый
Джентльмен круто
Швыряет газету,
Уходит в каюту.

Ложится, стеная,
Хрипит на полмира,
И жаба грудная
Здесь душит банкира.

Шпион одинокий
Жрет ростбиф горячий,
И с шулером в покер
Схватился приказчик.

Высоко над ними
Глаза капитана,
Что были стальными,
Туманятся странно.

Здесь место, что мучит
Не мелью худою, —
Здесь сын его лучший
Лежит под водою.

Лежит на обломках
В подводных полянах.
Глядят, как в потемках,
Глаза капитана.

В день раза он по три
Идет здесь, тоскуя,
И смотрит, и смотрит
В пучину морскую.

1935

2

НАРОДНЫЕ ПЛЯСКИ В ГАЙД-ПАРКЕ

Под эти шумящие кроны,
Под неба британскую строгую высь
Народы Дуная, и Роны,
И Рейна, и Эбро сошлись.

И вот загудела непросто
В свинцовом плетенье солдатских шагов
Немецкого лагеря поступь,
Костры у чужих берегов.

Испанская легкая доблесть
Сияла, как рыжее пламя орла;
Какая-то робкая область
В пастушеском вальсе плыла.

Пахнуло гранитным фиордом,
Гремело венгерской равнинной тоской,
Мелькнули и скромность и гордость
И мирно ушли на покой.

Но вечер нежданно украшен —
В народов узорном усталом кругу
Советская молодость пляшет
На старом английском лугу.

И танец — невесть что такое,
Но ритм — истребителя точного взлет,

Но кончены счеты с покоем,
Бескрайнее сердце встает.

И кажется, сердца не хватит,
И воздух все жилы ночные открыл
Для этих летящих объятий,
Для этих отчаянных крыл.

В них искры обвалов и крепи
Души богатейших, откровеннейших шахт,
Пространство такое, что степи
Могли б перед ним не дышать.

И кажется, небо взорвется,
И звездно — ничем невозможно помочь —
Посыплется в пропасть колодца
Английская древняя ночь.

И зритель из парковой чащи
Был вырван, как песни невольной звено,
С потоком таким восходящим
Унесся гулять заодно.

И зритель, собой не владея,
Как будто в полете в мальчишеском сне,
Лишь видит, что он молодеет,
Ныряя в такой глубине.

И вот уже всё, как вначале,
И лишь в океане старинной листвы
Деревья шатает отчаянье
Под град восхищенной молвы.

Сорваться бы им, и рвануться,
И ринуться — ног и души не жалей —
Широкой листвой революции
Шуметь по Британии всей.

1935

3

ХАЙГЕТ

Ржавые ангелы. Легкая мгла.
Пыльных фамилий потоки.
В сердце Хайгета плита залегла —
Скромности самой жестокой.

Ветер над ней не пытался звенеть,
Жестью веночной обрамив,
Желтые листья лежали на ней
Позднего лета дарами.

Так тишина говорила про всё,
Даже про то, что не дожил, —
Будто бы только что он принесен,
Только что в землю положен.

Вечер торжественным быть не умел,
Времени узы минуя,
Просто мы жизнь перебрали в уме,
Близких его именуя.

Женни, когда б ты взглянула на свет,
Ты б не узнала Хайгета,
Вырос за эти полвека Хайгет,
Стал живописнее летом.

Женни, когда б ты подняться могла,
Ты б удивилась немало, —
Там, где когда-то Россия была,
Новой вселенная стала.

Солнце сегодня зарылось в пыли,
Делая пыль золотою,
Имя прошло от земли до земли
С огненной быстротою.

В сердце осталась в большой тишине
Эта могила, как пламя, —
Желтые листья лежали на ней
Позднего лета дарами.

1935 или 1936

4

НОЧЬ ЛОНДОНА. ДОКИ

Он спит, опираясь лицом на канат,
Как сброшенный с круга боксер.
«Так все загрустившие докеры спят,
Но днем он подтянется, сöр!»

Так все загрустившие докеры спят...
Чуть слышно во сне говорит,
Он спит — у него от виска и до пят
Тревогою тело горит.

На бледных скамейках так докеры спят,
Сидят, опираясь щекой
На старый канат, а старый канат
Бежит оловянной рекой.

Как все загрустившие докеры спят,
Я сплю, опираясь лицом на канат,
Усталый от схваток боксер, —
Сквозь грохот, который меня доконал,
Я слышу, ваш голос через Канал
Приносит: «Вы встанете, сöр!

Пусть все загрустившие докеры спят,
Но, щеки зарей леденя,
Вы встанете прежде — как чайки взлетят,
Чтоб заново вспомнить меня!»

1935

5

ЛОУРЕНС

1

Бег созвездий. Мороз. Светящимся мелом
Обведенные выси. Мерзлой грязи кайма.
Пар над тощей верблюдицей, галоп оголтелый,
Иа-Оренс. Аравия. Полночь. Зима.

Узкий шорох полыни. Холмов вереницы.
Сон в седле. Почернелых сугробов разбег.
И с разбега верблюдица мордой ложится,
Зарывая наездника по уши в снег.

Он встает и верблюдицу тянет. Над ними
Одиночество ночи. Стальная луна.
Шесть мешков до отказа полны золотыми,
В кровь изранены ноги. Пустыня. Война.

Одиночество! Что перед ним непогоды?
В неизвестной стране, в неизвестном году
Как во сне видит крепость, бойницы и своды,
Босиком он идет по звенящему льду.

2

Он раскрыл «Одиссею» на доблестной песне девятой.
Стоял Одиссей, Полифему в лицо говоря:
«Я — Никто! Так меня называют друзья и солдаты,
Таким меня знают чужие края и моря».

Полифем — от него грохотала пещера —
Пил вино, смотрел, как испуганы люди кругом,
Над Лондоном шел дождь, туман шел темно-серый,
Человек над поэмой подумал совсем о другом.

Он был Одиссеем. Империи черные волны
Проносили его между Сцилл и Харибд по ночам,
От которых седеешь, но делаешь дело безмолвно,
Эти ночи закрыты, никаким не подвластны ключам.

Он звался Никто. Ни подруги, ни друга, ни брата,
Ни следа ни в пустыне, ни в городе, ни в камышах,
Слишком много имен, иные звучат как расплата —
Иа-Оренс, и Шоу, и Лоуренс, Пирр Карамшах.

3

Плач овцы. Гиндукуш. Разбойничья копоть
Пещеры. Игра воровская костров.
Империи нужны в глуши одинокие тропы,
Одинокие трупы, одинокий заброшенный ров.

Как бормочет заклятья язычник,
Он бормочет Гомера в гнилых, как чума, шалашах,
Он клянется Кораном средь горцев тяжелых и зычных, —
Так живет равнодушный и горестный Пирр Карамшах.

Лагерь, как облако битвы вчерашней,
Скрыло облако. Лохмотья кустов,
Так знакомы бойницы, и входы, и своды у башен,
Всё уж было, всё было в стране вот такой же простой.

Через страны идет он, как тень, неприметен,
Сон в седле. Захлебнулись в реке стремена.
Одиночество. Дым костров. Тмином пахнущий ветер,
Бег коней. Горечь пустыни. Война.

4

Над Лондоном шел дождь, туман шел
темно-серый,
И покидал пещеру Одиссей,
Чтоб отомстить Циклопу полной мерой,
В руне барана стоило висеть.

Воспоминанья резали страницу:

Он звался Шоу — был простой солдат,
В броню казарм хотел уединиться,
Как тень теней, как знак из вереницы
Беззвучных цифр, какими строй богат, —
Чтоб стать собой, он бреду был бы рад.

Всё та ж, всё та ж пещера Полифема,
Шатер, шалаш, казармы ли отдел,
Закон гласил — повиноваться немо
И даже смерть его предусмотрел.

В каком бы мраке он ни распростерся,
В какую бы пустыню ни бежал,
То не было еще единоборство,
А только лишь попытка мятежа.

5

Был Лондон сер и стар. Его сжимала жалость
Когда смотрел он на людей своих, —
Но что ему героикой являлось,
То было вечным бедствием для них.

В Аравии всходило солнце. Глухо
В Геджасе пели дюны. Гиндукуш
Лавинами на дно ущелий бухал,
В Туркмении шли овцы к роднику.

И у костра, покрытого корою
Седого пепла, не сжимая век,
Прекрасною рассветною порою
Лежал обыкновенный человек.

Его не звали Пирром Карамшахом,
Не всё ль равно, как называть его, —
Он молод был, он землю шаг за шагом
Брал трудолюбьем сердца своего.

Грядущего над ним стояло имя,
И не войны рука его вела,
И шесть мешков, набитых золотыми,
Он никогда не видел у седла.

О Иа-Оренс, он не уступил бы
Ни в чем тебе — он вырос среди гроз,
Как ты, он в дебрях самых страшных жил бы,
Но кровь и грязь он в дебри б не принес.

Он был веселым, легким Одиссеем,
Земля, дымясь, вступала в новый рост,
И над ее дорогами висели
Великие созвездья вольных звезд.

1935—1936

174—177. *МОРЕ*

1

У МАЯКА

(Северное море)

В руках нелегких автомата
Маяк льет желтый свет,
И видит в окна вал косматый,
Что человека нет.

А что-то движется такое,
Что властвует одно
Над серым камнем, над прибоем,
Слегка искрясь в окно.

А тот, с кем говорило море,
Стал морю незнаком,
Из трубки в кольцах вьется горе,
Зовется табаком.

Но всё глядит он глазом душным
Туда, где вдалеке
Слуга хозяйствует бездушный
На белом маяке.

А дочка тоненькая бродит
По влажному песку,
И вал косматый к ней подходит,
К сиянью смуглых скул.

Она бежит к нему от скуки,
Но отступает вал,
Цветы ему кидает в руки,
Чтоб он не горевал.

Но отступает вал, бросая
К ее ногам свой плен,
И рада девочка босая
Гремучим вихрям пен.

Она смеется смехом лучшим
Той радостной игре,
Ей не понять тоски цветущей
Стареющих морей.

1936

2

Вот птица — нет ее свежей —
Оттенков пепельного дыма,
Породы башенных стрижей,
Чья быстрота неповторима.

Летит, нигде не отдохнув,
От тростников Египта пресных
До Гельголанда — ночь одну —
До стен, как мужество, отвесных.

Уж небо стало зеленей.
Она зарей уже умылась,
И, окантован, перед ней
Могучей пеной остров вырос.

Но там, где серого гнезда
Комок однажды прилепился,
Бьет время, волны разнуздав,
Осколки рухнувшего мыса.

И плачет птица, огорчив
Весельем залитые мели,
Как будто ночь еще кричит
В ее худом и темном теле.

Так, европеец, удалясь
От той земли, что звалась детством,
Ты вспомнишь вдруг былую связь
И чувств потерянных соседство.

Преодолев и ночь и дождь
Крылом свистящим, в летной славе,
Ты прилетишь — и ты найдешь
Совсем не то, что ты оставил.

1936

3

МЫ ИДЕМ КИЛЬСКИМ КАНАЛОМ

Кильский канал — это длинный канал,
Усыпительный, как веронал.

Как будто всё те же стоят берега,
И стража всё та же, всё так же строга.

И поезд всё тот же стучит над водой,
Всё той же завалены барки рудой.

И ржавые тачки ползут как одна,
И только на лицах пестра тишина.

Их надо, как цифры, читать не спеша,
Когда под конвоем проходит душа.

Но я не умею, но я не могу
Читать наугад на таком берегу.

Кильский канал — это длинный канал,
Мучительный, как трибунал.

На мачту, где флага тяжелый багрец,
Насмешливо смотрит фашистский юнец,

Повязка чернеет изломом креста,
И краска загара до злобы густа.

Недвижна канала седая струна,
А ржавые тачки ползут как одна.

Как будто весь воздух иссвистан плетьми,
Молчанье металла — над людьми.

Но вижу: за мостиком барки одной
Стоит человек, отделенный стеной,

Тончайшей стеной, от повязки с крестом,
Он мало заботится, видно, о том,

Кулак он сжимает, шагает вперед,
Рот-фронта салют кораблю отдает

И смотрит, как будто его не узнал,
На тихий, как каторга, Кильский канал.

1935 или 1936

ЛЕГЕНДЫ ЕВРОПЫ

Восток пылал; пылая, сузил
Потертых туч брезент —
Как будто там свивался в узел
Огонь твоих легенд.

Как будто там галлюцинаций
Прозрачная рука
Опять, как описал Гораций,
Ввела в волну быка.

И только звезды, только волны
В его стихах — с тобой,
Чтоб стали бедствия безмолвно
С тех пор твоей судьбой.

Как будто там — в багровой зыби —
Проплыл, тяжел и строг,
Автомобиль, подобный рыбе,
Глотая мел дорог.

Ты в нем украденной лежала,
Грозила неспроста
Улыбкой Джиоконды жалкой
С тускневшего холста.

Как будто там, от гнева розов,
Кружился самолет,
Текли твои, сверкая, слезы
На щек теплевший лед.

Ты мчалась пленницей, добычей,
Валькирией слепой,
И тот же древний профиль бычий
Качался пред тобой.

Как будто там сиреной пела,
Когда в легенд огонь,
Прильнув к подводной лодке телом,
Ныряла от погонь.

Ты пела, зная: океаны —
Такая же тюрьма,
Где ночью бредят капитаны,
Сходящие с ума.

Но я хочу тебя увидеть
Не той, преступной, той,
В бою, в несчастье иль в обиде —
Смертельной красотой.

Не той сиреною бесполой,
Не той, что мир узнал,
Крестьянкой греческой и голой,
Обломком луврских зал.

Но в день любой, пусть в день ненастный,
Увижу берега,
Твой рыжий шлем, платок ли красный
Мелькнет издалека.

Но будешь ты во всем похожа
На женщин наших дел,
Под чьей рукой и парус ожил,
И самолет взлетел.

Чтоб уцелевшие от пыток,
От боен за тебя
Встречали день, как сил избыток,
От боли не скрипя.

1935 или 1936

178—180. *ВОЗВРАЩЕНИЕ*

1

ЛОЦМАН

Словно в снег одичалый и талый
Зарываясь и шумно дыша,
Та моторная лодка взлетала,
Равнодушную пену круша.

Во весь рост перед зыбью зеленой
В ней стоял человек, невысок,
Точно в лодку был врезан мореный
Корабельного дуба кусок.

Переносные лампы светили
С теплохода на черной стене,
Пегой лошадью в звоне и в мыле
Эта лодка почудилась мне.

Как с седла одного на другое
Переносит наездника страсть,
Прыгнул лоцман, повис, за тугой он,
За веревочный трап ухватясь.

Он карабкался долго и тяжко
И на палубе стал над водой,
В куртке кожаной, в черной фуражке,
Запыхавшийся, мокрый, седой.

Он смотрел на хрипящую воду,
Отдышался и, сплюнув, пошел,
Бормоча, как старик, про погоду:
«Да, погодка сегодня не шелк».

Мне понравилась эта лохматость,
Полуночный из моря приход
И прыжка его легкая сжатость
Над сумбурною рухлядью вод.

И когда он стоял на штурвале —
Моложавый, как небо, старик,

Те же волны пред ним замирали,
Точно стал он другим в этот миг.

Я тогда был стихами замучен,
Мчался в пенистых строк полосе,
Если б мне бы такая же участь —
Путь вернейший указывать всем,

По словесной по накипи черной
Во весь рост проноситься внизу
И подняться над пеной просторной,
Отдышавшись от рифм и цезур.

1936

2

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Льется воздух, мужеством настоян,
Пыль чужая падает с плеча,
В днях чужих я жил не как историк,
Нрав племен в томах не изучал,

Жилы строк в моих скрипели жилах,
В них любовь и ненависть моя.
По-другому чайки закружили,
За Толбухин вылетев маяк.

Им не надо плыть в закат зловещий,
В чужестранной ночи костенеть,
В уши мне советский говор плещет,
Мне в глаза залива светит медь.

Угасает запад многопенный,
Друга тень на сердце у меня,
По путям сияющей вселенной
Мы пройдем куда-нибудь, звеня.

Но куда б по свету ни бросаться,
Не найти среди других громад
Лучшего приморского красавца,
Чем гранитный город Ленинград!

1936

3

ПРОТИВОГАЗ

Я на руке держу противогаз,
Мне хочется сказать ему два слова:
Мы в той стране, которая сурова,
Но у которой разум не погас.

Противогаз!
Твоей резиной липкой
Обтянута Европы голова,
И больше нет ни смеха, ни улыбки,
Лес не шумит, и не шуршит трава.

Лишь рыбий глаз томится, озирая
Стальную муть дневных глубин, —
Какой актер увлек тебя, играя,
Какой тебя любовник погубил?

Так вот зачем ты пела и трудилась,
По городам копила старину —
Чтобы тебе, как состраданья милость,
Белесый холод щеки обтянул?

Как с облаков приходит нежность, жалость. .
Тебя лишили волей хитреца
Последнего, что всё же оставалось:
Простого человечьего лица,

Живого человечьего обличья,
Не жить, шумя, шепча, вопя, ворча, —
Та голова, не рыбья и не птичья,
Без языка маячит на плечах.

Ты даже не услышишь сквозь резину,
Когда, поднявши грохота пласты,
Такая гибель пасть свою разинет,
Чтоб всё сожрать, чем так гордилась ты.

Но на бульварах буйного Парижа
Не для того шел в битву человек,
Чтобы его растущей воли век
Был пулею случайною подстрижен.

Не для того шахтеры старых шахт
Земли английской приносили клятвы,
Не для того в испанских шалашах
Был динамит под рубищем запрятан.

Не для того всех казематов строй
Пытал людей Германии во мраке,
Не для того в Астурии герой
Так умирал, как умирает факел.

Не для того в лучах острее сабли
Там абиссинец — в скалах далеко —
Делился вдруг воды последней каплей
С обманутым Италией стрелком.

Противогаз!
Не верю я, чтоб ты —
Мешок, чьей мерой будут мерить ужас, —
Украв людей прекрасные черты,
Торжествовал, навязываясь в дружбу.

Но, облик твой печальный теребя,
Земли земель я ставлю рядом имя!
Бессонной ночью выдумал тебя
Затравленный рычаньем века химик.

Но будет день — и мы тебя прибьем
К своим домам, набив соломой просто, —
Вот так у входа в ассирийский дом
Висели рожи пестрою коростой,

Чтоб отгонять болезни и чертей, —
Полночных вьюг и ветра собеседник,
Повиснешь ты мишенью для детей,
Невольником жестокости последней.

Я буду стар, и я приду к тебе,
И за Невой садиться будет солнце,
А рядом песня станет пламенеть
И наших щек обветренных коснется.

1936

ЧУДЕСНАЯ ТРЕВОГА

1937—1940

181. КУВШИН

Если б были мы в горах —
Я и ты,
Мы пошли бы в Уркарах
Иль в Ахты.

На базаре бы купили
Мы кувшин,
Не для вин и не для пыли —
Для души.

И раскрасили б на славу
В холодке,
И пустили б его плавать
По реке.

Он бы плыл по Ахты-Чаю
Как умел,
Валуны в пути встречая бы —
Гремел.

Перекаты б пенил грудью,
Мыл бока,
Любовались бы им люди
Да река.

Полюбил бы над рекою
Путь луны,
Что, не грея, беспокоит
Валуны.

Захлебнулся бы он страстью
Невзначай,
Утонул в твоей бы пасти,
Ахты-Чай.

Посмеялись бы кувшину,
Так и быть,
И пошли в духан к тушину
Чачу пить.

Но совсем иным потоком
Бьет Москва,
Тонет в пламени глубоком
Голова.

Только нет здесь Ахты-Чая
Под рукой,
И кувшин-то здесь нечаянно
Другой.

1938

182

Уедешь ты к оливковым
Кремнистым берегам,
Я буду знать урывками,
Как поживаешь там.

И кто с тобой встречается,
И с кем ты весела,
Волна ли там качается,
Цветет ли там скала.

В ночь лунную, крылатую,
Пустынную до слез
Взгляни на узловатые
Побеги серых лоз.

И в меловой покорности,
В нежданной простоте
О северной упорности
Напомнят лозы те.

И о далекой верности
Прочтешь, как по складам,
По этих лоз безмерности,
Не сдавшейся годам.

1937

183. РАННЕЕ УТРО

Мир молодой, как небо на заре,
Встречал меня на той полугоре.
И, книжным словом не оскорблена,
Чернела леса дальняя стена.

И созданная заново роса
Гордилась тем: росу пила оса.
И шепоты властительные трав,
В свое дыханье мощь земли вобрав,
Вступали в спор с могучею осой,
Был у осы граненый глаз косой.

Казалось, шепчет мне полугора
Мильоном уст: «Тебе устать пора».

Я сел на пень. Я вспомнил жизнь свою.
Я унижать ее не устаю,
Разменивать на мусор малых дел,
Как будто не поставлен ей предел.
И, может быть, уж вся она за мной,
Как этот холм перед лесов стеной.
И объяснить я должен муки все
Немедля — курослепу иль осе.

Кому еще? Я вспомнил город твой, —
Ты спишь еще, и сон над головой,
Закрыты ставни. Улица гремит
Железом всех сомнений и обид.

Ты спишь еще. Еще твоей рукой
Владеет жизни комнатной покой.

Ты — легкая, не знавшая родов,
Ты — вольная в неволе городов,
Ты тихо спишь — и, как у статуй ровно,
Твои глаза глядят еще условно!

1937

184

Был майский день, но ветер шел с залива,
И вел туман и ставил на холмы,
Как будто бы из мглы неторопливой
Являлось мне видение зимы.

На старый снег похожи стали воды,
Свинцовостью мерцая снеговой,
Но не было мне дела до природы
И до ее поруки круговой.

Лишь потому мне и приснился буер,
В глубокий снег ушедший до плеча,
Что только ты всей образною бурей
Моих стихов владела в этот час.

И, твоему покорен самовластью,
Стал буер яхтой, легкою как дым,
И он прошел, как скромный вестник счастья,
Прорезав сердце килем ледяным.

То не был сон, что путал время года,
Но дальний плеск одной волны родной.
Туман исчез, весенняя природа
С твоей улыбкой встала предо мной.

1938

185

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик, гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны,

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — в бессонных думах о тебе.

Но это всё — одной печали росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще, —
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды словно изо льда!

1938

186. СЕНТЯБРЬ

Едва плеснет в реке плотва,
Листва прошелестит едва —
Как будто дальний голос твой
Заговорил с листвой.

И тоньше листья, чем вчера,
И суше трав пучок,
И стали смуглы вечера,
Твоих смуглее щек.

И мрак вошел в ночей кольцо
Неотвратимо прост,
Как будто мне закрыл лицо
Весь мрак твоих волос.

1937

187. ХОРОВОД В СУЛЬДУСИ

Хлынул дождь, когда девушки, встав в хоровод,
В старом Сульдуси, в Сульдуси пели,
И казалось, что дождь все их ленты зальет,
Пояса из цветной канители.

Пели девушки те на вечерней заре,
Под грозой, хоровод не сужая,
Но мне слышалось в том дождевом серебре
Твое имя — не песня чужая.

Пели девушки, ленты качая свои,
Дождь ходил полосами косыми,
Мне ж звучало над песней не слышное им
Твое имя — далекое имя.

Люди слушали — песни струилось зерно,
Я стоял между ними, чужими, —
И над песней, как радуга, жило оно —
Твое имя, веселое имя.

1938

188

Стих может заболеть
И ржавчиной покрыться,
Иль потемнеть, как медь
Времен Аустерлица,

Иль съежиться, как мох,
Чтоб Севера сиянье —
Цветной переполох —
Светил ему в тумане.

И жаждой он томим,
Зарос ли повиликой,
Но он неизгоним
Из наших дней великих.

Он может нищим жить,
Как в струпьях, в строчках рваных,
Но нет ни капли лжи
В его глубоких ранах.

Ты можешь положить
На эти раны руку —
И на вопрос: «Скажи!» —
Ответит он, как другу:

«Я верен, как тебе,
Мое любившей слово,
Безжалостной судьбе
Столетья золотого!»

1938

189

Там генцианы синие в лугах,
Поток румяный в снежных берегах.
Там в неповторной прелести долин
Встал ледяной иль черный исполин.

Там есть поляна легкая одна,
Где утром рано вся страна видна.
Родник там бьет; кто пил из родника,
Тот вновь придет под эти облака
В лесов раскат, в скалистые края,
В твой синий сад, Сванетия моя.

Не о тебе я нынче говорю —
Я милую встречаю, как зарю.
В глазах ее — спокойные огни,
Синее синих генциан они.
Я пью озноб горящий родника,
И светится во тьме ее рука.

Какой страной ее я назову,
Такой родной во сне и наяву;
Сквозь ночи шелк, сквозь грозных будней гладь, —
Куда б ни шел, я к ней приду опять.

1938

190

Я люблю тебя той — без прически,
Без румян — перед ночи концом,
В черном блеске волос твоих жестких,
С побледневшим и строгим лицом.

Но, отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон, — в глубину
Чужедальних мелькающих улиц,
За страною меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскаленных бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушье московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей
Я не сетую, я не ревную, —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

1937

191

И встанет день, как дым, стеной,
Уеду я домой,
Застелет поезд ночь за мной
Всю дымовой каймой.

Но если думаешь, что ты
Исчезнешь в том дыму,
Что дым сотрет твои черты,
Лишь дым я обниму...

В заката строгого резьбе,
Одной тебе верны,
Твои мне скажут о тебе
Норвежцы со стены.

Тебя в картине на стене
Найду в домах у них,
И ты поднимешься ко мне
Со дна стихов моих,

Ты будешь странствовать со мной,
И я не отрекусь,
Какую б мне, как дым, волной
Ни разводили грусть.

Если тебе не всё равно,
А путь ко мне не прост, —
Ты улыбнись мне хоть в окно
За десять тысяч верст.

1937

192

Мой город так помолодел —
Не заскучать,
И чайки плещутся в воде,
Устав кричать.

И чаек крылья так легки,
Так полны сил,
Как будто душу у реки
Кто подменил.

И самолетов в вышине
Горят круги,
Я слышу в синей тишине
Твои шаги.

Как будто слух мой стал таков,
Что слышит сон,
Как будто стук твоих шагов
Заворожен.

Как будто губ твоих тепло,
Прохладу плеч
На крыльях чаек принесло
Сюда — беречь.

Иль ты одна из этих птиц
Сама,
И мне по ней в огне зарниц
Сходить с ума!

1937

193

Ты девочкой с глазами золотыми
Приснилась мне на берегу морском,
В твоих руках под ветром щепки стыли,
Что, насбирав, ты относила в дом.

Вдруг всё забыв и сердцу лишь внимая,
Круженье пен бесчисленных следя,
Сидела ты, колени обнимая
И горизонт глазами обводя.

Сквозь вихри пен и темные просторы
Ты постигала радость впереди,
Как той щепы родной и мокрый ворох,
Что ты несла, прижав к своей груди.

...Ты женщиной прекрасной и усталой
Стоишь сейчас на дальнем берегу,
С печальными и тонкими устами,
Чей сладкий свет забыть я не могу.

И, побледнев, угрюмо, как немая,
В круженье дней бесчисленных глядя,
Сама себя подчас не понимая
В холодных искрах темного дождя,

Томясь бедой, устав от лиц и споров,
Что б ты дала за тот далекий дом,
За той щепы родной и мокрый ворох,
За девочку на берегу морском.

1939

194

Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем,
И высокие брови не хмурь на чернеющий снег.
Ты со мною всегда: и в снегах, и под пламенным ливнем.
Улыбнись, моя гордость, ты поедешь навстречу весне.
Ты увидишь ручьи как впервые, мальчишески рыжие рощи,
И взъерошенных птиц, и травы полусонный узор,
Всё, что снится тебе, будет сниться теплее и проще.
Ты любимое платье наденешь для синих озер,
Ты пойдешь вдоль канала, где барки над тихой водою,
Отдохнешь среди улиц, где тихо каштаны цветут,
Ты очнешься одна — в тишине, далеко, чуть усталой, простой, молодою,
Удивленно впивая такой тишины чистоту.

1938

195

Хочу, чтоб стих был тонок, словно шелк,
Не для того, чтоб в шепот перешел.

Но я сейчас сжимаю стих в комок
Не для того, чтоб он дышать не мог,

А чтобы счастья полная строка
Теплела где-то жилкой у виска,

А чтобы стих, как свернутый клинок,
Блистая, развернулся бы у ног.

Ты грустно скажешь: не люблю клинков,
И без стиха есть жилки у висков.

Постылый блеск о стены разобью,
Я строки дам клевать хоть воробью.

Я их заставлю будничными быть,
Как та тоска, которой не избыть,

Та, чей озноб легко на горло лег,
Чтоб уж не стих, а я дышать не мог!

1937

196. ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Ты думаешь, я забываю
О мире, кипящем ключом,
Испания — та, боевая, —
Ты думаешь, мне нипочем.

Стучат ее битвы и казни
О песни старинную честь,
Но слов торопливых и праздных
Не может язык произнесть.

Я тем не обижу героя
В скользящем воздушном бою,
Что вижу сквозь битву порою
Простую улыбку твою.

Сквозь все самолетные звезды,
Какими гордится страна,
Я вижу и то, что, как воздух,
Как свет, ты бываешь нужна.

Какие ж на это запреты?
И чем эта правда плоха?

Я верю в испанское лето
И в позднее лето стиха.

Я падал, как падает долго
Пилот на глубин острие,
Лишь бешеный ветер восторга
Держал равновесье мое!

1937

197. НАД ФИНСКИМ ОЗЕРОМ

Светят звездные ложбины
На песчаный на откос,
Веет холодом чужбины
Пункахарью лунный лоск.

Из-под весел искры брызнут,
Белой выгнутся дугой,
Я тоскую по отчизне,
По воде совсем другой —

По родной, широкоплечей
Невской чистой быстрине,
И другой мне снится вечер —
У тебя на стороне.

И другой воды изгибы,
Где река всего пестрей,
Где мелькают в ней, как рыбы,
Отраженья фонарей.

Где, моих ночей истома,
Ты проходишь весела,
Словно слышу смех знакомый
В плесках синего весла.

Словно в лодке той высокой
Ты появишься в ночи,
Словно прыгнешь на песок ты,
Легких ног не замочив.

1937

198

Твой день в пути извилистом
Увижу как во сне,
Тенистый, или тинистый,
Иль меловой вполне.

Ты не поверишь ярости,
С какой придет беда,
Что высшей станут радостью
Сухарь, ночлег, вода,

Что тиной всё затянется,
Что друг в постылый час
И в бегстве не оглянется
Иль сам тебя предаст.

Заплачешь на излучине
Дорог в пустой ночи,
Блеснут земли замученной
Зеленые лучи.

И, загнана пространствами,
Ты вспомнишь среди тьмы,
Что эту землю Францией
Когда-то звали мы. . .

Май — июль 1940

199

Никаких не желаю иллюзий взамен:
Будто ночь и полуночный час,
И один прохожу я по улице Ренн
На пустынный бульвар Монпарнас.

Под ногами кирпичный и каменный лом,
Спотыкаясь, блуждаю я здесь,
И на небе, что залито черным стеклом,
Ничего не могу я прочесть.

«То ошибка! — я ночи кричу. — Ведь она
Не в Помпее жила, это ложь.
Так зачем этот мрак, не имеющий дна,
Этот каменный, пепельный дождь?

О, не дай же ей, ночь, погибать ни за что,
Разомкнись и ее пожалей,
Беспощадной светящейся лавы поток
С пикардийских вулканных полей».

Май 1940

200

Пусть серый шлак
Перегорит в мученьях,
Прольется вновь
Металл — огня дитя, —
Раз ты вошла
Во всё столпотворенье
Моих стихов,
Их жизнью не шутя, —

Возьми мой стих,
Дымящиеся строки. . .
Ковал, любя,
Багровый их булат,
Я сделал их
В часы моей тревоги,
Они тебя
В тревоге защитят!

1939

ГОРЫ

1938—1940

Горы кавказские для меня священны...
М. Лермонтов

201

Крутой тропою — не ленись —
К лесам тавраpским подымись,
Взгляни в открывшуюся высь —
И ты увидишь наяву
Не снившуюся синеву.

Не позабыть, пока живу,
Долин сванетских синеву.

Перед такою синевой
Я был когда-то сам не свой.
Перед такою синевой
Встань с непокрытой головой...

1940

202

Я снова посетил Донгузорун,
Где лед светил в реки седой бурун.

Остры, свежи висели вкруг снега,
Я видел: жизнь моя опять строга,
И я опять порадовался ей,
Что можно спать в траве между камней,
И ставить ногу в пенистый поток,
И знать тревогу каменных берлог.

В глуши угрюмой, лежа у костра,
Перебирать все думы до утра.

И на заре, поднявшись на локте,
Увидеть мир, где все цвета не те...

1939

203. ЭЛЬБРУС С БЕЧАСЫНА

...Намеченный смело
Над зыбью полей
Светящимся мелом
По аспидной мгле...

Вычерчивал мастер
Во весь небосклон
Его, как на части
Разбившийся сон.

Чертил он и правил
Снега, как рассказ,
И гору поставил
И вывел на нас.

И падал кусками
И сыпался мел,
Но гору на память
Он кончить сумел!

1940

204. ВЕРХНИЙ ХУЛАМ

Как будто затяжным прыжком
Лечу и дух мне захватило,
И тянет вниз пространства сила
На камни, вставшие кругом.

Над темным кратером безмерным,
В зеленом трепете неверном —
Гранит со снегом пополам —
Вечерний высится Хулам.

Над скал воинственными лбами
Туманов белых вьется прядь,
Ожесточись, как этот камень, —
Что можешь сердцем ты сказать?

Пока горят лучи скупые,
Запоминай, окаменев,
Природы игрища слепые —
Преображенный в камни гнев!

1940

205. РУЧЕЙ

В день позднего лета,
    Жуя алычу,
Мы возле Душета
    Шли вверх по ручью.

Он, розовой, красной
    Водой шелестя,
Резвился, прекрасный,
    Предгорий дитя.

Бежал он прилежно
    И маленьким ртом
Рассказывал нежно
    О самом простом.

Весь полон спокойным
    И детским огнем...
...Душетская бойня
    Стояла на нем.

1940

206

Горных рек нескончаемый гул,
Пред которым я вечно в долгу.
Он в крови моей, в сердце моем,
С этим гулом мы вместе умрем.
Голубая вода Теберды,
Знал я реки, что были горды,
Их надменный и грозный язык
Я читать с увлеченьем привык.
Знал я тихие воды, что шли,
Как спокойные думы земли.

Стал теперь я и прост и жесток:
Я люблю безыменный поток.
С ледяной он сбегает коры
Безызвестной высокой горы.

Он ворчать свои мысли привык;
То седеет он, точно старик,
То в его молодые глаза,
Удивляясь, глядится гроза.
И пастух на его берегах
Запевает о прошлых веках.
И поет, проходя, пешеход
Про бессмертный советский народ.

И поет альпинист молодой
О вершинах, склонясь над водой.
И поет про девичьи сны
Ему девушка горной страны.
И потоку великая честь —
Через жизнь эти песни пронесть.

1940

207

Женщина в дверях стояла,
В закате с головы до ног,
И пряжу черную мотала
На черный свой челнок.

Рука блеснет и снова ляжет,
Темнея у виска,
Мотала жизнь мою, как пряжу,
Горянки той рука.

И бык, с травой во рту шагая,
Шел снизу в этот дом,
Увидел красные рога я
Под черным челноком.

Заката уголь предпоследний,
Весь раскален, дрожал,
Между рогов аул соседний
Весь целиком лежал.

И сизый пар, вползая кручей,
Домов лизал бока,
И не было оправы лучше
Косых рогов быка.

Но дунет ветер, леденея,
И кончится челнок,
Мелькнет последний взмах, чернея,
Последний шерсти клок. . .

Вот торжество неодолимых
Простых высот,
А песни — что? Их тонким дымом
В ущелье унесет.

1940

208. ГУНИБ

Здесь ночи зыбкие печальны,
Совсем другой луны овал,
Орлы, как пьяницы, кричали,
Под нами падая в провал.

И взмах времен глухих и дерзких
Был к нашим окнам донесен,
Перед лицом высот Кегерских
Гулял аварский патефон.

Тревогу смутную глушили
И дружбой клялись мы навек,
Как будто все мы в путь спешили,
Как будто ехали в набег.

Из пропасти, как из колодца,
Реки холодной голос шел:
«Не всем вернуться вам придется,
Не всем вам будет хорошо. . .»

А мы смеялись и болтали
И женщинам передавали
Через окно в кремнистый сад,
Огромной ночью окруженный,
Стаканы с тьмой завороженной,
Где искры хитрые кипят.

1940

209. ЖЕНЩИНЫ КУРУША

Где Шахдаг пленяет душу,
Я привстал на стременах:
Ходят женщины Куруша
В ватных стеганых штанах,
В синем бархате жилеток,
В самотканом полотне,
И лежат у них монеты
На груди и на спине.
С чубуком стоят картинно
У оград и у ворот,
И мужской у них ботинок
Женской обувью слывет.

Их бровей надменны дуги,
Хмурой стали их рука,
И за ними, словно слуги,
Бродят стаей облака.
Гость иной, поднявши брови,
Их усмешкой поражен,
Скажет: нету жен суровей
Богатырских этих жен.

Нет, предобрые созданья
В ватных стеганых штанах
Украшают мирозданье
Там, где высится Шахдаг.
Тараторят понемножку,
Носят воду над скалой,
Из кунацкой за окошко
Облака метут метлой.

И они ж — под стать лавинам,
В пропасть рвущимся коням,
И страстям — неполовинным,
Нам не снившимся страстям!

1940

210. ПЕРВЫЙ СНЕГ

Шел снег всю ночь, и утром в свете ржавом
На всем хребте торжественность лежала,
Как будто зубья, башни, клювы, шпили
Впервые здесь зеленый воздух пили,
Как будто снег просыпал свой избыток
На те места, что летом были скрыты,
Чтоб на уступе даже самом малом
Ночной пурги хотя бы горсть лежала.

В долинный мир от тех безмолвий львиных
Торпедой пыльной двинулась лавина,
И среди трав, подвешенных в просторе,
Она пробила облачное море,
Пред ней в лесах, где разноцветен лист,
Блеснул огнями красный барбарис.
Где ястреба с глазами одержимых
Метались по кустам неудержимо
И рвали там в траве темнобородой
Перепелов, забитых непогодой, —
Там в дуновенье силы справедливой
Закрыла птиц своей молочной гривой,
Рассыпалась на луга белом блюде,
И только пыль слетела ниже — к людям.

...Так напряженье каменных пород
Преобразило самый вид страданья,
Так мужество по-новому встает,
Когда к нему приходит испытанье.
Так напряженье каменных пород,
Свое страданье передав движеньем,
Слепой несправедливости полет
Наполнило нечаянным значеньем!

1940

211

Марку Аронсону

Он — альпинист и умирал в постели.
Шла тень горы у бреда на краю.
Зачем его не сбросили метели
Высот Хан-Тенгри в каменном бою,

Чтоб прозелень последнего мгновенья
Не заволок болезни дым,
Чтоб всей его любви нагроможденье,
Лавиной вспыхнув, встало перед ним?

Прости, что я о смерти говорю
Тебе, чье имя полно жизни нежной,
Но он любил жестокую зарю
Встречать в горах, осыпан пылью снежной.

Я сам шагал по вздыбленному снегу
В тот чудный мир, не знавший берегов,
Где ястреба как бы прибиты к небу
Над чашами искрящихся лугов.

Мы знали с ним прохладу сванских башен,
Обрывы льда над грохотом реки,
О, если б он...
Такой конец не страшен,
Так в снежном море тонут моряки.

И если б так судьба не посмеялась,
Мы б положили мертвого его
Лицом к горе, чтоб тень горы касалась
Движеньем легким друга моего,

И падала на сердце неживое,
И замыкала синие уста,
Чтоб над его усталой головою
Вечерним сном сияла высота.

1938

212

Если можно было бы смерть выбирать,
Этим днем все ошибки сгладивши, —
Думаю, что хорошо умирать
На тропе из Жабежа в Адиши.

Там, легко обогнав человеческий рост,
Горных трав золотятся вершины,
Этот луг, до которого ты не дорос,
Он, как младшего брата, обнимет — он прост —
Рост твой двухсполовиноаршинный!

1940

213. ГОРЕЦ

Сказал, взглянув неукротимо:
«Ты нашим братом хочешь быть,
Ты должен кровью побратима
Свое желание скрепить».

И кровью гор, морозно-синей
Кипел ручей, высок и прям.
«Ты, горец, прав! Клинок я выну —
Я буду верный брат горам!

Пускай на рану льет отвесно
Простая горная струя,
Пускай сольется с кровью трезвой
Кровь опьяненная моя».

1940

214—216. *АЛЬПИНИСТЫ*

1

Ползут по расщелинам колким,
Идут в коридорах опасных
Иль фирном отвесным, тяжелым,
Иль гребнем смертельным и долгим,
В уступах крошащихся, красных
Вбивают крючья на голых,
Нависнувших скалах они.

Герои, безумцы, провидцы!
Потратил я молодость даром:
Не шел я небес рубежами,
Как вы, одержимые высью,
И вот, высотой не богат,
Я вижу и плачу от мысли,
Что путь мой над скалами замер,
Что мой ледоруб не вонзится
Ни в ребра бессмертные Шхары,
Ни в гребень неистовой Шхельды,
Ни в белый, как смерть, Чалаат!

2

Когда приносят альпиниста —
Обвалом сломана нога, —
Его кладут в траве душистой,
А он тоскует по снегам.

Друзей заботы, полдень чудный —
Всё говорит ему: смирись,
А он всё помнит траверс трудный,
Восторг упорства, лед и высь!

8

Врубаясь в лед, под воем вьюжным,
С корой морозной на плече,
Они идут веревкой дружной,
Над ними снег дымится, кружит,
Вершина ближе — гребень у́же,
Зачем всё это людям нужно —
Блаженный, страшный путь — зачем?

Вершина! Сердце отдыхает,
И странный мир со всех сторон
Лежит под ними, в тучах тает,
И подвиг воли завершен:
Как знать, что он обозначает?

Так, бурей чувств ошеломлен,
Рожденный ночью стих не знает,
Какое утро встретит он, —
Но, жизни радуясь, играет. . .

1940

217. ИСПАНЦЫ ОТСТУПИЛИ ЗА ПИРЕНЕИ

Не могу прикоснуться к перу,
Словно полны чернила заклятий,
А в глухом иностранном бору
Лишь о войнах выстукивал дятел.

Только видятся женщины мне
Среди зимней дороги скалистой,
Только дети, упавшие в снег,
Только рощ обгоревшие листья.

И о пепельных, полных седин,
Так пронизанных порохом рощах,
И о людях, молящих воды
За колючею проволкой ночью, —

Что ни скажешь о жизни такой,
Всё не так, и не то, и всё мало —
Всё уж сказано детской рукой,
Из-под снега торчащей на скалах.

Апрель 1939

218

Каскад зарей воспламенен,
Летит с горы, гремуч и розов,
Но только ночь — смолкает он,
Жестоким схваченный морозом.

Не шевелясь висит каскад,
Оттрепетавший к полуночи,
Замерзший намертво собрат,
Он вновь с зарей бурлит, как хочет.

И всё не может долететь
До дна глубинного долины,
Он должен ночью леденеть,
Висеть, светясь клинком былинным.

Сейчас он в полдень забурлил,
Вновь хищный камень омывая,
Вот так же песен пенный пыл
Молчаньем память прерывает,

А вспомнит их — они не те,
Они в молчанье отсверкались,
Над ними тучи в высоте
Спеша, как лозунги, менялись.

1939

219

Он был баварец, булочник простой,
И ездил к нам, любя вершины наши,
Он булки пек, а бредил высотой,
И сон его горами был украшен.

«Откуда страсть, спросите у меня,
У бедняка, чтоб в горы так стремиться...
Я слишком много пекся у огня,
Мне хочется немного охладиться».

...И крепко спит он в яме ледяной,
Сжав ледоруб, воитель темнолицый, —
Нанга-Парбат над ним стоит стеной,
Ревнивою сияя крутизной,
Отняв его у мюнхенской девицы.

1940

220

Давайте бросим пеший быт,
Пусть быт копытами звенит.
И, как на утре наших дней,
Давайте сядем на коней.

И для начала мы лугами
Пройдем широкими кругами,
Огладив шею скакуна,
Проверив, крепки ль стремена,
Взмахнем камчой над конским глазом —
В полет скакун сорвется разом

И ну чесать то вверх, то вниз —
Взлетать с разбега на карниз,
В ручей с карниза, пену взмылив,
А в травах что-то вроде крыльев
Летит зеленою парчой
Под обалдевшей алычой.
В камнях, над гривой не дыша
Прошепчешь: «Ну, прощай, душа!» —
И — нет камней, лишь плеск в ушах,
Как птичьи плески в камышах.

А ты забыл, что хмур и сед
И что тебе не двадцать лет,
Что ты писал когда-то книги,
Что были годы, как вериги,
Заботы, женщины, дела, —
Ты помнишь только удила,
Коня намыленного бок,
И комья глины из-под ног,
И снежных высей бахрому
Навстречу лёту твоему...

1940

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

1940

221

Я хочу, чтоб в это лето,
В лето, полное угроз,
Синь военного берета
Не коснулась ваших кос,

Чтоб зеленой куртки пламя
Не одело б ваших плеч,
Чтобы друг ваш перед вами
Не посмел бы мертвым лечь.

1940

222. НОЧЬ

Спит городок
Спокойно, как сурок.
И дождь сейчас уснет,
На крышах бронзовея;
Спит лодок белый флот
И мертвый лев Тезея,
Спит глобус-великан,
Услада ротозея,
Спят мыши в глобусе,
Почтовый синий ящик,
Места в автобусе
И старых лип образчик —
Всё спит в оцепенении одном,

И даже вы — меняя сон за сном.
А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.
...Вторую ночь уже горит Париж!

1940

223

На улице, как на поляне,
Темно, а спички не горят,
Падучих звезд летят сиянья,
Как отсыревших спичек ряд.

Как будто там гигант нескладный
Своих шагов замедлил ход
И перед женщиной громадной
За спичкой спичку звезды жжет

Или с усмешкою нескромной —
Былых страстей — в полночный час
Следит за нами призрак темный
И передразнивает нас.

1940

224

Давно такой хорошей осени
Моя душа не знала,
Не то чтоб в небе много просини
Иль хмури в жизни мало, —

Но всюду здесь, где осень кружится,
Сквозь темный лик осенний
Сквозит мне тонкий облик дружеский
Родным души весельем!

1940

225—227. НЕЛЕ

1

Рощи опять заалели,
Зарево бури неся.
«Где твоя Фландрия, Неле?»
— «Фландрия в угольях вся...»

Светловолосые косы
Неле стянула узлом.
Всем неудачам назло,
Неле, улыбки мы просим,

Неле, дружок, улыбнись нам...
«Фландрия — дым к небесам,
Фландрия в шорохе листьев —
Там, где захочешь ты сам.

Фландрия там, где зеленой
Рощей ныряют стрижи,
Фландрия там, где спаленной
В угольях гордость лежит.

Фландрия там, где летели
Дни, потерявшие счет, —
Там, где с улыбкою Неле
Улицей тихой идет».

2

Когда гуляли гёзы,
Текли от смеха слезы.
Студенты в той харчевне
Плевали на учебник.

А старые солдаты
Всех драк мешали даты.
А юные служанки
Забыли про лежанки.

Когда ж входила Неле —
То вдвое все пьянели
От глаз, чей пламень розов,
Подернутый морозом.

3

Я шел с войны. Дороги каменели,
Был дом в саду. Над ним дожди звенели.
И я вошел, и я увидел Неле —
И что деревья вдруг зазеленели!

1940

228

В бессоннице лондонских комнат
Рассвет холодил мне виски,
Рассветов таких не припомнят,
Да, может, и нету таких,

А всё это мне показалось
В прохладе страны неродной, —
Быть может, собачья усталость
Лишь шутку сыграла со мной.

Но было в рассвете такое
(На взгляд англичанина — дичь) —
Дыханье такого покоя,
Какого и сном не достичь.

И свет ослепительной сеткой
Слетел во все неба концы,
Но вышел тут парень в каскетке
И старый завел мотоцикл.

Все трески тут начали танец,
На шум лакированных крыл
Встал в фартуке лысый британец
И с грохотом ставни открыл...

И весь мой рассвет как и не был —
Открылось под грохот и визг
Холодное, блеклое небо,
Холодная, хриплая жизнь!

1940

Сквозь ночь, и дождь, и ветер, щеки режущий,
Урок суровый на ходу уча,
Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча.

В его кармане — холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим.
...Мы свой урок еще на партах учим,
Но снится нам экзамен по ночам!

1940

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

1940

230. ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

Виссариону Саянову

Мне снились юность, снег,
Друзей далеких тени,
И нежность лиц во сне
Была как снег и пенье.

Проснулся я впотьмах,
Вскочил одним движеньем,
Я вспомнил: я в горах
Пред новым восхожденьем.

Палатки узкий вход,
Закат алел громадой,
Порозовевший лед
И грохот камнепада.

Всё было наяву,
Всё ощутимо грубо —
И то, что я живу,
И холод ледоруба.

И всё было не так.
И всё в другом порядке:
Вечерний бивуак
Под Выборгом в палатке.

И не закат горел,
А Выборга руины,
Не камнепад гремел,
А ряд орудий длинных.

Не ледоруба сталь —
Винтовки ствол морозный.
Мне юности не жаль,
Мне изменяться поздно.

В своей стране родной
Я знал покой и счастье,
И вражий надо мной
Вал огневой не властен.

Ничто не страшно мне,
И я за всё ответил,
Как эти сны во сне,
Как две палатки эти.

1940

231. САВОЛАКСКИЙ ЕГЕРЬ

На холме под луною он навзничь лег,
Шевелил волоса его ветер,
Ленинградский смотрел на него паренек,
Набирая махорку в кисете.

Не луна Оссиана светила на них,
И шюцкора значок на мундире
Говорил, что стоим мы у сосен живых
В мертвом финском полуночном мире.

Егерь был молодой и красивый лицом,
Синевою подернутым слабо,
И луна наклонилась над мертвецом,
Как невеста из дальнего Або.

Паренек ленинградский закрутку свернул,
Не сказал ни единого слова,
Лишь огонь зажигалки над мертвым сверкнул,
Точно пулей пробил его снова.

1940

232. ПАМЯТИ ПЬЯНКОВА

На той дороге фронтовой
От ближних зарев снег был розов,
И лед на касках голубой
Вставал щетиною морозной.
Заледенев, на лбу коней,
Дымясь, позвякивали челки,
И на боках и на спине
Лежал узор попоны колкой.
То пота липкого струи
Замерзли, превратясь в узоры...
Всё это видели твои
Льдом застилаемые взоры.

Снег взвихрив, вырвал яму тол,
В ночном лесу, в земле гранитной
Привал последний ты нашел,
Наш скромный друг неименитый.
Что в том, что дружбе году нет,
Мы счет иной ведем сердцами,
И поднял командир планшет
Окаменевшими руками.
Пока стоявшие вокруг
С тобой прощалися по-братски,
Занес на карту он, как друг,
Твой бугорок земли солдатской.

И кони тронулись опять,
Таща орудья в снежной пыли,
Опять хрипеть и громыхать
В ту ночь, когда тебя убили.
В ту ночь я видел, что и ты,
Такой же лес, дорогу, пушки,
Весь мир походной маеты,
И вьюгу, словно повесть, слушал,
Как будто повесть о тебе,
Простую, русскую, ночную,
О долге, родине, судьбе...
...С нее свой завтра день начну я.

1940

Мерзлый вереск, мерзлый вереск,
Ты звенишь прибоем,
Пред тобою черный берег,
Опаленный боем.

Мерзлый вереск, мерзлый вереск,
Ты звенишь печально,
Над тобою сумрак серый,
Запах гари дальней.

Брат наш вереск, мерзлый вереск,
Лег ты в изголовье,
Мы тебя согреем, вереск,
Нашей кровью.

Ты впитаешь ее, вереск,
Выпьешь в полной мере,
Ты оттаешь, мерзлый вереск,
Мерзлый вереск...

1940

234. КУКЛА

Тогда начинали мы финский поход,
А путь через Пампалу лесом ведет.
На снежной подушке сидела она
Подобно игрушке из детского сна.
Вокруг не отыщешь за деньги жилье,
Какая рука посадила ее?
Шотландская юбка, румяна, бела
Сидела голубка и куклой была,
На стенке дорожной, надменно глядя.
Шутили, смеялись бойцы, проходя.
Она улыбалась, слегка покраснев,
Бойцам же казалось, что это во сне.
Приказу послушны, и днем и в ночи,
Шли танки, и пушки, и тягачи.
Вся армия мимо прошла, как волна,
И, всеми хранима, сидела она.

Я больше не ездил дорогой пустой,
Боялся встречаться с красоткою той,
Но песню о ней про запас унесу,
Про куклу, сидевшую в черном лесу.

1940

235. МЫЗА ХУМАЛА

Я должен был взорваться в этом доме,
Я шел к нему всё утро, день, всю ночь,
Я так мечтал о крыше, о соломе,
Чтоб лечь, уснуть и чтоб все мысли прочь.

А он стоял на пустыре горелом
И ждал меня, тот домик небольшой,
Я опоздал — и лунным утром белым
Взорвались те, кто ранее пришел.

Зачем они меня опередили?
Я так же мерз, я так же жил в огне,
Одни пути мы вместе проходили,
А этот дом не уступили мне.

1940

236. КОНЕЦ ВОЙНЫ

Мы в Выборге. Ходим в ералаше
Горящих улиц, падающих стен,
Вокруг огонь, он разноцветно пляшет,
Вокруг покой нежданных перемен.

Уж санный путь по-мирному укатан,
И голоса по-мирному слышны,
И только мин глухие перекаты
Нам говорят о прошлом дне войны.

А там, на мызе Лиматта, за рощей,
Где часовой у входа на тропе,
Сидит комбриг усталый поздней ночью
В заброшенном подвале, на КП.

Измученный, над картой уже лишней,
И нету сна и мира ни на миг.
Подвал еще горячкой штурма дышит,
И шорох ночи слушает комбриг.

Еще в ушах разрывов визги, трески,
Еще в глазах — как будто на весу —
И надолбы в проклятом перелеске,
И красный снег за насыпью внизу...

1940

237

Я не умею головы кружить,
Я не умею равнодушно жить.
Я не умею так мельчить слова,
Чтобы они означились едва.

О силе слов скажу я только двух:
И в той зиме, захватывавшей дух,
Вновь ощутил я в смертоносном вое,
Что есть на свете *братство боевое.*

1939 или 1940

ОГНЕННЫЙ ГОД

1941—1943

238. КРАСНАЯ АРМИЯ

В ее тени играли наши дети,
Поля шумели, жили города —
Нет армии любимее на свете —
Хранительницы мира и труда.

Пройди весь свет, проверь всех армий славу,
Пересмотри былые времена —
Нет армии, которая была бы
С народом слита больше, чем она.

Фашистских орд железная комета
Явилася на наших рубежах —
Нет армии, которая б, как эта,
Комету эту бросила во прах.

И яростная битва закипела,
Как никогда громадна и грозна, —
Нет армии, которая б имела
Вождя полков такого, как она.

Народам час освобожденья снится
В истерзанной Европе наших дней —
Нет армии, которая сравнится
Своею правдой с правдою твоей.

1942

239. НАШ ГОРОД

Пусть тянет руку дерзкий враг
К нам в ленинградские пределы.
Их было много, тех вояк,
Чья рать войти сюда хотела.
На неприступном берегу
Обрубим руку мы врагу.

На крыльях черные кресты
Грозят нам нынче с высоты.
Мы стаи звезд на них пошлем,
Мы их таранить в небе будем,
Мы те кресты перечеркнем
Зенитным росчерком орудий.

Стой, ленинградец, на посту,
Смотри в ночную высоту,
Ищи врага на небосклоне —
С тобой на вахте боевой
Стоит суровый город твой
И дни и ночи в обороне!

Проверь и крышу и подвал,
Забудь, как мирно ночевал,
Забудь беспечность и веселье.
Пускай, как крепость, темен дом,
Он вспыхнет радостью потом —
В победы нашей новоселье.

1941

240—241. *1919—1941*

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
«Умрем, не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не сдадим...»
И теми людьми мы гордимся,
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова звучат,
И снова сверкает оружье
В твоих августо́вских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженье сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатою острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!»

1941

242

Патрульная птица выходит из облака,
Ей радостно видеть с высот:
Внизу под крылом средь простора глубокого
Наш город могучий встает.

Он тянется к Пулкову бастионами
Своей цитадели труда,
Он входит в залив островами зелеными,
И крыши блестят, как вода.

И летчик любуется и улыбается,
Воздушных высот часовой,
Что вот в ленинградском он небе купается
И солнце над головой.

И солнце, прикрытое облачным пламенем,
Ему говорит поутру,
Что город — герой и что Красного Знамени
Лег блеск на достойную грудь.

Что столько красы в этой дымке редеющей,
Что с ней он один на один,
Что век его молод в стране хорошеющей
И счастье его впереди!

Что только вчера он фашистских налетчиков
Крушил поворотом крутым,
Что славного города славные летчики
Недремно летают над ним.

А черные крылья покажутся вражьи —
Ударит их пламя атак,
Запенясь, в огне лишь обломками ляжет,
О землю ударится враг!

1941

243. ДВА БОГАТЫРЯ

Летит корабль с лицом нетопыря,
Разрывы бомб тяжелые грохочут —
Два города, как два богатыря,
Встают во тьме, в багряных пятнах ночи.
Встает Москва — народная краса.
Москва, Москва! Святыня нашей славы!
Звенят огнем ночные небеса,
Твой мчится в небе латник темноглавый.

О древний город! Вещий богатырь,
Живой водой поивший все народы.
Так вот она — великой битвы ширь
С врагом нечеловеческой породы,
Где льется кровь как будто Волги воды
По крыльям, танкам, грудам мертвых тел,
От самых дальних высей небосвода
До мерзлых ям, где враг окостенел.

Да, враг силен! Он разъярен, он ранен,
Он слеп от крови, рвется наугад, —
Как богатырь над волнами в тумане,
Стоит в сверканье молний Ленинград!
Над миром ночь бездонна и темна,
Но в скрежете, в гуденье, в звоне стали —
Клянемся, что отмстим врагу сполна,
Что за отчизну биться не устанем!

Не дорожа своею головой,
Испепелим врага кровавым градом —
Клянемся в том могучею Москвой,

Клянемся в том любимым Ленинградом.
Она взойдет, победная заря,
Над тьмой фашистской, злобной и холодной,
Два города, как два богатыря,
Возглавят праздник славы всенародной!

1941

244. ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

То не чудо сверкает над нами,
То не полюса блеск огневой —
То бессмертное Ленина знамя
Пламенеет над старой Невой.

Ночь, как год девятнадцатый, плещет,
Дней звенит ледяная кора,
Точно вылезли древние вещи —
И враги, и блокада, и мрак.

И над битвой, смертельной и мглистой,
Как тогда, среди крови и бед,
Это знамя сверкает нам чистым
Окрыляющим светом побед!

И ползущий в снегу с автоматом
Истребитель — боец молодой —
Озарен этим светом крылатым
Над кровавою боя грядой.

Кочегар в духоте кочегарки
И рабочий в морозных цехах
Осенен этим знаменем ярким,
Как моряк на своих кораблях.

И над каменной мглой Ленинграда
Сквозь завесы суровых забот
Это знамя сквозь бой и блокаду
Великан знаменосец несет.

Это знамя — победа и сила —
Ленинград от врага защитит,
Победит и над вражьей могилой —
Будет день! — на весь свет прошумит!

1942

245

Растет, шумит тот вихрь народной славы,
Что славные подъемлет имена,
Таким он был в свинцовый час Полтавы
И в раскаленный день Бородина.

Всё тот же он. Под Тулой и Москвою,
Под Ленинградом в сумрачных лесах
Бойцы идут. У них над головою
Родные звезды в снежных небесах.

Нет, рано враг торжествовал победу!
И сквозь пожаров дымные рога
Бойцы идут по вражескому следу,
Врезая шаг в скрипучие снега.

А враг бежит, смятенный и голодный,
Кляня судьбу проклятую свою.
Как завершенье веры всенародной —
Слова вождя исполнились в бою.

Бойцы идут среди родимых пашен
Победным шагом, грозны и легки,
А их народ зовет: гвардейцы наши,
Любимые, желанные сынки.

Идут бойцы, их губы крепко сжаты,
Лежит на запад огненный поход,
Их движет месть, безжалостный вожатый,
И вражьих тел великий счет ведет.

Громя врага и мстя, мы твердо знаем —
Она пройдет, смертельная пурга.
Последний залп над Рейном и Дунаем
Сразит насмерть последнего врага!

‹1941›

246. ЛЕНИН

Зима нежданна и проста, зима, а ночи страшно кратки,
Дел бесконечна широта, мелькают дни смертельной
схватки.
Под утро редкий перерыв, в работе отдых скоротечный —
И вот он видит, как с горы, страну, забывшую
беспечность,
Страну в походе, на ходу, страну любимую — Россию,
На шапках — красную звезду, в огне просторы снеговые.

Не дни пылают там — века, и в очистительном пожаре
Гудит народная река, и тот огонь ее не старит.
Всё так же молодо оно, народа сердце ретивое,
Всех гроз огнем озарено предназначенье мировое.
И он, отдавший жизнь свою служенью радостной России,
Ведет бестрепетно в бою ее дружины молодые.

Зарей окрашен небосклон... Уж в вечной дымке годы
эти...
Любить Россию так, как он! Что может быть святей
на свете!
Бушует снова вихрь войны, и вновь зима, и ночи кратки,
И стонут вновь поля страны под топотом смертельной
схватки.
Страна в походе, бой идет, в народном сердце мести
пламя,
И знамя Ленина встает опять над русскими полками!

‹1943›

247. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ФЕВРАЛЯ

1

Да, в Ленинграде падают снаряды
Зарею, в полдень, на исходе дня,
Его гранит осколками граня
И осыпаясь дымной колоннадой.
Но что столпы визжащего огня,
Развалин наших тихие громады,
Когда над теплым пеплом Сталинграда
Летит победа, крыльями звеня.

2

С лесной красой простились мы старинной,
Для дзотов нам нужна была она,
Для блиндажей, для надолбов нужна —
Со всей страной делили подвиг длинный,
Чтоб ожила азовская волна,
Зазеленели волжские равнины,
Вздохнул свободно тополь Украины,
Кубанский клен, кавказская сосна.

3

Была зима — ту зиму не забудем,
И вновь зима — средь городов седых,
Где враг сгубил и зданья и сады,
Все вместе нынче радоваться будем,
Когда бойцов великих и родных
Из рабства извлеченные, как в чуде,
Советские измученные люди,
Смеясь и плача, обнимают их.

4

В том казаке, что дрался на Неве,
Жил вольный Дон, вовек неукротимый,
И за Эльбрус с его папахой дымной
Шел ленинградец горцев во главе.

Украинские — где-нибудь у Тима —
Сердца в бою вдруг билися живей:
Сквозь вьюгу боя кликал сыновей,
Ломая лед неволи, Днепр родимый.

5

Сегодня примет красная столица
Лет боевых и славных дел парад.
Пусть все знамена станут нынче в ряд,
И Перекоп, и скромный тот отряд,
Что первым шел под Псковом с немцем биться.
Так старый воин доблестью гордится:
Вновь ленинградцу шлет привет Царицын,
И Сталинграду — братский Петроград.

1943

248. МАЛЬЧИКИ

Сияет майский Ленинград.
Народных волн кипенье.
Глядит мальчишка на парад,
Весь красный от волненья.

Как лес, пред ним штыки растут,
Блестят клинки нагие,
Какие танки мчатся тут,
Броневики какие!

Идут большие тягачи
И тянут сто орудий.
На них сидят не усачи,
А молодые люди.

И шепчет мальчик, как во сне,
Пленен зеленой сталью:
«Вот если б мне, вот если б мне
Такую б пушку дали!»

Мальчишка рос, мальчишка креп,
Носил уж галстук бантом...

Глядишь, уж ест солдатский хлеб,
Стал мальчик лейтенантом.

И пушку дали, целый склад
Снарядов чернобоких,
И вышел мальчик на парад,
Смертельный и жестокий.

Там, где залива плещет вал,
На солнечной опушке,
Там, где ребенком он играл, —
Свои поставил пушки.

За ним был город дорогой,
За ним был город милый,
А перед ним — леса дугой,
Набиты вражьей силой.

И через голову идут
Куда-то вдаль снаряды,
Не вдаль враги куда-то бьют,
А бьют по Ленинграду.

И он, сжимая кулаки,
Сквозь всё пространство слышал
И стон стекла, и треск доски,
И звон разбитой крыши.

Он представлял себе до слез
Так ясно это пламя,
Что рвется там и вкривь и вкось
Над мирными домами:

Над домом, где родился он,
Над школой, где учился,
Над парком, где в снегу газон,
Где в первый раз влюбился.

Кричал он пересохшим ртом:
«Огонь!» — кричал, зверея.
Стегал он огненным кнутом
По вражьей батарее.

И, стиснув зубы, разъярен,
Сквозь всех разрывов вспышки,
Всегда мальчишку видел он —
Шел улицей мальчишка.

Совсем такой, каким был сам,
Весенний, длинноногий,
Неравнодушный к воробьям,
Такой — один из многих.

И сам он был как воробей,
Как те — немного тощий,
Шептал себе он: «Не робей!
Храбрись, так будет проще!»

Лишь вражий залп отбушевал
И дым унесся пьяный,
Уж он осколки подбирал
Горячие в карманы.

И так он сердцу близок был
За гордость и за смелость,
Что весь свой гнев, что весь свой пыл
Ему отдать хотелось.

«Такого мальчика не тронь!»
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал: «Огонь!
Бей беглым по злодеям!»

...И наступила тишина,
Над зимней рощей реет...
«К молчанию приведена
Фашистов батарея».

«Приведена? Ну хорошо,
То дело нам знакомо...
Так, значит, мальчик мой дошел,
Поди, сидит уж дома...»

«А что за мальчик?» — «Это так,
Так, вспомнилось чего-то,

Ведь не о мальчике, чудак,
У нас сейчас забота».

И, сам на мальчика похож,
Лукавый, легкий, тощий,
Чуть усмехнувшись, лейтенант
Пошел вечерней рощей.

⟨1942⟩

249. БАЛЛАДА О ТРЕХ КОММУНИСТАХ

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Разведчики бывалые, поход для них не нов.

Стоят леса зеленые, лежат белы снега —
В них гнезда потаенные проклятого врага.

Зарылись дзоты серые, перерградив пути,
Ни справа и ни слева их никак не обойти.

Зарылись норы вражьи в приволховском песке,
На них идут разведчики, гранату сжав в руке.

То дело им знакомое — и в сердце ровный стук,
Когда гуляют громы их гранатные вокруг.

Гуляют дымы длинные меж узких амбразур,
И трупы немцев синие валяются внизу.

И снег как будто глаже стал и небо голубей —
Бери оружье вражье, повертывай — и бей.

И взвод вперед без выстрела, но тотчас взвод залег,
Попав под град неистовый из новых трех берлог.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Все трое в то мгновение увидели одно:

Что пулеметы вражьи из амбразур не взять,
Что нет гранаты даже — и медлить им нельзя!

Что до сих пор разведчики, творя свои дела,
Не шли туда, где легче им, — куда война вела.

И вот сейчас на подвиг пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых, три брата боевых.

Герасименко, Краснлов, Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые, но видят лишь одно:

Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подъемлет Ленинград,

Где двести дней уж бьется он с фашистскою ордой
И над врагом смеется он смертельной красотой.

Спеши ему на выручку! Лети ему помочь
Сквозь стаи псов коричневых, сквозь выогу, битву, ночь!

И среди грома адского им слышен дальний зов:
То сердце ленинградское гудит сквозь даль лесов!

И оглянулись трое: и, как с горы видна,
Лежит страна героев, родная сторона.

И в сердце их не прежний, знакомый, ровный стук —
Огнем оделось сердце, и звон его вокруг.

И ширится с разлету и блещет, как заря, —
Не три бойца у дзотов, а три богатыря.

Навстречу смерть им стелется, из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу идут богатыри.

Вы, звери, псы залетные, смотрите до конца,
Как ярость пулеметную закрыли их сердца.

А струи пуль смертельные по их сердцам свистят —
Стоят они отдельные, но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною, за дзотом дзот затих,
Нет силы во вселенной, чтоб сдвинуть с места их.

И взвод рванул без выстрела — в штыки идет вперед,
И снег врагами выстелен, и видит дзоты взвод.

И называет доблестных страны родной сынов:
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов!

Темны их лица строгие, как древняя резьба,
Снежинки же немногие застыли на губах.

Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дзотов узкие закрыты грудью их!

⟨1942⟩

250. ЛЕНИНГРАД

Петровой волей сотворен
И светом ленинским означен —
В труды по горло погружен,
Он жил — и жить не мог иначе.

Он сердцем помнил: береги
Вот эти мирные границы —
Не раз, как волны, шли враги,
Чтоб о гранит его разбиться.

Исчезнуть пенным вихрем брызг,
Бесследно кануть в бездне черной —
А он стоял, большой, как жизнь,
Ни с кем не схожий, неповторный!

И под фашистских пушек вой
Таким, каким его мы знаем,
Он принял бой, как часовой,
Чей пост вовеки несменяем!

⟨1942⟩

СТИХИ О ЮГОСЛАВИИ

1947

251. НОЧНОЙ СПЛИТ

Все вихри принялись толочь
Холмов окрестных плечи,
Я Сплит увидел в бурю, в ночь —
В домах горели свечи,
Оборванные провода,
Звон стекол, стоны сада, —
Как будто я привез сюда
Твой черный мир, блокада!

Еще я слова не сказал,
С молчаньем зала споря,
Врывались в полутемный зал
Рыданья гор и моря.
Как будто выла вся земля
О всех сынах убитых,
И моря пенные поля
Несли цветы на плиты.
Как будто, воскресив войну,
В горах бои гремели,
Шли в море корабли ко дну
Под белый лязг метели.

Горели свечи всё ясней,
Я в сумраке размытом
Увидел лица, как во сне,
Мужчин и женщин Сплита.
Увидел губы щек бледней,
Глаза как небылицы,
И чем-то близки были мне
Родные эти лица.

Увидел, как горят глаза,
По лицам тени кружат...
«В такую ночь о чем сказать?»
— «О Ленинграде, друже».

И ожил в Сплите город мой,
Не стало расстояний,
Как будто я пришел домой
Из боевых скитаний
И должен правду всю сказать
Перед семьей родною,
Как свет свечи, торжествовать
Над бурей за стеною.

Я видел бурю братских глаз,
Подернутых туманом,
Я счастлив был, что мой рассказ
Рассказан над Ядраном.

Октябрь — ноябрь 1946

252. ДНЕВНОЙ СПЛИТ

Как будто он с другой планеты,
Мой Сплит дневной пришел сюда,
Я окружен стихией света,
Вчерашней бури нет следа.

Как берег, галькою хрустящий,
И Сплит сейчас какой-то свой,
Какой-то легкий, настоящий
И ослепительно живой.

В нем вьются улицы, как лозы,
Украшен вход, раскрашен свод,
Как будто Сплит не знает прозы,
А стих, как песню, он поет.

Палаты римского тирана
Времен засыпаны золой,
В колонны Диоклетиана
Судьба вписала дом жилой.

И этот дом подобен чуду
Между разрушенных палат —
А звезды красные повсюду
О новом Сплите говорят.

Запенив море под Макарской,
Там, где Биокова гора,
Флот партизанский, пролетарский
Ломает пены веера

И, гордый, входит в гавань Сплита —
Сигналов живопись тонка,
Их светом жгучим перекрыты
Все Сплита темные века.

Меня приветствуют по-русски...
Я узнаю знакомый дом.
Здесь жил я, в этом доме узком,
Когда-то русским моряком,
Что был Суворову знаком...

И вновь я здесь — не в жажде славы,
Лишь сердцем сердцу говоря, —
И вновь корабль моей державы
Идет в грядущего моря!

Октябрь — ноябрь 1946

253

Все мачты выходят из мрака.
Снастей паутина легка.
Качаются тени трабакул [1]
На белых камнях городка.

Сидят партизаны в кафане, [2]
Рассказано всё уж сполна.
Вино постарело в стакане,
Тень мачты дошла до окна.

---

[1] Трабакула — рыбачья шхуна.
[2] Кафана — тип местного кафе.

Здесь жить начинают сначала,
Придя из пещер и кают,
На белых камнях у причала
Рыбачки-подруги поют.

Поют о геройстве и братстве,
На лицах — серебряный свет;
Всё есть в этом лунном богатстве —
А вот городка только нет.

Он бомбами весь разворочен,
Печально и страшно ему —
Лишь тени трабакул полночных
Качаются в лунном дыму.

Октябрь — ноябрь 1946

254. СЕНЬ

Этот пасмурный день,
Мокрый снег над приморской долиной,
Этот маленький Сень,
От которого только руины.

Он не прятался в тень,
Когда смерть шла горами родными,
Этот маленький Сень,
Населенный людьми непростыми,
Что сошлись невзначай,
Словно в гости пришел я к соседям.

Пьют без сахара чай
И на дружеской молвят беседе,
Что их Сень как погост,
Но что сенцы не просто славяне,
Что они — аванпост
Всеславянский сейчас на Ядране.

Словно перья орла,
Темнота их одежд волновала,
Это бедность была,
Что богатства души не скрывала.

Я смотрел в простоте,
Все их речи высокие слыша,
На развалины стен,
На дырявые стены без крыши.

Высока и пряма,
Тут хозяйка в беседу вступила:
«Я по-русски сама
Уже Ленина том изучила!

Мы страны молодой,
Югославской Республики дети,
Мы под красной звездой,
Нету силы сильнее на свете...»

Я на сенцев взглянул —
Кто лукаво дымил самосадом,
Кто смотрел в вышину
Голубым понимающим взглядом.

Этот пасмурный день
Засиял мне под снежным забралом,
Этот маленький Сень
Не таким показался мне малым!

Октябрь — ноябрь 1946

255. В МОРСКОМ КЛУБЕ

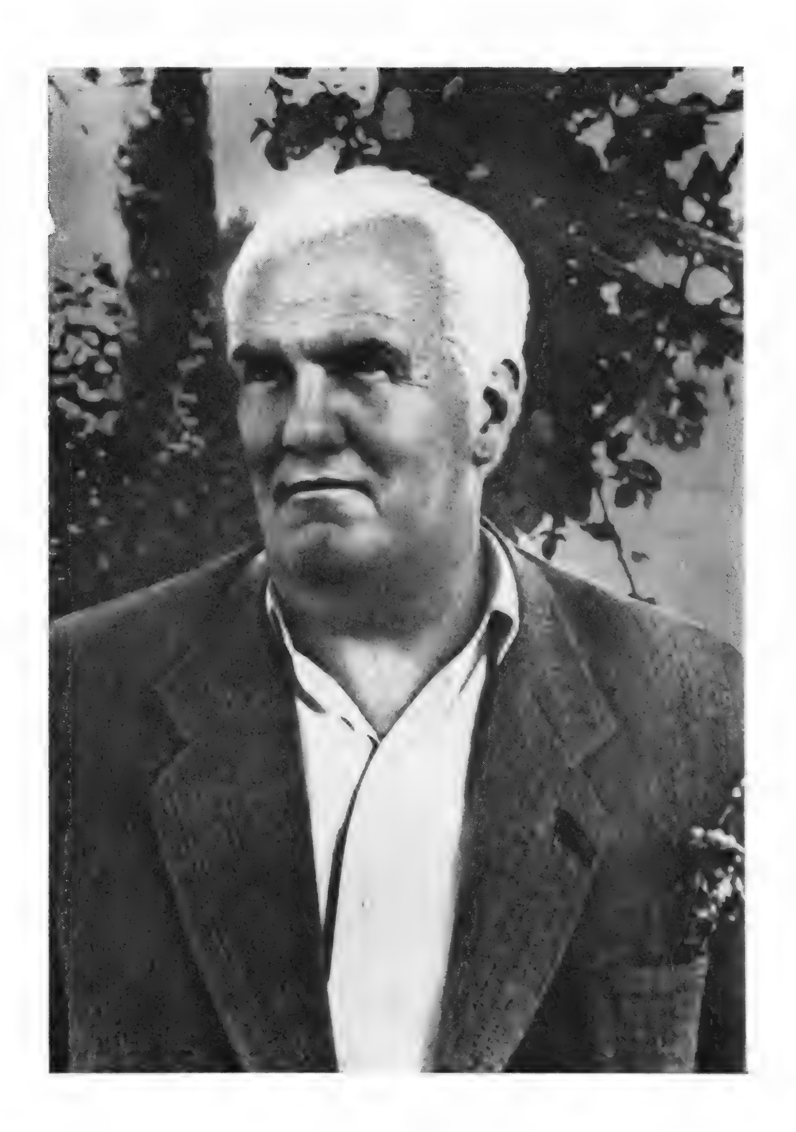
Здесь любят в приморском народе
Всю душу в веселье бросать.
Танцуя, по залу проходит
Иванка, рыбачка, краса.

Что ей до корабликов малых,
Висящих на синей стене,
Картинок зеленых и алых,
Где море лесов зеленей!

Запомни ее вот такою —
И взгляд, и плеча поворот,
Как сильной и тонкой рукою
Стакан с далматинским берет.

А. Прокофьев, Н. Тихонов, В. Вишневский

С улыбкой, на вызов похожей,
Она выпивает до дна,
И светится золотом кожа
От черного глянца вина.

И маленькой влажной ладонью
Касается смуглого лба,
И пляска — опять как погоня,
И вечер — опять как судьба.

Ей любо, как в море полночном,
И дышат страстей паруса
В широко раскрытые очи —
Иванка, рыбачка, краса!

Октябрь — ноябрь 1946

256. В МОРЕ

Ночь ослепительна была,
И море белого стекла
Почти звенело под луною,
А нынче хлябь с ума сошла,
Зеленой валится стеною
И мглою берег оплела.

И мы летим, как кегли в ящик,
И хлябь растет над головой;
А я всех чувств душеприказчик
На этой яхте кочевой.

Вся пеной палуба покрыта,
И мы летим по зыби дней...
Кто дал ей кличку: «Амарита»?
Свобода — вот названье ей.

Гудит волна в наш борт смоленый,
Но душу веселит она,
Та, поперек волны зеленой
В полоску, снега белизна.

Она натянута, как струны,
Меж морем, бреда зеленей,
И небом, низким и чугунным,
И ждет, чтоб кто сыграл на ней.

Что ж, Печо, правь к Омышу, к Плоче,
Правь через Врульскую дугу,
Пусть будем там к утру иль к ночи,
На дне иль всё ж на берегу.

Но будет, Печо, время, знаем,
Мы сами здесь — назло врагам —
Такую песню волн сыграем,
Что все запляшут берега!

Октябрь — ноябрь 1946

257. ДАЛМАЦИЯ

Не падал я на эти скалы,
Мой парашют не плыл в огне;
Цветных шелков комок усталый
Горел в закате только мне.

Морским я не был партизаном,
Не шел от Корчулы до Вис,
Но облик моря долгожданный
Давно над строками навис.

Дубровник! Я тебя не предал
В ночи осадной, неживой,
Я пел Шибенику победу
В далекой битве над Невой.

Далмация! Ты в дикой раме,
Горючим травам всё равно,
Где камни смешаны с гробами,
Где всё огнем обнажено.

Далмация! Ты в дивной раме,
Где горы с морем заодно,
Где самый воздух — синий пламень,
Земля — как терпкое вино.

Платками черными поминок
Ты говоришь мне, победив,
И смехом юных далматинок,
И вечной строгостью олив.

Ты говоришь мне волн накатом,
И волны те — как твой народ,
И неба огненным плакатом,
Что здесь грядущее живет.

Что я скажу? Что я отвечу
Тебе, Далмация, одной?
Подходит жизни теплый вечер,
И в этот вечер — ты со мной!

Октябрь — ноябрь 1946

258. КОСТЕР

Вечерняя Босна,[1]
Костер над дорогой,
Немного морозно
И грустно немного.

Мы едем холмами,
Жилья не встречая,
А легкое пламя
Струится, качаясь.

То кажется русым,
То синим на миг...
Стоит иреброусый
Боснийский мужик.

Чарыки простые,
Тулупчик, мешок.
Какие костры он
Когда-то зажег!

---

[1] Босна — река в Боснии.

Отсюда, остры
И страшны потому,
Светили костры
В европейскую тьму.

Их кровью своей
Разжигал, не тужил,
Боснийских полей
И лесов старожил.

И с ними в просторе
Стояли костры
Охриды, Приморья
И Черной Горы.

В те ночи бесправья,
В те черные дни
С высот Югославии
Светили огни

Востоку в ответ,
Где в потоках огня
Шел яростный свет
Сталинградского дня.

...Чуть грустная Босна,
И нá сердце строго,
Немного морозно,
Костер над дорогой

То кажется русым,
То синим — от хмури.
Мужик серброусый
Там трубочку курит.

Он курит, довольный,
Что правды достиг,
Великий и вольный
Боснийский мужик.

Октябрь — ноябрь 1946

259. МОГИЛА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ПЛОЩАДИ В БЕЛГРАДЕ

Им, помнившим Днепр и Ингулец,
Так странно — как будто всё снится —
Лежать между радостных улиц
В земле придунайской столицы.

Смешались в их памяти даты
С делами, навек золотыми;
Не в форме советской солдаты
Как братья стояли над ними.

И женщины в черном поспешно
Цветами гробы их обвили
И плакали так безутешно,
Как будто сынов хоронили.

И юные вдовы Белграда
Над ними, рыдая, стояли,
Как будто бы сердца отраду —
Погибших мужей провожали.

Страна приходила склоняться
Над их всенародной могилой —
И — спящим — им стало казаться,
Что сон их на родине милой,

Что снова в десантном отряде,
Проснутся и в бой окунутся,
Что снится им сон о Белграде
И трудно из сна им вернуться.

Октябрь — ноябрь 1946

260. ПЛАТАНЫ ЗАГРЕБА

Серый бархат платанов Загреба,
Вы, косматые арки листвы,
Я жалею, что с вами я не был
По весне, когда веселы вы,

Когда пляшете в города шуме,
В хороводе холмов,
От дыханья земли обезумев,
Пред толпой удивленных домов.

Я уеду, но что расстоянья?
Всё равно вас с собой увезу,
Всю косматость и всё бормотанье,
Всю уснувшую в листьях грозу.

На коре вашей серой и славной
Пятна черные — в память векам,
Словно траурный креп нарукавный
По бойцам, по своим землякам.

В зимних сумерках шепчете разом,
Что весна ваша вновь впереди,
Что таким же вот вечером Назор [1]
К партизанам в Бихач уходил,

А вернулся осенней порою,
В ликованье победной зари,
Что плясали вы все, как весною,
Но что это нельзя повторить.

1946

261

Любляна, Любляна, Любляна,
Не знаю я город такой,
Но помню я вечер румяный
И песни, что пелись тобой.

Но помню я вечер веселый
Совсем непонятной зимы,
Болгарии белые села
В дороге, где встретились мы,

---

[1] Назор — Владимир Назор, известный югославский поэт, ушедший из Загреба в партизаны и всю войну проведший в их рядах.

И песен ликующий воздух,
Словенскую легкую речь,
И голос, что может и звезды
С собою в дорогу увлечь.

Расходятся в мире дороги,
Звучат по-иному сердца,
И мы у судьбы на пороге
Не знаем дорог до конца.

В снегу ли, в цвету ли поляны,
И в том или в этом году,
Любляну, Любляну, Любляну
Я все-таки в мире найду.

На твой опьяняющий голос
Приду я на радости дней,
Чтоб сердце мое раскололось
В восторге от песни твоей.

9 марта 1945
София

262. СНЕГ В ЛЮБЛЯНЕ

Мне снится, или это снег,
    В Любляне — снег?
Иль я, несчастный человек,
    Шепчу во сне?

Иль это снег лежит кругом,
    Как счастья знак?
Приходит счастье в каждый дом —
    Как бы не так!

Нет, это сон, что снег кругом,
    Что бел ручей,
Что девушка спит на моем
    Плече.

Очнулся я и вижу: снег,
    В Любляне — снег,

Так с гор мы ехали во сне
И — целый век.

Нет, это правда — снег кругом,
Замерз ручей,
И сладко спишь ты на моем
Плече.

Нет, правда — белые кусты
Со всех сторон...
Любляна, снег, и ночь, и ты —
Вот это сон!

Октябрь — ноябрь 1946

263

В оснеженной вечерней Любляне
Черный шелк твои плечи сковал.
Освещенная рампы огнями,
Ты глядишь в очарованный зал.

Он тебе рукоплещет прилежно,
Ты — русалка в подводном саду,
И тебе улыбается нежно
Эта девушка в пятом ряду.

Приглядись к ней не так, как другие,
Встав у рампы на самом краю,
Узнаешь ты черты дорогие —
Партизанскую песню свою.

Ту, с которой так долго дружила.
Вот она — и опять на лету,
Черной ласточкой вновь закружила
И пошла, и пошла в высоту.

Уж не стены — ночная завеса.
Уже блещут не люстры — костры.
Братья мертвые вышли из леса
На полночную песню сестры.

И, пожарами дальними вея,
Ночь уводит от гибели прочь.
Ты у рампы стоишь, розовея.
Черный шелк — как беззвездная ночь.

Ты проснулась. Рассвета оттенки,
И на улице дождь моросит.
В твоем домике тихом на стенке
Партизанская куртка висит.

Между 1945 и 1947

264. ОЗЕРО БЛЕД

А какое озеро! Голубое озеро.
Остров — и на башне
Колокола медь,
И туда тропою козьей
Ходят, чтоб на счастье
В эту медь звенеть.

Легкое, лукавое, голубое озеро,
У тебя на башне
Приручена медь —
Счастье это медное над тропою козьей,
Тихое, нестрашное, —
Не хочу иметь.

Ты послушай, ясное, голубое озеро,
Всё начни сначала,
Почерней волной,
Чтоб, как буря колокол полночью некозьей,
Страсть меня качала
И звенела мной!

Между 1945 и 1947

265. В ДОМЕ, ГДЕ РОДИЛСЯ ПРЕШЕРН[1] В СЕЛЕНИИ ВРБА

Вот дом: здесь любили и грезили,
И вот — колыбель под рукой,
Быть может, рождалась поэзия
Вот именно в зыбке такой.

Весь дом, как бессмертия улей,
Портреты — поблёкли они,
Поэзия, может быть, — Юлия,
Попробуй возьми, догони.

Твой стих был и пылок и розов,
А Юлия всё же ушла.
Вы умерли. Дней наших проза
Вас снова друг с другом свела.

Вот тексты прославленной «Здравицы»
Поэзию в люди несут,
Сегодня внезапно понравится
Она в партизанском лесу.

Гравера, от пороха пьяного,
Трезвит этих строк новизна,
И вот уже издана заново
Под треск автоматов — она.

Атаки ее не согнули,
И песня спешит в вышину...
Поэзия, нет, ты не Юлией
Вернулась в родную страну.

Сегодня стихи в карауле,
Сегодня в бою им почет,
А Юлия, Юлия, Юлия?
А Юлия снова уйдет!

Октябрь — ноябрь 1946

---

[1] Прешерн Франце — знаменитый словенский поэт (1800—1845). Мотив трагической любви к Юлии проходит через все его творчество.

266. ШУМАДИЙСКИЕ ЛЕСА

Партизан шумадийский сидит на Зверинской,
В Ленинграде, и песни поет,
Как их пели под Брянском и пели под Минском —
Там, где был партизанский народ.

А Шумадии чащи лесные — краса их —
Эти песни любили до слез,
И качаются сербские буки, касаясь
Светлопесенных русских берез.

Здесь лесов шумадийских гвардейское право
О себе говорить, потому
Что Нева здесь сливается с синей Моравой,
Чтобы течь по пути одному.

Мы такую хлебали смертельную вьюгу,
Добывая победу свою,
Мы, как братья, стояли на страже друг друга,
Помогая друг другу в бою.

Потому что фашист, сербской пулей пробитый,
Над Невой не вставал из могил,
Потому что фашист, над Невою убитый,
Шумадийским лесам не грозил.

Мы об этом поем в Ленинграде полночном,
Миру ясно, о чем мы поем.
Долго жили мы только приветом заочным,
А сегодня — сошлись за столом!

Октябрь — ноябрь 1946

267. ПОЛДЕНЬ В ПУТИ

После бури, после мрака,
Где ревел простор земной,
Мы в селенье Филипп-Яков
Повстречались с тишиной.

Здесь и рощи полусонны,
И дома по сторонам.
Вот кувшин воды студеной
Девушка выносит нам.

Мне почудилось, что долго,
Долго, долго будет так:
Камень белый, полдень колкий,
Лист пожухлый на кустах.

И над плавными волнами
Будет небо голубеть,
Чуть тревожными глазами
Будет девушка смотреть.

Прядь откидывая резко,
Будет бусы колыхать,
Так же будет занавеска
В белом домике играть.

Жажду я хочу иную
Утолить — ее одну, —
Пить, как воду ледяную,
Эту мира тишину.

Пить глотками, пить большими,
Не напьешься ею, брат, —
Так губами молодыми
Час затишья пьет солдат.

Пьет между двумя боями
Тишину, как синий сон,
Пересохшими губами,
Всем на свете увлечен:

Теплой рощей полусонной,
Легким небом без конца,
Этой девушкой, влюбленной
В неизвестного бойца!

Октябрь — ноябрь 1946

ГРУЗИНСКИЕ ДОРОГИ

1948

268—276. *ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА*

1

МАЙСКОЕ УТРО

Гул лавин как будто снится,
Пролетел и был таков —
Снова Гуд-гора дымится
Тонкой тенью облаков.

Снова встали исполины,
И метель по льдам метет,
Койшаурская долина
Далеко внизу цветет.

Обступают снова скалы,
С перевала даль ясна,
И морозец самый малый
Освежает щеки нам.

Восемь лет я вас не видел —
Ветеранов ледяных.
Встал Казбек и пену вытер
Облаков с усов своих.

Словно хочет целовать он
Снова путника в уста —
И высот меньшую братью
Оглядел он неспроста.

Что вам смены поколений —
Вот вы смотрите туда,
Где идут к лугам весенним,
Как всегда, идут стада.

Посох движется пастуший
В белой кипени отар,
Ломкий снег скрипит послушно —
Только высь уже не та.

Новым светом лиловеет,
И расцветка неплоха —
Без погон шинель темнеет
На плечах у пастуха.

Догони — и он расскажет
Про походы все свои,
И про скал карпатских кряжи,
И про венские бои.

Как все вьюги зарыдали
У Казбековых полей,
Как закрыл родные дали
Грудью собственной своей.

Как мечтал он на походе,
Что вернется вот сюда,
Где сейчас стада проводит,
Горд собой, как никогда.

И друзья его такие ж,
Так же весело горды —
На груди у них увидишь
Пестрых ленточек ряды.

Ты, Казбек ледяноплечий,
Оцени их и пойми,
Что тебе гордиться нечем
Перед этими людьми.

И признайся, не к обиде,
Ты, так взысканный судьбой,
Что таких людей не видел
Никогда перед собой.

И Казбек нам улыбнулся
В гор воинственной толпе,
И Казбек как бы качнулся
К той пастушеской тропе.

Над шинелью той военной
Задышал туманом склон,
Снежной дымкою мгновенной
Пастуха окутал он.

Будто сам Казбек безбрежный
Обнялся с бойцом простым,
Обнялся с приветом нежным
Снежный маршал высоты.

⟨1948⟩

2

РУКИ СБОРЩИЦЫ ЧАЯ

Я видел их не на полях сражений —
То был труда обычного пример, —
В колхозе, что не знает поражений,
Который все зовут «миллионер».

Как будто бы играли руки эти
С зелеными листочками, скользя
По веточкам нежней всего на свете,
Лишь смуглоту я этих рук приметил,
Но быстроту их описать нельзя.

Быть может, так вот пальцы пианистки,
По клавишам летая наизусть,
Как ласточки, срезают низко-низко
Мелодии заученную грусть.

И падают, и падают в корзину
Дождем зеленым всё на тот же круг
Листочки с легких жилок паутиной,
Как ста ножами срезанные вдруг.

Как ласточки, над темным чайным морем
Летают руки в этой жаркой мгле
Кустов зеленых, спящих на просторе,
На раскаленной добела земле.

И руки те — в Москве ли величавой,
Или в ферганской дальней чайхане, —
Я вижу их под солнцем нашей славы,
Их закалившим в трудовом огне.

⟨1948⟩

3
НА ХРАМГЭСЕ

Жаркой масти, желтогривы,
Кони древности седой
Здесь, на Цалкинских обрывах,
Проносились над рекой.

От бойцов, что в бой летели,
От несметных тех рядов
Две-три кости уцелели
Да гробницы холодок.

Среди проволок крученых,
Ожерелий из кремня
Были найдены ученым
Золотые два коня.

Это — крошечные кони,
Но работы непростой:
В золотой они попоне,
Даже с челкой золотой.

И стоят, прижавшись тесно,
Золотой огонь в очах, —
Инженер седой Храмгэса
На ладони их качал.

Перед ним вода синела,
Где вчера под волчий вой
Котловина каменела,
Жестяной звеня травой.

Перед ним жила плотина,
Где вчера неслась река.
Вспомнил путь туннелей длинных,
Их зеркальные бока.

И, свое прищурив око,
Он сказал: «Сигнал я дам,
Золотые кони тока
Полетят по проводам.

И от их огнистой гривы
Станет людям веселей,
Глаз блеснут их переливы
Среди улиц и полей.

И в Тбилиси я с отвеса
Вижу с Цалкинских высот
Золотых коней Храмгэса
В синих улицах полет:

Золотые наши кони —
Братья этим малышам», —
И малюток на ладони
Он погладил по ушам.

Хорошо сказал строитель,
Сам не ведая того.
Засмеялись тихо кони
На ладони у него.

⟨1948⟩

4

СНЫ АСПИНДЗЫ[1]

Тяжелых скал изломы,
Река острее бритвы,
Нас секретарь райкома
Привел на поле битвы.

С таким поведал жаром,
Как битва бушевала,
Как будто в битве старой
Он сам был генералом.

Ущелье, что лежало
Налево и направо,
Вдруг сразу задышало
Аспиндзы днем кровавым.

Мы видели так живо,
Как топчут виноградник,
Как падают с обрыва
В Куру и конь и всадник.

...А ночью месяц вышел
Атласно-золотистый,
Кура шумела тише,
Светясь сквозь сумрак мглистый,

Над башнями Хертвиси,
Отвесом черным Тмогви
Шел тихий месяц в высях
Над всем руин безмолвьем.

На бревна мы, как дома,
У садика присели;
С секретарем райкома
Беседа шла о севе,

---

[1] В битве при Аспиндзе в 1770 г. грузинский царь Ираклий разбит полчища турок. Тмогви и Хертвиси — древние крепости в том же ущелье. Вардзиа — пещерный город царицы Тамары. Аспиндзское ущелье — ущелье непрерывных битв в старину, путь вторжений иноземных захватчиков.

О нивах горных, тесных,
О новой коз породе,
О всем, что повсеместно
В районе производят.

И он сказал: «В пещерном
Вардзийском древнем граде
Вы вспомнили, наверно,
О древнем винограде.

На фресках нарисован,
Погиб в столетьях старых,
А мы поднимем снова
Тот виноград Тамары.

И через год мы с вами
Вином наполним роги...»

...Шел месяц с облаками
Ущельем этим строгим.

Мне снились все сраженья,
Что были здесь когда-то,
Все войск передвиженья,
Все кони и солдаты.

С секретарем райкома
Века стояли рядом,
Вся ярость битв знакомых
Шла по реке за садом.

Строитель он и воин,
Ему покой не снится.
Он помнит: за рекою
Опять лежит граница.

И дышит по ущелью
Такой тревожный ветер,
Как в смотровые щели
Пред боем на рассвете.

⟨*1948*⟩

5

РУСТАВИ

На безжизненной равнине,
Каменистой, темнотравной,
Где рассыпаны осколки
Безымянные веков,
В майский день вошли мне в душу
И остались навсегда в ней
Этот хруст камнедробилок,
Эта пересыпь гудков.

Перестук скользящих кранов,
Стены, точные, как скалы,
Тяжкий храп землечерпалок,
Паровозов синий дым —
Это Грузия бетона,
Это Грузия металла
Воздвигала свой Рустави,
Поднимаясь вместе с ним.

Силачами встали в поле
Мачты дальней передачи,
В сизом мареве терялись
Плеч их черные края.
Над страною виноградной,
Над холмов красой горячей
Первых домен и мартенов
Очертанья видел я.

Новой красной черепицей
Город пел о переменах,
И взбежали рощи смело
На пустынные бугры.
Где шипели брызги пены
У быков тяжелостенных,
Падал светлый дождь весенний
В воду темную Куры.

То, что здесь я вижу сердцем,
Станет видимо воочью:
Сталь руставская польется,
Вспыхнув огненной рекой,

И шофер проезжим скажет,
Степь срезая темной ночью:
«Это светится Рустави!» —
И покажет вдаль рукой.

Как бывалые солдаты
Опытом своим делиться
Собираются и снова
Все бои переберут —
Здесь собрались ветераны —
Ими Грузия гордится,
Те, что строили Ткварчели,
Рионгэса знали труд,

Что смиряли силу Храми,
Одичавшую волчицу,
От Тбилиси до Самтреди
Проводили провода,
Доты ставили над бездной,
Там, где лом в гранит стучится,
На Военной на Грузинской,
Когда к ней пришла беда.

Дружбой светлою народов
Здесь равнина засверкала,
Ночь истории пробили
Эти люди и огни.
К мастерам пришли грузинским
Мастера высот Урала,
Те, что знали дни Тагила
И челябинские дни.

Пусть прольются светлым ливнем
Мая шелковые тучи,
А у братьев у казахов
Поговорка есть одна:
«Если хочешь великана
Ты родить благополучно —
Не жалей же на пеленки
Дорогого полотна».

И сейчас, когда равнина
Вся гремит и вся бряцает,

В этот майский, бирюзовый,
Вдохновенный этот час
Видим мы тебя, Рустави,
И невольно восклицаем:
«При рожденье великана
Мы присутствуем сейчас!»

⟨1948⟩

6

УМИРАЮЩИЙ БАМБУК

Бамбук умирает —
Приходит черед и бамбуку.
И он зацветает
Раз в жизни — на скорую руку.

И желтых цветов этих
Переплетенья —
Ничем не согреть их,
Подернутых тенью.

А розы — как пламя,
Ликуют самшиты,
И тунга цветы как шелками
Расшиты.

Бамбук засыпает
И видит в неведомом сне,
Как лес проступает
В тяжелых снегов белизне.

Зарницы дрожат
На высоком чужом берегу,
Две палки бамбука лежат
На снегу.

Они умирают,
Припав к белоснежной земле.
Они зацветают,
Но цвет их заката алей.

Здесь лыжник покинул
Ему предназначенный путь.
Он руки раскинул,
Как будто прилег отдохнуть.

Недвижно лежит,
И слышится смутно ему,
Как Черное море
Шумит через белую тьму.

1948

7

КАДА

Похожая на скатерть-самобранку
Поляна. Небо. Горные края.
И выпил я за женщину-крестьянку,
В колхозный вечер стоя выпил я.

Не потому я пил за незнакомый,
Печальный, добрый взгляд,
Что было здесь мне радостно, как дома,
Иль весело, как двадцать лет назад.

Не потому, что женщина вдовою
Бойца была, и муж ее зарыт
В обугленной дубраве над Невою,
И сыну мать об этом говорит.

Не потому, что, бросив хворост наземь,
Ответила улыбкою одной,
И в дом ушла, и вынесла, как в праздник,
Печенье, что белело под луной.

Нет, я смотрел на ломтики витые,
Что по-грузински «ка́да» мы зовем, —
Вернулись мне рассветы боевые
В неповторимом городе моем.

...Мешочек тот был невелик и ярок —
И на ладони ка́да у меня.

Кто мне прислал тот фронтовой подарок
На край земли, на линию огня?

Шатаясь от усталости, лишь к ночи
Вернувшись с поля, может быть, она,
Склонив над ним заплаканные очи,
Сидела молчаливо у окна,

Чтоб в ночь осады, в этой тьме кромешной,
Мне просиял ее далекий зов,
Привет земли, такой родной и вешней,
Грузинским солнцем полный до краев.

...Мне завтра в путь, в работу спозаранку.
Темнеют неба дальние края.
Вот почему за женщину-крестьянку
В колхозный вечер стоя выпил я.

⟨*1948*⟩

8

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Шел боец хребтом Кавказским
Через льды и тучи,
По снегам глухим и вязким,
По недобрым кручам.

Повисал он на веревке,
Бездны презирая,
Знал свирепые ночевки —
Хуже не бывает.

Чтоб не спать, шептал он сказку,
Карауля немца,
На снегу пускался в пляску,
Только чтоб согреться.

А на отдыхе коротком,
Чтобы уважали,
Пел абхазским он молодкам
Песни об Урале.

«Скоро ль мы врагов прогоним?»
Отвечал он: «Скоро!»
— «Как вы в горной обороне:
Вам по нраву горы?»

«Географья — как на блюдце, —
Отвечал он сжато, —
Но чудно́ места зовутся —
Помнить трудновато...»

Он грузинским — удивитесь! —
Научился песням,
Был дружок его — тбилисец,
Был его ровесник.

Так провел в горах он осень,
Вьюги уж клубили —
И с хребта он немца сбросил,
А дружка убили.

«Где работал он?» — «В Рустави...»
— «Это что такое?»
— «Там завод огромный ставим,
Дело боевое...»

«Мы, уральцы, дело любим, —
Он сказал степенно. —
Как войне башку отрубим,
Я вернусь — заменой.

То, что друг мой верный начал,
За него докончу...»
И пошел в боях маячить,
Драться днем и ночью.

Где он только не был с боем,
Где бивак не ставил...
Но вчера нашел его я
Техником в Рустави.

1948

9

ПЕРЕД НОЧНОЙ АРАГВОЙ

Был час ночной и поздний,
    Для меня
Желтел фонарь колхозный
    На камнях.

Вода плясала
    В свете фонаря,
Моим глазам немало
    Говоря.

Как будто в пенах,
    Вихрях водяных
Мелькали смены
    Быстрых дней моих.

Топя их враз
    В холодной быстрине,
Стальной рассказ
    Река кидала мне.

От строк шумящих
    Глаз отвесть не мог,
От тех летящих
    Леденящих строк.

Их голос плыл
    И в уши грохотал:
«Какой ты был,
    Каким теперь ты стал...

Смотрел в меня,
    В Арагву, ты тогда
При свете дня —
    В те юности года.

Смотри ж сейчас,
    Мы вместе и одни —
В полночный час
    В седой поток взгляни...»

Торчали камни,
И по их плечам
Стекали славно
Струи, клокоча.

Я камнем не был,
Волнами тесним,
И, видит небо, —
Я не буду им.

Фонарь сиял,
Жестоко обнажив
Зеленый шквал
И всплески, как ножи.

Сверкали искры
В свете фонаря,
Как будто освещала их
Заря.

И каждая жила
В огне волны,
Как будто шла
Из самой глубины,

Пронзая ночь
И ночи непокой...
Я был, Арагва,
Искрою такой!

1948

277—281. *СТИХИ О ТБИЛИСИ*

1

Что там ни говори,
А есть места на свете,
Где смотришь как с горы,
А день особо светел.

Таков, Тбилиси, ты,
Тут не в соблазнах дело,
А в чувстве простоты,
Душевной до предела.

В словах, что будут жечь,
Испепелившись даже.
И в щедрой смене встреч,
Чей след на сердце ляжет.

И в верности такой,
Что всё ничто пред нею,
Когда уж не рукой,
А жизнью жертвуй всею.

1948

2

А сколько, Тбилиси, тебя воспевало,
Стакан осушая до дна.
Прибавь к этим сонмам великих и малых
Еще одного, старина!

Не буду с тобой совещаться о деле
И славить иль в честь твою пить —
Я просто люблю на проспект Руставели
Без всяких забот выходить.

Смешаться с толпою тбилисцев и с ними
Пойти по знакомым следам,
Где, может быть, встречу далекое имя
И вновь его сердцу отдам.

Увижу я там, в переулках гадая,
Пройти — не пройти мне по ним,
Грузинка сидит на окне молодая,
Беседуя с другом своим.

Взгляну и сойду переулком негладким,
По тихой Судебной потом.
Я вижу, что всё в этом мире в порядке,
В вечернем, тбилисском, большом.

А в комнате ночью ко мне на свиданье,
Все стулья заняв и кровать,
Сойдутся все прошлые воспоминанья
Тбилисскую ночь коротать.

Мы плакать не будем, смеяться не будем,
Мы просто поговорим
О том, что всегда вспоминается людям,
Когда не до отдыха им.

⟨*1948*⟩

3

Над Тбилиси шум рабочий,
Он с утра над головой,
И смолкает только к ночи
Этот грохот трудовой.

Ты сегодня как столица
Еще краше, чем вчера,
И с тобою не сравнится
Ни Багдад, ни Тегеран.

Если б ты Багдад увидел,
Этот рабства пыльный ад,
Ты заплакал бы в обиде
За униженный Багдад.

Что б ты видел в Тегеране?
В лязге денег и оков
Он живет как бы в дурмане,
Под надзором чужаков.

Ты же, вольный и красивый,
Всей страны любимый сын,
Дети пишут здесь курсивом:
«Я — советский гражданин!»

Ты врезаешься с разбега
В степь и в горы над Курой,
Город пламенного века,
Новой доблести герой.

Через всех хребтов громаду
Светит, взрезав ночи мрак,
Тегерану и Багдаду
Большевистский твой маяк!

(1948)

4

Мне кажется, что я встречался с ним
Уже не раз: на Рионгэсе или
В ткводульских шахтах, с крепким, молодым,
Которого все знали и любили.

Или его я видел стороной
В полях колхозных юга Алазани,
Иль он промчался нынче предо мной
Средь комсомольцев в конских состязаньях.

Или в горах сванетских привелось
Однажды нам палатки ставить рядом,
Или на Красной площади как гость
Он любовался юности парадом.

А может быть, мелькнуло мне в пургу
Его лицо под белым капюшоном
В окопах где-то или на снегу.
Пороховой пыльцой запорошенном.

Не помню я. Но этот взгляд прямой,
Но легкий шаг, развернутые плечи
Встречаю я, когда иду домой,
На улицах тбилисских каждый вечер.

Но не было всего, что написал,
Его не встретить никакой порою:
Он крепко врос в высокий пьедестал
В большом саду над старою Курою.

Борис Дзнеладзе. . . он из первых тех,
Из комсомольцев Грузии Советской,
Он вышел в битву рано, раньше всех,
Со львиной страстью и душою детской.

И смотрит он на город с высоты
Тех ранних лет, чей подвиг тяжкий поднял.
Не потому ль ловлю его черты
Я в комсомольском племени сегодня?

1948

5

СРЕЗ СТЕНЫ КОШУЕТИ

Снова звезды повисли
Над улиц пустеющим дном,
Замирает Тбилиси,
Темнеет окно за окном.

Точно в горле кувшина,
Тишина на реке,
Только где-то машина
Прошуршит вдалеке.

И дома закачались
На волнах темноты,
Вот уж в мире остались
Лишь две белых черты.

Угол белый и звонкий
Кошуетской стены,
Нарисованный тонкой
Рукою луны.

Больше линий не надо, —
Что среди темноты
Спят Тбилиси громады —
Скажут эти черты.

Нет ни проблеска света,
Кроме них — только мрак,
Может, краткость вот эта —
Лучший мастера знак!

1948

282—288. *РАДУГА В САГУРАМО*

1

РАДУГА В САГУРАМО

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

В избытке счастья облака
К горам прижались грудью,
Арагвы светлая рука
Тянулась жадно к людям.

А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилось тело.

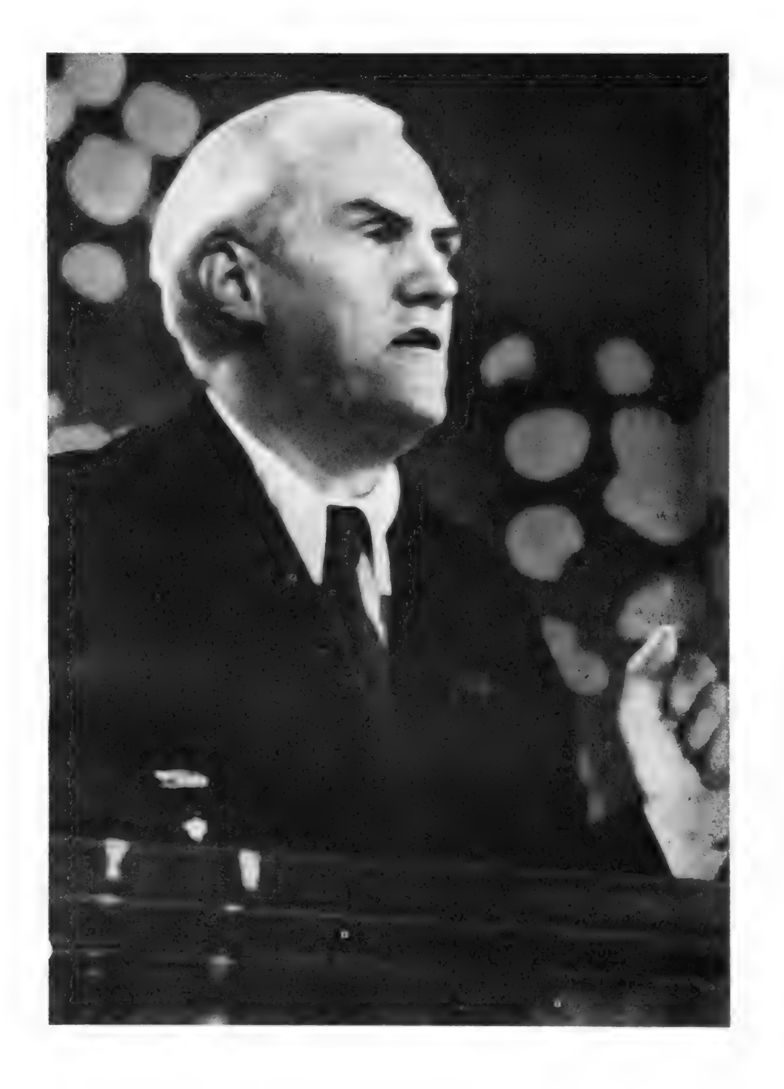
И этот свет всё рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

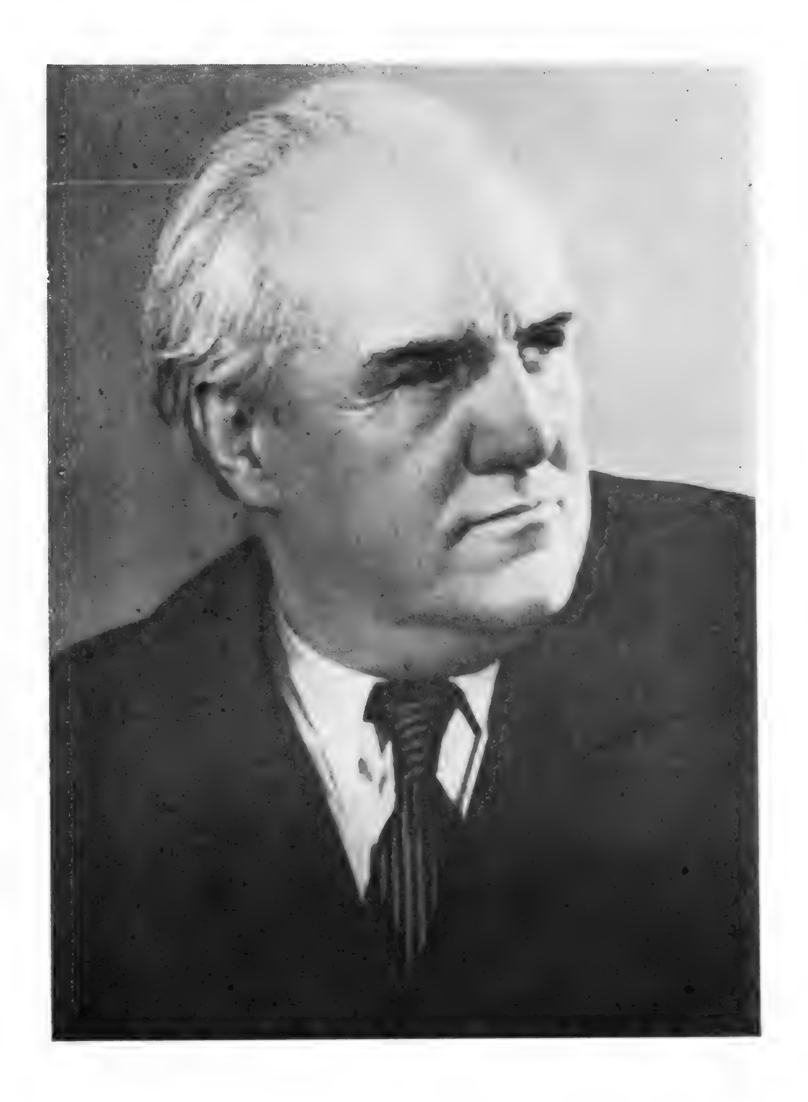
1948

2

Ломаются и хрипнут голоса,
И новые идут на смену им.
Теперь не разберусь уже и сам,
Принадлежу я к голосам каким.

Оставшись войн великих ветераном,
К спокойному не склонен рубежу, —
И лишь пахнет в лицо мне ветер ранний —
Я в новый путь веселый выхожу.

И хочется еще мне говорить
О зареве, бегущем невской льдиной,
И о пожаре медленной зари
Над мирною Мухранскою долиной.

Они со мной — походный мой мешок
И сапоги с подкованной подошвой,
Чтобы стихам шагалось хорошо
В большом пути под самой трудной ношей.

И в тихом Сагурамо я живу,
Как будто бы в блаженном сне богатом,
Лишь потому, что грозно наяву
Я слышу грома дальнего раскаты.

И стих встает к оружью, как солдат,
Проспавший ночь у друга на биваке
Под крышей — и встающий снова в ряд
Для боевой, для стиховой атаки!

1948

3

НА ГОРЕ ЗЕДАЗЕНИ

Желтый лес, синий снег,
Новый снег — вчерашний,
Как уснувший печенег —
Крепостная башня.

Красный светится кизил
В золоте осеннем,
А по снегу заскользил
Свежий след олений.

Весь наполнен солнцем лес,
Будто снова лето,
Далеко внизу — Загэс,
Под ногами — Мцхета.

Грузия внизу плывет
Сказочным рассказом,

И времен водоворот
Можешь видеть глазом.

Даже года времена
Здесь смешались тоже,
Голубая крутизна
На стихи похожа.

Это песня — не гора,
Эти строки — склоны,
Эти тропы серебра,
Этот лес червонный!

1948

4

Сандро Шаншиашвили

Представить не могу Кахетии
Я без стихов Шаншиашвили,
В какое славное столетие
С какой землей они дружили!

Он всё такой же — крепкой поступью
Идет, как в годы молодые,
Над Алазани пенной россыпью,
Каким узнал его впервые.

Среди народа в праздник попросту
Еще ворваться может в танец
И в дом с большой вязанкой хворосту
Войти, как истинный джуганец.

И, сидя с ним за чашкой глиняной,
Вино пригубливая красное,
Я удивляюсь, сколько именно
Он знает истинно прекрасного.

Он знает нравы и обычаи,
Общегрузинские, джуганские,
И песни, полные величия,
И сказы острые крестьянские.

То нежным может быть, то жалостным,
То, расстегнувши пояс узкий,
Взметнется, захохочет яростно,
Как дух из сказки чиаурской.

А в ночи те, что в память врезаны,
О, сколько им в стихах поведано
О судьбах родины истерзанной,
Несчетно проданной и преданной.

Чтоб вслед ночам таким, на смену им,
Актеры, как свое, как близкое,
Играли нам дела Арсеновы
Иль повесть доблести — Крцанисскую.

А там в стихах, как ястреб клюнувши
Добычу с лету стихотворную,
Споет о девушке и юноше,
Про силу страсти неповторную.

А там в стихах, где поле клонится,
С войной соседя исполинскою,
Споет про мать земли — колхозницу
С ее семьею кахетинскою.

И если б не было Кахетии
С ее просторами сердечными,
Ее придумал бы, чтоб петь ее
И пить ее здоровье вечное!

1948

5

ЦХНЕТИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Заря через сумрак рассветный
Как розовый кралась олень,
Являлся потом многоцветный,
Стихами пронизанный день.

И, правды стиха не унизив,
Природа вставала над ней,

Над шквалами строф Леонидзе
Всей песенной силой своей.

И дети шумели, как листья,
На Цхнетской поляне цветной,
И строк виноградные кисти
Темнели передо мной.

Две девочки в синем резвились
Под звонкие звуки зурны,
Которые к нам доносились
Из сельской большой тишины.

А ночью тревожно-веселой
Под нами роились они —
Червонного золота пчелы —
Ночного Тбилиси огни.

...Над каменным горным народом
Лег мертвый, свинцовый закат,
В тот час почтальон мимоходом
Сказал нам: «Варшаву бомбят».

И Цхнети поплыло куда-то,
Оставив лишь в памяти свет
Листвы золотистой заката,
Стиха, просверкавшего вслед!

⟨*1948*⟩

6

АБХАЗСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Впадавшую в море увидел ее —
Гумисту, текущую плавно,
К ногам положила мне сердце свое
Из крепкого смуглого камня.

Другого не может и быть у реки,
Рожденной на каменном ложе
И с детства зажатой в такие тиски,
Что вспомнить без гнева не может.

А горы, что шли, громоздясь, над рекой, —
Громадою леса покрыты,
И сердце зеленой громады такой
Из лучшего было самшита.

А леса повыше, за Бзыбским хребтом,
Взобравшись на каменный ворох,
Стоят, с головою покрытые льдом,
Совсем бессердечные горы.

От края до края отсюда видны
Абхазские выси и долы,
И пенистый взмет черноморской волны,
И свет винограда веселый.

Сады, и поля, и дороги струна...
Гляжу — не могу наглядеться, —
И всё это вместе согрето сполна
Большим человеческим сердцем!

⟨*1948*⟩

7

САНЧАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Высоко в небе над Абхазией —
Санчарский перевал.
Там путник разве что с оказией
Случайно побывал.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И он, ничем не примечательный,
Тот каменистый вал,
Стал местом битвы замечательной —
Санчарский перевал.

Здесь враг хотел пробиться в Грузию
Кратчайшей из дорог,
Огня и камня грозный узел он
Перерубить не мог.

Здёсь пушки скатывались в пропасти,
Сорвав лавины ком,
Здесь альпинист делился доблестью
С бывалым моряком.

В крови, осколками израненный,
Размолотый, пустой...
Плывет сегодня синь небесная
Санчарской высотой.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И только крыльев тень орлиная,
Ложась на перевал,
Напомнит жителю долинному
О битве между скал.

1948

289—293. *ГОРЫ*

1

Я знаю Грузию такую
И в сердце строго берегу —
Лавины громкие ликуют
И туры скачут на снегу.

Гремят алмазные потоки,
А над зеленым миром всем
Ступени льдов висят, как строки
Застывших в воздухе поэм.

Ночлеги в башнях, ужин скромный.
На этой царственной земле
Я спал под сводом полутемным
И снов не видел веселей.

1948

2

КИРОВ НА КАЗБЕКЕ[1]

1

Сначала это был
Скалистый гребень,
В тумане плыл,
Как будто таял в небе.

Весь бурями истесанный
 И серый,
Меж безднами-откосами
 Висел он.

А над виском
 Утесов острых смесь —
Чуть не ползком
 По этим плитам лезь.

Вдруг, как во сне,
 Туманы размело,
Нога на снег
 Ступила тяжело.

2

Шли через плечи
 Волны облаков,
И солнцу жечь их
 Было нелегко.

Его лучи, врезаясь
 В белый ад,
В нем таяли, сражаясь
 Наугад.

Вокруг вершины будто
 Корабли
Всплывали круто,
 На волнах росли

[1] В основу этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек (9 августа 1910 г.), опубликованное в газете «Терек», № 3815, от 2 сентября 1910 г.

И шли ко дну,
Распавшись на куски,
В ту белизну,
Где не видать ни зги.

А надо всем —
Оледенелый гром —
Стоял Казбек,
Светясь на голубом.

3

Лег фирн вокруг...
Глубокий, мягкий снег...
Лишь сердца стук
В великой тишине.

И смотрит ширь
Сейчас не на зарю —
Как богатырь
Идет к богатырю.

Всё медленнее, тише
Каждый шаг,
И легкий слышен
Тонкий звон в ушах.

То словно
Колокольчики снегов
Звенят неровно,
Счет ведя шагов.

Уперлись в лед,
В зеленую кору,
И вот уж в ход
Пускают ледоруб.

И он звенит
По каменному льду,
Он говорит:
«Взойду! Взойду! Взойду!»

Не сокрушить их,
Вихрю — не смести,
Уже вершина —
Дальше нет пути!

4

Снежок, пыля,
Летит в ущелий дым,
Какой земля
Раскрылась перед ним?

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем.

Дыхтау с Ушбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков.

А там как будто
Кто-то разорвал
И в снег окутал
Стены пестрых скал.

Какая мощь в их пламенных
Тонах,
Какая легкость в каменных
Волнах!

И мастер не найдет,
Чем передать
Такой полет,
Такую благодать!

Ты станешь снег
В восторге целовать,
О человек!
Могу тебя понять!

5

И чувств не счесть,
И как свободен я —
Я вижу здесь,
Как радостна земля.

В степях за Балтой
Нити рек, дорог, —
Владикавказ! Как мал ты,
Как далек!

Ты будешь гордым городом,
Когда
Взойдет свободы гордая
Звезда.

И большевик
Всё миру в дар отдаст —
От мудрых книг
До всех земных богатств.

И станет мир,
Как с этой высоты,
Неповторим —
Его увидишь ты.

Сквозь кровь и тьму,
Сквозь всех сражений дым
Взойдем к нему,
Когда мы победим!

1943

3

В Бечо меня голод замучил,
Тонул я однажды в Чанчахи,
Срывался со скал я, где тучи
Чернее, чем горцев папахи.

Град бил меня на Ахмангане,
Метель леденила Твибера.
Во льдах, под дождем и в тумане
Своей не утратил я веры

В блаженство путей этих малых.
Сказали б: пусть всё повторится —
Готов повторить всё сначала,
Чтоб снова горам удивиться.

1948

4

АЛЕКСАНДРА ДЖАПАРИДЗЕ[1] НА УШБЕ

Когда предо мною осколки луны
На снежниках станут дробиться,
На выступе красной ушбинской стены
Я вижу: стоит Джапаридзе.

Привязана, клинья забиты в скалу,
Веревка натянуто крепко.
Над нею стена убегает во мглу,
А горы — как мертвые слепки.

«Прошу вас, исполните просьбу мою, —
Сказала, одета закатом, —
На выступе этом я ночь простою,
Смотрите, друзья мои, брат мой:

---

[1] Александра Джапаридзе — заслуженный мастер спорта, принадлежит к семье выдающихся советских альпинистов. Симон Джапаридзе погиб в Тетнульде в 1929 г. Алеша Джапаридзе — участник Великой Отечественной войны, погиб на Ушбе.

В 1934 г. Александра вместе с Алешей, Ягором Казаликашвили и Гио Нигуриани совершили первое в советское время восхождение на Ушбу. При штурме западной стены Ушбы, преодолевая очень большие трудности, они при наступлении темноты стояли перед выбором: или ночевать на самой стене, что было невозможно для всех, или спуститься к ее подножию, теряя все завоеванное днем пространство. Александра предложила им спуститься, а сама осталась ночевать на стене. Как писал в своей книге «Ушба» Алеша, «Александра являлась как бы залогом, который заранее исключал всякую возможность появления каких бы то ни было сомнений и колебаний и делал обязательной для нас попытку восхождения на следующий день. Путь к отступлению был отрезан. . .».

Таким образом, Александра провела ночь привязанная к двум вбитым в скалу клиньям и на другой день поднялась на вершину — первая женщина на мрачной вершине Ушбы, одной из самых недоступных на Кавказе.

Тут всем даже стоя нельзя ночевать,
К подножью стены вы спуститесь,
Чтоб завтра к вершине наш путь продолжать,
За мной на заре возвратитесь».

...И длинная горная ночь потекла,
Заполнила пропасти тьмою,
Потом из небес голубого стекла
Она засияла луною.

И горы вдруг легкие, как миражи,
Поднялись воздушной громадой,
Всю тяжесть дневную свою положив
В разорванный ад ледопадов.

Как будто впервые увидев луну,
Всё в мире нагорном молчало.
Лишь где-то далеко дробил тишину
Обрывистый выстрел обвала.

Потом всё смешалось за дымкою сна,
И Ушбы не стало на свете.
Явились леса, и бугры, и весна,
И маленький дом в Имеретии.

И братья боролись шутя на лугу,
Симон поскользнулся пред нею,
Разбитый лежал ледоруб на снегу,
И мать была снега белее.

Зовет Александру. Очнулась она:
Стоит над провалом бездонным,
А ночи стеклянная голубизна
Сменилась уж темно-зеленой.

И льдинки, как слезы, в ручей серебра
Стекают, сжимаясь от муки,
И нá плечи ей положила гора
Гранитного холода руки.

И братья боролись шутя на снегу.
Сказала Симону с досадой:
«Симон, я Алешу сейчас берегу,
Не трогай Алешу, не надо».

И снова текут бесконечно часы,
А Грузии снится впервые такое,
Что женщина новой грузинской красы
Стоит над страною ночною.

Тут ветер колючий ударил в висок,
Рассветные шорохи поднял,
Со старой стены обветшалый кусок
Слетел, грохоча, в преисподню.

И, легкость ночную оставить спеша,
Чуть небо зарей заблистало,
Из ночи вершин возвращалась душа
И плотью опять обрастала.

И первых лавин зашуршали дымки,
Как вздохи проснувшихся рано,
Под первым лучом, золотящим виски,
Встающих от сна великанов.

Глядит Александра уже не во сне:
Мир ясен и грозно рассчитан.
И четкость такая в зеркальной стене,
Что каждую видно морщину.

По этой стене она всё же пройдет —
Пусть всеми отвесами блещет, —
И первая женщина вступит на лед
Вершины ушбинской зловещей.

Лишь вверх альпинисту дорога одна,
И эти дороги умножь ты,
А жизнь — не такая ли точно стена,
Которую штурмом берешь ты?

И слышны ей снизу друзей голоса,
И ветер какой-то хороший,
А вот и Алеша уж к ней поднялся.
«Прекрасное утро, Алеша!»

1948

5

НЕИЗВЕСТНОМУ ТОВАРИЩУ

Придут далекие года,
Настанет вновь весна,
Слетят со скал обломки льда,
И лес проснется, как всегда,
Рекой пройдет волна.

Товарищ неизвестный мой,
С корой сожженных губ,
Пойдет на кручи, как домой,
Сжимая ледоруб.

Взойдет в безмолвие снегов —
Пусть ноша нелегка,
Затянет он веревку вновь
Узлом проводника.

Его охватит радость гор,
Что знали я и ты,
Он снова разожжет костер,
Спустившись с высоты.

И вспомнит он всех тех других,
Сидевших у огня,
И выпьет он за память их,
И, значит, за меня.

Он чмокнет сладко языком,
Своим довольный днем.
Грузинским капнет он вином
На черствый хлеб потом.

И спросит девушка: «Зачем?
Что это значит, друг?»
Он объяснит ей без речей,
Что вечен жизни круг,

Что завтра рано им вставать,
Что ждут их гребни скал...
Им будет мир принадлежать,
Как нам принадлежал!

1948

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

1950—1951

294. ВО ИМЯ ЛУЧШИХ РАДОСТЕЙ НА СВЕТЕ

Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех концов земли.
К нам на конгресс пришли с цветами дети,
Как вестники весенние пришли.

Там, за стеной, был город доброй славы —
Здесь голуби летели на стекле,
И маленькая девочка Варшавы
Среди цветов стояла на столе.

Бывает так: вся сложность пролетает
Пред нами, как простейшая строка;
И я увидел: на плече Китая
Лежит ребенка легкая рука.

И смотрит он веселыми глазами
В огромный мир, как в этот светлый зал,
Как будто слышим нашими сердцами
Всё то, о чем еще он не сказал.

Зовут его Анелей или Ядей, —
Все имена ему принадлежат! —
И все миры в его чудесном взгляде,
И все дороги перед ним лежат.

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Всё будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

1950

295. РУБАШКА

Сияли нам веселые подарки —
Платки и голубки,
По залу шел над зыбью флагов ярких
Свет голубой реки.

И день и ночь струился этот зыбкий
И теплый свет,
И в этом зале не было б ошибкой
Сказать, что ночи нет.

Встал человек, — ну, как сказать короче:
Пред нами встал таким,
Как будто он пришел из бездны ночи
И ночь вошла за ним.

«Мой друг — сторонник мира в Парагвае,
Его со мною нет,
Он шел сюда, дорогу пробивая...
Его убили! Вот его привет!»

И в зале все, кто как ни называйся,
Увидели, вскочив,
Кровавую рубашку парагвайца,
Висевшую, как в голубой ночи.

А друг держал кровавые лохмотья,
Стояли мы в молчании глухом
И видели, как обрастает плотью
Что на словах *борьбою* мы зовем!

1951

296. АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ НА КОНГРЕССЕ

Отец приносил газеты в дом
И радио слушал,
Кричало радио всё об одном,
Газеты терзали душу.

И, не стесняясь, что дочь мала,
При ней говорил он:
«Нас ждут ужасные дела,
Ужасная могила.

Или с неба слетит атомный гром,
Взрыв без осечки,
Конечно, пылью исчезнет дом,
А мы сгорим, как свечки.

Или с неба любые бомбы слетят
На головы наши,
Это будет такое, что самый ад —
Игрушки одни, мамаша.

Или с неба сбросят на нас чуму,
Холеру, сверхлихорадки,
И дома умрем мы по одному —
Тоже не сладко...»

Слушала дочка, хоть и мала,
Всё понимала,
Она ни есть, ни спать не могла,
Всю ночь вздыхала.

И мать она разбудила, когда
Ночь уже шла к рассвету:
«Уедем, мама, с тобой туда,
Где неба нету!»

1951

297. ПАК ДЕН АЙ

Как описать неслыханно простое
И где сказать рассказу: начинай!
Сорвался зал со всех своих устоев,
Когда сошла с трибуны Пак Ден Ай.

Вскочили люди на столы и стулья,
А женщины восточных стран толпой
Бежали к ней в таком всеобщем гуле,
Как будто в зал обрушился прибой.

И первая из женщин перед нею,
Упав ничком, поцеловала пол,
Как землю той истерзанной Кореи,
Чей образ здесь по всем сердцам прошел.

И женщины плащи свои снимали,
На Пак Ден Ай накидывали их,
Как будто дар особый получали
Плащи, коснувшись Пак Ден Ай на миг.

И целовали в губы, в шею, в щеки,
Края ее одежды, рукава.
В глазах темнел такой восторг глубокий,
Что от него кружилась голова.

И под руки ее вели Гвоздики
Ей дали в руки. Алые цветы
Таким густым огнем горели диким,
Как кровь на платье снежной чистоты.

Кругом кричали, плакали и пели;
Одной семьей, как будто все свои,
Ее несли, купая, как в купели,
В неистовстве невиданной любви.

Свой новый день Восток сегодня славил,
К ней Запад руки гордые простер,
Ее внесли в президиум, поставив,
Как светлый, вдаль сияющий костер.

Спокойная, недвижная, вся в белом,
Она стояла, замкнутая в круг,
И, вздрогнув всем легчайшим, гибким телом,
Народам в пояс поклонилась вдруг.

Казалось, что конца не будет гулу,
Что навсегда он с этим залом слит,
Глаза людей Корея повернула,
Чтоб видели, откуда враг грозит.

Грозит всему, что жизнью называем...
В огне, в крови далекий милый край,
Как статуя стояла здесь живая
Корея, воплотившись в Пак Ден Ай!

И в волны криков, песен, восклицаний
Она сошла спокойно и светло,
И медленно вошедшее молчанье,
Как облаком, ей плечи облегло.

И все вернулись, как из сновиденья,
Где их кружил живительный поток,
Таким опустошенные волненьем,
Что был, как тяжесть, воздуха глоток!

1951

298. ДЕЛЕГАТ

Широкогубый, темнолицый,
Сидит он, трубочку сосет.
Он на конгрессе, он в столице,
Он по-варшавски кофе пьет.

Он видел маленькое чудо,
Когда огромный голый цех
Был превращен из темной груды
В дворец, сверкающий для всех.

Он чудо видел и побольше,
Почти похожее на сон, —
Когда пришли в столицу Польши
Борцы за мир — и с ними он.

Подумать только — даль какая.
«А я вот эту даль люблю!»
И, дым из трубочки пуская,
Он вспомнил родину свою.

Там на границе необъятных
Лесов желтеют шалаши,
Да, труден будет путь обратный
К истокам девственной души,

Где сел соломенные ульи,
Жандарма белого мундир,
Где по туземцам свищут пули...
Какая там борьба за мир?

Он сахар помешал в стакане;
И всё же толпы земляков
Несут Стокгольмское воззванье
Внутри бамбуковых стволов.

Они неграмотны — ну что же,
В чем дело — толком расскажи,
В футлярах крокодильей кожи
У них на поясе ножи.

И он уж видел не однажды,
Бамбуки сложены у стен,
На них свой знак зарублен каждым,
Чернильных подписей взамен.

И счет зарубок на бамбуках —
Он всё растет от новых встреч,
Не думал дед, качая внука,
Что внук в Варшаве скажет речь.

На Нигер Висла не похожа,
Волной свинцовой в берег бьет,
Но он о ней расскажет тоже,
Когда до Нигера дойдет.

Варшава будет жить в нем годы,
Свою имеет он мечту:
Чтоб в гости все пришли народы
В его далекий Тимбукту!

1951

299. ВАРШАВА

Зимой, после войны впервые,
В пятидесятом —
Варшава, ночь, огни скупые,
Снег полосатый.

Сначала шел, поймите сами,
Меня простите, —
Я шел с закрытыми глазами,
Боясь раскрыть их.

Боясь увидеть под луною
Лишь тень Варшавы,
Узоры, бывшие стеною,
Да щебень ржавый.

Решил в глаза взглянуть я смело
Руин шершавых —
Кругом росла, трудилась, пела —
Жила Варшава!

Сегодня можем мы смеяться,
Кого обидим?
Сегодня можем удивляться
Тому, что видим!

Где всем народом создан город
Во имя жизни,
А рядом черные, как порох,
Руины виснут,

Где груды мертвого железа,
След капонира, —
Вот тут и место быть конгрессу
Во имя мира!

1951

ДВА ПОТОКА

Стихи о Пакистане и Афганистане
1951

Алле Александровне Кубицкой, которая первой из советских женщин рассказала женщинам Восточного Пакистана о Советском Союзе

300. МЫ ЛЕТИМ ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

С поворота внезапно крутого
Дальних гор я увидел кайму,
Словно в песне кипящее слово,
Ширь кипящей на солнце Аму.

А навстречу плывя, желтолица,
Нарастала барханов гряда,
Этот миг — переходим границу —
Отзывается в сердце всегда.

Оглянувшись с небесного склона,
На родной я увидел земле
Грузовик, что бежал вдоль зеленых,
Наклоненных к Термезу полей.

И пустыня пошла нас морочить,
И чужая пошла сторона,
Вся в ковровых изгибах и клочьях,
В ржавых пятнах, мутна, сожжена.

Облака окружают полками,
Если солнечный луч их прожег, —
Видим: где-то глубоко под нами
Дно расщелины — дышит лужок.

Уже высью последнею душит
Гиндукуш, точно сотнями рук,
Ледяные ножи Гиндукуша
Засверкали над нами вокруг.

Мы пройдем, дорогой, мы не трусы,
Сквозь твои ледяные ножи.
Гиндукуш! — значит «смерть индусам»,
Гиндукуш! —
Мы приветствуем жизнь!

Ту, которая так многотрудна,
Для которой себя не жалей,
Ту, что светит огнем изумрудным
С тех термезских колхозных полей.

Ту, что взята упорством и боем,
Что грозой обжигает виски,
Ту, что входит с Келифским Узбоем
Золотою водою в пески.

Ту, что правдой великой волнует
Океан человеческих душ,
Вот такую, до дна дорогую,
Мы приветствуем жизнь, Гиндукуш!

Трудно жить среди каменных станов,
Среди этих ущелий нагих,
Мы приветствуем крепких патанов,
Что затеряны в дебрях твоих.

Дружбу мерим широкою мерой,
Чистой мерой советских людей,
Мы приветствуем тех — за Хайбером,
Тех — за Индом, — наших друзей.

Гулу наших моторов, как эхо,
Вторит вся твоя снежная глушь,
В нашей дружбе ты нам не помеха,
Ты — союзник и друг, Гиндукуш!

1951

301. ХОЛМЫ ЗА РАВАЛЬПИНДИ

Равнинный жар
Успел нам щеки выжечь,
В Москве снежком
Уж любовались мы
Пять дней назад,

А вот сегодня вижу
За Равальпинди красные холмы.

И красноты
Такой необъяснимой,
Причудливостей
Полные таких!..
А вот мы их проедем
Молча мимо
И где-то после
Мельком вспомним их.

Чудес природы
Этим не обидим,
Я лучше расскажу
Про перевал.
Про перевал, который
Я не видел,
Но о котором
Горец рассказал.
Тот перевал — он
В Гиндукуше где-то,
Тур[1] из камней
Отметил высоту,
И каждый путник
В тишине рассвета
Добавить должен
Камень в этот тур,
Как в благодарность,
Что достиг он цели...

...Шел караван
Сквозь вьюги пенный вал,
Снег до колен,
Все горы побелели,
Таким никто
Не помнил перевал.

И говорили горцы:
«Поглядите,
Случилось что-то,

[1] Тур — пирамида из камней, складывается на вершинах гор или на трудных перевалах.

Знак большой беды!»
Керван-баши
Халатом пальцы вытер,
Края огладил красной бороды.

И, бросив есть,
Все горцы замолчали,
И он сказал: «Лег снег
Поверх камней!
Вы правы, люди, —
Это знак печали,
И снег пришел
Нам рассказать о ней.

Издалека мы весть
Одну имели,
Через Вахан, Рошан,
Через Памир
Она пришла и к нам,
На дно ущелий!
Великий вождь
Оставил этот мир!

На севере,
В Мескеви, умер Ленин,
Чрез горы мрака
Он людей привел
На перевал для многих поколений,
Путь указал,
Чтоб мир за ним пошел.

Так мудрость мира
Он для всех умножил.
И, с перевала
Нынче уходя,
Пусть каждый здесь
Своей рукой положит
Отдельный камень —
Памяти вождя!»

...Года идут.
В скалистой темной раме
Кипят снега
И в зимнем стынут сне,

И каждый путник
　　Добавляет камень
На перевале
　　В дикой стороне.

И я хочу, —
　　Но сбудется едва ли,
А может быть, и сбудется,
　　Как знать, —
Чтобы судьба на этом перевале
　　Хоть раз дала
Мне тоже постоять.

Вот весь рассказ,
　　Услышанный на Инде,
Изложенный простым
　　Стихом моим,
О красных же холмах
　　За Равальпинди
В другой уж раз
　　Еще поговорим.

1951

302. ДРУЗЬЯ

Сказочность земли, что может
　　Лишь присниться,
Звездный хвост павлиний
　　Полночью над ней —
Всё было б чужим лишь,
　　Всё могло забыться,
Если б мы не видели
　　Дружеские лица,
Если б мы не слышали
　　Голоса друзей.

Не в ковровом зале,
　　Что для нас украшен,
Где алмазы, ткани,
　　Кость и серебро,

Мы сидим на стульях,
    Чай в обычных чашках,
Не в садах Могола,
    А в кафе «Метро».

И не джинн из сказки
    На беседу вызван
Болтовней о прошлом
    Скоротать обед,
Нет, мы говорим друзьям
    О коммунизме,
От Страны Советов
    Привезя привет.

Манговых величий, пальм
    И деодаров
Мы вокруг не видим...
    Что о них сказать?
Но цветут, сияя,
    Молодых и старых,
Слушающих жадно
    Яркие глаза.

Лишь немного странно,
    Что тебе на шею
Три венка надеты
    Красных, желтых роз,
Что стихи поются,
    Что глаза темнеют,
Ставши от восторга
    Влажными до слез.

В городе Лахоре
    Мир и дружбу славим,
Пусть стихи поются,
    Пусть стихов не счесть...
Говорит хозяин:
    «Мы вас всех представим,
Чтобы всех вы знали...
    Здесь Карачи?»
                    — «Здесь!» —
Делегаты встали,
    Поклонясь в молчанье,

Кто их раз увидел,
Больше не забыл.
Как бы ни храбрились
Нынче англичане,
Есть в Карачи люди,
Люди — не рабы!

«Здесь Лахор?» —
Лахорцы поднялись стеною:
Мастера, поэты,
Пакистана честь,
Чувств их половодье —
Как поток весною.
«Здесь ли пешаварцы?»
— «Пешаварцы здесь!»

Горцы встали гордо,
Черные жилетки,
Белые тюрбаны,
Чапли на ногах.
Это встали горы,
Где стреляют метко,
Где, как пули, песни
В сердце бьют врага!

За Хайдерабадом
Поднялася Кветта,
За Мультаном — Дакка,
Джунгли и холмы,
Села и деревни...
Как в часы рассвета
На зари рожденье
Засмотрелись мы.

Край, что так обилен,
Край, что так унижен,
Край, что весь в грядущем,
Сердце освежил.
От лачуг крестьянских
До рабочих хижин
Поднялся пред нами,
В этих людях жил.

Сколько ни ходи, товарищ,
    Вокруг света,
В самой дальней дали
    Будешь слышать вдруг:
«Есть Москва на свете,
    Передай привет ей!»
«Есть Москва!» — сказал нам
    Неизвестный друг.

Уж горел над нами
    Звездный хвост павлиний,
Манговая роща
    Сонная шуршит...
А сейчас в России
    На деревьях иней...
Это не для справки,
    Это для души.

Встали пакистанцы,
    В черном все и в белом,
Криками раскачивая сад...
«Совет — Пакистан тарраки! —
      Гремело. —
Пассадка дости
    Зиндабад!» [1]

1951

303. ПЕСНИ

Лунный свет на разбитом кувшине блеснул,
Ткач циновок циновки свернул и уснул,
Спит носильщик, прижавшись щекою к стене,
Он таскает тюки на спине и во сне.

Весь бездомный народ где попало прилег,
У Делийских ворот темен каждый порог,
Караванщики спят у Кабульских ворот,
И молчанье в квартале рабочем плывет.

---

[1] Да здравствует дружба советского и пакистанского народов!

«Я Искандероо тебя назову,
Ты не выдумка ночи, ты вся наяву.
Но не слышал я песен твоей стороны,
Спой мне песню, мне песни сегодня нужны.

Как поешь ты — тревогою голос дрожит,
Будто ветер по травам колючим бежит.
Как поешь ты — как будто скрестились ножи!
Искандероо, что ты спела, скажи?»

— «Пограничную песню я спела сейчас:

Это острый и узкий
Полуночный час,
Когда путник один
И тропа лишь одна,
Но он должен пройти,
Если воля сильна.
То, что в сердце несет,
Только может помочь
В этих черных местах,
В эту черную ночь.
Если в сердце своем
Не несет ничего,
Пусть тропа оборвется —
Не жалко его!»

— «Искандероо!
Бусы песни такой разорви!
Слушать песни хочу я другие твои.
Я услышать хочу, чтобы ночь оживить,
Как в веселом Лахоре поют о любви!

Как поешь ты — весельем меня окружив,
Будто руку на сердце мое положив,
Как поешь ты — и ночь на ресницах лежит,
Искандероо, что ты спела, скажи?»

— «Я любовную песню пропела сейчас:

Не забудешь ты губ,
Не уйдешь ты от глаз,
Что заполнили всё
И, всю радость вобрав,

Отдавали тебе
Всё, что знали, сказав
Так блаженно легко,
Как дыхание трав.
Но в Лахоре ты можешь
И всё потерять.
Будет имя Лахора
Как горе звучать,
В сердце памяти ты
Мой Лахор не вини,
Из осколков собрав
Те счастливые дни...»

— «Искандероо!
Я слушать тебя могу до утра.
Ты стоишь как костер, я — как тень у костра,
Потому что мне в путь собираться пора, —
Спой мне вновь пограничную песню, сестра!»

1951

304. НА МИТИНГЕ В ДЕРЕВНЕ

Он говорил на митинге в деревне:
«Я из Бунира. Я из батраков.
У наших предков, и не очень древних,
Раз нет земли, обычай был таков,

Обычай был бедняцкой вызван долей:
В долине Свата горцы-земляки
Запахивали кладбище под поле,
Чтоб рос ячмень, а не камней куски.

И, плуг ведя, кричал крестьянин строгий,
Предупреждая мертвецов народ:
«Эй, берегитесь, поджимайте ноги,
Подходит плуг, спасайтесь: плуг идет!»

А что сегодня — день последний мира?
Есть нечего — одна беда вокруг.
Раз нет земли, я, горец из Бунира,
Скажу: «Земляк, точи свой верный плуг,

Кричи им всем, кто в темноте могильной
Народ сегодня хочет удержать:
„Спасайтесь, вы! Подходит плуг всесильный —
Вас, мертвецов, и тьму перепахать!“»

1951

305. ВСТРЕЧА В ЧИТТАГОНГЕ

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, усевшись рядами вокруг,
Не сводили с тебя своих глаз восхищенных,
Брали за руки, словно сестру.

Говорили смуглянки тебе молодые:
«Правда, все у вас так же красивы, как вы?
Мы советскую женщину видим впервые.
Читтагонг — это так далеко от Москвы!

Мы хотели б, чтоб вы приезжали к нам чаще...
Сделать так, чтоб гостили вы долгие дни,
Как подруга, сестра у сестер настоящих.
Мы не можем, — печально сказали они. —

Но мы жаждем услышать о женщинах ваших,
О стране, обо всем просим вас рассказать...»
В твой рассказ, что одной только правдой украшен,
Засмотрелись смолистого блеска глаза.

И казалось тебе: говоришь ты долинам,
Где белеют жасмина цветы в волосах,
Где от горя потрескался ржавый суглинок
И, как слезы, в лугах накипает роса.

Солнце джунглей становится желтым и тусклым
Перед гордым сознаньем, что здесь, в тишине,
Что тебе довелось — первой женщиной русской —
В эту глушь говорить о Советской стране.

Говорить о великих работах, о счастье
Быть собой, о любви, исполненьях мечты...
А сидела ты в синем обычнейшем платье,
Где по синему полю белели цветы.

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, как дети, сияли они:
Ты казалась им сказкой, в такое влюбленной,
Что одним сновиденьям сродни.

Ты казалась такой им, что нету красивей,
Им казалось, что в мире нет платья синей,
И что синь эта — синее небо России,
А белые цветы — цветы ее полей!

1951

306. ДУАБ

(Два потока)

День рожденья моего
Приютил Дуаб полночный,
Нет мрачней теснин его
И прелестней, между прочим.

Дичь какая-то вокруг —
Ералаш цветной дивана,
Полутемной лампы круг,
Плов и джина полстакана.

Дым табачный к потолку,
Дверь скрипит, как бы вздыхая,
И буржуйка в уголку,
Где трещит арча сухая.

Чуть поблескивает глянец
Чашек в теплой полутьме,
И у ног сидит афганец
На ковре, в большой чалме.

Мне дарили в дни рожденья,
Как и я дарить был рад,
Вещи разного значенья,
Но сегодня я богат.

Подарили, как сумели,
Чтоб друзей не забывал,
Шикарийское ущелье
И Шибарский перевал.

Чтоб замерзшие потоки,
Голубую седину,
Отогрели эти строки,
В пену юную вернув.

Чтоб сердечно рассказали,
Прилетев издалека,
Как в ночной реке играли,
Словно рыбы, облака.

Чтобы жар тех стен зеленых,
Черно-снежных жил со мной,
С небывалой, раскаленной
И пронзительной луной.

Чтоб всю глушь той ночи тесной
Я до дна бы испытал,
Чтобы красный мост железный
Под стихом прогрохотал.

Чтобы в самых днях жестоких
Голос дружбы не ослаб,
Чтоб врывались снова строки,
Как и мы, в ночной Дуаб.

Нет, дела у нас не плохи
И ночлег у нас не плох!
Мы ведь слуги той эпохи,
Что чудесней всех эпох!

Мы посланцы мира ныне,
И любой из нас готов
Мерзнуть в каменной пустыне,
Согреваться у костров,

Вновь с холодного рассвета
Путь без отдыха вести,
Знамя мира, знамя света,
Коммунизма пронести.

Пронести сквозь вражий жабий
Визг, сквозь вражий крабий мрак.
Потому в глухом Дуабе
Наш сегодня бивуак.

Уж плетет кривые басни
Полуночный ералаш,
Кончен плов, и лампа гаснет,
Сидя спит афганец наш.

Уголь в печке краснопенный
Размешав до глубины,
Выхожу за эти стены
В беспощадный мир луны.

Где-то в Бирме джунглей ропот
Партизаны стерегут,
Где-то по тибетским тропам
В эту ночь гонцы идут.

Много в жизни я отведал
И тревоги и забот
И опять иду по следу,
Что к покою не ведет.

И в раздумье одиноком
Под дуабскою луной
Мне сверкают два потока
Молодою белизной.

Этих вод, мне засиявших,
Для чего мне избегать?
Светлых рук, меня обнявших,
Не хочу я забывать.

А в ущелье воют волки,
Снежный ветер пылью бьет,
И зеленых звезд осколки
В сердце падают мое.

1951

307. ВОРОТА ИСКАНДЕРА

Нам афганец сказал, показав на громады
Стен, идущих к вершин куполам:
«Эти стены когда-то стояли преградой,
Их Искандер рассек пополам».

Мы не спорим, у нас есть другие заботы,
Мы поверим, что их разрубили сплеча,
И не только вот эти — иные ворота
Рассекала здесь сила меча.

Нам остались на память лазурь и багрянец
Твоих гор, твоей жизни рассказ, —
И твою нищету, твои беды, афганец,
Ни один не забудет из нас.

Помни, друг: у тебя мы не сеяли ужас.
Помни: мир мы приносим в твой дом.
Слово дружбы — оно рассекает не хуже
Все преграды, и с ним мы идем!

1951

308. ОГНИ ТЕРМЕЗА

Барханы там были большие,
Барханы нас просто душили
Текучим холодным песком,
Свистели бичи арбакешей
Над конским мокрым виском,
Визжал арбакеш, словно леший,
Гоня лошадей напролом.

И аспидный сумрак пустыни,
Который всё стынет и стынет
И всё холодней и пустей, —
Возьмет да навстречу и вынет
Такой указатель путей —
Нельзя и придумать простей —
Из серых верблюжьих костей.

И, вторя стенаньям шакальим,
Бежавшим всё дале и дале,
Стонали пески голосами,
Какими — не знали мы сами,
И птицы ночные рыдали
Так жалко, что душу всю вынет,
Что ну ее к черту — пустыню!

Уже в темноте на барханах
Шатало коней, словно пьяных,
На гребнях, почти что у цели,
Ремни на упряжках летели,
И, стоя над краем обрыва,
Обрывками старых арканов
Чинили мы их торопливо.

И шли мы, в песке утопая,
И тьма издевалась тупая
То воем, то свистом, как ханы,
Терзавшие пленников тут, —
Казалось, что эти барханы
Нам снятся и, в сны завлекая,
В какие-то дебри ведут.

И вдруг мы проснулись, как дети,
Промчался пустынею ветер,
И лента огней золотых
Открылась с холма над рекою,
Всей тьме этой наперерез,
Полна золотого покоя,
И мы закричали: «Термез!»

В нас, что мы видели, жило:
Природа, которой нет краше,
Народа хорошего горе,
Прибой Аравийского моря.
Но лента огней золотых
Все эти виденья затмила:
Земля наша — родина наша!

...Конец путешествия — всё!

1951

СТИХИ ОБ УКРАИНЕ

1953—1964

809. УКРАИНА

В далеком, но памятном детстве
Любил я читать по ночам.
Я помню, как с Пушкиным вместе
Шевченковский стих мне звучал.
В стихах ли, в рассказах старинных,
В веселье, в бою хороша,
Вставала, жила Украина —
Как песня, как жизнь, как душа.

Увидел я Киев впервые
В весенней красе тополей,
Днепровские дали сквозные
Раскрылись синее морей.
Садов яркощеких наряды
Насытили радостью край, —
В ночах ленинградской осады
Мне снился тот киевский май.

Шла битва в степях и долинах,
Далеко гремел ее шаг,
Кипела в борьбе Украина,
Как песня, как жизнь, как душа.
И в сорок четвертом зимою
На Киев летел самолет.
Земля была белой прямою
Равниной с небесных высот.

Я видел поля Украины,
На белых ладонях снегов
Она поднимала руины
К молчанью седых облаков.

Сегодня все прошлого тени
Отстали, чтоб сгинуть вдали,
Стоят города и селенья,
И снова цветы расцвели.

И радостны звездные очи,
В просторах высоких скользя
Той вешней украинской ночью,
Той, жить без которой нельзя.
И звезды земные в ответ им
О жизни такой говорят,
Где всё переполнено светом
Встающих до неба громад.

Днепра золотая долина,
И Киев, огнями дыша...
Бессмертно живи, Украина,
Как песня, как жизнь, как душа!

1954

310. НА РОДИНЕ ИВАНА ФРАНКА

Здесь всё изменилось: деревья и люди,
Другой у потока размах,
На горных лугах в изумрудовом чуде
По-новому встали дома.

Где жизнь беспощадной была преисподней,
Вздохнул человек широко,
И ты бы не сразу узнал их сегодня,
Места твоих пыток, Франко!

По-новому песня шахтеров поется,
Глаза по-иному глядят,
Лишь сердце народа всё так же бьется,
Как билось сто лет назад.

Так пусть нам сегодня то сердце расскажет
Про темный, безрадостный век,
Про маленький дом, где родился однажды
Большой, как гора, человек.

И слышим мы снова, и видим мы снова
Идущего издалека,
Счастливого, нового, вновь молодого,
Идущего с нами — Франка!

1956

311

Вкруг по полям туманов бродят клочья,
И жмутся ивы сонные к реке,
И вдруг пахнет простор весенней ночью,
И засверкает песня вдалеке.

И веселеет сразу путник хмурый,
А песней весь простор уже звенит,
Как будто голос песенный Сосюры
Об Украине милой говорит.

Любви и ласки в этой песне много,
Она кипит серебряным ключом,
С такою песней — веселей дорога,
С такою песней ночью горячо!

Между 1953 и 1964

312

Россия, Украина — дружба вечна,
И с детства я к тому уже привык,
Чтоб слышать рядом прелесть русской речи
И украинский сладостный язык!

Отечества нам сладок запах дыма,
Родной души — незримая краса,
Народов наших дружба нерушима,
Как наши земли, наши небеса!

В борьбе за волю были мы едины
И труд и дом наш вместе бережем,
И в дни торжеств, и в бедствия годины
Едины мы, плечо к плечу идем!

Мы любим жизнь и песенное слово,
Полет мечты, кипенье юных сил,
О нас — семье великой, вольной, новой —
Еще Тарас великий говорил.

Клялись мы братства боевою честью,
Когда вставал борьбы девятый вал,
И «Заповит», как гимн, мы пели вместе,
Как вместе пели «Интернационал»!

Всё так же вместе, рано или поздно,
Закончим мы великих жизней труд,
Войдем в тот мир, что будет нами создан,
Что коммунизмом люди назовут!

⟨*1964*⟩

НА ЗЕМНОМ ПРОСТОРЕ

1937—1965

313. СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет, —
И проще в мире флага нет;
В нем — нашей славы жаркий цвет, —
И жарче в мире флага нет;
В нем — нашей силы грозный свет, —
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет, —
Правдивей флага нет!

1937

314. КОГДА ВЕСЬ ГОРОД ПРАЗДНИЧНО ОДЕТ

Когда весь город празднично одет,
По улицам проходят знаменосцы,
И, отражаясь в масленой воде,
Играют флаги яхт и миноносцев,
И вслед коням, залязгав на ходу,
Стремятся танки армии любимой,
А в небесах, в подоблачном ряду,
Стозвучных птиц полет неукротимый, —
Народ поет о радостях живых
И о бойцах отваги непреклонной.

И я стою на площади зеленой,
И двадцать лет упало с плеч моих.

Гранитных плит торжественный квадрат,
Вокруг него ноябрьские деревья,
Вокруг него великий Ленинград,
Народных толп веселое кочевье,
Вдали широкоплечая Нева,
А здесь, в квадрате, полном странной силы, —
Сверкающая инеем трава,
Геройская спокойная могила.
В земле родной легко лежат они,
Что шли в боях в сиянье стягов красных,
В дни торжества народного взгляни
На имена погибших не напрасно.
Кипящий город, черной банды бунт,
Трепещет враг пред силой пролетарской,
И падает неистовый трибун,
Из-за угла сраженный Володарский.

И под набат, как под удар ножа,
Встал Нахимсон средь палачей сутулых,
И пред его спокойствием дрожат
Белогвардейцев каменные скулы.
И Ярославль обманутый горит,
Летит измены пепел раскаленный...

Но голосом Урицкого гремит
В ночах Чека — Советов оборона.
О, если б с нами, радостью дыша,

Он шел сейчас по площади знакомой,
Каким его народ бы встретил громом,
На празднике приветствовать спеша.

Здесь Сиверса окончен путь недлинный,
Он мало жил, но много битв узнал,
Он немцев бил на нивах Украины,
Он гайдамаков волчьи стаи гнал.

Весна. Цветы. Леса омыты светом,
До нежности ли, вёсны ни при чем, —
В последний бой, как в огненное лето,
Наган сжимая, входит Толмачев.
Из смерти в смерть, о жизни не жалея,
Водили мы непобедимый строй.
Здесь Купше спит, Таврин лежит, Сергеев,
И Раков здесь, моих стихов герой.
И Лихтенштадт, и храбрый Солодухин,
И сколько рядом — всех не перечесть...
Недаром, нет! — несли вы через муки
Свободы честь и славной смерти честь.
И с вами лег, овеян ветром сосен,
Страны озер бесстрашный коммунист,
И Виттасари снится в шхерах осень,
На мох летит березы острый лист.

И говорит товарищу он: «Вейне,
Другой весной мы родину вернем...»
Так спите, братья, — есть у вас наследник,
Всемирный брат — его мы назовем.
Сегодня с нами тоже он ликует,
И радостью душа его полна,
Он вспоминает летопись такую ж,
Такие же, как ваши, имена.

На улицах далекого Шанхая,
В испанской ли неведомой глуши...
Мы будем петь, чтоб песни, не стихая,
Весь страшный мир по-братски обошли,
Чтоб среди песен, радостных и сильных,
Одна была — как грозный взмах крыла:
О крови той, что пролита обильно,
О крови той, что даром не прошла!

1937

315—319. *ПЕТРОГРАД, 1919*

1

ЧАСОВОЙ

Гудел закат осенним шквалом
Над часовым,
За пулковским пустынным валом
Летел пожаров дым.

Был часовой лихой кузнец ли,
Иль токарь боевой,
Иль плотник с песней молодецкой,
С чубатой головой.

Был часовой стрелок, моряк ли,
Иль воином иным —
Виски усталостью набрякли
От длинных лет войны.

Стоял в изорванной шинели,
Испытанный в боях,
И всех невзгод над ним летели
Косматые края.

За ним лежал во мгле ненастной,
Тяжел и нелюдим,
Тот город, гордый и прекрасный,
Что был непобедим.

В осенних дней холодной пене,
В ночах, острей ножа,
Он был готов стоять бессменно,
Тот город сторожа.

Он был готов стоять бессменно,
Замены не прося,
Ему сказал, нахмурясь, Ленин,
Что отступать нельзя!

1939

2

ВРАГИ

А проклятые, землю кровавя, всё ближе
Подходили враги,
Этот путь всеми муками смертными выжжен,
Эти белого ада круги.

Это к городу шла разгуляться
Длинноусого вора орда,
Это шли на российских хлебах отъедаться
Иноземной орды господа.

И от белого ль финна, от белого ль эста
Сколько нечисти той принесло,
Замесилось пожаров тяжелое тесто
И на крови рабочих взошло.

Только мертвые были, как братья, похожи...
Меж смертельно тоскующих нив
Им казалось, что всё одного и того же
Каждый день убивают они.

И что тот большевик, тот бессмертный рабочий
Всё навстречу из ямы встает,
И сражается вновь, и сдаваться не хочет,
И победную песню поет.

Им гранитного города снились палаты,
Над Невой разукрашенный сад,
Когда в лоб им ударил над пулковским скатом
Петроградских орудий раскат.

Где шатается нынче, не знаю, Родзянко,
Но тогда он сказал сгоряча:
«Завтра буду по Невскому шпорами звякать —
Чтó глядеть мне на город сейчас!»

Им казалось всё треском последних хлопушек
Над игрушечной той высотой,
Когда грозно ворвалося в пьяные уши
Это полное трезвости: «Стой!»

1939

3

АНГЛИЧАНЕ

Что за флаги блестят на закате,
Чей эсминец разводит волну? —
То британский предательский катер,
Захлебнувшись, уходит ко дну.

Чья мелькнула стальная обводка,
Чернотой поднялась глубина? —
То британская серая лодка...
В вечный сон погрузилась она.

«Почему мы погибли без славы,
Моряки океанского льва?» —
Вы спросите того, кто отправил
Из далекого Лондона вас!

Вы придите к нему вот такими,
По плечам чтоб струилась вода,
Чтоб губами зелеными имя
С мертвым хрипом проклясть навсегда.

Вы скажите ему, да погромче,
Что со дна поднимается месть,
Что на свете — вы знаете точно —
Не одна, а две Англии есть!

Если первая словом обманным
Их направила на Петроград,
То вторая вела сквозь туманы
Их печальные тени назад.

И что Англия эта вторая
Помнит яростно имя его,
Голодая и зря умирая, —
Так скажите от сердца всего,

Чтобы он ваше слово припомнил
И чтоб это сбылось поскорей,
Когда будет народом он вздернут
На красивейшей мачте морей!

1939

4

ГОРОД. НОЧИ ОБОРОНЫ

Ну как сейчас припомнишь эти ночи,
Как будто где-то далеко грохочет,
А в улицах мертвеет тишина,
И только по холодным голым сучьям
Дробь дождевая катится и мучит
Людей, сидящих молча у окна.

Вкруг города — кладбище паровозов,
А в городе — разбитые дома,
Детей голодных жалобы и слезы,
И нашего базара кутерьма,
И мысли, оголенные, как сучья...

Нет, не таким был Петроград могучий,
Он вышел тихо в вечер ледяной,
Он баррикад выстраивал громады,
Он вышибал прикладами окно,
Он пулеметы ставил там, где надо,
Колючую он проволоку вил,
Чтоб враг бы в ней свои запутал шпоры;
От ненависти плача и любви,
Сжигал дома или сносил заборы,
Чтобы расчистить пушечный обстрел;
Он на чердак перетаскал гранаты,
Чтобы в любой проулочной норе —
Чтоб только смерть была врагу вожатым.

Хлеб яростно пекли пищевики,
И швейники шинели молча шили,
И женщины, набив песком мешки,
Сложить окоп из тех мешков спешили.
Докладчик в зале, от махорки душной,
Читал доклад о битвах в Октябре,
И моряки, доклада не дослушав,
Уже в ряды теснились во дворе.
Домохозяйки корпию щипали,
И, от бессонных синие ночей,
Путиловцы по гайке собирали
Броневики — с винтовкой на плече.

И, мрак прорезав светом небывалым,
Как будто бал затеян на всю ночь,
Дружины шли в богатые кварталы
Проверить в доме каждое окно,
Перетряхнуть матрацы и перины,
Раскрыть шкапы, поднять полы порой.
И там, где с виду было всё невинно,
Оружье было спрятано горой, —

Где ждали белых, так уж их хотели,
Что в шинеля́х заранее потели,
Зажав наган дрожащею рукой,
Пришив погон и на мешке с мукой.

И гадов тех снимали те отряды...
Такими были ночи Петрограда.

1939

5

БОЙ

В сиянье солнца гулкого,
За боевой трубой
Иду холмами Пулкова
В далекий этот бой.

Встают бойцы упорные
На утре давних дней,
Кость белая и черная
Пытают: кто сильней!

У Пулковских размашистых,
Неприбранных высот,
У подступов овражистых
В атаку полк идет.

Поет — и это пение
Всё шире и лютей,
Оно глушит шипение
Летающих смертей.

И белый полк без выстрела,
Бледнея, пятит шаг,
И рвется в поле чистое
Занывшая душа.

Но надо ж и ответ держать,
И, поборов тоску,
Идут они в штыки, дрожа...,
Подходит полк к полку.

Сошлись они без выстрела,
Устлав траву собой...
Смотрю на поле чистое,
В далекий этот бой.

Вы, милые товарищи,
Вас бил далекий град,
Вы — те, что дрались давеча
За Красный Петроград.

Вы с честью били ворога
Разбойных всех племен,
Нам ваше имя дорого,
Ваш подвиг — с нами он!

В сиянье солнца гулкого
Он с нами навсегда,
Над славной высью Пулкова
Летит, горя, звезда.

То, крылья величавые
Приветно закачав,
Летит над нашей славою
Питомец новых слав!

1939

320. ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА XI АРМИИ

Большие годы, дальние
Запали нам в умы,
Как бились в Красной Армии
В Одиннадцатой мы.

Дробили вражьи полчища,
Летевшие на нас,
Храня твои урочища,
Твои края, Кавказ.

Пришло нам время лютое,
Повсюду враг залег,
Раздетые, разутые,
Ушли мы на восток.

Патроны все расстреляны,
Все кончились корма,
Ударила метелями
Калмыцкая зима.

Рука лежит на поводе
Синее топора,
Мы шли в тифу и в голоде,
Одетые в буран.

А над холмами снежными —
Замерзших груда тел,
Пустыней шли безбрежной мы,
Где ворон не летел.

Лишь волк спиной потертою,
От холода свинцов,
Блеснет да ткнется в мертвое
Шершавое лицо.

И на того на волка мы
Смотрели, как в бреду,
И каждый думал: «Долго ли..,
Сейчас я упаду».

Упавших не считали мы,
Тоскуя без границ,
И снились нам за далями
Сады родных станиц.

На Волге отдохнули мы,
Утих метели гром.
Богаты стали пулями,
Всем боевым добром.

Мы отстояли Астрахань,
Ломали белым кряж,
Водил нас в битвы частые
Любимый Киров наш.

Мы дрались под Царицыном,
И — пленным — в эти дни
Смотрели прямо в лица им,
Угрюмей, чем они.

Смотрели в их по-кроличьи
Безумные глаза,
От ярости и горечи
Ни слова не сказав.

В ночь, звездами сожженную,
И сон нам не покой,
Всё снились наши жены нам
Над Тереком-рекой.

Уж тополя по зорькам там
Стоят, как бунчуки,
Лежат меж нами горькие
Пустынь солончаки.

Уже снега расцвечены,
Весна уж налицо, —
Однажды сизым вечером
Собрали всех бойцов.

Хоть сколько лет прошло с тех пор,
Я помню всё до дна:
Мы видим, вот идет комкор,
Идет сам Киров к нам.

Тесней сомкнув за рядом ряд,
Мы замерли без слов,
Глядим: глаза его горят,
А весь лицом суров.

«Товарищи, — он говорит, —
Вы помните Кавказ,

И все, кто там в степях лежит,
Не в памяти ль у вас?

Когда ударила зима
И между двух смертей
Вы шли, и даже смерть сама
Вас не была лютей.

Вас тиф валил и голод грыз,
Бурана волчий вой,
Свистел мороза синий свист
Над вашей головой.

И вы ушли от милых мест,
Покинув дом в ночи,
Там белых сабель блещет плеск,
Там бродят палачи».

Стояли мы как онемев,
Глядя по сторонам,
И только месть, и только гнев
Стучали в ребра нам.

«Молчат проклятые пески,
Где кости сложены,
Я знаю силу той тоски,
Которой вы полны.

Мы здесь сразили всех врагов,
И завтра — грозным днем —
От Волги вольных берегов
Мы к Тереку шагнем».

Стояли мы похолодев
И не сводя очей,
Но каждый вдруг помолодел
От кировских речей.

«Станицы ждут, аулы ждут,
Нас вольный ждет Кавказ».
Его слова нам сердце жгут,
Кипит душа у нас.

«Не так дорога далека,
Там кончим мы войну,
Обнимет горец казака,
И встретит муж жену».

Была весна, и степь цвела,
Хрустела соль в песках,
И тень орлиного крыла
Лежала на войсках.

Мы били белых, как гроза,
На Тереке седом,
Мы не смотрели им в глаза,
Подернутые льдом.

Мы гнали белых за Кизляр,
И пленникам своим —
Мы не глядели им в глаза —
На что веселье им?

Мы всю развеяли тоску
В садах родной земли,
И утром огненным в Баку
Мы с Кировым вошли.

Давно то было, но хочу
До старости сберечь
Неизменяемо ничуть
Тот путь, ту ночь, ту речь.

1937

321. КОМСОМОЛЬСКАЯ ОДА

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Стучит ли топор дровосека
В глуши затаймырских болот,
Подводный ли строится флот,

Где сложные тайны отсека
И грозных машин обиход,
Плывет ли в Гренландию лед,
Где знамя советского века
Над полюсной льдиной встает, —
От книжных страниц до раскрытых
Пустынь стратосферных высот
Кипит этой силы избыток,
Идет комсомольский поход.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Под гулкий азарт стадионов,
Где мускулы бронзой полны,
Под грохот товарных вагонов,
Везущих богатства страны,
В морях ли, во льдах и туманах,
У горнов, где блещет литье,
В путях ли, которым Стаханов
Дал строгое имя свое,
Под гул самолетных моторов,
В колхозах, где рожь высока, —
Остры их горячие взоры,
Крепка молодая рука.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Идут, отшвырнув белоручек,
В тайгу, где лишь дебри рычат.
Там жизнь их суровая учит,
Где волки учили волчат.
В мученье трудов неприметных,
В закалке их яростных воль
Встает из тайги беспросветной,
Как юный рассвет, — Комсомольск,

И смотрят отцов их громады
На мир, что действительно нов,
И сердце отцовское радо
Такому упорству сынов.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Бандитский ли залп перекатом
Пройдет пограничной грядой —
На смену упавшему брату
Встает его брат молодой.
На сопках таких Заозерных,
Где желтый налетчик залег,
Где, флаг его сбросив узорный
В разбойничьей крови поток,
Сметая налетчика силу,
Промчался наш огненный шквал, —
Там над самурайской могилой
И штык комсомольский сверкал.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Далеко идут по вселенной
Круги нескончаемых битв,
Но слава о нас неизменно
Над ветхой землею гремит.
И племя растет молодое —
Могучего леса побег,
И солнце глядит золотое
На листьев зеленых разбег.

И в шуме той рощи веселой
Пророчество будущих лет:
Свободной земли новоселы
Идут во Всемирный Совет.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

1938

322. ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА

Я так жалею, что я не был
В том сентябре в балканских далях,
Когда твои земля и небо,
Сестра Болгария, восстали!

Когда волна освобожденья
Сердца людские расковала,
Сентябрь, как май, дышал твореньем
Весны, доселе небывалой.

И годы черные казались
Обвалом, рухнувшим в глубины,
И вновь на Шипке повстречались
Болгаро-русские дружины!

Но уже новою весною
Болгарских братьев обнимал я,
Краса Софии предо мною
Всем блеском мартовским сияла.

Хотя и шли еще солдаты
На фронт, в холмы за Балатоном,
Но миру люди были рады,
Полям без выстрела и стона.

Я слышал вольных песен голос,
Долины пели и поляны,
Где Вела Пеева боролась,
Сражалась милая Лиляна.

И братства верною основой
Остались в сердце дни такие,
Летело слово Димитрова
Над пробужденною Софией.

И вот прошли года... Былое
Глядит героев павших ликом,
А настоящее — с тобою,
В размахе чудном и великом.

Сестра Болгария! Всё краше
Страна — любовь златая наша,
Пускай довольства полной чашей
Твой будет новый день украшен!

Я мысленно пройду от края
Тебя до края, от Дуная —
Все горы, к морю, где играет
Волна зеленая, родная.

И, как волна, пусть пенит радость
Все города, поля, высоты,
Сестер и братьев, зрелость, младость —
Годов трудолюбивых соты!

⟨*1959*⟩

323. ВОСПОМИНАНИЕ

Не может сердце позабыть былого,
Хотя оно уж за годов горой,
Я вспоминаю — и волнуюсь снова —
Далекий ныне год сорок второй.

Над обгорелой рощей легкой тенью
Весь голубой июньский день летел.
На линии резервных укреплений
Один участок генерал смотрел.

Смотрел окопы, блиндажи и доты,
Всю маскировку, лазы и ходы,
Всё было крепкой, мастерской работы.
Он вдруг увидел девушек ряды.

И в строгие он всматривался лица,
Как будто видел первый раз таких,
Каким не только надо удивиться,
А унести в солдатском сердце их.

«Скажите мне, что здесь работы вашей?» —
Спросил он.
— «Всё, товарищ генерал!»
— «Как, эти доты строили вы даже?
А кто ж их так хитро маскировал?»

«Мы все!..»
— «А кто вам проволоку ставил?
А кто же вам окопы одевал
Так чисто, что и щепки не оставил?»
— «Всё мы одни, товарищ генерал!»

И генерал пошевелил бровями:
«Но мины ж вы поставить не могли?»
— «Саперами мы тоже были сами,
Всю связь мы тоже сами провели...»
— «Немалый путь, я вижу, вы прошли!..»

И взгляд его скользнул по лицам острым,
По их суровой, девичьей красе:
«А что вы все похожи, словно сестры?»
— «Мы сестры все, мы комсомолки все!

Мы ленинградки!..»
В солнечные дали,
За Пулковский, в боях разбитый вал,
Невольно тут взглянул поверх развалин,
Чтоб скрыть волненье, старый генерал...

Когда теперь мы слышим отовсюду
Про молодости подвиг трудовой —
На целине, на стройках, равных чуду,
Сиянью зорь над юной головой,

Я знаю, что ничто не остановит
Бесстрашных тех, упорных юных тех,
Пусть грозы все гремят степною новью,
Шторма встают штормов превыше всех,

Пусть колет вихрь мильонами иголок
И валит с ног на предполярном льду...
Я вспоминаю этих комсомолок
Под Пулковом в сорок втором году.

1958

324. НЕВИДИМАЯ ЛИНИЯ

Поля, холмы, лощины темно-синие,
И перелески легкою волной,
Но через всё — невидимая линия,
Неслышная идет передо мной.

От Ладоги вы всю ее пройдете,
Она к заливу прямо приведет,
На старой карте вы ее найдете,
С пометкой грозной — сорок первый год.

Та линия еще сегодня дышит,
Она по сердцу вашему идет,
Она листву вот этих рощ колышет
И в новый дом подчеркивает вход.

Возможно, поколеньям близким
Не так, как будущим, она видна,
Хоть кое-где гранитным обелиском
И надписью отмечена она.

Но кажется, она еще дымится
И молнии пронизывают мрак,
На ней — на этой огненной границе —
Отброшен был и остановлен враг.

Заговорила роща на откосе,
Прислушайся, о чем шумит она,
Как будто ветер, набежав, приносит
Бесчисленных героев имена!

⟨1964⟩

325

Есть такое в ленинградцах,
И чему они верны,
В чем — никак не разобраться
Никому со стороны.

Не в удаче, не в богатстве,
Не в упрямстве даже суть —
А в особом нашем братстве
Над Невой, не где-нибудь!

И в бою и в непогоду,
Среди самых злых забот —
Ленинградская порода
Никогда не пропадет!

1964

326. БЕРЛИН — 9 МАЯ

Дома здесь двадцать лет назад
В огне и грохоте кипели,
И шли бойцы сквозь этот ад
Неотразимо — к высшей цели.

И вдруг над яростью атак,
Последним исступленным бредом —
Не красный над рейхстагом флаг,
А солнце красное Победы!

Здесь был окончен долгий путь,
Сюда пришли мы за расплатой —
И Гитлер не посмел взглянуть
В лицо советскому солдату...

...И вновь покой на тихих лицах,
Берлин встречать весну готов,
Не пепел — теплый дождь струится
На цвет сияющих садов.

О мире люди говорят,
Горит воспоминаний пламя,
Пусть злобные глаза следят
Из ночи западной за нами.

И пусть в двадцатую весну
Народы слышат наше слово:
«Здесь, где добили мы войну,
Мы не дадим родиться новой!»

1965

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

1967—1969

327—340. *СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР*

1

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР

Бывает, в летний вечер красный
Иль в вечер с синим льдом
Вдруг с теплотой огней всевластных
Лучи ворвутся в дом,

К вещам обычным прикасаясь
Неслышно и светло,
Как будто передать стараясь
Последнее тепло —

То книге, ярко освещенной,
То шхуне костяной
Или фигурке полусонной,
Что вспыхнет белизной.

Живые токи света бродят,
Наш ослепляя взор, —
Как будто через жизнь проходит
Тот солнечный дозор.

С таким возвышенным стараньем,
С неведомых сторон,
Всё, что зовем воспоминаньем,
Вдруг освещает он —

И то, что было злым и ломким
Или сродни громам,
Души косматые потемки
И темный лес ума.

Но то, чем в прошлом сердце жило,
Ключей всех горячей,
Встает пред нами с новой силой,
Струясь в огне лучей.

Пока они блестящим дымом
Текут, как сон за сном,
Тем, что уже неповторимо,
Мы заново живем!

1969

2

БРОНЕВИК

Эта ночь была не проста,
В ней родился победы клич!
Броневик у вокзала встал —
И с него говорил Ильич.

И казалось ему самому —
Броневик лишь сигнала ждет,
Будто сам подставил ему
Броневое плечо народ.

Черной ночью, от искр рябой,
Изменился города лик,
Человеческий шел прибой,
Унося с собой броневик.

В море лет тот прибой не стих,
До сих пор он в сердцах звучит.
Жив и отблеск волн огневых,
Броневик в апрельской ночи.

А теперь он стоит суров,
Как исполнивший долг боец,
И не нужно высоких слов,
И не нужен красок багрец.

Пусть на нем играет заря
Молчаливо и горячо,
Только шапку сними, смотря
На его седое плечо!

(1967)

3

Июль девятнадцатый, год двадцатый,
Дворцовая площадь, по ней идет
Всех цветов кожи, замысловатый,
Интернациональный народ.

То делегаты Второго конгресса
Идут и глядят на громаду дворца,
Точно лишенную силы и веса,
Как этот ангел, что смотрит с отвеса
На равнодушную плоскость торца.

Всё удивительно здесь делегатам:
Древней квадриги над аркой полет,
Ходит рабочий по царским палатам,
Ленин по площади с ними идет.

Видит, шагая, он дальние ночи,
Тусклые светы рабочих трущоб,
Там, где кружки собирались рабочих,
Где он учил их, учился, пророчил,
Где о победе мечталось еще...

Слышит слова иноземца собрату:
«Чувствуй, товарищ! Идем не во сне,
Здесь дело сделано! Точная дата.
Нам бы такую в своей бы стране...»

Да, эта площадь, дворец, эта арка
Вписаны в нового века размах,
И от дыханья истории жарко
Нынче на хладных Невы берегах.

Вижу: уверен он, тверд и спокоен,
Слышу: народ притих, не шумит,

Только лишь чайки кричат над рекою,
Он на трибуне, и он говорит.

Он говорит человечества ради,
Ради грядущего, об Октябре,
В этот последний приезд в Петрограде
Перед дворцом, на вечерней заре!

1967

4

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС В РОССИИ

Уэллс сидел, смущение осилив,
Мудрец, посол от Запада всего, —
Глаза прищурив, перед ним Россия
Заговорила, выслушав его.

Тьма за окном грознее всё и гуще,
А собеседник говорил о том,
Как жизнь народа расцветет в грядущем,
Наполненная светом и теплом.

Как будто бы страны он слушал душу.
Уэллс запомнит этот день и час,
Как будто бы впервые в мире слушал
Прекрасный утопический рассказ.

Но вспомнил грязь, детей голодных руки,
Всех бедствий за углом девятый вал,
Там холод, смерть искусства и науки,
Безграмотные нищие, развал...

«Как справитесь вы с вашим отставаньем
Во мгле слепой, никак я не пойму...» —
Российским фантастическим мечтаньем
Весь разговор представился ему.

Простился, шел, пожав плечами, к двери,
Иронии во взгляде не тая,
И мозг фантаста отказался верить
Простому реализму бытия.

Он снова в мире, где тепло и чисто,
Где и шутя не могут намекнуть,
Что именно в России этой мглистой
Нашли рычаг — жизнь мира повернуть.

Что именно в России — так уж вышло,
Превыше всех больших и малых правд,
Что именно отсюда к звездам вышним
Взлетит победно первый космонавт.

1967

5

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Жизнь ваша стала книгою,
Которой дивится свет,
Вы начали путь под Ригою
В годину народных бед.

Встала над звездами низкими
Армии Красной звезда,
Вас называли латышскими
Чудо-стрелками тогда.

В мире отныне вольном,
В мире больших тревог
Кремль охранял и Смольный
Латышских полков стрелок.

Шли вы с отвагой недюжинной,
В битвах победу беря,
Вас называли заслуженно
Гвардией Октября.

Вы проходили над безднами,
Мало осталось в живых,
Вас называли железными,
Были такими вы!

Шли вы восстаний дымами,
И, не щадя головы,

Были непобедимыми,
Были верными вы!

Мир запомнил огромные,
Точно времен радар,
Ваши удары под Кромами,
На Перекоп — удар!

Всех и не счесть сражений,
Всех и дорог не счесть,
Пример для всех поколений —
Ваши гордость и честь!

Так оно было, братья!
А кончился ваш поход
В освобожденной Латвии —
Сорок четвертый год!

Ныне — салют над Ригою,
В вихре ракет — Москва,
Дела ваши стали книгою,
Что будет вечно жива!

1967

6

В Смольном комната есть небольшая,
Ее знает вся наша страна.
Глыбы времени в прах сокрушая,
Всё такая ж, как прежде, она.

И всё кажется в этом молчанье,
А оно неподвластно перу,
Что в нее он с ночных совещаний,
Как всегда, возвратится к утру.

Мы увидим всей памятью сердца,
Что сейчас лишь о нем говорит:
Он к окну подойдет, чтоб вглядеться
В нарастающий пламень зари.

Точно всё, что свершится на свете,
Всё, что будет с родною страной,
Он увидит на зимнем рассвете
В это синее с хмурью окно.

Пусть другим ничего не известно,
Ему видеть далёко дано...
Мы стоим в этой комнате тесной
И в волшебное смотрим окно,

Пораженные видом мгновенным,
Ощущая времен перелом,
Точно темные судьбы Вселенной
Вдруг столпились за этим стеклом.

1967 или 1968

7

ИНДИЙСКИЙ ГОСТЬ

Рафик Ахмад пришел на площадь Красную
И точно сон увидел наяву —
Почти полвека прожил не напрасно он,
Мечта сбылась — он прилетел в Москву.

Почти полвека он в столице не был,
А кажется, что лет прошло уж сто,
Из старого осталось только небо,
Да и оно какое-то не то.

И в нем, как верхолазы — вертолеты,
Разросся город — нет конца ему,
И вспомнил он далеких дней заботы
И в Пешаваре старую тюрьму.

В кровь сбитые свои увидел ноги,
Снег перевалов, каменную глушь,
Смертельный мрак басмаческой берлоги,
Разбойничьих, как ночи черных, душ...

«Из Индии в Москву идешь, изменник!» —
Убили бы... Но красные клинки
Его спасли. Освобожденный пленник
Пришел в Москву, жил у Москвы-реки.

Здесь сердце билось гулко, по-иному,
Здесь ленинские слышал он слова.

...И через горы вновь дорога к дому,
И вновь тюрьма и нищий Пешавар.

Всё позади... Над ним закат пылает,
И Красною он площадью идет.
Пред ним склонились нынче Гималаи,
Его увидя сказочный полет.

Московских зданий розовеют глыбы,
Сады осенним пламенем горят.
«Тебе, Москва, тебе, Москва, спасибо! —
Так старый говорит Рафик Ахмад. —

Когда-то шел я тропами глухими,
Сегодня вижу я побед зарю,
И славлю я твое большое имя, —
Спасибо, Ленин, трижды повторю!

Я шел в Москву кровавыми ногами —
Сейчас летел быстрее света дня,
Ты сделал так, что лет крылатых пламя
Крылатым также сделало меня.

Сегодня знают люди всей вселенной,
Что человек и должен быть крылат!» —
На этой Красной площади священной
Так старый говорит Рафик Ахмад!

1967

8

НА ПАРОВОЗЕ

(Рассказ машиниста)

Это рассказывал Ялава Гуго:
«Разные были в борьбе пути,
Должен я был неизвестного друга
Через границу перевезти.

Ну, а реакция просто звереет,
Не обойдешь ее стороной,
Всё в революции силу имеет,
Даже вот поезд дачный ночной.

Был он под номером семьдесят первым.
Август. Темно. В вагонах огни.
У полицейских — крепкие нервы,
Ну а у нас — покрепче они.

Так в темноте подходим к Удельной,
Глянул из будки — тишь и покой.
Вижу: спешит походкою дельной
Среднего роста, плечистый такой...

И к паровозу. За поручни сразу,
Ловко поднялся, уж в будке стоит,
Смотрит в упор прищуренным глазом,
В кепке и в тройке — рабочий на вид.

Бритый. И сразу пальто в сторонку...
Грохот стоит — не слыхать слова.
Лазает в тендер, гремит заслонкой,
В топку подбрасывает дрова.

Трудно ему от шума, от жара,
Трески такие, как при пальбе.
Вот же какого, смеюсь, кочегара,
Ялава Гуго, послали тебе.

Но тут же я задумался остро,
Самой тревоги пришла пора.
Скоро граница, Белоостров.
Там полицейские, там юнкера.

Вот и конец уже перегона,
Все фонари вокруг зажжены,
Заперты наглухо все вагоны,
Входы и выходы окружены.

В шуме и крике блестит оружье.
Я говорю себе: «Погоди,
Ялава Гуго, ты ведь не хуже
И хитрецов не таких проводил».

Вот уж они к паровозу, а я-то
Сразу тут свой паровоз отцепил,
Обдал их паром, ищеек проклятых,
Сколько хватило котельных сил.

И у колонки водонапорной
Я проторчал до отправки, пыхтя.
Третий звонок — прицепился проворно,
Свистнул — и снова уж рельсы летят.

Кажется, можно ехать без спешки,
Мой же помощник не хочет устать,
С хитрой усмешкой бросает полешки,
До Териок уж рукою подать.

А в Териоках дружка стороною
Тихо спросил я, в плечо постучав:
«Верно ли, был это Ленин со мною?»
— «Верно», — мне шепотом друг отвечал.

Ленин простился, махал мне рукою.
Дальше, на Выборг, состав мой пошел...

Позже, в Кремле, мы встречались порою,
Смеялись, как ехали хорошо
В ту ночь...»

1969

9

ЭЛЛАМЫ С ОСТРОВА САРЕМА

Хочешь, зови это северной сагой,
Эпосом, песней, гимном зови, —
Элламы с острова жили отвагой,
Зовом великой любви!

Их было пятеро — братьев трое,
Двое сестер, — заводилой была
Старшая, та, что ночною порою
По хуторам на восстанье звала.

Кто же Мари не знал у повстанцев,
Черного ее жеребца?
Тут не до песни и не до танцев,
В битве сражалась она до конца!

Эллам Антон — непримиримый,
В Таллине пал он в двадцать втором.
На хуторе Ааду, врагами гонимый,
Ушел Александр в огонь и гром.

Ксения Эллам — инструктор райкома,
Билась с фашистами с глазу на глаз,
Смерть она встретила в Таллине, дома,
Там, где боролся рабочий класс.

Иохан Эллам — последний из братьев,
В народ его имя легенды несут,
Смерть принимает его в объятья —
В схватке бесстрашной в родном лесу.

Чайки кричат, как строки поэмы,
На строгом, скалистом берегу:
«Элламы с острова Сарема —
Они никогда не сдаются врагу!»

Хочешь, зови это красной сагой,
Северным эпосом, песней зови,
Элламы с острова жили отвагой
И умирали во имя великой любви!

Август 1969

10

КОСТЕР У СМОЛЬНОГО

На пороге немыслимых дней,
Там, где Смольный стоял, как гора,
Был солдат из рабочих парней,
И задумался он у костра.

Он глядел в этот жаркий костер
И за огненный видел порог,

Что костер этот пламя простер
В бесконечность походных дорог.

Осветил небывалые дни,
И горела на шлеме звезда,
И горели бива́ков огни.
Нестерпимо большие года.

Пусть они отсверкали в былом,
Всё казалось, что снова стоит
У сибирских костров, над Днепром,
Там, где город далекий — Мадрид.

В сорок пятом окончился шквал,
Полон чувством единым одним,
Уж в Берлине стоял генерал,
И костер догорал перед ним.

И в костре том, на майской заре,
Он узнать уголек был не прочь
От костра, что когда-то горел
Перед Смольным в Октябрьскую ночь!

1967

11

ГОВОРЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Чего бы нам пророки ни вещали,
Ни перед кем мы не были в долгу.
Исполнили, как деды завещали, —
Мы Ленинград не отдали врагу!

Легенды снова сделали мы былью,
А враг наш был смертелен, но не нов,
Мы первые его остановили
В Европе, потрясенной до основ.

Лишь четверть века мирно миновало,
А кажется, уже прошли века,
И Ленин так же, как тогда — сначала,
Нам с башни говорит броневика.

Гремят салюты и веселий струны,
Лежат снега светлее серебра,
А белой ночью комсомолец юный
О подвигах мечтает до утра...

⟨1969⟩

12

ЛИЛЯНА В ПЛОВДИВЕ

Вот он, Пловдив зеленоплечий,
Виден там, где Марица-река,
Над речной вековечной речью
Холм Свободы издалека.

А под ним сады и поляны,
День сменяет синюю ночь.
Здесь погибла наша Лиляна,
Золотой Болгарии дочь.

Вспомни лет этих черных ворох,
Всё зажал фашистский кулак,
Уходили смелые в горы,
И сказала Лиляна так:

«У тебя нас четверо, мама,
Слушай сердцем, что я скажу,
У тебя только трое, мама,
Потому что я ухожу.

Ухожу на борьбу с этой ночи,
Ухожу, и я не вернусь...»
— «Ты боишься, милая дочка?»
— «Нет, родная, я не боюсь!»

Сколько было ночей и явок,
Незаметных отважных дел,
Красный ангел мщенья по праву
Этой чистой душой владел.

Так красива была Лиляна,
Не с чем сравнивать красоту,

И погибла она так рано
На своем боевом посту,

В синем Пловдиве виноградном,
В том смертельном ночном кругу,
Когда пулю за пулей жадно
Посылала она врагу.

Вот она перед нами встала:
«Не погибла я! Я живу!»
Она так о Москве мечтала,
И ее мы берем в Москву.

Через синюю лет поляну
Самолет нас уводит в ночь,
Мы уносим в сердце Лиляну,
Золотую Болгарии дочь!

Между 1967 и 1969

13

КРЕМЛЬ

На апрельском рассвете с Волхонки —
Только выйди на площадь совсем —
Он нежданно рождается, звонкий,
Легкостенный и розовый Кремль.

Весь прозрачный, как сон, многоглавый,
Точно солнца сияющий брат,
Точно жаркою солнечной славой
Его стены и башни звучат.

Весь рассветною силой расцвечен
И на гребне растущей волны
Точно встал он, расправивши плечи,
Над зарей небывалой страны.

⟨*1969*⟩

14

СМЕНА КАРАУЛА

Есть ма́стера известного картина,
И в ней, идя на зрителя, растут
Бойцы, шагая улицей старинной,
Чтоб встать у Мавзолея на посту.

Москвы ночной глубок рабочий роздых,
Шаги в тиши отчетливо стучат,
Морозный свет горит на красных звездах
И на щеках у молодых солдат.

Какая озабоченность застыла
В их строгом взоре, точно разлита
Здесь в воздухе торжественная сила,
Особого величья простота.

И, пост такой впервые принимая,
Здесь чует сердцем каждый, кто идет,
Что их сюда сама страна родная,
Как сыновей любимейших, ведет,

А позже время им самим укажет —
Отцам на смену, дням их и ночам,
Им, молодым, дано стоять на страже
Родной земли и ленинских начал.

1969

341—357. *СТИХИ О ЛЕНИНГРАДЕ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Тогда заря звалась Авророй,
Розовопенной и живой,
И согревала нас и город
Над красноплещущей Невой.

И в этом юном очертанье
От сна встающего огня
Могла быть песней, изваяньем,
Предтечей молодого дня.

Мы были юностью богаты,
Не всё ли было нам равно,
Какой богинею крылатой
Стучится нам заря в окно.

Мы в классике богинь хранили,
Зарей обычной дорожа,
Мы много символов сменили,
В суровой жизни возмужав.

Пришла пора. И в эту пору
К иной заре сердца пришли —
Иную мы зажгли Аврору
Для всех людей, для всей земли!

И снова вспыхнувшее имя
Вернулось в мир людей живых,
Родившись в грохоте и дыме
Из пены взвихренной Невы.

Аврора! Про твое рожденье
На всю планету говорим!
Ты стала знаком пробужденья
Всечеловеческой зари!

1967 или 1968

2

Какой-то гул глухой
Меня вдруг ночью будит —
И луч слепой скользит
По моему лицу,
Тревога дальних лет приходит
Снова к людям,
Как будто мирный быт
Опять пришел к концу.

И человек опять, вскочив,
К оружью встанет...
Но в мире тишина,
И в тишине ночной
То эхо донеслось
Глухих воспоминаний
Из темной памяти,
Ожившей под луной.

Между 1967 и 1969

8

Один тиран — не будем имя
Его мы к ночи называть —
Пришел он с ордами своими
Наш Ленинград завоевать.

Вообразил в кошмаре дымном
И с помраченной головой,
Что превратит наш город дивный
В пустынный хаос над Невой.

И весть дошла до края света —
Навстречу силе огневой
Встал Ленинград, в грозу одетый,
И принял вызов боевой.

И где искать теперь тирана —
Где прах развеялся немой?
А он, как прежде, утром рано
Встает и блещет, город мой.

Шагает в золотом узоре,
В узоре солнечных оград —
О, Ленинград! Какие зори,
Какое счастье — Ленинград!

1969

4

Лес полон то звоном, то воем.
Никак разобрать не могу,
Откуда берется такое —
Деревья, разбитые боем,
Стоят в почерневшем снегу.

С колючей обмоткой рогатка
Висит на сожженной сосне,
Колючая проволока шатко
Качается, словно во сне.

Заброшена взрывом рогатка,
Гудит, и звенит, и поет,
И стонет в тоске, как солдатка,
Как ротный, в атаку зовет.

Нет, это не арфа Эола,
Здесь ветер колючей струной
Над мира пустыней тяжелой
Звучит в красоте ледяной.

А снег на убитых не тает...
На дикой сосне, на весу,
Солдатская арфа играет
В ночном и бессмертном лесу.

Между 1967 и 1969

5

Я увидел бронзовую деву с разбитым кувшином, сидящую в лицейской комнате поэта в освобожденном городе Пушкине.

В той же комнате, где Пушкин,
Лицеист с пером гусиным,
Голос муз впервые слушал,
Мира светлые рубины;
В доме бывшего Лицея,
В кресле темном и старинном,
Там сидела, бронзовея,
Чудо-девушка с кувшином.

На плечах шинель у девы.
Ночь в окне... Свеча пылает,
И она, как отблеск гнева,
Всё лицо преображает.
Светлый луч бежит вдоль шеи,
Только деве не до света,
Точно вышла из траншеи
Дева-мстительница эта.

Боевой достойна чести,
Шла в атаку непреклонно,
И вошла с бойцами вместе
В город свой освобожденный,
И пришла туда, где Пушкин,
Лицеист с пером гусиным,
Голос грозной Музы слушал,
Мира черные глубины.

Между 1967 и 1969

6

СТРЕЛА ПАПУАСА

Привез тот лук не вождь суровый —
Ученый с доброю душой,
Держал тот лук, с Гвинеи Новой,
Дикарь — раскрашенный, большой.

Смотрели взрослые и дети,
Как он в музее над Невой
Свой лук держал почти столетье
С натянутою тетивой.

Когда же средь осады гула
У дико вспененной Невы
Волна взрывная дом качнула —
Стрела сорвалась с тетивы,

Как будто место вдруг сместилось,
Родные встали берега,
И с гулким посвистом вонзилась
В дверь шкапа, словно в грудь врага.

И свет пожара огнекрылый,
Ворвясь, как дальняя заря,
Вдруг осветил в лице застылом
И гнев и ярость дикаря,

Который вышел на мгновенье
Из неподвижности своей —
Чтоб отразить в недоуменье
Налет нежданных дикарей.

Между 1967 и 1969

7

Какое уже на войне любованье?
Великая тяжесть труда,
Дорог и сражений чередованье,
Могилы. Из жести звезда.

Но мы понимали того генерала,
Что крикнул в смертельном аду,
Увидев в атаке народ свой бывалый:
«Смотри, молодцами идут!»

1969

8

Когда мы слышали слова:
«Я — ленинградская вдова»,
То ей сердечно отвечали
Словами, полными печали.

Но «ленинградский я вдовец» —
Звучало тускло, как свинец.
Пускай он худ был, как скелет,
Он громких слов не ждал в ответ.
С лицом, как старый, серый мел,
Он плакать права не имел.

Имел он в городе своем,
Где прожил жизнь, где мы живем,
Смертельным схваченном кольцом,
Одно лишь право — быть бойцом!

1969

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Посвящается М. К. Н.

9

МАЛАЯ ГРЕБЕЦКАЯ, 9/5

Здесь, на квартире преподавателя пехотного юнкерского училища К. Ф. Неслуховского, с осени 1906 года до начала 1907 года работал В. И. Ленин. Там же происходил ряд совещаний членов ЦК РСДРП.

О, эта редкая квартира,
Где с наивысшей простотой
Крыло неведомого мира
Касалось мебели простой.

Среди обычных дел и малых,
Всему живущему взамен,
Рождалось чувство небывалых,
Непредставимых перемен.

И вместе с тем всё шло так гладко,
В порядке общего всего,
Что даже вражьих глаз догадка
Не угадала б ничего!

Какое б грянуло смятенье,
Когда б узнали стороной,
Что здесь в тиши работал гений
Над мира новою судьбой.

Сквозь лет неизгладимых тени
Сегодня ясно помнишь ты,
Как дальней юности виденье, —
Его слова, его черты.

Над прошлым бури и туманы,
Но всё он в памяти живет,
Тот ленинский, всегда нежданный,
Всегда волнующий приход.

При скучном сумеречном свете,
В пальто, блестевшем от дождя,
Так скромный вид хранит Бессмертье,
В жилище смертного вождя.

1969

10

Мы прожили вместе так долго —
Хорошие, злые года,
Что в сене искать нам иголку
Уже не составит труда.

Иголку искать мы не будем,
Но в нашем пути непростом
Мы отдали главное людям,
И мы не жалеем о том.

1969

11

Когда всё то, что мы любили
И что святым для сердца было,
Затмилось в тучах черной пыли,
В огне и грохоте тротила.

Когда дома валились просто,
И город стал душой без тела,
И всюду с треском, как береста,
Свиваясь, прошлое горело.

И ум отказывался верить,
Что улица другою стала,
Чтоб тут же, за открытой дверью,
У дома Смерть подстерегала.

И стало темным, диким, нищим,
Морозом сковывая пальцы,
Давно знакомое жилище —
Пещерою неандертальца.

И в этом хаосе разлуки,
Потерь и черного мученья
Твои поддерживали руки
Живой огонь сопротивленья.

Каким теплом светились очи.
Была ты мужества примером,
Всех лучших мыслей средоточьем,
Последней прелестью и верой.

И на блокадных грозных кручах
Делилась всей души богатством,
Когда ты — лучшая из лучших —
Крепила боевое братство.

То не подсказывает разум,
То было в сердце всё хранимо,
Всей жизнью я тебе обязан,
И это — неопровержимо!

1969

12

Небо с облачным глетчером
В голубеющем инее, —
Может быть, таким вечером
Всё прощается зимнее.

И уходит всё мглистое,
Всё сурово-тяжелое,
Всё, что пóд ноги выстелил
Снег парчой невеселою.

Ты идешь и не хмуришься
Теплой улицей братскою,
Ты идешь и любуешься
Стороной Петроградскою,

Молодежною речью,
Взглядов прелестью синею.
Может быть, таким вечером
Всё прощается зимнее.

1969

13

Здесь мы, родясь когда-то,
Вошли душой и телом
И в невские закаты,
И в счастье ночи белой.

Здесь поднимали чаши
Сердечного порыва,
Шуршали лыжи наши,
Скользя по льду залива.

Мы жили, мы любили
Хорошею любовью,
И нам сады светили
Своей осенней кровью.

И нам сияли песни
И вы, родные лица.
Когда умрем — воскреснем,
Чтоб снова здесь явиться.

1969

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

14

ПРЕДМАЙСКИЙ СНЕГ

Шел мокрый, предмайский, пушистый снег,
В лощинах мелели туманы,
Гулял человек, смотрел человек:
На пробу били фонтаны.

В потоках взлетающей к небу воды
Снежинки пели и плыли,
Рождая почти музыкальный дым,
Звучащий тончайшею пылью.

И статуя-дева из древних Афин
Разинула рот от счастья,
И на воротах деревянный дельфин
Смеялся веселою пастью.

1969

15

ВЕРБЛЮД У ПАМЯТНИКА ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

Он лежит, навьюченный и гордый,
Он готов к походам и боям,
Он готов пойти походкой твердой
В Азии неведомой края.

Тот, кому служил он, был отважен,
В поисках своих неутомим,
Ну а что об Азии расскажем
Мы далеким правнукам своим?

Хоть она уже не в тихой дрёме,
Новым знаньем ум ее палим,
Так же путь ее народов темен,
Тайн ее простор неодолим.

Правнукам почетная задача
На большие дальние года —
Светом дружбы путь ее означить,
Всех просторов тайны разгадать.

1969

16

«ВАРЯГ»

Сначала всё было морскою судьбой
Под сенью военного флага,
И в память навечно вошел этот бой,
Геройская гибель «Варяга».

И пели крестьянин, рабочий, моряк,
Отдав ему славу по чину:
«Врагу не сдается наш гордый „Варяг"»,
Корабль провожая в пучину.

В ответ лишь шумела морей синева,
Не верили в грусти суровой,
Что встретятся песни народной слова
С «Варягом», воскреснувшим снова.

Но время настало — и в вечер один
Тряхнула Нева головою,
Как будто из песенных вышел глубин
Советский «Варяг» над Невою.

Он воздухом нового века дышал,
Вплывая в крылатые весны,
Как будто легенды корабль возмужал,
Став крейсером ракетоносным.

Уйдет на охрану Советской страны
В моря он на долгие годы
С той песней, как шум океанской волны,
Вздымавшейся в сердце народа.

1967

17

ДОМ

Стоит он на углу известных,
Старинных улиц — этот дом,
Как бы в забвении чудесном,
Вполне оправданном притом.

Лет двести уж ему, допустим,
Висит доска, как старожил,
Читаю с гордостью и грустью,
Что в этом доме Герцен жил.

В годах необозримо дальних
Здесь Пушкин по Морской бродил
И к Смурову, в колониальных
Товаров лавку, заходил.

Пройдя в апрельский холод Невским
(И дневником сей факт храним),
Здесь был Шевченко с Лазаревским
И грелся джином огневым.

И в этом доме чинно-хмуром,
Среди погон и вензелей,

Столетний справил новый Смуров
Своей торговли юбилей.

И в год, для всех купцов печальный,
Плакатом красным окрылив,
Из лавки той мемориальной
Уж вырос кооператив.

А в дни осады беспросветной,
Все окна, как глаза, закрыв,
Дом только вздрагивал ответно
На недалекой бомбы взрыв.

И вот сейчас я, как прохожий,
У старокаменных ворот
Стою и думаю: «Похоже,
До коммунизма доживет!»

Ну как же прочно он построен,
И без особенных затей,
Он не уступит древней Трое
По монолитности своей.

Проходит век в огне и громе,
Смотрю в знакомое окно —
Ведь я родился в этом доме...
Припомнить страшно, как давно...

1969

358—374. *ВРЕМЕНА И ДОРОГИ*

1

Есть полянка на Москве-реке,
И над ней, у каменного края,
Сам Тарас стоит невдалеке,
Шумную столицу озирая.

Тополя за ним уходят вбок,
Перед ним дубовая аллея,
Там и мной посаженный дубок
Вырастает, тонко зеленея.

И когда я посмотрю вокруг —
На дубок, закатом позлащенный,
Я невольно вспоминаю вдруг
О баньяне острова Цейлона.

Там, в глуши тропических полян
И среди скромнейших, тихих келий,
Посадил священный я баньян,
Он растет и здравствует доселе.

И как будто даже связи нет
Меж дубком и тем баньяном дальним,
Но горит далекой дружбы свет
Надо всем тревожным и печальным.

Мир сейчас как никогда жесток,
Но у дружбы есть свои законы,
Чтоб растить московский мой дубок
И баньян мой, дружбе посвященный.

1969

2

В ГОРАХ

И вот опять, горами окруженный,
Приветствую высокий первый снег,
Сиянье скал, и лес завороженный,
И у Хертвиси двух потоков бег.

Теснятся горы, говорят все разом,
Вплоть до ручья, скользящего звеня.
Они несут навстречу мне рассказы
О том, что здесь случилось без меня.

Скороговоркой листьев, задыхаясь
Летящей пеной, блестками снегов,
Высот дыханьем щек моих касаясь
Или застыв отвесами — без слов.

Я слушаю их выдумки и были,
Говоруны, вы так же хороши,

Как и тогда, когда глаза открыли
Впервые вас, как тайники души.

Вы говорите нынче с человеком,
Светло горя, как этот первый снег,
И, с каждым новым поднимаясь веком,
Вас лучше понимает человек!

1967

8

С юности мечтал я о Востоке —
И Восток увидел наяву —
Города, могучие потоки,
И людей, и чем они живут.

И душой их, ищущей и сложной,
Жизнью их, тяжелой и большой,
Я, бродяга, путаник, безбожник,
Весь проникся — я за этим шел.

Я хотел, дыша свободной грудью,
Воскрешая их труды и дни,
Рассказать о них советским людям,
Чтобы в книгах ожили они.

С детских лет о них мечтал я жадно,
Та любовь не думала стихать,
Потому мне было так отрадно
Воздух стран полуденных вдыхать.

Люди стран тех вырастут чудесно,
Всё, что мной написано о них,
Будет им со временем известно,
Будь то повесть, очерк или стих.

В городской или в зеленой чаще,
Может быть, и скажут обо мне:
«Это друг был добрый, настоящий,
Хоть и жил в далекой стороне».

1967

ВЕЧЕРНЯЯ ЧАЙХАНА СТАРИКОВ В ТАШКЕНТЕ

Вся в деревьев зеленых раме.
Отдыхая от всяких дел,
В ней сидел я с Гафур Гулямом,
С Айбеком не раз сидел.

Бородатые люди в белом,
Золотая в воде луна,
Хороша и душой и телом
Старых грешников чайхана.

Пиалы там с зеленым чаем,
И у каждой особый вкус,
И часов мы не замечаем,
И куда-то исчезла грусть.

И стихов, словно звезд, немало
В арыке потеряло след,
Оживлялись тут аксакалы
В самой дружеской из бесед.

Им неважно, где конь, где стремя,
Раз они не ездят совсем,
Тут само веселилось время,
Возвращая молодость всем.

Словом, плывшим в зеленой чаше
С лунным блеском напополам,
Услаждали все чувства наши
Айбек и Гафур Гулям.

Песнотворцы милые Азии,
Из далеких вам лет привет.
Больше нет чайханы той разве?
Отвечает мне эхо: нет!

Нет и друга Гафур Гуляма,
Айбека нашего нет,
Чайханы нет в зеленой раме,
В арыке только лунный след.

Нет друзей уж на свете белом,
А ведь как же была она
Хороша и душой и телом,
Старых грешников чайхана.

А навстречу зеленоглавый,
Весь в бетон и в стекло одет,
Уж встает Ташкент небывалый,
Новых песен, других бесед!

1969

5

ЯМА В ПРИГОРОДНОМ САДУ

За равнодушных лилий полосою,
Из-за кустов, с дорожки не видна,
Большая яма со слепой водою,
В ней зелень юных лип отражена.

Я иногда смотрю на эту яму,
На водяной, тоскливый, тусклый щит,
Дыханием истории упрямой
Мои виски здесь ветер холодит.

Года войны ко мне подходят снова,
Сквозь их туман я вижу наяву —
Здесь танк стоял, зарытый и готовый
Своею грудью отстоять Москву.

И эта яма — яма не простая,
Так близко враг был — сердца на краю, —
А танк стоял, в родную крепь врастая,
Чтоб победить иль умереть в бою.

Теперь здесь тишь... Лишь по дороге мчатся
Грузовики и слышен крик детей,
Которые не могут не смеяться,
Не могут обходиться без затей.

И в этом месте мало кто и знает,
Что значит яма сонная в саду...
А мимо жизнь гремит, цветет, сверкает,
Как новый танк на боевом ходу!

1969

6

Армения вставала откровеньем
В своей красе суровой неспроста,
Мы шли с утра как будто по ступеням
Огромного Гегамского хребта.

Шли между скал и всплесками тумана,
Вел над Севаном, точно в небо, путь,
Как будто звал нас голос Туманяна
На песенных высотах отдохнуть.

И мы взошли, и яркий мир открылся —
Ущелья разноцветные у ног,
Вдали Масис, как снежный дом, дымился
Среди сверкавших Туманяна строк.

Как радуга, они связали выси
Людей и землю сказочных высот,
Звеня, светясь, земную страсть превысив
И бросив сердце в песенный полет!

1969

7

ЛЕТОПИСЕЦ

Может быть, то было против правил
Иль нашла такая полоса —
Начатую запись он оставил,
Впал в раздумье — и не дописал.

Столько мук земля в себя впитала,
Летопись хранит их, как тайник...
Вышел в степь, безмолвно степь лежала,
И к земле полночной он приник.

И услышал, затаив дыханье,
Дальний гул, что был с землею слит, —
То ль грозы далекой грохотанье,
Топот ли бесчисленных копыт,

Стон ли горя, трепетавший глухо.
Спали травы, от росы дымясь.
Он лежал, к земле припавши ухом,
Разгадать грядущее стремясь.

Встал потом он на одно колено,
Весь росой алмазною пыля...
«Будь же ты вовек благословенна,
Радость сердца, русская земля!»

1969

8

ЧАС ТИШИНЫ

Настала тишина,
Не шелохнется нива,
Не плещется волна,
И не трепещет ива.

И братья муравьи,
И наши сестры пчелы,
Верша дела свои,
Прервали труд тяжелый.

Ну, просто тишину
Природа предписала,
В ее чудес страну
Пока проникли мало.

Не знаем мы пока,
Что в ульях пчелам снится,
Какие там века?
Какие летописцы?

Всё стихло, может быть,
Перед землетрясеньем,
И всех предупредить
Должна в своих владеньях.

Мы в этом не сильны,
И нам гордиться нечем.

Есть время тишины
И в жизни человечьей.

Ждет мир, в тиши влачась,
В безвыходном покое, —
Что дал нам этот час:
Открытье мировое?

Иль музыкальный шквал?
Поэмы чудо-строфы?
Иль сердце мира сжал
Пред новой катастрофой?

1967 или 1968

9

МАКИ

Уже флоксы стали лиловее.
Маки, маки, я всегда готов
Видеть вас на поздней ассамблее
С летом расстающихся цветов.

Вы, как реки, льетесь по пустыне,
Север наш дает вам свой приют,
На Луне, как выяснилось ныне,
Никакие маки не цветут.

Я люблю вас, полноцветных, крепких,
С криком ваших разноцветных ртов,
Предо мной встаете вы как слепки
С лучших чувств, принявших вид цветов.

В маках розовых с оборкой белой —
Что-то от веселых танцовщиц,
В маках желтых — прелесть онемелых
От восторга славок-небылиц.

Белые — как дети белой ночи,
Легкий пламень, снежный полусон.
Только в алых песня видеть хочет
Алость губ и алый шелк знамен.

Потому что смертною порою,
Облетев, покроют наяву,
Точно кровью павшего героя,
Лепестками алыми траву.

Между 1967 и 1969

10

СИРЕНА ВАРШАВЫ

Та ночь была какой-то рваной,
Всё громыхало, всё неслось,
Всё было как на дне вулкана,
И всё Варшавою звалось.

Тьма, что над городом нависла,
И в ней трубы охрипший вой,
И эта вспененная Висла,
И дождь, и ветер буревой.

Продлись всё это чуть подольше —
Меня б смело с лица земли,
Раз ночь все духи старой Польши
В свой танец бури вовлекли.

Когда вся адская арена
Взыграла в ярости двойной,
Сама варшавская Сирена
Простерла щит свой надо мной.

И я увидел меч взнесенный,
Глаза, чей взгляд в меня проник,
Смотрел со страстью полусонной
В ее меняющийся лик.

Так в жизнь мою вошла такою,
Какой предстала в час ночной,
С какой-то гордою тоскою
И с новой радостью земной.

И с той поры всегда в Варшаве,
Когда по городу брожу,

Свой путь куда бы ни направил,
К волшебной Деве прихожу.

И вспоминаю, злой и хмурый,
О том, как жизнь была черна,
О том, с какой смертельной бурей
Однажды встретилась она.

Встав из руин столицы бывшей,
Всем стала вдвое дорога,
Как гений города, хранивший
И меч и пламя очага.

И каждый раз, пускай мгновенно,
Запоминая этот миг,
Не просто вижу лик Сирены —
Судьбы меняющийся лик.

1969

11

СОН

Американской даме снился сон:
Руина на руину громоздится,
Над ней в пожарах черный небосклон,
Она бежит и негде ей укрыться.

Сын перед ней, ее любовь, — и вот
Весь побелел от боли и от страха,
Струей напалма перечеркнут рот
Красивого парнишки из Айдахо.

Несчастная проснулась с воплем мать,
Молитву шепчет серыми губами,
А телевизор ей дает опять
Последнюю бомбежку во Вьетнаме.

Опять напалмом перечеркнут рот,
Руина на руину громоздится,
Покоя дама больше не найдет —
И черный рот ей будет вечно сниться.

1969

12

Опять стою на мартовской поляне,
Опять весна — уж им потерян счет,
И в памяти, в лесу воспоминаний,
Снег оседает, тает старый лед.

И рушатся, как ледяные горы,
Громады лет, вдруг превращаясь в сны,
Но прошлого весенние просторы
Необозримо мне возвращены.

Вновь не могу я вдоволь насмотреться
На чудеса воскресших красок дня,
Вернувшись из немыслимого детства,
Бессмертный грач приветствует меня!

Мы с ним идем по солнечному склону,
На край полей, где, как судьба, пряма,
Как будто по чужому небосклону,
Прошла заката рдяная кайма.

1967

13

ДЕТИ МИРА

Чья там бродит тень незримо,
От беды ослепла?
Это плачет Хиросима
В облаках из пепла.

Чей там голос в жарком мраке
Слышен исступленный?
Это плачет Нагасаки
На земле сожженной.

В этом плаче и рыданье
Никакой нет фальши,
Мир весь замер в ожиданье:
«Кто заплачет дальше?»

Дети мира, день не розов,
Раз по всей планете
Бродит темная угроза.
Берегитесь, дети!

1969

14

У КОСТРА

У костра в саду, после прогулки,
Задремав, увидел: я в горах,
Будто я сижу за старым Гулом,
У ночного сванского костра.

На зеленой маленькой поляне —
Перед ней встает, как призрак, лед —
Тень большая Миши Хергиани [1]
По стене по Ушбинской идет.

Искры блещут, по горе маячат,
Точно ночи скальная тоска,
Точно все снега беззвучно плачут,
Вздох лавин ловя издалека.

Камнепад разрушил ревом грома
Тишину приснившихся громад,
Смёл он сванский мой костер знакомый,
Что горел так много лет назад.

Сонную смахнул с лица я одурь,
А в саду костер — как слюдяной,
Тих и мал, мои зато уж годы
Выше сосен встали надо мной.

1969

---

[1] Мировой чемпион альпинизма Миша Хергиани погиб в Итальянских Альпах летом 1969 года.

15

Сейчас берут в полет, как чудо, быстрый,
Космический походный рацион, —
При мне в трамвай садились с любопытством,
Чтобы освоить, как аттракцион.

И видел я у ипподрома, каюсь,
Где каждый от волнения потел,
Как первый летчик, с треском, трепыхаясь,
Вдоль над забором гордо пролетел.

Потом кино с толпой героев пылкой,
И онемевший от восторга зал,
И радио. . . Счастливый, как в копилку,
Так чудо я за чудом собирал.

Я был школяр, и, молвить не к обиде,
Уж новый век навстречу, как гора,
И там школяр, когда придет пора,
Что нового такой школяр увидит,
Что поразит, как чудо, школяра
В век двадцать первый? . .

⟨1969⟩

16

Наш век пройдет. Откроются архивы,
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.

1969

17

ДЕНЬ СТРАНЫ

Леса пропалывают самолеты,
Чтоб уничтожить мусор и гнилье,
Летит пчела — наполнить улья соты,
Рыбак уходит в плаванье свое.

Идут комбайны, поле убирая,
Вступает в строй листопрокатный стан,
Горят фонтаны газа, не сгорая,
И теплоход выходит в океан.

Спартакиада флаги поднимает,
Чеканщик оживляет серебро,
Подземной трассой, что во тьме сверкает,
Гордится вновь московское метро.

Вчерашний день причислен к жизни древней,
О всем другом уже идет рассказ,
Над всем, что видим в городе, в деревне,
Лежит Советов ленинский наказ.

Вся жизнь гудит, блистает и трепещет,
А там, всему живущему назло,
За рубежом оно шумит зловеще,
Враждебных станций радиокрыло.

Да, там полвека злобу не тушили.
О, если бы нам дали мирно жить,
На пользу мира что бы мы свершили,
Что мир без нас не мог бы сам свершить!

1969

СТИХОТВОРЕНИЯ

1970—1977

375—381. *ЖИЗНИ НОВОЕ НАЧАЛО*

1

ЛЕНИН

Неисчислимы Ленина портреты,
Они — вблизи и в дальнем далеке,
В полярном мраке, на зимовках где-то,
В огнях столиц, в разбуженной тайге.

На корабле, что все моря изведал,
На заводской, на вахте боевой,
Его портрет на знамени Победы,
И в космос взял его Береговой.

Любовь людей и глубже всё и шире
Во имя жизни, лучшего всего,
И нет сейчас таких народов в мире,
Что бы не знали облика его.

С грядущего завесу Ленин поднял,
Чтоб видеть мир свободным от оков,
И Ленина приветствуют сегодня
Народы всех пяти материков.

Поднявшись над прославленными всеми,
Живущий вечно в мыслях и в сердцах,
Он всех живей — над ним не властно время,
И не измерить дел его размах.

Он весь — земли бесценное наследство,
Пусть поколенья свой проходят круг,
И с каждым он встречаться будет с детства
И в жизни жить, как самый верный друг!

1970

2

> ...В апрельские дни 1917 года, по приезде в Петроград, с балкона особняка Кшесинской В. И. Ленин начал выступать перед питерцами.

Охвачены кругами урагана,
Кружились всероссийские края,
И людям было сказочно и странно
Здесь, в Питере, на площади стоять
И чувствовать, как раскаленно дышит —
Хоть и апрель — столичный этот град,
И каждый знал, придя не наугад,
Что речь такую он сейчас услышит —
И он услышал, — как грозы разряд!

Тут были все: рабочие, матросы,
Интеллигент, решающий вопросы,
И серая шинель фронтовика,
И в разноцветье бабьего платка
Работница с подругою курносой,
Китаец, продающий папиросы,
И инвалид со шрамом у виска,
И женщины в одежде всех сословий,
При грозовом проснувшиеся слове...

А это слово обладало силой
Лететь туда, где все края кружило,
И в Питере грозою обернуться,
Чтоб всем казалось: стоит лишь нагнуться —
И ты с земли поднимешь правду эту,
Своей рукой всему покажешь свету
И станешь снова и могуч и волен,
Всех темных сил сильней, сильнее боен, —
Ты — Революцьи социальной воин,
Так будь ей верен и ее достоин!

И слушали впервые во Вселенной.
И этот день, такой обыкновенный,
Грозою обожженный так мгновенно,
Он стал и днем истории нетленным,
И в памяти народа незабвенным!

И в этот день со скромного балкона,
Во имя Революции закона
И большевистской правды откровений,
На Петроградской в этот день весенний
Свой разговор с народом начал Ленин!

1970

3

СТАРЫЙ КОННИК

Он сидит, легендами овеян,
И в окне вечерние видны
Облака, как старые трофеи,
Тронутые солью седины.

Где-то в песнях шелестят знамена,
Кони бьют копытом на заре,
Дни идут, как шли во время оно, —
Что сегодня там в календаре?

Календарь же времени иного,
Что сегодня сообщает он:
«Конною Буденного восьмого
Января Ростов освобожден».

«Да, тому полвека миновало,
Город цел, не взорван, не сожжен,
Враг разбит, и взято в плен немало,
Ленин рад: Ростов освобожден!

А теперь идти на белопанство,
С белыми кончать их заодно. . .»
Меркнет тихо вечера убранство,
Точно в даль истории — окно.

«Что коней летящих благородней,
Что прекрасней лавы огневой!
Даже шпор нет в армии сегодня,
Конь свершил великий подвиг свой!»

...Облака идут, как эскадроны,
В лунном и бессмертном серебре,
Где-то в песнях шелестят знамена,
Кони бьют копытом на заре.

1970 или 1971

4

ВОСПОМИНАНИЕ

Еще в то утро был я в Каменице,
Гостил в семействе героини Велы,
В Родопах, возле греческой границы,
Где на вершинах снег был белый-белый.

Весь день мы мчались бесконечной чернью
Лесов, дорог, похожих на ступени,
Чтобы поспеть в Софию в час вечерний,
Димитрова услышать выступленье.

Мы вспоминали в той дороге длинной
Борьбы его суровейшие годы,
Зал Лейпцига, где был он как лавина,
Сметавшая фашистского урода.

Мы вспоминали жизнь его, как битвы,
В которых он неутомимо бился,
А между тем дорога, словно свиток,
Вилась, и сумрак уж над ней сгустился.

А я сидел однажды с ним за чаем
В Барвихе, в марте, в первой встречи вечер.
И всё равно он был необычаен,
С своим неповторимым красноречьем,

С своей железной логикой и волей,
С иронией и юмором народным,
Как сеятель в необозримом поле
Грядущего своей страны свободной.

И вот в Софии мы, уже не в царской.
Дождем внезапно небо раскололось,

Над городом, над всей землей болгарской
Димитрова услышали мы голос.

Застыло море зонтиков несчетных,
Народу в театре места не хватило,
Народ стоял как караул почетный —
Блестели слезы и сердца щемило.

Вернулся он к Болгарии родимой,
К ней, пережившей лихолетья муки,
Вернулся он — огонь непобедимый,
К нему тянулись и сердца и руки.

Он говорил после разлуки долгой,
И всё светлее делалось на свете.
И под дождем, совсем уже не колким,
Стояли мы и слушали бессмертье!

Между 1970 и 1977

5

СТИХИ О ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЕ

Эта дружба народы спаяла,
Их в великом единстве собрав,
Как в печах чудотворных Урала
Превратившись в неведомый сплав.

Эти воля и мощь неохватны...
Стерли силою рук трудовых
С карты нашей все белые пятна,
Пятна черные дней горевых.

И теперь там, где пенится вьюга,
Там, где знойных пустынь полусон,
Ты повсюду под крышею друга,
Теплым дружеством ты окружен.

И, как мать, называют родною
Люди нового века весну,
Так назвали Отчизной одною
Небывалую в мире страну.

Если Родине враг угрожает,
На священный, на воинский труд
Все народы, врага отражая,
Всеединой дружиной встают.

Глубочайшей той дружбы заслуга,
Что, когда ты оружье берешь,
Ты в походе почувствуешь друга,
Брата-воина в битве найдешь.

Про победу Великого года
Будут петь в самом дальнем краю,
Эту песню любого народа
Примешь ты как родную свою.

Пред тобою просторы открыты
Вольных душ, городов и полей,
Непочатой в них силы избыток,
Удивляющий силой своей.

Каждый сердцем тебе отзовется
На удачу иль горе твое,
Это ленинской дружбой зовется,
Ничего нет сильнее ее!

Между 1970 и 1973

6

Со всех краев, где сонмища владык
Наживы, мрака всё еще у власти,
Несется стон и миллионов крик:
Там жертвы рвет опять палач на части!

Всемирных палачей кровавый смех
И в наши дни народы мира знают,
Богат же список казней этих всех,
Какими коммунистов убивают.

Невольно вспомнишь древних христиан —
Их жгли и львам бросали на арену,
Но шли они, как в бурю океан,
Последнему язычеству на смену!

И так идет сегодня коммунизм,
И ход его ничем не остановишь,
Среди богатств и предпоследних тризн
Без радио его сигнал уловишь.

Погаснет и палачества венец,
Уж мир читает надпись роковую:
«Всё взвешено, оценено, конец!» —
И время уж работает впустую!

Между 1970 и 1972

7

Борцы за мир! Всё ширятся запасы,
Что копятся в ато́мной кладовой,
Живое всё погибнуть может разом,
Пятнадцать тонн смертей над головой!

Пятнадцать тонн тринитротолуола
На каждого приходится сейчас —
И будет на планете нашей голо,
Пустыня смерти, черный праха час.

Великий Шоу помянул про это,
Сказав в одной из злых своих речей:
«Была здесь сумасшедшая планета,
И правили безумные на ней».

Борцы за мир! Пусть демон истребленья
Голодной смертью сдохнет взаперти,
Все, кто за ним таится серой тенью,
Должны, как он, конец себе найти!

Борцы за мир! Поднимем труд тяжелый,
Опасность не объедешь по кривой,
Пятнадцать тонн тринитротолуола
У каждого висят над головой!

Между 1970 и 1977

382—388. *ВЕСЕН ПОБЕДНЫХ ПОТОМКИ*

1

Сквозь мелькающий снег
И зазывное пенье метели
Белопенное буйство я вижу
Цветущих садов.
Снежнокрылые строки,
Что, как птицы, с карниза слетели,
Опьяненные гулом
Неведомых мне городов...

Возвращается молодость
В платье другого покроя,
С незнакомою песней
Проходит сквозь вьюгу она,
И немая луна,
Как умершего маска героя,
Над землею висит
В прозаическом отблеске сна.

Вешний шепот деревьев...
Откуда явилось такое?
Вьюги нет. Теплый ветер
Шумит у виска,
И над спящей землей,
Отдыхающей в зимнем покое,
Человеческой радости
Тихо плывут облака.

Сквозь мелькающий снег,
Постоянное зим окрыленье,
Я предчувствую вас,
Зеленеющих будней огни,
Снова зерна стихов
Упадут на поля откровенья,
И колосьями станут,
И в хлеб превратятся они.

Пусть же в белом плаще
Вновь пред нами земля-незнакомка

Вешний шепот деревьев
В шуршании вьюги несет,
Грозных зим мы участники,
Весен победных потомки, —
И снежинки и листья
В свидетели память берет!

1970 или 1971

2

К подножию полярного престола,
Подняв тяжеловесы якоря,
Выходят, как легенды, ледоколы,
Атомоходы, проще говоря.

Они откроют сказочные трассы
Через морей закованную ширь,
Разрубят льды, врубаясь час за часом, —
За «Лениным» и «Арктикой» — «Сибирь».

И если есть такая область в мире,
Где мертвые друг с другом говорят,
То Ломоносов скажет о Сибири
Царю Петру: «Что говорил я, брат!

Она, Сибирь, еще себя покажет,
Она — природы диво-дивный клад».
И скажет Петр: «Не надо флота даже,
Один бы мне, единственный фрегат:

Я показал бы, как я плавал тоже,
Но что мои смешные корабли —
Пред теми, что крепчайший лед положат,
Ковром постелют под ноги земли! ..»

И льды смещались, падали, кололись,
И, торжествуя, шел атомоход.
И «Арктика» вонзилась в самый полюс,
На высшей точке всех земных широт!

⟨1977⟩

3

КИРИШИ

Был царь — моряк и плотник,
Над синею Невой,
До нового охотник,
Построил город свой.

Народ мы крепкий, скорый,
Ничто нас не страшит,
Построили свой город,
Над Волховом стоит.

Мы Кириши назвали
Наш город молодой,
Болота вкруг лежали
С зацветшею водой.

Болота те, что надо,
Конец сухой земли,
Мы столько мин, снарядов
Оттуда извлекли.

Здесь шла передовая
Во времена войны,
Теперь пора иная,
Мы — молодость страны!

У нас народ веселый,
У нас ударный труд,
Мы — стройка комсомола,
И Кириши цветут!

Трудиться не устанут
Ни руки, ни умы,
Мы Нефтегорском станем,
Бензиноградом — мы!

Царям уже не снится
Столица над водой,
И юности столица —
Наш город молодой.

И Киришам, что, статься,
Расширятся окрест,
Потомки удивятся
Как чуду из чудес!

Между 1970 и 1977

4

АННА ЯРОСЛАВНА

Над Днепром и над Софией славной
Тонкий звон проносится легко.
Как же, Анна, Анна Ярославна,[1]
Ты живешь от дома далеко!

До тебя не так легко добраться,
Не вернуть тебя уже домой,
И тебе уж не княжною зваться —
Королевой Франции самой.

Небо низко, сумрачно и бледно,
В прорези окна еще бледней,
Виден город — маленький и бедный,
И река — она еще бедней.

На рассвете дивами вставали
Облака, и отступала мгла,
Будто там не облака пылали —
Золотой Софии купола.

Неуютно, холодно и голо,
Серых крыш унылая гряда,
Что тебя с красой твоей веселой,
Ярославна, привело сюда?

Из блестящих киевских покоев,
От друзей, с какими говоришь
Обо всем высоком мирострое,
В эту глушь, в неведомый Париж?

---

[1] Примечание. Дочь Ярослава Мудрого, А н н а Я р о с л а в н а, была замужем за французским королем.

Может, эти улицы кривые
Лишь затем сожгли твою мечту,
Чтоб узнала Франция впервые
Всей души славянской красоту!

1970 или 1971

5

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Не может этот звон стихать,
Раз вечный звук — его основа,
Бьет в Ереване колокол стиха,
А я в Москве ему внимаю снова.

Мне говорят: всё это хорошо,
Но уж столетье бурно миновало,
И жил поэт, и с песней к нам пришел,
И просто жить ему казалось мало.

Он всей земной премудрости достиг,
Ко всем народным прикоснулся ранам,
Он с нами был не просто Аветик,
Но Аветиком был Исаакяном.

Я повторю, что я сказал в одной
Строфе когда-то утром рано:
Пусть вечно бьет под вечною весной
Нам стиховой родник Исаакяна!

Между 1970 и 1973

6

О ХЛЕБЕ

Из руин седых и хмурых,
Точно вечность сторожит,
Черных зерен Карменблура
В чашке горсточка лежит.

То сожженная пшеница
Из подвалов крепостных,
Сквозь века ей поле снится,
Где серпа размах затих.

И теперь в юдоли бледной,
В этой комнате простой,
Стала песней и легендой,
Зерен черной наготой.

Зерна наших дней, светитесь
Позолотою резной.
Говорим мы: берегите,
Берегите хлеб родной.

Берегите каждый колос
Наших радостных полей,
Словно песен тихий голос
Громкой родины своей!

Не хотим мы видеть черных
Зерен, выжженных войной,
Пусть сияет нам узорный
Золотистых волн прибой.

Не мечтаем мы о чуде,
К нам полей живая речь:
«Берегите хлеб, вы, люди,
Научитесь хлеб беречь!»

⟨1972⟩

7

СНОВА ЗИМА...

Зима ко мне снова в окно постучала
Синицей веселой в уснувшем саду,
А зим этих было, признаюсь, не мало,
А я к отдаленнейшей самой иду.

Сквозь русской зимы голубые чертоги
Любуюсь игрой ледяного огня,

Я свой человек в этой зимней тревоге,
Метелица чувств не смущает меня.

Я вижу, как молодость в дали уходит,
В свой новый большой, бесконечный поход,
И зимняя тьма за окном колобродит,
И снег беспощадно метет и метет...

И дни пролетают сурово и строго,
Дорога — она всё трудней и трудней,
Но молодость дней этих любит дорогу,
Где подвига пламя, как факел, над ней!

Между 1970 и 1977

389—392. *ДНИ ВОСПОМИНАНИЙ*

1

ИВА НА БУЛЬВАРЕ ГОРЬКОГО В ЛЕНИНГРАДЕ

Со школьных дней я эту иву знаю,
Что всех дерев казалась мне сильней,
Я каждый раз, как в тех краях бываю,
К ней прихожу, чтоб повидаться с ней.

Я знал ее в зимы седом тумане
Или в осенний листопадный срок,
Встречались мы, как путники в романе,
Который временами был жесток.

Она стояла в силе и в покое,
В сознании величья своего,
И что-то было в дереве такое,
Что заставляло чувствовать его.

Недавно я увидел иву снова:
Светясь своей серебряной судьбой,
Она стояла — памятник былого,
Мне говоря: стареем мы с тобой!

А помнишь, как еще в ночах осады,
Казалось, хуже уж не может быть,
Мы виделись, и оба были рады,
Что всё живем и нас нельзя сломить.

Ты проходил полуночною стражей,
И молча я просила: погляди,
Я всё стою и след снарядов вражьих
Храню, как память, на моей груди.

Мои рубцы во льду сияли гордо...
Теперь их видят люди многих стран,
Вокруг меня шумит, как прежде, город,
Который мне, как вечный спутник, дан.

Мы в Ленинграде, где всегда мы дома,
И ветер над Невою голубой,
Нас не свалили века буреломы,
И все-таки: стареем мы с тобой!

Ну что ж, друг друга в новых поколеньях
Лишь мы поймем, как старые друзья, —
Кто предо мною встанет с восхищеньем
И вспомнит то, чего забыть нельзя?..

И слушал я, что ива говорила,
И отвечал: «Зеленой жизни страж!
Что было — было! В этом наша сила,
Людей бессмертьем вечен город наш!»

1973

2

В сентябрьский вечер, с севера летя,
В степи металла мертвого изломы
Увидел я уже лет пять спустя —
Останки сталинградского разгрома.

В лучах слепящих заревой чеканки
Увидел я, смотря из-под руки,
Машин разбитых темные останки —
Как ржавые дракона позвонки.

Старая ива на проспекте Максима Горького.

(Иве на бульваре Горького)

(1)

Со школьных дней я эту иву знаю, —
~~Что стоит тоже на Петроградской [illegible]~~, Что всех деревьев казалась мне сиротой
Я помню раз, как в тех краях бывало,
Клей [illegible] к тому, чтоб ~~[illegible]~~ повидаться с ней.

~~[illegible]~~ Я знала (2)

Вы/ ~~Я знала~~ в [illegible] туманье,
И ~~[illegible] в [illegible]~~,
Ива ~~[illegible], в [illegible]~~ в осенний, лиственный срок — ..... ~~[illegible]~~
Встречали [illegible], как [illegible] в романе,
Которой суждено [illegible] [illegible].

(4)

~~На~~ Недавно я увидела иву снова
Свернув ~~[illegible]~~ своей ~~[illegible]~~ [illegible] судьбой,
Она стоит — [illegible]
Мне говорит [illegible] с [illegible]

(5)

Я помню, как еще в тех [illegible]
Когда я уже [illegible] не [illegible],
Мы виделись и она [illegible]
Что не [illegible] и мне [illegible] ~~[illegible]~~ сломить

~~Покуда~~ ...

7

Мои [illegible] во [illegible] [illegible]
Меня не [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
~~Я [illegible]~~ Которые мне как [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]

У памяти есть пагубное свойство —
Позабывать начало всех начал,
И всё ж во мне проснулось беспокойство:
Ведь я не в сказке это прочитал.

Всё это было — степь тому свидетель,
И позвонки дракона налицо,
И то, что нынче знают даже дети, —
Несчетные могилы храбрецов.

Степь вновь пуста. В ее зеленой прями
Уж не темнеют ржавые куски,
Но всё лежат в годов далеких раме
Разбитые дракона позвонки!

Между 1970 и 1977

3

ПОКРЫШЕВ

Вспомнил сегодня в саду я на роздыхе
Годы блокады опять:
«Ахтунг! Ахтунг! Покрышев в воздухе,
Боя не принимать!»

Так по радио вопили фашисты,
Всех отзывая с высот,
Русскому асу под снайперский выстрел
Не попадайся — собьет!

Он говорил: «Меня вы поймете,
Во мне привычка живет:
В бой устремились, раз вы в полете,
Думайте лишь про полет!

Побоку всё — мечтанья и мысли,
И никакой тебе чувства пожар,
Раз вы в атаку, настигли, нависли,
Нет рассуждений — прицел, удар!

Как вот и вы, углубившись в работу,
Стихотворенье начав,

Видите только одну лишь заботу —
Кончить не сгоряча...

Вот я сбиваю сначала ведущего,
После ведомых я бью,
Труса растерянного, тихо ползущего,
Ястребом — по воробью...»

...В небо взглянув, я сегодня на роздыхе
Вспомнил войну опять:
«Ахтунг! Ахтунг! Покрышев в воздухе,
Боя не принимать!»

Между 1970 и 1977

4

В МИНСКЕ В ДНИ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

Мы шли по Минску разноликим строем,
Из разных стран придя на этот сбор,
Борцы за мир шли по земле героев,
Где истребленья буйствовал костер.

А ныне город в зелени весенней
Наряден был, прекрасен и могуч,
И прошлого безжалостные тени
Ушли, как тучи, с отгремевших круч.

И думалось, что, верно, исполины,
Минск возродив, тряхнули новизной,
Ведь тридцать лет назад одни руины
Стояли здесь над темной тишиной.

И гости шли, глазам своим не веря,
И каждый вспоминал свою беду —
Как был растерзан Роттердам, как зверем,
Фашистами в сороковом году.

Норвежец Нарвик вспоминал горящий,
Британец видел смертной бури тьму,

Как словно в лаве огненно-бурлящей
Пал Ковентри, развеялся в дыму.

Глядя на Минск, наш польский друг увидел
Скелет Варшавы, тонущей в огне,
И каждый шел, и каждый ненавидел
Безумцев, поклонявшихся войне,

Шагавших в мире по кровавым рекам.
Была Победа ярче оттого,
Что сделана советским человеком
Во имя человечества всего!

Борцы за мир здесь Минском проходили,
Исполнив клятву мести до конца,
Как братья, жизнью победившей жили,
Навстречу миру распахнув сердца!

1975

393—399. *НОВАЯ ВСТРЕЧА*

(Стихи о Грузии)

1

ГРУЗИИ

Как будто из морской
Животворящей пены,
Навстречу вышла ты,
И пламенел восход,
Всё было близко мне,
Всё — необыкновенно,
Как то, что жизнь мою
Твоя рука ведет.

Я не был бы собой
И не был бы поэтом,
Когда бы не узнал
Весь мир твоих щедрот
Светящейся зимой
Или слепящим летом,

Но ты предстала мне —
И я уже не тот!

И я уже с тобой
В полях, в садах и лозах,
На Зестафони зов,
И на Рустави гром,
И на призыв вершин
Я шел, внимая прозе
Рабочих дней твоих,
Под песен серебром.

Я жизнь твою следил
От снежных скал до моря,
Всю глубину души
И тот геройский след,
Который просверкал
Над битвами и горем,
Как в небе самолет, —
Орлиный крик побед!

И я вошел с тобой
В рабочего квартиру,
И к пастуху в шалаш,
И к чаеводу в дом,
И я увидел труд,
Всему открытый миру,
Все чудеса земли,
Что Грузией зовем!

И время говорит:
Уже прошло полвека,
Вставай и рог возьми
И выпей до конца
За весь расцвет земли,
За счастье человека,
Искателя, поэта и бойца!

Между 1970 и 1977

2

Клянясь священною Москвою,
Мы не забудем никогда
Про наше братство боевое
В борьбы великие года,

Как плуг войны на всей планете
Поля кровавые вспахал
И самый буйный в мире ветер
Победы знамя колыхал.

Рейхстаг обугленный, в пожаре...
Над ним, где стяг победный плыл,
Там Мелитон стоял Кантария,
И с ним — Егоров Михаил,

Поднявши стяг победы нашей,
У всей вселенной на виду,
В часы, которых нету краше,
Прекрасней нету в том году.

Пройдут еще несчетно годы,
Но вечно будут помнить их —
Как делегатов двух народов
От всех народов мировых!

1975

3

СОСНЫ ПИЦУНДЫ

Пицундские сосны, я видел вас
Во всей первозданной красе,
Когда вы стояли в полдневный час
На пустой, песчаной косе.

И черный буйвол — древний убых —
Из моря, прям и высок,
Словно Юпитер, из пен голубых
Выходил на белый песок.

И солнце он нес на рогах и мне
Казался мира отцом.
А белые лилии в тишине
Вокруг стояли кольцом.

И тишина звенела в ушах.
Казалось, место нашли,
Чтоб здесь человечья встречалась душа
С бессмертной душой земли.

А дни, как волны, теряют след,
За вестью уносят весть,
Не счесть вам реликтовых ваших лет,
И мне своих лет не счесть.

Что ж, сосны Пицунды, в далекий час
Шумела и наша весна,
И буйвол и лилии были у нас,
Была и своя тишина.

В стране же, что старостью мы зовем,
Живет со мной моря кусок,
Те дни, куда мы в сновиденьях идем,
То солнце, те сосны, песок...

Между 1970 и 1977

4

ЦХЕНБУРТИ

(Национальная конноспортивная игра с мячом)

Мне кажется,
Что в жизни я играю
Еще в цхенбурти.
Конь еще в игре,
Все правила, как я,
Он тоже знает,
И мы давно уж
В схватке на горе.

Всё кружит мяч
Под конскими ногами,

Года летят —
Игра всегда права,
А мы идем
Азартными кругами,
Сменяет май
Осенняя трава.

И блекнут зори,
Зорями сменяясь,
И конь храпит,
И, голову задрав,
Он спрашивает,
Хищно улыбаясь:
«Мы еще живы?
Разве я не прав?!»
— «Вперед, дружище!
Нас зовет пространство,
Крик игроков,
Разлет других высот,
А нужно нам:
Палат ума убранство,
Простое, как трава,
И солнца теплый мед!

Ты на дыбы встаешь
И, разметая гриву,
В заката жаркий бой
Ныряешь с головой,
Атака лет растет,
И мяч уже лениво,
Сам от игры устав,
Уходит по кривой.

Цхенбурти! Ты живешь?
Ты слышишь,
Конь зловещий,
Еще игра идет —
И в стремени нога.
И всё скользит вокруг —
Виденья, дни и вещи,
Судьею жизнь в игре —
И, как игра, строга!

Когда последний раз
И на последнем круге
Ты упадешь, а я,
Не изменив лица...
Цхенбурти!

Мы в игре и знаем —
На досуге
Нас вспомнят игроки —
Игравших до конца!»

Между 1970 и 1977

5

В несчетные огни полночного Тбилиси
Врезается один далекий огонек,
Он где-то там, в горах, под облаком повиснув,
Зовет меня, как звук полузабытых строк.

И прошлое опять, как гром зимою, грянет,
Все тропы воскресив, восходы, вечера,
Когда, скитаясь днем, я спал, где ночь
застанет,
Иль говорил о жизни до утра.

Тот огонек напомнит Чиаури,
Джуганский хор знакомых голосов,
Крестьянский домик где-то на Ингури
И первобытных таинство лесов.

А я сижу в тбилисском царстве света,
И уже поздно — полночь на дворе,
И память вдруг, как старая комета,
Осветит лес и домик на горе.

Там огонек горит неугасимый,
Как будто там, у тихого огня,
Уверен в том, что не пройду я мимо,
Седой хозяин снова ждет меня!

Между 1970 и 1977

6

Весь проспект Руставели в закатном огне
И в весенней листве пылает,
Я иду по проспекту — и весело мне:
Моя молодость тоже гуляет,
Но гуляет она по другой стороне
И другим голосам отвечает.

То, как бред, ее вижу в горах, на коне,
То сидит, веселится в духане,
Лишь проспект между нами, но ей в полусне
Не пройти эти метры — и весело мне,
Что ей больше нельзя ни в тюрьме, ни в огне
Ни увлечь мое сердце, ни ранить...

Она рада всей жизни на той стороне,
Где всё прошлое, словно в открытом окне,
Распахнулось от края до края.
Перейти к ней, к моей стародавней весне,
Эти метры пройти не под силу и мне —
Мы не встретимся: я это знаю!

Весь проспект Руставели в закатном огне —
Новой жизнью цветет и играет,
И сердечно друзья улыбаются мне,
Моя молодость тоже гуляет,
Но гуляет она по другой стороне —
Что там ищет? А кто ее знает!

Между 1970 и 1977

7

Нет, солнце, нет, не стало старомодней
И вечным блеском заново горит,
А ветерок какой-то новогодний
О новых днях Тбилиси говорит.

И новую предсказывает встречу,
Когда опять обнимет друга друг,
И вспыхнет стих вослед горячей речи,
И в круг забот войдет веселья круг.

День Грузии стал по-иному светел,
И по-иному наших дней разбег,
На зов столетья всей душой ответил
Своим трудом грузинский человек.

О, новой жизни радостный ваятель,
Мы встретимся у твоего огня,
И эта встреча, гордый мой приятель,
Пусть не последней будет для меня!

Между 1970 и 1977

400—407. *АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ТЕТРАДЬ*

1

БАКУ

Всю ночь был шторм. Кипела пена.
Вздымалась бешено волна,
Залив всю палубу мгновенно,
Играла кораблем она.

И лишь к утру утихли хляби,
И лег пластом усталый вал,
И на холодной, серой ряби
Костер рассветный засверкал.

И, с блеском утренним не споря,
Ночь угасала над волной.
Вставал навстречу мне из моря,
Рождался город предо мной.

Был нужен мрак, и шторм, и пена,
Корабль, лежащий на боку,
Чтоб оценить, как дар отменный,
Всю мощь и солнечность Баку.

...И сколько раз я в нем бы ни был,
Я вспоминаю тот рассвет,

Когда впервые видел небо
Над городом далеких лет.

Был нужен вихрь времен и ночи
Тревог, штормов в твоей судьбе,
Чтоб ты победно жизнь упрочил
И стало хорошо тебе!

Баку! Друзей встречаешь лучших
В рассветной, огненной росе,
Над морем встав во всей могучей,
Во всей сегодняшней красе!

1975

2

НОВАЯ ВЕСНА

Как ночь, ушли зимы холодной были,
Баку восстал из ледяных оков,
Как у фламинго, розовые крылья
У заревых высоких облаков.

Как будто это Ленкорань приносит
Свой дар весны к бакинским берегам,
Стихов и песен снова сердце просит,
И школьных игр растет веселый гам.

И, погружен в заботы, поднимая
Работы новых, небывалых дней,
Встает Баку, омытый солнцем мая
От Баладжар до Нефтяных Камней.

И жизнь проходит, возраста не зная,
Всех увлекая радостью весны,
Баку глядит как летопись резная
Работы лучших мастеров страны.

В боях, в трудах она росла недаром
И поднялася славой до небес,
И двадцать шесть бакинских комиссаров —
Свидетели свершившихся чудес.

Горит огонь у памятника гордый,
На нашем было это всё веку,
Он говорит о дружбе всех народов,
С тобою породнившихся, Баку!

1975

3

МАЛЫШ

Увидел я ребенка-малыша
На лестнице приморской Сумгаита,
Карабкался он смело, не спеша
По лестничным высоким плитам.

Остановясь, кидал он быстрый взор
На чаек рой, что над водой кружился,
На моря пенно-песенный простор,
На высоту, к которой сам стремился.

И я смотрел, как он спешит шагать,
Как будто бы одолевая скалы,
Как отстает смеющаяся мать
И сколько силы в том веселом малом.

Еще не знает этот мальчуган,
Довольный днем, и солнцем, и собою,
Что он шагал, как юный великан,
Для дел великих созданный судьбою.

1975

4

Я видел, как город ветров засыпает,
Становится тих он и нем,
Как музыка улиц нестройная тает
И вдруг замирает совсем.

Так в час, недоступный ни шуму, ни стуку,
Смотрел я на город на берегу,
И видел я в небе простертую руку
Бессмертного стража Баку.

И мне показалось той тихою ночью,
Когда я стоял и смотрел из окна,
Как будто бы статуя бурей клокочет
И Киров зовется она.

И сила той бури бессмертна на свете,
Ее потушить не смогли,
А руку он поднял в сердечном привете
Всем труженикам земли!

1975

5

В МАРДАКЯНАХ
В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Здравствуй, дорогой Сергей Есенин!
Мы пришли, стихи твои любя,
Здесь поэты разных поколений —
Все, кто шел приветствовать тебя!

Ты сказал в тени бакинских башен:
«Смычка есть рабочих и крестьян —
Дайте смычку всех поэтов наших,
Стиховой народов океан!»

И свершилось: пред тобой поэты
Самых разных голосов и сил
Принесли тебе свои приветы,
Встали рядом, как ты и просил.

Вот она — та смычка золотая
И твоей поэзии приют,
И стихи многоязычной стаей
Над тобою кружат и поют.

Не уйти тебе в закат янтарный,
И твоим напевам не стихать:
Ты живешь — и люди благодарны
Правде сердца твоего стиха!

1975

6

Я вспомнил Самеда Вургуна
В тени Ашагинских лесов,
Рассвет разноцветный и юный,
Охотничьих гул голосов.

Самед появлялся нежданно,
Ломая кусты предо мной,
Похожий на горного Пана,
Что радости полон земной,

Что вовсе ему незнакомы
Шум сборищ и комнат покой,
Что в дебрях зеленых — он дома,
Не знает он жизни другой.

Шагал он, неистов и жарок,
И лес был ему по плечу,
И лес ему нес как подарок
Цветную листвы епанчу.

Как будто играл на свирели,
Он шел как живая краса,
Стихи и поэмы в нем пели,
Земли золотой голоса.

. . .Звенят еще прошлые струны —
Шквал времени их не умчал,
В Баку, уже вечером лунным,
Самеда я вновь повстречал.

Стоял он на площади пышной,
Живущего пламенный друг,
И с ним говорили неслышно
Деревья, что стали вокруг.

И мне показалось, что это
Лесов Ашагинских послы
Пришли со словами привета
В час лунной и песенной мглы.

И сладостно было Самеду
В высоком величье своем
Вести с земляками беседу
О мире большом и родном!

1975

7

ОГНЕПОКЛОННИКИ

Далёко годы отбежали,
В Сураханах на склоне дня
Я вспомнил храм, где ниц лежали,
Дрожа, поклонники огня.

Дрожали в пламени парящем,
Из них, в сердцах копивших мрак,
Никто не мог быть настоящим
Огнепоклонником никак.

И тени их сейчас далёко,
И жалкий им пришел конец —
Без веры в огнеликий клекот,
Без силы алчущих сердец.

На лет истерзанном граните
Вели свой счет за годом год.
И я увидел в Сумгаите
В огне купавшийся завод.

Услышал грохот труб, горевших,
Светясь летевших на меня,
Огнепоклонников, владевших
Всем жаром звонкого огня.

И раскаленные, по кругу
Рождались вкруг меня огни,

И я сказал стиху, как другу:
«Ты — их соратник, им — сродни!

Огня великое начало
Светило в жизни день за днем, —
Я тьмы изведал слишком мало,
Я слишком много жил огнем!»

1975

8

ГОРОД В МОРЕ

В прошлом плаванья мы знаем легендарных мореходов,
Что Америку открыли, путь в Австралию нашли
И прошли пролив смертельный с мысом адской
непогоды,
С мысом Бурь, в штормах великих, мимо Огненной
Земли.

Знаем, как далеко к югу шли широтами глухими
Корабли, чьи мачты гнулись под напорами ветров,
Вдоль обрыва Антарктиды, меж горами ледяными
Или в адовой жарище африканских берегов.

Те же семь, о коих нынче мы рассказ ведем сердечный,
Семь каспийских, отслуживших свою службу кораблей
Шли в последнюю дорогу, чтобы бросить якорь вечный,
Бросить морю вызов гордый, всех нежданней, всех
смелей.

Где всегда бурлило море, к Черным Скалам путь
направив,
К страшным скалам, что пугали и бывалых рыбаков,
Там все семь остановились против всех законных
правил,
Но конечный путь эскадры — был он именно таков.

И они создали остров — эти семь вконец усталых,
Семь каспийских ветеранов, чтобы, кончив жизнь свою,
Основать над морем город, что чудес родит немало,
В этом вовсе небывалом и не снившемся краю.

И город здесь возник — стальные основанья
Здесь держат островки и звенья эстакад,
Уходят вдаль пути, стоят, белея, зданья,
Там площади лежат, там зеленеет сад.

Какой бы ни шумел и град, и дождь, и ветер,
И ветки ни качал аллеи молодой,
И самый сильный шторм бессилен перед этим
Непобедимым сном, возникшим над водой.

Всё создал человек, веселый и умелый, —
Площадки для детей, и этих вышек строй,
И нефтесборный пункт, розарий ало-белый,
И ночью — фонари с их световой игрой.

Со всей родной земли тут труженики были,
На двадцати восьми здесь пели языках,
Здесь Нефтяные Камни говорили
О чуде, что останется в веках.

Родные всех знамена окрыляли,
Что было — было общею судьбой,
По-братски труд и славу разделяли,
По-ленински дружили меж собой!

Много видел я на свете и построек знаменитых,
И того, что сотворили золотые мастера, —
Первый в мире свайный город, прямо в море мне
открытый,
Возвышался над обычным, как волшебная гора!

Шли сюда мы на пароме несколько часов — не боле,
А попали в мир особый, напоенный красотой,
Вот что можно сделать сильной человеческою волей,
Самым дерзким вдохновеньем, самой доброю мечтой.

Победитель вахты в море здесь бросает розы просто,
По традиции бросает, как красавице цветы,
Потому что он, как этот город-чудо, город-остров,
Как с нефтяником, он с морем стал по-дружески —
на «ты».

Нефтяных дел мастер старый трудится неутомимо,
Уже власть его над морем для него не торжество,

И по дну его в скафандре он пройдет невозмутимо,
Посмотреть на дно морское, на морское божество!

Я был в толпе, приплывшей на пароме,
Из самых разных стран приехали они,
Их поражало всё на улице и в доме,
Надолго их сердца запомнят эти дни.

На Нефтяных Камнях они всему дивились:
И вышкам, и газонам, и волнам, —
Мы обелиску низко поклонились —
Первопроходцам, подвига сынам.

По эстакадам шли мы вереницей
Между домов жилых и мастерских,
И гости жадно всматривались в лица
Мужчин и женщин, окружавших их.

И любовались в море вышкой строгой,
Не верили, что как корабль живет,
Что, кончив труд, она поднимет ноги
И, как шасси, сложив их, поплывет.

Гостей восторг с камней как будто поднял,
О всем, что здесь пришлось им пережить,
И обо всем, что видели сегодня,
С захлебом дома будут говорить...

...Встала женщина-нефтяник, говорила так толково
И о книгах, и о жизни, и о женщинах, о том,
Что они гордятся — славный подвиг Вали Терешковой,
Он на всей планете нашей человечеству знаком.

Я взглянул на город-остров, на его сцепленье строек,
И грядущего предвестье вдруг пронизало меня:
А не так ли в свое время будут космоса герои
Собирать по звеньям остров, полный жизни и огня?

Будут в космосе рождаться эти станции, как в море,
И возникнет Космос-остров — собиратель кораблей,
Не предчувствие ли это, на морском сейчас просторе
Вдруг почувствовать дыханье тех космических полей?

...Было звездно, и паром, оставив Камни, плыл в Баку
неудержимо,
И кончалася поездка в мир, который создал век,
Век решительный и зримый, высшей правдою палимый
И согласный с этой правдой наш советский человек.

Мне хотелось напоследок, под парома ход незримый,
Прежде чем войду я в сон,
Нефтяные вспомнить Камни с их трудом
неповторимым
И отдать Азербайджану самый искренний, сердечный,
благодарственный поклон!

1975

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

408

Ты мне нравишься больше собаки,
Но собаку я больше люблю.
Разделять ты привыкла со всяким
И дорогу и душу свою.

Я и пес — мы суровы и цельны
И свободы не дарим — возьми,
Охранял он мой сон колыбельный,
Я его охраню пред людьми.

Много рук твои руки встречали,
Но приходишь ты с ласкою вновь,
Как же, лаской тебе отвечая,
Не ответить ему на любовь?

1919

409. ЗЕМЛЯ

Верть и круть, и кресты и гусли,
Колокольный и брашный край,
Буйность, жалость, бесстыдство, грусть ли,
Лётом кречета через рай.

Закрутиться, забыться, биться...
За селом взмывает село.
Эй, куда ты, не зверь, не птица?
Чьим огнем тебя, Русь, сожгло?

Закружило амвон кружалом,
Всем мужьям живая жена,
Жизни мало, и силы мало —
Всё сначала, и всё до дна!

‹1919›

410. ДАВИД

. . .Марата нет. . .
Париж перетолпился у окна.
«Художник, ты позолотишь нам горе,
Он с нами жил, оставь его для нас» —
И смерть Давид надменно переспорил.

Зелено-синий мягкий карандаш
Уже с лица свинцового не стравишь,
Но кисть живет, но кисть поет: «Отдашь!
Того возьмешь, но этого оставишь!»

Но смолкнул крик и шепот площадей. . .
Триумф молчанья нестерпимо жуток.
«Какую плату хочет чудодей?»
— «Я спать хочу, без сна я трое суток».

Он говорит, усталость раздавив,
Но комиссары шепчутся с заботой:
«Добро тебе, но, гражданин Давид,
Зачем рука убийцы патриота?»

«Шарлотта — неразумное дитя,
И след ее с картины мною изгнан,
Но так хорош блеск кости до локтя,
Темно-вишневой густотой обрызган».

1919

411. ПУШКА

Арнольду Пек-Аменшильду

Как мокрые раздавленные сливы
У лошадей раскосые глаза,
Лоскутья умирающей крапивы
На колесе, сползающем назад.

Трясется холм от ужаса, как карлик,
Услышавший циклопью болтовню,
И скоро облачной не хватит марли
На перевязки раненому дню.

Циклопом правит мальчик с канарейку,
Он веселей горящего куста,
Ударную за хвост он ловит змейку,
Поймает — и циклоп загрохотал.

И оба так дружны и так согласны,
Что, кончив быть горластым палачом,
Когда его циклопий глаз погаснет —
Он мальчика сажает на плечо.

И лошади их тащат по откосу —
Бездельников — двумя рядами пар,
И мальчик свертывает папиросу,
Кривую, как бегущая тропа.

1920

412. ЛАВКА

За ледяным стеклом зеленым
Блеск сахарного, сладкого песка,
И пахнет старым, высушенным кленом
Прилавка гладкая доска.

Кровавощекие томаты с полки
На караваи хлебные глядят,
И солнечные быстрые иголки
Кули с мукой и солью серебрят.

В углу святую строгую ресницу
Пророк в лампадный пламень уронил,
А за прилавком гладит поясницу
Рука с узлами крепкосвитых жил.

Неиссякаемы мешки и банки,
Бессмертна хлебная теплота,
Столетий громыхающие танки
С окна не сгонят спящего кота!

Лишь пламень побуреет у лампадки
Да жилы загустеют на руке,
Но вечен обруч огуречной кадки
И пауки на темном потолке.

Блаженные бродяги перекрестков,
Чьи души — всем открытая сума,
Рассыплют на негнущиеся доски
За корку хлеба — золотые блестки,
Пыль мудрую пытливого ума,
Чтоб в бурями изрезанные лица
Взглянул покой расчетливый скупца,
Струящийся сквозь зубы и ресницы
С божественно-дубового лица.

1920

413

Товарищ милый и безрассудный,
Разве не весело, что мы вдвоем?
И дни легкоглазы, и ночи нетрудны,
Когда мы странствуем и поем.

Узлы дорог всё туже и туже,
Но тебя не оставлю ветрам и дождям.
Нет! Голод и зной, и ночлег и ужин,
И улыбки и стоны — всё пополам.

Мы оба горды, но ты справедливей,
И глаза у тебя как добрый цветок,
Мои волосы жестче и руки ленивей,
И — прости — я почти со всеми жесток.

Так наши жизни растут и крепнут —
Всё больше правды, всё меньше снов,
Когда же люди совсем ослепнут,
Они скажут, что ты и я — одно.

11 декабря 1920

414. НАСЛЕДИЕ

Хрустят валежником трущоб медведи,
Обсасывая с лапы кровь и мед;
У нас от солнца, от вина и меди
Звенящих жил, качаясь, мир плывет.

Вскочить, отдавливая ноги спящих
И женщин спутанные волоса, —
Зовут, зовут угаром дымным чащи
Сквозь прадедов глухие голоса.

Шатаясь, мы коней бесцветных вьючим,
Сшибаем топорами ворота,
И ветер стонет под ногой могучей,
Отскакивая зайцем вдоль куста.

Берложий бой, где в хрипоте упорной
Душа ломает кости и ревет,
Не избежать мне этой правды черной,
Косматых лап, впитавших кровь и мед!

1920

415

Бывалый юноша — как поздний пешеход,
Что не боится крика или тени.
Вода в реке внезапная встает,
Внезапно в нем родятся приключенья.

Как от воды, мещанский день бежит
От натиска бродяги молодого,
Он знает войн придуманный режим,
Журнальных битв пороховое слово.

В толпе людей, дремучей, ледяной,
Среди друзей, где откровенны лица,
Своих волос лукавой сединой
С достоинством он любит похвалиться.

Земля и Жизнь — плоты из шатких бревен,
Как бой — танкисту, сторожу — музей,
Ему знакомы все биенья крови,
Я враг его, но из числа друзей.

1920

416. СНЫ

Вот человек заснул на простыне
Иль под кустом на сенокосе летом,
Какой указчик двигает во сне
Ему навстречу призраки предметов?

Вдруг развернет неуловимый сад,
Прозрачную игру зверей бестелых,
Безводный бьет беззвучно водопад,
И женщины взлетают роем целым.

Но не люблю узоров на стекле,
Бесплотное меня не чаровало,
И всё же в сон последний на земле
Я был бы рад вступить без одеяла.

Привычкой жизнь я двигаю сейчас,
И там я не смущусь пред небывалым,
Как тот индус, что входит в первый раз
В бульвары европейского квартала.

Он потерял и слух, и глаз, и вес,
Но всё до боли живо и знакомо,
Как будто все виденья этих мест
Он уже видел, только по-другому.

1920

417

Наши комнаты стали фургонами,
Заскрипели колес обода, —
А внизу волосами зелеными
Под луною играет вода.

И мы едем мостами прозрачными
По земле и по небу вперед.
Солнце к окнам щеками кумачными
Прижимается и поет.

В каждом сердце — июльский улей
С черным медом и белым огнем,
Точно мы впервые согнули
Свои головы над ручьем.

Мы не знаем, кто наш вожатый
И куда фургоны спешат,
Но, как птица из рук разжатых,
Ветер режет крылом душа.

1921

418. СИБИРЬ

Захлебывались, плыли молча
Мамонты, оседая.
И голосом волчьим
Закричала одна, седая.

Ковчежные бревна
Раздались на Ноев глас:
«Гибните, божии овны,
Гибните, некуда взять вас!»

И мамонт по корень бивни
Всадил в ковчежную стену,
Над черными спинами ливни
Вздымали красную пену.

На тридцать восьмое начало
Дождь смешался со снегом —
Последнего укачало
И прибило к ковчегу.

И сказал Ной: «Лежите
Не рушимы ни огнем, ни водою» —
И глаза мокрые вытер
Спутанной бородою.

...Помнит земля ходячие горы
И длинные косматые шкуры.
Оттого здесь ценится порох
И люди тяжело-хмуры.

Каждый знает, чего он хочет,
Гордо носит дикие шрамы,
И голос такой же волчий,
Как у той седой и упрямой.

Верст за тысячу ездят в гости,
Только свист летит из-под снега,
И в каждом осколок кости,
Прободавшей стены ковчега.

И, шершавым шагом меря
Таежные тишины,
Видят: тропы выбиты зверем
С пято́й десятиаршинной.

И из рек, убегающих прямо,
Так широко и плавно,
Может пить только бог или мамонт,
Приходя как к равному равный.

31 июля 1921

419. АНГЛИЯ

Старый дьявол чистит ногти пемзой,
С меловых утесов вниз плюет,
И от каждого плевка над Темзой
Гулкий выплывает пароход.

Тащится потом, хромая, в гости
К жестокосой, бледнощекой мисс
И без проигрыша бросает кости
Пальцами увертливее крыс.

Из дубовых вырубать обрубков
Любит он при запертых дверях
Капитанов с компасом и трубкой
И купцов со счетами в руках.

И они уверенно, нескоро
В мире побежденном утвердят
Свой уют, каюты и конторы
И дубовых наплодят ребят.

1921

420

Рассол огуречный, двор постоялый,
Продажные шпоры и палаши,
Что ж, обмани, обыграй меня — мало —
Зарежь, в поминанье свое запиши.

Вижу: копыта крыльцо размостили,
Вчистую вытоптали буерак,
Кони ль Буденного хлебово пили,
Панский ли тешился аргамак.

Скучно кабатчице — люди уснули.
Вислу ль рудую, старуху ль Москву
На нож, кулак иль на скорую пулю
Вызовешь кровью побрызгать траву?

Сердце забили кистенем да обухом,
Значит, без сердца будем жить,
Разве припасть окаянным ухом,
Теплой землицы жилы спросить.

Только что слушать-то: гром звенящий,
Топот за топотом — жди гостей,
Двери пошире да меда послаще,
Псов посвирепей, побольше костей.

⟨*1922*⟩

421. ДИНАМИТ

Лучшим садоводам не приснится
Так цветку любимому служить,
Чтоб ночей не спать, не есть, не мыться,
Женщин и товарищей забыть.

Люди, скупо дарящие славой,
Жгли глазами труд его руки,
Как один они сказали: «Браво»,
А ведь это были знатоки.

Самый звездный, в золоте, что идол —
Им горды и Запад и Восток, —
Храбрых знак и знак мудрейших выдал
Мастеру, взрастившему цветок.

И священник, справивший обедню,
И рабочий — сильный рыжий гном
В городе и дальнем и соседнем
Вволю потрудились над цветком.

Буйволы, плюющиеся нефтью,
И нарвалы в сорок тысяч тонн,
Первые работники на свете,
Для него забыли страх и сон.

И набили ящики и трюмы
Черных бревен гладкие куски,
В каждом круглобоком и угрюмом
Белый пленник прятал лепестки.

Что полей и маки и левкои,
Город — сад, но что твои лучи?
Клином вбилось сердце громовое,
Первоцвет свободу получил.

Кровью, пеплом, дымом и костями
Бросил он в восторге в небеса,
Ширился и рос под небесами
Огненный, цветами полный сад.

Ржали лошади, кричали дети,
Хлеб горел — цветы, гремя, росли,
Храбрый их глаза глазами встретил,
Трус упал, уже не встал с земли.

Люди убивали в умиленье,
Плакали от радости в бреду,
Жгучим опьяняясь откровеньем
В белом обетованном саду.

...А на плитах старого собора
Тихий мастер, строгий и прямой,
Говорил, не опуская взора:
«Слушай, Господин высокий мой!

Разве ум мой — не твоя лампада?
Вот благодарю тебя — обняв,
Что садовником такого сада
Среди тысяч ты избрал меня!»

1922

422. ПОЛНОЧЬ

Тонкотелый, смуглый, строгий,
Он пришел по воздуху ко мне,
Медной зеленью струились ноги,
Грудь пылала в голубом огне.

Вижу вязи книги белолистной,
Райских кринов пальмы и плющи, —
Но веревкам этим ненавистным
Ты другую шею поищи.

Черным рощам, ночи, что ложится,
Дымным зверям в каменной гряде,
Камню — я могу еще молиться
И в любви, и в гневе, и в беде.

Мне ли думать об отце и сыне, —
Видишь руку — крепкая рука,
В райской ли она росла долине,
Обжигаясь холодом курка?

Нет, иконы этих губ не знали,
Не молитвам ночи я дарил,
О тебе мне люди рассказали,
Я смеялся, а потом забыл.

«Уходи, чтоб я тебя не слышал», —
И ушел под бури чудный гул,
Дождь хлестал, звеня, стонали крыши,
В эту ночь я долго не уснул...

⟨1922⟩

423. ПОДАРОК

Льет кузнец в подковы серебро,
Головы багровые плывут,
Над Кубанью белошумною Шкуро
Ставит суд — святые не спасут.

Плясом ширь до чертовой зари
Ноги бьют, как коршуны когтят.
На черкесках ходнем ходят газыри,
Шашки рубят ветер вперехват.

Волчий хвост свистит на башлыке,
Захочу — в кусочки размечу,
Белы лебеди с бронями на реке,
С пушками, царь-пушке по плечу.

И заморским он кричит ежам:
«Расскажите дома королю —
Краснолапы мне не сторожа,
Богатырки бочками солю.

Захочу — наставлю горбыли,
Поседеет под ногой трава».
А Кубань: «Станичник, не скули,
Бьет челом и шлет дары Москва.

Каравай свинцовый да кафтан —
Было б в чем качаться на валу,
А чтоб жажду залил атаман, —
Черную кремлевскую смолу».

1922

424

Знаю, что дорога не легка, —
Оттого я и не стал смиренней,
Напрямую выгонишь быка —
И его поставлю на колени.

Хочешь, на! попробуй: вдоль спины —
Черною отметь сыпью;
Намешаешь в брагу белены —
Думаешь, не выпить? — выпью!

Я из тех, которых, может, сто,
О которых чуточку иначе
Ночью ветер плещет под мостом
Да, шатаясь, виселица плачет.

⟨*1922*⟩

425. УТРО

В глазах еще дымился сон,
И так рассеянно шатались ноги,
Как будто бы не шли они со мною,
А еще спали на полу, в гостиной
Перед потухшей изразцовой печью.

И я сказал приятелю: «Смотри!»
Но может, не сказал, а только вспомнил,
Да и приятель сразу же пропал.
Река шипела утренним свинцом,
Подпрыгивая, кладь везли тележки,
Ползли в тумане длинные трамваи,
Мальчишки продавали папиросы.

И я купил, не знаю сам зачем.
Затем, быть может, чтоб с потухшей спичкой
Минуту можно было постоять,
Еще одну минуту у подъезда
Того большого пасмурного дома,
Где я оставил лучшего себя...

А может, это только показалось?

⟨*1922*⟩

Был отдан год планете жаркой,
Не там я увидал ее,
Под неба чужеземной аркой,
Над безымянною рекой, —
Она прошла Петровским парком
И рыжим домом на Морской.

Мир падал, радуя недаром,
Все барабаны били рано,
И, чуя узел у плеча,
Я сам предал себя арканам
Перехлестнуть и перемчать.

И дали дни опять сначала
Вино и хлеб, простор погонь,
Пусть даже горе, даже горе,
Ведь мне из комнаты над морем —
Мне — вспыхнул северный огонь.

Походом третьим шла орда,
В открытом море якорь острый,
Земля была кривой и пестрой,
К колодцу юноша по степи
Гнал Аполлоновы стада.

И алеутом в амулеты
Я верил — поворотом плеч, —
Не флорентийским поворотом,
Но льдом, обвалом, но болотом
Со мною — ты, и мне — беречь.

. . .Мир кончил думать на походе —
Над набережною Тучковой,
Полночным вымыслом полна,
Мещанкой выгнутой проходит
Уже унылая луна. . .

1922

127. СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ БАЛЛАДА О СТАРОМ ЗАГРАДИТЕЛЕ

Облака, как легкие фелуки,
Перископом загнанные в порт,

Взморья лиловеющий простор,
Солнце, разъяренное от скуки.

И корабль тяжелый, как вода,
Кличут чайки в дикие моря.

Но лежат недвижно якоря,
С берега веревочные руки
Вытянулись, держат — никуда,

Никуда — уже четыре года,
Темная, тяжелая вода,
Ветреная валкая погода —
Уж четыре года — никуда.
Он недвижим, он дряхлеет между
Пароходов, скинутых с учета,
Плесенью одевших корпуса...
Здесь живут между камней несвежих
Катера с чиновничьей заботой
Да скрипят ревизий голоса.

Слово «смерть» печатал так легко ведь
Дней войны отчаянный станок.
Заградитель! Он отведал крови,
Без нее он нынче занемог.

И теперь он пуст, как барабан,
Мин тяжелых старое изданье
Цензор тишине обрек — и вот
Никуда уже который год
От таможни полосатой зданья,
Якорного, ржавого шатанья —
Крепок рук веревочных аркан,
Тралер спит и видит сон пока:

Он бродит, море шевеля,
И всюду минные поля.

Весь мир покрыт одной волной,
И корабли идут стеной.

За плеском плеск, и всё в огне —
И флот прославленный на дне.

Кто возвращается со дна?
Опять над морем тишина.

И море мирно, как земля,
Но всюду минные поля.

В порту над темною водой
Очнется заградитель сонный,
И весь дрожит палач седой,
Предсмертной грезой увлеченный...

А это только ветер в бок
Его ударил и замолк...

Между 1921 и 1923

428. НА ПЕРЕВОЗЕ

Под вечным ветром пристаней
Бесилась цепь и лодка ныла,
Озябший берег выносил
Размах осенний через силу,
Как будто мне ночлег в челне
И вечный ветер — тоже мне.

Гребец метнул и принял цепь
С клоком веревки на кольце.
Что толку спорить до поры —
Челнок толкнуло из норы.

А перевозчик рос и мыл
Волной свои бока,
И сердце падало с кормы,
Как малый мяч, легко пока.

И смылись комнаты, леса
Забот и дум в толпе,
Как бухт умерших голоса,
А перевозчик рос и пел —
Слова блестели, как в росе,
Как росы в девичьей косе.

Он пел, что радость — наша кость,
Что в самых злых костях
Вези весну, когда пришлось,
Доедешь — всё простят,
Что вечный ветер тоже мне
Брат не случайный на челне.

1923

429. ТРАКТОР

(Из набросков к поэме)

Пусть ливень льет во всей красе,
Арканы молний вяжут дом,
Щедрей, чем летом, грозы все,
Колес разумный гром.

Колес тенистый шаг —
То трактор тешил высоту,
То выкликал на бой овраг
Мотор, как теплый тур.

Он шел над зыбью лет, ведя
Не перекаты палуб, —
Он шел в блаженный пыл дождя
Ровнять равнины вал.

Как музыкант неутомим,
Владея скрипкой-плугом,
Дразнил он блеском луг и дым,
Лазоревку над лугом.

Буксуя воду, вертит сом
Под плавником отборным,
Буксуя в травах, колесо
Всех плавников упорней.

Ему без устали кричать
От неба до тычинки,
Что человек к полям опять
Вернулся из починки.

Он здоровеет, он растет
Над ложью, хрипом, склокой
Европ, парламентов, болот,
В работу без упрека.

Как рулевое солнце — так
Сверяет шаг и ветер,
И трактор — новая мета
Через пролом столетья.

1923

430. ЧЕРНОВИК ХАРАКТЕРА

Из погребов мещанства, из подполий
Любая юность движется с трудом:
Сначала — пьянство, мускулам — приволье,
А женщина является потом.

И, как строгал рогатки детский ножик,
Строгает страсть от головы до ног,
Она собачью преданность предложит
И, точно кошка, когтем полоснет.

Но дальше рост характера не точен,
Бюро блужданий справок не дает —
Профессия осветит жизнь до точки,
Где специальность мертвой упадет.

Или война подарит выстрел,
Гранатою снеся полголовы,
И рыжий мозг индивидуалиста
Забрызгает собрание травы.

Не решены ошибки и обычаи,
Обычными ошибками скользя.
Года спешат и, фамильярно тыча,
Внезапною ревизией грозят,

И, как девчонки, дразнят: «Испытай-ка,
Меня возьми, согни в бараний рог!»
Стареет мир. Характер, как хозяйка,
Идет и прячет юность под замок.

Ее не отомкнешь ключом,
Чтобы проверить лихорадкой голой,
Довольно здесь — подумают еще,
Что есть печаль в наш век веселый.

1924

431. НАШЕСТВИЕ ЛЕСА

Смолистый норд столицей взмыл,
Лес на город прыгнул, залил
И в камень когти запустил,
Так хмурим губы, если жаль нам,
Так когти выпускаем мы.

Мох шел по стенам, скуп и скор,
Бетон трещал и частью вымер,
Кусты пустели, точно вор,
Перегруженный золотыми.

Прибой ветвей ломал заборы,
Мел тополевою трухой,
И самый дерзкий, самый скорый
Жил под надзором лопухов.

Тогда мы создали отлив,
Щепой метало, сором, дымом,
Чтоб всё, что было истребимо, —
И лес и мох, испепелить.

И лишь дубы остались... Шорох
Умов их теплых перейми,
Вот так же гордо мыслят воды,
Так губы полнятся свободой,
Так вихри двигают людьми.

1924

432. НОЧЬ В ГОСТЯХ

Моя родня не гордая,
Гуляет ночь над городом
С ухаба на ухаб,
Над рынками — там гири спят,
Там — птичьи потроха.

Дыша щетиною в виски,
Взлохматив синий чуб,
Ты, ночь, ты можешь дружески
Узнать, чего хочу.
Ты издалека — ты кочуешь,
Поговорим, как я ночую.
В мерцаньях старого стекла,
Как в неизменной полынье,
Весь городской архипелаг
С шестиэтажья виден мне.

Ползучий свист любых забот
Там мелкой дрожи учит,
Признайся, ночь, с тобой
Я видел виды лучше.

Мы всё делили поровну,
Чтоб жадностью не мучиться,
Мне скучно здесь, моя родня,
Моих высот попутчица.

Мне скучно здесь оберегать
Моих привычек берега
От незнакомого врага.

Тут меня прерывает синяя тьма:
«Я не сбегала, как ты, с ума!»

Гудит ночная голова
И плещет руганью на ощупь.

«Вам приказали зимовать,
Ты логово схватил попроще.

Ты окопался здесь, но есть
Прорыв в зимующей ограде,

Блуждает начатая песнь,
С тобой за стол садится рядом.

Не объяснить ей нипочем,
Что спроса нет, что мы зимуем,
Что слово взяли на учет,
Как разновидность боевую.

Переменяют на лету
Привычки, навык ненароком,
Но ты не можешь, ты не ртуть,
Чтоб перекатываться боком».

«Так что ж сдаваться, ночь моя,
Иль отступать при каждом слове?
Зимовье здесь — так я нарочно
Перетряхну зимовье.

Еще стучат отряды слов,
Их возраст самый валкий,
А что до птичьих потрохов —
Пусть их храпят вповалку...»

И вижу, что нет ответа у ночи,
И только седеет звездный кушак,
И только жирней, торопливей, короче
В ухабах столицы звенит ее шаг.

Между 1923 и 1925

433. ГЛАДИАТОР

Повседневных мелочей круглый цирк
Оглушает, и пылит, и зовет.
Его крик летит петлей во все концы,
Роет память, словно землю старый крот.

И под грохот самой комнатной трубы,
Под сиянье лишаев на потолке,
Появляется, как вепрь, жесткий быт
Гладиатору в измятом пиджаке.

От свидетелей окрестности черны,
Быт идет, остря клыки между дел,
Через речи переходит, через сны,
Отдуваясь на арене, как в воде.

Его гнева мне знакома толщина,
Что вскипает, по обычаю урча,
Его хитрости измерена струна
Вплоть до пены, доплеснувшей до плеча.

Ежедневно перед толпами тревог
Гладиатором в изношенных штанах
Я красуюсь, не щадя ни рук ни ног,
Я оспариваю вепря черный шаг.

Он и к песенному вызову глухой,
Полуслеп он и, в конце концов, ничей,
Пляшет, харкает бумажною трухой,
Душит пылью нестерпимых мелочей.

Лишь запомнив и дела и песни те,
Что друзьями были мне,
На бой бреду,
Спотыкнусь ли в западне, на нищете,
В одиночество ль, как в яму, упаду, —

И пройдет амфитеатрами заря,
Та, последняя, что смоет, как прилив.
Если ж падать, так уж падать, разъярясь,
Хоть одно ребро у вепря проломив.

1928

434. К РАЗГОВОРУ

Ни при чем тут подобье жиденькой крови,
Называемой чаем, отставьте и речь —
Речь любая годна мертвецу в изголовье,
Дорогие товарищи! Совесть — стеклянная вещь.

Один Велемир — дервиш русского имени —
Мог мечтать о стеклянном жилище сквозном,

Когда право бунтующей крови он выменял
Лишь на право стоять пред открытым окном.

Этот славный покой может сделаться кличем,
Как пример его совести — стоязычной притчей,
Я не дервиш — добытчик на узкой волне,
Пусть я только боец, только черный добытчик
Биографии, тесной вполне.

Из совести делать плавучий аквариум
Не берусь — пусть, темнея пером,
Буду взят я под выстрел в охотничьем зареве,
С добычей в клюве моем.

1929

ПЕСНИ КАЖДОГО ДНЯ

1975—1979

435

Этот год прошумел
Надо мною
Буревестника
Темным крылом,
Но сиял мне
За тьмы пеленою,
Мир, овеянный
Вашим теплом!

В этом мире,
Как после сраженья,
Меж разбитых окопов,
Я жил,
Снова вольно дышал,
Без смущенья
Народившимся
Днем дорожил.

Стиховой насыщался
Отрадой,
Чтобы пламень
Восторга не гас,
Чтобы видеть,
Как жизни вы рады,
Что так жарко
Приветствует вас.

Пусть мне в мудрость
Открыты ворота,

Слов услышал я
Медленный звон:
«Трудолюбье», «Раздумье»,
«Работа» —
Как сказал
Старина Цицерон.

Я согласен с ним, с мудрым,
Конечно,
Но живу, хлопочу,
Не молчу,
Понимаю,
Что это не вечно,
Но продолжить
Всё это хочу!

Пусть с годами
Все дни будут строже,
Как прилив
Вечно новой волны,
Пусть и вы в этой жизни
Мне тоже,
Как и жизнь,
Неповторно даны!

436

Этот год,
что был горестно-горек,
Затаим в своей памяти мы,
Эту красную шляпу над морем,
Эту зимнюю бабочку тьмы.

Этот год,
что ворвался разбойно,
Табуны заарканив тревог,
Всею тяжестью дней неспокойных
Жизнь тиранил и ранил, как мог.

Но в глубинах
мучений незримых,
Среди враз обвалившихся бед,

Жизнь, сомненьем
и болью палима,
Вдруг нашла в себе силу и свет.

Дни, прошедшие словно в тумане,
Все истаяли, как миражи,
Сердце вдруг
овладело всезнаньем,
Скрытой радостью,
жаждою жить.

Год кончается —
преобразивший,
Изменивший всей жизни порыв,
По-другому смотреть
научивший —
Новой прелестью вас одарив!

437

Солдат-связист,
раз провод разорвало,
спешит концы найти —
соединить,
и сколько б раз ни рвало
минным шквалом,
как и связист,
тот провод должен жить.

И если нету
запасной катушки,
держи руками
провода концы...
Не счесть часов,
неистовствуют пушки,
и падают
под минами бойцы.

А он стоит,
боец стоять обязан,
пока к победе
битва не придет.

И я стою, такой же клятвой
связан,
и только счет
моих потерь растет.

Проходят дни,
неумолимо, мимо,
я в битве жизни,
сердцем не дрожа,
как тот связист,
стою неутомимо —
Нить Будущего
к Прошлому прижав!

438. ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

Я не знал, что он испорчен,
Телевизор тот — цветной,
Я включил, и, между прочим,
Встал конгресс передо мной.

Сразу вижу — иностранцы,
Всех ученых степеней,
В их уме совсем не танцы —
Тайны мира им видней.

Я смотрел с большим вниманьем,
Вдруг картина вся не та,
Заплясало всё собранье
Жуткий танец живота.

Вся с ума сошла орава,
И почтенные мужи,
Изгибаясь влево, вправо,
Лихо начали кружить,

Расширяясь как-то книзу,
Утончаясь в вышину...
И направил телевизор
Я на новую волну.

Театр. Совсем другие лица
И другие тут дела,
И предстала мне певица,
Что красоткою была.

Но едва она запела,
Как румянец заиграл
Желто-красный, черно-белый
И лица исчез овал.

И пятнистой, как гиена,
Стала прежняя краса,
И в глазах дымилась пена,
Как у бешеного пса.

И она, плясуньей ставши,
Стала длинной, как верста,
Баядеркой, танцевавшей
Жуткий танец живота.

Не дослушав в страхе пенья,
Переставил я волну,
Предо мной — столпотворенье,
Точно мир идет ко дну.

И Нью-Йорка небоскребы
Зашатались, стали вдруг —
Словно сам сместился глобус —
Падать замертво вокруг.

Это зрелище, конечно,
Было странно в наши дни,
Потому что вдруг беспечно
Встали снова в ряд они.

И опять шатались — ужас! —
Точно их влекла мечта
Поплясать в компаньи дружной
Жуткий танец живота...

Телевизор был испорчен,
Весь цветной его настрой...
Но пришел я поздно ночью
К мысли новой и простой.

Вдруг экран-то не буксует,
И душа его чиста,
И планета вся танцует
Жуткий танец живота.

Кроме нас, завоевавших
Будущее, кроме нас,
Всё на свете расшатавших,
Всё шатается сейчас.

Телевизор смотрим с вами —
Что поделать — суета —
И в его мы видим раме —
Всюду — танец живота!

439

Мы жили и хорошим людям
Смотрели радостно в глаза.
«Мы жили, да, и жить мы будем!» —
Как дед мой некогда сказал.

Мы не боимся правды голой,
Дни нашей осени придут —
Мы осень сделаем веселой,
И в скуке дни не пропадут.

Веселье сердца нам поможет —
А всем недугам мы на страх,
Как в ассирийском доме, рожи
Мы намалюем на дверях.

Чтобы и черти и недуги,
Увидев маски, рожи те,
Бежали, задрожав в испуге,
И растворились в темноте.

Мы сделаем веселой осень,
И пусть гостей хоть будет сто,
Мы всех гостей своих попросим
За наш — здоровья полный — стол!

440

Сверкая в бумажном моем барахле...

Н. Тихонов. «Поиски героя»

Вдруг прошлого битвы придут, как во мгле,
Нежданно, среди разговора.
«Но старая шпора лежит на столе,
Моя отзвеневшая шпора».

Ту шпору я с немца убитого снял,
Гусарами смерти их звали,
Свою — я в бою, в перебежке сломал,
На каменном, помню, развале.

Столетья не меньше прошло с того дня,
А помню я бой, как вчерашний,
Денис ли Давыдов окликнул с коня,
Хрустицкий ли с танковой башни?

Все спутались годы — уж память не та,
Шершавей старинного снимка.
Живет еще в мире зари красота,
И вы — той зари побратимка.

На давней заре повидать привелось —
Когда нас на бой провожали,
Нам девушки наши, взяв ленты из кос,
На шашек эфесы вязали.

И кажется мне, что я снова стою,
Судьбы разрывая завесу,
Что снова вы вяжете ленту свою
К невидимой шашки эфесу.

441. ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРЬ СЕБЯ

Как в лабиринте, сам в себе бродил,
Слепым во мраке шел и спотыкался,
И прошлого я тени находил,
И сам от них в тени теней спасался.

Запутывался в паутине слов,
Над сердцем страсти стаями кружили,
Я доходил и до таких углов,
Где укоризны, как ехидны, жили,

Шипя зловеще: «Нас, смотри, не тронь»,
И прошлое синело старым жаром,
И лишь подземный стиховой огонь
Светил всему восторгу и кошмару.

Мой лабиринт, казалось, не имел
Конца и края, но я помнил всё же —
Я выйду к свету — неба я хотел
И вас под небом видеть жаждал тоже.

Я вышел. Надо мною небеса,
Где Козерога крылья пролетели,
Знак Зодиака, мой Стрелец — он сам
Нацелил лук в неведомые цели...

442. ГОРОДОК ПИСАТЕЛЕЙ

Дома точно спали рядами,
Был день уж на отдых влеком,
Был пепельный вечер, когда мы
Писательским шли городком.

Кой-где
сквозь темнеющий ельник
Мигал огонек средь ветвей,
Какой-то прозаик-отшельник
Дремал над страницей своей.

Иль сверхизощренною строчкой
Терзал себя модный поэт,
И где-то, залязгав цепочкой,
Собака ворчала в ответ.

И где-то читатели спали,
Густела вечерняя мгла,
Как будто меня окликали
Прошедшего тени с угла.

Не люди вставали навстречу,
Напомнивши прошлого дни,
Которым молчаньем отвечу,
О чем ни спросили б они...

То тени деревьев богато
Вставали на нашем пути,
Былое ушло без возврата,
Дорогу к нему не найти!

«Подумать, —
сказали вы тихо, —
Ведь скольких судьба унесла,
Какая при жизни шумиха
При имени каждом жила!

Стихов сколько было крылатых,
И прозы какой был поток!
Ведь был не таким он когда-то,
Писательский ваш городок?»

«Да, шумным он был, и веселым,
И полным и драм, и утех,
Сегодня его новоселы
Совсем не похожи на тех...

Вы правы, моя дорогая,
Всё было — и смех и тоска,
И друга ли видел, врага я —
На свете уж их не сыскать...»

Пусть сгинут все времени Вии,
И сам городок — нам не страж,
Мы с вами идем... Мы — живые,
И вечер весенний — он наш!

Пусть в жизни всё сложно
и мудро,
Смиряйся пред ней
иль пророчь —
Мы верим в грядущее утро,
Как в новую творчества ночь!

В ту ночь
вы, как жизнь, непростая,
Как жизнь, вы зажжете сердца,
Пусть пепельный вечер растает,
Но песне не будет конца!

Ценою нездешнего торга,
Оценим ценою иной
Несчетные строки восторга,
Рожденные песней ночной!

443

Когда в осенней
Радуге бреду,
Средь зимнего
Иду я ералаша,
Я помню лишь,
Как и весной в саду:
«Вы молоды,
И в этом сила ваша!»

Когда в годах,
Что отданы на слом,
Плуг времени
В словесном поле пашет,
Я вижу — строки
Светят серебром:
«Вы молоды,
И в этом сила ваша!»

Я верен чувств
Вскипевших мятежу,
Что вами
И возглавлен и украшен,
Я благодарно,
Видя вас, твержу:
«Вы молоды,
И в этом сила ваша!»

444. ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ УБОРКА

Когда уборка
Завладеет домом,
Как будто вихрь
Идет по головам,
Всё то, что было
Так давно знакомым,
Свою изнанку
Предъявляет вам.

И чувства,
Как изношенные вещи,
Вдруг обнажают
Духа нищету,
А вещи вид
Приобретают вещий,
Их надо изгонять
Начистоту!

Заметки, письма,
Рукописи тоже
Летят в огонь,
В корзину, в перебор,
Я становлюсь
На Плюшкина похожим,
Мне жалко вдруг
Весь этот жизни сор.

Но представляю
Вашу битву дома
Со всею пылью,
Ветошью, старьем.
Как беспощадно
В старые хоромы
Вы входите
Со щеткой и ведром.

Душа и сердце
Здесь в работе дружной,
Творят свой суд.
Я понимаю вас,
Щадить — зачем?

Жалеть — нельзя, не нужно.
Вы правы — в этот
Неизбежный час!

Души моей
Печальные конюшни,
Где скакуны состарились давно,
Где от видений
Прошлого
Так душно, —
Мне нужно чистить,
С домом заодно!

«Давайте бросим пеший быт!» —
Кричал я
В горах, в дорогах,
В песне и в бою.
Эту новой жизни
Ныне я начало,
А прошлое —
Преданью отдаю!

Я в путь беру
Властительное слово,
А вы,
Весь мусор прошлого топча,
А вы рукой,
Стряхнувшей пыль былого,
Легко коснетесь
Моего плеча!

445. О ПОЛЬЗЕ РАДИО

Я слышал голос
Времени на дне,
Как будто голос
Диктора-всезнайки:
«Вот микрофон!
Ты с ним наедине —
Всё говори, что хочешь, —
Без утайки!»

И новый голос мне шептал:
«Держись!

Скажи о всем,
О чем молчали годы!»

...Кому-то я
Рассказываю жизнь,
И кажется,
Что слушают народы!

Я говорю о страшном
И смешном,
Уж нет друзей,
Которых называю,
Глотаю гнева,
Грусти горький ком,
Со смехом вдруг
К далеким дням взываю!

Как будто стал я
Сжат и невесом,
Лет колесо
Гремит над головою,
Я кувыркаюсь
С этим колесом,
Как времени
Положено ковбою.

И слово рвется
Молнией, пращой,
И вы, в каком-то
Пламенном зените,
Всё говорите мне:
«А ну еще,
Еще своею
Жизнью позвените!»

И метроном звучит
За разом раз —
И наконец
Исполнилось желанье,
У ваших ног
Сложил я, как рассказ,
Всю жизнь мою!
Спасибо за вниманье!

446. ВСЁ ВОЗМОЖНО...

Начитался книг о сновиденьях,
О загробной жизни чудесах
И поверил я в перерожденья...
Был я греком — помню паруса.

Плыл на корабле я в море древнем,
То ли я Европу открывал,
Что Эребом звали на последней,
Той стоянке, где я ночевал,

То ли, путешествуя немало,
Я морские изучал поля,
Помню только — женщина стояла
На носу ночного корабля.

Без копья стояла и без крыльев,
Нас хранила в этот темный час,
И знакомы очертанья были,
Так она напоминала вас.

Тут луна взошла и осветила
Нежный профиль гордой головы,
Нас несла неведомая сила,
Но хозяйкой силы были вы.

Плыли мы на счастье, иль на горе,
Плыли мы наперерез волне...
«Как зовут ту женщину над морем?»
— «Мы не знаем», — отвечали мне.

447

Пускай меня
Ославят сумасшедшим
За то, что жить
Доселе не устал,
Что на границе жизни
Всей прошедшей
Для вас одной
Жизнь новым книгам дал!

Они рождались,
Пестрые страницы,
В бессоннице,
Среди тревог за вас,
Я рад, что вы
Не стали им дивиться,
Хоть был
Неиссякаем их запас.

Смеялись им,
И с ними же грустили,
И верили
Искрящимся словам,
И те стихи,
Что с вами вместе жили,
Они безумно
Радовались вам.

И я не мог
Не радоваться с ними,
Единым сердцем
С этою ордой,
Что гордо так
Носила ваше имя,
Знак красоты
И воли молодой!

448

Мне хочется вас
Нынче посмешить.
Чего-чего
Со мною не бывало.
Раз в детстве мне
Вдруг расхотелось жить,
Я школьник был,
И лет мне было мало.

На станцию пошел—
Кончать с собою,
Был перерыв —
И поезда не шли,

Паук ел мух,
Блестя спиной рябою,
Я загляделся...
И меня нашли.

Потом мечтал
Талантом стать военным
И, как Суворов,
Возвеличить Русь,
А стал писать
Стихи самозабвенно
И до сих пор
В их власти нахожусь.

Потом увлекся Индией,
И всё же,
Ни йогом, ни ученым
Я не стал.
До старости
Я незаметно дожил,
Не поумнел, не вырос,
Не устал.

Я клоуном
Хотел быть на арене,
Чтоб у ковра
Смешить простой народ,
Мне не хватало
Этого уменья,
Сложилась жизнь
Как раз наоборот.

Не я смешил,
Меня как раз смешили
Дела и дни,
Игравшие со мной,
Но вы тогда
Еще далеко были,
За многих лет
Туманной пеленой.

Зато сейчас
Не властны расстоянья,

И вам, и мне —
Нам некуда спешить.
Порассказав о прошлого
Мечтаньях,
Я вас хотел
Немного посмешить.

Ваш тихий смех
Особенно люблю я,
И вновь прошу:
«Посмейтесь надо мной,
Перед лицом
Грядущего июля,
Со всею вашей
Радостью земной!»

449. ПТИЧЬИ БАЗАРЫ

Вниз по горе, в запутанном провале,
Ища упор, скользила вдруг рука,
Как хлопья снега, птицы налетали
И прядали обратно в облака.

Тумана клочья, точно мягким пухом,
Слепили взор, крик птичий оглушал,
И каменная, черная разруха
Вас вниз вела, на выступ голых скал.

И, став хозяйкой птичьего базара,
Отштурмовав над морем высоту,
Вы любовались пенных волн ударом,
На львиную летевших высоту.

Потом, в палатке, где в тепле убогом
В тиши дышали радостью одной,
Как будто с каменным полярным богом
Вы обручились ночью ледяной.

И много лет средь сновидений сладких
Являлся вам полярный этот блеск,
Вдруг среди ночи грезилась палатка
И птичьих крыльев белый переплеск!

«Путешествие на „Фраме“» —
Эта книга золотая.
Фритьоф Нансен,
викинг снежный,
Звезды Севера читая,
Написал почти что нежно,
Эту книгу заключая:

«Если жизнь лишить мечты,
Чем она для нас была бы!»
Он, что с жизнью был на «ты»,
Вечный спутник высоты,
Презирал ничтожность слабых!

Фритьоф Нансен кончил труд
«Путешествие на „Фраме“»,
Кончил этими словами,
И сейчас они живут
И сияют, словно в раме:

«Если жизнь лишить мечты,
Чем она для нас была бы!» —
Эта сила слов простых
Быть девизом нам могла бы!

Чтоб закончить нам свое
«Путешествие на „Фраме“»
Вот такими же словами,
Подытожив бытие,
Честно прожитое нами!

451. О КНИГЕ ГЕНРИ ДЭВИДА ТОРО «УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ»

1

Этот Генри Торо — мудрец,
Сам в лесу себе домик построил,
В тишь вошел наконец,
Городские забросив постои.

Он мотыжил бобы,
Слушал сов, серенады природы
И часами любил
Упиваться хорошей погодой.

Лес был полон красы,
Он блистал, как зеленая зала,
И в такие часы
Чувство времени исчезало.

День был солнечен, прост,
На душе ни заботы, ни груза,
Он писал, «что он рос,
Как растет по ночам кукуруза».

И что птицы и даже цветы
Его мысли делили неспешно,
И сердечный закон простоты
Одобряли дубняк и орешник.

2

Вспоминал между тем
Он о людях обычного круга:
«Мы живем в тесноте —
Спотыкаемся мы друг о друга.

А ведь каждый из нас — он упрям,
Он — творец величайшего храма,
Наше тело — тот храм,
Каждый служит в нем службу упрямо.

Наше тело, и кости, и кровь —
Материал,
Мастера же — мы сами,
Чище мрамора, света и слов
Создаем мы себя в этом храме!»

3

О жизни он сказал: «Живи,
Глядя в лицо ей, и не отрекайся,
Она полна к тебе своей любви,
Греши, но ей в своих грехах не кайся.

Она не так плоха, как плох ты сам,
Она беднее, ты ее богаче.
Любовь, богатство, славу — всё отдам
За истину — и не могу иначе!»

Читайте ж, дорогая, «Жизнь в лесу»
И вслушайтесь в веселый голос Торо,
Его виденья радость принесут,
Расширят круг сердечного простора!

И вы, идя под шепот теплых трав,
Вы скажете, подняв на небо взоры:
«„Лишь та заря восходит нам, к которой
Мы пробудились сами“ — Торо прав!»

452. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Есть у японцев стих системы «хокку»,
Где простота, изящность, глубина
Открыты проницательному оку
И в двух строках поэзия дана.

«Предчувствие» — возьмем такое слово,
В мгновение рождается оно,
Хоть, может быть, в сознании любого
Не всякому предчувствовать дано.

Но если мне сказать о нем случится,
Придам ему японский оборот:
Скажу двумя строками в свой черед:
«Чернее ночи сердце клюнет птица,
И сердце на мгновение замрет!»

453. О КНИГЕ Н. А. КУНА «ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ»

В страницы эти всей душой вникая,
Почувствуете заново себя
Омфалою, Еленой, Навзикаей,
Благословляя, тешась и губя.

Читая книгу «Греческие мифы»
И про Олимп, доступный лишь орлам,
Войдете в мир богов, героев, пифий,
Где смех и грех бытуют пополам.

Мне нравится, что все они пригожи
И сохранились в вечной красоте,
Они на нас, как копии, похожи
Иль мы на них — масштабы лишь не те.

Легенды покрывали их елеем,
Но мы сильнее в наш расцвета час,
Не так же ль мы божественно болеем
И сила духа исцеляет нас!

Достойные пера, резца и кисти,
Сражая всех драконов зла и тьмы,
Свои конюшни авгиевы чистим
И в лабиринтах чудищ гробим мы.

И если б боги ожили чудесно,
Толпой пришли бы в наши города,
Им стало б страшно, непонятно, тесно —
Не те земля, и небо, и вода.

И небеса их встретили бы ревом
Машин, громоподобнее богов,
И в нашем мире, трезвом и суровом,
Никто бы не сказал им добрых слов.

Смеялись бы и взрослые и дети,
Наш век — сильнейший в мире чародей,
А ведь богами, лучшими на свете,
Они, пожалуй, были для людей.

Во всех искусствах и во всех науках,
В истории народов и племен
Досель живут их сердца, ум и руки,
И доброго содружества закон!

Мечта к истокам времени гонима,
Летя на крыльях древнего орла,
Не будь Олимпа — не было бы Рима,
Когда бы Зевс Европу не украл!

454

Всей поэмы Дантовой
Громада
Погружалась
В грозный полусвет —
Приступая
К описанью ада,
Посетил Венецию
Поэт.

Там в поту
Трудились корабелы
Среди дымной
И горячей мглы,
Увидал он мастеров
Умелых
И смолой кипящие котлы.

Грешников
Мученьем озабочен,
Данте жил
В Венеции одним —
Чтоб рождался стих,
Запенясь в клочьях
Черных смол,
Вскипавших перед ним.

Этот жар
Ему увидеть надо,
Перед тем
Как ад изобразить,
Чтобы души жили
В песне ада,
Чтоб живых
Тем адом поразить.

455

Как снежные верхи —
Поэзии края.
«Всех лучше те стихи,
Что не окончил я!» —

Так нам сказал о том
Эдмон Ростан, чудак,
Стихов закончив том
И подытожив так.

Он прав, хотя и строг.
Мы вправе захотеть,
Что стаи лучших строк
Должны еще взлететь.

И снова показать,
Как сердце поразить,
И вновь недосказать,
И вновь полет продлить.

Во имя всех стихий
Скажу лишь вам одной,
Что лучшие стихи
Не кончены и мной.

Но в них на всё ответ
От первого лица,
Их страсти меры нет,
И нет у них конца!

456. ЦВЕТОК У ЭЛЬБРУСА

На горах ты увидишь немало всего
И цветок ледяного порога.
То не вымысел, нет, я же видел его,
Я его даже тихо потрогал.

Между снегом и камнем железный цветок,
У эльбрусского встал он подножья,
И наполнен был этот волшебный росток
Непонятной и радостной дрожью.

Между камнем и снегом под небом высот,
С жизнелюбием непобедимым —
Он встает и живет, цветет и растет,
Своей волей и силой хранимый.

457

Ученый монгол, мой друг Ринчен,
Назвал меня «скульптором слов».
Возражений я не имел взамен —
То была основа основ.

И, образ ища в словесной руде,
Не сразу я то находил,
Чего я искал в упорном труде
Сердечным движеньем сил.

Я в добрые руки стихи отдавал —
Скульптуры из лучших слов,
И вырос тот маленький карнавал,
Поднявшись до облаков.

Кому-то ведь служат и облака,
И видят они с высоты,
Что жизнь на земле не так уж легка
И судьбы не так уж просты.

Но золото слов, но мраморы строк,
Но их разноцветный гранит,
Но сердца заказы исполнены в срок,
И книга их сохранит.

Не надо нам глупых и умных речей,
Лишь сердце — основа основ,
Он прав, ученый монгол мой, Ринчен,
Назвав меня «скульптором слов».

Пока мне, как скульптору, служат слова,
Покорен резец простоты,
Скульптуры из слов посылаю я вам
По ведомству старой Мечты!

458. СЕРДОЛИКОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Сердолики Ладака! Это Малый Тибет!
Но не бойся их — смело надень,
Ведь они, как таинственный горный рассвет,
Предвещают ликующий день.

Эти камни сильнее, отобранней всех,
Их обтачивал мастер тогда,
Когда был еще малым местечком Лех,
В те, далекие очень года.

В сердоликах, как молния среди льдин,
Небывалого искры огня,
Дышит светлая сила горных глубин,
Человеческой крови родня.

И вершинам сродни сердоликов народ,
И от связи волшебной такой
Их прохлада, она исцеленье дает,
Гонит боль и приносит покой.

Словно тайным узором покрыты они,
И рисунков язык не затих,
Но и в них те же самые дышат огни,
Что-то доброе скрыто и в них.

Сердолики Ладака! Это Малый Тибет!
Но не бойся их — смело надень,
Разобьет их прохладный, искрящийся свет
Всех мучений докучную тень!

459

Дикарями сделанные
Вещи —
И кольцо, и серьги,
И браслет —
Пусть огнем языческим
Заплещут,
Засверкав,
Как песни старых лет.

В них живет
Дикарской силы
Разум,
Стоит вам взглянуть
На них в упор,

И, подвластны
Вашему приказу,
Они цвет
Меняют и узор.

Пусть в игре
Огней переходящих,
В этом светлом
Колдовстве лучей
Служит вам
Весь этот мир светящих,
Дикарями
Сделанных вещей.

Вы же, точно в плащ
Ночной, одеты
В ожиданье
Радостной грозы,
Освещены
Отблесками света
Голубой
И дикой бирюзы!

Пусть стихи вам будут
Верной свитой
И, светясь
На звездном уголке,
Будут так же
Дики и открыты
С голубыми вспышками
В строке!

460

Там, за рубежом,
Глядишь, в любом жилище —
ЛСД иль опий, морфий,
Героин, —
А у нас попроще,
А у нас почище,
Погрубей немного —
Результат один.

Гонят лошадь полем
С коноплей цветущей,
И к пыльце цветочной
Липнет конский пот,
Соскребают пену,
Чтоб была погуще,
Сушат и мешают
С табаком в черед.

Курят после в трубке
Или в самокрутке,
Называет «дурью»
Курево народ,
Накурившись, спят
И в сновиденьях жутких
По частям кошмар их
Мучает и жрет.

Нам отрав не надо —
Наших, зарубежных,
Всех сильнее сила
Та, что в вас самой.
Будущее ваше —
Чисто и безбрежно,
Входите в миры вы,
Как к себе домой!

Опьяняйтесь чувством
Новизны и песней,
Пусть рассвета будет
Вечно новым час.
Если ж мир в безумье
От безумья треснет,
Восстановят землю
Люди вроде нас!

461. ЗЕЛЕНЫЙ ДЯТЕЛ

С недавних пор стал навещать меня
Зеленый дятел с шапочкою красной.
То явится он в середине дня,
То к вечеру, когда тепло и ясно.

Я вижу в этом очень добрый знак,
Зеленый мир у дятла за спиною,
И скоро снег начнет журчать в овраг
И всё вокруг наполнится весною.

Родится в небе новая звезда,
Ее придут приветствовать туманы,
И вам ведь тоже снится иногда
Зеленый лес иль изумруд поляны.

И вам привольно спится в тишине,
Без времени докучного контроля,
Однажды вы проснетесь — а в окне
Зеленый дятел вас зовет на волю!

462. БАЛЛАДА О ДЕМОНАХ СТИХА

Когда он в ночь уходит, майский вечер,
И, как пещера, комната глуха,
А вам озноб охватывает плечи —
Я обращаюсь к демонам стиха.

И к вам врачи невидимые мчатся,
Убив простуду, дарят легкий сон,
И лишь в одном не могут не признаться —
Что сон без рифм, что прозаичен он.

И с вами он кочует до рассвета,
Зари встречая алую парчу,
Сон посылать — конечно, сложно это,
Но демонам прогулка по плечу.

А вы проснетесь около обеда,
Все спутав сны, забывши про озноб,
А демонов услужливых победа
Невидимо исчезла, как в сугроб.

Я позвоню вечернею порою
Узнать, что было в вашей стороне,
Когда-нибудь я тайну вам открою,
Как демоны служили вам и мне!

463. НЕЧАЯННЫЙ РОМАНС

Вот трав пучок
Степного царства
Живит,
Всю мощь земли вобрав,
Но строки есть,
Они — лекарство,
Отбор
Из лучших сердца трав!

Но строки зыбятся,
Как травы,
И, как они,
В крови поют,
И, как и в травах
Нелукавых,
В них так же
Чудеса цветут!

Ведун
Водою мертвой прыскал,
А уж потом
Водой живой,
Но стих,
Он высшей волей взыскан,
Он — брат
С целебною травой.

И вот от той
И от другого
Мы чуда ждем —
И жизнь права,
И душу так же
Лечит слово,
Как тело — вещая
Трава!

464

Я любуюсь возвратом
Веселости вашей,
И светящимся смехом,
И ясностью глаз,
Если б пил я —
Большую заздравную чашу
Осушил бы
От радости сердца за вас.

Я любуюсь, как вы
В подмосковной деревне,
Там, где всё
Предосенней полно синевы,
Как живете вы строго —
Читаете древних,
Набираете силы
Для зимней Москвы.

Ваших чувств я любуюсь
Растущим богатством,
А из книг,
Где покоятся мудрых слова,
К вам приходят мужи
Философского царства
И стихи — ваши гости
Страны волшебства.

Если в долгих дорогах
Немного устал я,
Кроме вас,
Мне и трав не поможет настой.
Вы испытанный врач —
На себе испытал я, —
Что врачует
Сердечностью и добротой!

465. ПОЛНОЧЬ

Меняют вес, меняют облик вещи
В полночный час, когда лишь сон кругом,
И в этот час, когда вся тишь трепещет,
К Эдгару По являлся ворон вещий
И боги джунглей приходили в дом.

И вы верны закону постоянства,
И, в чувстве напряженном укрепясь,
Вы шлете мне сквозь дикое пространство
Слова души — невидимую связь.

Я слышу вас, как ветра дуновенье,
Но шорох слов нет силы мне прочесть,
Но в сердце входит молнией мгновенье,
Пока звучит домчавшаяся весть.

А за стеклом балконным в час урочный
Сквозь пляшущий, обманный полусвет
В прозрачных крыльях бабочки полночной
Читаю я далекий ваш привет!

466. ИГРА ОБЛАКОВ

Вспомнив древнего мастера удаль,
Вызвав тени минувших веков,
Хороши на закате причуды
Сумасшедшей игры облаков.

То ли демон, зловещий, пятнистый,
Из-за облачных виден громад,
К вам дракон направляет огнистый,
Легендарно-разбойничий взгляд.

И следите вы в странном восторге,
Как ползет он и пышет огнем.
И готовы вы, словно Георгий,
На него замахнуться копьем,

Тень упала, и нету дракона,
Многоликая ваза цветов
Опускается к вам с небосклона,
Как подарок небесных садов.

Началось состязание магов —
Многослойный чудес хоровод,
В синий сумрак небесных оврагов
Кто-то золото темное льет.

Вы, презрительно хлопнув в ладоши,
Говорите: «Какая тоска!
Ну зачем в этот вечер хороший
Так безвкусно живут облака!»

И тотчас, точно вам подчиняясь,
Разноцветный рассыпался транс,
Ваш двойник, с облаков улыбаясь,
Говорит вам, что кончен сеанс!

467. ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ ТИЦИАНА

Ехал к вам я дорогой знакомой,
В окруженье лесов и полей,
Становились природы хоромы
Всё богаче и всё веселей.

Точно мастер, влюбленный в Россию
И любуясь родной стороной,
Рисовал эти дали лесные,
Небо августа надо мной.

Из столетий седого тумана
Вдруг сверкнуло подобье луча —
День рождения Тициана
В этот день календарь отмечал.

И пейзажа сиянье погасло,
И явился веков великан —
Океан ослепительных красок
Под названием Тициан,

Он царил над людьми и природой
В многолепье вселенской зари,
Проходили несчетные годы,
Целый век он всевластно царил.

И в искусства волшебную сферу
С беспощадностью мастер проник,
Создавая нагую Венеру,
Иль пейзажи, иль мира владык!

Мир, который доступен был оку,
Обессмертил он кистью своей,
Но, отдав ему дань, как пророку,
Я вернулся в мир наших полей.

Волшебство нашей скромной природы
В позднем, летнем сиянии дня,
И леса нашей русской породы,
И поля окружили меня.

Краски жили, и птицы в них пели,
И звала с ними в лес, как домой,
Ваша легкая, ясная прелесть,
Порожденная жизнью самой!

468

Как будто ветер зашумел навстречу,
Топча кусты, венцы высоких трав,
И вышел лось, высокий, темноплечий,
Глаза расширив, голову подняв.

Рогатая оцепенела груда,
Смотрел, не опуская головы,
На вставшее пред ним лесное чудо,
А этим чудом были вы.

Ему такого не случалось видеть,
И вам хотелось ближе подойти,
Не испугать и бегством не обидеть,
Не преградить сохатому пути.

И вы смотрели оба друг на друга,
Не двигаясь, не шевеля кусты,
Как в центре заколдованного круга,
Очерченного силой красоты.

Потом, взмахнув ветвистыми рогами,
Он отступил, как будто он погас,
Неслышными он уходил кругами,
Но вы — его, и он — запомнил вас.

Его глаза горели словно свечи,
Он гордо шел, неведомо к кому,
И сколько раз в день необычной встречи
В лесной глуши являлись вы ему!

469. РАЗДУМЬЯ О ЖИВОПИСИ

Питер Брейгель, Питер Брейгель,
Ты не жаловал господ,
За наградами не бегал
И любил простой народ.

А когда мужик твой дунул
В пляс с крестьянского двора,
Ложку в шляпу он засунул
Вместо барского пера.

А когда играли дети —
Игр в картине не сочтешь,
Ты писал в своем столетье
И сейчас для нас живешь.

Ты писал всё, что хотелось,
Я запомнил — на углу
Ту девчонку, что уселась,
Блин кусая, на полу.

То в «Деревенской свадьбе» было,
Ты ж в деревне мастер свой,
Брейгель, ты большую силу
Кисти дал передовой.

И слепцы, что шли покорно
За слепым поводырем,
Все в овраг свалились черный
Друг за другом, черным днем.

А хотел ты не уродов
Показать начистоту,
Слепоту владык народов
И народов слепоту.

В простоте своей могучей
И в величье простоты,
Был ты, Брейгель, мастер лучший,
Гений жизни и мечты.

Быть его единоверцем —
Пусть труды и нелегки...
Но к нему с открытым сердцем
Я б пошел в ученики.

470. РАЗДУМЬЯ ПОЗДНЕГО ЛЕТА

Шри-Ланка — название Цейлона,
И оттуда Будда у меня —
Он такой же, как во время оно, —
Статуэтка желтого огня.

Я спросил спокойнейшего Будду,
Чьи сияли вечностью виски:
«Долго ли еще бродить я буду —
По земле, по торжищам мирским?»

И спокойнейший ответил Будда,
Не поднявши золоченых век:
«Я не знаю — хорошо иль худо
Путь ты свой окончишь, человек!
Но стихи, рожденные тобою,
Где ты весь в слова перегорел,
Будут жить особою судьбою,
Дольше всех тобой свершенных дел».

«Как же называется присловье,
Что ведет к началу всех начал?»
— «Это называется любовью», —
Улыбнувшись, Будда отвечал.

471. СНОВА ПОЛНОЧЬ

Ни я, ни вы не верим больше чуду,
И никому уж нас не убедить,
Но вы сказали: ровно в полночь буду,
Как некий дух, незримо приходить!

Двенадцать скоро. Никаких заклятий
И чернокнижья нету у меня,
И дьявол у меня не на зарплате,
И никакого адского огня.

И рядом нет ни башни, ни собора,
Не бьют часы и совы не кричат,
Но знаю я — двенадцать будет скоро
И вы пройдете через темный сад.

Я знаю — вы меня не огорчите,
Я признаю всё ваше торжество,
Но если здесь вы — просто постучите,
Услышу я, не веря в колдовство!

Я так сказал вполголоса, но с жаром.
Едва мой голос в комнате затих,
Четыре четких раздались удара,
Что делать мне, но я ведь слышал их!

И никакого звона старой башни,
И никакой тревоги иль тоски,
И на часах — двенадцать, и не страшно,
И ветер счастья холодит виски!

472. О ДОЖДЕ

Дождь любит работать ночью,
Особенно дождь осенний,
Он ищет, творит, пророчит,
Он полон любых движений.

То он — сумасшедший Рихтер,
На водяном рояле
«Поэму экстаза» взвихрит
В ночном своем тихом зале,

То, притворясь детективом,
По капель следам отдельным
Угадывает на диво
Шаги гостей запредельных,

То ищущий ритм элегий,
Как новый Рембо в экстазе,
По крыше едет телегой
И хлопает медным тазом.

Всю ночь дождь, как я, в работе,
За это он мне по нраву,
Я правлю стихи в заботе,
Он правит ночной державой.

Стучит и над вашей крышей,
Над снами, но не бушуя,
Стучит он как можно тише,
Об этом его прошу я.

473

Осенний праздник
Пламенной листвы,
Узоры кленов
С желтизной березной —

Такой букет
Собрали нынче вы,
Им любоваться
Никогда не поздно.

Дубов коричневый
Летящий лист,
Зеленый — тополей
С душой веселой
Стремятся к вам.
Морозный воздух чист,
Как этот лес,
Что пляшет полуголый.

Принарядится вновь
Он по весне,
Глаза и сердце
Зеленью потешит.
Пускай уснет
В волшебном зимнем сне,
Разбудит май...
Мы с вами будем те же.

Мы опьянимся
Зеленью дубрав,
Всё тот же лес
Нам скажет, зеленея:
«Всегда я жив,
Всегда я жизнью прав
И, как и вы,
В восторге перед нею.

Не так же ли,
Как эти вот листы,
Слетят, искряся,
Разноцветным строем
Твои стихи
В лесу твоей мечты,
Где в отдыхе
Как будто спит былое.

Они замрут,
Чтобы родиться вновь —

Опять шуметь
И сердцу откликаться,
Аукаться
И понимать без слов
Сердец земных
Таинственное братство!»

474

Мне кажется, что были вы всегда —
В далекие и ближние года —
Нужны как воздух, небо и вода
И только изменялись иногда.

Вы изменились и за этот год,
Но измененье это вам идет,
И в чем-то вы подвинулись вперед,
И новое в лице у вас живет.

Вам надоело всё чего-то ждать,
Вы разрешили, как всегда, опять
Губам смеяться и глазам сиять,
Весельем сердца всех вооружать!

И зажигать игрой того огня,
Кому все чувства — близкая родня,
Как будто вновь вернули вы меня
В свет необманный радостного дня!

475

Мир затих, прохладный и беззвучный,
Где-то всходит бледная луна,
На закате растворились тучи,
В поле сумрак синий, тишина.

Вот он жизни поздний, теплый вечер,
Всё молчит, уснула вся земля,
Звездные над нею смолкли речи,
Пылью звезд уснувших не пыля.

Все земные бормотанья стихли,
Тишине внимаю, как во сне,
Вы — мой отдых, вы — мой праздник тихий,
Отдыхаю в вашей тишине.

Дня, грозой гремевшего, участник,
Я иду в вечерней теплой мгле, —
Вы — мой отдых, мой чудесный праздник,
Мой вечерний праздник на земле!

476. ЗИМНЯЯ ЛИРИКА

Пусть наших дней орда
Не будет голубою,
Мы сами — города
С неведомой судьбою.

И в них не перечесть
Прогулок у реки,
В них закоулки есть,
Глухие тупики.

И тусклый лязг ключей,
И лестница одна,
И дни темней ночей,
И ночи есть без сна.

И парки, и сады,
Бродили мы по ним,
Всем этим мы горды,
Всё в памяти храним.

Но истина простей —
Мы сами города,
Но мы не шлем вестей
Неведомо куда.

И лишь одно окно,
В котором брезжит свет,
На свете мне одно
Дороже многих лет.

477. СОРОКА

В белый сад, грустящий одиноко,
Снегом весь засыпанный легко,
Прилетает белая сорока,
Что белее снега самого.

Этот сад, мы понимаем сами,
Приглянулся ей уже давно —
На суку сидит она часами,
На мое глядит она окно.

Что же в голове у этой птицы,
Пристально смотрящей на меня?
Может, сон про жизнь мою ей снится,
Иль сидит, мой дом от бед храня,

Или хочет мне поведать что-то
И не может, с птичьей немотой,
Иль какая тайная забота
Обо мне в сороке скрыта той?

Я любуюсь снежными красами,
Всем величьем сада моего,
А она сидит, сидит часами,
Вся белее снега самого!

478

Мне кажется,
Подчас не на бумаге
Пишу я,
А на камне— так груба,

Хотя
И не лишенная отваги,
Моих стихов
Тяжелая резьба.

Вот и сегодня —
Сумрачно и сжато
Шли облака
Небесные пути,
И сосны, дикой
Зеленью косматы,
Куда-то в снег
Хотели завести.

Травы колючей
Полосы рыжели,
Гудела лесом
Серая весна,
Под ветром
Ивы ржавые хрипели:
«К нам в эту мрачность
Не придет она».

Но в непонятном
Самому веселье
Мне тайный голос
Вызвать вас велел,
Я вас позвал,
Как будто вы велели,
И вы пришли —
И мир повеселел!

479

Срежь ветку багульника,
Нашего друга.
В воде городской,
Среди каменных груд,
Пускай за окном
И морозы и вьюга —
На ветке, проснувшись,
Цветы оживут!

И в зимнем рассвете,
Холодном и хилом,
Зажгутся их сильные скромно
Огни...
И в вас они дремлют —
Могучие силы,
Неведомо вдруг
Расцветают они.

И я, с заметенного снегом
Пригорка,
Вскричу, что багульник
Сказать вам просил:
«Вы сами не знаете
Дремлющих зорко
До срока своих
Притаившихся сил!»

480. МУЗЫКА

Я, как дикарь, робеющий пред чащей,
Забывший грань между добром и злом,
Вхожу, смутясь, в священный лес, звучащий
Всей музыкальной силы торжеством.

И в этих волн безудержном накате
Я растворяюсь, я тону порой,
И мне понятно музыки заклятье,
Чтобы любую боль перебороть.

И в час, когда идет мороз по коже,
Немеет он при музыке такой,
Как счастлива та музыка, что может
Нам возвращать и радость и покой!

Та музыка — неслыханный властитель,
Я помню, как, экстаза смыв слезу,
Один фантаст воскликнул нам: «Хотите,
Я музыкою вызову грозу?»

Но то — закон! А есть и беззаконье:
Являются воздушные лучи —
Когда ваш голос в темном телефоне,
Как музыка далекая, звучит!

481

Никуда от привычек
Не деться,
О, далекая детства пора!
Я на сцене
Любил уже
В детстве,
Как и в жизни,
Героев играть.

Увлекался футболом,
Борьбою,
Свирепел, разъярясь,
Не со зла,
И ружье мое детское
С бою
Куча взрослых
Отнять не могла.

Нет, не Демона я
Чернокрылого,
В детском театре
Той юной весны —
Я играл
Адмирала Корнилова,
В Севастополе
Крымской войны.

При пальбе там,
Под криками, флагами
Жгли бенгальского
Уйму огня,
Мяч, оклеенный
Черной бумагою,
Как ядро,
Запустили в меня.

Уносили, кряхтя
От усердия,
Так героем мне
Пасть довелось,
И девчонка —
Сестра милосердия
Притворялась,
Что плачет всерьез.

И всю жизнь я
Размахивал шпагою,
На пределе играл
Своих сил,
Мяч, оклеенный
Черной бумагою,
Прямо в сердце мое
Угодил!

Думал — кончилась
Эта комедия,
Обошлось всё
Без вздохов и слез,
Но моя вы
Сестра милосердия
Пригорюнились,
Видел, всерьез.

Я томился печальной
Игрою,
Тайный ход
Всей игры изучив,
Но сыграл свою роль
Я героя,
Как и в детстве,
За сценой вскочив!

Это вы,
Режиссер этой пьесы,
Приказали мне
Встать и ходить,
Чтобы думал я,
Легок и весел,
Как и в детстве:
«Вся жизнь впереди!»

В этом мире
Я верю ребятам,
Пионерам,
Что лихо поют:
«Умирать нам
Еще рановато,
Нас дела ждут,
Дороги и труд!»

Пусть работа
Мне снова поможет
Силы новые
К жизни будить,
Да и вы
Запретили мне тоже
О конце
Разговор заводить.

Чередуя рожденья
И тризны,
Мы приветствуем
Времени власть.
Даже кот мой,
Философ капризный,
В долгожители
Хочет попасть.

И, презрев
Всех жалетелей вздохи,
Мы потрудимся
Вволю сейчас,
Сколько книг
Задолжал я эпохе!
Должен кончить
Я книгу для вас!

Чтоб сказали:
«Ничто ведь не вечно,
Каждой книге
Бывает конец,

Он — не стар и не молод, конечно,
Ну а все-таки
Он — молодец!»

483. КОСТЕР

День отдыха себе назначив
И все заботы отложив,
Развел костер я свой на даче.
Прекрасный день! Я снова жив!

Трещали сучья, и взвивался
Цвет, к голубому — голубой,
То с небом дым костра братался,
А я доволен был судьбой.

А я дышал, признаюсь, жадно
Апрелем, лесом, синевой,
И было мне смотреть отрадно
В кипенье сказки огневой.

И было огненной находкой
Увидеть в пламени костра,
Как шли вы легкою походкой
От дома к Ленинским горам.

На облаков веселой гриве
Игра небесного огня,
И вы стояли на обрыве,
Дыша немым восторгом дня.

И зданий пестрых бесконечность
Тумана крыла синева,
И, как корабль, плывущий в вечность,
Плыла весенняя Москва.

И вы вернулись чуть смущенной,
Как книгу, память теребя,
Вновь окрыленной, вновь влюбленной
И в жизнь, и в вечер, и в себя!

484. БЕЛКА

Она приходила бесшумно из зеленокудрой чащи,
Полная доверия к людям,
И было весело смотреть, как она ест
Печенье и кусочки сыра, сев перед нами на старом балконе,
И ничего не боится.
И с каким достоинством она удалялась в свою чащу,
Спокойно скользя по отвесным сосновым стволам.
Она похожа была на мысль,
Которая рождается внезапно,
Появляясь неожиданно, и веселит нас
Неожиданным раскрытием мира,
Полная доверия к людям,
И так же исчезает, как и появилась,
Бесшумно в суете большого дня.

485. ПРИЛЕТЕЛА НЕИЗВЕСТНАЯ ПТИЦА

Я видел: удивление было написано
На длинном лице пестрого старого дятла,
И прочел любопытство в быстрых перебегах синиц,
Клевавших зерно у меня на балконе, —
Потому что прилетела неизвестная птица,
Которой они искренне удивлялись.
Я сам ее впервые видел,
Но я не пошел отыскивать словарь,
Чтобы узнать ее имя,
Потому что мне хотелось смотреть и смотреть
На ее раскраску и движения.
Она была похожа на яркую рифму,
Которую посылает поэзия в дар мастеру,
Работающему над приведением чувств в порядок,

486. СВОБОДНЫЕ СТИХИ

Мне кажется порою, что на мне
Вытатуированы все событья,
В которых я участвовал,
                                        и пейзажи
Всех стран, где я был.
И меня можно рассматривать,
Как книгу с картинками,
С говорящими картинками,
Потому что я иные из них
Сопровождал стихами,
Которые я сочинил.
Не слишком ли много картинок
Для одного человека?
Вы это скажете, когда вам
Надоест просмотр, —
И тогда картинки исчезнут,
Останутся только стихи.
Я бы очень хотел,
Чтобы они остались,
Они так верят вам!

487

О, если бы я был
Чуть-чуть моложе,
Я резал бы
Коньками с вами лед,
Я мог бы состязаться
С вами тоже
Во всех тревогах
Жизненных забот.

Мы с вами вновь
Изобретали б порох,
Ходили б к бурям
В гости заодно,
Я вас увлек бы
В дьявольские горы,
А вы меня —
К чертям морским — на дно.

И в пресных днях
Нам было б просто душно,
Мы скуку истребили б,
Как врага,
А я сейчас —
Как старый конь в конюшне,
Что вспоминает
Битвы и луга.

Как этот конь,
Что рассчитался с бытом,
Еще хранит
Былых легенд красу,
И я стучу
В цементный пол копытом
И жесткой гривой
Яростно трясу!

488

Нет, не духи скуки
Иль отчаянья
По ночам беседуют
Со мной,
И ночей мне близкое
Молчанье
Я люблю.
Я — человек ночной!

А стихи —
Они за всё ответят,
Я не жду
Спокойную зарю.
Дверь открыта в ночь,
И звезды светят,
В тишине
Я с сердцем говорю.

И цветут
Вчерашние пустыни,

Как цвели они
Уже не раз, —
В книге ночи
На страницах синих
Всё уже
Рассказано о нас.

Звездный почерк
Разберет не каждый,
Не такой простой он —
Звездный путь,
То, что там написано
Однажды, —
Никаким пером
Не зачеркнуть.

Пусть звенит над нами
И грохочет
Будней
Беспощадная труба,
Мы живем
В молчанье этой ночи,
Где стихи, и звезды, и — судьба!

489

Сквозь ткань стиха,
Сквозь образ своевольный,
Сквозь трепет слов,
Звучащих первый раз,
Почувствуете
С гордостью невольной
Того, кто создал
Всё это для вас.

Того, кто скрыл
В словесной этой чаще
Души волненье
В стиховой волне,

И тайный смысл
Всех этих строк горящих —
Как разговор
Вдвоем, наедине.

И третьему нет места
В разговоре,
Но стих живет —
И времени полет
Его, как парус
В ветреное море,
Пускает в жизнь
И людям отдает.

И, может быть,
С подходом благородным,
Что этот стих,
Принадлежащий вам,
Услышите
Прочтенным всенародно,
Всем зазвучат
Заветные слова.

Известен даже
Школьникам беспечным
И критиком
Разобран в тишине,
Стих всё равно
Останется навечно,
Как разговор
Вдвоем, наедине!

490

Среди толп людских
И одиночеств,
Сбросив тяжесть
Жизненной брони,
Как пророк,
Утратив дар пророчеств,
Как поэт
Я песни сохранил.

Верю дням,
Что, горизонт очистив,
В дом вошли
И стали как друзья,
Радуюсь
Зеленым жизни листьям,
Радуюсь улыбке вашей я.

Мир сейчас
Наполнен всякой скверной,
Мы же знаем:
Чем темнее ночь,
Тем и звезды
Кажутся безмерней,
Ярче
И не просят им помочь.

Мы ведь тоже
Помощи не просим,
Мы сильны
Душой своей живой,
Пусть за летом
Расцветает осень
С по ветру
Танцующей листвой.

Далека моя
Шальная юность.
Позову ее —
Она придет,
Чтобы вы
Тепло ей улыбнулись
За ее — из дальних лет —
Приход.

Не люблю
Пустынных одиночеств —
И друг другу как-то
Мы сродни.
Как пророк,
Утратив дар пророчеств,
Как поэт
Я песни сохранил!

491

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым...

Анна Ахматова

Не молюсь я на ночь,
Ни к чему мне,
Знаю — знаменитым
Не проснусь,
Что́ мне в лет давно
Звеневшем бубне,
Я на бубен тот
Не оглянусь.

Было всё — и радости
И тризны,
Я заветных
Зорь своих достиг,
И страна,
Стихов моих отчизна,
Примет к сердцу
Мой вечерний стих.

И, смешав все
Времена и сроки,
В лабиринте дней
Моих кружа,
Прозвенят закатным
Звоном строки,
Те, что вам
Одной принадлежат.

492. ОДА БУДУЩЕМУ

Ты — Будущее, ты таишь
Все чувства, дни любого рода,
Сомненье, счастье, гром и тишь,
К тебе я обращаю оду!

Нет, я немногого хочу!
Благодарю тебя заране —
Пускай мне будут по плечу
Часы последних испытаний!

Пусть будут солнце и гроза,
Пусть будут чувства снова разны,
Пускай, скажу я за глаза,
Ко мне вернутся все соблазны.

И ты поможешь мне решать,
Как быть мне в случае отдельном, —
Ты — Будущее! Ты — душа
Всего, что можно, что предельно.

ПОЭМЫ

493. САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами —
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика бегут по базарам
Всё уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого, мышастого пони
Укусила черная кобра
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.

И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И, чего не случалось ни разу,
Мул некормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше».
— «Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни. [1]
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой сагиб перед небом,
И совсем не дерется стеком.
Сами из магратского рода,

[1] Так индийцы произносят имя «Ленни».

Ник. Тихонов

Сами

Ленинская Библиотека
Государственное Издательство
Ленинград
1924

Но свой род для него уронит —
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной:
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слыхал ты всё это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони,
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
— «Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,
Даже птице быстрей зарницы.
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами.
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре,
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

14 — 15 августа 1920
Деревня Тярлево

494. ДОРОГА

М. К. Н.

О ГОРОДЕ ТИФЛИСЕ, О ЕГО ДВОЙНОЙ ДУШЕ И О ТОМ, ЧТО КАЖДОМУ ПУТНИКУ ПРИХОДИТ ВРЕМЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ

Моим гортанным толмачом
Был сам Тифлис, и в толчее
Горбатых улиц он учел,
Что он богаче и ловчей.
То хвастал пышной тканью
Или зурной хвалебной,
То падал в серной бане
Снопом воды целебной,
Сбегая с головы
Прокипяченной дрожью
На каменные швы
У моего подножья.

Из бани, слова не сказав,
Швырял меня в Шайтан-базар,
Где солнечной экземой
Изъедены до пыли
Карнизы, щеки, этажи,
Где он, рассыпанный, лежит
Коробочной системой
Товарных изобилий.
Не смерч меня издалека
Занес — при чем тут ветер, —

Я лишь прохожий и пока
Плохой свидетель, но свидетель,
И я вношу поправку
В твоих лавчонок строй,
В харчевен топот бычий,
Тифлис, а ты смешной,
Ты прошлым обезличен.

Твои цирюльники, бренча
Всем арсеналом мелким,
Рвут бороды, качаясь, —
Но это ведь подделка?
Ослы твои под плетью,
И с их хурджинов [1] ловких
Стекают все столетья, —
Но это же издевка?
Он был высоким толмачом,
Тифлис, когда и в толчее
Моих насмешек он учел,
Что он богаче и ловчей.

И я увидел, между плеч,
Кирпичных плеч и серых,
Где и барану душно лечь, —
Резвится галстук пионера.
Старинный оседлав устой
Военной колокольни,
С разъяренною краснотой
Висит пятиугольная...

Забыв шахсей-вахсей, мулла
Косит халат из-за угла,
Отдав поклоном поясным
Почет плакатам расписным.
В победных войск линейный звон,
Где Юг и Запад на коне,
Вбегает кличей сходка,
Газетный дождь и, наконец,
Резвящихся гогон [2]
Павлиная походка...

---

[1] Хурджин — вьючный мешок.
[2] Гогона — по-грузински: девочка.

Стакан вспотел, но в чайхане
Сквозняк живет, и оттого
Вода прохладнее всего.
И вот — усмешки ни одной.
Ты собран весь, ты дышишь чаще,
Когда прощаешься с двойной,
С тифлисской правдой, как участник.

Уж Север звал меня условными
Сигналами вернуться:
Обманами снега в горах,
В реке пролетавшими бревнами,
Узором чайханного блюдца
Приказывал Север вернуться. [1]

КАК ВЫГЛЯДИТ НОЧНАЯ ГРУЗИЯ И ЗЕМО-АВЧАЛЬСКАЯ ГИДРОСТАНЦИЯ

Седлаю ночь. Дорогу кличу.
Тифлис за нами, ночь и я.
Мы золотим, как зуб, добычу.
Но слушай нас, Ирония.
Где пухнут плотиной Авчалы,
Ты снизишь дороги полет,
Оставишь мотор и причалишь
К дрожащему борту работ.

Теперь же — чинары и вязы
С размаху бросаются к нам,
Еще не споткнувшись ни разу...
Теперь же — по сторонам
Спит Грузия, запаковав
Забот старинные мешки,
В ларях, на холмах раскидав.
Гляжу на них из-под руки.

---

[1] Когда в Тифлисе начинаешь скучать по Северу, лунные пятна на горах напоминают о снеге равнин; бревна, сплавляемые по реке, — о больших водах лесного Севера, а цветок, грубо намалеванный на чашке в чайхане, кажется сошедшим с платка олонецкой крестьянки.

Нежданней блеска — алыча.
И для нее и для меня
Свет пневматического дня
Буравит серый лоб Авчал.
Здесь доблесть заново свежа
И руки греет на юру,
Здесь режут без ножа
Вопящую Куру,
Чтобы стальной гусак
Волны слепой шатанье
Заставил проплясать,
Плясать по расписанью,
Машинная игра
Чтоб тешилася хмуро,
Свирепая Кура,
Ты станешь робкой ку́рой.

Снует рабочая орда,
Ордою той переиначен
Один, кричавший: «Хабарда!»,
Глядел других иначе.
Как ни закатывай рукава,
Ты среди пестрых пестрый.
Слишком отчетлива голова,
И ярость не по росту.
«Довольно, ты схвачен — сознайся,
Не ты ли грозу горячил?
Не ты ль опрокидывал барса?
И ямбу судьбу поручил?

Товарищ, не правда ль?»
Сказал он, вставая:
«Я в книге оправдан,
Но здесь — я не знаю.
Я долго в печати
Коптился и понял,
Что нужно начать мне
Иную погоню,
Откинув молчанье,
Сквозь цепкие, длинные
Леса примечаний,
Статей с укоризной, —
Я вышел в долину,

Где нет архаизмов.
Оставив подрясник
На белых страницах,
Я выпал из басни,
Чтоб здесь повториться,
Теперь в отряхающем
Каменность мире
Я снова — ломающий
Правила Мцыри».[1]

Да разве плотине, разве ж ей
Понять беглеца такого?
Я руку его задержал в своей,
Смотря на него без слова.
Плотина росла, громоздясь по воде,
Над ней, над громадой теснящей,
Гремел пневматический день,
Как полный инструментов ящик.
Авчалы за нами, но я не бедней,
В конюшнях Иронии много коней.

О РАЗБОЙНИКЕ ЧОЛОКАЕВЕ[2] И ГОРОДЕ ДУШЕТЕ

Ты ждешь меня, Адай-хох,[3]
Великий орех ледяной?
Но в долине орех неплох,
А в потоке и лед иной.
Чего ж тебе сидеть в душе,
Как служба в новобранце,
В семи шагах Душет
Стоит зеленый, глянцевый.

---

[1] В Земо-Авчалах рядом со старинным монастырем, где жил лермонтовский Мцыри, ведутся работы по электрификации Куры. На работах заняты 1500 человек. Здесь можно встретить и послушников, убежавших из монастырей и сбросивших монашескую одежду.

[2] Чолокаев — бывший князь и крупный помещик, сделавшийся в годы революции бандитом.

[3] Адай-хох — гора в Осетии.

Правда, ты тишью радуешь,
Внизу же обвалы бед.
Давно ли, с отвеса падая,
Чолокаев душил Душет?
Купаясь ястребом хриплым,
Бесславя горское право,
Он вольность украсил скрипом
Измен, позументом ржавым.
Как тень гонимой породы,
От чутких погони ушей
Бежал трущоб воевода
К навесам шалашей.
Плевал на кровли скромные,
Слал на них топор,
Топча ногой бездомной
Беднейшие из нор.
Так ты уважил нищету?
Шакал не ляжет с тобою тут.

Внимание, князь, — на родине,
Где моря зыбь глухая,
Шалаш такой же, вроде
Последнего сарая.
К нему вот на пустырь,
Подрезанный прибоя бритвой,
Пришел гостить не то, что ты, —
Хозяин битвы — перед битвой.
Строитель дома для вселенной
Пришел как равный к шалашу,
А твой мирок, владыка пены,
Я только в случай заношу.
Душет, я отошел на вызов,
Забыл о глянце, о душе
Твоих веранд, ворот, карнизов,
Коров и горожан, Душет.
Не обижайся, недосказ
Необходим, как недосол,
Не я виною, что сейчас
Пылит дороги колесо,
Что миссия моя — не ты,
Что я из стаи гончих
И, как собака, поостыл,
Охоты не окончив.

АВТОР ПОНОСИТ ПАСАНАУР, БРЕЕТСЯ И, СТРАДАЯ БЕССОННИЦЕЙ, ВЕДЕТ НЕНУЖНЫЙ РАЗГОВОР С МЕДВЕЖОНКОМ[1]

На Север! Там не потухает
Мой дом, исполненный вчерне,
В который бьет река лихая,
Врагов наследственных верней.
Второю станцией на «ур»
Ко мне идет Пасанаур.

Айвы и водки маклер,
Форелей пожирнее,
С матрацами из пакли
На жидких галереях,
Пером мохнатых кур
Нацеливший в меня,
Ты — мещанин, Пасанаур,
Забывший паспорт обменять,

Ты высох на безделье,
Валяясь на перинах.
Кабан, мы бриться будем
Назло твоей щетине.

Сегодня вечер прожит,
Похолодели гребни
Ущелий. Зеленой
Стучат листвой виски.
Намылен помазок,
Бумагу нам одолжит
Заброшенный учебник,
Где по морям графленым
Ползут материки.

Но старый атлас вылинял,
Кинь глазом по странице —
Как много стран намыленных
Ждут очереди бриться.
Мы будем и на выстрел
Лицом равняться голым,

---

[1] В Пасанауре на дворе сидит на цепи медвежонок, привезенный из Хевсуретии.

Раз имена земель в порезах,
Раз времена расколоты.

. . .В Пасанауре двор метен
Бывает в день не раз,
Гуляя — призываю сон,
Но он дичится глаз.
Но сон и глух и нем...
Цепями нагруженный,
Из-за столба ко мне
Выходит медвежонок.

Как будто бы огонь,
Как будто вихорь бурый
Лизал его всего
И выгорела шкура.
Ленивый великан,
Пасанаурский Санчо,
Он так же, как духан,
Урча, подачки клянчит.

«Облизывай, рыжий,
Старательней корку, —
Тебя же кнут оближет,
Как солод горький.
Тебе гулять
В дворовой душной рвани,
Твои поля
Засеяли мещане.
И сдохнешь не на родине,
Земляк, —
У потных ног их,
Шеей шевеля.
Чтобы кончать —
Свинцом пробьют висок».

. . .Он заворчал
И цепи поволок.
И лег меж ночью и столбом,
А звезды рвалися к нему,
Но он, как старый астроном,
Храпел у спячки на дому.
Тут сон ударил по плечу,
Задул окно, закрыл свечу.

ПРОГУЛКА В СТРАНУ ХЕВСУРОВ, ГДЕ МЕДВЕЖОНОК ПУСКАЕТСЯ В РАССУЖДЕНИЯ И ПРИВОДИТ АВТОРА В НЕГОДОВАНИЕ

Не озабочен лунной сметой,
У звездной знати не в чести,
Я просыпаюсь, чтобы в этой
Главе лунатиком пройти.
Медведь поднялся с четверенек,
Кричит за цепную межу:
«Выходи, я тебе и без денег,
Я задаром свой край покажу!
Одежды дерева в лесах,
Природу зуба, когтя, лая...»
Я взвесил цифры на часах,
Они сказали: «Погуляем».
И я гулял, теряя вес, —
В глазах провалы жили,
Часов не счесть и верст не счесть,
Но только всё кружилось.
Кружила по ногам трава,
Не приходившая обратно.
Ущелий бешеные пятна,
Их темноярусный провал,
Их поворот невероятный
Своей неправдой подкупал.

Шумели спины вепрей,
Народ такой — хевсуры,
Хевсуров замки крепли,
Над бездной мост просунув.

И я шагнул во сне
Туда, где замерла нога,
Где граждане камней
Сидят у очага.
Для встречи новой осени,
Для укрепленья духа
Бушует в их обсосанных,
Кривых рогах сивуха.

Что здесь городской наряд,
Моей смятой каскетки блин,

Если черная гор заря
Одевает их до земли?
Лучины стелют по полу
Худые облака,
Года проходят около,
Хевсуров не толкая.
Потеет сборище кольчуг,
Огонь пылает бородатый,
И сабель сто, и копий сто —
Как объяснить, что я не то,
Что я не только сон, я — друг,
Я — современья соглядатай.

Медвежий смех в глаза мне:
«Каков мой край родимый,
Кунак, прошу запомнить:
Мы злы и нелюдимы.
Та самая не наугад,
Подобная потопу,
Шагающая в ногу
Меж классовых бригад,
Штурмующих Европу,
Та самая, что в споре
Столкнула земли лбами,
С кольцом в носу — История
Тут властвует над нами.
Тут ни при чем бетон и кран
Подъемный, свист литейной,
Пока заведует туман
Отделкой троп затейной.

Тут запах неуместен
Твоих столичных песен,
Пока под красною луной
Наездник тешится войной,
Арканом женщин спутав,
А в душах, точно в норах,
Всё так свежо, как будто
Еще в проекте порох».

Тогда, задув обид свечу,
Тогда, размахиваясь, — ведь
И я не каменный, — кричу:

«Остановись, медведь.
Довольно темнотой свистеть,
Молчи пока, как я, как те,
Которым не до шутки,
О привилегиях когтей
Забудь, мятежник явный,
Я не бросаю камня
В тебя и в них. Я поостыл,
Но знай — далеко ль, здесь ли
Такого скептика, как ты,
Когда-нибудь повесят».

. . .Сквозь облачную смуту
Возникло солнце в комнате,
Как столб огня в траншее,
Но сон есть сон. Запутав,
Швыряю эти строки
Любителям на шею.

ОБ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ В ОСЕТИИ И БОЛЬШИХ ДОРОГАХ ВООБЩЕ

На Север! Там одна простая
Душа волнует жизнь мою,
Под теплый дождь лицо подставив,
Она смеется мне на Юг.

Дорога — что? Чинар расщеп,
Редкой воды полоса,
Друзья на час, тарелка щей,
Слова без адреса,
И снова ночь.

И снова день навстречу
Работы клонит,
Ряды овечьи
Осетинка гонит.
Ей только семь веселых,
Разбойных лет,
Ее колени голые
В песке, в золе.

Она — куста не выше
В сентябрьской позолоте,
И нищетою вышиты
Ее лохмотья.

Ну вырастет она,
Обычаю в отраду,
Даст клятву чугунам,
Стойлу, стаду.
Служанкою пройдет
    Жилья на дно,
    И всё затянет лед,
    И снова — ночь?
    Иль северный устав
    Глаза приманит
    И для нее верста
    Овечья стыдной станет?

    Пока же день горбат,
    Всё по-другому,
    И голода арба
    От дома к дому.[1]
    Мне жаль, Осетия,
    Что ты такая,
    Как на рассвете
    Заря скупая.

Ветшает юность, как мешок.
Ее встряхнув, найдем
Тут — бег бровей, там — шарфа шелк,
Здесь — год любой войны, и в нем
Дорога — что? Гorниста выдох,
Недели — крови пузыри,
Зима, любовниц ветер выдал,
Сломал и память раздарил.
Опять блуждать, опять уметь
Дразнить людей — пожалуйста.
Я жил у счастья на уме,
И мне не жалко жалости.

---

[1] Девочка-осетинка имела еще одну особенность: она ругала своих овец последними русскими ругательствами. Их нельзя было ввести в поэму, хотя элегический тон главы несомненно выиграл бы от пяти-шести свежих, совершенно неожиданных слов.

Весы дорог, времен, мест
Отнюдь не безусловны,
Дается старенький провес
На всякое любовное.
Поверь, дитя Осетии,
Не до конца я скучен,
Есть басня на примете,
Дежурная, на случай.

О ТОМ, КАК ТИГР ПОПАЛ НА МАЙДАН

В глуши, Ленкорани левей,
Где конь не оближет удил,
Зверь закаспийских кровей,
Жирея в меру, бродил.
Но чаща такой преснотой
Окачивала и окручивала,
Что тигру наскучил постой
И дружба с бамбуком наскучила.

Кидая день, и дом, и дым
Своих незваных ужинов,
От верной еды, от жены, от воды
Сбежал полосатый труженик.
И, странствуя, между делом,
Сбивал он скулы волку.
Овечью чистил мелочь,
Купался и шел, как по шелку.

Люди толпились. Река лилась,
Долина в зелень наряжена,
Такая природа и требовалась
Для тигра, задором заряженного.
А как поглядел он с размаху вниз —
Увидел не пропасть просто:
Внизу расходился ночной Тифлис,
Огнями Куру захлестывая.
И лопался тигр от гордости,
Что вот добежал из чащи:
«Тут можно и славу приобрести,
Любовь, уют настоящий».

А к утру лежал на майдане он,
Убитым хвостом болтая,

Толпа зевак со всех сторон
Росла, зевала, таяла.

Так постоянно гонится мир
Через пустыни, и смех, и вой,
Так добежим до майдана и мы,
Лечь под ногой ротозеевой.[1]

УКРОЩЕННЫЙ ТЕРЕК, ХРАБРЫЙ ХАДЗИМЕТ, КАМЕННЫЙ ПАТРУЛЬ И НЕПОЧТИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДРЕВНОСТИ

Пока я время проводил
В тигриных краснобайствах,
Дорога лезла впереди
По каменным хозяйствам.

И вот уж под тучей холщовой,
Где беглые сосны висят,
Над Терека громом дешевым
В аулах пасут поросят.

Времен мелеет быстрина,
Сокол понял, Терек злится,
Что запах шерсти и вина
Ценнее недр пороховницы.

Анкета горного орла
Невелика и неуклюжа,
Как горца хлеб и кислый ужин,
С былой гордыней пополам.

Но было и время такое —
Дигорию поднял Такоев.[2]

---

[1] Тигр, о котором идет речь, пришел к Тифлису из Персии, из Мазандарана. Он имел около сажени длины и был очень тяжел. Убили его случайно. Я видел чучело в музее. Пуля прошла у него между глаз — так можно попасть только со страху.

[2] Симон Такоев — один из героев гражданской войны в Осетии.

Как бревна в потоке,
Губя переправу,
Металися белые сабли
Направо.

Как бревна в потоке
Ломают ребро,
О горы ломались
Пики Шкуро.

Но бою и горю
Преграда какая?
Копытом Дигорию
Рвет Бигаев.[1]

Обуглись, но выстой —
Выхода нет.
За кровь керменистов
Встает Хадзимет.

Черкеска и маузер,
Ночь — заодно,
Пояс, набитый
Громким зерном.

В нагорном Ардоне
Развьючены кони,
В нагорном Ардоне
Храпят на попоне.

Коня ли, быка ли
Возьмут на восходе,
В расходе — Бигаев,
И мститель — в расходе.

Так бились налево,
Сверкали направо.
Плыви — если нет
Сухой переправы.

---

[1] Сосланбек Бигаев — штабс-капитан, был начальником белого карательного отряда, особенно свирепого с «керменистами». Хадзимет Рамонов дал слово, что он убьет Сосланбека Бигаева. И он его убил в селе Ардоне ночью, причем погиб и сам.

Не правда ли, Симон Такоев,
Ведь было же время такое?
От Терека тесного
До вод горячих

Так ли поется песня?
Так ли поется песня?
Или уже иначе?
Или уже иначе?

Мотор храпит, дрожа за шины,
Как нервны дикие машины...
Ущелья виден вход мышиный,
Но стой! Гвардейцы здешних мест —
Идут сверхсрочные вершины
Моим путям наперерез.

Из общей джигитовки выпав,
Их впереди, как старый бек,
В гранитной бурке, пересыпан
Почтенным снегом сам Казбек.

Его не купишь серебром,
Его не переспоришь спором,
Я приучен, что с патрулем
Документальны разговоры.

Влезаю в сумку, достаю
Бумагу, где простых
Десяток слов, что я стою
За ветер, против духоты.

А еду к Северу, к себе,
Что любопытством путь измерил,
Что вот печать, ряд подписей,
На случай скрепленных доверьем.

Но, не приняв письма разводов,
Туманы натянув до щек,
Гора молчит, Казбек уходит, —
Старик неграмотен еще.

Мотор — дикарь, его притом,
Как и меня, пути казнят,

Писать раздвоенным пером —
Нелюбопытная возня.

Так выпрямляй его, как ял
Прямит корму, — уже о старом,
Уже бормочет нам Дарьял
С авторитетом дней Тамары.

Вот стены рваные, о чем
Воды холодное ворчанье, —
Не торговаться ж с кирпичом:
То был ли замок или баня?
Ну ошибемся, так живьем
Руин укор переживем.
Как в переполненном аду,
В ущельях гулы на виду.
Последний хруст, последний камень,
Кавказ морщинится за нами,
Кавказ за нами жмет кулак:
То сыплет прошлым, то дождем,
То устилает землю тенью,
То ледяные шлет огни, —
Не так ли или точно так
У поэтической родни
Эпитет ищет назначенья?

Упали горы, посмотри:
В иной стране, в другом режиме
Встает содружество зари
С костром степного старожила.

КОГДА КОНЧАЮТСЯ ГОРЫ — НАЧИНАЕТСЯ СТЕПЬ, АВТОР СКРОМНО ВПАДАЕТ В ЛИРИКУ

Я взял к вершинам не на выбор
Кратчайший путь — хребет седой,
Я перечел за глыбой глыбу
И бросил, вычитав одно:
Внебытовой покой камней
Не может снизиться, не вправе, —
А я — равнинный мастер, мне
Страной заоблачной не править.

Вот едем низиной, всё глубже, всё туже
Степной ударяет уют,
Я вижу, как люди садятся за ужин,
В сараях коровы жуют.
И свечки наростами жира,
Шипя, обрастают пристойно,
А я по негнущимся лестницам мира
Скитаюсь котом беспокойным,
И с мышью вчерашней, и с завтрашней мышью
Я в ссоре, и ссора не знает затишья.

Смеется осень между зарев:
«Послушай, путник, речь мою,
Не только я одна базарю,
Леса на ветер продаю,
Над промотавшимся туманом
Имен, обычаев, знамен,
Над прогоревшим балаганом
Земли встает аукцион.
Довольно звезд лелеять ворох
На поэтическом шесте,
Мы их сравним с желтком, который,
Поджарясь, лопнул на плите.
Мы прошлому простить не можем,
Что жили с ним, его куски
Вложили в мозг, впитали в кожу
И вот — не подаем руки.
Нас утомил размах впустую.
Со страстью к юному вину,
Как бородавку кочевую,
Хотим мы выжечь старину».

«Всё так, цветное время года,
Разоблачай, рычи, дари,
Но исторической погоды
Не я веду календари».

Темнеет степь — всё на свете,
Когда сентябрь темнеет вдруг,
Я помню девочку Осетии
Такой, как встретил поутру.

Как на скалистом повороте
Она шумела по траве.

И я увез ее лохмотья
В своей нескладной голове.

Еще взглянуть — стих приторочен,
Трясет губой, стучит ребром,
Еще усилье — и полночный
Владикавказ подарит сном.
Так пусть под пепельную прыть
Садов, шумящих напряженно,
Придет со мной поговорить
Во сне хевсурский медвежонок.
И скажет мне с улыбкой злейшей:
«Вставай, кунак, гляди в окно:
Еще одной дорогой меньше
И больше осенью одной».

Сентябрь — ноябрь 1924

495. КРАСНЫЕ НА АРАКСЕ

1

Зажми слова и шпоры дай им,
Когда, перегибая нрав,
Ты их найдешь, упорств хозяин,
В чужом упорстве прочитав,
В несытой и коричневой
Лавине на горах,
В гремучем пограничнике,
Как молодой Аракс,
Где в звездном косоглазии,
Давяся тишиной,
Предплечья старой Азии
Качались надо мной.

Но как мне в памяти сберечь
За речью двуязычной
Ночь, громадную, как печь,
Зов и запах пограничный:
Он ноздри щекотал коням,
Дразнил разбегом и разбоем,
Грозой белесой оттеня
Степей стодолье голубое.

2

Дороги тут и водятся
Насмешливей ресниц,
У тех дорог не сходятся ль
Хранители границ?

Они ступают бережно,
Чтобы сберечь подошвы,
Легко идя по бережку,
Как шорох самый дошлый.

Где пахнет гостем крепким
Иль контрабандным шагом,
Идут по следу цепью
Скалой и камышами.

Ночь зыбится и стелется
Для всех живых одна —
О шашку храбрость греется,
Как о волну — волна.

Такою ночью сердце вплавь,
А с юга, нам закрытого, —
Идут и против всех застав
Храбрятся вдруг копыта.

Но лишь подымет берег вой,
Сквозь сломанный ардуч [1]
Махает барс, как шелковый,
Лоснясь на ходу.

И вслед его, как серый ком,
Под ветровой удар
Несется круглым кубарем
Пройдоха джанавар. [2]

Попробуй тропы узкие
Законом завязать —
Далеко видят курдские
Точеные глаза.

И что им часовые?
Как смена чувяков, —
Но красные значки их
Одни страшат кочевников,

---

[1] **Ардуч** — кустарник.
[2] **Джанавар** — волк.

Значки стоят то хмуро,
То пьяно, то нарядно
На вышках Зангезура,
На стенах Ордубада.

И, отступив, номады,
Скача в жару и впроголодь,
Гадают в водопадах
На мясе и на золоте.

Но в пене, в жилах скрученных
И в золоченом поясе
Блеск красный, как ни мучайся,
Он всюду — как ни ройся!

3

Как вымысел ущельем рта
Восходит в песен пламя,
Так Арарата высота
Всходила запросто над нами.

Равняясь честно на восход,
С ума свергавшей головой
Сиял, как колокол и лед,
Земли бессменный часовой.

Прости, старик, мы пили чай,
Костром утра согревши плечи,
Садов зеленая свеча —
Лукавый тополь, нас уча,
Шумел на смешанном наречье.

Ступали буйволы с запинкой,
Кувшин наполнился рекой,
Страна камней, как семьянинка,
Оделась в утренний покой.
Кусты здоровались обычно —
Меж них гуляет пограничник.

4

Стан распоясан, ворот расстегнут
Синий глаз отточен, —
Где же ты, Азия? Азия согнута,
Азия загнана в бочку.

Твои ль глаза узорные
Стоптали кайму свою,
Здесь красные стали дозорными
Народов на краю.

Обгрызли мыши Тегеран.
А где ж была ты, старая?
Моссул ободран, как джейран, [1]
Ступай, ты нам не пара.

За что ходили ноги,
Свистело в головах?
За что патрон в берлогах
До барса доставал?

Багдад — питомец праздный,
Багдад не любит жара
Аракского костра, —

Пляши же, тари [2] старая,
Так смейся, тари красная,
Узун-дара! Узун-дара! [3]

Нежней луча, ходящего
По заячьим ушам,
Тундырь [4] печет прозрачные
Листовки лаваша.

Дыня жирная садам
О желтизне кричит сама.

---

[1] Джейран — горный козел.
[2] Тари — гитара.
[3] Узун-дара — танец.
[4] Тундырь — печь, в которой пекут лаваш (особый хлеб).

Ты, Азия, дышала нам,
Как сладкая дутма.[1]

Перебирая сквозь очки
Качанье четок и цепей,
Ты клюнешь песен — выпечки
Московских тундырей.

Аракс не верит никому —
Постой, смиришь обычай,
Так лайся же по-своему,
Пока ты пограничен.

5

Уже звезда, не прогадав,
Вошла в вечернее похмелье,
Работам, пляскам и стадам
Отныне шествовать к постели.

Тропинка в небе с красной кожей
Уже краснеет у́же,
Деревья тянутся, похожие
На черный горб верблюжий.

Одно — двугорбое — во тьму
Входило стройно, без обиды,
Если бы руку пожать ему,
Расцеловать, завидуя,

Простую тутовую душу,
Рабочих плеч его чертеж,
Сказать: «Барев, енгер,[2] послушай,
Ты понимаешь, ты не пропадешь!»

---

[1] Дутма — дыня высшего сорта.
[2] Барев, енгер — здравствуй, товарищ.

6

Поставь напрямик глаза,
Заострись, как у рыси мех,
Под чалмою шипит гюрза, [1]
Под чадрою — измены смех.

Легкий клинка визг,
Крашеный звон купцов,
Крылатая мышь задела карниз —
Так Азия дышит в лицо.

Неслышно, как в ночь игла, —
Для иных — чернее чумы,
Для иных — светлее стекла, —
Так в Азию входим мы.

Меняя, как тень, наряды,
Шатая племен кольцо,
Так дышит снам Шахразады
Советская ночь в лицо.

Курдский прицел отличен —
Сто́ит слова литого,
Падает пограничник —
Выстрел родит другого!

Что в этом толку, курд?
Слышишь, в Багдаде золото
Так же поет, как тут,
Только на ваши головы.

Что же, стреляй! Но дашь
Промах иль вновь не зря —
Будешь ты есть лаваш
Нашего тундыря.

1924
Армения

---

[1] Гюрза — змея.

496. ВЫРА[1]

15 марта 1918 года

Четвертый съезд Советов
Столпился перед зыбью,
Рокочут анархисты, взводя курки.
Ныряют соглашатели, чешуйчатостью рыбьей
Поблескивают в зале глухие уголки.
Колючей пеной Бреста
Ораторы окачены,
Выкриками с места
Разъярены вконец —
Эсеры гонят речи, но речи, словно клячи,
Барьеров не осилив, ложатся в стороне.
По лицам раскаленным
Проносится метелица,
Ведь нам же, ведь сегодня, здесь,

---

[1] Выра — деревня около Гатчины, где 29/V 1919 г. бывший Семеновский полк перешел на сторону белых. Здесь погиб комиссар рабочей бригады, член исполкома, товарищ Раков. Раков — по профессии официант, начал революционную деятельность с 1912 г., был председателем Профсоюза служащих трактирного промысла, работал во фракции большевиков в Государственной думе, был арестован, выслан; в 1914 г., не желая идти сражаться, сдал экзамен на фельдшера. В Февральскую революцию был избран председателем 42-го армейского корпуса и членом Петроградского Совета от Выборгского крепостного гарнизона. Он принимал самое активное участие в гражданской войне в Финляндии. Когда финский пролетариат был разгромлен, комитет 42-го корпуса был весь уничтожен под деревней Раута, товарищу Ракову чудом удалось спастись от белых. Они назначили крупную сумму за голову товарища Ракова и даже послали своих агентов в Петербург, чтобы убить его.

Вот здесь решать гуртом —
Винтовкой беспатронной ли
В глаза врага нацелиться
Или уважить вражью спесь
И расписаться в том.
«Вот когда мы шагали верстами,
Не так, как теперь, дорожим вершком,
Так ведь за нами — и очень просто —
Те же эсеры шли петушком!»
Зала разорвана, Ленин, заранее
Нацелясь, бьет по отдельным рядам,
Точно опять погибает «Титаник»,
Рты перекошены, в трюмах — вода.
«Теперь как бойцы мы ничтожны слишком,
Тут и голодный, и всякий вой,
Вот почему нам нужна передышка —
Мы вступили в эпоху войн».
Тонут соглашатели. Лысины — как лодки,
Рты сигналы мечут напропалую — ввысь,
Но гром нарастает — кусками, и ходко
Холмы рукоплесканий сошлись и разошлись.
Рук чернолесье метнулось навстречу,
Видно, когда этот лес поредел,
Что это зима, где не снег бесконечен,
А люди — занесенные метелями дел!

1

Меж Ладогой и Раута
Угрюма сторона —
Только таборы холмов
Да сосна.
Только беженец,
От белых пуль ходок,
Гонит стадо несвежее
На восток.
Словно в ссылку сектанты,
Шагают там быки,
Кровавыми кантами
Обшиты их зрачки.
Скучая по крову,
Голосами калек

Поносят коровы
Разболтанный снег.
И лошади бурый
Волочат свой костяк,
Закат — как гравюра,
Но это — пустяк.
Над всеми голосами
Скотов, дыша,
Умные лыжи остриями
Судьбы шуршат.
По ветру в отчаянье
Удерживая крик,
От смерти — нечаянно —
Уходит большевик.
Меж Ладогой и Раута
Угрюма сторона —
Товарища Ракова
Еще щадит она.
Остались он да беженец,
От белых пуль ходок,
Холмы в личине снежной
Да в сердце — холодок.
Только с Красной Финляндией
Кончен бал,
Над черепов гирляндами
Бал забастовал.
Только в стадо включенный
Упрямый костоправ
Уходит побежденным,
Узлами память сжав!

2

Изведавшее прелести годов несчетных,
Развесистое дерево взирало на столы,
В саду за музеем на месте почетном
Пестрая очередь топтала палый лист.
Дождь струился по людям незнакомым,
Плечам и фуражкам теряя счет, —
Спасского Совдепа военкомом,
Товарищем Раковым, веден переучет.

Комсостав, окутанный паром
Осени дряблой и жирной, как
Борщ переваренный, — шел недаром
В списки резервного полка.
Всем ли довериться этим бывшим
Корнетам, капитанам, подпрапорщикам?
На месте погон были дырки, а выше —
Сентябрьская слякоть стекала по щекам.
Одни были напуганы, как сада ветви,
Жалобно трещавшие под сапогом,
Иным безразлично было всё на свете,
А третьи говорили: «Товарищ военком».
Очередь курила, таинственно крякала,
Как будто она продавалась на вес.
Самсоньевский, Зайцев? — разгадывать всякого —
Значит, в саду на полгода засесть.
Качавшееся дерево вместо промокательной
Пухлой шелухой осыпало стол —
Осень старалась быть только карательной,
Темной экспедицией, мокрой и густой.
Но, казалось, ссориться сегодня не придется,
Все глядели вымытыми, словно из колодца.
И, казалось, с лишними, снятыми отличьями
Снято всё давнишнее, снято — и отлично!

3

Весь день гоньба под знаком исполкома,
Верти до ночи ручку колеса,
Где совещанья, речи, пыль и громы, —
Ты доброволец, ты не нанялся!
Необходимость машет булавой,
Хвали и злись, ручайся головой,
Пока внезапно день не испарится,
И к полночи он различает лица
Лишь с точки зренья боевой
Или досадной единицы.
Блокада вкруг, как петли паука,
Давай, солдат, — крепись, товарищ Раков,
В ночной глуши досаден с потолка
Летящий герб в махорочных зигзагах.
И особняк, где шли пиры, обеды,
Черт знает что — в дыму других печей,

И в нем кипит, как варево победы,
Весь срочный быт военных мелочей.

Телефонист молодой
Перехмурил брови —
Он сидит как под водой
Иль витает с крышей вровень.
Страна полна такими,
Привычными, что крик,
Красноармеец — имя им,
А век их невелик.
И Раков смотрит: вот из тех —
Телефонист,
Кому отдать сейчас не грех —
Своей лепешки лист.
«Товарищ, ешьте!»
— «Военком, я сыт.
Я из гусаров спешен,
Я даже сбрил усы.
Из роты Карла Либкнехта,
В войне четвертый год,
Пишу стихи, отвыкнуть чтоб
От всяческих забот».
— «А ну-ка, попробуйте»... Сразу растет,
Лицо тяжелеет, но грусть водолаза
Кошачьим прыжком заменяется сразу,
Слова начинают зеленый полет:

«Книги друг к другу прижались,
В праздности шкап изнемог,
Вы разве в шелку рождались,
Гордые дети берлог?
В щепы — стеклянные дверцы,
Праздничных строк водопад
Каждому в душу и сердце —
Пей и пьяней наугад.
В буре — спасение мира,
К ней восхваленно взывай,
Души лови — реквизируй,
Если негодны — взрывай».

«Интеллигент, — подумал Раков тут, —
Такие все иль пишут, или пьют».

«Вы искренни — в том зла большого нет,
Но революция гораздо проще,
На кой вам черт разбитый кабинет,
Откуда книги тащите на площадь? ..»
И он зевнул, стремясь зевнуть короче.
Ушел, засел до солнца коротать
Часы в бумажной пене и окрошке,
К рассвету мысли начали катать
Какие-то невидимые крошки.
Мышиный мир наладил визготню,
Стих мелькнул, усталость вдруг упрочив,
Окно зажглось — и солнце на корню
Увидел он, — и солнце было проще.

4

Фасад казармы давящий, всячески облупленный,
Он стоил прошлой ругани и нынешней насмешки,
А люди в шинелях глядели, как халупы,
Такие одинокие во время перебежки.
Тут бывшие семеновцы мешались с тем
загадочным,
Как лавочный пирог, народом отовсюду,
Что бодр бывал по-разному в окопах и
на явочных,
Оценивая многое, как битую посуду.
Ученье шло обычное — так конь прядет ушами,
И Раков слышал: рвением напряжены сердца,
Но чувствовал, как винт ничтожнейший мешает
Ему поверить в то, что это до конца.
Но было всё почтенно: портянки под плакатом,
Как встреча двух миров, где пар из котелка —
Достойный фимиам, и Раков стал крылатым.
Смеркалось... Плац темнел, как прошлое полка.

5

Сведя каблуки, улыбаясь двояко,
Блестяще он выбросил локоть вперед,
Смутился: «Вы — Ра...» Запинаясь: «Вы —
Раков?
Самсоньевский, к вам в переплет».
Финские сосны в уме побежали,
С улицы лязгом ответил обоз.
Шел комиссар в офицерские дали,

В серую карту морщин и волос.
Карта тянулась: рада стараться!
Билетом партийным клялась за постой,
Билет был билетом, но череп — ногайца,
Но петлями — брови, но весь не простой.

6

Вопреки алебастру, вощеному полу,
Портьерных материй ненужным кускам,
Вопреки даже холоду, он сидел полуголый,
Отдыхая, как снег, под которым река.
Для него ль кресла с министерской спинкой?
У паркетного треска предательский ритм.
Разве дом это? Комнат тяжелых волынка,
Вражья ветошь, по ордеру взятая им.
Шелуха от картофеля с чаем копорским,
Плюс паек, плюс селедок сухой анекдот,
А над городом, в пику блокадам заморским,
Стопроцентное солнце весенних ворот.
Точно школьником — книги оставлены в парте,
Дезертиром — заботы в мозгу сожжены,
Он свободен, как вечность, от программ и от партий,
И в руках его — плечи спокойной жены.
Это то, когда место и вещи забыты,
Когда ребра поют, набегая на хруст,
Духоты потрясает все жилы избыток
И, пройдя испытанье, сияет осколками чувств.
Только губы застигнуты в высшем смятенье,
Только грудь расходилась сама не своя, —
Революции нет — только мускулов тени,
Наливаясь, скользят по любимым краям.
Отзвенело морей кровеносных качанье,
Рот и глаз очертаний обычных достиг,
По иссохшим губам, как неведомый странник,
Удивляясь жаре, спотыкался язык.
Шелуха от картофеля с чаем копорским,
Плюс паек — снова быт возвращен,
Снова встреча с врагом, и своим и заморским,
Шорох чуждого дома, не добитый еще.
И струею воды, до смешного короткой,
Так что кажется кран скуповатым ключом,
Он смывает костер. И по клочьям работа
Собирается в памяти. Мир заключен.

7

Не проблеск молнии,
Пробравшийся в шкапы, в лари,
Оно безмолвней,
Чем земля, горит,
Оно приходит смертью к вам на ужин
Или мигает сумеречно даже,
Оно — оружье,
Взятое у граждан.
Оно как образцовый
Оружейника пир —
От маузеров новых
До старых рапир.
Чтоб пыл боевой не остыл,
Сменяет хозяев оружье...
«Самсоньевский, ты
Смотри сюда поглубже...»
— «Не жалко ль тебе, эх, военком,
Ходить вокруг фонаря?
Сколько людей — раздели силком...»
— «Ну что ж — раздели не зря...»
— «Не страшно ль тебе, что со всех сторон
Не жизнь, а щетина ежа,
Одно оружье мы с поля вон —
Другого готов урожай».
— «Самсоньевский, ты ли
Нас предлагаешь потчевать
Елеем соглашателей,
Да разве мы остыли,
Да разве мы приятели
С господчиками?
Слова твои путают наши ряды,
Не изгибайся, брат батальонный...»
— «Но, Раков: я классовой полон вражды,
Что и красные эти знамена...
Им верен, как дому на родине — аист,
Скажи: распластайся — и я распластаюсь.
Но маузер взбросишь — богат заряд, —
Дашь по чужому, а валится брат?»
Оружьем комната завалена,
Закатной налита бурдой,
Они стоят, как два татарина,
Их мысли движутся ордой.

Отполированная сталь,
Она клокочет переливами,
Она имеет сходство с гривами,
И голос звонкий, как кастрат.
«Нет, ты с предателем не схож,
Самсоньевский, резок ты.
Ты — наш, я верю. Подхалимство ж
Я буду гнать до хрипоты.
Я сам в трактирах горе грыз,
Я был не блюдолиз —
Лакейства два: как ни рядись,
Одно — наверх, другое — вниз.
Одни держали на людей
Экзамен дорогой,
Зато уже никто нигде
Их не согнет дугой...
Другим понравилось житье
И сладость попрошаек,
Носить хозяйское тряпье
И хлопать в такт ушами...
Я пережил Думы
Имперский трактир,
Где больше болтали, чем пили, —
Солдатский, угрюмый,
Где смерть взаперти,
Пожалуй, лишь смерть в изобилье.
И я говорю тебе сущий резон:
Страшись притворяться лакейской слезой.
Гвардейская спесь на дыбы встает
В тебе и кричит тебе: «Здравствуй!»
Но если в рабочий ты вшит переплет —
Гордись переплетом — и баста!»

8

Тогда бывал незамечаем
Иных случайностей размер,
Случаен дом, где булки с чаем,
Случаен театр, а в нем — Мольер.
С толпой рабочей грея руки
Хлопками, гулко, — Раков с гор
Войны вошел в партер, в простор,
Он ощущал закланье скуки,

Он веселел, как сам актер.
Могло казаться даже страшным,
Что люди чтят переполох
Чужой, смешной, почти домашний,
А за стеной — борьба эпох.

9

Ночь гордилась луной, очень крупной,
Залихватской и шалой,
Зеленые листья кипели на струпьях
Домов обветшалых.
Трава шелестела, и шел человек не старинный,
Как будто он шел огородом,
Не городом — пахло тополем, тмином,
Пахло бродом,
Человек не мог заблудиться —
Он пришел из хитрейших подполий,
Город вымер и вправе обернуться лисицей
Или полем.
Раков шел огородом, не городом... Тучи
Кирпича, балконов умерших вымя,
Мог ли думать, что это воскреснет, получит
Его имя?

10

Эстонцы кривились, ругаясь с генералами,
Британцы шипели, требуя атак,
Нацелили белые мало-помалу,
Ударив через Вруду, на Гатчину кулак.
Тогда пришло в движенье пространство
за пространством,
От штабных неурядиц, от транспортных баз,
От крика беженцев до темного убранства
Лесов, уже весенних и гулких, как лабаз.
Фабричными гнездами, жерлами Кронштадта
Пространство завладело, угрозами звеня,
Вздувало коллективы и требовало плату:
«Резервы немедленно на линию огня!»

11

Оратор, не колеблясь, дышал прямотой,
Был выше кучи трагиков в волнении простом,
У служащих Нарпита короткий свой постой
Он делал историческим, не думая о том.
Над грудой передников, тарелок, бачков,
Над всем мелководьем, кусочками, щами,
Он видел: здесь мало таких дурачков,
Что шепчут и грустно поводят плечами.
Он видел, что слабость, голодная грусть
Исчезли, как лошадь, сраженная сапом,
Что стены прозрачны, собрания пульс
До Гатчины слышен — кончается залпом.
Он вспомнил, как был председателем их,
Союза трактирного промысла слуг,
Они были втоптаны в тину густых,
Безвыходных дней и разрух.
Их рвала свирепого быта картечь,
И вот они — свежи, как свечи,
Как будто им головы сброшены с плеч
И новые — ввинчены в плечи.
Волненье мешало, как ноющий зуб,
Как ссора иль спор из-за денег,
Есть в пафосе пункт, где пускают слезу
Актер, адвокат, священник.
Сейчас этот пункт пролетел стороной,
Толпа, что с плакатами щит,
Гудела — но Раков заметил одно:
«Самсоньевский здесь и молчит».

12

Доверье — не пышное слово
(И грустное «е» на хвосте),
С ним женщина ляжет к любому,
Прельстившему сердце, в постель.
Им можно испытывать дружбу,
Им можно растапливать печь,
И Раков, честнейший к тому же,
Доверьем не мог пренебречь.
Самсоньевский — скверненький зверь он.
Доверье! Весь полк запылен
Тревожною пылью! Доверье!

Пусть слухи идут на рожон.
Кто ждет их, должно быть, и глуп же.
Доверье чужим и родным!
Ну что же — Раков, и Купше,
И все подписались под ним.

13

Где подразумеваются развернутые взводы
Противника — разведкой не щупаны почти, —
Там самая ручная, знакомая природа
Омыта беспокойством, и мимо не пройти.
Лес мажется издевкой, поляны воспалены,
Болото смотрит гибелью, домашность потеряв,
Ползешь меж дружелюбных, хороших трав
по склону,
А следующий склон — враждебных полон трав.

14

Длится поход бесконечный день,
Люди отупели, усталость под ребром.
. . .Философоподобные лбы лошадей,
Ба! санитарной двуколки гром.
Раненый кажется сплошь холмистым
От вздыбленной шинели, похожей на тьму, —
Раков узнает того телефониста,
Ночного сочинителя, не нужного ему.
Он существует пожухлой обезьяной,
Курит самокрутку, орет по сторонам,
Видно, несмотря на тряску и на рану,
Душа его весельем полным-полна.
Раков себя ловит на том, что не жалость,
А только досада сквозит, как решето:
«Он и про меня еще сочинит, пожалуй,
Его неугомонности хватит и на то!»

15

Как толстые суслики, вниз головой
Идут сапоги, наедаясь взасос
И мокрым песком, и шершавой травой,
И каменной кашей приречных полос.
Но люди унылы — без предисловий

Землисты и тяжки, и видно любому —
Вот так же шагали в Митаву и в Ковель,
Они не умеют шагать по-другому.
И вспомнились финские стаи волчат
И красноармейцев ударные взводы,
Они воевали, как струны, — бренча,
Шагали, как сосны особой породы.
Теперь он глядит из-под хмурых бровей,
И вот не хватает чего-то на свете —
Неужели молодость воли своей
Оставил он в финском лесу, не заметив?

16

Двадцать восьмого мая
Вошла деревня Выра,
Как вестница немая,
В глаза куриным выводком
Безмолвствующих изб.
Синея, встали долы,
Ручей, пески дробивший,
Лесов сплошная тушь,
И в уши хлынул голос,
Когда-то говоривший:
«Вы Ра-ков? Что за чушь!»
В разбросе окон дробных,
Овинов, лип, людей,
В колодезных цепях,
В тишине загробной
Сушившихся бадей —
Не чуялось худого,
А белый вечер белым был
Лишь по природе слова.
Тут, котелком мелькая,
Солдатский ожил улей,
Получше да поглубже
Избу отвоевать.
Пусть завтра — хоть сраженье,
Зачем же грусть такая,
Мгновенная, как пуля?
«Самсоньевский, Купше,
Отдай распоряженье —
Здесь будем ночевать».

17

Ночь как ночь, замела даже имя
Той разведки, где, как по разверстке,
Леса и поля рисовались такими,
Какими они на двухверстке.
Ну просто броди и броди по кустам,
Но, прогнана сквозь новоселье,
В последнюю комнату мысль заперта,
Как пробка, притерта к аптечному зелью.
Уже человек неотчетлив, как столб,
Разъеден, приближен, что радуга к бездне,
Нельзя же так мучить! Бросайте на стол
И режьте, но дайте названье болезни.
Не ночь, а экзамен на фельдшера, мел
Крошится, доска неопрятна, лица убоги,
Солдаты, как цифры, дробятся в уме...
Разведка вернулась к обычной дороге.
Раков, меж пальцев крутя лепесток
Замятый, крутя с непонятной заботой,
Советовал фланг отнести на восток,
За Оредеж к Лампову, вкось от болота.
Советовал верить, но тот комсостав,
Что за музеем шел в мути тревожной,
Казался теперь паутиной в кустах,
Которую снять, не порвав, невозможно.
Машина спешила на Выру — домой,
Он, фельдшером, знал вот такое томленье,
Его не возьмешь никакой сулемой,
Оно не в родстве ни с одною мигренью.
Заснувшая Выра, условный свисток,
Изба, простокваши нежданная нежность —
Замытый, закатанный вдрызг лепесток,
Прилипший к шинели, клялся в неизбежном.

18

Вот комиссары в штаб идут
Налево, а направо
Выходит запевала смут —
Самсоньевский с оравой.
Ночь как ночь, замела даже имя
Той разведки, глухой, как силок,

Командиры с плечами крутыми
По-гвардейски садятся в седло.
Вот их кони, как лани,
Ступают в дубравах ползущих,
Вот их жизнь, как ольшаник,
Становится гуще...
За деревней — леса. На пустом расстоянье —
Часовые с кокардой зовущей.
Как пейзаж лес не нужен совсем,
Люди сумрачны слишком,
Ночь их варит под крышкой
Стопудовых котлов, но Самсоньевский нем.
Спотыкаясь о корни,
Кони яму обходят правей,
Но Самсоньевский просто зловещ,
Загляделся на повод, как навязчивый шорник,
За копейку купивший непродажную вещь.
Если б лес этот встал, завопив,
И лесничих сожрал, как корова грибы,
На порубщиках их же топор иступив,
И охотников сжег ворохами крапивы —
Всё равно — не уйти от судьбы!
В большевистской вселенной
Он поденщика ниже,
Он сплеча ненавидит низы —
Он, как торф, догорел до измены,
Он, как пень, оголен, как ветви, обижен
Превосходным презреньем грозы.
Деловито, что хуторяне,
Морды коней набок кривя,
Всадники жмутся — дым совещанья
Заворачивается на поляне,
С куревом вместе — тает в ветвях.
Жизнь загустела, вздыбилась горкой,
Лесом покрылась для игрищ ночных,
Вот он — азарт! Но с такой оговоркой,
Что каторжанин счастливее их.
...Рысью меж деревьев — травы веерами,
Белой ночи в небе колеи,
Рокот затворов — погоны с номерами,
Голос через гриву: «Смирно! Свои!»

19

Сон переживал последнюю историю —
Предутреннюю вялость, недоступную перу,
Когда неожиданно, как смерть на плоскогорье,
По ставням забегали десятки рук.
Красноармейцы путались в подсумках,
Бились в шинелях, рукавов не находя,
«Белые в деревне!» — звенело, как по рюмкам,
По стеклам, иголками в головах бродя.
Батальона не было — вылезали тени,
Тени страшились того, что впереди,
Хриплого значенья стреноженных волненьем
Слов командирских: «Сдавайся! Выходи!»
Какой рябиной в будущем
Подарит осень или
Какие облака — не кровь ли с молоком?
Вопросы тишины упали грудой щеп —
Забор оброс тоской, как подворотной пылью.
Кто не нашел сапог, сдавался босиком.
Самсоньевский, нежась в золоте погон,
Красным билетом махая, нарочно
Рвал его на части, плюя на картон,
Ничем не повинный, но гордый и в кусочках.
Выра обернулась берлогой, оврагом,
Где путник попадает на волчий бал.
Падает Калинин, Купше — с отвагой,
Падает Таврин, пробитый как бумага,
И враг его слетает, что камень, — наповал.
Воскреснув, врывается само янычарство,
Стирающее расу, привычки, лоск — насквозь,
Швыряют людей, их режут, как пространство,
В них шпарят, как в доску, и в мясо, и в кость.
И тут же целуются, тут же скулы
Подернуты дрожью у пленных, как у дев.
Артачатся лошади, и тащится сутулый
Царский семеновский марш, обалдев.
. . .К штабу запылили балахоны,
Криками набухла кутерьма —
Это смерть, махнув на все препоны,
Приближалась, прячась за дома.

20

Что ж истины доверья?
Их смерть всегда мгновенна.
Осталось хлопнуть дверью
И выйти на арену.
Схватить за горло, вклинить в мех
Золотовражий пальцы,
Остаться у друзей в уме
В порядке регистрации.
И завещать — что завещать?
Когда никто не смел прощать,
Любая мстящая праща
Не уставала верещать —
И голова желтком во щах
Купалась... Что здесь завещать?

21

Ракову даже не нужно было
Последнего слова — дулом водя,
Шаркал пулемет, как танцор, — относило
Шарканье каплями тончайшего дождя.
Что еще заметить напоследок,
Кроме гильз стучащих, кроме
Бревен потолочных, кроме объедков
Хлеба на растерзанной соломе?
В мире не осталось сожаленья —
Шквал огня по дому одному —
То не просто злость, а исступленье,
Выход в допотопнейшую тьму,
То не поединок — преступленье,
Шквал огня по дому одному.
Хоть бы кто — лишь хобот пулемета,
Хоть бы слово — вражья трескотня,
Хоть бы знак — хоть тряпка на воротах,
Голос друга — шквал и западня.
Так с курьерского прыгнувший наземь
Видит, летя сквозь кустарный лом, —
Точно медалями, точно призами —
Насыпь, усеянную щебнем и стеклом.
Насыпь, холодную, как спина,
Боль полосует, в ребрах натужась,

Это не отчаянье и даже не ужас —
Это готовность лететь до дна.
Сердце заплывает в удар еще,
Время иссякло — люди ни при чем, —
Только беспорядочная глина в товарищах,
Только репейник случайный на плечо.

22

Оно отмирало, сиянье полночное,
Как выхухоль зыбкая, прячась,
Когда в моховине, по зыбкости кочек,
Ступая в грязи наудачу,
Брели одиночки, хлебнувшие горя,
Красноармейцы предательских рот,
С гиблым лицом, как подмоченный порох,
Они изучали фарватер болот,
Они, превращенные случаем в сброд,
Бежали от белых, а было их сорок...

УЛИЦА ИМЕНИ РАКОВА

Дома, стоящие служебно,
Углы с коммерческой весной,
Из них восходит запах хлебный
И солнца сытости иной.

Доски прибитой не касаясь,
Судьбы, висящей наяву,
Проходит жизнь внизу, как зависть,
Как бык — на свежую траву.

Тьма пешеходов в пену канет,
Но им, во всем не знатокам —
Подобно лунному вулкану, —
Причина чести далека.

Партиец, может, вспомнит имя,
Школяр, сомненье задержав,
Заснет над строками седыми,
И есть в музеях сторожа...

Над Вырой вечность дует в перья
Легенд, на мельнице времен —
И всё же в мире есть доверье,
Да будет лозунг повторен.

Я доверяю простодушно,
Косноязычно, может быть,
Но без него мне было б душно,
Как душно жить всю жизнь рябым.

Слова ж горят из всех отдушин,
Ты слышишь плеск их, храп и хруст,
Но входит ночь — словарь потушен
И, если хочешь, входит грусть.

1927

497. НУМАНСИЯ

Пьеса знаменитого автора «Дон Кихота» Сервантеса «Нумансия» представляет эпизод борьбы Древнего Рима с Испанией. Трагические подробности осады города Нумансии римлянами показывают нам неукротимую борьбу за свободу испанского народа, его мужество и презрение к смерти.

Это мужество роднит доблесть защитников республиканской Испании с их древними свободолюбивыми предками.

В трагедию, состоящую из четырех хорнад, введены Сервантесом интермедии в стихах. На сцене появляются аллегорические фигуры: Испания, Война, река Дуэро, Голод, Слава. Эти аллегорические фигуры произносят речи об Испании сервантесовских времен.

Героическая трагедия «Нумансия» шла в дни борьбы республиканской Испании на сцене как антифашистская пьеса.

Я переписал заново интермедии «Нумансии», которую предполагалось поставить у нас, и добавил новые фигуры Фашиста и Антифашиста. Реку Дуэро я заменил рекой Эбро.

Говорит Испания

Ты, жесткая земля моих нагорий,
Мой жаркий лес и мой зеленый луг,
Как пламенем, охваченные горем
И в пламени исчезнувшие вдруг,
И городов моих семья родная.
Жестокой правды я не утаю:
Перед врагом безжалостным одна я,
И ночь и день бессменная, стою.

О милая Нумансия, когда-то
В годах, подобных доблестному сну,
Тогда в боях еще звенели латы, —
Ты римских лат рубила крутизну.
Ни золотом, ни лестью и ни кровью
Рим не добыл твоей свободы дней,
Тем подвигом, лишенным многословья,
Ты стала мне сейчас еще родней.

А я была обманута своими,
Они к себе призвали новый Рим,
Какое дашь ты этой своре имя,
Ругавшейся над именем моим?
Предатели великого народа,
От злобы обезумевшие псы,
Они позвали псов другой породы,
Чтоб и чужак был нашей кровью сыт.

И Рим пришел. Рим прилетел скорее,
Неся на крыльях ликторский топор.
Как тот топор, рубя испанцам шеи,
Фашистский Рим глядит на нас в упор.
Согнув своих застенком и обманом,
Залив свинцом у непокорных рот,
Увлек одних безумных слов туманом,
Бичом нужды погнал других в поход.

И дикари, что в век Октавиана
Входили в Рим под шкурами рабов,
Как будто бы поднялись из тумана,
Как будто бы восстали из гробов.
И, свастики искривленные зубья
Нося как символ рабского труда,
Нагрянула небес испанских глубью
Германская фашистская орда.

И над моей землею несравненной
Они глумятся, всё испепелив,
Ручьи текут, искрясь кровавой пеной,
Скрипят стволы обугленных олив.
Пощады нет ни зданью, ни картине,
Ни статуе, ни книге — ничему,

Как будто всё, что существует ныне,
Их волей погружается во тьму.

В их словаре такого нет названья,
Как человек, — обычай их таков:
Всю жизнь людей гонять по истязаньям
И — загнанным — не ослаблять оков.
Тогда народ страны моей любимой
Оружье взял — сначала в шквале том
Он умирал с мечтой неукротимой,
Пусть лучше смерть — не слабость
пред врагом.

Нумансия! Легенда вековая,
Смотри на легендарных храбрецов:
Вот девушка-испанка, умирая,
Не побледнев, глядит врагу в лицо;
Вот юноша, еще не знавший жизни,
А вот старик, вовек не знавший войн, —
И на колени матери-отчизны
Склоняются кровавой головой.

И вот тогда на помощь отовсюду
Пришли бойцы далеких самых стран,
Как человеку, верящему в чудо,
Им помогал могучий океан.
Им помогали травы Пиренеев,
Они пришли, не смывши пыль дорог, —
Они пошли в атаки и в траншеи,
И каждый дрался, умирал, как мог.

Испанию сестрою называя,
Шла доблесть мира к нашим берегам,
И встала гнева туча грозовая
И наши молньи бросила врагам.
Швыряй их, ветер, шли им бурю, море,
Ущелья пусть ловушкой станут им,
Им на голову — камни плоскогорий,
Стволы лесов в лесах нагромоздим.

Знай, Эбро, ты, река моя большая,
Старинных дел великий водоем,
Пускай наш враг всё злобою решает —
Мы доблестью их злобу разобьем.

Ты, Эбро, здесь словам моим внемли,
Мы — старая упорная порода.
Мы защитим свободу всей земли,
Пока жива испанская свобода!

Говорит Эбро

Мать-Испания! Я вижу
Тени вражьих самолетов,
Чужеземцев кровожадных
На высоких берегах.
Мать-Испания! Я слышу
Голос пушек и пожаров,
Клекот танков беспощадных
На замученных лугах.

Прямо в море уношу я
Мертвецов твоих несчетных,
Словно гневом, окружены
Шумной пеной удальцы.
«Вы за что погибли, дети?» —
Вопрошаю я погибших.
«За Испании свободу!» —
Отвечают мертвецы.

Речка малая Харама,
Мансанарес мелководный
Иль водой богатый Тахо,
Блеск Дуэро — взмах ножа,
Вы видали тех испанцев,
Вы видали тех друзей их,
Что дрались, не отступая,
Головой не дорожа.

Мать-Испания! Однажды
Нашей славы батальоны
Тихо к берегу спустились —
Навести к утру мосты,
Кто входил по горло в воду,
Кто по пояс, кто по локоть,
Ставя грузные понтоны,
Ставя лодки и шесты.

И, смотря на это дело,
Обмелеть бы я хотела
Иль пригнать им сверху челны,
Чтоб сапер не горевал,
Силу вод своих уменьшить;
Я их холодом бодрила,
Через их нагие плечи
Перекатывая вал.

Только утро осветило
Берегов моих уступы,
Как, подобные в полете
Черным молньям шаровым,
Бомбы вражьих самолетов,
Воду вспенив, зашвыряли
Окровавленную пену
По настилам мостовым.

И когда мосты взлетали,
Вихрем щепок распадаясь,
В воду прыгали саперы,
И стояли вновь мосты;
Как сестра дивится братьям,
Я дивилась тем саперам,
Что простые были парни
Небывалой красоты.

Проходил народ веселый
По мостам, залитым кровью,
Он с улыбкой не случайной
Шел за правду умирать,
Пусть другие реки мира
Нам объявят перекличку,
Чтобы славу рек испанских
Славой собственной назвать.

Я хочу услышать голос
Хуанхэ, реки храбрейших,
Вод китайских ветерана —
Шум Янцзы, как шум грозы,
Я хочу услышать голос
Рек маньчжурских, абиссинских,

Сунгари или Такказе,
Партизанских рек язык.

Из других бассейнов водных
Я приветствовать желаю
Мне далекие, родные
Воды озера Хасан,
Где штыком красноармейским
Руку вору пригвоздили,
Славен будь Союз Советский
На земле и в небесах!

Мать-Испания! Скажу я:
Вот Нумансия когда-то
Вся погибла, не сдаваясь,
Но досель она жива, —
Будешь ты костром вселенной
И теплом углей горящих
Согревать того, кто бьется
За народные права!

Говорит Испания

Знай, Эбро, ты река моих героев:
Всем миром мне наказ великий дан,
Ему верна и, силы все утроив,
Фашистских сил сломаю ураган!

Говорит Война

Как будто был закат совсем не грозный
И в радио веселая волна,
Вставай, беги, постой, безумец, — поздно!
Я здесь стою у двери, я — Война!

Я кралась меж уловок дипломатов,
В шпионском шифре, между строк статей,
Чтобы упасть нежданной и крылатой
И зашуметь в полночной черноте.

И ты меня не знаешь: я такая —
Я пряталась пожаром торфяным,
И, тайному пожару потакая,
Жгли предо мной завесы душный дым,

Чтоб человек невольно задрожал,
Увидя в лоб несущийся пожар.
А как его движения стройны,
А как чудесен арсенал войны!

А как душа налетчика горда —
В перчатках белых рушить города,
Когда рукою легкой, как волчок,
Рычаг рванет и смерти даст толчок.

И вот под ним взамен столицы спящей
Встал дымом ад, горящий и вопящий;
Вы стелете искусственный туман
И танков бронированный таран
Пускаете, закрыв его туманом
И пронизав сначала газом пьяным.

И танки мчатся, давят, давят кости
Хохочущих от газа на погосте.
Хохочущий чудесен легион —
Уже хрипит, а всё хохочет он!
Великого художника потеха —
Придумать так: в бою сгореть от смеха!

И лучший повар будет поражен,
Коль огнемет в бою увидит он.
Чтó жарил он гуся крыло рябое!
Здесь человека жарят в кухне боя.

А гул тревог идет волной двойною,
Психологической зовясь войною,
И кажется смятенному уму,
Что враг вокруг, уж у него в дому.
Со льдом в глазах, с покрытой потом кожей
Тут все бегут, и бегство жертвы множит.

А сила газов! Перед нею немы
Все краски симфонической поэмы.

То человек лиловый, как цветок,
То жабы он желтее и бугристей,
То просто тень, и в ней трепещет ток,
То валится он головешкой чистой,

То, ослеплен, садится он и плачет
И боль по нем от сердца к мозгу скачет.

То жидкий воздух в бомбе загремел,
Как будто бы слетел лавиной мел.
Так в облаке известки, краски, пыли
Лежат куски, что прежде домом были.

Пыль улеглась, и уж спешите вы
Смотреть в кафе гостей без головы.
Или вагон трамвайный пополам
Снаряд разбил — дымит железный хлам.
Сто километров пройдено снарядом,
Чтобы отец упал с ребенком рядом.

А фосфор загоревшийся, скользя,
Ничем на свете потушить нельзя.
И улица горит, как муравейник,
Ржавеет дым, как осенью репейник,
И, словно мух, людей круговорот
Прихлопывает с неба пулемет.

Но помните, позвавшие меня,
Я не простой бегущий столб огня,
Покорный вашей кровожадной воле,
Сжигающий одно чужое поле, —
Нет, заповеди черные войны
Для всех сторон смертельны и равны.

И, вызвав газ, вы сами газ глотнете,
И бомбовоз услышите в полете
Над собственною крышей, трепеща,
И тень тревоги — серого плаща —
Вам выбелит и волосы и щеки,
И танка след увидите широкий
На собственной пылающей земле,
На городов разрушенных золе.
А как народ вас вытащит на суд —
Об этом мне чуть позже донесут!

Говорит Голод

История, отдернувши завесу,
Сегодня нам показывает пьесу.

Когда-то Рим нашел блестящий случай
И голодом Нумансию замучил.

Я тоже генерал — и сам не молод, —
Не смейтеся над генералом Голод!
Люблю фашистов я послушать речи —
Мне нравится их звук нечеловечий.
Тишайший генерал в мундире скромном,
Любуюсь я их планом вероломным.

Когда гремит огромный конь войны,
Мне стремена его не так важны,
Он мне милей не боевым наскоком —
Когда над ним сидят вороны скопом!

Пусть в первый день победы суждены,
Но я зовусь последним днем войны!
Со штабом всех болезней тише нищих
Я обхожу поля, леса, жилища.

Над мертвым краем мертвая метель —
И вьется пыль, где прежде вился хмель.
И там, где были водные пути,
Ни рыбака, ни рыбы не найти.

Вхожу я незаметно в города —
На улицах голодная орда.
А в магазинах тронут я картиной —
Лишь пауки корпят над паутиной.

Под стражею заводы на ходу,
Где трудится рабочий как в бреду,
И, жирных бомб обтачивая стенки,
Шатается, как тень кнута в застенке.

Рабочему, который изнемог,
Кладу осьмушку хлеба на станок.
Фашистские плакаты, беспокоясь,
Кричат свое: «Подтягивайте пояс!»
Полны газеты бешеных затей,
Рождаются уж дети без ногтей.

А стоны жен — утехи воинов бравых —
Приправлены болезней всех отравой.

Я прохожу по улицам нагим,
В глазах у встречных черные круги,
Дерутся из-за падали другие,
И вижу глаз зеленые круги я.

Я прихожу в раскрашенный дворец.
«Стой, кто идет?» — «Я, генерал Конец!»

И, побледнев под каской, часовой
Звонит в звонок над бедной головой.

И я иду, всей роскошью дыша,
Туда, где войн преступная душа,
Где в кабинете самых строгих линий
Сам Гитлер или, может, Муссолини.

То бычий череп с челюстью тяжелой,
Мясистый рот с усмешкой невеселой
И маленькие руки мясника,
Упершиеся в круглые бока,

Иль от бессонницы лицом желтея впалым,
С лунатика стеклянным взором вялым,
С клоком волос на лбу и на губе
И с кулаком на кресельной резьбе —

Мне всё равно: я с ними не жилец,
Мне всё равно: я — генерал Конец!
Я говорю, и плавно речь течет:
«Тряпичник я, пришел отдать отчет.

И лучшая помойка, как ни странно,
В которую вы превратили страны,
Тряпье и кости — больше ничего, —
Вот результат отчета моего.

После войны тридцатилетней, древней,
Исчезли замки, бурги и деревни,
И каждый немец, грустно поражен,
Был должен брать не менее двух жен.

Чтоб прокормить тех женщин хоть бы малость,
Мужчин в стране почти что не осталось.

Хотите ль вы того иль не хотите,
Но рушится фашистская обитель,
И миллионы, голодом ведомы,
Идут на ваши пышные хоромы.

И, штык подняв в гнилой воде окопа,
За мной идет голодная Европа.
Вам не придется издавать закон,
Чтоб каждый брал не менее двух жен, —
Нет, голодом гонимые, те жены
Не будут вашим палачом сражены.

Всё это называется судьбой —
Я их веду на их последний бой!
Я тоже генерал из самых голых —
Не смейтесь над генералом Голод!»

Говорит Фашист

Вот говорят: фашистская держава
Не знает человеческого права,
Что мы глядим на вещи слишком просто,
Что любим мы лишь тишину погоста.

Сейчас я объясню вам, отчего:
Народ — дитя, мы — фюреры его.
Ребенка вы, чтоб вырос он титаном,
С младенчества кормите барабаном.

Парадов факелом слепите по ночам,
Привейте вкус к воинственным речам.
Довольно книг — в костер обложек глянец!
Вокруг костра устраивайте танец,
Какой плясал в медвежьей шкуре предок,
И песню затяните напоследок,
Что всей земли народов вы грозней
И призваны господствовать над ней.

Но так как ваш народ не до конца
Покорен воле фюрера-отца
И хочет жить, трудиться, веселиться,
И предками не хочет он гордиться,
И с ним вы не справляетесь добром —
Вооружитесь добрым топором.

И вот, когда по мере власти роста
Во всей стране величие погоста,
И введены военные харчи,
И есть приказ: работай и молчи! —
Тогда, чтоб не нагрянула разруха,
Возьмитесь вы за воспитанье духа:

Верните женщин кухне и перине,
Утехой воинов будут пусть отныне.
Усильте рев газетных батарей:
Виной всех бед марксист или еврей,
И что подчас они одно и то же —
Пускай наш гром скорей их уничтожит!
Нас вовсе сжали жалкие соседи,
В военной мы нуждаемся победе!

Твердите всем: обижены судьбою,
Отныне приступаем мы к разбою!
Чтобы за вами выла вся страна:
«Война! Война! Да здравствует война!»

Да здравствует война всегда и всюду,
И городов пылающие груды,
И вопли женщин, и оружья грохот,
Победы гул и побежденных ропот.
Покой и труд — марксистская гримаса,
Все расы — прах, есть только наша раса!

Так в пепел всё — над пеплом знамя наше,
Пусть вражьи черепа идут на чаши.
Дыхнем из них дыхание вина —
И всё до дна: да здравствует война!

Говорит Антифашист

Чтоб надо мной стояла ночь и день
Тюремщика вихляющая тень,
Чтоб каждой мысли вольное движенье
Немедленно бралось под подозренье,
Чтобы страницы мной любимых книг
Костер фашистский уничтожил вмиг,
Чтоб вместо слов простых и человечных
Рев фюреров я слышал бесконечный,

Чтобы всю жизнь под диких песен вой
Шагал с лопатой в лагерь трудовой,
Чтобы, презренной жизнью дорожа,
К народам пленным шел я в сторожа,
Участвовал в разбойничьих походах,
Чтобы убийц я славил в рабских одах,
Чтоб стал, как труп, безмолвен и, как труп,
Гнил заживо между заводских труб,
Одной войне дымящих славословье,
Моих друзей обрызганное кровью,
Чтоб я забыл, что есть на свете разум,
Косясь на мир налитым злобой глазом, —

Нет! Будет мир стоять неколебим,
Он помнит всё, что пережито им:
Пожары, казни, бедствия, сраженья,
Века позора, рабства, униженья,
Где б ни свистел кнутами новый Рим —
Мы ничего ему не отдадим!

Ни наших нив, шумящих морем хлеба,
Ни наших гор, вонзивших пики в небо,
Ни наших рек, струящихся в тиши,
Ни наших песен сердца и души,
Ни слов любви, ни дружбы, ни забот,
Ни начатых народами работ,
Ни городов, где улиц гул веселый,
Ни тех полей, где расцветают села;
И соловей не должен умереть,
О нашей славе будет он греметь,
И ястреба, что над холмов горбами,
Пускай парят простыми ястребами,
И ни тропинки розовой весенней,
И ни морей, что нету многопенней,
И ни костра, чей вьется рыжий дым
В лесу осеннем, — мы не отдадим.
Не отдадим улыбок наших смелых,
Ни парусов на лодках наших белых,
Ни воздуха, которым дышим мы,
Ни блеска дня, ни теплой ночи тьмы,
Последней ветви яблони румяной,
Луча зари над спящею поляной,
Ни гордости самим собою быть,

Ни права завоеванной судьбы.
Фашизм найдет лишь гибель впереди —
Мы ничего ему не отдадим!

Пусть северный иль южный встанет Рим —
Смертельно с ним в бою поговорим!

Говорит Слава

Труби, труба, звени, труба,
Нумансия жива,
Пускай молчат ее гроба —
Не умер древний род,
Народа вольного права
И смерть не отберет.

Слава Нумансии нашей!

Я доблесть новую пою,
Шуми, народный флаг,
Греми, труба моя,
Опять Испания в бою,
Опять пришел свободы враг
В испанские края!

Тому сраженью срока нет,
Враг яростью одет,
Уж год ушел, ушел второй,
И третий год идет.
Когда сражен один герой —
Другой герой встает!

Слава Испании нашей!

И стало поле битвы здесь
Яснейшим издали,
И всех друзей не перечесть,
Что в помощь ей пришли,
Что в битвах умерли за честь
Народов всей земли!

Слава борцам за свободу!

Зажжет последняя борьба
Всемирные края —
Звени, моя труба,
Греми, труба моя.
И встанет вольной навсегда
В бессмертной армии труда
Испания моя!

Слава Великому Октябрю!
    Слава!

1938

498. КИРОВ С НАМИ

1

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается воем —
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невою,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

2

Стоит часовой над водою —
Моряк Ленинград сторожит,
И это лицо молодое
О многом ему говорит.

И он вспоминает матросов
Каспийских своих кораблей,
Что дрались на волжских откосах,
Среди астраханских полей.
И в этом юнце крепкожилом
Такая ж пригожая стать,
Такая ж геройская сила,
Такой же огонь неспроста.
Прожектор из сумрака вырыл
Его бескозырку в огне,
Названье победное «Киров»
Грозой заблистало на ней...

3

Разбиты дома и ограды,
Зияет разрушенный свод,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
Боец, справедливый и грозный,
По городу тихо идет.
Час поздний, глухой и морозный...
Суровый, как крепость, завод.
Здесь нет перерывов в работе,
Здесь отдых забыли и сон,
Здесь люди в великой заботе,
Лишь в капельках пота висок.
Пусть красное пламя снаряда
Не раз полыхало в цехах,
Работой на совесть, как надо,
Гони и усталость и страх.
Мгновенная оторопь свяжет
Людей, но выходит старик, —
Послушай, что дед этот скажет,
Его неподкупен язык:
«Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять как стальные,
Потом мы успеем устать.
Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.

Такого вовеки не будет
На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.
Мы выкуем фронту обновы,
Мы вражье кольцо разорвем,
Недаром завод наш суровый
Мы Кировским гордо зовем».

4

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ,
Что крепки советские люди
На страже родимой земли...
Всё ближе удары орудий,
И рядом разрывы легли.
И бомбы ударили рядом,
Дом падает, дымом обвит,
И девушка вместе с отрядом
Бесстрашно на помощь спешит.
Пусть рушатся стены и балки,
Кирпич мимо уха свистит,
Ей собственной жизни не жалко,
Чтоб жизнь тех, зарытых, спасти.
Глаза ее грустны и строги,
Горит молодое лицо,
Ей гвозди впиваются в ноги,
И проволок вьется кольцо.
Но сердце ее непреклонно
И каменно сжаты уста,
Из Кировского района
Прекрасная девушка та.
Вот юность — гроза и отрада,
Такую ничто не берет.
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет...

5

Глашатай советского века,
Трибуном он, воином был
На снежных предгорьях Казбека,
Во мраке подпольной борьбы.
Он помнит кровавые, злые,
В огне астраханские дни,
И ночи степные, кривые,
Как сабли сверкали они.
Так сердцем железным и нежным
Осилил он много дорог,
Сражений, просторов безбрежных,
Опасностей, горя, тревог.
Но всей большевистской душою
Любил он громаду громад
Любовью последней, большою —
Большой трудовой Ленинград.
...Но черные дни набежали,
Ударили свистом свинца,
Здесь люди его провожали
Как друга, вождя и отца.
И Киров остался меж ними,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя —
И мужеством крепнет душа.

6

На улицах рвы, баррикады,
Окопы у самых ворот,
В железных ночах Ленинграда
За город он тихо идет.
И видит: взлетают ракеты,
Пожаров ночная заря,
Там вражьи таятся пикеты,
Немецких зверей лагеря.
Там глухо стучат автоматы,
Там вспышки как всплески ножа,
Там, тускло мерцая, как латы,
Подбитые танки лежат.
Враг к городу рвется со злобой —
Давай ему дом и уют,
Набей пирогами утробу,

Отдай ему дочку свою.
Оружьем обвешан и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен
К огням на твоих очагах.
Но путь преградить супостату
Идет наш народ боевой.
Выходит, сжимая гранату,
Старик на сраженье с ордой.
И танки с оснеженной пашни
Уходят, тяжелые, в бой;
«За Родину!» — надпись на башне,
И «Киров» — на башне другой.

7

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними
Как знамя победы встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

Ноябрь 1941

499. СЛОВО О 28-ми ГВАРДЕЙЦАХ

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля, —
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой овеяно новой,
Словно знамя опять взметено, —
Всё равно — оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косой,
Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

1

Из Казахстана шли бойцы,
Панфилов их привел могучий:
Он бою их учил, как учат
Сынов чапаевцы-отцы.
Учил маневру и удару
Лихих колхозников Талгара,

Казахов из Алма-Ата,
Киргизов и казахов дюжих.
Была учеба не проста:
Кругом бои, пустыня, стужа,
Фашисты рвутся на Москву,
Снега телами устилая, —
Стоит дивизья удалая,
Похожа сила боевая
На тонкой стали тетиву.
Она под опытной рукою
Звенит, натянута, и вдруг
Своей стрелою роковою
Рвет вражьей силы полукруг.

Она, гвардейская Восьмая,
Врага уловки понимает.
Стоит, откуда б он ни лез,
На всех путях наперерез.
И не возьмешь ее охватом,
Не обойдешь ее тайком —
Как будто место то заклято
Огнем, уменьем и штыком.

Герой подтянутый и строгий,
Стоит Панфилов у дороги,
Ему, чапаевцу, видны
В боях окрепшие сыны.
Глядит в обветренные лица,
На поступь твердую полков,
Глаза смеются, он гордится:
«Боец! Он должен быть таков!»

Его боец! .. Пускай атака,
Пусть рукопашная во рву —
Костьми поляжет — и, однако,
Врага не пустит на Москву!

2

Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
Сугробов белые ряды.
По горизонту ветер носит
Пожаров дальних черный дым.

Там горе горькое маячит,
Там песен больше не поют,
Там хоронятся, стонут, плачут,
Там подневольный, рабский труд.
Стоят в окопе двадцать восемь
Под небом диким и седым,
Глядя, как ветер вдаль уносит
Пожаров долгих горький дым.

И говорит Кужебергенов
Дружку Натарову:
«Иван,
Москвы стоят за нами стены,
Любимый солнцем Казахстан!
Там наши девушки хохочут,
Какие там весною ночи,
Какие в песнях там слова,
Какая там в лугах трава!

Я грузчик. Я простой рабочий.
Я жизнь люблю. Я жил, Иван,
Но дай сейчас две жизни сразу —
Не пожалею их в бою,
Чтоб бить фашистскую заразу
И мстить за родину свою!
Смотри, Иван, на эти дымы
И этот край — наш край любимый!
Он близок сердцу моему, —
Как тяжело сейчас ему!»
Стоит на страже под Москвою
Кужебергенов Даниил:
«Клянусь своею головою
Сражаться до последних сил!»

И говорит Иван Натаров:
«Я тоже человек не старый,
Я тоже человек прямой —
Боец дивизии Восьмой.
И память — нет, не коротка.
Я помню, как мы ладно жили,
Как мы работали, дружили.
Дни тяжелы у нас пока —
В них тяжесть полного подсумка.

Есть у меня такая думка:
Что мы не посрамим Восьмой,
Не посрамим гвардейской чести,
А час придет — погибнем вместе,
Врага в могилу взяв с собой!»
Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
Здесь каждый вспоминал свое,
Родных, родного неба просинь,
Ее, далекую ее,
Ту девушку, что помнит друга...
Но мысли, сделав четверть круга,
Как сон, что снится наяву,
Все возвращались под Москву.
Сияньем преданности высшей,
Любовью всех окружена,
Она вставала неба выше,
И каждого звала она.
...И тут увидел Добробабин
Меж снежных горок и ухабин
Иную, черную гряду.
«Идут, — сказал, — *они* идут!»

3

Посланцы ржавой злобы вражьей,
Фашистской детища чумы,
Шли двадцать танков с лязгом тяжким,
Сминая снежные холмы.
Танкист увидел низколобый
Большие белые сугробы,
Окоп, который раздавить
Труда не стоит никакого...

Шли двадцать танков, как быки,
Один другого безобразней,
Из мира каторжной тоски,
Из стран безмолвия и казней.
Шли двадцать танков как один,
И низколобый паладин
Не об окопе думал ближнем —
О повторении Парижа:

Вино, ночной распутный час, —
Посмотрим, какова Москва там?
И, грохнув, первые гранаты
Порвали гусеницу враз.

4

На русском поле снежном, чистом
Плечо к плечу в смертельный миг
Встал комсомолец с коммунистом
И непартийный большевик.
Гвардейцы! Братьев двадцать восемь!
И с ними вместе верный друг,
С гранатой руку он заносит —
Клочков Василий, политрук.
Он был в бою — в своей стихии. . .
Нам — старший брат, врагу — гроза.
«Он дие, дие, вечно дие», —
Боец-украинец сказал,
Что значит: вечно он в работе.
В том слове правда горяча,
Он Диевым не только в роте —
В полку стал зваться в добрый час.

И вот сейчас Василий Диев
С бойцами примет смертный бой.
Он с ними вместе, впереди их
Перед грохочущей судьбой.

«Ну что тут, танков два десятка,
На брата меньше, чем один», —
Он говорил не для порядка,
Он видел подвиг впереди.

Хвала и честь политрукам,
Ведущим армию к победе,
В бою, в походе и в беседе
Сердца бойцов открыты вам.

Пускай цитаты на уме,
Но правда, правда в самом главном —
В живом примере, а пример,
Живой пример — сей бой неравный!

5

Тяжелой башни поворот —
И танк по снегу без дороги,
Как разъяренный бык, идет,
Тупой, железный, однорогий.
Не побледнел пред ним боец —
Лишь на висках набухли жилки,
И — однорогому конец:
С горючим падают бутылки.
Прозрачным пламенем одет,
Как бык с разрубленною шеей,
Он издыхает, черный бред,
Пред неприступною траншеей.
На бронебойных пуль удар —
Удары пушек, дым и стоны,
Бутылок звон. И вновь пожар,
И грохот танков ослепленных,
И танки на дыбы встают
И с хрипом кружатся на месте —
Они от смерти не уйдут,
Они закляты клятвой мести.
Смотри, родная сторона,
Как бьются братьев двадцать восемь!
Смерть удивленно их уносит:
Таких не видела она.
И стих обуглится простой
От раскаленной этой мощи,
Пред этой простотой святой,
Что всяких сложных истин проще.

И слабость моего стиха
Не передаст того, что было.
Но как бы песня ни глуха —
Она великому служила!

Часы идут. В крови снега.
Гвардеец видит, умирая,
Недвижный, мертвый танк врага
И новый танк, что стал, пылая.

Нет Добробабина уже,
Убит Трофимов и Касаев, —
Но бой кипит на рубеже,

Гвардейский пыл не угасает.
Упал Шемякин и Емцов,
И видит, падая, Петренко:
Среди железных мертвецов
Дымятся новых танков стенки.
Снарядный грохот стон глушит,
И дым течет в снегах рекою —
Уже четырнадцать машин
Гвардейской сломаны рукою.
И страшный новый гул один,
Не схожий с гулом бьющей стали,
Со снежных стелется равнин,
Идет из самой дальней дали.
И тихий голос в нем звучит:
«Кто, как они, не может биться —
Пусть тоже подвиги вершит,
Которым можно подивиться».

Героя миги сочтены,
Но в сердце входит гул огромный:
То руки верные страны
В забоях рушат уголь скромный,
То гул неисчислимых стад,
То гул путины небывалой,
То стали льется водопад
В искусной кузнице Урала;
Станиц казахских трактора
Идут в поля с веселым гулом,
Гудит высокая гора
Трубой заводской над аулом.

И слился мирный гул работ
С непревзойденным гулом боя,
Как перекличка двух высот,
Перепоясанных грозою.

6

Глядит Клочков: конец когда же?
И видит в дымном полусне,
Как новых тридцать танков тяжко
Идут, размалывая снег.
И Бондаренко, что когда-то
Клочкова Диевым назвал,

Сказал ему сейчас, как брату,
Смотря в усталые глаза:
«Дай обниму тебя я, Диев!
Одной рукой могу обнять,
Другую пулей враг отметил».
И политрук ему ответил,
Сказал он:
«Велика Россия,
А некуда нам отступать,
Там, позади, Москва! . .»
В окопе
Все обнялись, как с братом брат, —
В окопе снег, и кровь, и копоть,
Соломы тлеющей накат.
Шли тридцать танков, полны злобы,
И видел новый низколобый
Сожженных танков мертвый ряд.
Он стал считать — со счета сбился,
Он видел: этот ряд разбился
О сталь невидимых преград.
Тут нет ни надолб, ни ежей,
Ни рвов, ни мин, ни пушек метких,
И он в своей железной клетке
Не видел одного — людей!
Спеша в Москву на пир богатый,
Навел он пушку, дал он газ, —
И вновь гвардейские гранаты
Порвали гусеницу враз.
И видит немец низколобый:
Встают из снега, как из гроба,
Бойцы в дыму, в крови, в грязи,
Глаза блистают, руки сжаты,
Как будто бы на каждом латы
Из сплава чудного горят.
Летят последние гранаты,
Огонь бутылочный скользит.

Уже вечерняя заря
Румянцем слабым поле метит,
И в тихом сумеречном свете —
Достойно так же, как и жил, —
Кужебергенов Даниил,

Гранат последнее сцепленье
Последним взрывом разрядив,
Идет на танк, дыша презреньем,
Скрестивши руки на груди,
Как будто хочет грузчик грозный
Схватить быка за черный рог.
С ним вместе гаснет день морозный,
Склонясь у ночи на порог.
. . .Нет Бондаренко, а Натаров
Лежит в крови, упал Клочков. . .

Пока всё поле в сизом дыме,
Раскрой страницы книги старой
И гвардию большевиков
Сравни с гвардейцами иными.

Увидишь синие каре
Наполеоновской пехоты,
Где офицеры в серебре,
В медвежьих шапках гибнут роты.
Ваграм с убийственным огнем,
И Лейпциг — день железной лавы,
И Ватерлоо в резне кровавой, —
Вам не сравниться с этим днем
Гвардейской русской нашей славы!
Переверни еще листы —
Увидишь Торрес-Ведрас ты,
Красномундирные колонны
И с пиренейской высоты
Солдат бывалых Веллингтона.
Нет, нет, они дрались не так —
Чтоб до последнего, чтоб каждый
С неотвратимой силой жаждал
Врага в могилу взять с собой,
Чтоб смерть играла им отбой!
Ни Гинденбурга гренадер
В болотной Фландрии воде,
Ни люди Марны и Вердена, —
Гвардейцы всех времен вселенной,
Вы не сравнитесь никогда
С советским богатырским парнем!
И нашей гвардии звезда
Всех ваших гвардий лучезарней.

Ну где у вас такой окоп?
И где такие двадцать восемь?
Здесь танк, уткнувшийся в сугроб,
У мертвецов пощады просит!

7

Стемнело в поле боевом,
Лежит израненный Натаров,
И Диев жадно дышит ртом,
И шепчет он с последним жаром:
«Брат, помираем. . . вспомнят нас
Когда-нибудь. . . Поведай нашим,
Коль будешь жив. . .»
И звук погас,
Как гаснет искра среди пашен.

И умер Диев в поле том,
В родном, широком, белоснежном,
Где под ночной земли пластом
Зерно сияло блеском нежным.

Колосья летом зазвенят —
Полей колхозная отрада.
Спи, Диев! Все солдаты спят,
Когда исполнили, что надо.

Уж вьюга поле бороздит,
Как будто ей в просторе тесно.
Лежит Натаров, он не спит
И всё же видит сон чудесный:

Как будто с вьюгой он летит.
И голосов полна та вьюга —
То политрук с ним говорит,
То слышит Даниила-друга.
А вьюга кружит по стране,
По городам, по селам вьется,
И, как бывает лишь во сне,
Он слышит голос полководца:

«Натаров, доблестный стрелок,
Сейчас лежишь ты, холодея,
Но ты сражался так, как мог
Сражаться истинный гвардеец! . .»

И плачет радостно Иван
И снова с вьюгой дальше мчится.
Он видит яркий Казахстан,
Хребты, и степи, и станицы.
Он слышит песню, молвит он:
«Полна та песня славы гула,
О ком она?» Он поражен:
О нем поют уста Джамбула.
Поют о двадцати восьми,
Поют о доблести и долге,
И песнь живет между людьми
Над Сырдарьей, Курой, над Волгой.
Он входит в Красную Москву.
Еще не смог он удивиться —
Как сон исчез, и наяву
Над ним видны родные лица,
Красноармейских шапок ряд,
Бойцы с ним тихо говорят
И перевязывают раны...

А дальше: вьюги новый плен,
Но эта вьюга белых стен,
Простынь, халатов лазаретных.
И шепчет он рассказ заветный
О всех товарищах своих,
О жизни их, о смерти их,
О силе грозной их ударов...
Сказал — задумался, затих...
Так умер наш Иван Натаров!

8

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

20 марта 1942

500. НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

Та ночь была осады ночь глухая,
Простор во тьму зарыт.
И только в Смольном свет, не потухая,
Горел всю ночь, за маскировкой скрыт.
Холодные, пустые коридоры,
Да часовых шаги,
Да карт штабных неторопливый шорох,
А за стеной — тяжелый свист пурги.

Последние часы перед рассветом,
Когда усталость ломит синь висков,
Когда под лампы беспощадным светом
Чернеют жестко строки рапортóв,
Где смерть глядит из цифр, встающих круто,
Пожаров дым восходит к небесам,
И хочется тогда хоть на минуту
Закрыть глаза, чтоб отдохнуть глазам.

Но только он закрыл глаза, как ожил
Весь Ленинград и весь прошел пред ним,
На музыку ночной пурги положен,
Окрашен глухо заревом ночным.

Шли улицы с разбитыми домами,
В сугробах до второго этажа,
Тень баррикад и поседевший камень
Ограды, где пробоина свежа.
Шли площади, друг друга обгоняя,
Заводы шли в своем бою ночном,

Где, мертвого товарища сменяя,
Вставал рабочий в цехе ледяном.
Кровь на снегу... Людей суровых лица,
Работающих в страшной тишине,
Людей, чье сердце не устало биться,
Хоть бьется уж с бессмертьем наравне;
Шоферов небывалой в мире трассы,
Подводников, ломавших мин капкан,
Советского немыслимого аса,
Что сквозь пургу шел ночью на таран,
И снайпера, что там, в окопной стуже,
Без промаха стрелял в сто первый раз,
Что получил почетное оружье
И только с жизнью он его отдаст.

И в Смольном люди безо дня и ночи
Ведут работу сутки напролет...
Пурга, хрипя, не нам конец пророчит —
Она врагу о гибели орет.
Какое имя силе небывалой,
Что перед ней бессилен этот ад
И голода, и стужи, и металла,
Летящего сейчас на Ленинград?
С той осени, когда земля замкнулась
Кольцом огня, чтоб город задушить,
Когда душа под силой бед согнулась
И распрямилась, гибель сокрушив, —
Все знали — он одной лишь клятвой дышит:
Враг не пройдет — обуглится в огне,
Партийной чести нет на свете выше
И воли большевистской нет сильней.

Таких ночей пройдет еще немало,
От них седеет волос на висках...
...Он ехал поздно. Темная стояла
Громада в ночи ледяных тисках.
Над площадью пред ним неизмеримый
Тот Зимний, тот, который в Октябре...
И он не мог проехать просто мимо,
И вышел из машины...

В серебре

Темнел дворец, что возвышался датой,
С которой человечество ведет
Свой новый счет, — в нем Ленинград вожатый,
Шел нашей эры двадцать пятый год.
И в памяти над площадью морозной
Слова блистали, кровью сердца вспенены:
«Пусть осенит вас победоносное
Знамя великого Ленина!»

...Вновь Смольный был тем кораблем, который
Как флагман вел эскадру за собой,
И Жданов шел по гулким коридорам,
Хранившим чуткий фронтовой покой.
Еще по снегу крались ночи тени,
Едва дымилась зимняя заря,
И он вошел в ту комнату, где Ленин
Жил в первый год священный Октября.
Здесь всё дышало строгой, мудрой силой,
И даль времен в ночной вернулась мгле,
Как будто только приняла Россия
Декреты те о мире и земле.
И ходоки с Урала, из Сибири,
Закончивши беседу с Ильичем,
Его слова в свои родные шири
Несли в сердцах, где сила бьет ключом,
И, увозя с собой заданий груду
И выслушавши ленинский наказ,
Как будто бы лишь час назад отсюда
Уехал Киров к горцам на Кавказ.

И, возвышаясь над горами тягот
Тех первых дней, тяжелых, как гранит,
Словами, что в основу жизни лягут,
Об Октябре сам Ленин говорит.

И ловят жадно — речь огнем ложится —
Его слова, движение руки
Красногвардейцы с пулковских позиций,
Путиловцы, солдаты, моряки.

Неутомимый, щедрый, добрый гений
Судьбу вселенной здесь определил,

Как верил он — стратег победы Ленин —
В непобедимость большевистских сил.
Отсюда всей земли ему просторы
Открыты были — горному орлу,
И видел он проникновенным взором
Сквозь всей борьбы пороховую мглу.

И, партией бессмертною хранимы,
Прошли народы долгий, грозный путь,
Сквозь беды все, сквозь всех сражений дымы,
Чтоб коммунизма знамя развернуть.

А сколько раз в конце бессонной ночи
Он здесь стоял и думал у окна,
Как Петроград подымется рабочий,
Могучая подымется страна,
Он говорил тогда о петроградцах:
«Всех больше они тяготы несут,
И всюду там, где нужно снова драться,
Не унывают, в битвах не сдают.
И, закаленные, находят снова силы,
Они у нас передовой отряд
И превосходный. . .»
                    Так оно и было,
Так рос, и креп, и вырос Ленинград!
И если трудно нынче ленинградцам,
Не легче было в Петрограде том
Ломать врага, без устали сражаться
Под знаменем, взметенным Октябрем.

. . .Оконные раздвинуты портьеры,
Восходит солнце. В комнате светло,
А над Невой струится сумрак серый,
В алмазах льда замерзшее стекло.

И Смольный снова поднимает стены
Навстречу бою, как и тот завод,
Где кончены уже ночные смены
И новый танк выходит из ворот.
И Жданов видел в этот час рассвета,
Как Ладогой идут грузовики,
Водители, как в шубу, в лед одеты,
Им от руля не оторвать руки,

Как, всплесками мотора полыхая,
Летит корабль — передний край бомбить,
Как девочка строгает, задыхаясь,
Лучину, чтобы печку растопить,
Как тот солдат, кому вручал оружье,
Нажал на спуск в сугробе ледяном —
И сто второй лежит в кровавой луже,
Упав на снег с растерянным лицом,
Как пушкари, орудия громаду
Нацелив, дот разносят на куски,
Как новый день высокий Ленинграда,
Геройский день творят большевики.

Так просыпался новый день сраженья,
Так просыпалась новая заря,
Отметив сердца тайное движенье,
Вставал день двадцать первый января...

Всей правдой большевистскою владея,
Мы в прах сотрем любой вторженье тьмы,
На свете нет и не было сильнее
Вот этой правды. Ею жили мы!

1949

501. МЫС ДОНДРА

Вот оно — дыханье океана,
Вот он сам над берегом навис,
Бьет волна, взлетая пеной рваной,
Самый дальний, самый южный мыс!

И по черным валунам стекает
Струйками прозрачного огня,
Снежный блеск горит и не сгорает
В гривах волн, бегущих на меня.

Кроны пальм в неистовом наклоне,
Шаг еще — и в небо полетят,
Тьму веков волна шипит и стонет,
На песке горячем шелестя.

Предо мной, как в сновиденье странном,
Волнами изгложенны, черны,
На песке лежат катамараны,
Старые рыбацкие челны.

Неизвестной северу породы,
Но родной тропическим волнам,
На таких ходили мореходы,
Когда молод был еще Адам.

Я смотрю на паруса и сети,
Даль уходит в голубой туман,
А вокруг коричневые дети
В свой родной играют океан.

Скатов волокут, и осьминогов,
И медуз, и маленьких акул,
В этом детстве, первобытно строгом,
Вместо песен — океана гул.

За рыбачьим за поселком малым
Вместо сказок — джунгли залегли,
Где слоны — как аспидные скалы,
Где цветы — как дикий сон земли.

Древних царств там призраки маячат,
Там вихары, храмы, города,
Зеленью замытые... Там скачут
Обезьян крикливые стада.

И сегодня на горе суровой
Весь Цейлон — чудес земных гора,
Как давно потерянный и снова
Людям уж не возвращенный рай.

Уж не лечь под пальмою беспечно,
Погрузившись в сладостный покой,
Жизнь сурова в джунглях человечьих,
Так же как и в джунглях за рекой.

Я пришел в горячий полдень душный
На истертый каменный карниз,
На мысу стоял я самом южном,
Дондра называют этот мыс.

Я стою на грани необычной,
Шум земли — он отошел, погас,
Слышу голос дали безграничной,
Океана вольного рассказ.

Тот рассказ в свою пустыню манит,
Где ни птицы нет, ни корабля,
Если плыть на юг, какая встанет
Первая навстречу мне земля?

— Будешь плыть сквозь бури и в тумане,
Месяцами будешь плыть, пока
Не зажжет полярное сиянье
Черных бездн у льдов материка.

А потом в шуршании зловещем
Гор плавучих встанет в сизой мгле
Берег Правды. Красный флаг заплещет
Над поселком Мирным на скале.

Вечный холод, вечное безмолвье,
Как пустыни белой белый гнев, —
Снег, что в пыль тончайшую размолот,
Взмыт пургой и мчит осатанев.

Точно дух земли обледенелой
В диком горе воет не со зла —
Той земли оплакивает тело,
Что зеленой некогда была.

Мчится он всё яростней, всё круче,
Много дней в крутящей тьме пройдет,
Прежде чем, неистовством измучен,
Он в бессилье навзничь упадет.

В тишине безжизненной, бесплодной,
Вновь лежит бескровная страна,
Вся тоской голодной и холодной,
Точно судорогой, сведена.

И над ней магнитной бури шквалы
В молниях невидимых, огне
Убивают радиосигналы
В ледяной небесной глубине.

Странные увидеть можно вещи
Надо льдов прибрежной полосой:
Айсберги, поднявшись в небо, блещут
Призрака причудливой красой.

По ночам полярные сиянья
В черном небе водят хоровод,
Краски, как живые изваянья, —
Словно небо красками поет.

Люди же в полярных одеяньях
Здесь проходят, лыжами скользя,
Темные глубины мирозданья
По-хозяйски в книги занося.

Дуя на озябнувшие руки,
Входят в теплый, скромный свой чертог
Смелые водители науки,
Ледяных водители дорог,

Летчики немыслимейшей трассы,
И радисты сказочных широт,
И для них, с полночным этим часом,
Как и дома, отдых настает.

С края света шлют до края света,
С антарктидских ледовитых плит,
К Северному полюсу приветы,
Где на льдине станция стоит.

Строгие на станции порядки,
Те порядки Арктикой зовут,
Там прочтут зимовщики в палатке,
Как на Южном полюсе живут.

И летит дорогою условной
Их ответ в далекий южный дом:
«Шлем привет. Сегодня мы в Верховный
Выборы на льдине проведем!»

. . .Марта день шестнадцатый сегодня,
Океан сияет, как стекло,
И глаза я к горизонту поднял —
Дальней птицы вспыхнуло крыло.

Ну конечно, нынче воскресенье. . .
Я невольно вспомнил в этот час:
В Антарктиде новый день весенний,
День пришел и в Арктику сейчас.

Пальмы веерами надо мною,
И брамин, он худ, высок и прям,
Над травой поросшею стеною
Плачется, жалея мертвый храм.

Кто ж его разрушил? Португальцы,
Лет уже четыреста назад. . .
И жреца слабеющие пальцы,
Как веками, четками шуршат.

Паруса над зыбью вод маячат,
Полон день заботы и трудов,
На мысу бьют палками рыбачки
Волокно кокосовых плодов.

Сеть плетут — она прочней нейлона,
Не по тропам в пальмовом саду,
Я иду уже не по Цейлону —
Я страной Советскою иду.

Мартовской землею сине-черной,
По снегам, где лыжню провожу,
С горцем я иду тропою горной,
С лесорубом лесом прохожу.

Я иду песками и торцами,
Прохожу великою Москвой,
Над Невой — заводами, дворцами,
Антарктидой, Арктикой живой.

Вижу облик родины красивой,
Сильной, доброй, радостной, большой,
Имена я вижу справедливых,
Смелых, честных сердцем и душой.

Имена строителей, героев,
Партии большие имена,
И людей обычного покроя,
Чьи дела приветствует страна.

Выбирает их в Совет Верховный
Тот народ, какого нет мудрей,
И народного доверья волны
Выше волн построенных морей.

В Ленинграде в бюллетене встанет
Имя, многим ясное без слов, —
Бригадир монтажников «Светланы»,
Ленинградка с невских берегов.

В Арктике, на станции, на льдине,
В Антарктиде, в Мирном, в этот день
Рады Емельянцевой Галине,
Что в полярный входит бюллетень.

На Неве и в Арктике погожей,
Антарктиды белой на краю,
С ней мое соседит имя тоже,
Я же у экватора стою...

Я стою на мысе Дондра старом,
И за мной вся жизнь стоит моя,
Этот мыс не случай, не подарок,
Должен был его увидеть я.

И к нему пришла моя дорога,
Как судьба он входит в этот стих,
Я изведал в жизни слишком много,
Слишком много — хватит на двоих.

Испытанья щедро отпуская,
Время щедро и на дней размах,
Жажда жизни — как вода морская...
Соль ее доныне на губах.

И за право жить в эпохе славной
Жизнью я своей не дорожил,
И о том, что было в жизни главным,
Я, как мог, стихами говорил.

Видел я в пути своем такое,
Что не дай вам бог и увидать,
Я не знал, что значит жить в покое,
От дорог далеких отдыхать.

Некогда в Октябрьский вечер, в ветер
Начат революции поход,
Хорошо с ней странствовать на свете,
С ней дышать и с ней идти вперед!

И со мной пришли на этот остров ныне,
Все пришли, пославшие меня:
Люди поля, города, пустыни,
Дела мира близкая родня.

Дело мира нас соединило
И меня послало на Цейлон.
Над планетой атомная сила
Взрывами слепила небосклон.

Знали все, что дальше это значит!
Кто тогда, шагая по гробам,
Гибель человечества оплачет,
Как брамин, оплакивавший храм?

Саван смерти атомной не ляжет,
По земле из края в край скользя,
Все народы бодрствуют на страже,
Есть у мира сильные друзья!

Март стоял. Теплей светило солнце.
В Азии шафрановую даль
Вез я мира премию цейлонцу,
Золотую с Лениным медаль.

И у сына древнего Цейлона
Заблестели тихие глаза,
Когда он, поднявшись словно с трона,
Ту медаль народу показал.

И лицо у каждого светилось,
Хлопали, смотрели не дыша,
Точно вдруг, сияя, приоткрылась
Азии неведомой душа!

. . .Мир огромный, в думы погруженный,
Красноземный, бледно-голубой,
Вечный гул он слышит волн взмятенных,
Вечный шорох джунглей над собой.

В темных чащах звери колобродят,
Птицы не поют — свистят, кричат,
Буйволы в воде зеленой бродят,
Розовые лотосы едят.

Бабочки в пятнистых тенях тают,
И стоит задумавшийся слон.
Утки из Сибири прилетают
Каждый год погреться на Цейлон.

Стоит крикнуть в этой знойной шири,
И услышу я издалека
Вместе с криком уток из Сибири
Шумный вздох — то трактор ЧЗК.

Он пришел расчистить эти чащи,
Он идет, вздыхая и ворча,
Он идет — помощник настоящий
Тех, что рубят прошлое сплеча.

Знаю, что коричневые дети
Вырастут и жизни океан,
Самый лучший океан на свете,
Будет им во всем величье дан.

И я знаю также — поздно ль, рано ль —
В дружбы честь, могу вообразить,
Что гигантские катамараны
Будут нашу Волгу бороздить. . .

. . .Нынче вечер поздний над Москвою,
Тень сосны, как синева кулис.
Мыс возник за этой синевою —
Дондра называют этот мыс.

Солнце там заходит в океане,
В небе дождь струится золотой,
В теплом, легком, призрачном тумане
Ночь идет, вдыхая трав настой.

Уж гремят зеленые лягушки,
Гимном ночи потрясая лес,
Им цикады вторят на опушке,
Славят ночь, как чудо из чудес.

Где уснули хижины рыбачьи,
Спит в песке катамаранов ряд,
Ртутным блеском пену обозначив,
Волны потемневшие кипят.

Точно ветер раздувает пламя,
Искрами не снившейся красы —
Светляки несчетными рядами
Над алмазной россыпью росы.

И луна выходит из тумана,
В океане ртутный блеск дрожит,
Где-то там, у лунного вулкана,
Вымпел наш с гербом страны лежит.

В Антарктиде воет вихорь вьюжный,
В Арктике трещит тяжелый лед,
Спутник наш — вокруг Земли он кружит —
Счет кругам невиданным ведет.

И планета — можно ей гордиться,
Человек советский сделал сам, —
В глубине безумной мира мчится
К новым солнцам, к новым небесам.

Сосны — пальмы! Правда, вы похожи,
Ваши кроны с пальмами сродни,
И гудят, как раковины, тоже,
Засыпают тоже, как они.

Спите, сосны! В нашей роще стройной
Ночь стоит и смотрит сверху вниз,
Спи же, Дондра, засыпай спокойно,
Самый дальний, самый южный мыс!

Сентябрь — декабрь 1959

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

502

Коль умру — похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором
Украины милой,
Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр и кручи
Было видно, было слышно,
Как ревет ревучий.

Как помчит он с Украины
Прямо в сине море
Кровь всех ворогов — тогда я
И поля и горы —
Всё покину, в небо ринусь —
К божьему порогу
Помолиться. А до тех пор
Я не знаю бога.

Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите
И злодейской, вражьей кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрым, тихим словом.

⟨*1939*⟩

С ГРУЗИНСКОГО

Александр Абашели

503. КНИГА ВАЖА ПШАВЕЛА

Стихи Важа держу в руке,
В них сотни голосов —
В них горы Грузии встают
Над зеленью лесов,
Олень ревущий рвет листву
Ударами рогов.

Я в строки пристально гляжу —
Каким огнем горят!
В них столько тигров и охот,
В них соколы парят
И сколько витязей, борясь,
Добро и зло творят.

Внимаю песням я Важа,
Всегда их молод звук,
В шуршанье песенных листов
Спешу пройти их круг,
Из тихих шелестов страниц
Орлы взлетают вдруг.

Струится свет такой от строк,
Что видно всё насквозь;
Звенит скрещенных шашек сталь —
То пламя, яркое до слез.
Рукою я прикрыл глаза,
Чтоб не ослепнуть в блеске гроз!

⟨1949⟩

Григол Абашидзе

504. ВЕЧНО В ДОСПЕХАХ

От жадности татар изнемогая
И под ярмом персидским исступлен,
Он даже спал, кольчуги не снимая,
И за столом — в стальной рубашке он.

Сто раз по нем турецкого аскера
Меч ударял, и на челе рубцы —
Свидетели, какой тяжелой мерой,
Победу взяв, он воздвигал дворцы.

И, возвращаясь после жаркой сечи,
Лишь холодом кольчуги освежен,
Весь начеку, вобрав, как ястреб, плечи,
Ждал: всюду враг в засаде затаен.

Пахал ли он, у лоз менял тростины,
Работал ли иль пировал, когда
Справлял обычай милый и старинный, —
Свой щит и меч с собой носил всегда.

Язык и веру многие сменили,
Лишь он один всей верностью крылат,
Он строил храм — в кольчуге плечи были,
Писал о тигре книгу в блеске лат.

От жадности татар изнемогая
И под ярмом персидским исступлен,
Он даже спал, кольчуги не снимая,
И за столом — в стальной рубашке он.

⟨*1949*⟩

Ираклий Абашидзе

505. ВСЕ ПЕСНИ

Песнь каждая свое нам говорит.
Песнь каждая о новом петь хотела б.
Песнь каждая нам возвратить спешит,
Что память позабыть успела.

В иной — весна и дышит месяц роз,
Душа в краях необычайных дышит,
В иной — февраль к нам дикий вихрь принес,
Стучит всю ночь железный лист на крыше.

В иной поток бушует, клокоча,
До твоего явившийся рожденья,
В иной же — дидубийская свеча,
Что в детстве видел ты иль в сновиденье.

Иная песнь напомнит сладко мать,
Кинжал отца, черкески боевые,
И гор Абастумана благодать,
И Сагурамо осени цветные.

Песнь каждая свое нам говорит,
Песнь каждая поет нам с новой силой,
И в каждой песне милой образ скрыт,
Тот, что когда-то сердце позабыло.

Но, милая, с тех пор, как ты со мной,
Моя подруга, дней моих бесценность,
Все песни мне твердят лишь об одной,
Лишь о тебе, любовь моя и верность!

⟨*1947*⟩

Иосиф Гришашвили

506. ОВЛАДЕВАЙ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

У тебя талант и хватка, ты грузинский знаешь,
Но по русскому ты, мальчик, отстаешь, хромаешь.

Если сразу не изучишь — верь моим советам:
Вырастешь, возьмешься снова — трудно будет это.

Верь поэту, сколько б знаний ты своих ни множил,
Русской речью, русской речью овладеть ты должен.

У нее иная прелесть, по-иному плещет,
Глубиной богатств природных, всей красой их блещет.

Не пробьет свинец те недра, из которых льется,
Потому что речью братства эта речь зовется.

Предположим, ты захочешь в землях заграничных
Потягаться там талантом, знанием отличным.

Встретишь, мальчик, там врагов ты и друзей там
встретишь,
Если русским ты владеешь — смело всем ответишь.

Голос Пушкина в нем! Голос Ленина всесветный,
За ученьем будет радость — крепко помни это.

Прежде всех других языков, что изучишь тоже,
Русской речью, русской речью овладеть ты должен!

⟨1971⟩

Карло Каладзе

507. СКАЖУТ ОБО МНЕ...

Скажут обо мне: ему не повезло,
Война ударила нежданно, как морозы,
Он ветку тополя войне срезал назло,
Чтоб укрепить тем утром росным лозы.

И, веткой тополя те лозы укрепя,
Он видел в ней своей надежды память —
И, ласковый, оставил он тебя,
Красавица с сиявшими глазами.

Скажут обо мне: потерян парень наш,
Пять лет промчалось как виденье,
Но всё я перенес, всё, чем страшна война,
Вернулся я и вздрогнул от волненья.

Я знаю сам, чем стал для нашего села,
И шумно детвора, меня узнав, встречала.
Я был лишь удивлен, что ветка проросла
И тополем над лозами стояла.

Откуда сила ветке прорастать?
И жизнь ее мне сердце подымает.
О женщина, та ветка неспроста,
Кроме тебя, о том никто не знает.

Об этом вслух, о нет, не говорят,
Но я хочу, чтоб ветка мне сказала:
Объятья лоз ей дали тот наряд
Или твоя рука ее ласкала.

⟨1947⟩

Георгий Леонидзе

508

Облака проносятся,
Осыпаясь золотом.
Стих уйдет — с ним дочиста
Всё, что знала молодость.

Слез путевка кружится,
Седины в кудрях ком.
С ним волна осушится,
Что вставала паводком.

Не вернешь, не крикнешь: «Стой!»,
И джейрана тенью
Канет трепет ночи той,
Дня сердцебиенье.

И возврат стиха к чему —
Я уже не солнечен.
Молодость нужна ему —
Пусть уходит с облаком.

Ты звенел, как хочется,
Лег в земле расколотым.
Стих уйдет — с ним дочиста
Всё, что знала молодость.

⟨1935⟩

509. ПОЭТУ

Лишь тебе это скажет страна твоя:
Ты пустой мечтой жизнь растягивал,
Брала ль пляски рог — ты плясать не мог,
Шел ли песни вал — не подтягивал.

Твое время есть повесть юности,
Что ж твой стих умолк, словно раненый?
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

Если ж сердце в песке схоронил сполна,
Вся трава стиха в нем задохнется.
Есть примета одна: это юность — она,
Как надетый шлем, не шелохнется.

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено:
Виноград стеной, иль река весной,
Или нив налив, или женщина.

За грядущий день отвечаешь ты,
Пуля в пулю — так слово всаживай!
Позабыт на сегодня любой поэт,
В мраке слов погребенный заживо.

Всё, что дышит сейчас на путях земли,
Всё, что жизни живой присуще:
Облаков ли мыс, человек и лист, —
Ждет улыбки стихов цветущей.

И в стихи твои просится рев, грозя, —
Десять тысяч рек в ожидании.
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

⟨1935⟩

510. КНИГЕ «НОСЯЩИЙ ТИГРОВУЮ ШКУРУ»

Я целую листы твои,
Пью их взорами жадными,
Ты не книга — дрожание
Тонких пен водопадное.

Ты — не книга, ты — знамя нам,
Сад с росой золотою
Или неизносимое
Ты крыло стиховое.

Ты — не книга, ты — утро нам,
Свет народного пламени,
В корнях сердца положена,
В самом сердце чеканена.

На каком великановом
Создавалась столе ты,
Чтобы сердцу грузинскому
Так сиять на столетья?

Тебя пишут чернилами,
Вместо слов — света россыпи.
А печатают — оттиски
Покрываются розами.

Ты одна в ночь светила нам,
Вековую, отчаянную,
Все сокровища отняли —
Ты же непохищаема.

Ты скрывалась от гибели
Не во мраке нетающем —
В крыльях орлиих прядая,
В пепле хижин блистаючи.

Тебя жгли — пламенела ты,
И в огне не сгоравшая,
И тебя не развеяли
Вихри, лесом игравшие.

На мечах написала ты
Знаки чести упорные:
«Лучше пасть, но со славою,
Чем влачить дни позорные».

Книга! Шла пред народом ты,
В рог бессмертья трубящая.
Руставели писал тебя,
Кудри, славой звенящие.

С ним писал блеск зари тебя,
Гул обвала, как замертво,
Нес орел перо лучшее,
Тигр-соратник — пергаменты.

Твое сердце, как молодость,
Никогда не состарится.
Песня, утром пропетая,
Семь веков уже славится.

Ты промчись, златокрылая,
Все края мира радуя!
Ты — приданое матери,
Меч и щит моих прадедов.

1935

511. ТОТ, КТО СЛОЖИЛ ПЕРВЫЙ ГРУЗИНСКИЙ СТИХ

Кто ж был ты, первый, что стихи сложил,
Счастливый, безымянный, полный силы,
И в слово — песни душу ты вложил,
И вдруг стихом свирель заговорила?

Испепелен, лежал ли под стеной, —
Тебя нашел я на раскопках в Мцхета,
Быть может, ты воскрес передо мной
В сиянье зедазенского рассвета?

И, может, вырос из костей твоих
Тростник, под ним Арагви струи пели,
Иль телом ты переплелся, как стих,
С бессмертною резьбой Светицховели.

Быть может, ты туман, что над Курой,
И стриж задел твои крыла живые, —
Не знаю... Ты всегда передо мной,
Ты, кто сложил грузинский стих впервые!

⟨*1967*⟩

Реваз Маргиани

512. НА АРАБАТСКОЙ СТРЕЛКЕ

Ветер и ливень — холод суровый,
Замер берег печальный,
Виден Сиваш левее Азова,
Одетый, как смертью, молчаньем.

Справа азовские волны вскипают,
Слева Сиваш — безмолвная тайна,
Мы в середине, грозою сверкая, —
Сказочный путь на Украйну.

На Арабатской стрелке мы встали,
Север в глазах наших ширью маячит,
Там далеко, словно точка простая,
Виден корабль с перебитою мачтой.

Всё же и в дождь водяные горы
Пеной сияют волны звенящей,
Справа — Азовского моря просторы,
Слева — Сиваш, тишину хранящий.

На Арабатской стрелке — послушай —
Легкие тени несутся крылато,
Будто всё море и вся эта суша
Служат для стрелки доской циферблата.

Справа азовские волны вскипают,
Слева Сиваш — безмолвная тайна,
Мы в середине, грозою сверкая, —
Сказочный путь на Украйну.

(1958)

Ило Мосашвили

513. ГОМБОРСКАЯ НОЧЬ

Вечер идет, как горами проворный кистинец,
В башлыке, в бурке черной, курчавой.
Хочу чувствовать землю, говорить с нею ныне,
Сосать ее травы...

Вокруг восседают, как старейшины, горы,
Шлют гонцами нам белые дымы,
Их туманов нас кутает ворох,
Словно думы о крае родимом.

Мы с охоты сейчас, как Важа Пшавела когда-то.
Небо, привал на траве наилучшей...
Встретишь оленя мычащего с грудью пробитой —
Скрой его, туча!

Мясо жарится, в пламя вонзились шампуры,
В чашках кожаных — вино алое...
Вымя оленье — луна полная, бурая...
Небо малое...

Потопить нас безбрежная темень грозится,
Ночь, как бурка, мне плечи совсем оттянула.
Прощайте, друзья, — сердце слезами дробится.
Навсегда мы расстались, погоня меня не вернула б...

В благовонной траве мы, на приволье открытом,
Кличет выводок вспугнутый вожака своего.
Где-то в чаще олень ревет с грудью пробитой, —
Ночь, пригрей его!

(1935)

Иосиф Нонешвили

514. ОСЕННЯЯ НОЧЬ В КАХЕТИИ

Ночь поднялась
Над горной грядою,
В тьму опрокинув корзину алмазов,
Старый Сигнахи
Встал тамадою,
Ширь озирая сверкающим глазом.

Словно проносится
Ласточек стая.
Тонко шуршат алазанские травы,
И серебрится
Гомбор крутая
Грива лесов на камнях величавых.

Юноши давят
Сок виноградный,
Свет золотистый в марани струится,
Горло не жаждет
Маджари отрадного,
Тихою песней жаждет напиться.

Грузные арбы
Тянутся с лязгом,
Сладок богатого дух урожая,
Звездные четки
Висят над Кавказом,
Как в зеркалах, в ледниках отражаясь.

(1948)

Галактион Табидзе

515. МОЯ ПЕСНЯ

Иной хранит розу, красотка, твою,
Иной золотую парчу иль скуфью,
Портрет чей-нибудь, над ним шепчет:
«Люблю», —
Каждый имеет любовь свою.

Письмо, над которым лишь слезы льют,
Кольцо ли, что пламени льет струю,
Сережки ли в сладкой тени, как в раю, —
Каждый имеет любовь свою.

Локон ли, клад ли в далеком краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью, —
Каждый имеет любовь свою.

Тебя обожая, отчизна, пою,
Ни с чем я не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю, —
Каждый имеет любовь свою.

⟨1945⟩

Тициан Табидзе

516—517. *В КАХЕТИИ*

1

Слушайте зов Алазанской долины,
Гости далекие, голос старинный.
Пробуйте, пейте вина Кварели,
Чтобы сердца на пирах потеплели.

Всех приведите: певцы здесь желанны,
Стол им открытый лозы обвили,
В Шильде споет вам Дедас-Левана
Или в Артанах — Каралашвили.

Пусть по селеньям прокатится громом
Мравалжамиер — чужим и знакомым,
Пусть им послышится град в Цинандали, —
Где еще песни сердца так вмещали?

Стол задохнется от песен застольных,
Будь же названия зятя достойным,
Рог подымай, не смущаясь, почаще,
Выпей здоровье Кахети-сладчайшей.

2

Знаю: «Стреляли семь братьев. . .» Но где же
Их попаданье? Промазали вместе.
Только единожды выстрелил дед наш —
Тур вниз рогами повиснул на месте.
Пусть семь поэтов пустят, как стрелы,
Семь своих песен — все мимо промчатся.
Путь пересек им Важа Пшавела,
Обвалом над ними повис Чавчавадзе,
Герои Кахетии, эти — другие. . .
Где состязаться достанем мы силу?
Поднимем же чашу, друзья дорогие,
И выпьем за ту, что на свет их родила.

Ведь рвется, как оползень, песня в привете,
Когда проезжаешь долину Кахетии. . .

(1935)

518. СБЫЛАСЬ МЕЧТА ПОЭТОВ

Ованесу Туманяну

Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут,
Оно оживет на мгновенье,
И вот из ущелья, ты видишь, идут
Навстречу могучие тени.

Я вижу твою седину, Ованес,
Ожившую в вечер румяный,
Биенье бездонного сердца и блеск
Улыбки в волненье Севана.

Исчез, как мечтали, раздор вековой,
Брат брата не губит войною,
И тот, кто вчера был пастух кочевой,
Сегодня он правит страною.

Народы Кавказа в единстве живут,
Поют они песни иначе,
В стране нашей мирный господствует труд,
Ануш твоя больше не плачет.

Пришли мы как братья, и каждый мечтал
Сказать про единство поэтов
Тебе, кто впервые об этом писал, —
И песню продолжить про это.

Ты сладость лорийского меда впитал
В свое неповторное слово,
И тот, кто, прозрев от тебя, не признал
Тебя, пусть ослепнет он снова.

Ты знаменем дружбы, сказать без прикрас,
Быть должен под родины небом,
Ты ожил сегодня вторично для нас,
Хоть мертвым для нас ты и не был.

И ржавчине времени не переесть
Цепь дружбы сердечной и новой,
Незримый хозяин в Армении, здесь
Прими наше братское слово!

⟨1957⟩

519. КАМНИ ГОВОРЯТ

Будто ожил древний миф
И циклопы скалы рушат,
Разметав их, разгромив,
Всё ущелье страхом душат.

Большевистская кирка
Бьется в каменные лавы;
Труд, что проклят был века,
Превратился в дело славы.

Города, что твой Багдад,
Не халифам нынче строят;
Человек свободный рад
Сбросить бремя вековое.

Если друг ты — с нами ты,
Если враг — уйди с дороги,
Для исчадья темноты
Суд готов народа строгий.

Серп и молот на гербе —
То не зря изображенье,
То с природою в борьбе
Мира нового рожденье.

Точно скалы поднялись,
И, как волны, камни встали;
Слава тем, кто эту высь
И стихию обуздали!

Сам с походом этим рос,
За него болел я сердцем,
И взамен ширазских роз
Стал я камня песнопевцем.

Я сложил на этих склонах
Песнь камней освобожденных!

⟨1957⟩

Симон Чиковани

520. КТО СКАЗАЛ...

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла,
Кто выдумал: мала земля родная?

А ну, поставь-ка скалы сверху скал,
В их серебре, в туманной пене
Орлиных крыльев шелест у виска
Послушай-ка и трубный крик оленей.

И крепостей на всех вершинах мощь
Измерь-ка мастера глазами,
Все собери ты краски наших рощ,
Их в тьме времен уже сиявший пламень.

Измерь-ка крылья ураганов гор,
Ущельями зажатых и ревущих.
Измерь-ка рек клокочущий костер
И копья льда, вонзившиеся в тучи...

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла,
Кто выдумал: мала земля родная?

⟨*1949*⟩

Сандро Шаншиашвили

521. МОЙ ДОМ В ДЖУГААНИ

Отдельно от других стоит мой дом в Джугаани,
Украшен лозами, в дерев зеленом стане.

И надпись на стене, взамен рогов оленьих, —
Что дед мой строил дом для многих поколений:

«Принадлежу я, дом, Сандро Шаншиашвили», —
Стропила, стены, печь надежны, как и были.

Уютный этот дом, где жили, ели, пели,
И я родился здесь, качался в колыбели.

Ласкали все меня, и все ушли, как в сказке.
Мне некому сказать «спасибо» им за ласки.

Мой дед играл со мной утрами голубыми,
Он сам крестил меня и дал свое мне имя,
Из Карданахи друг стал крестным, меж родными.

Я видеть рад всегда дом деда крепкожилый,
Пускай я болен, стар — здесь набираюсь силы.

Отдельно от других стоит мой дом в Джугаани,
Украшен лозами, в дерев зеленом стане,
Пусть на его балкон и я на время встану.

Несчетно лет тебе — немому чуду,
Твой долог век, а я лишь гость недолгий буду.

⟨1968⟩

522. ЭТО БЫЛА СКАЗКА

Как мастер из камня рождает прекраснейший лик,
Нельзя уничтожить его, не разбив изваянья,
Так образ один, что в меня всемогуще проник,
Будет вечно со мной, пока вижу я солнца сиянье.

Ты ушла, тебя нет — но со мной неразлучна ты всё ж,
Как и та красота, что, из камня родясь, просияла,
Переполнен тобой — ты мне гордость и силу даешь,
Помогаешь мне песней звенеть, как бывало.

Как струна одинокая, горестно сердце мое,
Лишь, как призрак, во сне мне является радость
свиданья,
О желанная! Сказкой лишь было твое бытие,
Вдохновенье мое — этой сказки воспоминанье!

⟨1968⟩

523. СЕРДЦУ ПОЕТСЯ

Я был один, как и Кура одна,
И дождь пошел, который не предвидел,
И вспомнил я былые времена —
Тбилиси и Мтацминду я увидел.

На сей вершине сердцу так поется,
Смотрю — да, это счастье мое бьется!

Народ прошел сквозь лабиринт огня,
Я рад, что стих свой я в борьбу бросаю,

Когда-нибудь ведь вспомнят про меня,
Моих напевов сладость воскрешая!

Не спрашивай, мне почему поется, —
Нашел я счастье! Счастьем сердце бьется!

⟨1972⟩

Паоло Яшвили

524. ДЕБЕДАЧАЙСКАЯ НОЧЬ

Лунные крылья
С медленной силой
Ночь переплыли
Звезд родниками.
Всё, что увидели, ртутью покрыли,
Лес полуночный, воду и камень.

Тяжки, шершавы,
Листья дубравы
Гнулись бесславно,
Ветви ж сияли.
Вся безглагольной грозою дышала
Та тишина, где уступы вставали.

Всё прошумело
В блеск онемелый,
Три раза пел уж
Петух одичало.
Сон еще властвовал, теплый и смелый,
Над берегами Дебедачая.

Дремой согретый,
Так незаметно
Я до рассвета
Лежал, не вздыхая,
Между друзей, на стоянке заветной,
Между охотников, что отдыхали.

В том созерцанье,
Похожем на мчанье
Света, в молчанье
Вскочил я, не веря:
Дочкой хозяйскою, юной турчанкой,
Встречу рассвету распахнуты двери.

Встретясь глазами,
Сердцем я замер.
Битва, сказал бы,
Так же пьяняща.
Рыбой сверкнув в водопадное пламя,
Снова легла на циновке шуршащей.

Делать мне что же,
Мир если ожил
Песенкой, схожей
Лишь с колыбельной?
Крикнул я спящему лагерю с дрожью:
«Утро, товарищи, бросьте постели!»

1934

С АРМЯНСКОГО

Аветик Исаакян

525

Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты,
Горы твои в море шелка — огни,
Воды — как мед, и ветры — как мед,
Дети твои — в море крови они.

За тебя умереть всегда готов,
Ах, на что мне одна эта жизнь моя, —
Мне б тысячу жизней и еще одну —
От сердца всего все бы отдал я.

Я тысячу жизней отдам тебе
За горе твое, за детей твоих —
Одну только жизнь оставлю себе
И ту, чтобы славу твою воспеть.

Чтоб песне парить, дав волю крылу,
На заре твоей новой, отчизна-джан,
Чтобы звонко и сладко петь хвалу
Юной жизни твоей, отчизна-джан. . .

⟨1952⟩

526. КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

Свободы колокол, звучи звончей,
С кавказских гордых, ледяных вершин,
Пусть, как гроза ночей и горячей
Всех молний, звон к Масису долетит.

Неутолимой местью, мятежом
И ярой силой слова прозвучи —
И о союзе братском, боевом
Народов вольных прозвени в ночи.

С гор в хижины, из горной щели в щель,
Из сердца в сердце твой призыв летит,
Восстание пусть будет наша цель,
Твой голос вечно пусть о том гремит.

Все души непокорные — в полет,
Все в колокол свободы бейте враз,
Пускай рука у вас не устает,
Чтоб слышал весь, чтоб слышал весь Кавказ.

Ты, колокол, греми, от сна веков
Буди Кавказ, буди Масис седой,
Орел, взмахни крылами широко,
Лев, гривою тряхни над крутизной.

Довольно жить рабами и цепей
Позор нести, мы жить хотим людьми,
Расплавить цепи дай огонь скорей,
Дай силу нам, о мести нам греми.

Рычи, зови и зовом мрак руби,
В поля, где смерть, и слава, и борьба,
В трубу войны священной нам труби,
На бой с насильем пусть зовет труба!

К свободы солнцу, золоту души,
Ты, звон победный, песней поплыви,
С Кавказских гор бесчисленных вершин
На праздник братства всех нас созови!

⟨1952⟩

С АВАРСКОГО

Гамзат Цадаса

527. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Воду радостей живых, ту, что старит молодых,
Молодит совсем седых, — будем пить, но не пьянеть.

Воду, что и пешехода может сделать конным с ходу,
Пешим — конного, ту воду будем пить, но не пьянеть.

Воду, что людей меняет, тех смеяться заставляет,
Тех слезами омывает, — будем пить, но не пьянеть.

Веселящую унылых, шутников бросая милых
В мрак унынья, — полной силой будем пить, но
не пьянеть.

Воду пенную стократы, золотящую заплаты,
В нищету сводя богатых, — будем пить, но не пьянеть.

Ослабляющую ноги, затемняющую многих,
Сделав наш язык убогим, — будем пить, но не пьянеть.

Воду — пить ее пристало, коль еды в желудке мало,
В доме ж снеди до отвала, — будем пить, но не пьянеть.

Воду злую, коль без меры, воду пиршественной веры,
Украшающую смертных, — будем пить, но не пьянеть.

Оглупляющую воду, наливая, как в колоду,
Пить бессовестную воду – будем пить, но не пьянеть.

Льющуюся в темный час изо рта постыдно в таз,
Унижающую нас, — будем пить, но не пьянеть.

Пробуждающую спесь, расхищающую честь,
Что ни пьешь — всё жажда есть, — будем пить, но не
пьянеть.

Воду, щедрую для друга, для врага скупую, кругом
Всю до дна в часы досуга будем пить и не пьянеть.

⟨*1944*⟩

С БАЛКАРСКОГО

Кайсын Кулиев

528

Как только ночь — полет прервав, садится
Любая птица в местности любой,
А ты, покой отвергнувшая птица,
Скажи мне, сердце, где найдешь покой?

Добравшись к морю, бурная, стихает
Река и в нем находит отдых свой,
А ты, река, что отдыха не знает,
Скажи мне, сердце, где же отдых твой?

«На свете много радости и боли, —
Мне сердце отвечает без тоски, —
И мы с тобой ничто без них, тем боле
Не верь, что в море отдых для реки».

⟨*1959*⟩

529

Как пахнет трава на родимой земле,
Не в моей позабыть это воле,
Слышал в дальней дали, в полночной мгле,
Как шумят мои сосны в Терсколе.

Талисманом родная земля на груди —
Мне не надо ни лучше ее, ни светлей.
Нет, нигде не забуду, где б я ни бродил,
Как пахнет трава на родимой земле.

⟨1957⟩

С ЧЕЧЕНСКОГО

Народная песня

530. ПЕСНЯ ИЗ ВРЕМЕН БОРЬБЫ ВОЛЬНЫХ ГОРЦЕВ С ФЕОДАЛАМИ

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой,
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой.

Но поля там ты не встретишь,
Не будешь овец пасти ты,
Мы дрались с врагами жестоко,
Нас не одолели князья,
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили,
Но честь уронить нам нельзя.

И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,

Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны,
Проклятье князьям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым,
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.

Костры мы поставим в пещерах,
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями
Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы,
Пускай они за отцами
С князьями схватятся в битве,
Когда умрут старики.

А наши любимые скажут:
«Мы ждали с набега так долго,
Я ждала — и вот я целую, —
Я ждала, не смела устать,
Я даже тогда целовала б,
Когда бы уста, как у волка,
В крови его были б враждебной,
Но я б целовала в уста.

Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет, утомяся,
А если он ранен и стонет
И кровью он моет траву —

Спою ему песню и песней
Заставлю рану закрыться,
Напомнив о том, что весь род его —
Вольный и боевой
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром,
Под барса рев заревой».

⟨*1933*⟩

С УЗБЕКСКОГО

Айбек

531. МОГИЛА ХАМЗЫ

(Из поэмы «Хамза»)

Он высоко лежит на родимой горе,
И кругом него горы стоят в серебре,
Высоки и крепки над уснувшим огнем,
Так крепка и народная память о нем.

Мы цветы принесли тебе утром одним,
О Хамза, мы склонились пред гробом твоим.
На вершине горы, на зеленом краю,
Поколенья запомнят могилу твою.

Враг клеймом темноты жизнь народа клеймил,
Темноту эту кровью своею ты смыл.
И Алай был прославлен победой твоей,
Что изгнала из недр его толпы теней.

Крылья песни служили тебе для высот,
В поле жизни любовь твою снова несет
В своей песне тобой сотворенный арык, —
Мир друзей уже в Хамзаабаде возник.

И героями в битве и в мирном труде
Твоих братьев, друзей прославляют везде.
И они в торжестве побеждающих дней
Свою славу приносят ко славе твоей!

⟨1958⟩

С ТАДЖИКСКОГО

Мирзо Турсун-заде

532. ДВА ПЛАТКА

Мне подарила свой синий платок, что лепестка нежней,
Белей, чем яблонь цвет в садах на родине моей,
Платок, как сердце, отдала тому, кто всех милей,
Та, что всю жизнь прошла со мной, как мать моих
детей, —
Девушка Таджикистана.

Люблю семью, хочу, чтоб крепким был мой род,
Пусть дети чистый воздух пьют родной страны высот
И хлеб едят, что честный мне, свободный труд дает,
Я берегу своих детей, как бережет народ
И девушки Таджикистана.

Другой, похожий на него, платок не наших мест,
Я получил из смелых рук — и смел был этот жест —
В Париже, во дворце Плейель, где мира шел конгресс,
Платок вручила мне она, чей нежен глаз разрез, —
Девушка Вьетнама.

И не для горьких слез платок ей маленький служил —
В ее улыбке и глазах огонь свободы жил,
Ее улыбка, понял я, победа новых сил,
Победа жизни, торжество над темным сном могил
Той девушки Вьетнама.

И вышита мечта ее была на том платке:
Вьетнама карта и над ней, над картой, в уголке
Алело знамя — знак борьбы в том южном далеке,
Где тонко вышили его на шелковом куске
Девушки Вьетнама.

Той дружбы знак, заветный знак, я не принять не мог,
И этот маленький платок, большой любви залог
К советским людям, принял я и с гордостью сберег,
Ведь от жандарма на груди скрывала тот платок
Девушка Вьетнама.

Французы видели, что мне платок она дала,
И улыбались ей они, и в них мечта жила,
О вольной Франции мечта их на борьбу вела,
Как другу — девушке помочь, забота их влекла
К девушке Вьетнама.

В столице родины — Москве — недавно вспомнил я
На конференции за мир далекие края,
Тот белый маленький платок, вьетнамские поля,
Искал я тщетно средь гостей: где девушка моя,
Девушка Вьетнама?

В лесах ли Бакбо, может быть, идет она — смугла?
В долинах Намбо иль в горах Терумбо — весела?
В Сайгоне ли, в Хайфоне ли, где доки как скала,
Свободы знамя, знаю я, высоко ты несла,
Девушка Вьетнама.

Огонь на белом том платке еще алей сейчас,
И знамя реет, как призыв за мир встающих масс,
В одну семью в борьбе за мир объединяя нас,
Тебя храним мы, ты, борясь, хранишь нас в этот час,
Девушка Вьетнама.

Нам небо нужно, чтоб звезда светила с высоты,
Земля нужна, чтобы полям хватило широты,
Воронок, рвоз, развалин нам не нужно темноты,
За это встали на борьбу, и с нами будешь ты,
Девушка Вьетнама.

И скоро белый свой платок ты, победив в бою,
В бою за мир, отдашь тому, кто знал любовь твою,
Отдашь под пальмой в счастья час в своем родном
краю, —
Как наши девушки, ты будешь растить семью свою,
Девушка Вьетнама.

1949

С ЛИТОВСКОГО

Антанас Венцлова

533. В ГОРАХ ЗА КИРОВАБАДОМ

Всё выше в горы мчались мы,
Асфальт дорог синел,
Между камней темнее тьмы
Кружася в вышине,

Сквозь сон коричневой руды,
Чьи жилы длинные тверды.

Сквозь лес, чьи синие листы
Мерцанье меди льют,
К чертям слетим мы с высоты,
Казалось, в пропасть тут.

Нас горный дух хранил в горах,
Вино крепчало в погребах.

А где кустарник в скалах лег,
Висел чабаний крик,
Баранов двигался поток
По гребню напрямик.

Пред нами плыл библейский вид,
Раскрылись гор хребты —
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты.

Исчезло солнце. Дождь и мгла,
Сползавшая в обрыв. . .
Чадра туманная легла,
Закрыв черты горы.

Но вдруг костер пахнул дымком,
Углей алмазных звон,
И вот баран уж под ножом,
Уже без шкуры он.

Вино из бочек смол густей,
С колхозного двора,
Так угощай, чабан, гостей —
Далёко до утра!

Ты угощал героев в час
Великих, грозных сеч, —
Как друг, встречаешь ныне нас
На древнем месте встреч.

И шашлыки шипят вокруг,
Трещит углей оскал,
И губы ветра сдули вдруг
Туман с кремнистых скал.

И кажется, что с чабаном
Любой из нас давно знаком.

Ходила чаша вкруг стола,
Хоть не было стола,
Но в честь товарищей хвала
По кругу шла и шла.

Вновь солнце нам улыбку шлет,
Горя на весь простор,
Мы жили как один народ
Кировабадских гор.

И нам казалось, что мы все —
Чабаньи сыновья,
А день сверкал во всей красе
Тебе, моя земля!

И словно плыл библейский вид,
Раскрылись гор хребты —
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты!

1947

С БОЛГАРСКОГО

Иван Вазов

534. РОССИЯ

(Отрывок)

И вот Камчатки ветер дикий
И гневной Балтики ветра
Сошлись в единый шквал — и крики
Слились в единое «ура!».

О, здравствуй, Русь, в красе и мощи,
Мир вздрогнет, услыхав тебя;
Приди, царица полуночи,
Зовем тебя, зовем, любя.

Народ зовет единокровный,
И час настал — к своим приди,
Что предназначено — исполни,
Завет великий воплоти!

Ведь ты для нас славнее славных,
Тебе на свете нету равных,
Вместила в ширь границ своих
Народы, царства, океаны,
Не обозреть пространства их.

Сам бог хранил от силы вражьей
Тебя, стоящую на страже,
Тебя, восставшую крушить
Мамая орды, Бонапарта.
Умеешь ты врага страшить,
Лишь на твою он взглянет карту.

И мы тебя зовем святой,
И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию, —
Ждем, потому что ты — Россия!

(1950)

Младен Исаев

535. ДОЛГ

Средь разных истин, спорных и бесспорных,
Проходит вся душа, мечтой полна.
За этот мир без всяких оговорок
В ответе мы, и доля нам одна.
Нам вверено всем долгом человечьим,
Чтоб разрушали и творили мы,
Чтоб передать в своих твореньях вечных
Всё, чем сердца горели и умы.

Не покидай нас, действенная сила,
Не приходи к нам, старость, глыбой льда,
Для нас земля просторы все раскрыла
Для подвигов, любви и для труда.
И в будущее мы войдем, как входит
Вся наша жизнь, как светлая река.
В мир для того ведь человек приходит —
Свой в мире след оставить на века!

⟨1965⟩

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петёфи

536. ВОЙНА ПРИСНИЛАСЬ КАК-ТО НОЧЬЮ МНЕ

Война приснилась как-то ночью мне,
На ту войну мадьяр позвали;
И меч в крови носили по стране —
Как древний знак передавали.

Вставали все, увидев этот меч,
Была пусть капля крови в жилах;
Не денег звон, как плату, нам беречь —
Бесценный цвет свободы платой был нам.

Как раз тот день был нашей свадьбы днем.
Что нашей свадьбы, девочка, короче?
За родину чтоб пасть мне под огнем,
Ушел я в полночь первой ночи.

В день свадьбы, девочка, уйти на смерть —
Да, правда, это жребий страшный.
Но грянет бой, и я уйду, поверь,
Как я ушел во сне вчерашнем.

⟨1939⟩

537. В СТО ОБРАЗОВ Я ОБЛЕКАЮ ЛЮБОВЬ

В сто образов я облекаю любовь,
Сто раз тебя вижу другой.
Ты — остров, и страсть омывает моя
Тебя сумасшедшей рекой.

Другой раз ты — сладкая, милая ты,
Как храм над моленьем моим;
Любовь моя тянется темным плющом
Всё выше по стенам твоим.

Вдруг вижу — богатая путница ты —
И готова любовь на разбой;
И вдруг уже нищенкой просит она,
В пыль униженно став пред тобой.

Ты — Карпаты, я тучей стану на них,
Твое сердце штурмую, как гром;
Станешь розовый куст — вокруг твоих роз
Соловьем распоюсь над кустом.

Пусть меняется так любовь моя, но
Не слабеет — вечно живая она;
Пусть тиха иногда, тиха, как река,
Поищи — не найдешь ее дна!

⟨1949⟩

538

Лишь война была мечтою
Лучшей в моей жизни,
Та война, где за свободу
Сердце кровью брызнет.

Есть одна святая в мире —
Лишь пред ней с любовью
Нам клинками рыть могилы,
Истекать нам кровью.

Имя той святой — свобода!
Все безумцы были
Те, кто слепо за другое
Жизни положили!

Мир, мир, мир, но не тирана
Прихотью надменной —
Мир, добытый лишь свободы
Силою священной.

А когда на свете будет
Мир всеобщий, дружный,
Вот тогда на дно морское
Мы швырнем оружье.

Но до той поры, оружье,
Нам до смерти биться,
Хоть до Страшного суда пусть
Та война продлится!

⟨1952⟩

Андре Ади

539. КОРАБЛЬ В ТУМАНЕ

Башни Татр в тумане дальнем,
Башни замков все в тумане,
Там и здесь чуть-чуть, чуть видный
Свет вдруг вспыхивает малый —
Парус полон трепетанья.

То в венгерском нашем море
Сквозь туман, угрозы, горе
Сотни волн летят навстречу.
Что же будет нынче с нами
На безлюдном том просторе?

Мы плывем, летим, летим мы
Лишь вперед неукротимо,
Венгрия — страна тумана,
Лишь в тумане день грядущий,
Лишь туман несется мимо.

Но должны же мы причалить,
Волны лес не зря качали,
Ведь когда-нибудь покажем,
Всеми пушками мы скажем,
Что огнем зарю встречали!

⟨1958⟩

С ПОЛЬСКОГО

Мечислав Яструн

540. ПЕСНЬ ЯРОСЛАВНЫ

Не за семью лежит горами
Тот край, прекраснее всего, —
Живет грядущее пред нами —
Остались версты до него,

Где полны чудным смыслом жизни
Огонь и хлеб, шум волн ночных,
И тот, кто был лишен отчизны,
Вновь будет пить из рек родных.

Кто доживет — тот сам увидит:
История — нет, не базар,
Не дом, где стоны, боль, обиды,
Кровавой злобы алый пар.

Не за семью лежит горами
Тот край, где тихо вьется снег,
Где слово песни в плеске рек
Искрится радости слезами.

Зовет в Путивле Ярославна
В слезах дружин степных ряды. . .
Я слышу песнь чудесной славы
Огня, и хлеба, и воды!

⟨1978⟩

СО ШВЕДСКОГО

Артур Лундквист

541

Пойдем побродим под осенним небом,
Натягивают горизонты синеющий свод над сверканием дней.
А в небе ворота чудес им радуги строят,
Леса уже красны, вкусно пахнет зерно урожая.
Пойдем бродить, бродить по дорогам,
Будем встречать горе, нужду, страданье,
Минутную сладость придорожного счастья,
Встречая неведомое, которого так ожидали.

Может, радость найдешь в доме совсем незнакомом,
Через калитку, мимо идя, сорвешь поцелуй румяный,
Но в сладком плену не останься, а иди и иди,
Люби всё, что придет, всё, чего еще не было,
Реки все, что навстречу текут.

Так пойдем же побродим под радугою в сентябре.

⟨1963⟩

С УРДУ

Фаиз Ахмад Фаиз

542. О РОДИНА МОЯ!

По слову и по зову твоему,
По слову твоему, о Родина моя,
Верны тебе, пришли по зову одному —
По зову твоему, о Родина моя!
Что в дар тебе нести? Нет ничего у нас.
Есть только гордость, вдохновенья час,
Есть жизнь, в которой счастье не для нас,
Есть тело, лишь тряпьем прикрытое сейчас.
Вот что имеют все и чем владею я,
Но всё, что есть у нас, о Родина моя,
Готовы всё отдать по слову твоему,
Во славу Родины, по зову твоему,
И жизнь отдать тебе по слову одному.
Кто хочет зла тебе — полночною порою
Вновь шепчется с врагами, козни строя,
Торгуются, для них ты стала лишь товаром,
Честь продают твою — в цене она недаром.
Пока живые мы — такому не бывать,
Тем грязным торгашам тебя не замарать,
Мы не дадим тобой постыдно торговать,
Мы жизни отдадим по знаку одному —
Мы сложим головы по зову твоему,
Во имя Родины, по слову твоему!

⟨1964⟩

543. ТЫ ГОВОРИШЬ

Кончился бой уже, ты говоришь,
И никто не успел сразиться в бою,
Не смог показать всю отвагу свою,
Не поднял знамя, не встал в строю,
Чтобы показать, где бежали друзья,
Показать, где врагов затаила тишь.

Кончился бой уже, ты говоришь,
Что мы не сражались — о том молчишь!

Ты говоришь, что выхода нет —
Опускаются руки, изранено тело,
От каменной муки душа онемела,
А горе горами встает без предела,
Кто гор тех коснется, уходит в испуге,
Отходит сразу от дела.

Разве не можем мы пыль наших улиц,
Друзья, расцветить красою багряной,
Весной нашей крови? Разлить океаном
В ладони любимой алость тюльпанов?
Разве тут крик справедливый не грянет:
«Бери и владей!» — в громе и гуле...

Испытание страсти, что прошло — прошло,
Много ран, много мук позади — позади,
Впереди еще большие муки нас ждут, но иди!
Столько же будет еще впереди
Испытанья, каких не встречали еще, — впереди!

⟨1964⟩

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в произведении После нумерации строк (или строф) указывается источник варианта Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего.

8

начало автограф

Немногая во многом,
Закрытая в открытом,
Идет по всем дорогам
От всех на время скрыта.

после 8

В игривой фразировке,
Где все не без пятна,
Где смех и злой, и ловкий,
Без имени она.

10

начало автограф

Я ждал, я верил не напрасно:
Сегодня или никогда,
Кто победит: комар всевластный
Иль руки славы и труда!

Шел эскадрон на усмиренье,
Куда? На братьев, за царя,
Но вслед глядел я без смущенья
И думал, радость затая:

после строфы 1

Но что-то дивное случится
С веками, может быть, вразрез
На старых улицах столицы
Под крики новых Марсельез.

17

вместо строф 1—7 автограф

Вне времени я пребывал в те дни,
На стуле спал, не помню где обедал,
И только мельком видел занавески
В заветных окнах улицы Маньян.

Домбровский пал, и черный узел дыма
Парижа горло стягивал всё туже.

Я закоптел в пороховом дыму,
Оборванный, как нищий, и усталый.
Не смейтесь, но во сне я видел ясно
Ряд узких окон улицы Маньян.

Коммунный город великан пожара
Замучил раскаленными руками,
На баррикадах возле Шато д'О
Меня схватили пьяные версальцы.

25

5—20
автограф

Шрапнель его осыпала. Осколки
Вонзились в ногу, в руку. Он молчал.
Боль сделалась щемящей, сильной, колкой...
«На перевязку!» — кто-то закричал.

И фельдшер хмурый с запахом карболки,
Серьезный — бинт на пальцах растянул...
Перевязал... И раненый в двуколке
Пошел под крики лагеря и гул.

«Отделался, счастливец, пустяками!»
— «Да, дуракам везет... Не стой — убьют — ложись! ..»
Снаряды рвались... Гулкими руками
Казались ветви, падавшие вниз...

А раненый сидел в жару и бредил,
Ему казалось, в пропасть смотрит он,
Деревья, как танцующие плети,
Смеются, бьют его со всех сторон.

26

после
строфы 1
автограф

Я вдыхал аромат чьей-то шеи,
Чьи-то взоры смеяться могли,
А верстах в двадцати, тяжелея,
Выли пули и гады ползли.

30

после
строфы 3
автограф

Я чутко чувствовал тревогу,
Но разум спал —
В душе я не молился богу
И не дремал.

49

после строфы 2 автограф

Часы качнут, как старые враги,
Безжалостными остриями стрелок,
Лишь выдадут неверные шаги,
Как вдруг отяжелело тело.

56

после строфы 8 Бр

Дайте крест! смуглела высота,
Голубь закричал перед зарей,
Кони сбились, мыло с губ текло
И глаза, как дымное стекло.
Вбейте ж крест! И — не было креста!

44—45

След разбитых кровью жил —
Точно когти звезд пятиконечных!

64

после строфы 13 Бр

Так, сестра, гуляй напропалую
Ветром ввысь, сполохом за кусты,
Не тебя ль ножом я поцелую,
Я такой же каторжник, как ты.

65

после строфы 1 Бр и др. изд. до ИП-55

Зачервонили по ветру сабли,
По Днепру зажупанили вести,
Что коммунников руки ослабли,
Краснозвездцы в селах не в чести.

67

после строфы 2 Бр

Плакать о чем — не наша забота,
Кто-нибудь в ранний иль поздний раз,
Перед расколотым став киотом,
Выплачет душу свою о нас.

88

I

строфа 6 ПГ

Тогда, ослабев, налетает на шквал
Бессилья, нужды, обмана,
И тело уносит Атлантики вал
Иль пуля в углах Мангаттана.

после строфы 8

Чтоб жить, не барахтаясь на мели,
А если наш бег подкосят,
Я знаю: не будем горла пилить
Какой-нибудь сталью плоской.

Хотя б потому мы поддержим честь,
К усталости став спиной,
Что острых предметов вокруг не счесть,
А горло у нас одно.

89

II

после строфы 2 ПГ

Иль стосильным синим кэбам,
Берегущим тело,
Повидать поближе небо
Захотелось?

427

после строфы 6 12Б

Так стареют вещи налегке:
Капитан за водкой в кабаке,
И компас, заброшенный без цели,
Кожаной отшельник кельи,
Револьвер в карманном подземельи.

21—25

Черный, полированный станок,
Как и тралер, он отведал крови,
И врага на траверсе стерег.

Но теперь безмолвен барабан —
Букв свинцовых старое изданье,

ПРИМЕЧАНИЯ

В многогранном и разнообразном творчестве Николая Тихонова главное место занимает поэзия.

Писать стихи он начал очень рано, еще в 13—14 лет, но как поэт сложился позднее, в годы первой мировой войны, когда в стихи молодого солдата вошли впечатления военной жизни, жестоких битв и разрушений. Стихи этих лет, озаглавленные «Жизнь под звездами», были опубликованы лишь в 1935 г. в № 8 журнала «Знамя».

В 1957 г. в № 11 журнала «Юность» Тихонов впервые опубликовал еще пять своих ранних стихотворений. Затем небольшие подборки ранних стихов были помещены автором в первом томе СС-6 (1958),[1] в сборниках «День поэзии», в газетах. Среди этих ранних стихотворений есть несколько, относящихся к задуманной в 1919 г. книге «Перекресток утопий», о которой Тихонов позже писал: «В книге „Перекресток утопий" в наивной и романтической форме я искал, как выразить в стихах чувство нового, небывалого, того, что торжествовало над холодом, голодом, разрухой, гражданской войной, но мне было ясно, что победа будет за силами, которые должны разрушить старый мир» (ИП-67, т. 1, с. 7). Взыскательность поэта по отношению к своим ранним произведениям сказалась в том, что из двадцати стихотворений, содержавшихся в рукописной книге «Перекресток утопий», были опубликованы лишь четыре (см. прим. 1, 10, 12, 14). Между тем эти стихи чрезвычайно важны для понимания эволюции творчества поэта и более позднего, послеоктябрьского периода. В настоящем издании ранние стихотворения, в том числе и книга «Жизнь под звездами», даны в том составе, на котором остановился автор в т. 1 семитомного Собрания сочинений (СС-7) — последнем, подготовленном им самим (стихотворные произведения помещены здесь в первых двух томах).

Тихонов стал широко известен как поэт с 1922 г. — со времени выхода первых двух книг — «Орда» и «Брага». На титульном листе каждой из них указаны хронологические рамки вошедших в книги стихов: 1919—1921 («Орда») и 1921—1922 («Брага»). В дальнейшем на всех своих книгах Тихонов всегда обозначает период времени, в течение которого они создавались, тем самым подчеркивая их значение как очередного звена своей творческой биографии. Примечательно, что последнюю книгу стихов Тихонов назвал: «Стихотворения 1970—1977 гг.».

При публикации стихотворений в изданиях избранного и собраниях сочинений Тихонов, как правило, сохранял группировку материала по сборникам, а в пределах сборников — по циклам и раз-

[1] См. ниже список условных сокращений, с. 713—714.

делам, время от времени внося в их состав и композицию те или иные частные изменения. Этот принцип публикации стихотворного наследия широко применен автором и в СС-7, положенном в основу настоящего издания. Главное место в первом его разделе — «Стихотворения» — занимают стихи из авторских книг, включенные в СС-7, а также из книги «Стихотворения 1970—1977 гг.», вышедшей в свет позже СС-7. Вслед за «Основным собранием» в этом разделе помещены «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание». Это прежде всего стихи из «Орды» и «Браги», снятые автором при последующих переизданиях его ранних книг, но представляющие интерес для понимания истоков творчества поэта, и стихи 20-х гг. из готовившейся, но не состоявшейся книги «Зверинская, 2». Здесь же помещены стихи из последней, оставшейся в рукописи книги Тихонова «Песни каждого дня».

Второй раздел издания — «Поэмы», куда отнесена и «Нумансия», интермедии Тихонова к одноименной пьесе Сервантеса. Будучи избранным, настоящее издание вместе с тем является одним из наиболее полных сводов стихотворного наследия поэта. Критерий избранности, естественно, ограниченно применялся в отношении текстов «Основного собрания» и более широко — при отборе произведений для остальных разделов издания, особенно третьего, знакомящего с характерными образцами переводческого искусства Тихонова.

Несколько слов о датировке. Многие стихотворения публиковались Тихоновым с указанием даты, которая, как правило, и воспроизводится здесь. В тех случаях, когда автограф датирован более ранним временем, дата устанавливается по автографу. В архиве Тихонова встречаются беловые автографы или машинописи стихотворений, собранные (а часто и сшитые) в книгу или цикл и имеющие одну общую дату. Эта дата, в таких случаях, указывается под каждым стихотворением. При невозможности определить точную дату сообщается дата публикации стихотворения или цикла (в угловых скобках).

При подготовке настоящего издания к печати были использованы материалы личного архива поэта, пока еще не описанного и не разобранного. Вследствие этого сведения об автографах и машинописных копиях, приводимые в примечаниях, могут быть неполны.

В библиографическом аппарате комментария широко использованы материалы книги: Н. С. Тихонов. Библиографический указатель его произведений и литературы о нем. 1918—1970. Сост. А. С. Морщихина, Л., 1975.

В примечаниях после порядкового номера указывается первая публикация каждого произведения, а также все последующие ступени изменения текста в печати и, наконец, источник, по которому этот текст приводится. Если произведение не перепечатывалось или перепечатывалось без смысловых изменений, отмечается только первая публикация, служащая одновременно и источником текста. Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому произведению есть материал в разделе «Другие редакции и варианты».

За содействие в подготовке настоящего издания составитель и автор комментариев приносят благодарность родственникам Н. С. Тихонова: А. С. Тихоновой-Соловьевой, В. Н. Тихоновой, И. К. Мерц, О. И. Квадэ.

Список принятых сокращений

А — «Аврора».
Бр — Н. Тихонов, Брага. Вторая книга стихов. 1921—1922, М.—Пб., «Круг», 1923.
ВД — Н. Тихонов, Времена и дороги. Стихи 1967—1969 гг., М., «Сов. писатель», 1970.
ГВ — Н. Тихонов, Грузинская весна. Стихи 1948 г., Л., «Сов. писатель», 1949.
12Б — Н. Тихонов, Двенадцать баллад, Л., 1925.
ДН — «Дружба народов».
ДП — «День поэзии», М. (ежегодный сборник).
ДП (Л.) — «День поэзии», Л. (ежегодный сборник).
ЖПЗ — рукописный сб-к Тихонова «Жизнь под звездами», сохранившийся в личном архиве поэта.
Зв — «Звезда».
Зн — «Знамя».
И-47 — Н. Тихонов, Избранное, М., «Правда», 1947 («Библиотека „Огонек“»).
И-48 — Н. Тихонов, Избранное. Стихи и поэмы, М., «Сов. писатель», 1948 («Библиотека избр. произв. советской литературы»).
Изв. — «Известия».
ИП — Избранные произведения.
ИП-51 — Н. Тихонов, Избранные произведения в 2-х тт., М.—Л., Гослитиздат, 1951.
ИП-55 — Н. Тихонов, Избранные произведения в 2-х тт., М., Гослитиздат, 1955.
ИП-67 — Н. Тихонов, Избранные произведения в 2-х тт., М., «Худож. литература», 1967.
КЖВ — «Красный журнал для всех».
КЗв — «Красная звезда».
КН — «Красная новь».
Л — «Ленинград».
ЛГ — «Литературная газета».
ЛГр — «Литературная Грузия».
Лен. пр. — «Ленинградская правда».
ЛР — «Литературная Россия».
МГ — «Молодая гвардия».
Н — «Нева».
НМ — «Новый мир».
НСР — «На страже Родины».
ОГ — Н. Тихонов, Огненный год, М., «Сов. писатель», 1942.
Ог — «Огонек».
Ок — «Октябрь».
Ор — Н. Тихонов. Орда. Стихи 1920—1921. Пб., «Островитяне», 1922.
ПБЛ — Н. Тихонов, Поэмы. Баллады. Лирика, М., Гослитиздат, 1947.
ПГ — Н. Тихонов, Поиски героя. Стихи 1923—1926, Л., «Прибой», 1927.
Пр — «Правда».
Прж — «Прожектор».
ПСГ — Н. Тихонов, Поэты Советской Грузии, Тбилиси, «Заря Востока», 1948.

ПУ — рукописный сб-к Тихонова «Перекресток утопий», сохранившийся в личном архиве поэта.
С — Н. Тихонов, Стихотворения 1970—1977 гг., М., «Сов. писатель», 1978.
СБр — «Серапионовы братья». Заграничный альманах, Берлин, «Русское творчество», 1922.
СиП-35 — Н. Тихонов, Стихотворения и поэмы, Л., «Худож. литература», 1935.
СиП-38 — Н. Тихонов, Стихотворения и поэмы, Л., «Худож. литература», 1938.
СиП-56 — Н. Тихонов, Стихотворения и поэмы, М., Гослитиздат, 1956.
СПр — Н. Тихонов, Стихи и проза, М., Гослитиздат, 1945.
СС — Собрание сочинений.
СС-6 — Н. Тихонов, Собрание сочинений в 6-ти тт., М., Гослитиздат, 1958—1959.
СС-7 — Н. Тихонов, Собрание сочинений в 7-ми тт., М., «Худож. литература», 1973—1975.
ССт-2 — Н. Тихонов, Собрание стихотворений в 2-х тт., т. 1, Л., «Прибой», 1930; т. 2, М.—Л., Гослитиздат, 1932.
ст-ние — стихотворение.
100Ст — Н. Тихонов, Сто стихотворений, Л., Гослитиздат, 1941.
СЮ — Н. Тихонов, Стихи о Югославии, М., «Моск. рабочий», 1947.
ТД — Н. Тихонов, Тень друга. Стихи, Л. «Худож. литература», 1936.
ТНТ — Творчество Николая Тихонова. Исследования и сообщения. Встречи с Тихоновым. Библиография, Л., «Наука», 1973.
Юн — «Юность».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Печ. по СС-7, т. 1, с. 5—18 (написано специально для этого изд.). Первая краткая автобиографическая заметка Тихонова опубликована в «Лит. записках», 1922, № 3, с. 29, в подборке с другими заметками о себе членов группы «Серапионовы братья». Затем краткая биография под загл. «Моя жизнь» появилась в «Красной панораме», 1926, № 41, с. 7. В послевоенные годы Тихонов предпосылает развернутые статьи автобиографического характера многим изданиям своих избр. произв.: «Автобиография» — ИП-51, т. 1, с. 5—11; «Вместо предисловия» — ИП-55, т. 1, с. 5—14; то же с некоторыми добавлениями и уточнениями под загл. «Автобиография» — в кн.: «Советские писатели. Автобиографии», т. 2, М., 1959, с. 426—433; «Несколько слов о себе» — в кн.: Стихи, М., 1961, с. 5—10; «Несколько слов о жизни и поэзии» — ИП-67, т. 1, с. 5—12. Все эти автобиографии — варианты, незначительно отличающиеся друг от друга. Иные варианты автобиографических предисловий вызывались спецификой соответствующих изданий (например, «Слово к юным друзьям» — в кн.: «Майское утро», М., 1961, с. 3—11; «Слово к другу читателю» — в кн.: Перекличка героев. Избр. стихи и поэмы, М., 1970, с. 5—9). В архиве поэта сохранились рукописные варианты автобиографических заметок, относящихся к 50—60-м гг.

Горький в свое время писал и т. д. Горький высказывался на

эту тему в ряде своих статей 30-х гг.; слова писателя, приведенные Тихоновым, по-видимому, — пересказ одного из подобных суждений. *Торговая школа на Фонтанке* — Петровское училище коммерческо-торгового профиля. Тихонов поступил в него в 1906 г. и окончил в 1913 г., после чего определился на службу в Военно-морское хозяйственное управление, находившееся в здании Адмиралтейства. *Стоял на берегу Индийского океана.* Тихонов имеет в виду свою поездку в Шри-Ланка (Цейлон) в 1959 г., после чего им была написана поэма «Мыс Дондра» (1959). *Трагедия русского... флота.* Речь идет о Цусимском сражении в мае 1905 г. во время русско-японской войны, в котором, несмотря на героизм и мужество русских моряков, почти полностью была уничтожена русская эскадра. *Свеаборг* (фин. Суоменлинна) — крепость в Финляндии близ Хельсинки. Имеется в виду Свеаборгское восстание моряков Балтийского флота в июле 1906 г. *Лейтенант Шмидт* Петр Петрович (1867—1906) — революционер, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г., поднявший красный флаг на крейсере «Очаков». *Горький... написал мне.* Тихонов приводит слова Горького из письма к нему от 25 января 1925 г. (Архив А. М. Горького в Институте мировой литературы им. А. М. Горького). Высоко отзывался Горький о Тихонове в письмах к литераторам. В 1924 г. он писал К. А. Федину: «Те стихи Тихонова, которые мне удалось прочитать, рисуют предо мною автора человеком исключительно талантливым»; «Стихи его прекрасны...» («Лит. наследство», № 70, М., 1963, с. 476, 483); в письме к И. А. Груздеву (июнь 1927 г.): «Талантливый он человек, Тихонов!» (Архив А. М. Горького, т. 11, М., 1966, с. 128). *Сунь Ятсен* (1866—1925) — китайский революционер и политический деятель, организатор национально-освободительной борьбы китайского народа. Рассказ, ему посвященный, вышел отдельным изд.: «Друг народа», М.—Л., 1926. Далее Тихонов перечисляет свои книги: *«Симон-большевик»,* М.—Л., 1932; *«Военные кони»,* М.—Л., 1927; *«Война»,* Л., 1931; *«Рискованный человек»,* Л., 1927; *«Кочевники»,* М., 1931. *Цаголов* Георгий Александрович (1897—1919) — один из организаторов борьбы за Советскую власть на Кавказе, в частности в Сев. Осетии. *Санников* Георгий Александрович (1899—1969) — сов. поэт. *Наши переводы многих поэтов Советской Грузии вышли в одном сборнике.* Наиболее полно ст-ния этих поэтов в переводах Тихонова и Пастернака представлены в изд. «Грузинская советская поэзия», Тбилиси, 1954. Кроме того, в послевоенные годы вышли книги Тихонова («Поэты Советской Грузии. Избранные переводы», Тбилиси, 1948) и Б. Пастернака («Грузинские поэты. Избранные переводы», М., 1946). *Тарас Шевченко отметил в свое время.* Имеются в виду слова из поэмы «Кавказ» (1845): «От молдаванина до финна На всех языках всё молчит». *Шуцбундовское восстание* — восстание рабочих в Вене против реакционного правительства (1934) под руководством социал-демократической организации рабочей обороны «Шуцбунд». *Книгу стихов «Тень друга»... критики разругали.* Наряду с положительными отзывами были и несправедливо резкие, напр.: Ф. Левин в «Лит. обозрении», 1937, № 6. *Книга рассказов... о войне с белофиннами* — «Фронтовые рассказы», М.—Л., 1941. Далее перечислены книги: *«Ленинградские рассказы»,* Пенза, 1942 (то же, М., 1943); *«Огненный год»,* М., 1942; *«Болгарские записи»,* М., 1945; *«Белое чудо»,* М., 1957; *«Шесть колонн.* Книга повестей и рассказов», М., 1968; *«Двойная радуга»* — книга рассказов-воспоминаний

Тихонова, отд. изд.: М., 1964. *Лебедев Алексей* Алексеевич (1912—1941) — сов. поэт, моряк, автор сб-ков «Кронштадт» (1940), «Лирика моря» (1942) и др. *Суворов Георгий* Кузьмич (1919—1944) — сов. поэт, погибший при переправе через Нарву; его сб. стихов «Слово солдата» вышел в 1944 г. с предисловием Тихонова. *Фильмы.* По сценариям Тихонова сняты фильмы: *«Заговор мертвых»* (1930), *«Друзья»* (1938) — сценарий Тихонова и Л. Арнштама, *«Покорители вершин»* (1952). *Издания Детгиза.* В этом изд-ве вышли: «Симон-большевик», 2-е изд., Л., 1934; «Сами», М., 1939; «Ленинградцы», М.—Л., 1944; «Храбрый партизан», М.—Л., 1945; «Я все живу», М.—Л., 1945; «В те дни. Ленинградский альбом», М.—Л., 1946; «Рассказы», М.—Л., 1950 и 1956; «Избранное», М.—Л., 1951; «Рассказы о Пакистане», М.—Л., 1951; «В старом городе Лахоре», М.—Л., 1952; «Первый самолет», М., 1959; «Утро мира. Избр. стихи», М., 1962; «Волшебная бумажка», М., 1967; *«Удивительные маленькие истории»*, М., 1973 и др. *Отобрал из огромного количества... материала книгу.* Эта книга вышла под загл. «Писатель и эпоха. Выступления, литературные записи, очерки», М., 1972 (2-е изд. — М., 1974). *Звание Героя Социалистического Труда* Тихонову было присвоено в 1966 г. в связи с 70-летием со дня рождения.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗ РАННИХ СТИХОВ

Большинство ранних ст-ний Тихонова появилось в печати лишь в конце 50-х гг. в журналах, сб-ках ДП и др. Некоторые из них печатались и ранее в ИП. Подборки ранних ст-ний в более поздних авторских сб-ках поэт пополнял и композиционно перестраивал вплоть до последней публикации этих стихов в СС-7. В архиве Тихонова среди многих автографов ранних ст-ний выделяется рукопись книги «Перекресток утопий», оставшаяся неизданной. Рукопись — беловой вариант, украшенный рисунками автора. Кроме того, в архиве имеются разрозненные черновые и беловые автографы ранних ст-ний.

1. Юн, 1957, № 11, с. 44. Датируется по автографу ПУ.

2. СС-6, т. 1, с. 9. Автограф без даты. *Йога* — одна из важнейших частей религиозно-философских систем в Индии. *Раджа* — княжеский титул в Индии. *Факир* — странствующий мусульманский нищий в Индии; в более распространенном значении — маг, заклинатель, фокусник. *Танжор* (Танджавур) — город в Индии. *Вишну* — один из главных богов индуизма. *Веды* — древнейшие памятники индийской культуры. *Тамаринд* — тропическое плодовое вечнозеленое дерево. *Кали* — одно из имен почитаемой в индуизме «великой богини», олицетворение разрушительных и созидательных сил. *Тадж-Магал* — памятник индийской архитектуры XVII в., мавзолей в Агре,

построенный шахом Джаханом в память любимой жены Мумтаз-Махал. *Пагода* — буддийское культовое сооружение. *Слоны святынь печальных Гатских гор.* Высеченные из камня изображения слонов окаймляют дорогу, ведущую к одному из храмов в Зап. Гатах (горы в Индии). *Беджапур, Бенарес* (Варанаси), *Эллор* (Элуру) — города в Индии.

3. СС-6, т. 1, с. 11. Автограф без даты. Датируется по машинописи под загл. «Покос». *Отава* — трава, выросшая после покоса.

4. СС-6, т. 1, с. 12. Автограф без даты. *Нестеров* Петр Николаевич (1887—1914) — военный летчик, первый мастер высшего пилотажа в России. Погиб в воздушном бою, впервые применив таран.

5. СС-6, т. 1, с. 13.

6. ДП-66, с. 22. Датируется по черн. автографу, под загл. «Герой». Машинопись с авторской правкой.

7. ДП-66, с. 22. Датируется по черн. автографу.

*8. ИП-67, т. 1, с. 25. Машинопись с правкой, под загл. «Женщина без лица (Революция)», шесть четверостиший, из которых 1-е и 4-е отброшены при публикации. Датируется по машинописи. *Маркитантка* — мелочная торговка, сопровождавшая армию в походе. *Пирей* — древний город и важнейший порт в Греции, являющийся гаванью Афин.

9. ДП-57, с. 120. Датируется по автографу. *Веракруц* — порт в Мексике.

*10. ДП-57, с. 119. Два автографа (один — ПУ), в ранней пространной редакции из 10-ти строф. *27 февраля 1917 г.* в России свершилась буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царскую власть. *Твердь* — здесь: небо.

11. ДП-57, с. 120. В архиве поэта сохранились автографы нескольких «Песен свободы», задуманных, видимо, как цикл. Из них опубликована лишь одна. Датируется по автографу.

12. Юн, 1957, № 11, с. 44. Два автографа: 1-й — ПУ, 2-й — черн. Датируется по ПУ.

13. ЛГ, 1957, 19 октября. Датируется по черн. автографу; другой черн. автограф с датой: 1918—1920. *Кружало* — кабак.

14. Юн, 1957, № 11, с. 45. Датируется по автографу ПУ, под загл. «Огнелик (Пролетарий говорит)». Подзаг. печ. текста говорит о том, что ст-ние — фрагмент неосуществленной поэмы.

15. «Красная панорама», 1929, № 45, с. 14, без двух последних строф. Печ. и датируется по Юн, 1957, № 11, с. 44. Автограф черн., ранней ред.

16. СС-6, т. 1, с. 28. Автограф черн., где две дополнительные строфы. Датируется по сб. «Прибой», Л., 1959. *Галиот* — одномачтовое торговое судно. *Хирвисари* — старое финское название Васильевского острова (Ленинград).

*17. СС-6, т. 1, с. 31—32. Автограф другой ред. с подзаг. «Коммуна 1871 г.», в составе рукописной книги «Орда» (подготовка 2-го издания книги). Датируется по автографу. *Дарбуа* — парижский архиепископ, ярый враг Коммуны, был взят в плен коммунарами, которые предлагали версальцам обменять его на Бланки — одного из руководителей Коммуны. В ответ на отказ версальцев коммунары расстреляли Дарбуа. *Улица Маньян* — ныне ул. Борепер в Париже. *Домбровский* Ярослав (1836—1871) — польский революционный деятель, командовавший всеми вооруженными силами Коммуны; умер от ран. *Делеклюз* Шарль (1809—1871) — журналист-республиканец, член Коммуны; погиб на баррикадах на площади *Шато д'О* (ныне площадь Республики). *Брюнель* Поль Антуан Маглуар (род. 1830) — член Парижской коммуны.

18. СС-6, т .1, с. 33.

19. СиП-35, с. 280, с датой: 1921. Датируется по черн. автографу. *Гать* — настил через топь.

20. СС-6, т. 1, с. 38. Датируется по автографу.

21. Юн, 1957, № 11, с. 44. Датируется по черн. автографу под загл. «Сумасшедший экспресс в будущее». *Вифлеем* — город в Иордании, по евангельской легенде, место рождения Иисуса Христа.

22. СС-6, т. 1, с. 42. Автограф без даты.

23. СС-6, т. 1, с. 43.

ЖИЗНЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

Отдельно не издавались. №№ 24—26, 28, 30—33, 39 под этим загл. — ПБЛ, с. 261—273. Основная часть (без №№ 24, 25, 30, 31) публиковалась ранее в Зн, 1935, № 8, с. 44—50, под загл. «Из походной тетради 1916—1917». Затем ст-ния из этого цикла печатались в авторских сб-ках (СиП-35, И-48, ИП-51 — ИП-67). Состав подборок ст-ний менялся. Впервые полностью в СС-6, т. 1, с. 44—61. В архиве Тихонова сохранился черн. вариант цикла с датой: 1917 г., под загл. «Жизнь под звездами», состоящий из 16-ти ст-ний, как и окончательный вариант, но несколько иной по составу. Все ст-ния написаны под впечатлением событий первой мировой войны, участником которой был Тихонов.

24. СПр, с. 149. Автограф ЖПЗ под загл. «Былое» и с посв. А. Мачерету. *Бабит* (Бабите), *Тируль* (Тируле) — озеро и болото в Латвии на правом берегу р. Лиелупе.

*25. Альм. «Ушкуйники», Пб., 1922, с. 19. Печ. по Ор, с. 11. Автограф ЖПЗ другой ред. в составе шести строф.

***26.** Зн, 1935, № 8, с. 47. Автограф ЖПЗ из четырех строф. Под *Ригой* в годы первой мировой войны велись жестокие бои, в которых принимал участие кавалерист Тихонов. *Валентин* — персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст».

27. Зн, 1935, № 8, с. 47. Автограф ЖПЗ с подзаг. «Элегия августа».

28. Зн, 1935, № 8, с. 46. Автограф ЖПЗ под загл. «Вечер». *«Таубе»* — тип немецкого военного самолета периода первой мировой войны.

29. Зн, 1935, № 8, с. 44. В автографе ЖПЗ ст-ние состоит из трех частей, из которых опубликована часть 2-я, с изъятием трех строф. Датируется по автографу.

***30.** СПр, с. 148. Автограф ЖПЗ под загл. «Роденпойс», в другой ред. из шести строф. *Роденпойс* — ныне Ропажи Рижского р-на (см. «Вместо предисловия» — наст. изд., с. 48). *Мюрат* Иоахим (1767—1815) — маршал Франции, один из командующих конницей в армии Наполеона.

31. Зн, 1935, № 8, с. 45. В автографе ЖПЗ загл. «Венден» исправлено на «Ночь в городе».

32. Зн, 1935, № 8, с. 47. Автограф ЖПЗ под загл. «На переходе».

33. Зн, 1935, № 8, с. 50. Автограф ЖПЗ без загл., с посв.: «Памяти Бойцова». Датируется по автографу.

34. Зн, 1935, № 8, с. 50. Автограф черн. на отдельном листке, с дополн. строкой и с подзаг. «Безысходность». *Вольмарсгоф* — старинный баронский замок в Латвии близ Валмиеры.

35. Зн, 1935, № 8, с. 46. Автограф ЖПЗ под загл. «Лифляндия». *Лифляндия* — немецкое название Ливонии (территории южной части Эстонии и северной части Латвии).

36. Зн, 1935, № 8, с. 48. Автограф ЖПЗ под загл. «Хинценберг».

37—39. Зн, 1935, № 8, с. 49.

ОРДА

В первом изд. книга посвящена поэту Всеволоду Александровичу Рождественскому (1895—1977), другу Тихонова. В книгу вошло тридцать ст-ний, объединенных в трех разделах. Вне разделов одно ст-ние (№ 40), открывавшее книгу. Большинство ст-ний публиковалось ранее в журналах и сб-ках. Позднее стихи из Ор поэт печатает в виде раздела во всех изданиях ИП, несколько варьируя состав подборок. В издании ПБЛ в составе «Орды» помещены ст-ния, написанные в 1918 г. В архиве поэта сохранилось четыре рукописных

варианта книги: черновой (I); под загл. «Третий полюс» (II); беловой (III); подготовка 2-го изд. книги (IV). Все варианты книги относятся к 1921 г., и все различаются по составу и композиции. Даты №№ 40—44, 49 уточнены по автографам. Даты остальных имеются в авторских публикациях. Эпиграф из ст-ния Е. А. *Баратынского* (1800—1844) «Смерть».

40. Ор, с. 5. Автографы — II—IV.

41—42. СБр, с. 169. Печ. по Ор, с. 9. 13. Автографы — II—IV.

43. Ор, с. 15. Автографы — II—IV.

44. Альм. «Островитяне», кн. 1, Пб., 1921, с. 36. Печ. по Ор, с. 16. Автографы — II—IV, без загл. и посвящ. *Колбасьев* Сергей Адамович (1898—1924), друг Тихонова, писатель-маринист, в годы гражданской войны был военным моряком.

45. Ор, с. 25. Автограф — IV. Датируется по ССт-2, т. 1.

46. Ор, с. 27. Автографы — III—IV. Датируется по ССт-2, т. 1.

47. СС-6, т. 1, с. 70, где впервые в составе «Орды». Датируется по сб. «Прибой», Л., 1959.

48. Ор, с. 29. Автографы — I, II, IV. *Неслуховская* Мария Константиновна (1892—1975) — жена Тихонова.

***49.** Ор, с. 31. Автограф — I, под загл. «Мать». *Мать* — Тихонова Екатерина Давыдовна (1864—1941), урожд. Гринберг, по национальности латышка.

50. Ор, с. 33. Датируется по ССт-2, т. 1.

51. Альм. «Островитяне», кн. 1, Пб., 1921, с. 29. Автограф — IV. Датируется по ССт-2. *Номады* — кочующие племена, охотники-звероловы. *Каик* (каюк) — длинное и узкое речное судно, тип челна.

52. Ор, с. 54. Автографы — II—IV. Датируется по ССт-2. *Свифт* Джонатан (1667—1745) — английский писатель-сатирик, автор многих памфлетов и романа «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лэмюэля Гулливера. . .» (см. прим. 85). *Ньюгет* — лондонская уголовная тюрьма. *Филипп.* Вероятно, речь идет о Филиппе V Бурбоне, ставшем королем Испании после смерти Карла II (1700). При Филиппе V Англия была втянута в войну с Испанией (1739—1748), изнурительную для английского народа. *Анна* Стюарт — королева Великобритании и Ирландии (1702—1714).

53. ССт-2, т. 1, с. 35. Печ. по СС-6, т. 1, с. 77. Автографы — III, с датой: 1920; IV, без эпиграфа. Датируется по ССт-2, т. 1. Эпиграф — название романа В. Гюго, главные герои которого — *Дея, Гуинплен.*

54. СиП-35, с. 281, в разделе «Ранние ст-ния». Печ. по СиП-38, с. 29, где впервые в составе «Орды». Датируется по СиП-35. Автограф — II.

БРАГА

Во вторую книгу стихов Тихонова вошло пятьдесят два ст-ния и две поэмы «Хам» и «Сами». Позднее ст-ния из Бр автор печатал во всех изданиях ИП и СС, несколько изменяя состав подборок. В ПБЛ к подборке из Бр добавлены ст-ния, напечатанные после 1922 г. (№№ 79-80). В архиве поэта сохранились два неполных рукописных варианта книги: черновой (I), беловой (II), а также черновые автографы на отд. листах, большинство без дат. Даты №№ 56, 63, 78—80, 82 уточнены по автографам, большинство дат указаны по ССт-2, остальные оговорены особо в прим. Эпиграф — строка ст-ния А. А. Блока «Река раскинулась, течет, грустит лениво. . .» из цикла «На поле Куликовом» (1908).

55. «Моск. понедельник», 1922, 11 сентября.

***56.** Бр, с. 10; 12Б, без строфы 9. Печ. по СС-6, т. 1, с. 80. Автографы — I и черн., датированные, с дополн. первой неопубликованной частью. *Дувра меловая голова* — меловые скалы возле английского порта Дувра, отделенного от континента узким проливом Па-де-Кале.

57—58. Бр, с. 13, 15. Датируется по ССт-2.

59. Бр, с. 17. Автограф — I, без последней строфы. Датируется по ССт-2. *Шнявы* — двухмачтовое морское купеческое судно. *Ушкуйники* (ушкуй — речное судно с веслами) — вооруженные дружины новгородцев, формировавшиеся боярами для захвата колоний на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге.

60. Бр, с. 19; ССт-2, т. 1. Печ. по СС-6, т. 1, с. 88. Автограф — I. *Лорелея* — в немецких народных легендах прекрасная дева, пением своим заманивающая корабельщиков и рыбаков к опасным рифам Рейна и губящая их. *Лютер* Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный и культурный деятель, основатель нового религиозного учения (лютеранства). *Тор* (герм. и сканд. миф.) — бог грома, одним из атрибутов которого является молот-миольнир, без промаха попадающий в цель и возвращающийся обратно.

61. «Россия», 1922, № 4, с. 10. Автограф — II. *Новый Завет.* Здесь имеются в виду дешевые издания Нового Завета (Евангелий), которыми в годы империалистической войны правительства снабжали солдат на фронте. *Асы* (сканд. миф.) — боги.

62. Бр, с. 23. *Самаритяне* — этническая группа и религиозная секта в Иордании и Израиле.

63. Альм. «Наши дни», № 2, М., 1922, с. 29. Автограф — на отд. листе с датой.

***64.** Бр, с. 36, с дополн. последней строфой. Печ. по 100Ст, с. 35.

Автограф — I. *Микадо* — титул императора Японии. *Брат Дракона* — титул микадо (дракон — символ власти в Японии). *Самураи* — военно-феодальное сословие мелких дворян в Японии. *Ниппонцы* — японцы (Ниппон — название Японии на японском языке).

***65.** СБр, с. 167, с дополнит. 2-й строфой; Бр. Печ. по ИП-67, т. 1, с. 112. Автограф — I. *Махно* Нестор Иванович (1884—1934) — в период гражданской войны анархист, выступавший на Украине во главе кулацко-уголовных банд, разгромленных Красной Армией в 1921 г. *Груздев* Илья Александрович (1892—1960) — литературовед и критик, биограф А. М. Горького. С Тихоновым был наиболее близок в 20-е гг., когда оба они входили в литературную группу «Серапионовы братья». *Доломан* — гусарская куртка со стоячим воротником и шнурами. *Бан* (молд.) — господин.

66. Бр, с. 40. Датируется по ИП-51.

***67.** Бр, с. 51, с дополнит. строфой 3. Печ. по ССт-2, т. 1, с. 70. Автограф — II.

68. Бр, с. 55. Автограф — II.

69. Бр, с. 57. Автографы — I—II. «Тема этого стихотворения, — писал автор в статье «Слово другу читателю», — зародилась во мне еще осенью семнадцатого года, когда моряки Балтийского флота в жестоких морских боях показали поразительное бесстрашие и высокое мужество, отбивая попытки германского флота захватить Ирбенский пролив и архипелаг Моонзунд. Я начал писать стихотворение об их доблести, но не успел его окончить. Но когда пришли трудные дни осени девятнадцатого года, когда белая армия генерала Юденича подступала по суше к красному Петрограду, а с моря английские военные суда вели морскую блокаду и совершали предательские нападения на корабли Советского флота, эта тема явилась совершенно заново» (СС-7, т. 7, с. 250). *Кегельбан* — устройство для игры в кегли.

70. КрН, 1922, № 5, с. 14. Печ. по Бр, с. 58. *Сестра* — Антонина Семеновна Тихонова-Соловьева (р. 1902).

71. «Россия», 1922, № 1, с. 8; Бр. Печ. по 12Б, с. 5. Автограф — II. *Биплан* — самолет с двумя парами крыльев, расположенными одно над другим.

72. «Моск. понедельник», 1922, 25 сентября. Печ. по Бр, с. 67. *Гайтан* — шнурок, на котором носят нательный крест.

73. КН, 1922, № 5, с. 9. Печ. по Бр, с. 71. Автограф — II.

74. Бр, с. 81. Автографы — I—II. *Тучков мост* — мост через Малую Неву в Ленинграде. Вблизи Тучкова моста на ул. Зверинской, д. 2 Тихонов жил в 1922—1944 гг. *Стивенсон* Роберт Льюис (1850—1894) — английский писатель, автор романа «Остров сокровищ», многих других произведений на темы морских путешествий и приключений. *Пуля дум-дум* — разрывная ружейная пуля (название

происходит от наименования ружейной фабрики в предместье Калькутты).

75. Бр, с. 72. Автографы — I—II. *Чехословацким штыком.* Вероятно, имеется в виду мятеж чехословацкого военного корпуса против Советской власти в 1918 г. в Сибири, на Урале и в Поволжье. *Ильмень* — здесь: озеро вообще. *Мастырпас* (Масторпаз) — языческий бог народности мордвы — эрзя.

76. Бр, с. 83. Автографы — I—II. *Хотели снять орла.* Двуглавый орел — герб Российской империи. Его изображения, отлитые из чугуна, часто украшали ворота и решетки садов.

77. Бр, с. 85. Датируется по СиП-35.

78. Бр, с. 32. Автограф — II, с датой. В рассказе «Ночь Аль-Кадра» (1965) Тихонов говорит об истории написания этого ст-ния: «Я читал в эту ночь Коран и открыл его на странице, где говорилось: «Кто изъяснит тебе, что такое ночь *Аль-Кадра?* Ночь Аль-Кадра стоит больше чем тысяча месяцев. В эту ночь ангелы сходят с неба, чтобы управлять всем существующим. И до появления зари царит в эту ночь мир». В примечании к этой главе можно прочесть, что в эту ночь утверждаются и разрешаются дела вселенной на целый год. Я был молод, сон бежал от меня, а ночь была так хороша, и я думал о мировой революции, и о том, как бы революционно разрешить дела вселенной, хотя бы на ближайший год, без помощи ангелов. Я взял перо, раскрыл тетрадь и обратился в стихах к людям, облакам и зверям пустыни... Сложность мыслей и густая образность меня тогда одолели. А я хотел всего только сказать, что арабы возьмут меч и будут сражаться за свободу» (СС-7, т. 6, с. 482—484). *Илль Алла* — часть изречения из Корана («Ля иллаху иль Алла»), означающего: «Нет бога, кроме Аллаха». *Медина* — второй после Мекки священный город мусульман (на западе Саудовской Аравии). *Элиф, лам, мим* — буквы арабского алфавита, символические обозначения сур (глав) Корана.

79. 12Б, с. 21. Печ. по ПБЛ, с. 48. Датируется по первой публикации. *Китченер* Гораций Герберт (1850—1916) — британский фельдмаршал, завоеватель Вост. Судана, отличавшийся жестокостью. *Родс* Сесил Джон (1853—1902) — английский колонизатор, способствовавший захвату территории в Юж. Африке (Родезия). *Горы Пагмана* — горная область в Афганистане.

80. СиП-35, с. 71. Автограф черн. с датой. *Аракац* (Арагац, Алагез) — гора в центральной части Армении. *Дилижанский лес* — самый лесистый р-н Армении (возле г. Дилижан). *Зангезур* — здесь: медно-молибденовые рудники в районе Зангезурского хребта. *Дзорагэс* — гидроэлектростанция на реке Дзорагет.

ПОИСКИ ГЕРОЯ

В эту книгу вошло 27 ст-ний, ранее опубликованных в журналах и сб-ках. В основном все пять циклов книги сформировались уже в ПГ. В дальнейшем различные подборки из ПГ вошли с измене-

ниями во все издания ИП. Наибольшие изменения коснулись циклов «Истории» и «Городской архипелаг», куда были добавлены стихи, не входившие в ПГ. В архиве поэта сохранились: черновой вариант книги (I); тетрадь автографов цикла «Юг», с датой 1923 г. (II), предназначавшаяся, по всей видимости, для отдельного изд. цикла (не осуществлено). Имеются автографы ст-ний и на отдельных листах. Большинство дат уточнено по автографам, кроме №№ 83, 85, 86.

81—84. Печ. по СС-2, т. 1, с. 107—116. **1** — Зв, 1925, № 6, с. 173. *Вейнемейнен* — герой карело-финского эпоса «Калевала», певец и чародей. *Суоми* — Финляндия. *Она с веревкою на шее* — имеется в виду власть крупной буржуазии, установившаяся в Финляндии в 1918 г. **2** — НМ, 1926, № 10, с. 28. Правленная машинопись, с датой. *Сойма* — речное или озерное судно. **3** — КН, 1926, № 5, с. 100. Два автографа: I и черн. *Хэпо-Ярви* — озеро на Карельском перешейке. **4** — Зв, 1926, № 3, с. 150. Правленная машинопись, с датой.

***85—94.** Печ. по СС-6, т. 1, с. 130—150. **1** — альм. «Ковш», кн. 4, Л., 1926, с. 122. Автограф — I, без даты. *Гулливер* — герой сатирического романа Джонатана Свифта (см. прим. 52) «Путешествия Лэмюэля Гулливера...», где герой попадает в страну лилипутов. **2** — альм. «Ковш», кн. 4, Л., 1926, с. 120. *Аккель* Фридрих (1871—1940) — глава буржуазного правительства Эстонии в 1924 г. *Капитолий* — цитадель и политический центр Древнего Рима, где в 44 г. до н. э. был убит римский император Юлий Цезарь. *Утесом Святой Елены.* Речь идет об о-ве Св. Елены, куда был сослан Наполеон I (умер там в 1821 г.). *Лайдонер* Йохан (1884—1953) — один из лидеров эстонской буржуазной партии аграриев, совершившей в 1934 г. переворот, приведший к фашистской диктатуре. **3** — КН, 1925, № 7, с. 130. Автограф с датой: 1925. Датируется по ПГ. *Гокчи* (Гокча) — старое название озера Севан в Армении. *Камарлу* — город в Армении. *Молокане* — религиозная христианская секта, отрицающая церковь. *Езиды* (иезиды) — религиозная секта; была распространена среди сельского населения в Армении. **4—5** — ПГ, с. 26, в виде цикла из 3-х ст-ний. **I** — Прж, 1927, № 1, с. 22, под загл. «Америка»; **II** — КЖВ, 1924, № 1, с. 1, под загл. «Ночь». Печ. по ИП-51, т. 1, с. 69. Два автографа: черн. и I другой ред., с подзаг. «Песни ночи», без ст-ния № 88, с датой. *Стрит* (англ.) — улица. *Форд* Генри (1863—1947) — американский промышленник-миллионер, глава крупнейшей автомобильной компании «Форд-мотор». *«Человек изжеван».* Речь идет о системе потогонного производства (фордизм), при которой конвейер до предела обессмысливает и принижает труд человека. *Бродвей* — одна из главных улиц Нью-Йорка. **6** — МГ, 1926, № 7, с. 39. *Варфоломеевское утро* — здесь: расправа; по аналогии с Варфоломеевской ночью, когда в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. была устроена массовая резня гугенотов католиками. **7** — КН, 1926, № 4, с. 120; СС-6. Печ. по ИП-67, т. 1, с. 170. Автограф на отд. листе, с датой. *Амритсар* — город в Индии, древний религиозный центр. *В расстрелянный день января.* В детстве на Тихонова глубокое впечатление произвели кровавые события 9 января 1905 г. (см., напр., его рассказ 1958 г. «На всю жизнь»). *Сами* — герой одноименной

поэмы Тихонова (см. № 493). **8** — Зв, 1926, № 3, с. 149. Автографы — I и черн. с датой. *Скиния* — походная, переносная наподобие шатра церковь у израильтян. **9** — альм. «Ковш», кн. 3, Л., 1925, с. 36. Автограф черн. на отд. листе, с датой. *«Спасали тебя, как братья».* Тихонов написал несколько рассказов о конях, которых он изучил в годы первой мировой войны, служа в кавалерии («Черт», «Фриц», «Веселые лошади», «Бетховен» — все рассказы вошли в книгу «Военные кони», М.—Л., 1927). *Марат* Жан-Поль (1743—1793) — один из наиболее радикальных деятелей французской революции конца XVIII в. **10** — Зв, 1928, № 7, с. 34. В раздел ПГ включено, начиная с ИП-51. Печ. по ИП-51, т. 1, с. 78. Автограф — I, с датой. *Сага* — сказание, прозаический эпос; характерный жанр литературы Исландии, Ирландии.

95—107. Печ. по ИП-67, т. 1, с. 181—205 (кроме ст-ния 5). **1** — КЖВ, 1924, № 3, с. 178, под загл. «Ночной дождь». Автограф — I, с датой. *Ной* — по библейской легенде, родоначальник новых поколений человечества, возникших после Всемирного потопа, от которого Ной спасся в ковчеге. **2** — СиП-35, с. 135, где впервые включено в раздел ПГ. Датируется по СиП-35. *Рущук* (ныне Русе) — город на севере Болгарии, где 22 июня 1811 г. турецкие войска были разбиты русской армией под командованием М. И. Кутузова. *Трафальгар* — мыс на атлантическом побережье Испании, где в 1805 г. английский флот под командованием адмирала Г. Нельсона одержал победу над франко-испанской эскадрой. **3** — НМ, 1926, № 10, с. 27. Датируется по СиП-35. *Крестовский, Петровский, Елагин* — острова в дельте Невы, места отдыха ленинградцев. *Каменистые львы* — декоративные фигуры, украшающие гранитную пристань на стрелке Елагина острова (ЦПКиО им. С. М. Кирова). *Будда* — изваяние в буддийском храме на Каменном острове в Ленинграде. **4** — Зв, 1924, № 4, с. 120, с подзаг. «Отрывок». Датируется по СиП-35, где подзаг.: (1914—1924), там же впервые включено в раздел. Автограф на отд. листе. **5** — КЖВ, 1923, № 1, с. 1, под загл. «Запад». Печ. по ИП-51, с. 77, где впервые в разделе. Два автографа: I и на отд. листе без даты. Датируется по СиП-35. *Зурна* — восточный духовой музыкальный инструмент. Гай Юлий *Цезарь* (100—44 до н. э.) — первый римский император; его имя стало нарицательным обозначением ничем не ограниченного властителя. **6** — ПГ, с. 58. Автограф на отд. листе, без даты. Датируется по машинописи. **7** — ПГ, с. 60. **8** — КН, 1926, № 9, с. 107. Автограф на отд. листе. *«Здесь будет город заложен»* и т. д. — цитата из поэмы Пушкина «Медный всадник». **9** — Зв, 1928, № 1, с. 28. Впервые включено в раздел в СС-6. Автограф — I и датированная машинопись. **10** — Зв, 1929, № 1, с. 12. Впервые включено в раздел в ИП-67. Автограф — I, без даты. **11** — Зв, 1929, № 2, с. 64, в небольшом цикле «Зверинская, 2». В раздел вошло в ИП-67. Автограф — I, без даты. Дом № 2 по Зверинской ул. в Ленинграде (см. прим. 74) — место, где часто собирались друзья поэта, спорили о литературе, слушали рассказы о путешествиях. *Друг говорит.* Имеется в виду С. А. Колбасьев (см. прим. 41). *Летчик* — Виктор Вердеревский, часто посещавший дом поэта. *Третий друг* — возможно, Вольф Эрлих, поэт, друг Тихонова и С. Есенина (воспоминания Тихонова об Эрлихе в «Двойной радуге». — СС-7, т. 7, с. 222). **12** — Зв, 1928, № 1, с. 27. В ПГ включено в СС-6. Автограф — I и машинопись с датой. **13** — НМ, 1926, № 7, с. 58. В раздел включено в СС-6. Авто-

граф — I и машинопись с датой. Ст-ние направлено против ремесленнического отношения к поэтическому творчеству. Под этим углом зрения в 1933 г. поэтом была написана статья «Школа равнодушных». Статья вызвала широкий общественный резонанс и одобрительный отклик М. Горького, который в статье «О кочке и о точке» (1933) писал: «Тревога, которая вынуждает меня говорить так, испытывается не только мною, она знакома Николаю Тихонову, одному из талантливейших наших литераторов, автору статьи о „равнодушных...“» (М. Горький, Собр. соч., т. 27, М., 1953, с. 42).

108—113. Печ. по СС-6, т. 1, с. 172—181. **1** — КЖВ, 1924, № 6, с. 414, под загл. «В горах». Вошло без загл. в ПГ как ч. 3 небольшого цикла «Горы». Два автографа — II и машинопись с датой. *Держидерево* — колючий кустарник, образующий непроходимые заросли в Туркмении, на Кавказе, в Крыму. *Кабарда* — Кабардино-Балкарская АССР, страна первых путешествий Тихонова по Кавказу в 1924 г. (см., напр., «Рассказы о Бетале Калмыкове» в СС-7, т. 3). **2** — ССт-2, т. 2, с. 85. Автограф — II и машинопись с датой. *М. К. Н.* — М. К. Неслуховская (см. прим. 48). *Фелюга* (фелука) — небольшое парусное судно. *Мангал* — жаровня. **3—5** — Зв, 1924, № 2, с. 148. Автограф — II и машинопись с датой. *Ты отдало черной беде в Марселе.* В поддержку белогвардейской Добровольческой армии в 1918 г. были направлены французские военные корабли из Марселя. **6** — альм. «Лит. мысль», кн. 3, Л., 1925, с. 9. Автограф — II с датой.

114—116. Печ. по СС-6, т. 1, с. 182—188. **1** — ПГ, с. 85. Автограф на отд. листе с датой. *Венден* (ныне Цесис) — город в Латвии, близ которого велись бои в годы первой мировой войны. В ст-ниях 114—115 поэт вновь обращается к впечатлениям тех лет (см. №№ 24—39). **2** — альм. «Наши дни», № 5, М.—Л., 1925, с. 136. Автограф черн. на отд. листе. Датируется по ПГ. *Таубе* — см. прим. 28. *Братом истребителя, вспорхнувшего над Бугом.* В первой мировой войне впервые приняли участие русские самолеты, построенные по проектам конструктора И. И. Сикорского (см. также прим. 4). **3** — Зв, 1925, № 5, с. 35. Датируется по автографу и СиП-35. Автографы — I и др., разных ред., с подзаг.: «Другу — письмо». *Лунц* Лев Натанович (1901—1924) — писатель, публицист, один из участников литературной группы «Серапионовы братья». В 1924 г., тяжело заболев, Лунц уехал на лечение в Гамбург и там умер. *Шекльтон* Эрнест Генри (1874—1922) — английский исследователь Антарктиды. *Амундсен* Руаль (1872—1928) — норвежский путешественник, исследователь Арктики и Антарктики.

ЮРГА

Ст-ния написаны в результате поездки Тихонова в Туркмению весной 1930 г. с бригадой писателей, куда, кроме него, входили В. А. Луговской, П. А. Павленко, Вс. Иванов, Л. М. Леонов, Г. А. Санников. Большинство ст-ний публиковалось в журналах. Отдельно не издавались. Впервые полностью (14 ст-ний) — СС-2, т. 2, с. 7—42. В дальнейшем ст-ния «Юрги» входили как раздел во все ИП и СС с некоторыми изменениями в составе. Раздел оконча-

тельно сложился в ИП-67, т. 1, с. 224—257. В архиве Тихонова — автографы отдельных ст-ний в большинстве случаев без дат. Стихи датируются по СС-2. Эпиграф — строка из ст-ния Тихонова «Люди Ширама» (№ 118 наст. изд.). *Юрга* (туркм.) — разновидность иноходи, бега лошади. *Аллюр* — виды различного бега лошади (рысь, галоп, иноходь и др.).

117. Л, 1930, № 2, с. 5. Автограф без даты. *Гаудан* — ущелье в горах Копетдага, где через границу проходит шоссейная дорога из Ашхабада в Иран. В 1934 г. Тихонов писал: «И вот на самой границе... вы видите маленькую скромную арку, сооруженную руками пограничников. На ней плакат, на плакате надпись: «Советский Союз — защита трудящихся всего мира». Этот спокойный лозунг где-нибудь в центре Союза воспринимается привычно, обыкновенно. Но там, где к этой маленькой арке, под скалой, приходят все караваны, идущие с юга, и человек, скажем, из Индии, из южной Персии, из Белуджистана, вступая на территорию Советского Союза, впервые читает этот лозунг, он его воспринимает уже не как простые, обыкновенные слова. Для него это начало новой жизни, это избавление от рабства, от голодной смерти, от петли палача, от тюрьмы. Здесь, в этом месте, можно подслушать дыхание угнетенных людей колониального Востока. Одно из стихотворений и посвящено мною этим самым так называемым воротам Гаудана» («Моя работа над стихами и прозой». — СС-6, т. 6, с. 215). *Мешхед* — город в Иране, место паломничества мусульман. *Келат* (Калат) — город в Пакистане. *Чайрикер* (тадж.) — батрак. *Чарводар* (тюрк.) — обозник, погонщик.

118. Зв, 1930, № 7, с. 28. *Ширам* (Ширам-Кую) — населенный пункт у колодца в Туркмении близ границы. «Меня поразили люди с колодца Ширама повседневным героизмом своей жестокой, ответственной работы. Условия быта таковы, что удивительно, как это люди работают, как будто бы делают очень простое легкое дело: и скотоводством занимаются, и охраной границы, и все это в таких условиях, когда приходится невероятно напрягаться и не жалеть никаких сил. Эта постоянная ответственность, постоянная мобилизованность накладывают особую печать на людей Ширама» («Моя работа над стихами и прозой». — СС-6, т. 6, с. 215). *Купершток, Гусейнов* — герои очерков Тихонова «Кочевники» (1930). *Ак-Тере* — поселок в пустыне Каракум. *Камча* (тюрк.) — кнут, плетка.

119. КН, 1930, № 11, с. 89. Автограф без даты. *Дейнау* — районный центр в Туркмении. *«Валлис»* — система тяжелых гусеничных тракторов. *Джида* — лох восточный, кустарник или небольшое дерево со съедобными сладко-терпкими плодами.

120. КН, 1930, № 11, с. 90; 100Ст.; СПр.; Печ. по И-48, с. 69. *Келифский Узбой* — система солончаковых котловин в Юго-Вост. Каракумах, преимущественно в Туркмении. В 1959 г. по этому безводному району проложена 1-я очередь Каракумского канала, проходящего частью и по Келифскому Узбою. *Мургаб, Теджен* (Герируд) — реки в Туркмении.

121. СС-2, т. 2, с. 27. Автограф без даты. *Луговской* Владимир

Александрович (1901—1957) — советский поэт, друг Тихонова. См. о нем в воспоминаниях Тихонова «Двойная радуга» (СС-7, т. 6, с. 111). *Ай-Дэрэ* — ущелье в горах Копетдага. *Сумбар* — река в Туркмении. *Арпаклен* — рудник в Каракалинском р-не.

122. Л, 1930, № 7, с. 6. Рефрен перекликается со ст-нием туркменского поэта Махтумкули (XVIII в.) «Гурген». *Гюрген* (Гурген) — река, берущая начало в горах Копетдага и впадающая в Каспийское море.

123. СнП-35, с. 178. *Ковер Теке* — ковер, сотканный мастерами туркменского племени Теке; их ковры пользуются всемирной известностью. *Мерв* — древний город (ныне — Мары) и *Кызыл-Аяк* (город на Амударье) — центры производства туркменских ковров. Узоры ковров здесь сравниваются с различными стихотворными размерами *(ямб, амфибрахий, хорей).*

124. Зв, 1930, № 7, с. 29, под загл. «Завернувшиеся в плащи». Печ. по ССт., т. 2, с. 21. В ст-нии говорится о подлинном случае, происшедшем с писателями — участниками поездки в Туркмению. *Каюкчи* — гребец, управляющий каюком (см. прим. 51). *Ходжам-Биса, Бешир* (Башир) — города в Каракумах на Амударье.

125. ССт-2, т. 2, с. 23. Датируется по черн. автографу. «Знающий человек уверял нас, что *омач* или азал — тяжелейший деревянный плуг, изобретение рабской культуры, — изгнан навсегда из его района, сожжен и прах его развеян» (Н. Тихонов, Кочевники. — СС-7, т. 3, с. 87). *Астрагал* — травы или колючие кустарники.

126. НМ, 1927, № 6, с. 37. Автограф без даты.

127. Зв, 1927, № 1, с. 37. Автограф без даты. *Лёссовой пыли.* Лёсс — рыхлая, тонкозернистая горная порода; из нее образуется песчаная пыль, характерная для почв Ср. Азии. *Тугай* — густой, затопляемый лес в речных долинах Ср. Азии. *Тимур* — Тамерлан (1336—1405) или Тимур-ленг (хромой), среднеазиатский эмир, завоевавший большую часть Азии (Хорезм, Месопотамию, Багдад, Хорасан, Закавказье, Пенджаб, Иран), начал поход на Китай. *Камча* — см. прим. 118. *Гробница Тимура* — мавзолей Гур-Эмир в Самарканде, памятник искусства Ср. Азии XIV в., отделанный нефритом. *Амир-Тарагай* — отец Тимура, военачальник (амир) узбекского племени барлас. *Людей не осталось в Багдаде.* При взятии Багдада Тимур уничтожил почти все его население.

128. Зв, 1926, № 6, с. 122. Печ. по И-48, с. 78. *Карагач* — вид вяза, растущий в Ср. Азии и на Кавказе. *Арча* — можжевельник туркменский. *Герат, Газни* — города в Афганистане.

129. НМ, 1927, № 2, с. 68. Автограф с датой.

130. Зв, 1927, № 3, с. 77. *Таксыр* (туркмен.) — почтительное обращение к уважаемому человеку. *Карат* — единица веса, принятая для взвешивания драгоценных камней.

СТИХИ О КАХЕТИИ

131—140. Зв, 1935, № 7, с. 3—14. Ст-ния этой книги вошли во все издания ИП и СС иногда без №№ 132, 136, 139, 140 (напр., в СПр, ПБЛ). Отд. изд. — с илл. Т. Абакелия, М., 1935. Ст-ния написаны после поездки в Грузию осенью 1934 г. В архиве поэта сохранилась беловая рукопись с незначительной правкой, датированная 1935 г. Книга посвящена *Маро Шаншиашвили*, жене поэта Сандро Шаншиашвили.

131. *Гомборы* (Гомбори) — лесистый горный хребет в Кахетии, отделяющий ущелье реки Иори от Алазанской долины. *Год двадцать первый встал и ожил Над мамиссонской крутизной.* В феврале 1921 г. кавалерийская бригада, направленная С. М. Кировым из Осетии на помощь грузинскому народу в его борьбе против меньшевиков, по занесенным глубоким снегом ущельям и тропам преодолела Мамиссонский перевал. *Ночь меньшевистская бежала, К Батуму крылья обратив.* Восставшие трудящиеся Грузии при поддержке Красной Армии одержали победу над меньшевистским правительством, которое еще некоторое время удерживалось в Батуми. *Чанчахи* — река в Зап. Грузии, левый приток Риони.

132. *Джугань* (Джугаани) — село в Кахетии, где Тихонов не раз гостил в доме своего друга Сандро Ильича *Шачшиашвили* (1888—1979) — грузинского поэта и драматурга. Шаншиашвили вспоминает: «Мы стали друзьями. Я гостил с семьей у него в Москве и в Переделкино. Тихонов приезжал ко мне в Кахетию, в мое родное село Джугани... С большой радостью был встречен у нас его блестящий цикл стихов о Кахетии. Особые чувства благодарности и признания вызвал этот цикл в моей семье, так как он посвящен моей жене Маро» (ТНТ, с. 404). *Шалбуздаг* — горная цепь на востоке Большого Кавказа.

133. *Цинандали* — селение в Кахетии, близ города Телави, бывшее имение поэта А. Чавчавадзе, ныне винодельческий совхоз. *Алазань* (Алазани) — река в Кахетии, левый приток Куры.

134. *Чирки* — дикие утки.

135. *Алла-Верды* (Алаверди) — село в Алазанской долине, где находится знаменитый памятник архитектуры — Алавердский храм. Здесь ежегодно осенью проводится традиционный праздник Алавердоба. С. Шаншиашвили рассказывает: «Приезжают на арбах, верхом, на автомашинах. Тысячи факелов освещают расположившуюся вокруг храма разноязычную толпу. Всю ночь мычит скот, ржут кони, раздаются песни, на кострах жарят шашлыки... А днем — скачки, борьба, танцы и веселье. Вот на этот красочный народный праздник я и взял Тихонова с Марией Константиновной» (см. прим. 48) (ТНТ, с. 405). *Телав* (Телави) — город в Кахетии. *Чихиртма* — блюдо грузинской кухни, приготовленное на курином бульоне. *Хевсуры, пшавы* — народности грузин-горцев.

136. *Мюриды* — сторонники мюридизма, мусульманского религиозно-политического учения. Мюридизм на Кавказе в середине XIX в. сливается с освободительной борьбой против колониальной

политики царизма, что в частности выразилось в движении мюридов под руководством Шамиля. *Орбелиани* Григол Дмитриевич (1804—1883) и *Чавчавадзе* Александр Гарсеванович (1786—1846) — грузинские поэты-романтики. *Лагодехи* — город в Кахетии. *Хинкал* (хинкали) — блюдо грузинской кухни наподобие крупных пельменей, которые едят с бульоном.

138. *Духан* — сельский кабачок или лавочка с продажей вина. *Кизикийский.* Кизикцы — этнографическая группа грузинской нации. *Сигнах* (Сигнахи) — город в Кахетии недалеко от станции *Цнорис-Цхали.*

139—140. *Ушгул* — гора и селение в Сванетии (см. прим. 189).

ТЕНЬ ДРУГА

Эта книга объединяет ст-ния, написанные под впечатлением поездки в Зап. Европу, где Тихонов принимал участие в Международном конгрессе в защиту культуры (Париж, 1935). Все ст-ния были опубликованы в 1936 г. в журналах под загл. «Стихи о Европе», «Из книги стихов о Европе», затем изданы книгой. Во все издания ИП, начиная с СиП-38, вошли подборки ст-ний из ТД. В архиве Тихонова сохранился черновой вариант книги, без загл., отличающийся по композиции и по составу циклов (автограф ТД), кроме того — черновые и беловые автографы на отдельных листах и машинописи с авторской правкой. Ст-ния датируются по автографам или по общей дате книги. Эпиграф — из ст-ния «И мох, и треск в гербах седых. . .» (№ 99 наст. изд.). Загл. цикла «Всё — как начало повести. . .» — строка из ст-ния «Молодой подпольщик» (№ 147).

141. Зв, 1936, № 2, с. 5. Автографы — ТД и черн., с датой. Эпиграф — из ст-ния К. Н. *Батюшкова* «Тень друга». *Альбион* — старинное название Англии. *Валенсия* — город в Испании. *Гальционы* — здесь: чайки.

142—147. 1 — Зн, 1936, № 5, с. 112. Автографы — черн., с датой и ТД, под загл. «Сон о пане». 2 — Зв, 1936, № 2, с. 3. Под загл. «Вена» печатались два ст-ния. Печ. по 100Ст, с. 170. Автограф — ТД и машинопись с правкой (два ст-ния, под загл. «Город»). *Помпея* (Помпеи) — древний город в Италии на берегу Неаполитанского залива, погибший в одну ночь под слоем пепла и лавы во время извержения Везувия в 79 г. 3 — Зн, 1936, № 2, с. 164. Автографы — ТД. *Шуцбундовцы* — см. прим. на с. 715 наст. изд. *Хеймверовских шин.* Хеймвер — «Союз защиты родины», буржуазная организация фашистского характера в Австрии (1919—1938). 4 — Зв, 1936, № 3, с. 5. Автограф — ТД. *Инсбрук* — город в Австрии в Вост. Альпах. 5 — ТД, с. 22. Автограф — ТД, с подзаг. «На мосту». 6 — Зв, 1936, № 8, с. 8. Автографы — ТД и на отд. листе.

148—162. 1 — Зв, 1936, № 6, с. 4, под загл. «Площадь». Автограф — ТД, под загл. «В кафе». Печ. по И-48, с. 115. *Л. М. К.* — Любовь Михайловна Козинцева, сестра кинорежиссера Г. М. Козинцева; ранее посвящение относилось ко всему циклу «Парижская тетрадь». *Ней* Мишель (1769—1815) — маршал Франции. Памятник ему стоит в Париже на пересечении бульваров Сент-Мишель и *Мон-*

парнас. Раффе Денис Огюст Мари (1804—1860) — французский художник-баталист, литограф. *Перекоп* — имеется в виду штурм Перекопского перешейка в ноябре 1920 г. **2** — Зв, 1936, № 7, с. 5. Автографы — ТД и черн., машинопись с правкой, под загл. «Самофракийская победа». *Статуя Самофракийской Победы* — древнегреческая статуя Нике, олицетворяющей победу. Одна из статуй Нике (конец IV или III в. до н. э.) с о-ва Самофракия находится в Лувре (Париж). Фигура Нике обычно изображалась крылатой. *Машин елисейских.* Елисейские поля — бульвар в Париже. *Рю де-ля-Пе* — улица Мира в Париже. *Площадь Конкордская* — площадь Согласия в Париже. **3** — Зв, 1936, № 6, с. 6. Автограф — ТД, с подзаг. «Марат в ванне». *Бют-Шомон* — парк в рабочих кварталах сев.-вост. части Парижа. Здесь посреди озера находится скалистый остров, соединенный с берегом высоким мостом, который носит название *Мост Самоубийц. Кайенна* — порт на сев.-вост. побережье Юж. Америки, место ссылки французских коммунаров, революционеров. *Марат В своей свинцовой ванне.* Памятник Ж.-П. Марату (см. прим. 93), изображающий его лежащим в ванне в последние минуты жизни, был тайно ночью установлен в парке Бют-Шомон в начале 900-х гг. **4—7** — Зн, 1936, № 6, с. 3. Автограф — ТД, с другими загл. ст-ний. *14 июля* — день взятия *Бастилии,* национальный праздник Франции. В 1935 г. 14 июля в Париже прошли массовые демонстрации, завершившиеся митингом на стадионе Буффало и принятием клятвы Народного фронта. **I.** *Галльский петел.* Изображение петуха — аллегория Франции, объясняющаяся тем, что латинское слово gallus означает галл и петух. **II.** *Бирнамский лес шагнул на Донзинан.* В трагедии В. Шекспира «Макбет» ведьмы предсказали узурпатору Макбету, что он не будет побежден, пока Бирнамский лес не двинется на замок Донзинан. Враги Макбета пошли в наступление, неся перед собой лесные ветви. *Карманьола* — французская революционная песня, обычно сопровождающаяся пляской. Мотив ее, по одному из предположений, завезен рабочими из г. Карманьолы (юг Франции). *Колпак фригийский* — головной убор, распространенный в период французской революции конца XVIII в. — высокий мягкий колпак красного цвета, напоминающий по форме колпаки древних фригийцев (Мал. Азия). **III.** *На флагах трехцветных.* Государственный флаг Французской республики состоит из трех цветов: красного, синего и белого. *Де-ля-Рок* Франсуа (1889—1946) — французский офицер, в 1935 г. возглавил движение фашистского типа. *Гардмобиль* (франц.) — парижская жандармерия. *Верден* — город во Франции, где с февраля по август 1916 г. французы вели бои против германской армии, пытавшейся прорваться к Парижу. *Погост* — кладбище при церкви. *Давид* — библейский герой, победивший гиганта *Голиафа* с помощью пращи. **IV.** *Дантоновские строки.* Дантон Жорж Жак (1759—1794) — деятель французской революции конца XVIII в., публицист и оратор. **8** — Зв, 1936, № 7, с. 9. Автограф — ТД. **9—12** — Зв, 1936, № 7, с. 6. Автограф — ТД, только ст-ние II, под загл. «Скитания». *Ажан* (франц.) — полицейский. *Раджа* — см. прим. 1. *Монпарнас* — см. прим. 148. **13—15** — Зн, 1936, № 1, с. 5, только ст-ние II. Печ. по ТД, с. 52. Автографы — черн. и ТД, под загл. «Форт Дуомон». *Дуомон* — форт к северу от Вердена (см. прим. 153). *Бризантной... головы.* Имеется в виду артиллерийский снаряд осколочного действия с бризантным, т. е. дробящим, взрывчатым веществом.

163—168. 1 — Зн, 1936, № 1, с. 3. Автограф — ТД. *Брюгге, Менен* — фламандские города (Бельгия). 2 — Зв, 1936, № 1, с. 7. Автографы — черн. и ТД, где загл. «Монт-Ка» исправлено на «Де-Ка». *Де-Ка* — гора в Арденнах (Бельгия). *Траписты* — монашеский орден (осн. в XVII в.), название которого происходит от монастыря Ла-Трапп (Франция); по строгому уставу ордена монахи должны многие часы молиться, есть крайне скудную пищу, рыть себе могилу. 3 — Зв, 1936, № 1, с. 3. Автографы — черн. и ТД, под загл. «Ипр. (Розы мертвых)». *Фландрия* — историческая обл., входящая в состав Бельгии. *Необозримый Солдатский пантеон.* На территории Бельгии в 1915—1918 гг. велись ожесточенные бои, в которых погибло много солдат. *Колизей* — крупнейшее зрелищное сооружение в древнем Риме (75—80 н. э.). *Иприт* — газ, боевое отравляющее вещество, примененное впервые немецкими войсками в 1917 г. в Бельгии у г. Ипр. *Ланды* (франц.) — пустошь, песчаные равнины. 4 — Зн, 1936, № 1, с. 4. Автограф — ТД. *Пашендейль* — город в Бельгии, близ которого велись бои в первую мировую войну. *Фосген* — отравляющий газ, примененный немцами в первую мировую войну. 5 — Зв, 1936, № 1, с. 4. Автограф — ТД. *Зеебрюгге* — город в Бельгии на берегу Северного моря. Здесь в ночь с 22 на 23 апреля 1918 г. английский флот провел операцию по уничтожению баз германских подводных лодок в каналах Зеебрюгге и Остенде. Понеся большие потери, англичане, однако, не смогли полностью уничтожить германские базы. *Брандер* — судно, предназначенное для сожжения неприятельских кораблей. *Форштевень* — носовая часть корабля, продолжение киля. *Фор-марс* — мачтовая площадка на фок-мачте (первая мачта от носа судна). *Гелиограф* — светосигнальный прибор для подачи сигналов с помощью азбуки Морзе. 6 — Зв, 1936, № 1, с. 6. Автографы — черн. и ТД, под загл. «Остенде». *Остенде* — город в Бельгии на берегу Северного моря. *Набоб* — богач-европеец, разбогатевший в Индии.

169—173. 1 — Зв, 1936, № 1, с. 5. Автограф — ТД. *Кольт* — марка револьвера. 2 — Зн, 1936, № 1, с. 9. Автографы — ТД и на отд. листе. *Гайд-парк* — главный парк Лондона, место народных сборищ и торжеств. Летом 1935 г., в дни пребывания Тихонова в Лондоне, здесь состоялся фестиваль народных танцев. Среди танцоров многих стран выступали и советские ансамбли народного танца, имевшие огромный успех. *Эбро* — река в Испании. 3 — Зн, 1936, № 1, с. 11. В состав книги вошло в ИП-67. Автограф — ТД. В первой публикации прим. Тихонова: «В один из лондонских вечеров я увидел в Хайгете могилу Карла Маркса. Со мной была одна хорошая женщина. Мы засучили рукава и выпололи и вычистили всю могилу. Она имела вид запущенный и заброшенный». *Женни* Маркс, урожд. фон Вестфален (1814—1881) — жена и друг К. Маркса. 4 — Зв, 1936, № 2, с. 4. Автограф — ТД, под загл. «Доки (Ночь Лондона)». *Канал* — Ла-Манш. 5 — Зн, 1936, № 1, с. 6. Автограф — ТД. *Лоуренс* Томас Эдуард (1888—1935) — английский разведчик, археолог по образованию. Ст-ние Тихонова полемизирует с легендой о полковнике Лоуренсе как «освободителе» арабов. Лоуренс участвовал в организации восстания арабов против власти турецкого султана в Аравии, стремясь к усилению Великобритании в этом районе. В Аравии, а также в Египте, Сирии, Палестине Лоуренс занимался шпионажем. *Иа-Оренс, Шоу, Пирр Карамшах* — имена, под кото-

рыми выступал Лоуренс. *«Одиссея»* — древнегреческая поэма, автором которой считается Гомер (от XII до VII в. до н. э.). В IX песне повествуется о том, как Одиссей и его спутники, став пленниками людоеда-циклопа *Полифема*, спасаются от него, спрятавшись под брюхом баранов, которых ослепленный циклоп выпускал на пастбище из пещеры. *Сцилла* и *Харибда* — в «Одиссее» Гомера чудовища, подстерегавшие по обеим сторонам узкого пролива мореплавателей и губившие их. Одиссею с трудом удалось проплыть пролив. Сцилла и Харибда — синоним двойной опасности. *Гиндукуш* — одна из гигантских горных систем, расположенная в Афганистане, Пакистане и Индии. *Геджас* (Хиджас) — провинция в Саудовской Аравии на побережье Красного моря.

174—177. 1 — Зв, 1936, № 3, с. 4. Автограф — ТД. 2 — Зн, 1936, № 5, с. 113. Автограф — ТД, под загл. «Птица ночью». *Гельголанд* — остров в юго-вост. части Северного моря. 3 — Зв, 1936, № 3, с. 3. Автограф — ТД, без загл. *Веронал* — снотворное средство. 4 — Зв, 1936, № 6, с. 3. Автограф — ТД. Квинт *Гораций* Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. По всей вероятности, Тихонов имел в виду поэму Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) «Метаморфозы». В ней рассказана легенда о дочери финикийского царя Европе, которую похитил Зевс, принявший облик белого *быка. Украденной лежала.* Намек на историю похищения из Лувра в 1911 г. знаменитой картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза» («Джоконда» или *«Джиоконда»*). *Валькирии* (сканд. миф.) — прекрасные девы-воительницы, которые летят по воздуху и управляют битвами, даруя жизнь и смерть воинам. *Сирена* (греч. миф.) — полуженщина-полуптица; своим чарующим пением сирены заманивали моряков в гиблые места. *Крестьянкой греческой и голой.* Речь идет о древнегреческой статуе Венеры Милосской, находящейся в Лувре.

178—180. 1 — Зн, 1936, № 5, с. 114. Автограф — ТД. 2 — Зв, 1936, № 7, с. 11. Автограф — ТД, под загл. «Возвращение в Ленинград». *Толбухин маяк* — маяк, открывающий с запада большой Кронштадтский фарватер. 3 — Зв, 1936, № 8, с. 6. Автографы — ТД и на отд. листе, под загл. «Разговор с противогазом». *Астурия* — провинция в Испании, где в октябре 1934 г. политическая антиправительственная забастовка рабочих переросла в вооруженные бои, в которых рабочие потерпели поражение. *Абиссинец — в скалах далеко.* В 1935—1936 гг. Эфиопия (Абиссиния) вела войну с напавшей на нее фашистской Италией. *У входа в ассирийский дом Висели рожи.* Имеется в виду обычай древних ассирийцев — жителей Двуречья — вывешивать маски богов для охраны жилища от бед.

ЧУДЕСНАЯ ТРЕВОГА

Впервые — СПр, с. 65—76, без ст-ний 195—197, 199. Большинство ст-ний публиковались в журналах 1945 г. в подборках под загл. «Стихи разных лет», «Из стихов сорокового года» и др. Отдельно не издавались. В архиве Тихонова сохранились: черновые автографы на отдельных листах, большинство с датами (I); подборка черновых автографов, составляющих раздел (II); две машинописные тетради, озаглавленные, частично правленные автором, с датами: 1936—1938 (III—IV).

181. Л, 1945, № 15—16, с. 8. Автографы — I, без загл. и II, с датой. *Уркарах* — село на реке Ахты-Чай. *Ахты* — село на реке Самур при впадении в нее Ахты-Чая. *Духан* — см. прим. 138 *Тушин*. Тушины — этническая группа грузин. *Чача* — виноградная водка.

182. СПр, с. 66. Автограф — II, с датой.

183—186. Зв, 1945, № 10—11, с. 1—3. Автографы — I—II, с датами.

187. Зв, 1945, № 10—11, с. 3. В автографах II и машинописи — в небольшом цикле «Из путешествия в Прибалтику». Датируется по СПр. *Сульдуси* (Сальдус) — город в Латвии.

188. Зв, 1945, № 10—11, с. 4. Автограф — II, с датой. Печ. по СПр, с. 70. *Аустерлиц* — город в Австрии, где в 1805 г. русско-австрийские войска понесли тяжелый урон в битве с армией Наполеона I.

189. Л, 1945, № 15—16, с. 8, только строфы 1—2. Автограф — II, с датой. Печ. по СПр, с. 71. *Генцианы* (или горечавки) — травы, цветущие сине-лиловыми цветами. *Сванетия* — горная страна в зап. части Грузии.

190—191. СПр, с. 73—74. Автографы — I—II. Датируются по СПр.

192—193. Зв, 1945, № 10—11, с. 1, 4. Автографы — I—II. Датируются по СПр.

194. СПр, с. 76. Датируется по СПр.

195. ИП-51, т. 1, с. 190. Автографы — I и II, с датой.

196. Зв, 1945, № 10—11, с. 2, без загл. Печ. по ИП-51, т. 1, с. 191. Автографы — I—II, с добавлением одной строфы, без загл., с датой.

197. Зв, 1945, № 10—11, с. 3, под загл. «Пункахарью». Печ. по ИП-51, т. 1, с. 192. В автографе II, без загл., в цикле «Из путешествия в Прибалтике», с датой. *Пункахарью* — озеро в Финляндии, невдалеке от советской границы.

198. Зв, 1945, № 10—11, с. 4. Автограф — II, с датой.

199. Зв, 1945, № 10—11, с. 4. Автограф — II, с датой. *Помпея* — см. прим. 143. *Пикардия* — историческая провинция в Сев. Франции, на плоских склонах Арденн — гор вулканического происхождения.

200. Зв, 1945, № 10—11, с. 5. Автограф — II.

ГОРЫ

Впервые без ст-ний 206, 210, 214—219 — Зв, 1941, № 1, с. 3—7. Отдельно не издавался. Раздел окончательно сложился в СС-6, т. 1,

с. 333—357. В архиве Тихонова сохранились черновые и беловые автографы на отд. листах, в большинстве датированные, и машинописная тетрадь, датированная: 1937—1940. Эпиграф — из автобиографических заметок Лермонтова (запись от 8 июля 1830 г.).

201. Датируется по машинописи. *Леса таврарские* — в Сванетии (см. прим. 189).

202. Впервые под загл. «Донгузорун». Печ. по СПр, с. 55. Автограф черн., датируется по машинописи. *Донгузорун* — перевал из Кабардино-Балкарии в Сванетию.

203. Автограф черн., с датой. *Бечасын* (Бечесан) — горная терраса в Приэльбрусье. *Аспидная* — здесь: темная; аспид — сланец, из которого изготовляют доски для писания грифелем.

204. Автограф черн., с датой. *Верхний Хулам* — село в Кабардино-Балкарии.

205. Автограф черн., с датой. *Душет* (Душети) — город в Грузии на реке Арагви.

206. СПр, с. 58, впервые в разделе. Автограф черн., с датой.

207. Автограф черн., с датой. Машинопись, под загл. «Вечер в Дигории».

208. Датируется по машинописи. *Гуниб* — горное плато между реками Аварское Койсу и Каракойсу в Дагестане. *Кегерские высоты* — Кегерское (Турчидагское) плато в Дагестане.

209. Автограф. Датируется по машинописи. *Куруш* — село в горах на Кавказе, одна из самых высоких, заселенных человеком, точек Европы. *Шахдаг* — горная вершина Большого Кавказа. *Кунацкая* — помещение для гостей у кавказских народов.

210. СПр, с. 62, впервые в разделе. Датируется по машинописи.

211. Автограф — на отд. листе и машинопись, с датой. *Аронсон* Марк Исидорович (1901—1937) — советский литературовед и писатель, автор рассказов и повестей на темы альпинизма. Спортсмен-альпинист, он совершил ряд восхождений, в том числе на Хан-Тенгри — одну из высочайших горных вершин Тянь-Шаня. *Сванские башни.* В Сванетии (см. прим. 189), где долго сохранялся родовой быт, люди жили в уединенных домах с башнями, предназначавшимися для обороны.

212. Датируется по машинописи. *Жабеж* (Джабеж) — селение в Сванетии (см. прим. 189). *Адиши* — горная вершина и селение в Сванетии.

213. Зв, 1941, № 1, с. 7, без загл. Печ. по ПБЛ, с. 180. Два черн. автографа с датой.

214—216. Л, 1945, № 15—16, с. 8. Печ. и датируется по ПБЛ, с. 185, где впервые в разделе. *Фирн* — слежавшийся крупнозернистый

снег. *Шхара* — двуглавая вершина Большого Кавказа на Главном (или Водораздельном) хребте. Советские альпинисты впервые поднялись на Шхару в 1933 г. *Шхельда* — горный массив в центре Большого Кавказа, к юго-востоку от Эльбруса. Советские альпинисты взошли на Шхельду в 1940 г. *Чалаат* — один из крупнейших ледников в Сванетии. *Траверс* (франц. спорт.) — альпинистский маршрут, проходящий по гребню горного хребта и соединяющий несколько вершин.

217. Л, 1945, № 15—16, с. 8. Датируется по машинописи. Впервые в разделе — ПБЛ. Ст-ние относится к событиям борьбы испанского народа против фашизма (1936—1938).

218. «Лит. Москва», сб. 2, М., 1956, с. 497. Впервые в разделе — СС-6, т. 1. Датируется по машинописи.

219. СС-6, т. 1, с. 355, впервые в разделе. Датируется по машинописи. *Нанга-Парбат* (или Диямир) — крайняя зап. вершина цепи Гималаев на сев.-зап. границе Кашмира.

220. Два черн. автографа. Датируется по машинописи. *Камча* — плетка, кнут.

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

Впервые 12 ст-ний под этим загл. — в СПр. Часть ст-ний была опубликована в Зв, 1945, № 8, с. 1—3, под загл. «Из стихов сорокового года». Затем с изменениями в составе «Осенние прогулки» печатались в ИП-51, ИП-55 и СС-6. Окончательно раздел сложился в ИП-67, с. 423—446. Отдельно не издавался. В архиве Тихонова сохранились черновые автографы на отдельных листах, машинописные страницы с авторской правкой (I) и беловая машинопись раздела под загл. «Стихи разных лет», с датой 1940 г. (II).

221. ИП-51, т. 1, с. 257.

222. Зв, 1945, № 8, с. 2, под загл. «Ночь в Пушкине». Печ. по СПр, с. 54. Автограф черн. и машинопись II, с датой. *Тезей* (греч. миф.) — герой, совершивший множество подвигов (мифы о Тезее смешивались с мифами о Геракле). По-видимому, в ст-нии идет речь о статуе Геркулеса в Екатерининском парке г. Пушкина, где Геркулес изображен опирающимся на палицу, украшенную львиной головой. *Горит Париж.* Подразумеваются пожары в Париже, оказавшемся под угрозой разрушения и захвата немецко-фашистскими войсками в мае 1940 г.

223. СПр, с. 49. Машинопись II.

224. ИП-51, т. 1, с. 286.

225—227. Зв, 1945, № 8, с. 3 (только ст-ние 1). Печ. по ИП-51, т. I, с. 269—270. Автограф черн. (только ст-ние 3). Датируется по машинописи II, где этот небольшой цикл состоит из пяти ст-ний. *Неле* — героиня романа бельгийского писателя Шарля Де Костера (1827—1879) «Легенда об Уленшпигеле» — воплощение «сердца

Фландрии», нежности, верности, гордости. Ст-ние имеет в виду фашистскую оккупацию Бельгии, начавшуюся в 1940 г. *Гёзы* — народные мстители, патриоты, восставшие против испанских угнетателей.

228. Зв, 1945, № 8, с. 1, под загл. «Рассвет в Лондоне». Автограф черн. Датируется по машинописи II.

229. «Лит. Москва», сб. 2, М., 1956, с. 499. Впервые в разделе — СС-6, т. 1. Автограф черн., с датой.

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

Публикуемые ст-ния (без № 237) — Л, 1945, № 7—8, с. 5, под загл. «Из походной тетради (1940)». В дальнейшем в различных изданиях ИП состав «Палатки под Выборгом» менялся. Окончательно установился в СС-7, т. 1 (одиннадцать ст-ний). Отдельно не издавались. В архиве Тихонова сохранились черн. автографы ст-ний и машинопись цикла под загл. «Из походной тетради», с авторской правкой и датой от руки: 1940 г.

230. Автограф и машинопись, без посв., с датой. *Саянов* Виссарион Михайлович (1903—1959) — советский поэт и прозаик, друг Тихонова. Во время финской кампании 1939—1940 гг. Тихонов вместе с Саяновым были военкорами газ. «На страже Родины». О Саянове см. в воспоминаниях Тихонова «Двойная радуга» (СС-7, т. 6, с. 144).

231. *Саволакка* — бывший хутор на Карельском перешейке. *Оссиан* — легендарный поэт и воин, бард кельтов, живший будто бы в III в. в Ирландии. Оссиановский поэтический колорит отличают мечтательность, тревожный ландшафт, лунная ночь и т. п. *Шюцкор* (шюцкоровец) — член финской военизированной организации фашистского типа. *Або* — шведское название г. Турку (Финляндия).

232. Датируется по машинописи. *Пьянков* — участник боев с белофиннами.

233—236. *Пампала* — поселок на Карельском перешейке.

237. «Лит. Москва», сб. 2, М., 1956, с. 497. Впервые в разделе — СС-7, т. 1. Датируется по машинописи.

ОГНЕННЫЙ ГОД

Книга ОГ состояла из семнадцати ст-ний и двух поэм, написанных в 1941—1942 гг. В дальнейшем в авторских сб-ках, начиная с СПр, под этим загл. печатаются ст-ния военных лет, в том числе ряд ст-ний из ОГ с добавлением ст-ний, написанных в 1943 г. В архиве Тихонова сохранились черн. автографы некоторых ст-ний. №№ 238—241, 247 датируются по СПр.

238. Ок, 1942, № 1—2, с. 8.

239. Зв, 1942, № 1—2, с. 4.

240—241. НСР, 1941, 23 августа.

242. ИП-51, т. 1, с. 279, с датой, впервые в составе книги. *Пулково* — Пулковские высоты на подступах к Ленинграду, где шли упорные бои с немецкими захватчиками.

243. Изв, 1941, 4 ноября. Автограф черн. *Нетопырь* — летучая мышь.

244. Зв, 1942, № 1—2, с. 3, под загл. «Бессмертное Ленина знамя». Печ. по ОГ, с. 19. Датируется по ИП-51, т. 1.

245. КЗв, 1941, 31 декабря, под загл. «Пощады нет!». Печ. по ОГ, с. 48. Автограф черн.

246. КЗв, 1943, 22 января. Автограф черн., с датой.

247. Н. Тихонов, Красной Армии, Л., 1943, с. 3. *Тим* — река в Курской обл., район боев в июле — августе 1943 г. (Курская битва).

248. КЗв, 1942, 8 мая; в кн.: Джамбул, А. Прокофьев, Н. Тихонов, Стихи о Ленинграде, Л., 1942, с. 46, под загл. «Баллада о лейтенанте». Печ. по КЗв. Автограф.

249. КЗв, 1942, 20 февраля. Автограф черн. *Герасименко* Иван Саввич, *Красилов* Александр Семенович, *Черемнов* Леонтий Арсеньевич — Герои Советского Союза, разведчики, бойцы 299-го стрелкового полка 225-й стрелковой дивизии 52-й армии, уничтожившие 29 января 1942 г. вражеские дзоты в разведке боем на дальних подступах к Ленинграду.

250. Окт, 1942, № 3—4, с. 9.

СТИХИ О ЮГОСЛАВИИ

Книга вышла в составе 25-ти ст-ний. Под этим же загл. подборки ст-ний из нее публиковались в журналах 1947 г. Затем «Стихи о Югославии» печатались выборочно, в авторских изданиях: И-47, И-48, СиП-56, СС-6, т. 1, ИП-67, т. 1; «Перекличка героев», М., 1970; СС-7, т. 1. В архиве поэта сохранились черн. автографы некоторых ст-ний и машинопись всей книги с авторской правкой.

251. Зн, 1947, № 1, с. 4, под загл. «Сплит», с датой. Печ. по СЮ, с. 9. *Сплит* — город в Югославии (Хорватии), порт на Адриатическом море. *Ядран* (хорват.) — Адриатическое море.

252. Зн, 1947, № 3, с. 117, с датой. *Диоклетиан* (243 — между 313—316) — римский император, чей дворец в Салоне (ныне *Сплит*) сохранился до наст. времени. *Макарска* — порт на Адриатическом море. *Биокова гора.* Биоково — горный хребет. *Русским моряком, Что был Суворову знаком.* Вероятно, имеются в виду события конца XVIII в., когда русские моряки под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова сражались с французским флотом в Ионическом море близ Далмации, в то время как А. В. Суворов воевал с французской армией в Италии. Суворов дал высокую оценку победам Ушакова.

253—259. Зн, 1947, № 1, с. 3—6, с общей датой. **254.** *Сень* — город и порт на Адриатическом море. *Ядран* — см. прим. 251. **256.** *Хлябь* — морская бездна. *Омыш* (Омиш) и *Плоче* — портовые города на берегу Адриатического моря. *Врульская дуга* — путь мимо города Вруле на о-в Корнат в Адриатическом море. **257.** *Далмация* — область в Хорватии. *Корчула, Вис* — острова в Адриатическом море. *Дубровник, Шибеник* — портовые города. **258.** *Охрид* — город на берегу Охридского озера (Македония). Здесь речь идет о районах, охваченных партизанской войной (1941—1945 гг.), о Приморье, Черногории. **259.** *Ингулец* — правый приток Днепра.

260. Зн, 1947, № 3, с. 119, с датой. Автограф черн. *Бихач* — город в сев.-зап. Боснии.

261. НМ, 1947, № 2, с. 27. Датируется по черн. автографу.

262. Зн, 1947, № 1, с. 8, с датой. Автограф черн.

263—264. СЮ, с. 51, 53. *Блед* — озеро в Словении.

265. Зн, 1947, № 1, с. 8, с датой. Автограф черн. *Зыбка* — народное название колыбели; этим словом подчеркивается связь поэзии Прешерна со словенским фольклором. *«Здравица»* — ст-ние Прешерна (1844).

266—267. Зн, 1947, № 3, с. 120, 117, с датой. *Шумадия* — центральная, самая лесистая часть Сербии, край партизанской борьбы. *Зверинская* — см. прим. 74.

ГРУЗИНСКИЕ ДОРОГИ

В основу этого раздела положена книга ГВ, состоящая из четырех циклов, ранее публиковавшихся в журналах. В авторских изданиях ст-ний публикуется как раздел с небольшими изменениями в составе циклов, под загл. «Грузинская весна». Загл. книги изменено, начиная с ИП-67, т. 2. В архиве Тихонова сохранились: рукописный вариант книги под загл. «Стихи о Грузии», с общей датой: 1948 г. (автограф I), черн. и беловой варианты циклов «Грузинская весна» и «Горы» (автографы II и III), черн. автографы ст-ний на отдельных листах (IV).

268—276. Полностью под этим загл. в составе десяти ст-ний — Ог, 1948, № 45, с. 7—8 и Ог, 1948, № 17, с. 22 (ст-ние № 7). Печ. по ИП-67, т. 2, с. 7—27. **1.** Автографы — I—II. *Гуд-гора* — Эльбрус. **2.** Автографы — I и IV, под загл. «Руки». *Фергана* — город в Узбекистане, в межгорье Тянь-Шаня. **3.** Автографы: I—II. *Храмгэс* — гидроэлектростанция на реке Храми (правый приток Куры). *На Цалкинских обрывах.* Цалкинское горное плато — на сев.-зап. Малого Кавказа в верховье реки Храми. **4.** Автографы — I—II. *Тамара* (1184—1213) — царица Грузии. **5.** Автографы — II—IV. *Рустави.* В 1948 г. на реке Куре было начато строительство Закавказского металлургического завода. Вместе с ним вырос город Рустави. *Ткварчели* — город в Абхазии, центр добычи угля. *Рионгэс* — гидростанция на реке Риони. *Храми* — см. прим. 270. *Самтреди* (Самтредиа) — город, крупный же-

лезнодорожный узел в Грузии. **6.** Автографы — II—IV. *Бамбук.* Бамбуковые рощи зацветают сразу, цветут недолго и погибают одновременно. *Тунг* — тунговое дерево, культивируемое в субтропиках, в том числе в Грузии. **7—9.** Автографы — I—IV.

277—281. Цикл (без ст-ния 5) сформирован в первой публикации: Ог, 1948, № 51, с. 5. Печ. по ИП-51, т. I, с. 312—315, где впервые ст-ние 5. **1.** Автографы — I, IV. **2.** Автограф — I. *Проспект Руставели* — центральный проспект Тбилиси. *Судебная* — ныне ул. Атарбекова. **3.** Автограф — I. **4.** Автограф — I. *Рионгэс* — см. прим. 272. *Ткварчельские шахты.* Ткибули — город в Грузии, один из центров угледобывающей промышленности. *Алазань* — см. прим. 133. *Дзneладзе* Борис Давидович (1900—1923) — один из основателей комсомола Грузии. Памятник ему воздвигнут в Тбилиси в Саду Коммунаров. **5.** *Кошуети* — Кошуетская церковь св. Георгия на проспекте Руставели в Тбилиси.

282—288. Цикл (без ст-ния 4) — Ог, 1949, № 1, с. 17. Печ. по ГВ, с. 41—52. Ст-ние **4** — ГВ, с. 46. Автограф — I. **1.** *Сагурамо* — селение в Грузии, неподалеку от Тбилиси. *Радуга двойная* — типичное для гор явление, которое увидел здесь Тихонов. Позднее книгу своих воспоминаний он назвал «Двойная радуга». *Гори* — город в Грузии. **2.** *Мухранская долина* — равнина на левом берегу Куры. **3.** *Зедазени* — гора вблизи города *Мцхета*, древней столицы Грузии. *Загэс* — Земо-Авчальская ГЭС при слиянии рек Куры и Арагви, первая гидростанция на Кавказе. **4.** *Шаншиашвили* — см. прим. 132. *Алазань* — см. прим. 133. *Джуганец* — житель Джугани (см. прим. 132). *Из сказки чиаурской.* Чиаури — селение в Кахетии. *Дела Арсеновы, Иль повесть доблести — Крцанисскую.* «Арсен», «Герои Крцаниси» — исторические драмы С. Шаншиашвили. Арсен Одзелашвили из Марабды — вожак народных восстаний XIX в. в Вост. Грузии. **5.** *Цхнети* — село под Тбилиси, где Тихонов гостил в доме друга — Георгия Николаевича *Леонидзе* (1899—1966), народного поэта Грузии (см. об этом: Н. Тихонов, Цхнетские вечера. — СС-7, т. 3, с. 461). *Зурна* — см. прим. 99. **6.** *Гумиста* — река в Абхазии. *Бзыбский хребет* — горный хребет южного склона Большого Кавказа в Абхазии. **7.** *Санчарский перевал* — через хребет Большого Кавказа из Карачаево-Черкессии в Абхазию.

289—293. Печ. по ГВ, с. 57—64. Автографы — I и III. **2** — Ог, 1948, № 45, с. 8. *Фирн* — см. прим. 214. *Дыхтау* — одна из высочайших вершин Большого Кавказа. *Ушба* — двуглавая вершина Большого Кавказа, одна из самых труднодоступных. *Кунак* (тюрк.) — друг, товарищ. *Владикавказ* — ныне г. Орджоникидзе. **3.** *Бечо* — перевал через хребет Большого Кавказа из Кабардино-Балкарии в Сванетию. *Чанчахи* — см. прим. 131. *Ахманган* — горная вершина. *Твибер*-Ласхедар — ледник на юж. склоне Большого Кавказа, в истоках Ингури. **4.** «Физкультура и спорт», 1949, № 1, с. 3. **5** — Ог, 1949, № 1, с. 17.

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

Под этим загл. в составе 8-ми ст-ний — Зн, 1951, № 6, с. 3—9. Отд. изд.: Н. Тихонов, Два потока. — На Втором Всемирном конгрессе мира, М., 1953 («Б-ка „Огонек"»); то же — Гослитиздат, 1953. В архиве Тихонова сохранились два рукописных варианта книги —

черн. и беловой, состоящей из двух разделов: «Два потока» и «На Втором Всемирном конгрессе мира» и черн. автограф ст-ния 295. Ст-ния датируются по ИП-51, т. 1. Тихонов был одним из руководителей советской делегации на Конгрессе, который состоялся в Варшаве в ноябре 1950 г.

294. Пр, 1950, 22 ноября, с прим. автора: «Польские дети приветствовали Конгресс мира цветами».

295. *Парагвай* — южноамериканская республика, где господствует военно-политический режим диктатуры А. Стресснера.

297. *Пак Ден Ай* (р. 1907) — корейская политическая и партийная деятельница. В 1948—1971 гг. была членом Президиума Верховного народного собрания КНДР, председателем ЦК Союза демократических женщин Кореи.

298. *Нигер* — река в республике Мали (Зап. Африка), на левом берегу которой — город *Тимбукту* (Томбукту).

299. *Капонир* — оборонительное сооружение.

ДВА ПОТОКА

Под этим загл. в составе 30-ти ст-ний — Зн, 1951, № 8, с. 3—30. Отдельно — см. прим. к предыдущему разделу, с. 440. В сб-ках, начиная с ИП-55, т. 1, с изменениями в составе. В архиве Тихонова два рукописных варианта книги, состоящей из двух разделов (см. прим. к первому из них), а также черн. автографы некоторых ст-ний. *Л. А. Кубицкая* — член делегации от Советского комитета защиты мира. В конце 1949 г. Тихонов вместе с писателями А. Софроновым, Айбеком и М. Турсуном-заде совершил поездку в Пакистан и Афганистан. Результатом этой поездки явились: «Два потока», «Рассказы о Пакистане», «Рассказы горной страны», повесть «Белое чудо».

300. *Гиндукуш* — см. прим. 173. *Аму* — Амударья. *Термез* — город в Узбекской ССР. *Келифский Узбой* — см. прим. 120. *Патаны* — старое название кочующих племен афганцев. *Хайбер* — Хайберский проход на границе Афганистана и Пакистана.

301. *Равальпинди* — город в Пакистане. *Керван-баши* (тюрк.) — возглавляющий караван. *Вахан* — Ваханский хребет на юге Памира. *Рошан* (Рахшан) — река в Пакистане. *Мескеви* — Москва.

302. *Могол*. Великие Моголы — правители Индии (XVI—XVIII вв.). *Манго* — плодовое дерево, растущее в тропических странах. *Деодар* — гималайский кедр. *Лахор, Карачи, Пешавар, Кветта, Мультан* — города в Пакистане; *Дакка* — ныне столица Бангладеш. *Хайдерабад* — город в Южной Индии. *Чапли* — род кожаной обуви.

304. *Сват, Бунир* — округи в Пакистане.

305. *Читтагонг* (Читагам) — город и порт в Бангладеш. *Сари* — индийская женская одежда, длинный кусок ткани, один конец которой дважды обернут вокруг бедер, а другой — перекинут через плечо.

306. *Дуаб* (Доаб) — город в Афганистане. *Буржуйка* — небольшая железная печь. *Арча* — см. прим. 128. *Шикарийское ущелье* — в Афганистане, в горах Гиндукуша. *Шибарский перевал* — в горах Гиндукуша.

307. *Ворота Искандера* — вероятно, речь идет о перевале Хавак (через хребет Ходжа-Мухаммед), где прошел Александр Македонский (356—323 до н. э.), фигурирующий в восточных легендах под именем Искандер. Здесь подразумевается легенда о том, как, разрубив мечом непроходимые горы, он открыл путь за Гиндукуш.

308. *Термез* — см. прим. 300. *Арбакеш* — возчик на арбе (род повозки). *Аспидный* — см. прим. 203.

СТИХИ ОБ УКРАИНЕ

Раздел сложился только в СС-7, т. 2 и состоит из ст-ний, приуроченных в большинстве случаев к юбилейным датам в период между 1953—1964 гг. В архиве поэта сохранились черновые автографы публикуемых ст-ний.

309. «Сов. Литва», 1954, 22 мая. Написано к 300-летию воссоединения Украины с Россией, отмечавшемуся в 1954 г.

310. «Правда Украины», 1956, 5 сентября. Написано к 100-летию со дня рождения Ивана Яковлевича *Франко* (1856—1916) — украинского писателя-демократа, ученого и общественного деятеля. *Родина* Франко — село Нагуевичи, ныне Ивано-Франково Дрогобычского р-на Львовской обл. *Места твоих пыток.* В 1880 г. Франко был арестован и выслан по этапу в село Нагуевичи.

311. ИП-67, т. 2, с. 150. *Сосюра* Владимир Николаевич (1898—1965) — советский украинский поэт. *Голос песенный.* Песенный лад характерен для стихов Сосюры, многие из которых положены на музыку.

312. «Радуга», 1964, № 9, с. 5. *Тарас* — Т. Г. Шевченко. *«Заповiт»* — ст-ние Шевченко. См. его перевод (№ 502 наст. изд.).

НА ЗЕМНОМ ПРОСТОРЕ

Раздел под этим загл. сложился в ИП-65, т. 2 и объединяет ст-ния, публиковавшиеся в периодической печати. В ИП-51, ИП-56, СС-6, т. 2, эти ст-ния включены в раздел «Стихи разных лет». В архиве Тихонова сохранились черн. автографы многих ст-ний, а также машинописные варианты с авторской правкой.

313. Сб. «Родина. Стихи и переводы ленинградских поэтов», Л., 1937, с. 69. Два автографа, один — черн. Датируется по ИП-51, т. 1.

314. Изв, 1937, 7 ноября. Автограф черн., с датой. *Гранитных плит торжественный квадрат.* В ст-нии говорится о памятнике борцам революции в Ленинграде на Марсовом поле (сооружен в 1917—1919 гг., архитектор Л. В. Руднев), где на расположенных квадратом

гранитных плитах написаны эпитафии (автор — А. В. Луначарский). Здесь похоронены участники революции. *Володарский* В. (Гольдштейн Моисей Маркович, 1890—1918) — комиссар по делам печати, был убит эсерами. *Нахимсон* Семен Михайлович (1885—1918) — военком Ярославского военного округа, был расстрелян белогвардейцами во время мятежа. *Урицкий* Моисей Соломонович (1873—1918) — председатель Петроградской ЧК, убит эсерами. *Сиверс* Рудольф Фердинандович (1892—1918) — участник революции и гражданской войны, коммунист, погиб в бою с белоказаками. *Толмачев* Николай Григорьевич (1895—1919) — участник гражданской войны, командир полка, погиб в бою в районе г. Луги, отражая наступление Юденича. *Купше* Андрей И., *Таврин* П. П., *Сергеев* — бойцы и командиры, героически павшие в деревне Выра (в районе Гатчины) от рук белых. *Раков* Алексей Семенович (1885—1919) — комиссар, участник гражданской войны, героически погиб в деревне Выра. Этому эпизоду Тихонов посвятил поэму «Выра» (см. № 496 наст. изд.). *Лихтенштадт* (Мазин) В. О. (1882—1919) — участник революции. *Солодухин* П. А. — партийный работник, командир дивизии. *Виттасари* (Виттасари) Юго (ум. 1920) — финский коммунист. *Гайдамаки* — так в 1917—1918 гг. называли войска Центральной Украинской рады, затем гетмана Скоропадского, боровшихся против Советской власти. *Шхеры* — скалы, скалистые острова и берега.

315—319. Печ. по ИП-67, т. 2, с. 180—187. 1 — Н. Тихонов, Красной Армии, Л., 1943, с. 65, с датой, впервые в этом разделе. *За пулковским валом.* См. прим. 242. 2—3 — 100Ст, с. 247—249, с датой. *Над Невой разукрашенный сад* — Летний сад в Ленинграде. *Родзянко* Михаил Владимирович (1859—1924) — бывший председатель Гос. Думы, активный организатор контрреволюции в 1917—1920 гг. 4 — «Краснофлотец», 1939, № 20, с. 1. *Корпия* — мелко нащипанное старое полотно, перевязочный материал. 5 — 100Ст, с. 254, с датой.

320. Зв, 1937, № 12, с. 3. Датируется по ИП-51, т. 2. *XI армия* Каспийско-Кавказского фронта, сражавшаяся против белогвардейских войск Деникина. В начале 1919 г. С. М. Киров (1886—1934), назначенный членом Реввоенсовета XI армии, фактически руководил обороной астраханского края и наступлением армии, отбившей у белогвардейцев Баку. *Бунчук* (тюрк.) — конский хвост на древке, служивший полковым знаменем в коннице у запорожских казаков и в Турции.

321. «Комсомольская правда», 1938, 29 октября, под загл. «Комсомол». Печ. по Н. Тихонов, Избранные стихи, Л., 1939, с. 84. Датируется по И-48. *Над полюсной льдиной встает.* В мае 1937 г. советская полярная экспедиция в составе И. Д. Папанина, П. П. Ширшова, Е. К. Федорова, Э. Т. Кренкеля достигла Северного полюса, где был водружен государственный флаг СССР. Советская полярная станция (СП-1) девять месяцев дрейфовала на льдине к берегам Гренландии. *Стаханов* Алексей Григорьевич (р. 1906) — рабочий-новатор угольной промышленности, Герой Социалистического Труда, именем которого названо в 30-е гг. движение новаторов социалистического производства. *Комсомольск.* Строительство Комсомольска-на-Амуре было начато в 1932 г. комсомольцами, приехавшими в тайгу из многих районов Советского Союза. *На сопках... Заозерных.* В августе 1938 г. японские империалисты-*самураи* (см. прим. 64), вторг-

шиеся на территорию Приморского края, были разбиты в боях у озера Хасан и сопок Заозерная и Безымянная.

322. Пр, 1959, 9 сентября. Автограф черн. Ст-ние написано к 15-й годовщине Народной Республики Болгарии. *На Шипке повстречались Болгаро-русские дружины.* В сентябре 1944 г. Советская Армия вступила в Болгарию и освободила страну от фашистов, подобно тому как в 1878 г. русские солдаты вместе с болгарскими сражались и освобождали болгарский народ от османского ига. *Балатон* — озеро в Венгрии. *Вела Пеева* (1922—1944) — героиня болгарского народа, погибшая в Родопах (горы в Болгарии). *Лиляна* (подпольное имя Блага) — героиня-партизанка Лиляна Николова Димитрова (1918—1944), погибла в Пловдиве. О подвигах этих героинь Тихонов писал в очерках «Болгарские записи» (М., 1945). *Димитров* Георгий Михайлович (1882—1949) — вождь болгарского революционного движения, известный деятель международного рабочего движения, секретарь ЦК БКП.

323. МГ, 1958, № 10, с. 30. Датируется по черн. автографу. *Пулковский... вал* — см. прим. 242.

324. Лен. пр., 1964, 27 января, без загл.; ДП-64, под загл. «Под Ленинградом». Печ. по ИП-67, т. 2, с. 232.

325. ИП-67, т. 2, с. 234. Датируется по автографу.

326. Юн, 1965, № 5, с. 11. Датируется по автографу, где загл. «9 мая».

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

Все три раздела книги сложились в ВД. Ранее отдельные ст-ния публиковались в периодической печати. Книга полностью вошла в СС-7, т. 2. В архиве Тихонова сохранились автографы большинства ст-ний на отд. листах.

327—340. 1 — Ог, 1969, № 45, с. 5. Три автографа, два черн., под загл. «Солнечный патруль». Датируется по автографу. **2** — Зн, 1967, № 11, с. 3. Автограф черн. *Броневик у вокзала встал.* Вечером 3 апреля 1917 г. В. И. Ленин приехал в Петроград из эмиграции и тогда же выступил с речью перед петроградскими рабочими. «Правда» 5 апреля 1917 г. писала: «Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный пролетариат и революционную русскую армию...» В наст. время броневик находится в Музее В. И. Ленина в Ленинграде. Перед Финляндским вокзалом, на площади, где выступил вождь, в середине 20-х гг. был установлен памятник В. И. Ленину, на котором он изображен стоящим на башне броневика. **3** — ВД, с. 13. Датируется по машинописи. *Июль девятнадцатый, год двадцатый.* 19 июля 1920 г. в Петрограде в Таврическом дворце открылся *Второй конгресс* Коминтерна, в работе которого участвовал В. И. Ленин. Вечером того же дня В. И. Ленин выступил на Дворцовой площади на митинге. *Громада дворца* — Зимний дворец. *Этот ангел* — фигура ангела на Александровской колонне (арх. А. А. Монферран) в центре Дворцовой пл. *Древней квадриги над аркой полет.* Над ар-

кой Главного штаба (арх. К. И. Росси) на Дворцовой пл. установлена триумфальная колесница, запряженная шестеркой коней, несущая фигуру Победы (скульп. С. С. Пименов и В. Н. Демут-Малиновский); *квадрига* — упряжь из четырех лошадей. **4** — Ог, 1967, № 45, с. 16. Автограф черн. *Герберт Уэллс* (1886—1946) — английский писатель-фантаст, трижды приезжал в Россию, беседовал с В. И. Лениным. В книге «Россия во мгле» Уэллс правдиво рассказал зарубежным читателям о жизни Советской России, выражая, однако, недоверие к планам ее перспективного развития. *Первый космонавт* — Ю. А. Гагарин (1934—1968), 12 апреля 1961 г. на корабле-спутнике «Восток» впервые в истории человечества вышедший в космическое пространство. **5** — Ог, 1967, № 45, с. 16. Два черн. автографа, один с датой. *Латышские стрелки* — латышская стрелковая дивизия, охранявшая Петроград от наступления контрреволюционных сил с северо-запада. Ей также была поручена охрана Смольного в Петрограде, московского Кремля; латышские стрелки участвовали в штурме *Перекопа* в 1920 г. *Радар* — радиолокационная станция для определения дальности расстояния методом радиоволн. *Кромы* — поселок в Орловской обл. Здесь в 1919 г. части Красной Армии вели наступление на армию Деникина. **6** — А, 1969, № 1, с. 4. **7** — Ог, 1967, № 45, с. 16. Автограф черн., с датой. *Рафик Ахмад* (р. 1899) — индийский коммунист, в 1921 г. пришел из Бхилаи ходоком к Ленину, учился в Москве. Затем в *Пешаваре* (Пакистан) был заключен в тюрьму. В 1967 г. вновь посетил Москву. **8** — «Социалистическая индустрия», 1970, 3 июня. Датируется по черн. автографу. *Ялава Гуго* Эрикович (1874—1950) — машинист паровоза № 293, тайно переправивший В. И. Ленина из Петрограда в Финляндию по заданию Петербургского комитета РСДРП 22 августа (4 сентября) 1917 г. *Удельная* — станция близ Ленинграда по Финляндской дороге. *Белоостров* — станция и поселок неподалеку от Удельной, где до 1940 г. проходила граница с Финляндией. *Териоки* — ныне Зеленогорск, курортный городок на берегу Финского залива (Ленинградской обл.). **9** — Ог, 1969, № 45, с. 5. Автограф, с датой. *Элламы* — семья эстонских коммунистов. В 1919—1933 гг. вели борьбу против активизировавшихся в Эстонии фашистов. *Сарема* (Сааремаа) — наиболее значительный остров Моонзундского архипелага в Балтийском море (Эстония). *Сага* — см. прим. 94. **10** — Зн, 1967, № 11, с. 3. Автограф черн. и датированная машинопись с авторской правкой. **11** — Зн, 1969, № 5, с. 3. **12** — Зв, 1970, № 6, с. 3. Автограф черн. *Лиляна* — см. прим. 322. **13** — Ог, 1969, № 45, с. 5. **14** — ЛГр, 1970, № 1, с. 7, с посвящением М. М. Чепику. Печ. по ВД, с. 34. Датируется по машинописи с авторской правкой. В ст-нии говорится о картине украинского художника Михаила Максимовича Чепика (1920—1972).

341—357. **1** — А, 1969, № 1, с. 4, под загл. «Стихи о Ленинграде». **2—3** — Зн, 1969, № 5, с. 3—4. Ст-ние 3 датируется по черн. автографу. **4** — ВД, с. 44. Автограф без даты. *Арфа Эола*. Эол (греч. миф.) — повелитель ветров; эолова арфа — древний музыкальный инструмент, струны которого звучат, колеблемые ветром. **5** — ВД, с. 46. Автограф без даты. *Чудо-девушка с кувшином*. Фонтан с бронзовой статуей «Девушка с разбитым кувшином» или «Молочница» (скульпт. П. П. Соколов) находится в Екатерининском парке г. Пушкина. **6** — А, 1970, № 6, с. 23. Автограф без даты. Речь идет о фигуре папуаса в боевом снаряжении, хранящейся среди экспонатов Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. В ст-нии описан подлин-

ный случай, происшедший в Музее в дни войны. **7** — Зн, 1969, № 5, с. 5. **8** — А, 1970, № 6, с. 23. Датируется по машинописи. *Когда мы слышали слова: «Я — ленинградская вдова».* В ст-нии — реминисценция из поэмы О. Ф. Берггольц «Февральский дневник» (1942): «Я тоже ленинградская вдова...» **9—13** — Зн, 1969, № 11, с. 3—5. Черн. автографы. Датируется по машинописи с авторской правкой. *М. К. Н.* — см. прим. 48. *Неслуховский* Константин Францевич (1865—1942) — тесть Тихонова. *Твои поддерживали руки* и т. д. Эти строки посвящены М. К. Тихоновой. Квартиру Тихонова в годы блокады назвал «цитаделью поэзии и жизни» А. А. Фадеев (см.: «Ленинград в дни блокады. Из дневника», М., 1944, очерк «Рыбинская, 5»). Здесь же он говорит и о Марии Константиновне, о ее профессии художницы, о ее мужестве в условиях быта осажденного города. *Глетчер* — ледник в горах, медленно движущийся по склонам, здесь: облака. *Сторона Петроградская* — остров и район г. Ленинграда, одна из старейших частей города. Здесь находится ул. Зверинская, д. 2 (см. прим. 74). **14** — ВД, с. 59. Датируется по машинописи с авторской правкой. *Били фонтаны.* В один из приездов в Ленинград ранней весной 1968 г. Тихонов совершил прогулку в Петродворец (Петергоф), где уже начали опробовать фонтаны. **15** — Зв, 1970, № 6, с. 4. Два черн. автографа с датой. *Пржевальский* Николай Михайлович (1839—1888) — путешественник и географ, исследователь Центр. Азии. Памятник ему — бронзовый бюст на гранитной скале, у подножия — навьюченный верблюд — установлен в 1892 г. в Петербурге в Александровском саду против здания Адмиралтейства. **16** — Зн, 1967, № 11, с. 4. Автограф черн., с датой под загл.: «Тот и новый „Варяг"». *«Варяг»* — русский крейсер, участвовавший в русско-японской войне 1904—1905 гг. Выдержав неравный бой с японской эскадрой у мыса Чемульпо и понеся тяжелые потери, героический экипаж крейсера затопил корабль. *«Врагу не сдается наш гордый „Варяг"»* — цитата из популярной песни «Памяти „Варяга"» (слова Е. М. Студенской, авт. музыки не установлен). *Советский «Варяг».* В 1959—1960 гг. был построен ракетоносный крейсер, получивший имя легендарного корабля. Спущен на воду в Ленинграде. **17** — А, 1969, № 6, с. 56. Датируется по машинописи. *На углу известных, Старинных улиц.* Дом, в котором родился Тихонов (см. «Вместо предисловия», с. 47 наст. изд.), находится на ул. Герцена (быв. Большая Морская), № 25, угол ул. Дзержинского (быв. Гороховая). В этом доме в 1840—1841 гг. жил А. И. Герцен. *Здесь Пушкин по Морской бродил.* С осени 1832 до весны 1833 г. Пушкин жил в доме Жадимеровского на углу улиц Гороховой и Б. Морской (ныне — ул. Герцена, 26/14). *Смуров.* Лавка колониальных товаров купца Смурова находилась на Б. Морской ул. *Шевченко с Лазаревским.* Т. Г. Шевченко значительную часть жизни был связан с Петербургом. Как следует из его дневника, в марте 1858 г. он приехал в город после долголетней ссылки и остановился у своего друга литератора Михаила Матвеевича Лазаревского (1818—1867) в доме № 48 на Б. Морской. *Троя* — город в Малой Азии, выдержавший длительную и упорную осаду во время троянской войны, описанной в «Илиаде» Гомера.

358—374. 1 — Зн, 1970, № 3, с. 72. Черн. автографы, один — с датой, под загл. «О деревьях». *Тарас стоит неподалеке.* В Москве на наб. Москвы-реки перед зданием гостиницы «Украина» в 1964 г. был установлен памятник Т. Г. Шевченко. *Баньян* — тропическое дерево из рода фикус. **2** — «Смена», 1967, № 22, с. 11. Автограф черн. Дати-

руется по машинописи. *Хертвиси* — см. прим. автора на с. 338. 3 — Зн, 1970, № 3, с. 73. Автографы (два) черн., с датой и с прим. автора: «Я много странствовал и много видел. Я много писал о народах, которые не сразу прочтут, что я о них писал. А писал я с любовью к ним. Но когда-нибудь они прочтут и скажут: «Это был добрый друг». Еще бы, я с юных лет думал о них, с самой юности, и они много дали мне доброго, когда я побывал у них, в их странах». 4 — Зн, 1970, № 3, с. 74. Автограф черн., с датой. *Гафур Гулям* (1903—1966) — узбекский советский писатель, поэт. *Айбек* (наст. имя — Муса Ташмухамедов, 1905—1968) — узбекский советский писатель, поэт. *Аксакал* — старейшина, уважаемый человек. 5 — Зн, 1967, № 11, с. 5. Датируется по машинописи. 6 — ВД, с. 82. Автограф черн. Датируется по машинописи. *Гегамский* (Агмаганский) *хребет* Армянского нагорья — к зап. от оз. Севан. *Туманян* Ованес Тадевосович (1869—1923) — армянский поэт, писатель и общественный деятель. *Масис* — армянское название горы Арарат. 7 — Зн, 1969, № 11, с. 5. Автограф без даты. Датируется по машинописи. 8 — Зн, 1970, № 3, с. 75. Автограф без даты. 9 — Ог, 1969, № 45, с. 5. *Славок-небылиц*. Славки — птицы из отряда воробьиных, зеленовато-желтой окраски. 10 — Зв, 1970, № 6, с. 5. Автограф с датой. *Сирена Варшавы* — символ столицы Польши — статуя, изображающая деву-сирену с занесенным мечом, находится в центре Варшавы. 11 — Ог, 1969, № 45, с. 5. Автограф с датой. *Айдахо* — штат на западе США. 12 — ЛГ, 1967, 20 сентября. 13 — Зн, 1969, № 11, с. 6. Автограф с датой. *Хиросима* и *Нагасаки* — японские города, на которые в августе 1945 г. были сброшены американские атомные бомбы. 14 — ДП-70, с. 194. Автограф с датой. *Гул* — гора в Сванетии (см. прим. 189). *Ушбинская стена*. Ушба — см. прим. 290. 15 — «Вечерняя Москва», 1969, 20 сентября. Автограф без даты. 16—17 — Зн, 1969, № 11, с. 6. Автографы без дат. Датируются по машинописи.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1970—1977

Последняя книга ст-ний (М., 1978) из вышедших при жизни поэта после СС-7. Все циклы сформировались в самом изд. книги. В неразобранном полностью архиве Тихонова сохранилась машинопись книги с авторской правкой, некоторые ст-ния с датами, черновые автографы цикла «Азербайджанская тетрадь».

375—381. 1 — С, с. 7. Датируется по машинописи. *Береговой* Георгий Тимофеевич (р. 1921) — генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт. 2 — С, с. 8. Датируется по машинописи. Особняк балерины М. Ф. *Кшесинской* находится в Ленинграде. С марта по июнь 1917 г. там размещались ЦК и Петроградский комитет РСДРП(б). С 1957 г. в этом здании помещается Музей Октябрьской революции. 3 — ДП-71, с. 5. 4 — С, с. 14. *В Каменице*. Каменицы — город в Болгарии. *Вела* — см. прим. 322. *Родопы* — Родопские горы на востоке Балканского полуострова. *Димитров* — см. прим. 322. *Зал Лейпцига*. В декабре 1933 г. германские фашисты организовали в Лейпциге судебный процесс по обвинению Г. Димитрова и других коммунистов в поджоге рейхстага. В речи на процессе Димитров разоблачил провокацию, нанеся морально-политический удар по фашизму. *Барвиха* — санаторий под Москвой, здесь отдыхали многие видные деятели коммунистического движения, лите-

ратуры и искусства. **5** — «Казахстанская правда», 1973, 5 декабря. **6—7** — С, с. 18, 19. *«Всё взвешено, оценено, конец!»* По библейской легенде, на стене вавилонского дворца, где пировал Валтасар — последний царь Вавилона — появились таинственные письмена, которые пророк Даниил прочел как: «исчислено, взвешено, разделено», что означало близкую гибель царя и его царства. *Шоу* Джордж Бернард (1856—1950) — английский писатель, драматург, публицист.

382—388. 1 — ДП-71, с. 6. **2** — ЛГ, 1977, 7 сентября, под загл.: «На высшей точке всех земных широт». Печ. по С, с. 26. 17 августа 1977 г. советский атомный ледокол *«Арктика»* достиг высшей точки пересечения меридианов — Северного полюса. **3** — С, с. 27. *Кириши* — город в Волховском р-не Ленинградской обл. Тихонов в 60-е гг. неоднократно избирался депутатом в Верховный Совет СССР от Киришского избирательного округа. В эти же годы в Киришах было завершено строительство крупного нефтеперерабатывающего комбината. **4** — ЛГ, 1971, 8 января. *Королева Франции.* По некоторым историческим сведениям, дочь Ярослава Мудрого *Анна* была замужем за французским королем Генрихом I (1034—1060). **5** — С, с. 37. *Исаакян* Аветик Саакович (1875—1957) — армянский советский поэт. Об А. Исаакяне Тихонов писал не раз. См., напр.: «Аветик Исаакян». — СС-7, т. 4, с. 533. **6** — «Лит. Армения», 1972, № 11, с. 4. *Карменблур* (правильно: Кармир-Блур) — холм на окраине Еревана, где ведутся археологические раскопки древнего государства Урарту. Здесь при раскопках Урартской крепости Тейшебанни были найдены зернохранилища. **7** — С, с. 38.

389—392. 1 — ЛГ, 1973, 12 декабря, под загл.: «Старая ива на проспекте Максима Горького». Печ. по С, с. 43. Датируется по черн. автографу. *Бульвар Горького* — проспект М. Горького, проходящий вдоль Парка им. В. И. Ленина в Ленинграде. Через парк в дни блокады проходил ежедневный путь Тихонова из дома в Смольный и обратно. См. его воспоминания «В железных ночах Ленинграда. . .» (СС-7, т. 4, с. 143). **2** — «Моск. правда», 1975, 21 сентября. **3** — С, с. 49. *Покрышев* Петр Афанасьевич (1914—1967) — прославленный командир эскадрильи на Ленинградском фронте, дважды Герой Советского Союза. *Ахтунг* (нем.: «Achtung») — внимание. **4** — «Лит. Россия», 1976, 18 июня. Датируется по машинописи. *Нарвик* — город в Сев. Норвегии, место боев норвежцев с немецкими фашистами весной 1940 г. *Ковентри* — город в Великобритании. В 1940—1941 гг. подвергался жестоким бомбардировкам гитлеровцев.

393—399. 1 — С, с. 61. *Зестафони* — город в Грузии, где в 1933 г. Тихонов выступал на митинге, посвященном вводу в эксплуатацию завода ферросплавов. *Рустави* — см. прим. 272. **2** — «Моск. правда», 1975, 21 сентября. Датируется по машинописи. *Кантария Мелитон* и *Егоров Михаил* — советские солдаты, поднявшие 30 апреля 1945 г. знамя СССР над рейхстагом. **3** — С, с. 72. *Пицунда* — мыс на побережье Черного моря в Абх. АССР, где находится роща реликтовой пицундской сосны. **4—7** — С, с. 74, 78—79, 82. *Древний убых.* Убыхи — одна из народностей адыго-кабардинской этнической группы; жили между Сочи и Адлером, во второй половине XIX в. переселились в Турцию. *Чиаури* — см. прим. 285. *Джуганский хор знакомых голосов.* См. прим. 132. *Ингури* — одна из наиболее крупных рек Грузии. *Проспект Руставели* — см. прим. 278.

400—407. Зн, 1976, № 2, с. 28—37, без ст-ния 1. Печ. по С, с. 89—108. Написаны по впечатлениям поездки в Азербайджан осенью 1975 г. Датируются годом этой поездки. **1** — «Бакинский рабочий», 1974, 18 января. **2.** *Баладжары* — зап. пригород Баку. *Нефтяные Камни* — промышленный поселок, сооруженный в Каспийском море возле так наз. «Черных скал», где в 1949 г. началась добыча нефти со дна моря. **3—4** — ЛГ, 1976, 1 января. *Сумгаит* — город, возникший в 1949 г. на сев. побережье Апшеронского полуострова, крупный нефтепромышленный центр. **5.** Во время поездки в Азербайджан Тихонов с группой писателей присутствовал на открытии памятника Есенину в селе Мардакяны, где в свое время побывал Есенин. *«Смычка есть рабочих и крестьян...»* и т. д. Тихонов передает слова Есенина, написанные им на обороте автографа ст-ния «На Кавказе». **6.** *Самед Вургун* — псевдоним Самеда Юсифа-оглы Векилова (1906—1956), азербайджанского советского поэта и драматурга, друга Тихонова. Ему посвящен очерк «Пути-дороги» (СС-7, т. 6). *Ашагинские леса* — в районе Ашага-Аджикент (центральный Азербайджан). *Пан* (греч. миф.) — бог лесов, природы и пастбищ, покровитель пастухов. **7.** *Сураханы* — нефтяной район неподалеку от Баку. Там находится храм огнепоклонников (памятник XVIII в.). *Сумгаит* — см. прим. 402. **8.** *Мыс Бурь* — старое название мыса Доброй Надежды (юж. оконечность Африки). *Огненная Земля* — архипелаг у юж. оконечности Юж. Америки, отделенный от материка Магеллановым проливом. *Черные скалы* — см. прим. 401. Николаева-*Терешкова* Валентина Владимировна (р. 1937) — летчик-космонавт СССР, первая женщина в мире, совершившая полет в космос.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

В этом разделе помещены избранные ст-ния, вошедшие в книги «Орда», «Брага», и другие произв. 20-х гг., из ССт-2, т. 2, СиП-35, СиП-38, позднее автором не перепечатывавшиеся.

Здесь представлены также произведения последнего периода творчества поэта (1975—1979). Сведения об автографах ст-ний из книг «Орда» и «Брага» см. в прим. на с. 719, 721 наст. изд.

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

408. Ор, с. 32. Автограф — IV. Датируется по ССт-2.

409. Ор, с. 43. Автограф — IV. Датируется по ССт-2. *Брашный* — от слова «брашно» (пища). *Амвон* — возвышение в церкви, откуда священник произносит проповедь. *Кружало* — кабак.

410. Ор, с. 52. Датируется по ССт-2, т. 1. *Марат* — см. прим. 93. *Давид* Жак Луи (1748—1825) — французский живописец. Картина «Смерть Марата» была написана им в день трагической кончины Марата. *Шарлотта Корде* (1768—1793) — убийца Марата.

411. Ор, с. 18. Автограф — IV. Датируется по ССт-2, т. 1. *Пек Арнольд* Вильгельмович — друг юности Тихонова, доктор геолого-минералогических наук.

412. Ор, с. 20. Автографы — I, IV. Датируется по ССт-2, т. 1.

413. «Петербургский сборник. Поэты и беллетристы», Пб., 1922, с. 34. Датируется по автографу I.

414. Ор, с. 40. Датируется по ССт-2, т. 1.

415. СиП-35, с. 275. Автограф черн. на отд. листе, под загл. «Юноша», с датой.

416. СиП-35, с. 276. Автограф черн. Датируется по СиП-35.

417. Ор, с. 39. Автограф — IV. Датируется по ССт-2, т. 1.

418. Ор, с. 46, с двумя дополн. строфами в конце. Печ. по СиП-35, с. 22. Автографы — III—IV, с датой. *Ной* — см. прим. 95. *Овны* — бараны. *На тридцать восьмое начало.* Вероятно, имеется в виду утро тридцать восьмого дня с начала потопа, который, по библейской легенде, продолжался сорок дней и сорок ночей.

419. «Петербург», 1921, № 1, с. 17. Печ. по Ор, с. 49. Датируется по автографам I, III, с дополн. строфой. Об истории этого ст-ния см.: Н. Тихонов, Устная книга («Вопросы литературы», 1980, № 6, с. 113).

420. Бр, с. 39. Автограф — I. *Аргамак* — порода быстрых и легких верховых лошадей.

421—422. Бр, с. 41, 46. Датируется по СиП-35 и дате книги. В ст-нии № 421 отразились впечатления поэта от событий первой мировой войны. *Крин* — лилия.

423. Бр, с. 47. Датируется по СиП-35. *Шкуро* Андрей Григорьевич (1886—1947) — белогвардейский генерал, командовавший кулацко-бандитскими отрядами на Кубани и Сев. Кавказе, а затем бригадой в Добровольческой армии Деникина. *Богатырка* — суконный шлем красноармейца, распространенный в 20-е гг. *Горбыли* — горбы; здесь: могильные холмы.

424. Бр, с. 59.

425. Бр, с. 70. Автограф черн. на отд. листе.

426. Сб. «Недра», кн. 2, М., 1923, с. 89. Автограф черн. на отд. листе. *Петровский парк* — парк в Ленинграде. *Морская* — см. прим. 357. *Аполлоновы стада.* Бог Аполлон (греч. миф.) в юности служил пастухом у царя Лаомедонта, семь лет пас стада царя Адмета. *Тучкова набережная* — на Малой Неве в Ленинграде.

*427. 12Б, с. 30, под загл. «Баллада о старом тралере», без ст. 1—6 и с дополн. строфой между ст. 6 и 7. Печ. и датируется по СиП-35, с. 82. Автограф черн. на отд. листе, под загл. «Капитан». *Заградитель* — корабль, предназначенный для установки минных заграждений. *Фелука* — см. прим. 109.

428. ССт-2, т. 1, с. 79. Автограф.

429. КН, 1923, № 4, с 119. Датируется по СиП-38. *Лазоревка* — синица особой породы.

430. «Красная газета», 1926, 18 ноября (веч. вып.). В СиП-35 — в разделе «Иронические стихи». Автограф черн. на отд. листе.

431. СиП-35, с. 137.

432. «Русский современник», 1924, № 3, с. 7. Автограф черн. на отд. листе.

433. НМ, 1928, № 3, с. 39. *Вепрь* — кабан.

434. ССт-2, т. 2, с. 75. Автограф черн. на отд. листе. Датируется по ССт-2. *Велемир* — имеется в виду русский советский поэт Велимир (Виктор Васильевич) Хлебников (1885—1922). *Дервиш* — мусульманский монах, зачастую ведущий скитальческий образ жизни; в переносном смысле — странник, нищий.

ПЕСНИ КАЖДОГО ДНЯ

Книга лирических стихов, над которой Тихонов работал последние годы жизни — 1975—1979. В его архиве имеются автографы большого количества ст-ний и машинописные тексты, собранные вместе, по-видимому, подготавливавшиеся автором к печати. Большая часть ст-ний печатается по автографам, за исключением тех, которые были опубликованы после смерти поэта.

435. Н, 1980, № 1, с. 71. Здесь и в ст-нии № 436 отражены грустные раздумья поэта в связи с потерей в августе 1975 г. самого близкого человека — жены Марии Константиновны Тихоновой. *Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский оратор, писатель, государственный деятель.

436. ЛР, 1979, 7 декабря. См. прим. 435.

437—438. Печ. по автографу. *Баядерка* — индийская храмовая танцовщица.

439. НМ, 1980, № 6, с. 36. *В ассирийском доме — рожи.* См. прим. 180.

440. Печ. по автографу. Эпиграф — из ст-ния «Поиски героя» (см. № 93 наст. изд.). В ст-нии отразились воспоминания о войне 1914—1917 гг. *Давыдов* Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, автор так называемой «гусарской лирики», герой Отечественной войны 1812 г., в которой прославил себя как руководитель партизанского движения. *Хрустицкий* Владислав Владиславович (1901—1944) — Герой Советского Союза, полковник, командир 30-й гвардейской танковой бригады, действовавшей на Ленинградском фронте.

441. НМ, 1980, № 6, с. 39. *Козерог* — зодиакальное созвездие. *Зодиак* — пояс небесной сферы, в пределах которого совершается

видимое годовое движение Солнца; состоит из 12-ти созвездий, издревле изображавшихся знаками, соответствующими фигурам животных и людей. *Стрелец* — созвездие Зодиака, на фоне которого солнце появилось в начале декабря, т. е. ко дню рождения Тихонова (3 декабря). Созвездие изображалось в виде коленопреклоненного стрелка с натянутым луком в руках.

442. ЛР, 1979, 7 декабря. *Городок писателей* — поселок Переделкино под Москвой, где последние годы жил Тихонов. *Вий* — фантастический персонаж одноименной повести Гоголя.

443. Печ. по автографу.

444. Н, 1980, № 1, с. 72. *Плюшкин* — персонаж «Мертвых душ» Гоголя. *«Давайте бросим пеший быт!»* — начальная строка ст-ния Тихонова из цикла «Горы» (№ 220 наст. изд.).

445. Н, 1980, № 1, с. 73. Очевидно, написано во время работы Тихонова над «Устной книгой» воспоминаний (январь — февраль 1978 г.) (см. Н. Тихонов, Устная книга. — «Вопросы литературы», 1980, № 6, с. 104—153).

446. Печ. по автографу. *Эреб* (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака; преисподняя.

447. ЛР, 1979, 7 декабря.

448—449. Печ. по автографам. *Увлекся Индией.* О своем раннем интересе к Индии Тихонов рассказывал неоднократно (см., напр., «Вместо предисловия», с. 49 наст. изд.). *Йог* — последователь школы йога (см. прим. 2). *Я клоуном Хотел быть.* О своих детских увлечениях цирком, театром Тихонов поведал в «Рассказах о себе» (СС-7, т. 4).

450. ЛР, 1979, 7 декабря. Речь идет о книге знаменитого норвежского исследователя Арктики Фритьофа *Нансена* (1861—1930) «„Фрам" в полярном море», посвященной описанию экспедиции 1893—1896 гг. *Викинг* — древнескандинавский воин.

451. Печ. по автографу. *Торо* Генри Дэвид (1817—1862) — американский писатель, представитель утопического социализма, автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу».

452—458. Печ. по автографам. *Хокку* (или хайку) — жанр и строфическая форма японской поэзии, представляющая собой обычно трехстишие. Книга Николая Альбертовича *Куна* (ум. 1940) *«Легенды и мифы Древней Греции»* вышла в 1954 г. (3-е изд. — М., 1955). *Омфала* (греч. миф.) — лидийская царица, у которой Геракл недолго был рабом. *Елена* (греч. миф.) — супруга царя Менелая, славившаяся необыкновенной красотой; ее похищение Парисом послужило причиной Троянской войны. *Навзикая* (греч. миф.) — прекрасная дочь царя Алкиноя, спасшая Одиссея (см. прим. 173) после кораблекрушения. *Пифия* (греч.) — прорицательница. *Авгиевы конюшни* — в переносном смысле запущенность, крайний беспорядок, требующий больших усилий для его устранения. Связано с древнегреческой ле-

гендой о царе Авгие, у которого стойла для скота не очищались 30 лет. *В лабиринтах чудищ.* Имеется в виду легенда о критском лабиринте, где обитал Минотавр — чудовище, полубык-получеловек, которого убил Тезей (см. прим. 222). *Когда бы Зевс Европу не украл.* См. прим. 177. *Поэма Дантова* — «Божественная комедия» Данте Алигьери (1265—1321). «Ад» — первая ее часть, аллегорически изображающая мучения грешников в девяти кругах ада. *Смолой кипящие котлы.* О венецианских судоверфях, где кипящая смола применялась для смоления корабельных снастей, говорится в XXI песне «Ада». *Ростан* Эдмон (1868—1919) — французский поэт и драматург. *Ринчен* Бямбын (1905—1977) — монгольский писатель, поэт, лингвист, историк. *Сердолик* — полудрагоценный камень. *Ладак* (Ладакх) — горный хребет к северу от Гималаев, простирающийся в район Тибетского нагорья. *Лех* — город в Индии.

459. Н, 1980, № 1, с. 70.

460—465. Печ. по автографам. *ЛСД, опий, героин* — сильные наркотические средства. **463.** *Ведун* — знахарь, колдун. *По* Эдгар Аллан (1800—1849) — американский писатель, автор новелл и поэм, для которых характерен мистический колорит. В ст-нии упоминается его поэма «Ворон».

466—467. НМ, 1980, № 6, с. 36, 37. Ст-ние № 467 под загл. «Раздумья о живописи». Печ. по автографу. *Георгий* — христианский святой Георгий Победоносец, который обычно изображается в виде воина на коне, копьем поражающего дракона. *Тициан* Вечеллио (ок. 1476/77 или 1489/90—1576) — итальянский живописец, глава венецианской школы. Ст-ние имеет в виду его картину «Венера», пейзажную и портретную живопись (напр.: «Ипполито Медичи», «Павел III с Оттавио и кардиналом Фарнезе» и др.).

468—470. Печ. по автографам. *Питер Брейгель* Старший (1525/30—1569) — нидерландский художник, прозванный также «Мужицкий Брейгель». Ст-ние имеет в виду его картины «Крестьянский танец», «Крестьянская свадьба», «Слепые». *Шри-Ланка* — см. прим. к статье «Вместо предисловия», с. 715 наст. изд.

471. ЛГ, 1980, 9 апреля.

472—477. Печ. по автографам. *Дождь любит работать ночью.* Перекличка со ст-нием из книги «Поиски героя» (см. № 93 наст. изд.). *Рихтер* Святослав Теофилович (р. 1915) — советский пианист, народный артист СССР. *«Поэма экстаза»* — симфоническая поэма Александра Николаевича Скрябина (1871—1915). *Рембо* Артюр (1854—1891) — французский поэт, для многих произведений которого характерны изощренные звуковые и ритмические приемы в передаче настроения.

478. ЛР, 1979, 7 декабря.

479—485. Печ. по автографам. **479.** *Багульник* — кустарник с вечнозелеными листьями из семейства вересковых. **481.** *Адмирал Корнилов* Владимир Алексеевич (1806—1854) — герой обороны Севастополя в Крымской войне 1853—1855 гг.; погиб при защите Малахова кургана. **482.** *«Умирать нам Еще рановато. . .»* и т. д. — измененная ци-

тата из «Песни фронтовых шоферов» («Дорожка фронтовая», на слова Н. Лобковского и Б. Ласкина, музыка Б. Л. Мокроусова).

486. ЛР, 1979, 7 декабря.

487—492. Печ. по автографам. Эпиграф к № 491 — двустрочное ст-ние А. А. Ахматовой.

ПОЭМЫ

Значительное место в стихотворном наследии Тихонова занимают поэмы, отмечающие, как правило, важные вехи творческого пути автора. В данный том не вошли поэма «Серго в горах» (1957) и не включавшиеся автором в ИП и СС поэмы 20-х гг.: «Хам», «Шахматы», «Лицом к лицу».

493. Альм. «Островитяне», кн. 1, Пб, 1921, с. 38; отд. изд., Л., 1924. Поэма много раз издавалась отдельно и входила во все издания ИП и СС. В архиве Тихонова сохранились два черн. автографа: один под загл. «Сагиб и Сами» (другая ред.), с датой. *Шагинян* Мариэтта Сергеевна (р. 1888) — советская писательница. В период написания поэмы Шагинян, так же, как и Тихонов, жила в Доме искусств в Петрограде. *Сагиб* — господин; так в колониальной Индии называли европейцев. *Стек* — палочка с ременной петлей, служащая хлыстом при верховой езде. *Вишну, Беджапур* — см. прим. 2. *Брамин* — жрец Брамы, одного из верховных божеств индуизма; брамины — высшая каста в Индии. *Раджа* — см. прим. 2. *Магратский род.* Маграты (или маратхи) — одна из древнейших народностей в Индии. *Рупия* — денежная единица в Индии. *Судр* — низшая каста безземельных батраков. *Рохилькэнд* — город в Индии. *Йога* — см. прим. 2.

494. Альм. «Ковш», кн. 2, Л., 1925, с. 27. Вошла во все издания ИП и СС. Отд. изд. вместе с поэмой «Красные на Араксе» — М.—Л., 1927. В архиве Тихонова сохранились черновые и беловые автографы поэмы. Датируется по СС-7, т. 2. *М. К. Н.* — Мария Константиновна Неслуховская — см. прим. 48. *Зурна* — см. прим. 99. *Серные* бани. Старинная достопримечательность города — бани, использующие воду из местных серных источников. *Шайтан-базар* — татарский базар в старом Тбилиси, на *Майдане. Шахсей-вахсей* — религиозная церемония у мусульман (шиитов), сопровождающаяся самоистязанием. *Мулла* — мусульманское духовное лицо. *Земо-Авчальская гидростанция* — см. прим. 284. *На юру* — на открытом возвышенном месте. *Хабарда* (груз. жаргон) — сторонись! дорогу! *Душет* — см. прим. 205. *Мцхета* — см. прим. 284. *Пасанаур* (Пасанаури) — город в Грузии на реке Арагви. *Санчо* — герой романа М. Сервантеса «Дон Кихот», верный слуга-оруженосец. *Духан* — см. прим. 138. *Хевсуры* — см. прим. 135. *Кунак* — см. прим. 290. *Чинара* (чинар) — платан; на Кавказе чинарой называют также бук. *Ленкорань* — Ленкоранская низменность на юго-востоке Азербайджана. *Дигория* — область в Сев. Осетии. *Шкуро* — см. прим. 423. *Керменисты* — члены осетинской национально-демократической партии кермен (существовала с октября 1917 по июль 1918 г.) *Бек* — господин, феодал у тюркских наро-

дов, почетный титул, прибавляемый к имени. *Ял* — четырехвесельная шлюпка на военных кораблях. *Тамара* — см. прим. 271.

495. Альм. «Ковш», кн. 1, Л., 1925, с. 3. Вошла во многие издания ИП, в ПБЛ, СС-6 и СС-7. Об отд. изд. см. прим. 494. Несколько черновых автографов, с датами. *Аракс* — правый приток Куры, протекающий частично по границе СССР с Турцией и Ираном. *Зангезур* — см. прим. 80. *Ордубад* — город и крепость на Араксе, недалеко от иранской границы. *Номады* — см. прим. 51. *Моссул* — город и область в Ираке. *Тутовную.* Речь идет о тутовом дереве, тутовнике. *Шахразада* — героиня арабских сказок «Тысяча и одна ночь», спасшая себе жизнь тем, что рассказывала волшебные сказки.

496. Зв, 1927, № 11, с. 42. Датируется по черн. автографу. *Раков* — см. прим. 314. *Четвертый съезд Советов.* IV чрезвычайный Всероссийский съезд Советов (1918 г.) большинством голосов принял предложенную В. И. Лениным резолюцию о ратификации мирного договора, заключенного в Бресте. В поэме переданы слова из доклада Ленина на IV съезде Советов (В. И. Ленин, Доклад о ратификации мирного договора. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 106—107). *«Титаник»* — гигантский английский лайнер, который затонул в апреле 1912 г. в Атлантическом океане, столкнувшись с айсбергом. *Ладога* — Ладожское озеро. *Раута* — ныне Сосново, поселок на Карельском перешейке (Ленинградская обл.). *С Красной Финляндией Кончен бал.* В мае 1918 г. контрреволюционным силам Финляндии при военной поддержке Швеции и Германии удалось разбить войска финской Красной гвардии и подавить революцию. *Спасского совдепа военком.* В 1917—1918 гг. Раков был военкомом Спасского района Петрограда (ныне входит в Куйбышевский район Ленинграда). *Самсоньевский* и *Зайцев* В. А. — белогвардейцы, бывшие офицеры Семеновского полка; пробравшись в 3-й стрелковый полк, где Раков был комиссаром, и войдя обманным путем в его доверие, они привели полк к гибели. *Либкнехт* Карл (1871—1919) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей германской компартии. *Ногаец.* Ногайцы — татарское кочевое население южнорусских степей в XIV—XVII вв., потомки золотоордынских татар. *Чай копорский* — кипрей, или иван-чай, растение с темно-розовыми цветами; название «копорский» происходит от села и реки Копорье (в Ленинградской обл.). *Вруда* — поселок и станция в районе Гатчины. *Купше* А. И., *Калинин, Таврин* П. П. — командиры 3-го стрелкового полка, погибшие вместе с Раковым. Все они похоронены на Марсовом поле в Ленинграде (см. прим. 314). *Митава* (ныне Елгава) — город в Латвии. *Ковель* — город на Украине (Волынская обл.). *Оредеж* — река в Ленинградской обл. *Лампово* — деревня в Гатчинском р-не. *Янычарство* — здесь: вольница, разбой. Янычары — привилегированные воинские части в султанской Турции; янычары отличались необузданной храбростью и своеволием. *Выхухоль* — водяной зверек из семейства кротовых. *Моховина* — мшистое болото. *Улица Ракова.* Имя Ракова носит в Ленинграде одна из центральных улиц (бывшая Итальянская), где он жил перед уходом на фронт.

497. Отд. части публиковались в периодике: «Говорит Испания» — Лен. пр., 1938, 7 ноября; «Говорит Эбро» — Изв., 1938, 7 ноября; «Говорит Война» — «30 дней», 1939, № 2, с. 73; «Говорит Голод» — «30 дней», 1939, № 4, с. 61; «Говорит Антифашист» — ЛГ,

1938, 7 ноября. Полностью — ИП-51, т. 1, с. 219—233. Вошло в ИП-55, т. 1, в СС-6 и СС-7. В архиве Тихонова сохранились черновые автографы всех частей на отд. листах с датами. *Нумансия* — древний город в Испании в верховьях р. Дуэро (Дору) на крутом холме, близ нынешнего селения Гарай. Осада и падение Нумансии — один из наиболее драматических эпизодов из истории завоевания римлянами Пиренейского полуострова, начавшегося в 206 г. до н. э. и продолжавшегося 200 лет. Мигель де *Сервантес* Сааведра (1547—1616) — испанский писатель и драматург, автор романа «Дон Кихот». *Хорнада* (исп.) — часть драматургического произведения, действие. *Ликторский топор.* Ликторы — почетная стража высших чинов в Древнем Риме. В связку прутьев, которую ликторы несли на плечах, как правило, был воткнут топор. *Фашистский Рим* — имеется в виду приход к власти в Италии фашистского правительства (1922 г.). Август *Октавиан* (63 до н. э.—14) — первый римский император. *Хуанхэ, Янцзы* — крупные реки Китая, в бассейнах которых в 1931—1937 гг. велась война с японскими захватчиками. *Сунгари* (Сунхуацзян) — река в Вост. Азии, правый приток Амура. *Такказе* — река в Эфиопии (Абиссинии), см. прим. 180. *Озеро Хасан* — см. прим. 321. *Война тридцатилетняя* (1618—1648) — национально-религиозная война в Германии между католиками и протестантами, охватившая почти всю Европу. *Бург* (нем.) — замок, город. *Опять Испания в бою.* Имеется в виду гражданская война в Испании (1936—1939), когда национально-революционный фронт Испании боролся против фашистских мятежников и итало-германских интервентов.

498. Пр, 1941, 1 декабря. Вошла в ОГ и во все изд. ИП и СС. Датируется по черн. автографу. Впервые была прочитана рабочим Кировского завода в Ленинграде в апреле 1942 г. А. Фадеев вспоминал: «Когда Тихонов читал эти строки, по мужественным лицам кировских рабочих, мужчин и женщин покатились слезы. Тихонов сам был взволнован. По окончании чтения автору устроили овацию. . .» (А. Фадеев, Ленинград в дни блокады. Из дневников, М., 1944, с. 90). В поэме упоминаются след. эпизоды биографии Кирова: успешная организация обороны Астрахани в 1919 г., участие в руководстве боями 11-й армии, освободившей Сев. Кавказ и Закавказье от белогвардейских банд и меньшевиков (см. также прим. 131 и 320). *«Киров»* — название крейсера, участвовавшего в обороне Ленинграда.

499. КЗв, 1942, 22 марта. Вошла в ОГ и во все изд. ИП и СС. Автограф черн., без 8-й части, с датой. В автографе эпиграф: «Это не парадная война. А. Пушкин». *28 гвардейцев* — бойцы 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии (позже *8-я гвардейская* дивизия), проявившие во главе с *политруком Василием* Григорьевичем *Клочковым* (1911—1941) исключительный героизм: 16 ноября 1941 г. в районе *разъезда Дубосекова* (близ Волоколамска), защищая подступы к Москве, они уничтожили в четырехчасовом бою 18 вражеских танков. *Из Казахстана шли бойцы.* Дивизия была сформирована в Казахстане, среди бойцов было много казахов по национальности. *Панфилов* Иван Васильевич (1892—1941) — генерал-майор, Герой Советского Союза, командир дивизии. Погиб в бою под Москвой. *Кужебергенов* Даниил, *Натаров* Иван, *Добробабин, Трофимов, Касаев, Шемякин, Емцов, Петренко, Бондаренко* — бойцы 4-й роты. *Паладин* — странствующий рыцарь. *Повторение Парижа* — имеется в виду легкий захват гитлеровцами

Парижа в 1940 г. *Каре* — построение пехоты в форме четырехугольника. *Ваграм* — селение в Австрии, где в июне 1809 г. войска Наполеона I нанесли поражение австрийской армии. *Лейпциг* — город в Германии (ГДР), возле которого в октябре 1813 г. произошло решающее сражение, окончившееся разгромом армии Наполеона I войсками союзников (Россия, Австрия, Пруссия, Швеция). *Ватерлоо* — селение в Бельгии, где в июне 1815 г. войсками Англии и Пруссии была разбита армия Наполеона. *Торрес-Ведрас* (Торриж-Ведраш) — город в Португалии, где в 1808—1810 гг. англо-португальские войска победили войска французов. *Веллингтон* Артур (1769—1852) — английский полководец, командовавший войсками союзников в битвах при Ватерлоо и Торрес-Ведрас. *Гинденбург* Пауль (1847—1934) — один из крупнейших германских военачальников в период первой мировой войны. *Марна* — река во Франции, где в 1914 г. англо-французские войска одержали победу над германскими. *Верден* — см. прим. 160. *Джамбул* Джабаев (1846—1945) — народный поэт Казахстана.

500. НМ, 1949, № 1, с. 12. Печ. и датируется по ИП-65, т. 2, с. 323. Включалась во все изд. ИП и СС. В архиве Тихонова имеется машинопись с правкой. Поэма написана к 25-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. *Смольный.* В здании бывшего Смольного института (Ленинград) в 1917 г. находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, боевой штаб Октября. До марта 1918 г. здесь работало Советское правительство во главе с В. И. Лениным. В годы войны, как и в настоящее время, в Смольном размещались Ленинградский областной и городской комитеты партии. *Жданов* Андрей Александрович (1896—1948) — деятель коммунистической партии; с декабря 1934 по 1944 г. — секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. *Уехал Киров к горцам.* См. прим. 131. *С Пулковских позиций.* Пулково — см. прим. 242. *Он говорил тогда о петроградцах.* Далее в ст-нии переданы слова Ленина о петроградских рабочих, которые он неоднократно повторял во многих статьях и выступлениях, в частности, в статье 1919 г. «Пример петроградских рабочих» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, с. 206—208).

501. Зн, 1960, № 1, с. 3. Вошла в ИП-67, т. 2 и СС-7, т. 2. В архиве Тихонова черн. автограф поэмы. *Дондра* — южная оконечность о-ва Шри-Ланка (Цейлон) (см. прим. на с. 715). *Катамаран* — здесь: небольшое гребное или парусное судно, состоящее из нескольких (обычно двух) выдолбленных и заостренных с обоих концов бревен, соединенных между собой мостками; применяется жителями стран Индийского и Тихого океанов. *Аспидные* — см. прим. 203. *Вихар* — буддийское или индуистское святилище, вырубленное в скале. *Берег Правды* — часть вост. побережья Антарктиды, где находится обсерватория и *поселок Мирный*, первая советская научная станция в Антарктиде; с 1956 по 1973 г. — главная береговая база советских исследований в Антарктике. *Марта день шестнадцатый.* 16 марта 1958 г. состоялись очередные выборы в Верховный Совет СССР. *Брамин* — см. прим. 493. *Португальцы Лет уже четыреста назад.* В XVI — первой половине XVII в. о-в Цейлон был колонией Португалии. *Емельянцева Галина* Семеновна (р. 1920) — депутат Совета национальностей. *С ней мое соседит имя тоже.* Одновременно с Емельянцевой Тихонов баллотировался в Совет Союза. *Цейлонец* — Сарананкара Удакендавала Тхеро (1897—1966), общественный дея-

тель Шри-Ланки, член Всемирного Совета Мира. Был удостоен Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», которую Тихонов вручил ему в г. Коломбо весной 1958 г. *Трактор ЧЗК* — вероятно, речь идет о тракторах типа Зетор Кристал-8011-Чехословакия, которые используются и в Советском Союзе. *Вымпел наш.* Автоматическая межпланетная станция «Луна-2» доставила 14 сентября 1959 г. на Луну вымпел с изображением Государственного герба СССР.

ПЕРЕВОДЫ

В творчестве Тихонова видное место занимала переводческая деятельность. Со многими из переведенных им авторов его связывала личная дружба, продолжавшаяся до конца его жизни. Тихонов рассматривал поэтический перевод как дело общекультурной и политической важности, о чем он неоднократно говорил во многих выступлениях и статьях (см., напр., «О переводчиках и переводах». — Н. Тихонов, Писатель и эпоха, М., 1974, с. 235). Переводы Тихонова вошли во многие издания: СиП-35, СиП-38, ИП-51, т. 2, ИП-67, т. 2, СС-6, т. 2, СС-7, т. 2. Они издавались и отдельно: Н. Тихонов, Поэты Советской Грузии, Тбилиси, 1948; По праву друга. Стихи зарубежных поэтов в переводе Николая Тихонова, М., 1979, а также входили в сб-ки Н. Тихонова: Стихи о Грузии. Грузинские поэты (Избр. переводы), Тбилиси, 1958; Дни открытий. Книга об Армении, Ереван, 1970; Дорогой дружбы. Переводы и оригинальные стихи, М., 1978; Избр. в двух томах, Тбилиси, 1978.

В настоящее издание включены переводы из СС-7, а также из авторских сб-ков «По праву друга» и Избр. в двух томах. Из поэтов народов СССР, переведенных Тихоновым, кроме представленных в данном издании, могут быть названы: Н. Бараташвили, Б. Бериашвили, В. Гаприндашвили, Р. Гветадзе, А. Гомиашвили, Я. Казаликашвили, А. Кутатели, Мариджан, А. Мирцхулава, Н. Мицишвили, Важа Пшавела, Г. Цецхладзе, Г. Шатберашвили, Р. Эристави, С. Эули (Грузия), А. Акопян, Г. Борян, С. Зограб, И. Иоаннисян, Н. Русинян, В. Текеян, О. Туманян (Армения), К. Хетагуров (Осетия), Н. Хубиев (Черкессия), С. Голованивский (Украина), М. Танк (Белоруссия), М. Кемпе, Я. Плаудис, П. Силс (Латвия), А. Баранаускас, В. Мозурюнас, Ю. Палецкис, Й. Шимкус (Литва), А. Умари (Узбекистан), Махтумкули, А. Кекилов (Туркмения).

Помимо переводов зарубежных поэтов, включенных в настоящее издание, Тихонову принадлежат переводы поэтов Болгарии (Н. Вапцаров, А. Тодоров), Венгрии (А. Гидаш, Я. Горан, М. Фазекаш), Вьетнама (Ань Тхо), Индии (Р. Тагор), Польши (С. Е. Лец), Финляндии (А. Эйкия), Чехословакии (Ф. Грубин, О. Лысогорский), Югославии (Й. Йованович-Змай, Д. Костич, Р. Зогович).

В архиве поэта сохраняется большое количество черновых и беловых автографов переведенных им ст-ний, машинописные листы с правкой и другие материалы.

С украинского

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

(1814—1861)

602. МГ, 1939, № 1, с. 116. Перевод ст-ния «Як умру, то поховайте. . .».

С грузинского

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ

(1884—1954)

503. ПСГ, с. 4. *Важа Пшавела* — псевдоним грузинского поэта Луки Разикашвили (1861—1915), уроженца одной из горных областей Грузии — Пшаветии, который, изображая почти исключительно жизнь грузин-горцев (пшавов и хевсуров), воспевал их подвиги, благородство, любовь к родине.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

504. ПСГ, с. 5. *Аскер* — турецкий воин. *Писал о тигре книгу в блеске лат* — имеется в виду поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (XII в.).

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

505. Ог, 1947, № 49, с. 4. *Дидубийская свеча.* Дидубе — старинная церковь и кладбище в Тбилиси. *Абастуман* (Абастумани) — город на южном склоне Аджаро-Имеретинского хребта (Юго-зап. Грузия). *Сагурамо* — см. прим. 282.

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ

(1889—1961)

506. ЛГр, 1971, № 6, с. 6.

КАРЛО КАЛАДЗЕ

507. Ог, 1947, № 49, с. 28.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

(1899—1966)

508. Н. Тихонов, Ст-ния и поэмы в одном томе, Л., 1935, с. 312. *Джейран* — вид антилопы, некогда распространенной на Кавказе и в Средней Азии.

509. СиП-35, с. 302.

510. Сб. «Родина. Поэты Советской Грузии», Тбилиси, 1946, с. 112. *Носящий тигровую шкуру* — см. прим. 504.

511. ЛГр, 1967, № 5, с. 18. *Мцхета, Зедазени* — см. прим. 284. *Светицховели* («Животворящий столп») — собор в г. Мцхета, где на-

ходятся могилы грузинского царя и полководца Ираклия II и его сына Георгия XII, последнего царя Грузии.

РЕВАЗ МАРГИАНИ

512. Н. Тихонов, Стихи о Грузии. Грузинские поэты, Тбилиси, 1958, с. 164. *Арабатская стрелка* — узкая и длинная песчаная коса, отделяющая Сивашский залив от Азовского моря.

ИЛО МОСАШВИЛИ

(1896—1954)

513. Н. Тихонов, Ст-ния и поэмы в одном томе, Л., 1935, с. 318. *Гомбори* — см. прим. 131. *Кистинец.* Кисты (груз.) — ингуши и чеченцы. На протяжении веков продолжалась рознь между грузинами и кистами, обострявшаяся обычаем кровной мести. *Важа Пшавела* — см. прим. 503.

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ

(1918—1980)

514. ПСГ, с. 123. *Сигнахи* — см. прим. 138. *Алазанские* — см. прим. 133. *Гомборы* — см. прим. 131. *Марани* — помещение, где зарыты большие винные кувшины, винохранилище. *Маджари* — молодое, неперебродившее вино.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

(1892—1959)

515. Антология грузинской поэзии, Тбилиси, 1945, с. 148, под загл. «Каждый имеет любовь свою». Печ. по СС-6, т. 2, с. 338. *Скуфья* — головной убор православного священника, остроконечная, мягкая, черная или фиолетовая шапка.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

(1895—1937)

516—517. СиП-35, с. 328—329. **1.** *Алазанская долина* — см. прим. 133. *Кварели* — селение в Кахетии, долгое время было укрепленным пунктом, игравшим немалую роль в истории Грузии; родина И. Чавчавадзе. *Шильда* — деревня в Кахетии. *Дедас-Левана* — кахетинский народный певец. *Артаны* — деревня в Кахетии. *Каралашвили* — кахетинский народный певец. *Мравалжамиер* («Многие лета») — популярная грузинская заздравная песня, бытующая в многочисленных вариантах. *Цинандали* — см. прим. 133. **2.** *Чавчавадзе* Илья (1837—1907) — грузинский писатель, поэт, руководитель национально-освободительного движения в Грузии во второй половине XIX в. *«Стреляли семь братьев. . .»* — грузинская народная песня.

518—519. Т. Табидзе, Избр., М., 1957, с. 118, 116. *Туманян* — см. прим. 374. *Ануш* — героиня одноименной поэмы Туманяна. *Лори* — местность в Армении, родина Туманяна. *Халиф* — титул духовного главы мусульман; первым халифам принадлежала вся полнота светской и духовной власти.

СИМОН ЧИКОВАНИ
(1903—1966)

520. Антология грузинской патриотической поэзии, Тбилиси, 1949, с. 165. Автографы черн. *Картли* — часть Вост. Грузии; в поэтических произведениях так иногда именуется Грузия в целом.

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ
(1888—1979)

521. С. Шаншиашвили, Избр., М., 1968, с. 89. Об этом поэте см. прим. 132. *Джугаани* — см. прим. 132. *Карданахи* — кахетинское селение.

522. ЛГр, 1968, № 5, с. 10.

523. ЛГр, 1972, № 1, с. 12. *Мтацминда* — гора в Тбилиси, на склоне которой расположен пантеон писателей — небольшое кладбище бывшего монастыря св. Давида.

ПАОЛО ЯШВИЛИ
(1895—1937)

524. П. Яшвили, Избр., М., 1958, с. 72. *Дебедачай* — река в Грузии.

С армянского

АВЕТИК ИСААКЯН
(1875—1957)

525—526. А. Исаакян, Избр. произв., М., 1952, с. 59, 69. *Масис* — см. прим. 363.

С аварского

ГАМЗАТ ЦАДАСА
(1877—1951)

527. «Поэты Дагестана», М., 1944, с. 36.

С балкарского

КАЙСЫН КУЛИЕВ

528. К. Кулиев, Горы, М., 1957, с. 225.

529. К. Кулиев, Стихи и поэмы, М., 1957, с. 86. *Терскол* — ледник на сев.-вост. склоне Эльбруса, горный район в Кабардино-Балкарской АССР.

С чеченского

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

530. Н. Тихонов, Ст-ния и поэмы, Л., 1938, с. 356. *Арака* — водка из риса или хлебных злаков. *Айран* — напиток, приготовляемый из кислого молока особой закваски.

С узбекского

АЙБЕК
(1905—1968)

531. СС-6, т. 2, с. 385. Датируется по этому изд. *Хамза* Хаким-заде Ниязи (1889—1929) — узбекский поэт, драматург и общественный деятель. Был убит религиозными фанатиками в г. Шахимардане, носящем ныне его имя — *Хамзаабад* (Ферганской обл.). *Алай* — Алайская долина, межгорная впадина в пределах Памиро-Алайской горной системы в Кирг. ССР.

С таджикского

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ
(1911—1977)

532. ЛГ, 1950, 25 января. *Дворец Плейель* — здание в Париже, где в апреле 1949 г. проходил I Всемирный конгресс сторонников мира. Конгресс одновременно проходил в Праге, где заседали участники, не допущенные французским правительством во Францию. *Бакбо, Намбо, Терумбо, Хайфон* — область и города во Вьетнаме (ДРВ). *Сайгон* (ныне Хошимин) — город на юге Вьетнама, бывшая резиденция марионеточного южновьетнамского правительства.

С литовского

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА
(1906—1978)

533. А. Венцлова, Ст-ния, М., 1953, с. 161, под загл. «Пир в горах». Печ. по СС-7, т. 2, с. 396. *Кировабад* (быв. Гянджа) — город в Азербайджане. *Чадра* (тюрк.) — легкое покрывало, в которое с головы до ног закутывались женщины-мусульманки, выходя из дома.

С болгарского

ИВАН ВАЗОВ
(1850—1921)

534. Ог, 1950, № 28, с. 20. В ст-нии выражена вера болгарского народа в благотворную помощь России, чьи войска в 1878 г. избавили Болгарию от почти пятивекового османского ига. *Мессия* — здесь: освободитель, спаситель.

МЛАДЕН ИСАЕВ

535. Сб. «Радуга. Стихи болгарских поэтов», М., 1964, с. 65.

С венгерского

ШАНДОР ПЕТЁФИ
(1823—1849)

536. Зв, 1939, № 7—8, с. 224. Печ. по: Ш. Петефи, Избранное, М., 1946, с. 10. *Мадьяр* — венгр.

537. Ш. Петефи, Избранное, М., 1949, с. 52.

538. Ш. Петефи, Собр. соч. в 4-х тт., т. 2, М., 1952, с. 47.

АНДРЕ АДИ
(1877—1919)

539. А. Ади, Избр. произв. в 2-х тт., т. 1, М., 1958, с. 45. *Татры* — горы, зап. часть Карпат.

С польского

МЕЧИСЛАВ ЯСТРУН

540. По праву друга. Стихи зарубежных поэтов в переводе Николая Тихонова, М., 1979, с. 77. *Зовет в Путивле Ярославна* — отзвук «Слова о полку Игореве».

Со шведского

АРТУР ЛУНДКВИСТ

541. «Иностранная литература», 1963, № 10, с. 64.

С урду

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

542—543. «Иностранная литература», 1964, № 1, с. 118.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* С фотографии 1967 г.

2. *С. 97.* Автограф ст-ния «Когда уйду — совсем согнется мать...» (Архив Н. Тихонова).

3. *С. 109.* Обложка книги стихов Н. С. Тихонова «Брага» (М.— Пб., 1922).

4—5. *Между с. 160 и 161.* С фотографии 20-х гг.

На обороте. С фотографии 30-х гг.

6—7. *Между с. 192 и 193.* С фотографии 1933 г. Слева направо: А. Магомаев, Г. Цадаса, Н. Тихонов, В. Луговской, П. Павленко. Хунзахская крепость.

На обороте. С фотографии 1942 г.

8—9. *Между с. 320 и 321.* С фотографии 1943 г. Слева направо: А. Прокофьев, Н. Тихонов, В. Вишневский. Набережная Невы. После получения медалей «За оборону Ленинграда».

На обороте. С фотографии 1954 г.

10—11. *Между с. 352 и 353.* С фотографии 1955 г. На трибуне Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Москва.

На обороте. С фотографии 60-х гг.

12. *С. 469.* Автограф ст-ния «Ива на бульваре Горького в Ленинграде» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР).

13. *С. 571.* Обложка первого издания поэмы Н. Тихонова «Сами» (Пб., 1921).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ [1]

[1] Произведения, имеющие заглавия, в алфавитном указателе даются дважды: первый раз по названию, второй — по первой строке. Переводы в указатель не включены.

СОДЕРЖАНИЕ [1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗ РАННИХ СТИХОВ
1913—1920

---

[1] Звездочками в содержании отмечены стихотворения, публикуемые впервые. — *Ред.*

ЖИЗНЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

Из походной тетради

1916—1917

ОРДА

1919—1921

БРАГА

1921—1922

ПОИСКИ ГЕРОЯ

1923—1926

ЮРГА

1926—1930

СТИХИ О КАХЕТИИ

1935

ТЕНЬ ДРУГА

1935—1936

ЧУДЕСНАЯ ТРЕВОГА

1937—1940

ГОРЫ

1938—1940

ОСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

1940

ПАЛАТКА ПОД ВЫБОРГОМ

1940

ОГНЕННЫЙ ГОД

1941—1943

СТИХИ О ЮГОСЛАВИИ

1947

ГРУЗИНСКИЕ ДОРОГИ

1948

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

1950—1951

ДВА ПОТОКА

Стихи о Пакистане и Афганистане

1951

СТИХИ ОБ УКРАИНЕ

1953—1964

НА ЗЕМНОМ ПРОСТОРЕ

1937—1965

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

1967—1969

СТИХОТВОРЕНИЯ

1970—1977

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ПЕСНИ КАЖДОГО ДНЯ
1975—1979

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

С ГРУЗИНСКОГО

Александр Абашели

С АРМЯНСКОГО

Аветик Исаакян

С АВАРСКОГО

Гамзат Цадаса

С БАЛКАРСКОГО

Кайсын Кулиев

С ЧЕЧЕНСКОГО

Народная песня

С УЗБЕКСКОГО

Айбек

С ТАДЖИКСКОГО

Мирзо Турсун-заде

С ЛИТОВСКОГО

Антанас Венцлова

С БОЛГАРСКОГО

Иван Вазов

Младен Исаев

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петёфи

Николай Семенович Тихонов

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель». 1981. 800 стр. План выпуска 1981 г. № 436.

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *Л. П. Полякова*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Е. Я. Лапинь*

ИБ № 2600

Сдано в набор 21.01.81. Подписано к печати 26.05.81. М 17493. Бумага тип. № 1. Формат 84×108[1]/32. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 42,47. Уч.-изд. л. 39,32. Тираж 40 000 экз. Заказ № 132. Цена 3 р. 80 к. Изд-во «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

